

Московский государственный
институт международных отношений
(Университет) МИД России

ВОСТОК И ПОЛИТИКА

Политические системы, политические культуры, политические процессы

Под редакцией профессора *А. Д. Воскресенского*

Издание второе, исправленное и дополненное

*Допущено Учебно-методическим объединением вузов
Российской Федерации по образованию в области
международных отношений в качестве учебника
для студентов вузов, обучающихся по направлениям
подготовки (специальностям) «Международные отношения»
и «Зарубежное регионоведение»*

*Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению подготовки ВПО 030200 – «Политология»*

Москва

2015

УДК 321.6
ББК 66.3
В76

Издание подготовлено при поддержке
члена Попечительского совета МГИМО
совладельца ENRC (Евразийской Корпорации Природных Ресурсов)
и IMR (International Mineral Resources),
члена Совета директоров Евразийского Банка
Ф. К. Шодиева

Рецензенты:

доктор философских наук *С. В. Иванова*;
доктор политических наук, профессор *А. Д. Богатуров*;
доктор исторических наук, профессор *А. Ю. Шutow*;
доктор философских наук, профессор *В. Г. Ледаев*

Авторский коллектив:

А. Д. Воскресенский, Л. Б. Алаев, В. Я. Белокреницкий,
Л. М. Гудошников, В. И. Денисов, А. Л. Емельянов, Л. М. Ефимова,
Е. В. Колдунова, И. В. Кудряшова, Ю. П. Лалетин, С. Г. Лузянин,
С. И. Лунев, Э. В. Молодякова, М. А. Сапронова, В. А. Сергеева,
М. В. Стрежнева, Алек Д. Эпштейн (Израиль)

Автор концепции и руководитель авторского коллектива:
доктор политических наук, доктор философии
(Манчестерский университет), профессор *А. Д. Воскресенский*

Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: Учебник для вузов/ Под ред. А. Д. Воскресенского. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. — 624 с.

ISBN 978–5–7567–0762–5

В научно-исследовательских разделах книги раскрывается методология и практика сравнительного анализа политических систем, политических процессов, политических культур, взаимодействия и борьбы политических сил на Востоке, на основе которых можно оценить степень зрелости гражданского общества и политической системы стран Азии и Африки. В дискуссионном плане анализируется взаимосвязь экономической и политической модернизации, обосновываются пути формирования и перспективы на Востоке моделей демократии разного типа, либеральной и нелиберальной, вводится в инструментарий политической науки и обосновывается концепция незападной демократии, раскрывается ее содержание на материале мирового опыта политической модернизации и в системе координат мировых теорий политических трансформаций.

Книга ориентирована на обучение по направлениям «Политология», «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Востоковедение», а также на широкий круг просвещенных читателей, интересующихся политическими проблемами и современным Востоком.

УДК 321.6
ББК 66.3

ISBN 978–5–7567–0762–5

© Коллектив авторов, 2015
© МГИМО (У) МИД России, 2015
© ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2015

Все учебники издательства «Аспект Пресс»
на сайте www.aspectpress.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>А. Д. Воскресенский</i>)	7
---	---

Раздел I

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР МИРА: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА, ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ, ВИДЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Глава 1. Анализ политического мира на Востоке и Западе и классификации политических систем (<i>А. Д. Воскресенский</i>)	18
Системный подход к обществу и политике	20
Принципы сравнительного анализа политических систем	23
Анализ политического мира на Востоке и на Западе: общее и особенное	28
Оценка пространственной и аналитической системы координат	37
Основы пространственной организации восточных макрорегионов	41
Аналитические классификации политических систем.....	51
Роль социальных порядков в концептуализации вариативности моделей демократического правления	58
Соотношение уровней экономического развития, политической культуры и демократии.	66
Соотношение этапов экономического и политического развития: модернизация, постмодернизация и синтез ценностей в обществах плюралистического типа.....	70
Проблема обеспечения социально-политического доступа и сохранения политического порядка	81
Многомерная пространственно-аналитическая концепция	84
Глава 2. Специфика политических культур и социокультурные особенности экономических режимов (<i>М. В. Стрежнева, Л. М. Ефимова</i>).....	89
Понятие политической культуры (<i>М. В. Стрежнева</i>)	89
Типологизация теоретических подходов в трактовке политической культуры (<i>М. В. Стрежнева</i>).....	91
Политическая культура и социокультурные особенности экономических режимов (<i>М. В. Стрежнева</i>)	98
Особенности политической культуры современного Востока (<i>Л. М. Ефимова</i>)	109

Раздел II
**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВ АФРИКИ И БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

Глава 1. Политические системы и политические культуры государств Африки (<i>А. Л. Емельянов</i>)	124
Глава 2. Особенности политической системы и политической культуры Государства Израиль (<i>Алек Д. Эпштейн</i>)	140
Формирование израильской государственности.....	140
Конституционное законодательство и правовая система	147
Органы репрезентативной власти	155
Факторы преемственности и нестабильности партийно-политической системы.....	161
Глава 3. Политические системы арабских стран (<i>М. А. Сапронова</i>)	166
Факторы, влияющие на формирование и функционирование политических систем арабских стран.....	166
Новые тенденции государственно-политического развития в арабском регионе в конце XX — начале XXI в.	173
Институты власти арабских стран	181
Глава 4. Сравнительный анализ динамики развития политических систем Турции, Египта, Ирана, Ирака (<i>И. В. Кудряшова</i>)	208
Крах Османской империи и строительство турецкой нации.....	209
Инкорпорирование ислама в процесс национального строительства.....	213
Конституционные основы политической системы Турецкой Республики (ТР).....	217
Конституционные основы политической системы Арабской Республики Египет (АРЕ)	221
Египет: национализм и ислам.....	226
Иран в первой половине XIX века: улемы и власть	228
Проникновение в Иран иностранных держав и неудачная попытка реформ	231
Развитие национального самосознания, революция 1905–1911 гг. и принятие конституции	233
Автократия Пехлеvidов: реформы Реза-шаха (1925–1941)	237
Либерализация режима и политический переворот 1953 года	241
Восстановление автократии и «белая революция» Мохаммада Реза-шаха.....	243
Народная революция 1978–1979 гг. и формирование системы «религиозного народовластия».....	247
Конституционные основы политической системы Исламской Республики Иран (ИРИ).....	252

Иран: «неошиизм» и современность.....	256
Сравнительный анализ политических процессов в Турции, Египте, Иране и Ираке	257
Основные этапы политического развития Турции, Египта и Ирана	264
Глава 5. Государство и племя в политической системе Афганистана (Ю. П. Лалетин).....	269
Особенности политической организации пуштунских племен и их влияние на структуру общества и государства в Афганистане.....	269
Структуры племенного союза и Афганское государство (1747–1978)	288
Глава 6. Политические процессы и политические системы стран Центральной Азии (С. И. Лунев).....	305
Становление государственности в республиках региона.....	305
Политическая система государств региона	310
Процессы исламизации и проблемы радикализма	329

Раздел III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ БОЛЬШОЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Глава 1. Политические процессы, политическая культура и политическая система Индии (С. И. Лунев, Л. Б. Алаев)...	336
Исторические особенности политических процессов в Индии (С. И. Лунев)	336
Особенности индийской политической культуры (Л. Б. Алаев)	341
Политическая система Индии (С. И. Лунев)	345
Глава 2. Политическая система и политическая культура мусульманских стран Южной Азии (В. Я. Белокреницкий)....	363
Ислам в политической истории и культуре Индии.....	364
Особенности политической системы	367
Характерные черты политической культуры.....	373
Глава 3. Политические системы и политические культуры стран Юго-Восточной Азии (Е. В. Колдунова, Л. М. Ефимова).....	384
Королевство Таиланд (Е. В. Колдунова)	386
Социалистическая Республика Вьетнам (Е. В. Колдунова).....	390
Лаосская Народно-Демократическая Республика (Е. В. Колдунова)	393
Королевство Камбоджа (Е. В. Колдунова)	395
Республика Союз Мьянма (Е. В. Колдунова)	398
Республика Филиппины (Е. В. Колдунова).....	403

Бруней Даруссалам (<i>Е. В. Колдунова</i>).....	406
Федерация Малайзия (<i>Л. М. Ефимова</i>)	407
Республика Индонезия (<i>Л. М. Ефимова</i>)	415
Республика Сингапур (<i>Л. М. Ефимова</i>).....	422
Глава 4. Эволюция политической системы Монголии (<i>С. Г. Лузянин</i>)	426
Традиционные институты и структуры (XII–XVII вв.).....	426
Внешние факторы влияния на культурно-политические процессы и системы Монголии (XVII — конец XX в.)	430
Современная политическая система и культура Монголии	435
Глава 5. Политические системы государств Корейского полуострова (РК и КНДР) (<i>В. И. Денисов</i>)	440
Республика Корея	440
Корейская Народно-Демократическая Республика	453
Глава 6. Эволюция политических систем и политических институтов Китая (<i>Л. М. Гудошников, А. Д. Воскресенский, В. А. Сергеева</i>).....	472
Политические системы и политические институты материкового и островного Китая (<i>Л. М. Гудошников</i>)	472
Институализация механизма преемственности и ротации высшего политического руководства КНР (<i>А. Д. Воскресенский, В. А. Сергеева</i>)	501
Специфика соотношения центрального и локального уровня управления КНР: административная реформа и повышение эффективности госаппарата (<i>А. Д. Воскресенский</i>)	507
Эволюция механизма голосования и внутрипартийная демократизация в КНР (<i>А. Д. Воскресенский</i>)	511
Формирование в КНР гражданского общества с «китайской спецификой» (<i>А. Д. Воскресенский</i>).....	516
Глава 7. Политическая система Японии (<i>Э. В. Молодякова</i>)	521

Раздел IV

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ / СТРАНОВАЯ УНИКАЛЬНОСТЬ

Глава 1. Сравнительный анализ восточных политических систем: итоги компаративного анализа (<i>А. Д. Воскресенский</i>)	544
Глава 2. Общие закономерности, региональная специфика и модели демократии на Востоке (<i>А. Д. Воскресенский</i>).....	580
Заключение (<i>А. Д. Воскресенский</i>)	612
Литература	617

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние десятилетия в мировой политической науке становится плодотворным слияние комплексного регионоведения (*World Regional Studies / Comprehensive Regional Studies / Global Regional Studies*), классического страноведения (*Area Studies*) и дисциплинарных (особенно политологических) исследований, с опорой прежде всего на методологическую базу политической науки. Практически во всех основных работах последнего времени синтетический и многомерный сравнительный подход трактуется как основополагающий, несмотря на существенные сложности при реализации и новые требования к подготовке специалистов, которые налагаются на университеты и институты учебного и исследовательского профиля: необходимость глубоких дисциплинарных (политологических, экономических и др.) знаний, применения методологии кросс-регионального сравнительного анализа и, одновременно, страноведческой и языковой подготовки. В основе такого научного синтеза лежат принципы многомерного «структурно-пространственного» («структурно-спатимального») анализа регионально-странового материала, исходя из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития стран и регионов мира и, одновременно, общей динамики мирового политического развития. Это позволяет расположить и исследовать регионально-страновой материал в многомерной системе координат: определенной «пространственной» (или «спатимальной», если использовать политологический термин) системе¹, что помогает выявить, в какой степени историко-культурные и этноконфессиональные особенности влияют на специфику эволюции и структурного функционирования политических систем обществ определенного типа в разных регионах мира, и линейно-плоскостной,

¹ *Воскресенский А. Д.* Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // *Современные международные отношения и мировая политика* / Отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 494–500; *Он же.* Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // *Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений* / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3–14; *Он же.* Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // *Восток—Запад—Россия*. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 141–144.

связанной с оценкой этапа социально-политического доступа региона и конкретной страны внутри региона. В России концептуализация этой проблематики в обобщенном и систематизированном виде была сделана в трех исследованиях, которые стали своеобразными концептуально-содержательными вехами осмысления процесса мирового политического развития применительно к незападным сегментам мира¹.

В целом за последние годы в России сделан существенный шаг в разработке этого направления как на научном, так и на образовательном уровне². За последние несколько лет российскими политологами-востоковедами были не только разработаны методологические принципы, но и развернута серия изданий научного и научно-образовательного типа³,

¹ Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток-Запад, 2006; *Воскресенский А. Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2007; Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; Инфра-М, 2014.

² Учебно-методический комплекс по регионоведению. Программа «Востоковедение»: Ч. 1. Стержневые программы. М., 2003; Учебно-методический комплекс по регионоведению. Программа «Востоковедение»: Ч. 2. Страновые программы (Африка, Ближний и Средний Восток). М., 2003; Учебно-методический комплекс по регионоведению. Программа «Востоковедение»: Ч. 3. Страновые программы (Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия). М., 2004; Мировое комплексное регионоведение и международные отношения. Научно-методический / Учебно-методический комплекс по регионоведению: В 4 ч. Магистерская программа «Исследования регионов и стран Азии и Африки» (Т. 1–2) / Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; Редкол.: А. В. Торкунов (предс.) и др.; отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2005.

³ Восток / Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002; Китай в мировой политике / Отв. ред., вступ. слово А. В. Торкунов; отв. сост. А. Д. Воскресенский. М.: РОССПЭН, 2001; Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: Контуры безопасности / Под ред. А. Д. Воскресенского, Н. П. Малетина. М.: МГИМО-Университет, 2001; Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / Под ред. А. Д. Воскресенского, отв. сост. и науч. ред. А. Д. Воскресенский, К. П. Боришполец. М.: РОССПЭН, 2004; Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007; Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток-Запад, 2006; Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Под редакц. и с предисл. А. В. Торкунова, науч. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007; Этнос и конфессии на Востоке: Конфликты и взаимодействие / Отв. ред. А. Д. Воскресенский, сост. и науч. ред. В. Я. Белокреницкий, М. А. Сапронова. М.: МГИМО-Университет, 2005; Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008; *Сапронова М. А.* Политический процесс в арабских странах. М.: МГИМО, 2008; *Она же.* Арабский Восток. Власть и Конституция. М.: МГИМО; РОССПЭН, 2001; *Видясова М. Ф., Орлов В. В.* Политический ислам в странах Северной Африки. М.: МГУ, 2008 и др.

посвященных комплексному анализу социально-политических проблем в современных регионах Азии и Африки, с особым акцентом на политологические методы исследования.

Сегодня стало очевидным, что теоретическое объяснение современных международных политических и экономических процессов не может считаться полным без регионального анализа, особенно в западных регионах мира. Вместе с тем на протяжении достаточно длительного времени теоретическое осмысление особенностей регионов на Востоке с точки зрения комплексного международно-политического анализа заметно отставало от рассмотрения аналогичных процессов в Западном мире прежде всего потому, что основные концептуально-методологические новации сравнительного анализа рождались прежде всего в самом Западном мире, описывали реальность этого мира и прогнозировали эволюцию мирового развития в одной плоскости. Подобная ситуация, начиная со знаменитой марксовской теории азиатского способа производства, зачастую приводила к тому, что теоретические подходы, основанные на западных реалиях, автоматически считались применимыми ко всем остальным частям земного шара, что в конечном итоге вызывало существенные искажения в понимании политических процессов в Азии и Африке. Дело в том, что до конца XX в. превалирующим в мировых общественных науках (включая марксизм) было мнение о том, что параметры международной политической динамики едины для всего мира, а регионы и страны формируют международное взаимодействие «более низкого» уровня, фактически полностью идентичное по своим характеристикам глобальной системе. Однако подобный взгляд к концу XX в. столкнулся с невозможностью объяснить целый ряд сложных тенденций, связанных с регионализацией мирового политического пространства и новой динамикой странового развития некоторых крупных западных и азиатских стран (страны группы БРИКС, к примеру) в XXI в. В этом контексте суть более широкой научной проблемы, вскрытой в данной книге, заключается в разработке и применении в конкретном практическом анализе научно-теоретических принципов определения соотношения общих (общеполитических, структурных) и специфических (региональных / страновых) закономерностей политического развития, в частности и тех, которые объясняют отклонения от общих закономерностей, их искажение или своеобразие.

Эта проблематика в последнее время становится международной, поскольку и на Западе появилась серия новых исследований структур-

ного характера, ориентированная на более глубокое и непредвзятое изучение «незападной» части мира¹.

Исследование политических систем Востока началось и продолжалось почти пятнадцать лет как инициативный научно-исследовательский проект группы востоковедов-политологов МГИМО-Университета. Задача выявления специфики стран Востока через определение специфики политических культур, влияющей в свою очередь на специфику политических систем и соответственно проведение комплексного анализа политических процессов, оказалась крайне сложной, а предметное поле исследования постоянно расширялось. Несмотря на то что культурный фактор в объяснении структурной специфики развития Востока и Запада появляется уже в работах К. Маркса и М. Вебера, т.е. не является чем-либо совершенно новым в современных условиях, объяснение его влияния на специфику политических систем и политических процессов с научной точки зрения — непроторенная дорога. Одно это делает исследование чрезвычайно увлекательным, а решение этой проблемы важным для российского интеллектуального сообщества. Дело в том, что задачи, стоящие перед модернизирующейся Россией, не уникальны. Другие страны обращались к ним раньше, правда, по-своему и в другой последовательности, т.е. пути решения этих не уникальных по отдельности проблем являются уникальными в совокупности для каждой страны из-за ее специфики. Уникален ли в этом отношении Восток, который, как всякому известно, — дело тонкое? Что из опыта Востока может и должна использовать Россия? Что из опыта Востока использовать не стоит ни в коем случае? Какова вообще может быть методология адекватного использования чужого опыта? Ответы на эти вопросы особенно важны для понимания странового своеобразия, которое может ускорять, а может и тормозить развитие конкретного государства как экономически, так и политически. Применение чужого опыта (социальная, политическая и экономическая инженерия) может ускорять, а может останавливать или даже направлять вспять эволюцию некоторых параметров развития, в частности его политических и некоторых экономических характеристик, т.е. оно может как помогать модернизировать, так и способствовать

¹ *Pomeranz K. The Great Divergence. China, Europe and the Making of the Modern World Economy. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2000; Morris I. Why the West Rules — For Now. The Patterns of History and What they Reveal about the Future. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2010; Fergusson N. Civilization: The West and the Rest. N.Y.: Penguin Press, 2011; Parthasarathi P. Why Europe Grew Rich and Asia Did Not. Global Economic Divergence, 1600–1850. N.Y.: Cambridge University Press, 2011.*

архаизации политической составляющей развития государств. Чтобы успешно управлять социально-политическими процессами и получать желаемый результат, нужна качественно иная, более глубокая и разносторонняя научная подготовка как специалистов политического профиля в комплексном регионоведении, так и профессионалов — востоковедов и политологов в политическом востоковедении или политологии.

Развитые страны Запада прошли путь модернизации и трансформации от традиционного к индустриальному обществу и завершили переход к постиндустриальному. Опыт стран Запада важен с точки зрения оценки конечного этапа пути на данном историческом отрезке развития человечества, но конкретный путь его прохождения в западном варианте удалось повторить единицам просто потому, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Другим странам этот путь повторить не удалось и не удастся из-за отличий в экономической и политической структурах. Однако некоторые страны Востока, который в целом вступил на путь осовременивания позже, чем Запад, все же сумели его догнать, без всяких надрывов и мобилизаций, наметив цель, но достигая ее другим путем, более коротким и лучше соответствующим национальной специфике. Некоторые же страны только начинают движение в этом направлении или же никак не могут даже подступиться к нему. Следовательно, существуют разные (успешные, проблемные или неуспешные) пути модернизации социально-экономической и социально-политической систем, которые приводят или не приводят к удачному завершению процесса осовременивания. Те страны Востока, которые сумели найти свой путь на основе общих закономерностей и при этом не равнозначный западному, т.е. не равнозначный вестернизации, сохранили свою культурно-цивилизационную специфику и самобытность, обогатив опыт мирового развития, но сумели сделать так, что эта специфика перестала становиться препятствием развитию, догнали Запад экономически, социально и политически и даже в некоторых случаях сумели скорректировать путь мирового развития.

Опыт этих стран Востока чрезвычайно важен для России, которая, осознав в целом необходимость рационального решения социально-политических проблем, отражением чего служит дискуссия о суверенной демократии и оптимальном экономическом и политическом устройстве нашего общества (спор об изменении конституции, третьем сроке для президента, увеличении президентского срока, концепции суверенной демократии, сверхуправляемой демократии, имитационной демократии, 44-летнем цикле базисной основы политического режима тандема (думвират), необходимости совершенствования, трансформации и даже

изменения политической системы), только вступает на путь действительно научного конструирования модели развития, ориентированной на осовременивание, развитие и одновременно плодотворно и рационально использующей опыт других стран, но при этом основываясь прежде всего на своей собственной культурно-исторической базе.

Опыт стран Востока может помочь обойти много ловушек на этом пути. Некоторые из стран Востока (к примеру, КНДР), изменив конституцию, фактически осуществили «конституционный переворот», усилили военно-авторитарные методы правления и автаркию страны, но не смогли в силу этого решить экономические проблемы. Другие (к примеру, Сингапур, Республика Корея, Китайская Республика на Тайване, Китайская Народная Республика) использовали модель просвещенного авторитаризма для укрепления конституционного либерализма, осовременивания и успешного динамичного экономического развития в течение жизни одного поколения. Они обеспечили динамичный экономический рост, запустили жесткий механизм периодической ротации высшего руководства, провели структурные реформы, а наиболее успешные из них не только добились очень высоких экономических стандартов жизни, но и осуществили построение развитых плюралистических демократий, т.е. обеспечили как материальное, так и духовное улучшение жизни своего населения, фактически гарантировав населению своих стран своевременность и эффективность ответов политических руководителей на вызовы будущего.

Даже так называемый институт преемничества, неконституционный и традиционалистский по своей сути, странами Востока был использован по-разному: если в Северной Корее он укрепил личную авторитарную власть, то в Китае обеспечил «политическую паузу» при переходе власти после смерти Мао Цзэдуна к Хуа Гофэну (знаменитое приписываемое Мао Цзэдуну высказывание: «Когда дело в твоих руках, я спокоен») и в конечном счете расчистил путь для возвращения на политический олимп Дэн Сяопина, который «открыл» страну (*кайфан*), начал ее интенсивно модернизировать, но при этом сохранил монополию КПК в политической жизни, политико-экономические последствия чего китайской политической элите еще придется ощутить. Ослабление этой монополии посредством реального внутрипартийного коллективного руководства, создание своеобразного механизма, обеспечивающего сменяемость власти, развитие гражданского общества и эксперименты с выборами на низовом уровне при сохранении политической стабильности и руководящей роли КПК в целом — основное направление политической модернизации современного Китая

последних десятилетий. На Тайване переход политической власти от Чан Кайши к его сыну Цзян Цзинго был осуществлен традиционно (фактически монархическим путем «от отца сыну»), но передавалась власть по-современному, в рамках Конституции Китайской Республики 1947 г. Пост премьер-министра Цзян Цзинго получил в 1972 г. за два года до смерти Чан Кайши, в год смерти президента Цзян Цзинго был избран председателем правящей партии Гоминьдан, а пост президента страны получил только через два года после смерти Чан Кайши. Такой тип передачи власти обеспечил плавный отход от ультраправой модели и впоследствии открыл путь к построению на острове полноценной демократии с национальной спецификой и синтезу восточного и западного политического опыта, т.е. была построена политическая система, в которой стабильность политической системы уже не была привязана к руководящей и направляющей роли одной партии, либо какого-то одного политического или экономического класса / политической либо профессиональной прослойки / социального сегмента общества. Возможное воссоединение материка и острова неизбежно вновь поставит вопрос о создании реальной многопартийной политической системы в рамках всего Китая.

В этом смысле парадоксальной по содержанию и одновременно банальной по форме является мысль о том, что от того пути, который выберут Восток и Россия, зависит в конечном счете путь политического развития нашего мира. Ответ на вопрос, будет ли этот мир основан на диалоге разных цивилизаций и религий в едином потоке движения к гармоничному плюралистическому многомерному будущему национальных демократий, либо возобладает тенденция к одномерной унификации в рамках одноплоскостного биполярного развития полуавторитарного и авторитарного типа, и дает развернутый в книге сравнительный анализ политических систем, путей регионального развития и моделей азиатской демократии.

Работа по первичному сбору конкретного исследовательского материала по политическим системам стран Востока заняла примерно десять лет. Публикация первых исследовательских результатов проекта¹ вскрыла совершенно новое исследовательское поле, которое для академического и практического сообщества (преподавательского корпуса и политических аналитиков) России оказалось малоизвестным, поскольку до этого в России издавались в основном только справочники по политическим системам мира, большая часть из которых была к тому

¹ Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток-Запад, 2006.

же подготовлена вне нашей страны¹. В этих справочниках проблематика постулировалась, но не анализировалась либо анализ был оторван от реалий Востока. Новое, адаптированное к задачам учебного процесса издание появилось меньше чем через год². Эта книга получила I премию Российской ассоциации политической науки (РАПН). Одновременно читатели, а главное — студенты, поскольку на основе исследования был разработан соответствующий учебный курс в магистратуре МГИМО-Университета, стали требовательно спрашивать: а нельзя ли продвинуться дальше в концептуализации проблематики эволюции политических систем Востока? Из размышлений при чтении лекций по данному курсу родилась монография, ставшая основой дальнейшей концептуализации проблематики и одновременно учебным пособием для курсов политологического и регионоведческого профиля, опробировавшихся в течение 8 лет на факультетах МГИМО-Университета и РГГУ³. Она стала основой нового концептуально и фактографически обновленного исследования политических систем и политических процессов на Востоке, получившего в 2008 г. в этой связи и новый заголовок «Восток и политика». Поскольку базовый материал был переработан, фактографически существенно расширен, осовременен и концептуально продвинут более широким коллективом авторов на основе монографии «Политические системы и модели демократии на Востоке», потребовалось изменение названия исследования, которое в основном заголовке стало более точно отражать содержание. Соответственно, эта книга вышла в свет в издательстве «Аспект Пресс» уже под новым названием «Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы». Новое название отразило степень переработки — фактически получилась совершенно новая книга, одновременно в подзаголовке была также отражена и преемственность в стержневой тематике исследования.

Книга «Восток и политика» 2008 г. была подготовлена расширенным коллективом авторов в инновационном жанре научно-методического комплекса. Иными словами, это было не просто исследование, а ис-

¹ Первыми масштабными аутентичными отечественными исследованиями на этом направлении являются упомянутые книги проекта «Политические системы и политические культуры Востока» (1-е и 2-е изд.) и проекта «Политические системы современных государств» (Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: В 4 т. / Гл. ред. А. В. Торкунов. М.: МГИМО, 2009–2014).

² Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Восток-Запад; АСТ, 2007.

³ *Воскресенский А. Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2007.

следование, ориентированное на использование в образовательном процессе: оно подробно раскрывает методику использования исследовательского материала для подготовки, проведения учебных занятий и выработки профессиональных компетенций, которые развивают обучение по данному курсу. Это издание обладает двумя грифами УМО по укрупненной группе образовательных направлений — по международным отношениям, зарубежному регионоведению и политологии, поскольку оно ориентировано на образовательный процесс в равной степени по всем трем направлениям — случай нечастый для исследований по политологической проблематике. В 2011 г. эта книга получила национальную премию Института общественного проектирования в номинации «Общественная мысль». Она продолжает активно использоваться в образовательном процессе в российских вузах и сегодня, хотя ее тираж давно раскуплен. Это обусловило необходимость подготовки следующего издания.

Настоящая книга — новое, переработанное издание, с акцентом на научно-исследовательскую составляющую. Его основа — научно-методический комплекс «Восток и политика» 2008 г. издания. Уже во время подготовки книги «Восток и политика» некоторые ее концептуальные положения были вынесены на международную дискуссию семинаров Института демократии и сотрудничества проекта «Демократия в российском зеркале», проходивших в Нью-Йорке в ноябре 2009 г. и в Москве в МГИМО-Университете в мае 2010 г.¹, однако результаты этого обсуждения не получили адекватного отражения в издании 2008 г. Обсуждение методологических и теоретических положений проблематики политических преобразований и культурной специфики в кругу таких политологов, как Адам Пшеворски, Джон Данн, Джон Фордзон, Паскуале Паскино, Хосе Мария Мараваль, Ян Шапиро, Борис Макаренко, Стивен Холмс, Андрей Мельвиль, Андраник Мигранян, Валерий Соловей, придало более глубокое измерение авторскому анализу политических процессов, что и потребовало последующего концептуального обновления. В настоящем издании переработано Предисловие, Глава 1 (Раздел 1), внесены изменения в страновые разделы (они подверглись сокращению, дополнительному научному редактированию, некоторые разделы были расширены), Раздел 4 был концептуально осовременен и существенно расширен, более выпуклое освещение получили концепции незападной демократии, просвещенного консерватизма и либерального национализма, необходимые для понимания контекста и динамики мирового политического развития последних лет и политических процессов в его

¹ Демократия в российском зеркале. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2013.

Предисловие

составной части — восточном мире — в частности. Также более четко прослежены этапы развития гражданского общества на Востоке.

Книги «Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы», «Конфликты на Востоке»¹, журнальный вариант книги «Восток в мировой политике»² фактически составили сердцевину нового предметного поля на стыке политологии и востоковедения, получившего неформальное название «политическое востоковедение»³. Со временем вопросы, прежде всего практического характера, поднятые в этих книгах, были инкорпорированы не только в общую политологическую проблематику учебного и научного характера по сравнительной политологии, но и в учебное направление «зарубежное регионоведение», а также новое комплексное научное направление в науке о международных отношениях, получившее название «мировое комплексное регионоведение»⁴. Таким образом, политологическая проблематика востоковедного профиля была широко введена как в политологию, так и в предметное поле науки о международных отношениях, в частности в ее теоретические разделы и мирополитическую проблематику, прежде всего по проблемам соотношения общих закономерностей и специфики политических систем, а также специфики влияния внутриполитической проблематики на внешнеполитическую, которые выделились в самостоятельное направление «внутри» науки о международных отношениях, что позволяет обеспечить более широкий, комплексный и непредвзятый взгляд на процесс мирового развития в целом.

¹ Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008.

² *Воскресенский А. Д., Белокриницкий В. Я., Лунев С. И.* и др. Восток в мировой политике // Сравнительная политика. 2010. № 2 (специальный выпуск) / Гл. ред. А. Д. Воскресенский; под ред. А. Д. Воскресенского и Д. В. Стрельцова.

³ *Стрельцов Д. В., Лунев С. И., Колдунова Е. В.* Политология Востока в МГИМО: Что сделано за последние годы и куда двигаться дальше // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 3–4. С. 168–179; Политологическая школа // МГИМО-Университет. Традиции и современность (1944–2009) / Под общ. ред. академика РАН А. В. Торкунова. М.: Московские учебники, 2009. С. 276–295; *Стрельцов Д. В., Лунев С. И., Колдунова Е. В.* Политология Востока в МГИМО-Университете // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 120–129.

⁴ Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; Инфра-М, 2014; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; Инфра-М, 2014.

РАЗДЕЛ I

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР МИРА:
методология анализа,
понятийный аппарат, виды классификации**

1

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ И КЛАССИФИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Для стран Востока политический вектор модернизации связан с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурной самобытности, самоидентификацией и одновременно с экономической стагнацией или же осуществлением модели догоняющего развития либо ускоренной модернизации, т.е. вектор и скорость модернизации связаны в конечном счете с адекватностью политической системы, эффективностью конкретного политического режима и политических институтов для решения этой задачи. Конкретным историческим развитием, цивилизационными особенностями, спецификой политической культуры определяется специфика политических систем. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран Азии и Африки. Понимание специфики политической культуры восточных обществ создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений с государствами Востока, имеет оно и немаловажное значение для понимания путей исторической трансформации политических институтов самой России¹, т.е. анализируемый в настоящей работе материал имеет не только теоретический, но и прикладной характер.

Адекватная адаптация мирового востоковедного опыта и обогащение его отечественными исследовательскими работками непосредственным

¹ См., в частности: *Сурков В. Ю.* Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43. 20 нояб.; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/43/nacionalizaciya_budushego/; Интервью первого вице-премьера правительства России Д. А. Медведева главному редактору журнала «Эксперт» В. А. Фадееву (Эксперт. 2006. № 28); [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://expert.ru/printissues/expert/2006/28/interview_medvedev/print/; *Владиславлев А.* Идеология новой России // Стратегия России. 2006. № 10 (34). Окт. С. 6–14; *Цинко А.* Русская идея или русский миф? // Литературная газета. 2007. № 8 (6108). С. 3; *Морозов О.* Основные положения социально-консервативной идеологии // Тетради по консерватизму. 2014. № 1. С. 9–16; *Никонов В.* Россия и мир: консерватизм в российской внешней политике // Тетради по консерватизму. 2014. № 1. С. 88–95.

образом связаны с методологическими дебатами в востоковедении, которое сегодня на наших глазах превращается в отрасль мирового комплексного регионоведения — комплексной, интегральной, социально-экономической дисциплины, изучающей закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы регионов мира (т.е. Востока и регионов Востока как части системы регионов мира) с учетом историко-культурных, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений¹. Влияние этой новой комплексной дисциплины как на общественно-политические науки в целом, так и на проблематику сравнительной политологии и международных отношений несомненно.

Однако, прежде чем перейти к проблеме осмысления эволюции политических систем Востока и конкретному анализу восточных политических систем во всей его сложности и многоплановости, необходимо определить методологические позиции, которые структурируют логику анализа и дают возможность строить практические построения и делать выводы прикладного характера. В этой связи нам предстоит определить следующие вопросы:

- каковы методологические подходы к общественным явлениям и как соотносится системный анализ политических процессов с компаративистским;
- как определять сравнительный метод вообще, а также в широком и узком смысле в частности; каковы могут быть методологически корректные типы сравнений и соответственно какова аберрация выводов при методологически неправильной постановке вопро-

¹ Подробную аргументацию см., в частности: Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского, М.: Магистр, 2014; *Воскресенский А. Д.* Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 494–500; *Он же.* Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3–14; *Он же.* Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // Восток—Запад—Россия. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 141–144; *Он же.* Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: Общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток-Запад, 2006. С. 5–32; Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: В 4 ч. 5 кн. / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2002–2004.

са, как эта аберрация может быть связана с проблематикой корректного компаративного анализа политических систем;

- есть ли и в чем смысл «пространственного» изложения материала в связи с региональной спецификой и каким образом пространственно (т.е. «спатиально», используя политологический термин) группировать «восточный» материал при его анализе и изложении;
- как в этой связи определить соотношение общих и специфических (региональных/страновых) закономерностей в рамках системно-сравнительного подхода и какова может быть связь соотношения общего и специфического в проблематике политических систем, а соответственно, каково влияние этого соотношения на результаты и скорость модернизационных процессов;
- как конкретно сформулировать специфику обществ незападного и восточного типов (как части незападного типа) в отличие от западных;
- каким образом углубить понимание механизмов функционирования политических систем восточных обществ, какова степень практической применимости подобного понимания и как можно вычленить модели незападной азиатской демократии на основе этого понимания.

Системный подход к обществу и политике

Для того чтобы подвергнуть явление системному анализу, необходимо разделить его на систему (т.е. множество закономерно связанных друг с другом элементов, которые складываются в целостное, но не сводимое просто к набору составных элементов, образование) и среду (т.е. все то, что окружает данную систему). Таким образом, основными свойствами любой системы являются: взаимосвязь среды и системы (внешняя характеристика системы), определяющая ее внутренние свойства (внутренние характеристики); целостность — внутреннее единство, принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов; гомеостаз — соблюдение некоего динамического равновесия, гарантирующего поддержание параметров в определенном диапазоне; информационность — методы воплощения информационной сущности сигналов и способов кодировки передаваемых системой сообщений (семантика и семиотика системы). Еще одним важным свойством системы является ее безопасность. Понятие безопасности имеет две стороны — внешнюю, определяющую воздействие объекта на среду, и внутреннюю, характеризующую свойства сопротивляемости объекта по отношению

к действиям среды. Таким образом, внешняя безопасность — это способность системы взаимодействовать со средой таким образом, чтобы не происходили необратимые изменения или нарушения важнейших параметров, обуславливающих допустимое состояние среды. Внутренняя безопасность — характеристика целостности системы — способность системы поддерживать свое нормальное функционирование в условиях внешних и внутренних воздействий. Из этого следует, что задачей безопасности является определение угрозы распада системы с целью своевременного принятия мер по недопущению этого процесса¹. Такое понимание системы позволяет как выделять макрорегионы на основе общей структуры (как особые подсистемы глобальной системы отношений), так и определять вопрос об основной (гражданской и демократической) и резервной, чрезвычайной (в большинстве случаев, но не всегда военно-авторитарного типа) системах гарантирования стабильности общественной системы в зависимости от типа политического устройства.

Системный подход становится достоянием политической науки с середины 50-х годов XX в. Очевидно также, что многие из положений политической науки, которые относятся к системному подходу, были разработаны раньше. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая система рассматривалась в виде определенной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов» в соответствии с базовыми идеями кибернетики². Соответственно Парсонс и Истон стремились создать комплексную теорию социетального действия, где политическая система, представленная в виде «черного ящика», внутреннее устройство которого было не так важно, развивалась по определенным правилам, а все остальное являлось политической средой, с которой взаимодействовала политическая система.

Одновременно исследователи установили, что общественные (и политические как их составная часть) науки имеют свою специфику — прежде всего по своему характеру они исследуют политические отношения, т.е. часть социальных отношений, а значит, это в целом социальные системы. Поэтому они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен по аналогии с анализом

¹ Могилевский В. Д. Методология систем: Вербальный подход. М.: Экономика, 1999; Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001.

² См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997; Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология политической мысли. М., 1997. Т. 2.

моделей механических систем. Эти системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т.е. в таких системах часто сложно провести четкую границу, а соответственно и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят вполне условный характер. Они представляют собой не просто некоторые аналитические объекты, а конкретные связи между реально существующими социальными (и политическими) общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системной организации. Еще одна особенность политической системы отношений и составляющих ее частей связана с тем, что ее основные элементы представлены социальными (политическими) общностями (включая отдельных индивидуумов), т.е. они являются социальными системами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов.

Уже Истон модифицировал модель Парсонса таким образом, чтобы показать, как политическая система (под которой можно понимать совокупность общественных отношений по поводу политической власти или же комплекс институтов, связанных с политическими ценностями) при помощи регулирующих механизмов вырабатывает ответные реакции на поступающие от среды импульсы. Это понимание вскоре было дополнено Г. Алмондом, который ввел понятие роли, от которой зависит содержание формальных и неформальных взаимодействий, вырабатывающих политическую культуру¹. Именно политическая культура (т.е. взгляды и позиции людей и их групп относительно политической системы, или при более узком понимании — система ценностей в сфере власти)², по Алмонду, и является интегрирующим началом общества. Кроме того, и политический процесс можно определять в макро- и микроразличиях с точки зрения макроанализа как динамическую характеристику всей политической системы в целом, с точки зрения микроанализа как совокупность политических микропроцессов³.

¹ См.: *Almond G. Developmental Approach to Political Systems // World politics. V. XVII. Issue 2 (Jan. 1965).*

² Логику теоретических подходов к политической культуре можно легко понять, сравнив западные базовые политологические учебники и литературу для продвинутого читателя. См., к примеру: *Roskin M. G., Cord R. L., Medeiros J. A., Jones W. S. Political Science. An Introduction. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1988 (Ch. 7. Political Culture), and Chilcote R. H. Theories of Comparative Politics. The Search of a Paradigm Reconsidered. Boulder: Westview Press, 1994 (Ch. 6. Theories of Political Culture).* Последняя работа есть в переводе на русский. См. ниже.

³ Подробнее см., к примеру: *Дегтярев А. А. Основы политической теории. М.: Высшая школа, 1998. С. 147–148.*

Системный подход оказал такое сильное влияние на политическую науку, что в ее современном виде категория политической системы стала вытеснять соотносящиеся с ней категории государства, государственного института, государственного управления и т.д. Системный подход и категория политической системы применимы к обществам разных типов, в том числе и традиционных, незападных, восточных и т.д., что делает их необычайно привлекательным методологическим инструментом для исследователей-политологов. Это мы и попытаемся проиллюстрировать на конкретных примерах в следующих разделах.

Принципы сравнительного анализа политических систем

Следующий вопрос, который возникает: как такое понимание политической системы совместить не просто со сравнительным методом, но и более конкретно; как системно сравнивать различные политические системы, расположенные в различных пространственных («спатильных») системах координат, такие несхожие в реальной жизни, особенно политические системы разных типов (западные и незападные), не подвергая себя опасности или соблазну предвзятости в отношении политической системы какого-либо одного типа?

Любое сравнение нацелено на решение двух задач: оно должно обнаружить признаки генетического характера и дать историческое объяснение явления (явлений). Логико-математическими методами устанавливается основной принцип любого сравнения: сравниваемыми могут быть лишь те объекты, у которых имеются сходные признаки. Математическим аналогом этого принципа является следующее положение теории множеств: если два множества не содержат совпадающих элементов, то они не эквивалентны.

На этом принципе соответственно основаны две операции сравнения:

- операция отождествления, т.е. нахождение сходных признаков. В соответствии с этой операцией сравнивать можно только эквивалентные понятия, которые отражают сопоставимые объекты и явления (а для географических объектов — только одномасштабные);
- операция различия, т.е. установление и объяснение различий.

В соответствии с тем, какая из операций применяется, сравнение может быть полным (если оно состоит из двух операций — сравнения и различия) и неполным (если оно состоит только из операции отождествления).

При проведении сравнения должны выполняться два правила:

- до количественного (т.е. основанного на математико-статистических методах) различия необходимо провести качественное отождествление;
- сопоставлять сравниваемые явления нужно вначале по наиболее существенным признакам.

Сравнения могут быть в трех плоскостях:

- 1) пространственными (выявление пространственных, «спатальных» различий);
- 2) временными («темпоральными»): сравнение с прошлым — ретроспективное сравнение, с будущим — прогнозирование, причем они могут быть двух типов — исторические (т.е. нацеленные на выявление общих тенденций и линий развития) и международные (т.е. нацеленные на выявление различий для проникновения в суть международного явления);
- 3) пространственно-временными («спатально-темпоральными»).

С методом сравнения тесно связаны методы построения типологий, т.е. выяснение генерализованных черт совокупности объектов, где объекты группируются по качественным признакам (функциям) и классификациям (т.е. абстрагирований и обобщений, основанных на группировке объектов по количественным признакам). Типология и классификации помогают отвлечься от различий нескольких единичных объектов и сконцентрироваться на установлении их тождества на основе одного признака либо взаимосвязанной совокупности признаков. У типологии и классификации также есть свои правила, которые необходимо учитывать при построении.

Проблематика сравнительной политологии в конце XX в. становится в центр политической теории¹. Для точных наук основным является экспериментальный метод, для политических — системный и сравнительный, причем в практике политического исследования именно второй становится основополагающим и конкретно применяемым.

Реальная политическая жизнь реальной страны бросает серьезный вызов сравнительной политологии: с одной стороны, под сравнитель-

¹ Для продвинутого читателя рекомендуем посмотреть великолепный обзор проблематики сравнительной политологии «вглубь и вширь», представленный П. Мэром («Сравнительная политология: Общие проблемы»), Р. Дж. Далтоном («Сравнительная политология: Микроповеденческий аспект»), Л. Уайтхедом («Сравнительная политология: Исследования по демократизации») и Д. И. Аптером («Сравнительная политология: Вчера и сегодня») в кн.: Политическая наука: Новые направления. М.: Вече, 1999. С. 309–386.

ными методами понимается достаточно большое количество методов, методик и приемов, которые в совокупности представляют собой сравнительную политологию; с другой — существует большое количество исследований конкретных стран, которые также называются сравнительными (особенно в мировом комплексном регионоведении).

Основная проблема сравнительной политологии и заключается в том, что нужно понять, как применяются оба этих подхода, чтобы за общей генерализацией не исчез конкретный материал и конкретная специфика разных стран и чтобы частности и специфика «не поглотили» понимание существования общих закономерностей. Таким образом, первая сложность сравнительной политологии и сравнительного метода в политологии и заключается в сочетании специфики и генерализации, где за генерализацией не теряется специфика, а специфика не отрицает при этом наличия общих закономерностей.

Вторая проблема сравнительных подходов заключается в необходимости умелого сочетания или взаимодействия конфигуративных и статистических (количественных) подходов (методов). В конфигуративных исследованиях акцент делается на один либо несколько случаев таким образом, чтобы можно было понять логику политической жизни в рамках ограниченного количества установлений¹. Логика такого исследования будет идти «вглубь» и включать в себя интерпретативные методы и методики. В конфигуративных исследованиях концентрируются на сравнении политических институтов и макрополитических переменных в сочетании с культурным, социальным или/и экономическим контекстом политической жизни. В рамках этого подхода в основном анализируется одна страна либо группа близких стран. В рамках исследования одной страны в такого рода подходе преобладающим становится не только интерпретативный, но даже и интуитивный метод, и поэтому в такого рода сравнительных исследованиях трудно провести грань между сравнительной политологией и сравнительной политической историей².

Статистические подходы в рамках сравнительной политологии основаны на совершенно другой логике. В такого рода исследованиях одно предположение (либо их ограниченное количество) проверяется статистически с использованием всего богатства материалов наиболь-

¹ Терминология сравнительной политологии, особенно в России, еще не является полностью установившейся. В данном случае под термином «установления» имеется в виду аналог термина *settings* в англоязычной сравнительной политологии.

² Об этом удачно написано Ф. Уилсоном (гл. 2. Раздел «The Political Legacy of History»). *Wilson F. L. Concepts and Issues in Comparative Politics. An Introduction of Comparative Analysis. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1996.*

шего количества стран. Причем специфика материала каждой страны является абсолютно неважной и может лишь подтвердить либо опровергнуть первоначальное предположение (либо группу предположений). В объяснениях статистического типа абсолютно не важно, что факторы в подходах другого типа должны быть измерены и их важность может являться относительной. Однако в статистических подходах может быть предпринята противоречивая попытка «измерения», к примеру, культурных факторов для того, чтобы включить их в группу первоначальных предположений и подвергнуть статистическому кросс-культурному и кросс-страновому анализу. В подходах статистического типа страна предстает не «живой страной», а группой статистических переменных, которые могут быть подвергнуты статистическому (количественному) анализу.

Таким образом, в современной сравнительной политологии существует большое количество приемов и методик, которые находятся между этими двумя обрисованными нами крайностями. Чарльз Рэгин удачно отмечал, что, «хотя в широком смысле все методы общественных наук можно назвать сравнительными, термин “сравнительный метод”, как правило, используется в более узком значении для обозначения особого вида сравнений — сравнения крупных макросоциальных единиц. Традиционно под сравнительным методом в узком смысле понимается основной метод, применяемый в компаративистике — сегменте общественных наук, занимающемся изучением сходства и различий между отдельными обществами»¹. Вопрос о сравнительном методе, как особом и специфическом для компаративистики, сегодня активно дебатруется, так как существует влиятельное течение в современной политологии, которое отрицает, что сравнительные общественные науки в этом смысле вообще чем-то отличаются от общественных наук в целом и политических наук в частности. Точка зрения Ч. Рэгина на то, что в современной компаративистике наличествует четкий водораздел между качественными и количественными методами, т.е. сделан акцент на доминирование качественной традиции, не представляется достаточно убедительной в силу высказанных выше аргументов².

На основе расширительного толкования сравнительного метода Г. Питерс удачно выделил пять типов сравнительных исследований:

- сравнительное исследование одной страны;

¹ Рэгин Ч. Особенности компаративистики // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М.: Общественный научный фонд, 1997. С. 32.

² Рэгин Ч. Особенности компаративистики // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М.: Общественный научный фонд, 1997. С. 33.

- сравнительный анализ сходных процессов и институтов группы стран;
- сравнение типологий и классификаций как стран и групп стран, так и внутреннего устройства их политических систем;
- статистический либо описательный анализ данных групп стран, объединенных по географическому признаку или на основе сходности путей развития, где подвергаются проверке гипотезы, построенные на основе анализа взаимоотношений переменных, взятых из группы стран-образцов;
- статистический анализ всех стран, в основе которого лежит попытка выделить модели либо взаимоотношения в рамках политических систем всех типов¹.

Питерс в книге «Сравнительная политология. Теория и методы»², посвященной основам сравнительного метода в политологии, подробно с примерами иллюстрирует свою убедительную типологию сравнительно-политических исследований. Соответственно, по Рэгину, в группу компаративных попадут только первые три группы исследований из классификации Питерса. В данной работе внимание фактически акцентируется на четвертой группе сравнительно-политических исследований в классификации Питерса.

Таким образом, в современной англосаксонской традиции сравнительной политологии, являющейся ведущей в современной мировой политической науке, сегодня четко прослеживается тенденция, суть которой заключается в том, что широкий статистический кросс-страновой анализ не является единственным типом сравнительных исследований, т.е. исследователь должен взвесить все «за» и «против» различных подходов. Соответственно, с этой точки зрения, иногда полезнее «опуститься в глубь» одного национального государства, на субнациональный уровень, чтобы проанализировать, что отличает политическую систему одного государства от другой.

Кроме того, сравнительному анализу может подвергнуться одна и та же «единица», но в разные временные отрезки, т.е. возможен и кросс-временной (кросс-темпоральный) анализ одного государства (страны) либо даже политического института «внутри» национального государства. Такой сравнительный анализ может показать, каким образом меняются социальный и культурный типы внутри одной политической системы. В такого рода сравнительных исследованиях качественные методы анализа действительно превалируют над количественными, на что и указывал

¹ *Peters B. Guy. Comparative Politics. Theory and Methods. N.Y.: Palgrave, 1998. P. 10.*

² *Ibid.*

Ч. Рэгин. Надо сказать, что анализ такого типа чаще используется в исследованиях политической истории, а не сравнительной политологии, правда, также в тех границах, где предметные поля этих двух дисциплин, имеющих все же разную методологическую базу, пересекаются. Важно отметить, что часть этого же предметного поля, но под другим углом, т.е. с учетом пространственно-географического и цивилизационного взгляда, разрабатывает и мировое комплексное регионоведение¹. При этом нужно учесть, что существуют политологи, предполагающие, в связи с вышеперечисленными методологическими сложностями сравнительных подходов, «конструировать» дисциплину на основе классификации теорий и концепций, которые анализируют и/или описывают объект, а не на основе самого объекта, и, надо сказать, делают это весьма успешно².

Анализ политического мира на Востоке и на Западе: общее и особенное

Обозначив изначальное отличие незападных обществ от западных, на основе которого можно выписать специфику незападного политического процесса, мы должны сначала определить системно-структурную специфику восточных обществ как части незападного мира. Сделав это и определив корректные методы сравнения политических систем обществ разных типов, можно проследить эволюцию политических систем Востока, наметить пути к выявлению региональной специфики и вычленив определенные модели базисной идеологии в отношении разных типов политических систем и политических процессов. Специфика такого рода хорошо определяется при анализе дихотомического типа (Запад/Восток), хотя само дихотомическое противопоставление такого типа имеет в основном аналитический и частично интуитивно-прикладной смыслы.

Прежде всего определим два подхода к восточным обществам, которые позволят нам выявить специфику их политического процесса. Эти два подхода сегодня достаточно детально проработаны отечественным востоковедением. В соответствии с первым подходом доантичные западные и восточные политические структуры были идентичны. Начиная с Античности произошло разделение политических структур на два типа: западные и восточные. В обществах западного типа:

¹ Подробнее см.: Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; Инфра-М, 2014; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; Инфра-М, 2014.

² Пути к этому были намечены Л. Паем. См.: *Pye L., Pye M. Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics.* Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

- структурирующий характер имеют рыночно-частнособственнические отношения;
- доминирует товарное производство;
- отсутствует централизованная власть;
- соответственно вначале существовало демократическое самоуправление общины, впоследствии переросшее в структуру, которая в современных западных обществах получила название «гражданское общество».

В соответствии с этой концепцией общество такого типа было подвержено достаточно быстрым структурным модификациям, что вызывало его быструю эволюцию в сторону обществ высококонкурентного типа с точки зрения функционирования политической и административной системы¹.

В обществах второго типа — восточных — не было господствующей роли частной собственности, а доминировала общественная и государственная собственность (т.е. власть была эквивалентна собственности и наоборот, в то время как в обществах западного типа со времен Венецианской республики произошло разделение собственности (денег) и власти, которая могла быть «просто» наемной, а ее главной функцией являлась функция управления). В восточных обществах не было норм права, которые защищали частнособственнические отношения (Римское право), там превалировала государственно-общинная форма ведения хозяйства, и государство в силу этого доминировало над обществом, а не наоборот. При этом хотя общество и создавало альтернативные структуры противостояния государству/власти (семья, клан, община, каста, цех, секта, землячество и др.), но они своей определенной частью были вписаны в систему государства (кастовый состав государственных институтов в Индии; клан, землячество в Китае, руководители которых были тесно связаны с государственной системой, либо просто являлись ее низшей частью — особыми чиновниками). Общества этого типа в силу указанной специфики политической структуры всегда стремились к внутренней устойчивости, консервативной стабильности, в них закреплялось только то, что соответствовало нормам корпоративной / общинной этики, и они в силу этого постоянно воспроизводили политические структуры одного типа. На Западе двигателем новаций, в том числе и политических, являлся индивид, который был гражданином-

¹ В западной политической науке классическим выразителем этих взглядов является Д. Лэндс (*Landes D. The Wealth and Poverty of Nations*. L.: Abacus, 1998). Наиболее ярко и четко, но по-другому, чем Д. Лэндс, в отечественном востоковедении эти положения были сформулированы Л. С. Васильевым (*История Востока*. М.: ВЛ РАН, 1998. Т. 1, 2; *Васильев Л. С. Всеобщая история*. М.: Книжный дом «Университет», 2013. Т. 1–6).

собственником, а на Востоке — община, которая принимала только то, что соответствовало нормам общинной / корпоративной этики или традиции, коллективному, а не индивидуальному / индивидуалистическому опыту. В соответствии с объяснениями такого рода становилось понятно, почему восточные общества не становятся демократиями западного типа и что нужно сделать, чтобы они таковыми стали.

Соответственно этим концептуальным положениям модернизация, т.е. приближение к современности, определялась как вестернизация — неизбежность движения всех государственных образований естественно-историческим путем в сторону западной модели развития¹.

Однако в последние десять лет в востоковедческой политологии и мировом комплексном регионоведении появилось альтернативное объяснение специфики восточных обществ². В соответствии с этим пониманием особенности социального строя на Востоке определялись следующими параметрами:

- права индивидуума на Востоке существовали и охранялись только по отношению к другому, а права по отношению к государству отсутствовали;
- собственность на землю на Востоке была разделена на две части: собственность на землю как на территорию с подвластным населением (т.е. собственность на налог), находящаяся у правящего слоя, который одновременно составлял административный аппарат государства, и собственность на землю как на объект хозяйства, принадлежавшая землевладельцам и налогоплательщикам (т.е. крестьянам и помещикам одновременно).

Такая ситуация определяла наличие двух господствующих классов со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Исходя

¹ Подробнее о модернизации западного и восточного типа см.: *Виноградов А. В.* Китайская модель модернизации: Поиски новой идентичности. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

² См.: История Востока. Т. 1. Восток в древности / Отв. ред. В. А. Яковсон. М.: ВЛ РАН, 1999; История Востока. Т. 2. Восток в Средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян. М.: ВЛ РАН, 1999; История Востока. Т. 3. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, Н. И. Иванов. М.: ВЛ РАН, 1999; История Востока. Т. 4. Кн. 1–2. Восток в Новое время / Отв. ред. Л. Б. Алаев, М. П. Козлова, Г. Г. Котовский и др. М.: ВЛ РАН, 2004, 2005; История Востока. Т. 5. Восток в новейшее время (1914–1945) / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М.: ВЛ РАН, 2006; История Востока. Т. 6. Восток в новейшее время (1945–2000) / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, В. В. Наумкин. М.: ВЛ РАН, 2008; Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М.: ВЛ РАН, 1999. В западной политологии сходные, но структурно абсолютно другие и гораздо более детальные аргументы представлены Андре Гундер Франком (*Frank A. G.* ReOrient. L.; Berkeley: University of California Press, 1998).

из этих условий, специфику обществ *восточного типа* можно определить следующим образом.

1. В восточных обществах из-за перечисленных выше структурных причин существует стойкая многоукладность, сопровождающая весь процесс исторического развития.

2. В них всегда будут более длинные межформационные периоды (исторические эпохи, т.е. длительные полосы исторического развития, характеризующиеся более или менее устойчивым взаимодействием двух и более одновременно существующих общественно-экономических укладов).

3. В них всегда будет наблюдаться сопротивление «культур-получивилизаций» (в терминологии Ф. Броделя), т.е. цивилизационная гетерогенность, где под цивилизацией понимается этап в развитии культуры, который включен в исторически определенную систему общественных отношений, несет в себе формационную специфику и, вместе с тем, последовательно накапливает культурно-политическое содержание.

4. Восточные общества в силу своей этнической и культурной/цивилизационной гетерогенности нуждаются в институтах компенсации неоднородности населения и неравномерности развития этнической общины, а соответственно там гипертрофированную роль по сравнению с обществами другого типа играют государство и религия, функций которых является централизующая, цементирующая и унифицирующая роль в обществе¹.

5. Кроме того, в обществах такого типа в силу как внутренних, так и внешних причин капитализм имел неоднородный и анклавный характер, что определило как экономическую, так и политическую специфику развития этих обществ².

Если мы согласимся с таким определением политико-экономической специфики обществ восточного типа, то достаточно легко сможем выписать специфику политического мира в обществах западного и восточного (как части незападного) типов.

¹ Так, государственными являются религии в 32 странах Востока против 13 в других странах мира. Ислам является государственной религией в Афганистане, Алжире, Бахрейне, Бангладеш, Брунее, на Коморских о-вах, в Египте, Иране, Ираке, Иордании, Кувейте, Малайзии, на Мальдивских о-вах, в Мавритании, на Маврикии, в Марокко, Омане, Пакистане, Катаре, Саудовской Аравии, Сомали, Судане, Тунисе, Объединенных Арабских Эмиратах, Йемене; иудаизм — в Израиле; буддизм — в Бутане, Камбодже, Шри-Ланке, Таиланде; индуизм — в Непале и «панчасила» (особый вид государственно-синкретической идеологии) — в Индонезии.

² Подробнее аргументы представлены в кн.: Ланда Р. Г. Цивилизация, формация и социум на Востоке // Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М.: ВЛ РАН, 1999. С. 15–28.

В обществах *западного типа* специфика следующая.

1. Основополагающим является принцип «технологического / техницистского» отношения к миру — к природе как к естественной среде и к обществу как к социальной среде, выраженной известным афоризмом: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней хозяин». Соответственно в обществах западного типа превалирует свободная, спонтанная, но рационалистическая воля индивидуума, которая не ограничена ни космическим, ни нравственным законом (мы свободны вплоть до свободы убивать друг друга — «философская» основа всех европейских войн прошлого). Статус индивидуума в таком обществе не гарантирован «порядком Вселенной», индивидуум в нем нонконформист. Такое общество основано на воле индивидуума, в нем нет места фатализму, как в обществах восточного типа, где нет случайных, спонтанных вариаций и все предопределено «ходом вещей». Западное общество является социентричной самодетерминирующей системой, оно не космоцентрично, как восточное. Природа и общество (человек) в нем конгломеративны, т.е. человек и природа не связаны в единое, неразрывное целое, как в обществах восточного типа. На Западе человек всегда «преобразует» природу. Соответственно в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором важна приемлемость социального поведения и универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы.

2. Общества западного типа основаны на принципе неопределенности, в них политика — игра, основанная на равенстве шансов и неопределенности конечного результата, т.е. в западном обществе история открыта и негарантирована, она непознаваема, так как человек не знает ее конечных перспектив. В таком обществе нет объективной политической истины, истина в нем конвенциональна (принята по соглашению), соответственно в обществе должен быть определенный консенсус и признание точки зрения меньшинства¹.

¹ Эти положения связаны с идеями реформации Лютера, в соответствии с которыми не ясно, кого Бог определил к спасению (непознаваемости Божественной воли), существует одиночество совести (человек сам, без посредников, ищет путь к спасению), избранность подтверждается успехом практических повседневных начинаний (этика ответственной повседневности). Далее эти идеи были трансформированы и развиты А. де Токвилем, который говорил о демократии свободы (индивидуальная свобода выше равенства) и демократии равенства (неравных от природы нужно уравнивать, так как существует социальная справедливость). Соответственно конкурируют и взаимодополняют друг друга две модели — либеральная (существует свобода выбора, а человек спонтанно стремится к свободе и благополучию) и патерналистская (свобода должна быть ограничена властью, которая выступает как благонамеренный опекун народа) модели общественного устройства.

3. Общества западного типа основаны на атомарно-номиналистическом принципе, в соответствии с которым действует принцип гражданского договора (никто не может меня принудить к тем или иным общественным связям, которые действительны лишь в той мере, в какой индивидуум их добровольно принял как субъект равноправных отношений), из которого вытекают взаимообязательные отношения граждан с государством, а не односторонние обязательства подданных в отношении государства.

4. Общества западного типа основаны на принципе разделения властей, при этом власть должна быть выборной, осуществляться большинством, но регулироваться обязательными конституционными правовыми нормами, власть не может распространяться на определенные сферы частной жизни, а у меньшинства должны быть правовые гарантии, обеспечивающие его интересы. Соответственно власть должна быть легитимна (законодательная власть должна избираться народом), эффективна (исполнительная власть должна быть автономна), а судебная власть является независимой от первых двух (должна обеспечиваться подчинение как граждан, так и государства закону).

5. Западные общества основаны на системно-функциональном принципе, в соответствии с которым не так важно содержание элемента системы, как та функция, которую этот элемент выполняет.

6. В них существует принцип отделения ценностей от интересов, в соответствии с которым в области политики не решаются смысловые вопросы бытия, так как итоги политического соревнования не окончательны (через определенное, весьма короткое время можно будет снова законно прийти к власти) и во время этого соревнования (выборов) согласовываются практические (земные) интересы, по которым возможен, и даже необходим, компромисс различных политических сил.

7. Общества такого типа пропагандируют систему «открытого» типа («открытое общество»), где в идеале нет сословных перегородок, существует высокая социальная мобильность, отсутствуют «великие» коллективные ценности (т.е. главенствует принцип атомарности интеллектуальной деятельности), где национального суверенитета нет (или он постепенно сводится к минимуму) и действует принцип равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревновательности¹.

¹ Впервые в отечественной политологии эти принципы были удачно проанализированы А. С. Панариным. См.: *Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиции.* М.: Университет, 2000.

В восточном политическом мире все вышеперечисленные принципы в той или иной степени могут существовать, но они не являются главными. В обществах восточного типа основополагающими являются другие принципы.

1. Принцип воздержания от немотивированной волюнтаристской активности (к примеру, знаменитая концепция древнекитайской политической философии у-вэй («недеяния») в ее истинном смысле «совершенного управления» и ее современное дэнсяопиновское воплощение «переходить реку, нащупывая камни»), т.е. в восточном мире «деятель» («преобразователь») в «западном» смысле этого слова отсутствует, там человек следует ходу вещей, великому космическому закону (вспомним принципы организации войска, осуществляемые Наполеоном и Кутузовым, как они выписаны Л. Толстым в романе «Война и мир»), в соответствии с которым этика и ритуал слиты вместе, ритуал кодифицирует писаные и неписаные законы поведения, причем в области морали и этики творческие импровизации являются сомнительными. Такой принцип существует и в исламской традиции, поскольку идея активных, в том числе и насильственных, преобразований касается в этой традиции прежде всего и в первую очередь не исламского мира. В такой системе социальное поведение должно быть предсказуемым, каждый должен ждать своего часа, идеал — патерналистская модель автоматического или полуавтоматического характера, основанная на внутрисемейных отношениях: отцовской опеке и соответствующей ей сыновней почтительности. Соответственно этим принципам политический процесс — не процесс производства власти, как на Западе, а вычленение и поддержка имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного, в том числе и религиозной традицией.

2. Восточные общества основаны на теократическом принципе, в соответствии с которым государство — постоянно мобилизованный носитель ценностных, нравственно-религиозных критериев, стремящихся контролировать все социальные практики. Такое понимание государства основано на восточной традиции, в соответствии с которой город есть воплощение государственной власти, а народ есть духовная общность, скрепленная традицией (т.е. общностью культурной памяти) и надеждой на грядущее воплощение правды-справедливости. Соответственно на Западе город выступал как частногражданская альтернатива государственной власти и основа «гражданского общества», а государство было бесстрастным наблюдателем процессов, происходящих в гражданском обществе, вмешивающимся в его жизнь только

в случае прямых беспорядков. В восточных обществах политическая власть может ограничиваться и контролироваться духовной властью в «помыслах», т.е. высших ценностных ориентациях. Отсюда следует вера в сакральность всего земного пространства на Востоке и соответственно в необходимость осуществления принципа «священного мироустройства» (в русской религиозной традиции это соответствует соборности), т.е. организации светского общества по принципу храмовой общины с иерархией священник—царь/первосвященник—пророк и обязательным посредником между человеком и Богом.

3. В обществах такого типа действует принцип уравнительной справедливости, т.е. статус человека в обществе определяется, скорее, не происхождением, связями, деньгами, личными успехами, а служебным усердием. В соответствии с этим принципом административные территории внутри государства должны контролироваться верховной властью, должно в той или иной степени существовать центральное регулирование экономики и государственная монополия на недра.

4. Государства восточного типа основаны на принципе «священной справедливости», т.е. государственность в них — мессианская, свобода не индивидуальна, а коллективна, это свобода народа, которая конструируется коллективно, у народа соответственно — коллективная судьба, коллективное призвание (нельзя спастись одному, можно спастись только всем вместе), государственность является сакрализованной, и она воспроизводится в локальных сообществах как высшая ценность¹.

В рамках этих двух подходов можно выписать дуалистическое противопоставление Востока и Запада.

По устройству мироздания

Запад антропоцентричен. В центре мироздания такого типа обществ стоит человек, который является властелином мира, подчиняющим природу и общество. Этот человек в политике использует технологии преобразовательно-модернизаторского типа. Восток теоцентричен. В центре мироздания здесь — трансцендентная воля, которой подчиняется человек. Соответственно задачей человека является распознать эту волю и действовать в соответствии с ее принципами. Поэтому в политике желательно использовать «мягкие» технологии, не нарушающие гармонию общества и природы, а также нравственные законы в самом обществе.

¹ См.: *Панарин А. С.* Политология. Западная и восточная традиции. М.: Университет, 2000.

По ценностным ориентациям личности и общества

Запад ориентирован на материальные ценности, соответственно и общество стремится к всеобщему благоденствию, которое понимается как «потребительский рай». На Востоке приоритетны прежде всего духовные ценности, а общество стремится развиваться в соответствии с нравственно-религиозными принципами. Целью такого развития является не столько и не только материальное благоденствие, сколько гармония и равновесие.

По отношению к собственности

На Западе частная собственность и товарное производство ориентированы на рынок. На Востоке главенствует власть-собственность, при которой функции собственника опосредованы причастностью к власти.

По отношениям между светской и религиозной властью

На Западе произошло отделение церкви от государства и была провозглашена независимость политической сферы от нравственно-религиозной традиции. На Востоке политическая власть сакрализована (хотя степень этой сакрализации и может быть различна), религия освящает политическую традицию, в большинстве случаев (или часто) является государственной религией.

По шкале политического времени

Запад ориентирован на будущее, время там — линейно, оно непрерывно убыстряет свой ритм. Восток ориентирован на вечность, там политическое время циклично.

По отношению человека к истине

На Западе существует рациональный путь постижения истины, т.е. человек признает истинным лишь то, что подвластно его уму и воле. Восток ориентирован на интуитивный путь постижения истины. Истина нужна, чтобы ей служить, она — само бытие, а соответственно не зависит от воли и ума индивидуума.

По процессу познания мира

На Западе процесс познания сводится к познающей активности субъекта, который исследует свойства объектов. На Востоке процесс познания заключается в слиянии с объектом, его духовном постижении на интуитивном уровне.

Естественно, что такое дуалистическое противопоставление характерно прежде всего для традиционных восточных и западных обществ,

в современных обществах оно становится все менее значимым, так как препятствует научному прогрессу и приводит в конечном счете к экономическому отставанию, а значит, к ухудшению условий жизни населения. Начиная с XX в. явно наметилась тенденция к заимствованию некоторых из упомянутых принципов как Западом, так и Востоком, соответственно начал происходить процесс как взаимовлияния, так и синтеза. В то же время в некоторых областях, в первую очередь в политической культуре, а частично и в других (политическая система, экономика, менеджмент и др.), по определенным причинам синтеза и взаимовлияния не произошло либо они начали происходить только в самое последнее время. В этой связи важно понять, какая часть обществ незападного / восточного типа и каким образом перешла от модернизации догоняющей, копирующей западный опыт к модернизации как особому пути развития, альтернативному западному естественно-историческому типу, т.е. к модернизации эволюционного типа без социально-политической дискретности, выражающейся в отсутствии четких периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития, и одновременно альтернативной мобилизационной модернизации социалистического / коммунистического типа, т.е. к модернизации, являющейся синтезом западного политического опыта демократии (принципа всеобщей выборности), конституционного либерализма и автохтонной политической культуры.

Оценка пространственной и аналитической системы координат

Разработанное и предлагаемое в соответствии с предложенными в предыдущем параграфе принципами структурного понимания восточной специфики «пространственное» («спатальное») членение материала исходит из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития восточных стран, т.е. из определения международно-политического макрорегиона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для выделения) региональной совокупности явлений жизни, объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными. Такое определение региона как базового понятия мирового

комплексного регионоведения и политического востоковедения позволяет расположить материал в определенной «пространственной» (или «спатальной», если использовать политологический термин) системе координат¹. Оно также помогает выявить, в какой степени историко-цивилизационные, этноконфессиональные и культурные особенности влияют на специфику эволюции и функционирования политических систем обществ определенного типа в разных регионах мира. Предложенное определение международно-политического региона хорошо соотносится с «расширительным» его пониманием, в соответствии с которым под регионом в широком смысле понимается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию².

Если исходить главным образом из географических параметров, то можно выделять географические макрорегионы: Азию, Африку, Америку, Европу, Австралию и Океанию; мезорегионы (средние регионы): Центральную, Северную, Южную Америку, Европу, Австралию и Океанию, Северо-Восточную, Юго-Восточную, Южную, Западную и Центральную Азию, Северную (арабскую) Африку и Африку южнее Сахары, а также регионы (субрегионы) с подразделением Америки на Центральную, Северную и Южную, Европы на Северную, Восточную, Западную, Центральную и Южную, а Западной, точнее Юго-Западной Азии — на Ближний и Средний Восток. Однако понятие «Ближний и Средний Восток» шире, чем Юго-Западная Азия, так как в него включают не только шестнадцать государств последней, но также Египет и Судан.

¹ Подробную аргументацию см., в частности: *Воскресенский А. Д.* Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // *Современные международные отношения и мировая политика* / Отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 494–500; *Он же.* Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // *Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений* / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3–14; *Он же.* Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // *Восток—Запад—Россия.* М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 141–144.

² См.: *Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений* / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2002. С. 9.

Исходя из историко-культурных параметров, можно выделять историко-культурные регионы: китайский, корейский, вьетнамский (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), индийский (Индия, Непал, Бутан, Шри-Ланка), индоиранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский, арабский, российский (Россия, Украина, Белоруссия или, в другой интерпретации, двенадцать стран СНГ), европейский (состоящий из тринадцати стран). Североамериканский, латиноамериканский, африканский регионы объединяются в соответствующие региональные общности по таким параметрам, как геополитическая традиция (принадлежность к единому государственному образованию), современная тенденция к интеграции (межгосударственному взаимодействию), этнолингвистическое, этнокультурное или этнопсихологическое единство. К культурно-религиозным макрорегионам обычно относят: конфуцианско-буддийский, индуистский, мусульманский, православный, западнохристианский, латиноамериканский, африканский, тихоокеанский.

Иногда исследователи делят Азию на Южную, Юго-Восточную и Восточную (исключая из нее Океанию и Австралию), Ближний и Средний Восток и государства Центральной Азии. При этом некоторые из них считают, что Афганистан принадлежит, скорее, региону Ближнего и Среднего Востока, чем Южной Азии, в которую объединяют семь государств Южноазиатской ассоциации регионального сотрудничества (SAARC). В соответствии с той же логикой сочетания исторических и геоэкономических параметров десять стран Юго-Восточной Азии (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянмар (Бирма), Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам) образуют Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Другие полагают, что логика этноконфессионального политического развития позволяет отнести страны Центральной Азии, скорее, к Ближневосточному региону, чем к какому-либо другому, а при характеристике политического развития Монголии, относящейся географически к Центральной Азии, с точки зрения цивилизационной специфики целесообразнее рассматривать ее вместе с государствами Восточной Азии.

Исходя из этих рассуждений, по-видимому, в настоящее время с той или иной степенью определенности можно говорить о панамериканской (межамериканской), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международно-политических отношений и соответствующих этим подсистемам международно-политических макрорегионах, а также и о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-политических регионах) — западноевропейской (как части европейской), северо-

американской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской), Ближнем Востоке, Среднем Востоке, Восточной Азии, Южной Азии, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (как частях азиатской [под]системы международных отношений), в которых Ближний и Средний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия группируются в субрегиональные подсистемы¹.

Кроме пространственной («спатальной»), существует и возможность «содержательной» («аналитической») группировки стран (к примеру, на развитые, новые индустриальные страны, развивающиеся, БРИК (*BRIC*) — крупные индустриальные развивающиеся страны типа Бразилии, России, Индии и Китая, *failed states* — «неудавшиеся страны», *rogue states* — государства «изгои» и др.). Она также, в принципе, конвенциональна и субъективна, как и использованная нами «спатальная». Однако «аналитическая модель» акцентирует большее внимание на структурной общности стран и в меньшей степени на общности регионально-исторического/политического развития стран региона, т.е. не позволяет в полной мере осмысливать цивилизационную и этноконфессиональную общность и одновременно специфику политических процессов конкретных стран в рамках региона. Кроме того, при всей своей «аналитической» красоте такая типология может быть плохо применима при практической подготовке регионального и странового специалиста, так как позволяет хорошо ориентироваться в общих закономерностях, к примеру, политических систем государств кочевого типа, но при этом в действительности государства такого типа (скажем, Монголия и некоторые государства Аравийского полуострова) либо кочевого и племенного типов (некоторые государства Африки, Афганистан, Монголия) отстоят друг от друга настолько далеко географически, лингвистически и цивилизационно, что полученные «общие знания» не могут быть применены в реальной жизни, а следовательно, их практическая значимость может быть поставлена под сомнение. «Спатальный» принцип подачи «содержательного» материала позволяет проследить региональную динамику политического развития и влияние региональных процессов на глобальные, «судьбу» местных и «импортированных» политических институтов, появление возможных политических разломов и политических конфликтов в регионах, имеющих общие цивилизационные (регионально-исторические и конфессиональные) корни и сходные принципы формирования и эволюции политической

¹ См.: Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2002. С. 9.

культуры, т.е. выявить те мировые и макрорегиональные тренды, которые имеют как содержательно-структурный, так и пространственный характер. Аналитический же — глубоко вскрыть общие характеристики политических систем одного типа и осмыслить структурные закономерности и проблемы.

Основы пространственной организации восточных макрорегионов

Очевидно, что существует связь между глобальными проблемами международных отношений и новыми тенденциями, связанными с трансформационными региональными процессами (изменением силы, экономической мощи, конфессиональными конфликтами и проецированием цивилизационного и конфессионального влияния), которые влияют, а в некоторых случаях и переформируют глобальный уровень отношений. Повышение степени изменчивости макрорегионального (а следовательно, и мирового) политико-географического пространства привело к тому, что оно меняется в мире в целом (образование Большой Европы, НАФТА, региональная интеграция в странах Латинской Америки) и на Ближнем и Среднем Востоке и в Восточной Азии в частности. Геополитическое изменение регионального пространства связано с трансформацией глобального лидерства и вызванных этим процессом региональных изменений и инициируется, прежде всего, глобальными игроками¹. Именно поэтому в современном мире регион может стать проводником наднациональной идентичности и интеграционной политики или же дезинтеграционной (автаркической), национальной (националистической) политики и антиглобалистских решений, т.е. регион может возникать как особая пространственно-временная конструкция, укрепляющая, ослабляющая или переформирующая мировой порядок, а варианты обоснования регионального пространства (в том числе геополитические / политические, геоэкономические / экономические и этноконфессиональные) — содержаться в концепциях суверенитета, безопасности, усилении или ослаблении этнического начала, проповедовании или низвержении религиозной/конфессиональной исключительности. При этом особая деликатность сегодняшнего момента состоит в том, что нынешнее противостояние различных цивилизационных мировосприятий и моделей политико-экономического устройства «может

¹ Подробнее аргументацию см. в кн.: *Воскресенский А. Д.* «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленланд, 2006. Разд. «Структурный анализ проблем мировой политики в контексте дискуссии о глобальном лидерстве». С. 10–23.

против воли его участников приобрести форму антагонизма между демократией и религией, демократией и местной традицией, демократией и естественным стремлением огромной части незападных ареалов мира жить согласно привычному укладу, продуманно и плавно изменяя его, но не позволяя ему полностью разрушиться»¹. В этой связи исследователь мировых и региональных процессов А. Б. Каримова удачно отметила, что, «как фрагмент глобального социума, регион обладает способностью интегрировать, разграничивать, распределять, организовывать и трансформировать, т.е. наполнять абстракцию глобальной взаимозависимости реальным содержанием. С другой стороны, взаимодействие целых регионов Азии, Америки и Европы поддерживает наличие глобального уровня, однако этот же процесс ясно указывает на утрату отдельными субъектами монопольной функции в формировании мирового порядка. Поэтому региональное пространство можно рассматривать как зону согласованных измерений и зону разногласий (зона В. Парето). Это предопределило политический интерес как к территориям, так и к пространственным связям, концептуализированным в различных проектах локальности, национального суверенитета, наднациональности, а в случае ЕС и постнациональности. Благодаря чему за последние пятнадцать лет возникло большое количество внешнеполитических проектов по построению регионов в различных частях мира»².

Новое геополитическое пространство сегодня детерминировано экономическими, военно-политическими, политико-географическими, цивилизационными, культурными и этноконфессиональными параметрами, а не географическими или физическими границами, как это было в XIX или XX в., с чем было связано, кстати, и появление разного рода прикладных теорий на относительно ранних стадиях развития социума, связанных с теориями расовой / этнической исключительности, а впоследствии трансформирующихся в концепции этноконфессиональной или конфессиональной инаковости или цивилизационных, конфессиональных конфликтов.

Понятие физических и политических границ в настоящих условиях приобретает оттенок относительности, хотя эти границы и продолжают существовать, а между некоторыми геополитическими ареалами (к примеру, между западным и незападным миром) они даже ужесточились (усиление визового контроля, «визовые войны»). Появились и новые («не

¹ Торкунов А. В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 21.

² Каримова А. Б. Региональное пространство в политической организации мира. М.: ИВ РАН, 2006. С. 6.

прямые», «мягкие» и т.д.) формы контроля над территориями и воздействия на пространственные ареалы «через» или минуя государственные границы. При этом, безусловно, возросла взаимозависимость государств и регионов, а экономическая мощь и экономические взаимосвязи (экономическая интеграция) стали играть роль сами по себе, а не как основа военной мощи. При этом глобализация, во всяком случае в той форме, в которой она проходила на протяжении конца XX — начала XXI в., с одной стороны пока не смогла снивелировать значение этноконфессиональных и культурно-цивилизационных факторов, с другой — сделала некоторые культурно-цивилизационные параметры экономической и политической жизни просто неконкурентоспособными.

Важно понимать, что сегодня изменились критерии, по которым оценивается мощь государства, изменилась структура политической силы, но понятия границ и суверенитета не умерли¹, хотя некоторые аналитики и пытались это провозгласить, а трансформировались в новое, пока еще недостаточно исследованное качество². В соответствии с этим новым качеством мировой процесс становится более субъектным, мировое пространство становится более «плоским» (термин Томаса Фридмана) из-за процесса глобализации, но при этом остается дробным, а иногда и фрагментированным, в определенных сегментах все еще сферическим, т.е. пока не становится гомогенным, хотя общая степень его глобальности и повышается. Степень общей гомогенности мирового пространства, как оказалось, зависит не только от объективных, но и от субъективных факторов, т.е. от восприятия национальными политическими элитами глобализации, адекватности их понимания специфики протекания глобальных процессов в региональных и локальных сегментах мирового пространства.

Если анализировать связь этих новых соотношений с традиционными географическими и политико-географическими регионами, то прежде всего необходимо отметить географическую размытость последних. Многоформатность и взаимосвязанность проблематики международных региональных отношений в новых геополитических и геоэкономических условиях требует анализировать тенденции политического развития регионов вместе с «сопряженными» территориями и во взаимосвязи с новой, более сложной и рафинированной системой геоэкономических,

¹ См.: *Сурков В. Ю.* Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности // Концепции и определения демократии: Антология / Ред.-сост. А. В. Фененко. М.: КомКнига, 2006. С. 189–190.

² См.: *Косошин А. А.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: КомКнига, 2005.

этноконфессиональных, ценностно-цивилизационных и других факторов. «Сопряженные» территории могут как ускорять, так и замедлять течение региональных процессов. Они могут способствовать политической модернизации, а могут архаизировать в том числе экономические и политические институты. Таким образом, процессы, которые сегодня происходят в одном государстве, косвенно связаны с проблематикой макрорегионального политико-экономического развития, а потом уже с глобальной проблематикой. Одновременно существует и обратная связь. При этом пространственные (регионально-географические), геочивилизационные и этноконфессиональные факторы в этой «сопряженности» продолжают играть очень важную, если не главенствующую роль, несмотря на процессы глобализации.

Как мы уже отмечали выше, если исходить прежде всего из географических параметров, то можно достаточно легко выделять географические макрорегионы — Азию, Африку, Америку, Европу, Австралию и Океанию с подразделением на мезорегионы и субрегионы. Сложнее обстоит дело с определением макро- и мезорегионов в международно-политическом и этноконфессиональном смыслах. Понятие «Большой Ближний Восток» основано на цивилизационной близости Ближнего (арабского) и Среднего Востока, т.е. оно объединяет шестнадцать государств Юго-Западной Азии и в дополнение к ним, по крайней мере, еще и Египет, и Судан, но по сути — все страны арабской (Северной) Африки, т.е. Африки к северу от Сахары. Африка южнее Сахары представляет собой отдельный геочивилизационный ареал/регион, хотя Африку и Большой Ближний Восток связывают вполне определенные исторические, конфессиональные и цивилизационные связи. Географические макрорегионы Азию и Африку часто объединяют в понятие «Большой (или расширенный) Восток», т.е. Восток выступает в качестве геочивилизационного и геополитического макрорегиона со своим особым структурным социально-политическим устройством, о чем уже упоминалось ранее, чем просто географического понятия. При этом надо учитывать, что такое понимание Востока имеет свои методолого-аналитические ограничители¹.

Если исходить из структурных историко-культурных и этноконфессиональных параметров, то под Большим Ближним Востоком можно понимать объединенные историческими, а в определенный

¹ Подробно аргументация представлена в: *Воскресенский А. Д.* Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: Общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и политические культуры Востока. М.: Восток-Запад, 2006. С. 5–32.

исторический период и историко-политическими, а также этноконфессиональными, цивилизационными, геоэкономическими связями индоиранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский, арабский и североафриканский регионы, соединенные определенными этноконфессиональными, геодивизионными, этнолингвистическими, этнокультурными и этнопсихологическими связями. Существуют между ними и вполне определенная общность, и достаточно прочные исторические связи в области политической культуры. Все эти страны в целом принадлежат к одному культурно-религиозному и цивилизационному макрорегиону внутри географического суперрегиона Азия. Географический суперрегион Азия часто называют просто Востоком, хотя, как мы уже отмечали выше, это понятие имеет не только и не столько географические, сколько структурно-цивилизационные характеристики.

Некоторые исследователи считают, что между макрорегионами есть буферные зоны, где идет взаимопроникновение, а иногда и прямое соперничество или противостояние разновекторных цивилизационных, этноконфессиональных и часто сопряженных с ними геоэкономических и геополитических составляющих, а потому страны в этой зоне могут тяготеть к разным макрорегионам в соответствии с тем, какая региональная составляющая оказывается преобладающей. Очевидно, что буферный характер этих государств влияет и на пути формирования политических систем и специфику политических и экономических процессов в них. Политические системы и политические режимы в странах буферных зон имеют, как правило, гетерогенный, конгломеративный и противоречивый, а следовательно, часто и нестабильный характер. Проблематика буферных зон между макрорегионами носит в высокой степени дискуссионный характер, однако, возможно, именно наличием этой зоны и спецификой протекающих там процессов междивизионного взаимодействия и объясняется острота этноконфессиональных и этнополитических конфликтов на территории расположенных там государств, а также нестабильность их политических систем.

К буферной зоне между Африкой и Большим Ближним Востоком относятся, к примеру, Судан и Эритрея, а между Европой и Большим Ближним Востоком — Турция, Израиль, Ливан, Азербайджан, Грузия и Армения. Видимо, государства Центральной Азии также можно отнести к буферному региону между Большой Европой, Большим Ближним Востоком и Большой Восточной Азией. Извечная полемика между славянофилами (почвенниками) и западниками, в частности по вопросу политического устройства государства, косвенно отражает тот факт, что и Россия, несмотря на ее огромные физико-географические

размеры, находится между западным и восточным суперрегиональными комплексами.

Из государств, расположенных в буферных зонах, следует упомянуть Афганистан. По мнению одних исследователей, он географически относится к Центральной Азии, которая геоэкономически тяготеет в настоящее время к Большой Восточной Азии, а цивилизационно (т.е. в соответствии со своей основной этноконфессиональной составляющей) принадлежит, скорее, региону Ближнего и Среднего Востока. Другие считают, что логика внутривосточного развития, основанная на факторах цивилизационного и этноконфессионального единства, позволяет отнести Афганистан и Пакистан, а также и страны Центральной Азии скорее к Ближневосточному региону, чем к какому-либо другому. Одновременно сегодня существует и не менее влиятельное крыло аналитиков, которые указывают на все более сильное геоэкономическое и геополитическое тяготение Южной и Центральной Азии в направлении Восточной. Суждение о том, что цивилизационное и геоконфессиональное единство вкупе с геоэкономическим и геополитическим тяготением сильно ускоряет эволюцию политических процессов в определенном направлении (пример, страны Центральной Европы), не вызывает сомнения. Когда эти составляющие ориентированы в противоположных или разных направлениях, может произойти торможение экономического и политического развития или же архаизация экономической либо политической сфер жизни. Не случайно поэтому то внимание, с которым восточноазиатское сообщество отслеживало недавнее вмешательство военных в политическую жизнь Таиланда, поскольку усмотрело в этом прецедент усиления влияния военных на политическую жизнь, т.е. тенденцию, от которой странам Восточной Азии в целом удалось отойти к концу XX в. Эта возможная возвратная тенденция вызывает особое беспокойство нестабильных демократических режимов Восточной Азии, которые имеют богатую историю военно-авторитарных режимов правления.

Еще более четко эта тенденция обозначилась на Ближнем Востоке. Совсем недавно военные снова вмешались в политическую жизнь Египта. Благодаря событиям «арабской весны» на авансцену Большого Ближнего Востока вышла региональная организация Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). ССАГПЗ не только оказывал поддержку политическим организациям исламистского толка, принимавшим участие в смене политических режимов Большого Ближнего Востока, но и стремился влиять на международное сообщество. Саудовская Аравия поддерживала фундаменталистское течение

суннитской ветви ислама в Ливии и Египте, а Катар — более политизированных, но менее консервативных «Братьев мусульман». Исламизация, т.е. укрепление базирующейся на исламе идеологии, меняет культурный облик обществ, в частности и такой его составляющей, как гражданское общество. Исламизация и появление такого феномена как политический ислам связано, по-видимому, с кризисом как либеральной модели модернизации, так и насильственной нелиберальной модели мобилизации. Необходимость преодоления отставания и дальнейшего общественного прогресса приводит к попытке использовать конфессиональный фактор как инструмент общественного прогресса. Однако исламизация может приобретать как секулярный, так и клерикальный вид (наиболее видимое различие в турецкой и иранской моделях общественного прогресса), а кроме того выступать как средство защиты старой идентичности / идентификации и как средство поиска новой идентичности, т.е. новой формы идеологического оформления общественного прогресса. В реальной жизни возрождение религии может укреплять конструктивный национализм, а может при определенных условиях способствовать появлению деконструктивного национализма, а также, в зависимости от специфики формирования конкретных обществ, укреплять национальную самодостаточность или же надэтнический территориальный национализм (к примеру, в Пакистане). Политический ислам и исламизация также, как оказалось, не гарантируют общество от конфликтов, раскола и преследования инакомыслящих. Так в Египте в результате вмешательства военных ставленник «Братьев-мусульман» Мохаммед Мурси был смещен, что в конечном счете вызвало раскол джихадистских группировок в Сирии и очередное обострение политической ситуации в этой стране.

Проблемы Афганистана и Пакистана нельзя анализировать в отрыве от развития пакистано-индийских отношений, т.е. от динамики региональных процессов в Южной Азии. Афганистан и Пакистан геополитически связывают Центральную Азию с Южной, в то время как Китай и Япония геоэкономически притягивают Восточную Азию к Юго-Восточной. Такая новая форма взаимосвязей укрупняет региональное членение и заставляет переосмысливать роль макрорегионов в мировой политике. Смещение американских и частично западных стратегических приоритетов в Евразию и одновременное укрепление интересов Китая на его западных границах (внутренняя стратегия усиления «западных районов» КНР, подкрепленная внешнеполитической доминантой — структурирующей ролью Китая в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)) создают встречные потоки мировых тенденций, которые «стягивают» четыре «старых» региона — Централь-

ную, Южную, Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию — в единый макрорегиональный комплекс Большая Восточная Азия. В то же время мы видим и противоположную тенденцию — «отделить» Юго-Восточную Азию и геополитически «стянуть» часть Восточной Азии, Россию, часть Центральной Азии и СНГ, укрупнив «малую Евразию», противопоставленную геополитически и политически с одной стороны Европе (ЕС), с другой — странам АСЕАН.

Таким образом, активизация США и ряда наиболее близких Вашингтону партнеров по блоку НАТО на Среднем Востоке и в Центральной Азии, формирование мощного, ориентированного на Центральную Азию (Шанхайская организация сотрудничества) вектора политики Китая, достижение Индией и Пакистаном статуса хотя и «нелегальных», но ядерных держав, включение Китая в интеграционные процессы в АСЕАН, формирование новой экономической зоны АСЕАН + Китай + Япония + + Корея (и одновременно АСЕАН + Индия), стабильный экономический рост в Индии, превращающий ее в державу макрорегионального уровня, новое военно-политическое взаимоотношение Индии, Японии и, наконец, рост значения энергетических составляющих региональных отношений — все это стало способствовать формированию на обширном пространстве Восточной Евразии нового геополитического «макрорегиона» и соответственно новой подсистемы международных отношений и нового регионального комплекса Большая Восточная Азия. Однако Большая (или «расширенная», в другой терминологии) Восточная Азия не является единой этнически и конфессионально, и роль этих факторов в становлении новых региональных комплексов еще предстоит выявить. Параллельно возникает вопрос в целом об общем векторе политических процессов и эволюции политических систем этого макрорегиона¹. Именно этим, по-видимому, объясняется стремление укрупнить «малую Евразию» посредством евразийских интеграционных процессов.

Ясно, что отдельные страны могут входить в соответствии с различными параметрами не в один, а в два или даже три перекрещивающихся региональных кластера. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности и/или «скрепляться» историческими конфликтами, спорными

¹ Большая Восточная Азия: Мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010; Энергетические изменения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Общ. ред., рук. и предисл. А. В. Торкунова; науч. ред.-сост. А. Д. Воскресенский; МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2007; *Воскресенский А. Д.* «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленанд, 2006.

проблемами, традиционной враждой, т.е. возможно и правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, к тому же и некоторые «исторические» регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные «геоэкономические» черты¹. Эти «перекрещивающиеся» принципы «цивилизационно-пространственного» членения, позволяющие вычленять «базовые» или «структурообразующие» макрорегионы, и дали возможность сгруппировать материал в разделы в настоящей работе. В рамках границ этих регионов имеет смысл проводить параллели и строить различного рода сравнения и сопоставления. Такие сопоставления, на наш взгляд, и могут послужить основой для более широких кросс-региональных сравнительных моделей универсального характера.

Проблематика политического устройства, так же как и этноконфессиональная проблематика, всегда неразрывно связана с путями исторического развития того или иного государства. В современном государстве этнический плюрализм и этноконфессиональная / конфессиональная неоднородность, либо унаследованные от истории², либо формирующиеся в связи с массовыми миграциями³, вызывают необходимость формирования определенной модели политического сосуществования этнических и конфессиональных групп в рамках общего государства, определения норм и принципов отношений между этническими и конфессиональными группами внутри государства, поиска моделей существования устойчивых форм политических институтов, которые бы не оспаривались или подвергались сомнению различными этническими и конфессиональными группировками в его составе, достижения баланса в политической власти, учета специфики этнических и конфессиональных интересов в публичной политике государства и др. При этом сам факт этнического или/и конфессионального различия необязательно приводит к конфликтам, хотя, особенно в отсутствие применения или при неумелом применении методов социальной инженерии, и может создавать условия для таковых.

Человечеству известно множество примеров мирного или преимущественно ненасильственного сосуществования различных этноконфессиональных групп в рамках разных, но адекватных этноконфессиональному составу и историческим условиям формирования политической

¹ См.: *Белокреницкий В. Я.* Восток на рубеже веков — некоторые итоги и перспективы развития // Восток. 2001. №. 5. С. 66–88.

² См.: *Лурые С. В.* Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997.

³ См.: *Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999. Разд. 2. Гл. 4.

культуры политических систем. С этой точки зрения изучение принципов этноконфессионального взаимодействия, необязательно заканчивающегося конфликтом (менеджмент этноконфессионального взаимодействия) в разных политических системах, а также модели управления этноконфессиональными конфликтами в политических режимах определенного типа имеет большую практическую востребованность, особенно для понимания тех обществ, в которых социально-политическое, этноконфессиональное и цивилизационное сознание расколото.

Поскольку в практической сфере этноконфессионального взаимодействия значительно ярче проявляется действие множества самых разнообразных факторов, включая политические, то четче проявляется и междисциплинарный характер этой области знания, так как возникает необходимость понимания механизма воздействия на реальные события экономических, культурных, правовых, политических, географических, психологических и других детерминант¹. Все они в той или иной степени связаны, а в некоторых случаях даже напрямую определяются особенностью пространственного протекания политического процесса, т.е. пространство, понимаемое в широком философском контексте, и связанное с ним мировосприятие влияют на специфику проявления экономических, политических, культурных, правовых, психологических и других факторов. В какой мере этноконфессиональная и этнополитическая проблематика служит «стяжению» макрорегионального комплекса или усилению центробежных сил, еще предстоит выяснить в каждом конкретном случае², хотя несомненно, что найденные некоторыми крупными странами региона модели удачного этноконфессионального взаимодействия в рамках определенной, соответствующей их исторически сформированному типу политической культуры и политической системы в целом способствовали как экономическому росту в конкретных странах, так и в целом выдвиганию того или иного региона в перспективный центр мирового экономического роста. В этой связи крайне интересен вопрос прикладного характера о том, в какой степени эволюция и сознательное трансформирование политической системы (социально-политическая инженерия) способствуют нахождению адекватной модели успешного социально-экономического развития.

¹ См.: Реальность этнических мифов / Под ред. М. Олкотт, А. Малашенко. М.: Гендальф, 2000.

² Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008; Этнос и конфессии на Востоке: Конфликты и взаимодействие / Отв. ред. А. Д. Воскресенский; сост. и науч. ред. В. Я. Белокреницкий, М. А. Сапронова. М.: МГИМО-Университет, 2005.

Аналитические классификации политических систем

Понятие системности в политике позволило предложить несколько аналитических классификаций политических систем, которые можно разделить на классификации двух основных типов — эволюционные и морфологические¹ (т.е. основанные на анализе строения политических систем), в свою очередь распадающиеся на линейные, бинарные и координатные². Скажем, по формам правления можно выделить авторитарно-тоталитарные и демократические политические системы или авторитарный, плюралистический и тоталитарный типы политических систем; по типу политической культуры (классификация Г. Алмонда) — англо-американскую, европейско-континентальную, доиндустриальную и частично индустриальную, а также тоталитарную политическую системы; народные, племенные, бюрократические, авторитарные, согласительные (конкурентные олигархии и плюралистические демократии), мобилизационные (популистская и элитистская) политические системы (классификация Ч. Эндрейна) и т.д.³

Классификация Дж. и Я. Дербишайров учитывает все богатство способов правления, типов политической культуры и других факторов. Они выделяют унитарные и федеративные государства (по принципу разделения или слияния трех основных государственных институтов, в отдельный подтип при этом могут быть выделены унитарные государства с чертами децентрализации); по идеологическому базису (политическому режиму) — либеральную демократию, молодую демократию, коммунистические государства, национал-социалистические государства, авторитарно-националистические государства, военно-авторитарные государства, исламистско-националистические государства, абсолютные монархии; системы по типу органов исполнительной власти — парламентские, ограниченные президентские, дуалистические, коммунистические, неограниченные президентские, милитаристские,

¹ Принципы эволюционной морфологии политических систем рассмотрены, в частности, М. В. Ильиным в его работе «Глобализация политики и эволюция политических систем» в разделе «Геохронополитика и принципы эволюционной морфологии политических систем» (Политическая наука в России / Отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М.: МОНФ, 2000. С. 225–228).

² Подробнее см.: *Сморгунов Л. С.* Современная сравнительная политология. М.: МОНФ, 2002. С. 170–171.

³ Интересно сравнить принципы политологической классификации и сравнительные классификационные принципы в дисциплине, получившей название «сравнительная экономика» (*comparative economics*). См., к примеру: *Роузфилд С.* Сравнительная экономика стран мира. М.: РОССПЭН, 2004. О влиянии политических принципов на экономические см., в частности, гл. 4 данной монографии.

абсолютные; по типам выборных систем¹. Такая классификация «по разным» принципам хотя и является достаточно сложной, тем не менее позволяет описывать все богатство политических систем и конкретной формы организации политического процесса в странах мира. Однако есть в ней и слабость, сложная классификация затрудняет типологизирование, на ее основе иногда довольно трудно сделать какие-либо практические выводы, полезные для реального политического конструирования.

При всей сложности различных классификаций политических систем классификация по формам правления и типам государственного устройства является интуитивно наиболее простой и логичной. В ней по объективным критериям выделяются, однако, теократические государства, а далее также тоталитарные, авторитарные и демократические. Такое разделение политических систем идет как по объективным, так и по субъективным параметрам, что привносит в эту классификацию проблематику категории «двойных стандартов».

В политических системах тоталитарного типа много общих черт, таких как широкое использование идеологии, превалирование однопартийных систем, жесткий контроль над средствами массовой информации, жесткий государственный контроль над экономикой, стремление государства полностью подчинить себе граждан, добиться их беспрекословной преданности режиму, жесткий полицейский надзор, подавление любого свободомыслия и диссидентства. Вместе с тем следует отметить, что не все черты, приписываемые тоталитарной системе, относятся к этой системе как к таковой, так как государство и политический режим, как политологические понятия, наполненные одновременно конкретными историческими реалиями, совпадая в ряде аспектов, все-таки не являются одинаковыми. Таким образом, политический режим в узком смысле этого понятия является как бы некоторой конкретно-исторической ипостасью определенного типа политической системы. Иначе говоря, термин «политический режим» может представлять собой исторически конкретную характеристику функционирования политической системы, способ властвования (организации власти) в политической системе. Тогда политические институты — это феномены, правила, установления, которые опосредуют, обозначают, символизируют, а в реальном политическом пространстве и материализуют исторические атрибуты политических систем. Одновременно политический институт как категория в его многообразных конкретных проявлениях являет собой, вне зависимости от исторических проявлений, универсальную категорию.

¹ См.: *Дербишайр Дж., Дербишайр Я.* Политические системы мира. М.: РИПОЛ классик, 2004.

Авторитарные политические системы и авторитарное политическое устройство государства могут ассоциироваться не только с диктатом авторитарной личности, но и с всевластием одной, правящей (доминантной) партии или же какого-то государственного (военного) органа. Однако применение силы для подавления личных прав и свобод граждан, любых проявлений оппозиционно настроенных группировок или инакомыслия, прибегание к террору как средству такого подавления, жесткость цензуры и т.д. в авторитарных режимах меньше, чем в тоталитарных режимах, т.е. авторитаризм — это своего рода ослабленный тоталитаризм, хотя при определенных исторических и национальных условиях он может обретать крайне жесткую антидемократичную форму¹. В то же время и в некоторых вполне демократических и даже либерально-демократических режимах (например, в Японии) до самого последнего времени сохранялась доминантная партия, что отнюдь не делало такие режимы антидемократичными.

Деление политических систем на тоталитарные и авторитарные продуктивно проводить на основе аналитического разделения национальных, государственных и общественных интересов. На международной арене государство в большинстве случаев действует исходя из своих высших (оптимальных) интересов. Способность выражать интересы общества в целом на международной арене не означает, что государство может выражать внутренние интересы всего общества. В этой связи также возникает вопрос, как можно субъективно определить высшие (оптимальные) интересы общества. Общества представляют собой отнюдь не простые социальные организмы. Они состоят из классов, политических партий и социальных групп. Кроме того, многие из этих групп дифференцируются по политическим, экономическим, этническим, религиозным и другим признакам. Возможность действий общества как единого социального организма через институт правительства (т.е. через компонент государства) зависит от степени совпадения общественных интересов (интересов всего общества) и интересов государства (или правительства). Иногда интересы государства и общества полностью идентичны, но иногда государство не может (или не желает) точно отражать интересы общества.

Фундаментальные потребности общества в независимом и благоприятном социальном развитии страны можно назвать «общественными интересами». Они включают: обеспечение национальной безопасности; независимость и суверенитет; территориальную целостность; невмешательство других стран во внутренние дела данного общества; мирное развитие. Учет

¹ См.: Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Отв. ред. В. Г. Хорос. М.: Наука, 1996.

этих целей позволяет увидеть, как общественные интересы могут вступать в противоречие с интересами государства (правительства). Например, в вопросе о гарантиях национальной безопасности между обществом и государством могут возникать разногласия по поводу средств достижения этих целей, о чем свидетельствуют антивоенные и антиядерные движения во многих странах в определенные периоды истории либо, наоборот, политические движения, подталкивающие государства (правительства) к более жесткой политике в отношении внешнего мира. Конфликт (или противоречие) может быть вызван и действиями лица, принимающего решение в области внешней, а иногда и внутренней политики, которые могут вступать в противоречие с национальными интересами, ибо его «подсистемный» интерес (интерес такого деятеля, как субъективного лица) вступает в конфликт с его ролью в политической системе и вполне может доминировать над этой ролью. Возможен также и конфликт между государством и обществом по поводу политического устройства / переустройства государства, трансформирования его политической системы или же определения векторов политической эволюции (модернизации).

При незначительных противоречиях между интересами государства (правительства) и интересами общества государство может квалифицироваться как современное национальное государство и как демократия, а при значительных (максимальных) противоречиях — как тоталитарное государство. Таким образом, различие между тоталитарным и авторитарным государствами состоит в степени противоречий между государственными и общественными интересами, причем в тоталитарном государстве такие противоречия принимают экстремальный характер. По сравнению с другими моделями государства в разных формах современной демократии (либерального и нелиберального, западного и незападного типа) различия между государственными и общественными компонентами национального интереса сведены к минимуму, но баланс их различен, в зависимости от того, о какой форме демократического правления идет речь. Иными словами, нельзя измерить государственные и общественные интересы, но можно выявить соотношение между государственными и общественными интересами¹. В этой связи понятно, что в государствах, где общество расколото по этническим, конфессиональным, цивилизационным или другим признакам, а государство как институт, функционирующий в виде специфического политического режима, является единственным гарантом стабильности в обществе, политическая система может оставаться демократической, хотя и нелиберальной.

¹ Подробнее см.: *Воскресенский А. Д.* Россия и Китай: Теория и история межгосударственных отношений. М.: МОНФ, 1999. С. 133–134; *Он же.* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Восток-Запад, 2004. С. 382–383.

Важным для практического решения этого вопроса является проблема выявления генезиса современных государств и обществ вообще и на Востоке в частности¹. Эта проблема имеет двоякий характер: с точки зрения социальной теории (возникает сначала общество, а потом государство, или же сначала возникает государство, а потом государство формирует общество и нацию?) и практики исторического развития конкретных государств (если теория допускает двоякое толкование, то как этот процесс проходил в истории конкретных государств?). Поскольку в мировой литературе утвердилось мнение о наличии двух типов наций — этногенеологических (культурных) и гражданско-территориальных, то закономерно возникают вопросы: о специфике взаимоотношения государства и общества в государствах-нациях разного типа, о степени зрелости этнокультурных наций в их территориальных пределах, о возможной специфике общества и его части — гражданского общества, у наций с этногенезом разного типа: являются ли они прежде всего общественно-экономическим организмом или же сначала политическим и социокультурным, а затем уже экономическим феноменом². Ответ на этот вопрос в теории позволяет понять на практике, как происходит процесс формирования общественных, национальных и государственных интересов у конкретных государств и каков баланс составных компонентов в конкретной версии национально-государственных интересов на конкретном историческом этапе развития тех или иных государств. Кроме этого, отмечается и еще одна составляющая этой проблематики: необходимость решения вопроса о полном или частичном совпадении социума (общества) и политики (государства) в рамках национальных, международно признанных границ³. Очевидность связи теории и практики и практической значимости этой проблематики — налицо.

Теократическим государственным устройством (от греч. *theos* — бог, *kratos* — власть) является такая форма государственного правления, при которой власть сосредоточена у духовенства или главы церкви. Теократические тенденции практически всегда сопровождаются усилением

¹ Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 6–7.

² Дискуссию см.: Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология. Политические функции этничности. М., 2011. С. 52–74; Акимов А. В., Яковлев А. И. Цивилизации в XXI в.: проблемы и перспективы развития. М., 2012. С. 179; Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 6–7.

³ Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 2013; Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр, 2014; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр, 2014.

религиозной регламентации всех сторон общественной и личной жизни граждан. Следует отметить такие формы теократического государства, где власть де-факто и де-юре сосредоточена в руках главы церкви, который одновременно является главой государства (Ватикан), однако возможно и формальное разделение власти таким образом, что духовная власть является направляющей «в помыслах» и без ее одобрения государственное решение не принимается, хотя руководителем государства может быть и светское лицо (Иран, некоторые другие исламские государства, кроме светских исламских государств).

Демократическое государственное устройство основано на демократии, т.е. в буквальном переводе с греческого на власти народа. Естественно, что в современных обществах отправление власти всем народом практически невозможно, поэтому современная демократия использует институт представительной демократии, когда политическое управление от имени народа осуществляют избираемые им на определенный срок представители. Выборы представителей народа могут быть прямыми (представительные органы власти избираются всеми гражданами, достигшими определенного возраста) или косвенными (органы власти избираются выборщиками или/и назначаются главой государства либо парламентом и утверждаются главой государства).

В политической теории известно множество разновидностей демократии. Одними из первых форм демократии являлись военная и плебисцитарная. Уже упомянутая представительная демократия, одним из разработчиков которой был Джеймс Мэдисон, распространена и сегодня. В теории, а иногда и на практике были разработаны и другие формы демократии: охранительная (Бентам, Миль), развивающая (Руссо), партиципаторная, т.е. «прямого участия» (Пелтман), элитарная (Шумпетер), полиархическая (Милтон Фридман), консоциативная (Лейпхарт), причем у многих из этих демократий есть и свои интерпретации (либеральные, консервативные, социалистические, анархические и др.). Воплощение разновидностей демократии в жизни зависит от специфики политической культуры в той или иной стране, а также от тех задач, которые формулирует и воплощает политическая элита. В этой связи политолог Роберт Даль для описания современных форм демократии не только предложил особый термин «полиархия», но и описал институты и условия, функционирование которых, по его мнению, является необходимым для того, чтобы тот или иной политический режим мог считаться демократическим:

- 1) решения назначаемой, а не избираемой исполнительной власти (правительство) должны контролироваться избираемыми лицами;

- 2) выборы проходят периодически, они должны быть честными, исключать принуждение;
- 3) все взрослое население страны имеет право избирать и быть избранным;
- 4) свобода слова и альтернативные источники информации защищены законом и закон одновременно запрещает преследование по политическим мотивам;
- 5) законодательством и политической практикой подтверждено право на создание независимых ассоциаций, включая политические партии.

Позже два других политолога Терри Карл и Филипп Шмиттер добавили еще две институциональные гарантии: избранные при осуществлении полномочий не должны подвергаться противодействию (включая неформальное) со стороны неизбранных, а государство должно быть суверенным и действовать независимо от политических систем более высокого уровня (концепция суверенной демократии). Сформулированные условия, с одной стороны, позволили выделить достаточно четкие критерии, отделяющие демократические политические режимы от недемократических, с другой — сразу же высветили проблемы переходных режимов и неконсолидированных демократий, трансформировавшиеся к середине второго десятилетия XXI в. в проблему взаимоотношений между конкурентными авторитарными режимами; ответственными авторитарными режимами, осуществляющими построение демократий и безответственными или малоответственными неконсолидированными демократиями; для слабых государств с низким качеством и вследствие этого слабыми институтами затруднительно поддерживать общие политические правила в обществе, и вследствие этого они не могут последовательно осуществлять демократическое правление, особенно если эти общества этнически или конфессионально расколоты. Эта проблема не только отразила зависимость одновременного выполнения всех условий демократического правления для государств всех типов, т.е. высветила проблему максимизации и минимизации базовых условий демократического правления, а также консолидации и устойчивости минимальных условий (или же возможности их размывания в определенных обстоятельствах) в зависимости от типа политического режима (либеральная демократия, неконсолидированные демократии, демократии других типов), но и потребовала разработки теоретических оснований определения роли социальных порядков (точнее, порядков социально-политического доступа) в концептуализации вариативности

демократического правления и порядка перехода от недемократического правления к демократическому и при сохранении политического порядка в целом.

Роль социальных порядков в концептуализации вариативности моделей демократического правления

Российская обществоведческая школа (зарубежное регионоведение, сравнительная политология, политическое востоковедение, сравнительная мировая политика) — одна из первых национальных социально-гуманитарных научных школ, которая не только осознала, но и стала целенаправленно изучать новую мировую тенденцию повышения роли стран Востока в глобальных процессах, соединив в объяснении этого процесса мировые теории международных отношений и автохтонную традицию изучения общественных наук, изначально основанную на ньютоно-декартовом научном видении мира, но в целом академически не зашоренную регионально-страновыми предубеждениями в силу особой исторической судьбы нашей страны, находящейся географически, исторически, демографически, экономически и политически «между» Востоком и Западом. Особую роль в этом процессе сыграло наличие собственной, мирового класса, востоковедной традиции, очень рано обратившей внимание на роль структурных факторов (концепции азиатского способа производства, власти-собственности, азиатского деспотизма, «генома» Востока в трудах Л. Б. Алаева, Л. С. Васильева, Н. А. Иванова, О. Е. Непомнина, Н. А. Симонии и других востоковедов), объясняющих отличия во внутренней организации Запада и Востока — двух крупнейших структурно отличных макрорегионов мира, состоящих из разного количества структурно однородных и структурно различных национальных государств с разного типа социальными порядками. Осмысление этих феноменов шло в русле дискуссии о «восточном феодализме» и «азиатском способе производства», сначала ведущейся в рамках марксизма, но к концу XX в. переросшей рамки только одной обществоведческой концепции. Однако в целом структурные исследования в международной сфере зарубежного регионоведения и сравнительного политического востоковедения, получившие дополнительный внутренний импульс к развитию в России после распада СССР, достаточно долгое время в самой России, как и в странах Запада, считались локальной экзотикой, которой в глобальном анализе можно было пренебречь, поскольку судьба мира, как считалось, решается на Западе, а созданные там теории наиболее адекватно объясняют мировую политику, международные отношения и политико-экономическую реальность. Такой взгляд на

мировое развитие либо стопроцентно поддерживался, либо также стопроцентно оспаривался, а оспаривание рассматривалось, прежде всего, как признак ретроградности. Это привело к ситуации, когда предлагалось слепо копировать сначала западную, а затем, когда это встретило экономические и внутривнутриполитические затруднения, точно также слепо копировать восточную модель развития без учета последствий их применения к российской реальности / российской специфике. Эта специфика либо полностью отрицалась, либо чрезмерно выпячивалась, в зависимости от чего авторский анализ интерпретировался как прогрессивистский либо как традиционалистский.

Однако в начале XXI в. ситуация в мире изменилась кардинальным образом: глобализирующийся мир стал как бы сжиматься, а на первый план выходить проблемы новой, более тесной взаимозависимости природы и человека, людей, национальных сообществ, народов, стран между собой в процессе устойчивого поступательного развития, без решения которых само существование человечества становилось проблематичным. В связи с этим и сами западные исследователи и политики сначала стали отмечать, а потом и объяснять новую тенденцию повышения роли стран Востока в мировой политике, пытаясь предложить новое целостное объяснение специфике процессов, происходящих в разных регионах мира. Возникла мировая дискуссия внутри взаимосвязанных частей западного, открытого для обсуждения новых тенденций, и наиболее открытой и продвинутой части восточного политического и интеллектуального сообществ (Э. Саид, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, А. Франк, П. Мак-Нилл, Д. Лэндс, Е. Гайдар, Р. Капур, М. Махатхир, К. Махбубани, М. Хатами, Н. Фергюссон, Р. Нейсбит и др.) о роли региональных факторов в экономико-политическом развитии мира, хотя сам термин «региональный фактор», по крайней мере, на начальной стадии дискуссии и не употреблялся. Затем реальность нового века (события «9/11» и мировой финансово-экономический кризис) заставила пересмотреть некоторые из до того казавшихся незыблемыми парадигмальных представлений прикладных общественных наук и обратиться к незападноцентричным, объективистским объяснениям мировых политических и экономических процессов, пока все еще не представленным в виде целостных логически непротиворечивых объяснений. В соответствии с этой новой тенденцией, объясненной в исследовании Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста¹, существует три типа социального порядка: примитивный, естественный

¹ Норт Д., Уоллис У., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во института Гайдара, 2011.

(в другой терминологии — ограниченный) и открытый. Примитивный социальный порядок сегодня в целом неконкурентоспособен, и сфера его распространения сокращается, оказываясь во все более суживающихся, депрессивных и отстающих региональных сегментах (точнее — фрагментах) мира. Существование естественного / ограниченного социального порядка (в системе аргументации Д. Норта, Д. Уоллеса и Б. Вайнгаста он не нуждается в вычленении специальных структурно-временных дифференцированных этапов) проходит в свою очередь определенные временные этапы: хрупкое естественное государство, базисное естественное государство и зрелое естественное государство. Однако, судя по всему, существуют и структурные подтипы естественного социального порядка, по-видимому, уже на этапе зрелого естественного государства: архаизированный и традиционалистский, анклавный, анклавно-конгломеративный, конгломеративный, гибридный, переходный. Эти подтипы соответствуют разным временным / пространственным этапам эволюционного развития национальных сообществ и обладают достаточной степенью своеобразия, что оказывает существенное влияние на способы и формы конфигурирования внутренней и внешней сфер жизни этих сообществ. Понимание характера пространственно-эволюционной динамики структурно-аналитического фактора также подкрепляет необходимость более рафинированного и точного понимания сочетаемости пространственных и структурно-аналитических характеристик политической модернизации. По-видимому, существуют и разные культурно-исторические подтипы государств открытого социального доступа, во всяком случае, сегодня можно говорить о европейской и американской моделях, а также незападной (японская, израильская и др.) модели, но этот вопрос по разного рода практическим причинам (необходимость консолидации стран открытого социального доступа, особенно в связи с появлением международного терроризма) в политической теории подробно не рассматривался, просто потому, что концептуализация и переход к новой, более продвинутой и совершенной социальной модели был важнее фиксации различий внутри нее.

Сегодня примерно половина всех существующих государств принадлежат к государствам с естественным социальным порядком, практикующим ограниченный социальный и политический доступ. Кроме этого, существует и социальный порядок открытого доступа, который создали, активно поддерживают и развивают 25 государств. Круг государств с системой открытого доступа постепенно расширяется. и сегодня их количество приближается к 100. Этап самого значительного расширения государств с таким типом социального порядка пришелся

на период после распада СССР. Государства с естественным и открытым социальными порядками активно конкурируют друг с другом на международной арене, причем форму и способы этой конкуренции определяют примерно 40–50 государств: 25–30 государств с открытым социальным порядком и 20–30 государств с естественным социальным порядком охранительного характера. По мере эволюционного развития человечества и технологий уничтожения жизни либо ее продления формы этой конкуренции смещаются от военных, приводящих к неисчислимым людским и катастрофическим экономическим потерям, к невоенным, требующим все больших интеллектуальных ресурсов для разработки стратегий консенсусного, эволюционного, соревновательного развития. Остальные государства либо пользуются в той или иной степени порядком открытого доступа, импортировав соответствующие институты, либо не могут его построить в силу причин прежде всего внутреннего характера. К естественному (социальный порядок ограниченного доступа) принадлежит большее количество государств, но открытый (социальный порядок открытого доступа) создал более высокий уровень жизни, защитил его мощнейшим военно-политическим блоком, покоящимся на фундаменте высокоинтегрированной экономики рыночного типа, быстрее реагирует на непредвиденные политико-экономические обстоятельства и активно расширяется. Этот социальный порядок является в целом более конкурентным и более легитимным, поскольку основан на демократическом правлении, подразумевающим прямое участие народа в управлении через систему открытых и транспарентных выборов и строго оговоренную по срокам и процедурам периодическую ротацию политических и экономических управленцев, позволяющую привлечь считающихся большинством в обществе профессионально наиболее компетентными на срок, в течение которого можно рационально воспользоваться их компетенциями в максимальной степени, но без применения системы насилия, принуждения или прямого / косвенного экономического подкупа. Такой социальный и политический порядок лучше гасит негативные внешние и внутренние импульсы, при экономических кризисах показывает меньшую глубину падения и отката назад, создал политические предохранители против возникновения системных кризисов и в силу этого стабильнее и в целом интенсивнее и быстрее развивается, создавая населению более благоприятные условия существования, основанные, по крайней мере, последние 200 с лишним лет на массированном внедрении интеллектуальных инноваций (социальных и технологических). В целом наш сегодняшний образ жизни и был создан странами, придумавшими, в конечном счете, сначала для

себя самих систему открытого и равного социального доступа (открытый порядок социально-политического доступа), а затем предложившими его другим в качестве социальной инновации. Другие, более ранние западные теоретические концепции и практические воплощения вариантов этой системы (коммунизм, государственный социализм) в исторической перспективе показали свою несостоятельность, а незападные циклически воспроизводили иерархизированные культурно-цивилизационные модели, которые либо были недостаточно универсальны, либо приводили к экономическому и технологическому отставанию. Сегодня ограничение социально-политического доступа на каком-то отрезке исторического развития можно объяснять культурно-цивилизационной спецификой и компенсировать повышением эффективности государства, которое обеспечивает поступательное движение от одного этапа организации социального порядка к другому, но в исторической перспективе альтернативы этой системе не просматривается.

К государствам с открытым социальным порядком, ядро которых компактно расположено в Европе и Северной Америке, примыкает географически разнородная группа государств переходного (неконсолидированного) типа, которые двигаются в направлении построения системы открытого социального доступа, но находятся на разных исторических этапах этого процесса. В количественном отношении группа государств с открытым социальным доступом и переходного типа приближается примерно к половине государств—членов мирового сообщества, это самые активные его члены, формирующие все еще разрозненную, но в целом исторически укрепляющуюся систему многосторонних институтов глобального управления. Количество государств с системой ограниченного социального доступа постепенно сокращается из-за их меньшей конкурентоспособности в основном именно потому, что реальной альтернативы социальному порядку открытого и равного социально-политического доступа не предложено или она оказалась несостоятельной, несогласие с этой системой касается некоторых параметров этой системы как неприемлемых по историко-культурным или экономическим соображениям в ряде государств на очень ограниченном этапе их исторического развития, а на более длительный период — для ограниченных сегментов политической элиты, которая хочет обусловить сроки своего правления только биологическими ограничениями своего жизненного цикла.

Ранее считалось, что переход от естественного социального порядка к открытому в национальных сообществах происходит автоматически и спонтанно по мере экономического развития и повышения экономи-

ческого благосостояния, главное только понять и осознать эту историческую закономерность, подобно тому как в свое время была осознана и обоснована историческая закономерность неизбежности перехода всех стран от капитализма к социализму, а затем и к коммунизму во всемирном масштабе, и скопировать соответствующие институты. В настоящее время часть американских и европейских исследователей и политиков стали считать, что построение системы открытого и равного социального доступа есть некоторая спонтанная аномалия социальной эволюции, невозможная для повторения всеми странами в силу социально-политической неготовности народа и/или нежелания политических элит этих стран. Параллельно возникло объяснение, в соответствии с которым в действительности переход части государств к системе открытого доступа имел свою собственную жесткую логику: императив развития, основанного на создании экономического пространства шире, чем территория национального государства, требовал трансформации национального суверенитета таким образом, чтобы обеспечивать контроль только ключевых параметров, без чего было бы невозможно как активное принятие извне инвестиционных, финансовых и торговых потоков, так и свое собственное расширяющееся экономическое проникновение на внешние рынки¹. Понимание этого императива потребовало трансформировать и развить теории национальной и международной безопасности. Необходимость поддержания высокого уровня технологического развития и использование миграционных потоков извне как способ решения демографических проблем и «притока мозгов» требовал открытого международного доступа к высококонкурентным национальным системам образования. Появление крупных иноэтничных компонентов в результате многолетней миграции и необходимость инкорпорирования диаспор на условиях равноправия в иное по этническому составу общество способствовало концептуальному оформлению этого процесса (теории «плавильного котла», мультикультурализма и др.) и принятию системы открытого и равного социального доступа как ответа на решение вопроса о системном кризисе в результате изменения демографических параметров и этнической составляющей сложной социальной системы, которая по каким-то причинам ограничивает социальный доступ на основе этнонационального, этноконфессионального, конфессионального, социального или какого-либо иного нетранспарентного или же консенсусно не поддерживаемого большинством общества критерия.

¹ *Зиглер Ч.* Различия в восприятии суверенитета США, Китаем и Россией // Сравнительная политика. 2012. № 1. С. 3–14.

Упрощая, можно сказать, что система открытого и равного социально-политического доступа (демократическое правление) предоставляет возможность участия в управлении всем гражданам на разных уровнях на основе транспарентных условий, понятных всему обществу и консенсусно одобренных им, но, одновременно, не означает простого доступа к управлению всех и каждого, так как и эта система обладает своими заградительными механизмами. Не предполагает это и слабой организации системы поддержания политического порядка. Однако эти заградительные механизмы и наличие системы обеспечения политического порядка не включают в себя априори этнические, конфессиональные или социальные критерии (хотя в некоторых исключительных случаях, к примеру, в Израиле, такие критерии могут наличествовать для минимизации угрозы существованию государства), а основаны, прежде всего, на критерии определенного уровня профессиональных компетенций и требований для решения соответствующих управленческих задач на соответствующем уровне управления, хотя и могут обладать культурным или историческим своеобразием. Кроме построения саморегулирующейся социальной системы открытого доступа, существуют и другие механизмы управления этой системой¹. Однако, каким бы ни был этот механизм, критерии социально-политического доступа в этой системе транспарентны, рациональны, одобряются и поддерживаются всем обществом. Система открытого доступа не анархична, как это могло бы следовать из ее названия, т.е. в ней существует свой, достаточно жесткий политический порядок особого типа. Этот политический порядок позволяет на основе жестких правил поддержания политического режима демократического типа, но одновременно открытых и транспарентных, обезличенных и понятных критериев, консенсусно признаваемых всем обществом, выдвинуть к управлению наиболее талантливых и подготовленных вне зависимости от их расовой, этнической, конфессиональной, корпоративной принадлежности или политических убеждений, если они не являются экстремистскими и не подрывают существующего конституционного строя. Этот порядок также позволяет использовать приемлемые альтернативные модели управления и осуществлять их в течение приемлемого срока с точки зрения биологически оправданных условий концентрации ненасильственным путем усилий конкретного индивидуума на направлении его интенсивной управленческой деятельности.

¹ В частности, одним из них может являться проанализированный В. Л. Макаровым социальный кластеризм: «федерация» равноправных социальных кластеров (сословий нового типа), использующая в качестве ведущего механизма проектную экономику. *Макаров В. Л.* Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010.

Выделение этапов социально-политического доступа позволяет решать целый ряд практических вопросов.

Во-первых, нахождение на том или ином этапе социально-политического доступа означает наличие и степень развитости институтов, гарантирующих социально-политический доступ. Это может рассматриваться как критерий признания государства какой-либо из частей либо всем мировым сообществом. *Во-вторых*, квантифицированная оценка степени открытости социально-политического доступа (один из параметров уровня демократического развития) позволяет верифицировать связь степени открытости системы социально-политического доступа и качества жизни населения¹. *В-третьих*, в области международной жизни этапы социально-политического доступа позволяют типологизировать партнерства между государствами с социально-политическим доступом различного типа². *В-четвертых*, кроме этого количественный анализ уровня социально-политического доступа и степени демократизации позволяет устанавливать связь внутренней политики с поведением государства на внешнеполитической арене (кантианская концепция меньшей склонности демократий к агрессивному внешнеполитическому поведению, чем автократий, и тезис о том, что «демократии не воюют»).

Создание тех или иных эмпирических критериев измерения степени открытости социально-политической системы (измерение демократии) и формализация критериев (количественная и качественная), агрегированные в комплексные индексы, позволяют уже не просто определить тип политической системы и политического режима, но и фиксировать уровень их демократичности (т.е. открытости и транспарентности) и понимать направление эволюции внутри этапов социально-политического доступа. Несмотря на то что на первый взгляд измерение институтов, процедур и ценностей кажется проблематичным, тем не менее современный уровень сравнительной политологии позволяет операционализировать, а затем выявить набор переменных и индикаторов, которые в дальнейшем можно не только исследовать и встроить в логически обоснованную аналитическую модель, но и квантифицировать. Понятно, что в таких рейтинговых системах единицы анализа и их количественный охват не могут стать основанием для полностью объективных типологий,

¹ Мельвиль А. Ю., Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю., Миронюк М. Г. Полунин Ю. А., Тимофеев И. Н., Харитонова О. Г., Ваславский Я. И. Как измерить и сравнить уровни демократического развития в разных странах? М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 37–54.

² Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; Инфра-М, 2014. С. 232–233.

но они вполне могут быть оценены в рамках дихотомий «объективность / необъективность», «научность / ненаучность». Кроме этого, такого рода рейтинги позволяют выявлять связь между уровнями политического и экономического развития.

В процессе трансформации социальных порядков национальных сообществ ключевую роль играют не только естественно существующие (уровень экономического, политического, социального и правового развития конкретного общества), но и сформированные или формируемые факторы: определенный качественный уровень экономики, понимание исчерпанности циклической модели развития, сознательный консенсус политических элит и общества по вопросу необходимости модернизации и эволюционной трансформации социального порядка и системы обеспечения правопорядка, гарантирующих эволюционную, но стабильную, безопасную и поступательную трансформацию и развитие общества без системных кризисов. Эта модель позволяет строить современные устойчивые политические и социальные институты, без которых, в свою очередь, невозможно проводить дальнейшую экономическую модернизацию, без которой невозможно построить сильное, благополучное и свободное государство. Такой комплексный подход позволяет понять внутреннюю связь между формами социального порядка и политическими системами, т.е. роль внутривнутриполитических факторов в развитии и формировании мирового пространства, и по-новому подойти к проблеме влияния внутренних структурных процессов в государствах разного типа на характер международных отношений и процесс мирового развития, т.е. анализировать и прогнозировать влияние разных типов социальных порядков на взаимоотношения государств в международной сфере.

Соотношение уровней экономического развития, политической культуры и демократии

Еще в конце 1950-х годов политологи С. Липсет и Р. Даль в своих работах показали, что повышение уровня экономического развития ведет к повышению уровня политического развития, т.е. к большей демократизации политических режимов. Это заключение было достаточно быстро оспорено целым рядом политологов, высказавших утверждение о том, что повышение экономического благосостояния скорее ведет к укреплению бюрократического авторитаризма, чем к демократизации правления. Несмотря на ожесточенную полемику и разные интерпретации взаимосвязи экономической и политической модернизации, связь между уровнем экономического развития и демократией была, в конечном счете, все же установлена.

Так, последние научные экономико-статистические исследования и, в частности, исследования А. Пшеворски, Д. Асемоглу, Д. Робинсона¹, а также компании *Renaissance Capital*, оценивающие изменения в политическом строе и уровень ВВП на душу населения в 150 странах мира за период с 1950 по 2009 г., свидетельствуют, что при годовом валовом доходе менее 5 тыс. долл. на душу населения построение устойчивого демократического режима маловероятно, так как при таком годовом доходе продолжает превалировать логика выживаемости. При годовом валовом доходе выше 6 тыс. долл. на душу населения появляется возможность построения демократии. Демократии с высоким уровнем валового внутреннего продукта на душу населения (выше 10 тыс. долл.) формируют устойчивый тип открытого социального порядка (социальный порядок открытого доступа), что позволяет таким обществам устойчиво и относительно стабильно развиваться. Если доход превышает 19 тыс. долл. на душу населения, а консенсус о необходимости перехода к порядку открытого и равного социального доступа по каким-то причинам отсутствует, то вероятность построения социального порядка открытого доступа в государстве с естественным социальным порядком становится маловероятной, просто потому, что все такие государства формируют доходы за счет высокой природной ренты, которая позволяет политически «консервировать» общество и удерживать его социальное развитие в рамках определенного, даже традиционалистского или архаизированного порядка (в частности, на Ближнем Востоке), для решения же задач потребления и технологического развития просто «покупая» нужное количество товаров и гастарбайтеров². Другими словами, усложнение экономических структур общества создает запрос на демократизацию, связанный с усложнением процесса управления обществом, который требует изменения условий социально-политического доступа в сторону большей прозрачности и большей открытости. В то же время, если верно положение о том, что повышение ВВП на душу населения, в конечном счете, вызывает демократизацию, то обратный вывод — демократизация приводит к экономическому росту — так и не был подтвержден эмпирическими данными, хотя в 1990-х годах такие предположения также высказывались, в частности, в России.

¹ К примеру: Democracy, Accountability, and Representation / A. Przeworski, S. Stokes, B. Manin (eds). N.Y.: Cambridge University Press, 1997; Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J. A., Limongi F. Democracy and Development. N.Y.: Cambridge University Press, 2000; Przeworski A. 2005. Democracy as an Equilibrium // Public Choice. 2005. No 123. P. 253–273 и др.

² См., к примеру: Асемоглу Д., Робинсон Д. Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2011.

В этой связи возникает вопрос, почему же все-таки экономическое развитие рано или поздно, но вызывает процесс демократизации, хотя наличие богатства в том или ином обществе само по себе и не приводит к изменениям в системе управления, которые и приводят к демократизации? Дело в том, что современные модели успешного экономического развития осуществимы только при широкой, массовой, но при этом ненасильственной социальной мобилизации, которая в свою очередь облегчает участие массам в политике и экономике в целом, что в свою очередь ведет к демократизации системы управления. Р. Инглхарт показал, что экономическое развитие в действительности не просто приводит к массовой мобилизации, а связано с изменениями в политической культуре¹. Именно эти изменения и приводят к расширению участия широких слоев населения в экономической деятельности и добровольной, спонтанной массовой мобилизации во имя модернизации на основе системы расширения социально-политического доступа. Таким образом, экономическое развитие приводит к структурным изменениям в обществе, они в свою очередь приводят к расширению массового спонтанного участия населения в экономической деятельности, что ускоряет экономическое развитие. Считается, что ускорение экономического развития невозможно без усложнения системы управления обществом, что и вызывает, в конечном счете, формирование зрелого гражданского общества и введение системы открытого политического доступа. Модернизация и конкретно та часть этого процесса, которая связана с индустриализацией, приводит к урбанизации, массовому образованию, профессиональной специализации, большему равенству в оплате труда и т.д., т.е. модернизация, в конечном счете, приводит к повышению образовательного уровня населения. Это, в свою очередь, способствует лучшей артикуляции экономических и политических интересов участвующих в этом процессе, что повышает их уровень организованности. Организованность и профессиональная специализация, в конечном счете, приводят к появлению более автономной рабочей силы, профессиональный уровень которой позволяет ей занимать более высокое переговорное место во взаимоотношениях с работодателями и власть имущими.

В то же время модернизация в обществах разного типа, находящихся на разных исторических этапах своего развития, проходит по-разному. В традиционных обществах современные порядки, как правило, укореняются преимущественно в городах, что мешает им теснить традици-

¹ *Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997; Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. М.: Новое издательство, 2011.*

онные отношения в обществе в целом, если его аграрные компоненты демографически достаточно существенны. Как правило, перемены и осовременивание в сельской местности в таких обществах являются минимальными и происходят крайне медленно. В таких обществах, как правило, и основной прирост населения происходит именно в сельской местности, а уровень и уклад жизни там остается практически неизменным. Консерватизм и традиционализм сельскохозяйственного населения в таких обществах, как правило, препятствует формированию там гражданского общества и тормозит их дальнейшую модернизацию. Противоречия между современным обществом в крупных городах и деревенской патриархальностью или консерватизмом определенных сегментов общества в странах такого типа могут при определенных политических условиях привести к стремлению замкнуться и изолироваться от мира, что служит дальнейшему укреплению консерватизма и отсталости, а может быть преодолено через модели просвещенного авторитаризма (Сингапур, Тайвань и др.) или построения системы открытого доступа (Индия, Япония, Тайвань на более позднем этапе своего развития).

Одновременно в целом модернизация приводит к специфическим культурным изменениям — появлению особой системы ценностей¹ и культуры политического доверия. Появление культуры политического доверия формирует «системную оппозицию» и особого рода социально-политический консенсус: оппозиция начинает играть по правилам, суть которых заключается в том, что если она победит на выборах, т.е. получит политическую власть легальным путем через систему выборов, то она не узурпирует ее навечно, а воспроизведет в соответствии с законом в определенное строго оговоренное время новый цикл выборов, в результате которых или останется у власти, или же уступит власть другой политической силе.

Модернизация также приводит к появлению современных типов массовой легитимности, которые в свою очередь помогают поддерживать все институты общества. Для того чтобы произошло укоренение политических институтов, они должны получать массовую сознательную поддержку широких слоев населения. Таким образом, демократическое правление предстает в виде многоформатного процесса, в котором важны: стабильность политических институтов, этап развития социально-политического доступа, уровень демократического развития, экономической и политической свободы в обществе. В этом контексте политическое и экономическое развитие выступают составными частями многоуровневого и многоаспектного процесса, нуждающегося в широ-

¹ Тросби Д. Экономика и культура. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. Ч. 2: Теории ценности. С. 38–69.

коформатных эмпирических обобщениях (в частности, проделанных Р. Инглхартом), которые и позволяют выявить типы взаимосвязей между уровнем экономического, политического развития конкретных обществ и зафиксировать соответствующие культурные сдвиги¹. Такой анализ требует достаточно сложной системы координат и учета процессов разного рода и характера, т.е. создания многоформатной классификации и многовариантного объяснения характера мирового экономического и политического процесса.

Таким образом, представляется возможным выявить культурные факторы экономического роста, которые вызывают модернизацию. Эти культурные факторы взаимосвязаны, а не случайны, их взаимосвязанность в достаточной степени концептуализирована в современной политической науке². Таким образом, мы можем сформулировать проблему выявления культурных факторов экономических и политических изменений в обществах разного типа и увязать специфику культуры, экономики и политики в конкретных обществах, типологизировав их соответственно этой специфике. Такая постановка вопроса позволяет выделить предсказуемые модели изменений в обществах разного типа и корректировать эти изменения путем научно разработанных методов и приемов социальной инженерии на основе многомерных классификаций политических систем.

Переход социума от модернизации (модерна) к постмодернизации (постмодерну) и расширение этого процесса требует разработки нового мирового морально-этического консенсуса и соответствующих ему норм поведения. Пути к этому новому консенсусу были обозначены в политической философии (в частности, в работах Ю. Хабермаса), но только начинают разрабатываться политологами, исследующими типологию взаимосвязей внутренних и внешних факторов развития и, соответственно, взаимосвязи внутренней и внешней политики.

Соотношение этапов экономического и политического развития: модернизация, постмодернизация и синтез ценностей в обществах плюралистического типа

Модернизация, т.е. осовременивание, приближение к современности, определяется, наряду с другими факторами, в основном и прежде всего экономическими и политическими, но также и культурно-циви-

¹ *Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.*

² См.: *Culture Matters. How Values Shape Human Progress / Ed. by Lawrence E. Harrison & Samuel P. Huntington. N.Y.: Basic Books, 2000.*

лизационными изменениями в обществе. В реальной жизни, по-видимому, можно говорить об основополагающем влиянии экономических, политических и культурных факторов в совокупности, хотя наиболее очевидными, статистически оцениваемыми и проверяемыми, а также в силу этого теоретически и практически проработанными являются политические и экономические факторы. В то же время именно культурные изменения дают возможность провести индустриализацию как важнейшую составную часть процесса модернизации, которая предусматривает не просто осовременивание, а переход от аграрного общества к индустриальному, который не только вызывает осовременивание, но и одновременно является его результатом, успешность которого можно оценивать в соответствии с экономическими и политическими показателями. В то же время, как показывает историческая практика, модернизация предполагает экономическое развитие, но не обязательно и не во всех случаях включает в себя политическую модернизацию. Таким образом, модернизация предстает как многосоставной процесс, который может быть целостным и интегрированным, а может быть разделен, сознательно или вследствие вынужденных причин, на соответствующие этапы.

Теория модернизации, разработкой которой политологи занимаются уже более ста лет, утверждает, что модернизация обязательно предполагает экономическое развитие и приводит к культурно-цивилизационным изменениям, вследствие чего рано или поздно происходят последующие политические изменения как составная часть этого процесса или же его последующего этапа, т.е. экономическое развитие рано или поздно приводит к политической модернизации. Таким образом, в более поздних теориях модернизации и развития 1990-х годов, потребовавших более целостного и объективизированного осмысления этого процесса, но когда в реальной жизни пик общественной популярности этих теорий уже прошел, была отражена не только связь трех компонентов модернизации (экономического, политического и культурного) между собой, но сформировано представление о модернизации как о достаточно сложном процессе, который только в конечном счете, т.е. не одномоментно, а постепенно на протяжении определенного исторического периода развития, приводит к изменениям в обществе, связанным со сменой его ценностных ориентиров. Такая постановка вопроса потребовала введение понятия постмодернизации, основанного на понимании того факта, что за модернизацией может (но не для всех обществ, т.е. может, но не обязательно должна) последовать постмодернизация, точно так же как за этапом индустриального обще-

ства последует (или может последовать для части обществ, обладающих определенными критериями и подверженных влиянию определенных факторов) этап постиндустриального. В работах целого ряда политологов разных стран, и, среди других, в исследованиях Р. Инглхарта¹, в этой связи было показано, что:

■ *Модернизационные изменения* не обязательно представляют собой линейный процесс.

Из этого положения следует вывод, что переход к индустриальному обществу для целого ряда стран не обязательно предполагает дальнейшее движение к постиндустриальному этапу развития: проведя индустриализацию, т.е. модернизируясь, общества определенного типа могут начать движение в другую сторону, т.е. демодернизироваться или даже архаизироваться. В таких обществах может возникать потребность в периодически повторяемых циклах модернизации, поскольку процесс модернизации в каждом цикле не доводится до конца, перехода общества в новое качество не происходит либо переход в новое качество сознательно или неосознанно тормозится какими-либо общественными сегментами, классами, социальными группами, корпорациями по каким-либо причинам.

■ *Все теории модернизации* страдают детерминизмом определенного рода.

В соответствии с положениями ранних теорий модернизации (1970–1980-е годы) процесс индустриализации должен был привести по его завершении не только к экономическим изменениям, которые бы сопровождалось изменениями культурными, но и породить в свою очередь изменения политические (демократизацию). Исследования Р. Инглхарта, проанализировавшего экономические, культурные и политические изменения в 43 странах, привели к выводу, что экономические, культурные и политические изменения не только взаимосвязаны, но и должны взаимно поддерживать друг друга, чтобы привести общества в состояние перехода от модернизационного к постмодернизационному этапу развития. Некоторыми политологами при этом был даже сделан вывод о том, что общества определенного типа могут провести частичную экономическую модернизацию, но не способны по культурным причинам либо какого-то рода политическим соображениям завершить этот процесс, а значит, обречены на постоянное отставание в мировой конкуренции моделей развития и циклическое повторение не доводимой до конца модернизации (точнее, технологических стадий модернизации).

¹ *Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.*

■ *Модернизация не равнозначна вестернизации.*

Действительно в один из ключевых периодов развития мирового общества (XVII–XX вв.) процесс модернизации концентрировался на Западе. Именно страны Запада в силу целого ряда причин сформулировали поначалу спонтанно, а затем и целенаправленно принципы структурной модернизации, что и вызвало, в конечном счете, ускоренное развитие этой части мира по сравнению с другими странами и народами. Однако модернизация и развитие постепенно превратились в глобальные процессы, возникли и другие их виды и модели. В частности, в последние три десятилетия мы видим, что восточноазиатская модель модернизации оказалась для целого ряда стран исключительно успешной. Именно это, судя по всему, привело к осознанию необходимости изменения параметров теоретического осмысления мирового модернизационного процесса. Иными словами, если индустриализация впервые произошла в странах Запада и они же впервые сумели придать этому процессу экономическую, политическую и социальную завершенность, то опыт стран Восточной Азии последних трех десятилетий показал, что вестернизация — это только одна из моделей модернизации, т.е. в процессе мирового развития и осуществления модернизации некоторые параметры отражают всеобщие закономерности мирового развития, а некоторые не только вполне допускают региональную / страновую вариативность, но и предполагают ее как неперемнную составляющую успеха этого процесса в обществах разного типа. Такая постановка вопроса предполагает по крайней мере две версии завершенной модернизации: вестернизированную (развитые страны Запада) и восточноазиатскую (Япония, Тайвань и, с оговорками, некоторые другие страны).

■ М. Вебер был прав, выявив *взаимосвязь предпосылок модернизации и принципов протестантской этики* и показав, что европейская модель модернизации была обусловлена появлением именно этого явления.

В то же время, несмотря на в целом правильную постановку вопроса, из этого положения можно сделать три разных вывода. Можно воспринимать наличие протестантской этики как необходимую часть вестернизированной модели развития, но можно считать ее и уникальным европейским явлением. В то же время она может считаться и отражением общей закономерности на пути модернизации — проявлением в социуме так называемой «присваивающей рациональности» (*acquisitive rationality* в терминологии Р. Инглхарта), которая на Востоке могла приобрести и в действительности приобретала другое наполнение, чем на Западе. В странах Восточной Азии сущностное наполнение категории «присваивающей рациональности» было связано с конфуцианством и азиатскими

ценностями. Как только восточноазиатскими обществами интуитивно была осознана инструментальная необходимость функционального наполнения этой категории локализованными представлениями, эти общества стали стремительно развиваться и модернизироваться без неременной насильственной или навязанной извне вестернизации, но и без обязательного ее отторжения, которого требовали архаизированные и традиционалистски настроенные сегменты этих обществ. Другими словами, конфуцианские ценности в процессе социальной инженерии, осуществленной высокообразованными и прагматично настроенными слоями восточноазиатской элиты, в другом типе общества сыграли такую же роль, какую протестантизм сыграл в странах Запада на раннем этапе его модернизации.

■ *Демократизация не обязательно должна являться составной частью модернизации.*

Из этого положения следует, что модернизация может привести и к появлению национал-патриотической модели ускоренного развития в ее двух версиях: левый национал-социализм (коммунизм) и правый национал-социализм (фашизм), в то время как постмодернизация не способна происходить без демократизации, хотя ее степень и может различаться в зависимости от характера исторического развития обществ разных типов. Незавершенность процесса модернизации может затормозить переход к постмодернизационному этапу развития, а может и потребовать вторичного проведения модернизации, чтобы придать этому процессу заверченный характер.

Таким образом, социоэкономические изменения в обществе предстают в виде нелинейного, многоформатного процесса, описание и анализ которого нуждается в дополнительных исследованиях и дополнительной концептуализации, поэтому в ходе процесса модернизации, изначально связанного прежде всего с экономическим развитием и экономическими изменениями (отсюда корни экономического детерминизма К. Маркса), на первый план выходят изменения культурные (отсюда проистекает культурно-социологический детерминизм М. Вэбера). По-видимому, именно изменения в культуре становятся преобладающими на этапе перехода от модернизированного общества (этап модернизации) к обществу постмодернизированному (этап постмодернизации). В то же время культура — не единственный фактор, который формирует реальность. Если общество перестает развиваться или развивается неравномерно и перехода от этапа модернизации к этапу постмодернизации не происходит, анализ культурного фактора может помочь в понимании, что в социальном развитии происходит не так, как это должно было быть

в соответствии с общемировыми закономерностями. Но культурно-цивилизационный фактор может способствовать не только развитию, но и архаизации общества, и тогда политическая надстройка начинает деградировать, что способно вызвать как экономическое отставание, так и демодернизацию. Таким образом, переход от модернизации к другим фазам общественного развития связан с развитием и других, а не только культурных факторов. Модернизация как прежде всего экономический процесс в действительности требует многоформатного развития всех ключевых факторов общества — экономических, культурных и политических, которые могут происходить раздельно, но для завершения процесса модернизации, в конечном счете, должны быть сведены вместе. Верно положение о том, что экономика формирует факторы культурного и политического развития, но справедливо и обратное — культура и политика формируют уровень экономического развития. Таким образом, экономика общества формирует его объективные институты, а культура и политика их субъективную составляющую: отношения, ценности, знания, которые могут способствовать, а могут и не способствовать (и даже препятствовать) прогрессивной эволюции институтов и дальнейшему развитию экономики.

Общество со стабильной экономической и политической системой формирует культурную систему и культурную среду, которые усиливают легитимацию всей системы, что в конечном счете способствует его экономическому и политическому развитию. В таком обществе системы норм и правил, которым подчиняются его члены, становятся внутренне необходимыми для всего общества. Соответственно, общества такого типа имеют больше шансов на преодоление разного рода кризисов, т.е. на выживание в мировой конкуренции. Если же этого не происходит, то правящие политические элиты могут заставить общество подчиняться с помощью насилия, в том числе и навязанного извне, что увеличивает затраты на управление и приводит к неизбежным политическим кризисам. Такой вариант развития может привести к разным результатам: ускоренному экономическому развитию авторитарного типа, появлению режимов неконсолидированной или консолидированной демократии или же к архаизации и деградации обществ в зависимости от конкретных экономических, политических и культурных условий.

Явления модернизации и постмодернизации не имеют этноцентричной окраски, так как сам процесс социальных изменений не является априори этноцентричным. Однако в конкретной жизни модернизация в тех или иных обществах может иметь и этноцентрическую окраску, по-видимому, в зависимости от типа нации: этнокультурного или гражд-

данско-территориального. Это, в частности, может объяснять успех или неуспех модернизации тех или иных государств в конкретных исторических условиях. Научное объективизированное понимание основных траекторий модернизации и набора общих закономерностей мирового развития неизбежно приводит к мысли о том, что одни траектории модернизации являются более вероятными, в то время как другие — менее вероятными. Выбор траекторий и модели их конкретного воплощения в жизнь связаны, в частности, со степенью зрелости политической элиты, наличием и степенью зрелости гражданского общества в конкретных странах, а также и целым рядом других условий (поддержка извне, наличие внешних угроз и др.).

На протяжении многих лет человеческой истории были опробованы разные формы социальной организации и разные траектории развития и, в конечном счете, одни из них не оправдались, а другие превратились в доминирующие. Доминирующие формы социальной организации были подкреплены более успешным экономическим развитием, т.е. наличием функциональных преимуществ, способствующих развитию. Именно таким образом, в конечном счете, и было вытеснено собирательство как основная форма хозяйствования, что сделало доминирующими общества аграрного, а потом привело им на смену общества индустриального типа. Несмотря на то что собирательство как форма экономического действия существует и в современном обществе, оно не может обеспечить развития, и такой формой экономической деятельности занимается едва ли не десятитысячная часть человеческой популяции¹. Исчерпание потенциала индустриального развития (экология, ограниченность ресурсов, демографический переход и др.) неизбежно ставит вопрос о переходе на стадию постиндустриального развития. В то же время сами модели постиндустриального развития могут обладать значительным своеобразием. Понимание общих закономерностей развития, как экономического, так и политического, не означает одинаковости и всеобщей стандартизации человеческого сообщества, в котором сосуществуют разные формы культур и социокультурных институтов, но развитие которого все же подвержено влиянию общих закономерностей и общей логике.

Понятно, что культура неразрывно связана с традицией. Дело в том, что взаимодействие человека с внешним миром определяется субъектив-

¹ Связь между формами социальной организации и формами экономической деятельности показана Инглхартом. См: *Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies.* Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.

ным набором норм и правил, которые варьируются в зависимости от роли этнического и географического фактора в развитии обществ. Они, в свою очередь, формируют конкретный опыт социализации в конкретном обществе. Этот конкретный опыт социализации и составляет культурно-цивилизационную базу того или иного общества, он только частично, но одновременно и достаточно крепко связан с традицией. Именно это определяет наличие элементов консерватизма в любой культуре. Культурные стереотипы в обществе не могут изменяться в одночасье, поскольку именно они удерживают, в конечном счете, общество от распада. Одновременно культурные стереотипы могут как способствовать, так и препятствовать развитию. Специфика сегодняшнего этапа развития состоит в том, что мир действительно переходит в новую историческую фазу развития, связанную с появлением нового экономического уклада, и эта фаза, в конечном счете, скорее объясняется концепцией постмодернизации, чем какой-либо другой, поскольку предсказанные на основе концепции перехода от модернизации к постмодернизации траектории всеобщих изменений для целого ряда обществ уже подтверждены практикой, т.е. являются реально свершившимися событиями, реальными историческими фактами. Такое понимание меняет контекст объяснений событиям, происходящим на Востоке. В настоящее время зафиксировано три типа объяснений, которые связаны с происходящими изменениями при переходе к этапу постмодернизации в развитии:

1. На постмодернизационном этапе в ряде сегментов общества может наблюдаться отрицание научного знания и значения новых технологий, т.е. некоторые социальные страты в обществе могут отрицать рациональность, авторитет знания, технологии, хотя и активно ими пользоваться, или же ассоциировать их только с одним региональным вариантом развития — вестернизацией. Таким образом, при общем переходе от модернизации к постмодернизации в некоторых конкретных обществах, как с незаконченной модернизацией, так и находящихся на этапе перехода к постмодернизации, может происходить отрицание модернизации, как навязанной извне траектории развития — вестернизации. При этом общие закономерности модернизации (осовременивания) в целом могут и не отрицаться — нужно индустриализоваться, но индустриализация не воспринимается как вестернизация, хотя эта общая закономерность развития была впервые связана именно с траекторией развития западных обществ. При этом незаконченность модернизации в некоторых обществах может порождать стремление повторять технологические стадии модернизации (к примеру, индустриализацию) снова и снова, откладывая другие аспекты модернизации на потом и не понимая, что

никакой «отдельной» технологической модернизации, к примеру, в архизирующемся обществе осуществить не удастся.

2. Постмодернизация связана с воскрешением традиции, которая изначально в человеческом обществе была ориентирована на сохранение коллективного опыта выживания. Поскольку модернизация предполагает индустриализацию, которая разрушает доиндустриальные формы экономических укладов, включая и присущие им традиции, провозглашается «возвращение традиции» как преодоление навязанной траектории вестернизации.

3. Постмодернизация провозглашает приход новых ценностей и нового образа жизни, предполагающих уважительное отношение к этническому, культурному и другому разнообразию, противостоящие стандартизированному видению мира, привнесённому предыдущим этапом развития — модернизацией, и особенно в ее крайних, вестернизированных вариантах¹.

4. Постмодернизация приводит к замене идеологии культурой. Если К. Маркс определял традиционную идеологию как сознание, формируемое властью имущими с целью оправдания их права на правление и эксплуатацию как неизбежную форму социальной организации, то М. Фуко оспорил этот вывод для постмодернизационного периода развития. На этапе постмодернизации, по его мнению, именно устойчивые культурные системы обеспечивают политическую легитимность политическим режимам, т.е. культура способствует легитимации социальных порядков. Именно культура интегрирует общество посредством консенсусного формирования общих целей развития и одновременно формирует морально-этические ограничения для политической элиты². Таким образом, в обществах постмодернизационного типа система культурно-укорененных в широких слоях представлений об общих целях развития общества легитимизирует конкретные политические режимы, приходящие к власти через систему всеобщих, открытых, справедливых выборов. Постмодернизационные тенденции изменяют представления общества о самом себе: они способствуют исчезновению унифицированных массовых представлений, на смену которым прихо-

¹ Подробнее см.: *Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies.* Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997. P. 23.

² Подробнее см.: *Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой.* СПб.: А-сэд., 1994; *Он же. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр., сост., коммент. и послесл. С. Табачниковой.* М.: Касталь, 1996; *Он же. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова.* СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга (Серия «Au Pura. Французская коллекция»), 2004.

дит представления об автономном развитии личности и разнообразии путей достижения этой автономии в рамках общих закономерностей развития.

Постмодернизационный этап развития и на Востоке, и на Западе меняет культурно-цивилизационные стереотипы, т.е. культура изменяет типы накопления — духовное развитие и духовное богатство выходят на первый план не потому, что в обществе отсутствуют какие-либо материальные блага, недостаток которых нужно каким-то образом объяснить и идеологически оправдать, а потому, что в ходе модернизации бедность как социальное явление преодолевается, а развитие технологий делает возможным быстрое экономическое развитие без насилия над личностью и обществом. Новый этап развития требует подготовки и высвобождения все больших интеллектуальных ресурсов для разработки политики дальнейшего развития, базу для которого создает преодоление бедности и общий рост мировой экономики.

Посмодернизационный этап развития меняет приоритеты для человечества в целом, прежде всего изменяя систему ценностей. Если на этапе модернизации преобладали материальные цели, т.е. экономический рост ассоциировался с прогрессом и становился мерилем успеха обществ того или иного типа, социальный статус являлся индивидуальным результатом успешной экономической деятельности индивидуума, а во главу угла ставилась деконструкция традиционных общественных ценностей и ускорение социальной мобильности, то в ходе перехода на постмодернизационный этап развития обществ акцент делается на качестве жизни, обеспечении права свободного выбора образа жизни в соответствии со своими внутренними устремлениями и индивидуальным самовыражением.

Модернизация привела к исчерпанию возможностей развития иерархических бюрократических организаций традиционного типа, которые, собственно, и были инструментами мобилизации населения для создания современного индустриализованного общества. В создании такой модели огромную роль сыграло бюрократическое государство как социальный институт, политические партии как инструмент политической мобилизации, линии массового производства (индустриальный конвейер), профсоюзы и иерархически организованные корпорации. Именно эти институты становились инструментами мобилизации энергии масс на осуществление индустриальной революции, организации современной системы государств и ее повсеместного распространения. Однако этап постмодернизационного развития привел к серьезным организационным и мотивационным изменениям,

при которых мобилизационный потенциал существовавших на этапе модернизации институтов оказался практически полностью исчерпанным. Теория демографического перехода (С. Капица) свидетельствует о демографической стабилизации населения, что в свою очередь может быть интерпретировано как то, что человечество в целом решило проблему выживаемости своего вида. Этот факт, в свою очередь, получил отражение в появлении новых культурно-цивилизационных ценностей, которые постепенно стали ориентировать людей на смягчение конкуренции во имя общей экономической выживаемости биологического вида *homo sapiens*. В обществах, перешедших на этап постмодернизации, население больше не голодает и не испытывает чувства экономической неуверенности, именно поэтому в них и происходит изменение системы ценностей в первую очередь. Новая система ценностей ориентирует людей на формирование чувства общей принадлежности к человеческому роду в независимости от расовой или этнической принадлежности, на конструктивный национализм, достижение социального уважения, интеллектуального и эстетического удовлетворения, а не на конкуренцию за выживаемость, агрессивный национализм, борьбу за власть, за приращение территорий, за обладание материальными ресурсами, хотя и не отменяет полностью конкуренцию моделей развития и соперничество.

Однако человеческие общества, перешедшие на этап постиндустриального развития, оказались подвержены рискам в неменьшей степени, чем традиционные, только природа этих рисков изменилась кардинальным образом. Эволюция обществ неизбежно приводит к синтезу разного рода мировоззрений, появлению концепций гуманных плюралистических обществ, не основанных на неизбежном применении насилия к его членам и ограничивающих такое насилие. Чувство экономической безопасности на этапе постмодернизационного развития уменьшает значение абсолютных правил и жестких норм, поэтому такие общества становятся более терпимыми к девиантному поведению, если оно не угрожает его физическому существованию. Они становятся менее стандартизированными, в них трансформируется понятие власти — она становится более гуманной, а общества в целом — более открытыми и демократичными. Все это, с одной стороны, требует новых парадигм исследования и прогнозирования, нового исследовательского и концептуального инструментария, с другой — создает определенные рамки понимания общих закономерностей мирового развития и системы координат, в которой рассматриваются факторы и оцениваются векторы мирового развития.

Проблема обеспечения социально-политического доступа и сохранения политического порядка

Если мы исходим из того, что при достижении определенного уровня экономического развития ослабление контроля над социально-политическим доступом становится неизбежным, что в свою очередь способствует ускорению экономического развития через максимально возможную добровольную и сознательную мобилизацию масс, то мы рано или поздно спросим себя, а почему же представители политической элиты не озаботятся вопросом о том, как ввести в своих странах демократическое правление. Действительно к концу 1990-х годов около 120 стран мира (т.е. более 60% всех стран) избрали политические режимы выборной демократии. Этот факт и послужил основой для выдвижения С. Хантингтоном концепции «третьей волны демократизации»¹. Однако к концу 1990-х наметился явный откат, и дальнейшего углубления и расширения процесса демократизации не произошло². Связано ли это с какими-либо неудачами или же возможными ограничениями в этом процессе? Ответ на эти вопросы представляется отнюдь не тривиальным и не таким уж простым. Прежде всего, он связан с оценкой или переоценкой прогностических способностей политической науки и метода политического анализа, но также и в целом с возможностью правильно интерпретировать характер и прогнозировать ход мировых политических процессов.

К концу XX в. возникло достаточно много новых явлений, которые свидетельствовали о незавершенности процесса модернизации для ряда обществ и соответственно объясняли торможение процесса перехода от этапа модернизации к этапу постмодернизации для обществ, которые достигли уровня экономического развития, который позволял в принципе начать такой переход.

Прежде всего, страны, начавшие переход от этапа модернизации к этапу постмодернизации и от этапа естественного социально-политического доступа к построению системы открытого социального доступа, в силу многих причин как бы «зависли» на этапе перехода в «серой зоне» не авторитарных, но и не демократических государств. Введя выборность, эти страны не могли или по каким-то причинам не захотели продвинуться дальше на пути построения системы открытого социально-политического доступа, что заставило кардинальным образом пересматривать

¹ *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

² *How East Asians View Democracy / Ed. by Yun-han Chu, L. Diamond, A. J. Nathan and Doh Chull Shin.* N.Y.: Columbia University Press, 2008.

все основные положения такого нового формирующегося направления политической науки, как транзитология (*transition studies*)¹. Это положение вещей, в свою очередь, привело к формулированию концепций «нелиберальной демократии» (Ф. Закария) и «гибридных политических режимов».

Далее возникла проблема сравнения реальной эффективности управления демократических режимов и авторитарных. Дело в том, что ранее были сформулированы в целом совершенно правильные теоретические представления о том, что демократическое правление в целом более эффективно, чем авторитарное, что и приводит в конечном счете к постепенному отмиранию авторитаризма и, теоретически, ко всеобщей демократизации. Однако к концу XX в. возник целый ряд популистских режимов (Венесуэла, Боливия), которые стали успешно эксплуатировать неспособность в ряде стран политического режима неконсолидированной демократии решать проблемы бедности, социальной справедливости, экономического обнищания некоторых сегментов общества или даже целых социальных классов. Более того, оказалась в целом недооценена способность отдельных авторитарных режимов к самореформированию и повышению внутренней конкурентоспособности, в то время как события «арабской весны» в целом подтвердили тенденцию отмирания наиболее одиозных и неэффективных вариантов авторитарного правления. Так возникла неожиданная для многих политиков и политологов проблема своеобразной конкуренции моделей развития не только между демократиями и автократиями, но и между ответственными авторитарными режимами (к примеру, социализм с китайской спецификой в КНР) и расхитительскими режимами: брутальным персоналистским или идеологическим / клерикальным авторитаризмом (Ливия), безответственными неконсолидированными демократиями (некоторые африканские и азиатские государства). Кроме того, и некоторые старые демократии (к примеру, Индия) при ближайшем рассмотрении оказались подвержены порокам, которые, казалось бы, при такой долгой истории демократического развития должны были уже исчезнуть или же быть сведены к минимуму. Однако бедность и коррупция в этих странах оказались так и не преодоленными, а расслоение в обществе продолжало углубляться, несмотря на экономический рост и явные успехи в некоторых сегментах экономики (электроника, хай-тек, фармацевтика, программирование и др.).

Оказалось, что, хотя в целом глобальный капитализм обеспечил невиданные ранее темпы экономического развития — с 1970-х годов

¹ Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.

мировая экономика выросла как минимум в четыре раза, — так и не была создана модель рыночного развития без периодических кризисов, а самая современная версия экономического строя — глобальный финансовый капитализм оказался сопряжен еще и с таким новым явлением, как крайняя финансовая волатильность. Несмотря на то что причины всех этих новых явлений уже получили свое объяснение в исследовательской литературе¹, государства и мировое сообщество в целом так и не выработали надежных механизмов предотвращения мировых кризисных явлений финансово-экономического плана.

Кроме этого, в политико-экономической сфере государства-лидера мировой системы — США — возникли абсолютно новые явления политико-экономического характера: государство-гегемон стало постепенно трансформироваться в государство-доминант и государство-лидер, но при этом содержание категории мирового лидерства в силу факторов объективного и субъективного характера оказалось подвержено эрозии². Способствовали этому как внешние, так и внутренние причины. Некоторые государства постарались эрозию мирового лидерства США ускорить, это лидерство дополнительно подорвать (события «9/11»), что привело к военному вмешательству США при президенте-республиканце в дела целого ряда государств и регионов. Но решающую роль в этом процессе эрозии или трансформации мирового лидерства все же играли внутриамериканские фискально-финансовые факторы. Кроме того, политическая система США оказалась поляризована в гораздо большей степени, чем это казалось возможным ранее, формирование внутривластного консенсуса в США и особенно между разными ветвями политической власти оказалось затрудненным, а внешние «малые» войны США не привели к окончательной победе рынка и демократии во всем мире³. Таким образом, на практике переход к системе открытого социально-политического доступа оказался обусловлен необходимостью сохранения достаточно жесткого политического порядка, а в некоторых случаях даже введением мер его дополнительного обеспечения.

Политический порядок связан с тремя социальными институтами: государством, системой правопорядка и системой эффективного государственного управления⁴, которые начали трансформироваться в новое

¹ Литература и объяснения представлены, к примеру, в книге: Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр, 2014.

² Подробнее см.: Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр, 2014. С. 211–220.

³ Подробнее см.: *Pfiffner J.* The Modern Presidency. Wadsworth: Cengage Learning, 2011.

⁴ *Fukuyama F.* The Origins of Political Order. L.: Profile Books, 2012. P. 16.

качество, но эта трансформация оказалось незавершенной, более того — сама модель трансформации оказалась сильно подверженной внешним воздействиям различного рода. Таким образом, политическое развитие не только оказалось сложным и многосоставным процессом, но оно, по-видимому, в разных обществах представляет собой разную степень равновесия составных частей общественной системы, обеспечивающих открытый социальный доступ и, одновременно, поддерживающих политический порядок. Понимание политической модернизации не просто как процесса линейного движения по этапам системы социально-политического доступа от стадий ограниченного доступа (естественный доступ) к более открытым стадиям (открытый доступ), но также и как процесса определенного соотношения и равновесия факторов, обеспечивающих социально-политический доступ, его большую или меньшую открытость, и институтов обеспечения политического порядка и объясняет:

- наличие разного рода классификаций политических систем;
- возможности объяснения мировой политической динамики во всей ее сложности и социально-политической конкретике.

Многомерная пространственно-аналитическая концепция

Таким образом, важность применения сравнительных процедур в политическом анализе объясняется необходимостью придания исследованию объяснительного характера в более широком, чем страновой или даже региональный, контексте. Такая постановка вопроса дает понимание факта, что не все, даже самые распространенные, ценности, структуры, институты имеют всеобщий характер. Стремление использовать удачный опыт других не гарантирует его пригодность в иных условиях и иных странах. Для того чтобы стать успешно функционирующими, импортированные институты должны быть правильно встроены в культурно-исторический контекст иной реальности либо быть преобразованными функционально, применительно к социально-политическим особенностям других обществ. Кроме этого, традиционные институты также могут быть трансформированы и модернизированы таким образом, чтобы выполнять новые функции, в соответствии с новыми требованиями глобализирующегося мира. Иногда такая трансформация приводит к гораздо большим структурным изменениям, чем простой импорт чужеродных политических институтов, которые могут просто отторгаться, поскольку «значимость функциональных эквивалентностей может меняться не только в соответствии с различиями, существующими между сравниваемыми странами, но также в зависимости от роли,

принадлежащей данной функции, и ее значения в данной политической системе»¹. Несмотря на то что эмпирическое объяснение принципа функциональной эквивалентности и трансформация обществ на его основе на практике дело достаточно сложное, тем не менее «теоретическое представление о том, что некоторые функции выполняются повсюду, помогло компаративистам понять важность некоторых структур, выявить их скрытые задачи, их побочные роли»². Однако одновременное применение принципов сравнительного анализа и функциональной эквивалентности, рационально ограниченное рамками типологизированных политических систем, что препятствует размыванию истинного содержания политических понятий, позволяет по-новому понять и объяснить универсальное или символизирующее значение основополагающих институтов, категорий, процессов³. Это возвращает нас к понятию политической культуры как системы политических убеждений, мнений и ценностей, преобладающих в государстве в конкретный период его существования, поскольку именно оно помогает понять появление различий, которые не поддаются объяснениям с точки зрения выявленного сходства и различия структурных переменных. Конечно, понятие культура, и политическая культура в частности, не может заменить объяснений на основе структурных переменных и причинно-следственных связей, однако оно может помочь анализировать специфику политической социализации и политических действий, что способствует пониманию того, что не только политическая система влияет на политическую культуру, но и политическая культура на политическую систему. Один из примеров такого влияния — «глупое правление» (*sotto governo*) — некомпетентное, коррумпированное, расхитительное и неэффективное, которое может побудить народ не доверять правительству и перейти от официальных институтов или легальных принципов политической борьбы к другим, в том числе и нелегальным приемам, которые вследствие этого приобретают легитимность в глазах масс. В современных условиях такое положение вещей может привести к конкуренции не только между демократическим и авторитарным правлением, но и между неконсолированными неэффективными демократическими режимами и эффективными авторитарными. Политическая культура поддается аккультурации через образование и социализацию,

¹ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М: Ин-т социальных-политических исследований РАН, 1994. С. 63.

² Там же.

³ Демократия в российском зеркале. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2013. С. 5–8.

но процессы архаизации могут сильно затормозить или даже повернуть вспять этот процесс, т.е. процессы общественной устойчивости и непрерывности развития могут быть нарушены в частности и из-за архаизации политической культуры. В этом видится влияние политической культуры на соотношение непрерывности и перемен в различных обществах и различных ситуациях.

Признание этих положений позволит дополнить (или, точнее, наполнить) понимание общего вектора мировой политической динамики и общих закономерностей функционирования политических систем региональной и страновой «плотью и кровью», т.е. конкретным анализом специфики политических систем и политических культур других стран и регионов мира, в частности стран Востока, во всей сложности их реального функционирования, что и предлагается сделать читателю данной книги. Иными словами, пространственно-аналитическая концепция и кросс-региональный пространственно-аналитический политический анализ позволяют понять структурную специфику реальных политических процессов в регионе, объяснить и прогнозировать конкретные формы их протекания, не потеряв при этом понимания общего вектора мирового, в том числе и политического, развития. Таким образом, переход от системы естественного социально-политического доступа к системе открытого социально политического доступа проходит несколько возможных, но не обязательных возвратно-поступательных стадий развития через определенные этапы зрелого естественного политического доступа, из которых можно выделить следующие: архаизированный, традиционалистский, анклавный, анклавно-конгломеративный, конгломеративный, гибридный, переходный. На этапе политических режимов гибридного и переходного типа (нелиберальная демократия) посредством роста степени зрелости политической культуры и всесторонней модернизации происходит переход к неконсолидированной демократии западного типа (вестернизация) или к неконсолидированной демократии незападного типа (незападная демократия), представляющим собой по сути версии определенного, но различного в первом и во втором случае баланса региональных факторов социально-политического доступа и региональных факторов поддержания политического порядка. Конкретный «набор» этих факторов, обеспечивающих стабильность и развитие данного общества, зависит как от общих закономерностей (так называемые необходимые и достаточные условия демократии), так и от конкретных, специфических экономических, историко-культурных, этноконфессиональных условий конкретных обществ. Вопрос о дальнейшем движении от стадии неконсолидированной вестернизированной демократии или незападной

демократии к либеральной или же незападной как самостоятельному типу демократии остается открытым, как, впрочем, и объяснения возможного попятного движения некоторых обществ на этом пути. Одно из объяснений различия траекторий движения в этой точке (так называемая проблема политической развилки) связано с возможностью или невозможностью сохранения баланса факторов, регулирующих с одной стороны открытость системы социально-политического доступа, с другой — необходимость сохранения политического порядка, без которого вообще невозможно развитие, и, одновременно, преодоление возможного политического хаоса, если открытие доступа происходит внезапно, в ходе неожиданного экономического или политического кризиса всей системы.

Анализ конкретного материала по данной проблематике должен начинаться с выяснения общих принципов построения типологии и форм функционирования политических систем¹, далее можно переходить к ознакомлению с общими характеристиками политических систем разных государств регионов мира, типологизированных по разным критериям², потом углубиться в анализ конкретной специфики функционирования восточных политических систем определенного типа в определенных регионах (т.е. в разных «пространственных» или «спатальных» развертках), а затем уже исследовать пути эволюции политических систем и их региональную / цивилизационную специфику, т.е. анализ материала должен основываться на многомерном пространственно-аналитическом анализе, а не на преваляровавшем ранее противопоставлении «спатального» («пространственного») принципа «аналитическому». При этом очевидно, что, учитывая региональную / страновую специфику, мы неизбежно должны принимать во внимание три фактора, характеризующие соотношение общего и особенного в современном развитии, т.е. мы должны решить:

- насколько велика дистанция, отделяющая сравниваемые страны от лидеров мировой экономики, поскольку дистанция, которую нужно преодолеть, определяет последовательность постановки и решения задач политической модернизации;

¹ Основная литература на русском языке по этой проблематике: *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002; *Эндрейн Ч. Ф.* Сравнительный анализ политических систем. М.: Инфра-М; Весь мир, 2000; *Сморгунов Л. С.* Современная сравнительная политология. М.: МОНФ, 2002.

² Основная литература: Политические системы современных государств: В 4 т. / Гл. ред. А. В. Торкунов, н. ред. А. Ю. Мельвиль. М.: Аспект Пресс, 2010–2014; *Дербишайр Дж., Дербишайр Я.* Политические системы мира. М.: РИПОЛ классик, 2004; *Вся Азия: Справочник.* М.: АСТ-Муравей, 2003.

Раздел I. Сравнительный анализ политических систем мира

- каково конкретное соотношение доминирующей идеологии, государственной политики и национальной стратегии развития в конкретном государстве;
- каковы особенности политической культуры сравниваемых стран, как они влияют на процесс складывания политической системы, какова роль традиции в политической культуре и как, напрямую или опосредованно, эти факторы влияют на траекторию развития страны¹.

Эти факторы, принятые во внимание, помогают соотнести пространственно-аналитическую схему политических систем государств мира с линейно-плоскостной характеристикой системы социально-политического доступа, в частности и через разного рода рейтинги демократии и политического развития, в единую многомерную пространственно-аналитическую модель мирового политического процесса.

Таким образом, применяя пространственно-аналитический принцип и принимая во внимание факторы, определяющие соотношение общего и особенного в современном развитии², можно будет получить представление о специфике эволюции и функционирования политических систем Востока, не забывая об общих закономерностях, а знание общих закономерностей не будет исключать не только конкретного знания того, как функционируют политические системы конкретных стран Востока, но и специфики их функционирования. При этом полученные знания не будут оторваны от жизни, а могут быть достаточно легко применены в практической деятельности.

¹ Можно сравнить с четырьмя положениями, сформулированными Е. Гайдаром. Аргументация развернута в гл. 3. См.: *Gaidar E. T.* Долгое время. М.: Дело, 2005. С. 82–83.

² В последние годы появилось несколько очень серьезных работ по сравнительной политологии, в которых на основе достижений политической науки последних десятилетий обобщен процесс политического развития в современном мире. См.: *Clark W. R., Golder M., Golder S. N.* Principles of Comparative Politics. Washington: CQ Press, 2009; *Hague R., Harrop M.* Comparative Government and Politics. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010; *O'Neil P. H.* Essentials of Comparative Politics. N.Y. & L.: W. W. Norton & Co, 2010; *O'Neil P. H., Fields K., Share D.* Cases in Comparative Politics. N.Y. & L.: W. W. Norton & Co, 2010.

2

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Понятие политической культуры

Понятие политической культуры имеет отношение к человеческим эмоциям, нравственным ценностям, мифам, теоретическим построениям, которые, с одной стороны, позволяют людям осмысливать и оценивать политику, ориентироваться в ней, а с другой — непосредственно на нее влияют. За этим понятием стоит некая трудноуловимая реальность — подлинные чувства, мысли и оценки людей по поводу политики. Однако политическая культура не есть реальность как таковая. Это аналитическая абстракция, которую более активно и плодотворно используют те из политологов, кто изучает психологию и культуру властвования, социокультурные аспекты политического поведения.

В последние годы обществоведы особенно часто прибегают к обсуждению политической культуры как к средству объяснения различий между политическими системами. Однако элемент саморефлексии в такого рода обсуждениях, как представляется, не всегда достаточен. Между тем ясно, что уже сам по себе выбор определенного эмпирического материала, которому отдается предпочтение в том или ином исследовании на фоне бесчисленного множества альтернативных источников информации, означает, что сделан шаг в направлении знания, отражающий некие заранее данные представления о природе социальной реальности и тех механизмах, которые лучше использовать в познавательном процессе.

Обнаружить теоретико-познавательные позиции и культурные пристрастия ученых, изучающих политическую культуру, вывести их на поверхность и проанализировать помогает когнитивный подход (от лат. *cognitio* — знание, познание). Он подразумевает, что ученый, как и любой человек, воспринимающий, перерабатывающий и производящий информацию, руководствуется определенными схемами, моделями, правилами, стратегиями и теориями, что приводит в итоге к отличиям в понимании разными людьми одних и тех же явлений. Эпистемология и идеология сказываются на том, как ученые видят тот или иной феномен и подбирают концептуальные схемы и подходы к нему, заимствуя их из области антропологии, политологии, психологии или социологии.

Политическая культура, как мы привыкли ее понимать, вторична по отношению к культуре социальной. Последнюю же принято связывать с нравами и обычаями, с наблюдениями ума и жизненным опытом, которыми люди обмениваются друг с другом и которые они передают следующим поколениям. Культура возникает и существует в процессе и в результате коммуникации.

Коммуникация — процесс двусторонний. Чтобы ум другого человека откликнулся на наши соображения и представления, необходимо средство коммуникации, доступное восприятию органами чувств нашего респондента, — какой-то жест, звук, листок бумаги с начертанными на нем символами. Языку, на котором идет общение, в культуре отводится особая роль.

Уже в XVIII в. издавна предпринимавшиеся попытки теоретического осмысления культуры привели к оформлению философии культуры, в области которой одной из основных величин признают немецкого мыслителя Иоханна Готфрида Гердера (1744—1803). Не выглядит случайным в данной связи, что Гердер считается, кроме того, основоположником лингвистики и сравнительного языкознания, а также методов сравнительного изучения религий и мифологии. Наконец, его считают первым, кто употребил непосредственно интересующее нас словосочетание «политическая культура».

Гердер отвергал представление, будто возникновение религии вызвано бессознательными страхами примитивного человека, и выдвинул взамен свою теорию, согласно которой религия — это одна из первых по времени попыток человека в доступной для него форме объяснить окружавшие его жизненные явления. Таким образом, Гердер связал религию с мифологией и примитивными формами поэзии. В то же время в своем важнейшем, хотя и не оконченном произведении — «Идеи о философии истории человечества» — он рассматривал человека как часть природы, а разнообразные формы развития человеческой культуры как следствие влияния на него естественных условий. Гердерова философия культуры противоположна антропологии Иммануила Канта (1724—1804), согласно представлениям которого человек познающий в конце концов освобождается от влияния внешнего мира. Его поведение подчиняется тогда только его собственному разуму, который следует моральному императиву. Если Гердер считал, по-видимому, что культура помогает человеку более ясно увидеть окружающий его мир, то по мнению Канта выходит, что она, напротив, в конечном счете начинает мешать постепенному проявлению в нем качеств подлинной рациональной свободной воли. Подобный спор до сих пор не находит непосредственного разрешения, уязвая в разногласиях между эпистемологиями и социальными теориями.

Типологизация теоретических подходов в трактовке политической культуры

Эпистемология, как известно, есть раздел философии, имеющий дело с природой нашего знания, его достижимостью, адекватностью поставленной познавательной задаче, отношением знания к реальности. Из всего многообразия возможных эпистемологий выделим три (объективизм, конструкционизм и субъективизм), которые могут здесь быть для нас особо полезны в типологизации сложившихся по преимуществу на Западе подходов к политической культуре, и уточним разногласия между ними.

Объективизм приписывает познанию постижение реальных предметов и объективных идей. По мнению объективиста, политическая культура есть культура объективно правильного поведения в политике. Ее назначение сводится к тому, чтобы обеспечить взаимную предсказуемость действий политических акторов. При более пристальном рассмотрении обнаруживается, впрочем, что под культурой в таком случае, по сути, принято понимать последствия влияния сложившегося набора политических институтов как «черного ящика», внутри которого, невидимая для глаза наблюдателя, якобы происходит трансформация предпочтений акторов в реальную политику, понимаемая как своего рода «окультуривание».

Объективизм позитивистского направления предполагает при этом, что политическое поведение нужно строить на основании учета каждым разумным человеком реальных фактов и причинных связей между ними. Политическая культура предстает как умение человека адекватно реагировать в сфере политики на внешние вызовы и угрозы его образу жизни и существованию, иначе говоря — как следствие влияния на человеческую жизнь не зависящих от воли и сознания самого человека экзогенных факторов (географических, климатических и социальных условий, исторических и религиозных традиций). Так, к примеру, французский просветитель Шарль Монтескье (1689–1755) законы политической жизни различных стран объяснял, отталкиваясь от их природных особенностей и исторического опыта. Его наиболее усердным учеником в этом смысле стал Алексис Токвиль (1805–1859). Отправившись в Америку, он изучал там климат, религию, законы, принципы политического управления, обычаи и нравы американцев, постаравшись через описание сочетания данных факторов в импрессионистском ключе передать общий дух наступающей новой демократической эры. Такого рода исследования могут встречаться и ныне под маркой изучения «политической культуры», хотя прежде чаще прибегали к таким терминам, как «политическая идеология», «национальный характер» или «политическая психология».

Ученый-позитивист стремится как бы «высветить» зону неизвестности, которую составляет для него не подлежащая прямому наблюдению политическая культура, уменьшить или ликвидировать ее, т.е. сделать трансформацию предпочтений в политическое действие как можно более явной, но в процессе изучения политической культуры он тем самым как бы утрачивает непосредственный объект такого изучения. Точнее же было бы сказать, что его интересуют в данном случае не культурные факторы, а скорее неформальные и скрытые от посторонних, но тем не менее обязательные для соблюдения непосредственными участниками политического процесса правила и приемы адекватного поведения в политике, т.е. определенная, менее формальная часть политических институтов, о которых позитивист судит по внешним проявлениям — поведенческой практике. Зачастую он некорректно отождествляет последнюю с институтами как таковыми.

Если уточнить различия между разного рода институтами, то под правилами подразумеваются здесь особые предписания или запреты, которым подчинены действия политических акторов. Приемы — это процедуры принятия решений, к которым чаще всего прибегают, чтобы сделать коллективный выбор. Границы между культурой и институтами позитивист в целом не чувствует, что проявляется в узком понимании им «норм» как стандартов поведения, облеченных в форму политических прав и обязанностей.

Истоки иного варианта объективистской трактовки политической культуры мы находим в философии прагматизма. Авторство прагматической философии культуры принадлежит американцу Джорджу Герберту Миду (1863—1931). Здесь ее суть заключает в себе социально принятая система верования. Вера эта коллективная, т.е. она интерсубъективна по происхождению, и овладение культурой не очень зависит от сознательных умственных усилий отдельных членов данного общества. Если следовать логике прагматизма, то главный принцип человеческого поведения состоит в слепом подчинении высшим нравственным установлениям. Верно судить о политической культуре как своде нравственных норм, которые в некоем сообществе формируют коллективные ожидания его членов относительно ситуационно специфических способов политического поведения, мы, как посторонние наблюдатели, сможем, таким образом, если сумеем поставить себя на место его членов, доподлинно почувствуем себя в их шкуре и взглянем на мир их глазами.

По Миду, человек становится личностью потому, что он принадлежит к какому-то сообществу и воспринимает принятые в сообществе правила как свои собственные. Личностная идентичность формируется в процессе коммуникативного взаимодействия. Люди должны смотреть

на самих себя как на социальные объекты, а это возможно только в том случае, если они примут точку зрения других. Мид указывает, что такой процесс начинается в детстве. В игре ребенок учится мыслить с точки зрения «обобщенного другого», а позднее подобный образ мысли переносится на социальные (политические) институты. Особое значение придается, следовательно, процессу социализации, в ходе которого человек усваивает политические ценности, аттитюды, верования и нормы поведения, которые следует считать правильными.

Совершенно другие перспективы открывает субъективистская эпистемология. С этой точки зрения в мире культуры и социальной жизни нас окружают не естественные данности, но прежде всего среда, понятийно выстроенная. Политическая культура при этом трактуется как нормативное (справедливое, должное, морально оправданное) отношение к политике, которое люди воспроизводят некритично, как нечто само собой разумеющееся, тогда как по существу оно таковым не является, поскольку никакой смысл и никакое значение нельзя априорно считать простыми и очевидными, а уж тем более единственно возможными. Роль политической культуры при таком подходе сводится к навязыванию актерам политических ролей и ориентации соответственно сложившимся в сообществе субъективным представлениям. Подобное видение культуры разрабатывалось французским философом Мишелем Фуко (1926—1984) в его концепции «власти—знания», где назначение культуры усматривается в продуцировании определенных форм властных отношений в обществе.

Центральным для данной концепции является понятие дискурса, подразумевающее текст вместе с заключенными в нем образцами постановки проблем и подхода к их решению. Всякий дискурс структурирован соответственно определенным правилам, которые ограничивают набор возможных дискурсивных артикуляций. Это не произвольная смесь высказываний, от каждого из которых легко отказаться впоследствии, а детерминированное и ограниченное смысловое пространство. Таким образом, политическая культура как совокупность культурных кодов не есть органическая данность, независимая от того, что мы о ней говорим и думаем. Она может быть изменена, а господствующее на какой-то момент понимание происходящих политических событий — впоследствии оспорено и отвергнуто, даже поставлено с ног на голову. Но тем не менее политическая культура не может меняться произвольно, по индивидуальному желанию. Она выступает как результат коллективного употребления соответствующих слов и понятий в совокупности разных дискурсов. Участники политики предстают при этом не субъектами политического действия, но агентами культуры.

В значительной своей части теория постмодернизма аполитична. Постмодернизм стремится к преодолению противопоставления между

субъектом и объектом, прозревая в нем противные ему структурные отношения контроля, господства, подчинения, и к замене его противопоставлением публичной (политической) и частной сфер жизни человека. Последняя в принципе для постмодерниста значительно более интересна. Для объяснения происходящего в политике при данном подходе специалисту, если интерес к публичной сфере еще не до конца им утрачен, логичнее заняться анализом структур языка, литературных текстов, предметов и явлений искусства, мифов, ритуалов. Подразумевается, что в голове у человека осуществляется конструирование объекта познания, посредством которого индивидом как бы «мысленно присваиваются» находящиеся вне мышления объекты реальной политики.

Наконец, имеет хождение и набирает популярность, особенно в Европе, конструкционистский подход. Конструкционизм — это позиция, подразумевающая, что смысл окружающей их реальности люди не обнаруживают, а генерируют и передают друг другу сами, в процессе коллективного общения. В таком качестве конструкционизм как бы занимает срединную позицию между объективизмом и субъективизмом. (Социальный) конструкционизм часто не совсем точно называют также конструктивизмом, хотя последний термин, если следовать устоявшейся традиции, лучше подходит для определения эпистемологических соображений, в полной мере сосредоточенных на смыслотворческой деятельности индивидуального ума¹. Как особый способ объяснения, каким образом мы приходим к пониманию того, что нам известно о мире политического, конструкционизм воплощается сегодня во многих теоретических подходах, включая упомянутый вначале когнитивизм.

Основы конструкционистского представления о политической культуре были заложены феноменологией — философским направлением, акцентирующим постоянную возможность различия предмета и придаваемого ему людьми смысла. С феноменологической точки зрения явления вещей (феномены) не тождественны самим вещам. Представление о культуре как субъективной реальности связывается именно с существованием такого разрыва. С точки зрения следующего феноменологическому направлению конструкциониста, институты и культура не могут существовать в отрыве друг от друга. В социальной и политической практике они объединяются и формируют набор жизнеспособных образов жизни, «жизненных миров», своего рода первичной реальности, которая в феноменологии немецкого философа Эдмунда Гуссерля предпослана субъект-объектному членению.

¹ Подробнее см.: *Алексеева Т. А.* Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 4–21.

В согласии с таким подходом авторы собственной культурной теории американцы М. Томпсон и А. Вилдавски¹ вполне резонно полагают, к примеру, что сердцевина культуры — не общий язык, божество или флаг, т.е. не символы, жесты и ритуалы, как склонны были бы считать прагматики, а некая всеопределяющая логика, то, насколько последовательно одни и те же люди предрасположены к сходным позициям по вопросам, которые на поверхностный взгляд не кажутся тесно связанными между собой. Их теория подсказывает: если сделан выбор в пользу определенных идей и политических институтов, то за этим последует набор других позиций и образцов поведения, в совокупности присущих тому или иному образу жизни.

Исходя из вышесказанного, попытаемся теперь привести возможные подходы к изучению политической культуры в некое подобие системы.

Подходы объективистского направления

В центре внимания объективистских подходов разного типа не политическая культура как таковая, поскольку объективистский подход не феноменологичен по определению (считается, что человек видит и оценивает не явления вещей, но сами вещи непосредственно, т.е. видение его не является культурно опосредованным). Объективист, по сути, решает связываемую им с «культурой» проблему обоснования необходимости соблюдения субъектом правил, не им установленных.

Оформившийся первым позитивистский тип исходит из того, что политическая культура — это достаточно высокий уровень индивидуального владения реальными правилами поведения в политике, которые сформированы исторической традицией и опытом жизни людей в определенном обществе, а потому уже заранее проверены на практике. Прагматический подход трактует политическую культуру как безукоризненное следование индивида правилам политического доведения, которые основаны на социально принятой системе верования. Последнюю немислимо было бы опровергнуть. Влияние феноменологии здесь уже присутствует, однако оно не становится определяющим. Наконец, возможен и своего рода романтический подход, отражающий общее критическое отношение к культуре как к навязыванию человеку созданных некими другими людьми искусственных и ненужных ему правил поведения, подавляющих его лучшие естественные побуждения, свободный разум и волю. Последний представлен в писаниях Жан-Жака Руссо (1712–1778). Естественно, что в таком варианте вопрос обеспечения адекватного соблюдения индивидами объективно заданных политических правил, их «окультуривания» уже не стоит.

¹ *Thompson M., Ellis R., Wildavsky A. Cultural Theory. Boulder, Colorado: Westview, 1990.*

Подходы конструкционистского направления

Тут, в целом, политическая культура определяется чисто феноменологически: как нормативное отношение к политике, сказывающееся еще на стадии формирования идентичности и интересов политических акторов. При этом нормы трактуются иначе, нежели у объективистов, — не как поведенческие стандарты, а как стоящие за ними моральные принципы и ценности. Всякий конструкционист согласен, что политическая культура — это социальный конструкт. Но типы конструкционистского подхода расходятся в вопросе о том, располагает ли агент возможностью онтологического влияния на политические институты (зависит ли их существование от согласия агента их соблюдать). При отрицательном ответе на него мы приходим к реалистическому подходу, а при положительном — к идеалистическому.

Первый из них восходит к трудам европейских социологов Эмиля Дюркгейма (1858–1917) и Макса Вебера (1864–1920) — автора теории легитимного политического господства. Здесь признается, что социокультурные нормы должны все же отражать реальную политическую ситуацию, но и политическая власть, чтобы ей подчинялись, в свою очередь, должна соответствовать принятым в обществе культурным нормам.

Так, Вебер считал жизнеспособной только власть легитимную, т.е. такую, распоряжения которой выполняются добровольно, с готовностью, а не из страха или утилитарной выгоды. Он условно делил легитимную власть на рационально-законную, традиционную и харизматическую. Основа различий — в логике убеждения, которой те, кем управляют, готовы подчиниться. Одних людей, скорее, можно убедить или побудить действовать доводами разума, других — призывами к выполнению нравственного долга, третьих — играя на их более или менее возвышенных или низменных чувствах.

Рационально-законная легитимность, по Веберу, основана на вере в законность и на готовности граждан подчиняться правилам, которые формально корректны и вводятся властными инстанциями с помощью общепринятых процедур. Традиционной легитимности правители добиваются, апеллируя к массовому религиозному сознанию, опираясь на культурные символы и историческую память народа, призывая к выполнению нравственного долга. Харизматическая легитимность, в свою очередь, невозможна без эмоциональной привязанности населения к конкретному лидеру, который воплощает для группы людей некую высокую идею, представляется им образцом исключительной святости или героизма.

Идеалистический тип конструкционистского подхода шире трактует онтологические возможности агента. Здесь принято считать, что соответствующий политический контекст и связанные с ним правила

становятся невозможными, если люди отказываются «играть» в соответствии с ними.

Философской основой в данном случае непосредственно выступает концепция австрийского философа Людвиг Витгенштейна (1889–1951), который понимал язык как деятельность, регулирующую по правилам. Тем самым стиралась мыслимая грань между лингвистической и нелингвистической активностью человека. По Витгенштейну, значение слова нельзя понимать как некий объект, автоматически соответствующий тому или иному термину или символу. Слово обретает значение лишь в специфическом контексте.

Витгенштейн ввел понятие «языковые игры», следуя которому мы и определяем политику как философскообразную игру. Но хотя политические правила установлены людьми и людьми же могут быть изменены, человек обычно не рефлектирует по поводу правил, а подчиняется им инстинктивно, слепо, в силу привычки и воспитания, навязывающих ему определенную политическую культуру, т.е. заранее сконструированный интересубъективный взгляд на природу вещей.

Субъективистские подходы

Для последовательного субъективиста культурные пристрастия становятся делом индивидуального выбора каждого, вопросом сознательного самоопределения. Утверждается, что в эпоху после модерна при формировании личности человека могут сказываться самые разнообразные социальные влияния. Этим обеспечивается большая свобода в суждениях индивида о том, какая из социальных логик либо их сочетаний больше ему подходит. Разница в типах подхода к общепринятой политической культуре связана в таком случае с ответом на вопрос, что же такое политика.

Если согласиться с тем, что политика — это только и исключительно политические правила, которые зависят от отношения к ним, то с исчезновением нормативного отношения, которое политические правила поддерживают, исчезает и сама политика. По крайней мере, она постепенно сокращает свое присутствие в отношениях власти и общества. Происходит деполитизация социальной жизни, сокращение сферы властного вмешательства в нее. Таким образом, мы получаем негативистский тип в трактовке политической культуры.

Если же встать на точку зрения немецкого философа Юргена Хабермаса (р. 1929), который считает, что современная политика постепенно превратилась в вопрос администрирования процессов, которые подрывают статус гражданина, во власть без ответственности, то влекущий за собой подобную ущербную политику нормативный вакуум необходимо

вытеснять искусственно — путем включения механизмов критического обсуждения ценностей, ее узаконивающих, т.е. продуцируя новую культуру. В результате мир политики будет трансформирован и станет таким, каким его хотело бы видеть большинство людей.

Хабермас считает, что это осуществимо через консенсуальную коммуникацию, способную обеспечить координацию и социализацию действий на основании социокультурных норм, которые граждане готовы были бы разделять и поддерживать. Общезначимость политической культуры в таком случае зиждилась бы на постоянно возобновляемом конвенциональном соглашении всех граждан сообщества по поводу целей и смысла проводимой политики. Нормативное политическое действие становится таким образом возможным даже вопреки условиям культурного многообразия. Таков критико-рефлексивный тип субъективистского подхода к политической культуре.

Политическая культура и социокультурные особенности экономических режимов

Совокупность институтов, которые структурируют некую общественную деятельность, протекающую в более или менее четко очерченном пространстве, в политической науке принято стало называть режимом.

В этом смысле в качестве режима рассматривают и систему международных отношений, которые могут быть анархичны по структуре (если в них отсутствует единый правитель), но и в этом случае вряд ли аномичны (т.е. подчинены каким-то известным всем участникам общим правилам). Складывание политических режимов всегда происходит под неким политико-культурным влиянием, без которого оно было бы, в принципе, невозможно. Не имея достаточно четких культурных ориентиров, участники режима лишились бы стимулов к подчинению его правилам, просто не понимали бы, чего можно ожидать друг от друга.

В связи с глобализацией политику часто трактуют крайне ограниченно, как вынужденный ответ на преобладающие экономические условия, на серию объективных изменений главным образом материального плана, связанных с возросшей мобильностью капитала, мульти- и транснационализацией производственных процессов, изменениями в торговле и технологическими нововведениями, которые устраняют территориальные препятствия к экономическому взаимодействию и меняют рыночное поведение частных экономических агентов, сообщая ему трансграничные формы. Все это верно, однако такой ответ все же не запрограммирован автоматически.

Политику по-прежнему в первую очередь делают национальные правительства, исполнительная власть. Она, сохраняя известную свободу

маневра при выборе решений, подвержена, в том числе, и внеэкономическим влияниям. Расклад внутривнутриполитических сил, электоральные соображения, забота об обеспечении безопасности закономерным образом входят в комплекс вопросов, которыми политики не имеют возможности пренебречь, даже занимаясь, казалось бы, чисто экономическими проблемами. Поэтому процесс принятия экономических решений оказывается в высшей степени политизированным.

Жестко отделить экономику от политики, по сути, невозможно. Совершенно свободный рынок — это недостижимая на практике абстракция, тогда как на деле мы всегда имеем рынок, который регулируется. Всякий реальный рынок поставлен в исторически (культурно) определенные организационные рамки, ограничивающие рыночный произвол. Более того, рынок зависит от вспомогательной сети социальных и политических институтов, зачастую непосредственно создаваемых и поддерживаемых государством. На его эффективности сказываются особенности национальной системы образования. Рынки капитала сильно зависят от системы налогообложения и бюджетной политики.

В общем, самоустранение государства от рыночного регулирования никогда не бывает абсолютным, а попытки государства действовать в этом направлении способны подорвать рынок больше, нежели содействовать его эффективности. Но в регулировании, как обнаруживается, нуждаются и международные рынки. В итоге, в ответ на такую потребность, и возникают глобальные и региональные режимы, подчиняющие себе хозяйственное регулирование в определенных сферах. Нюансы в понимании ответственности государства как участника международных экономических отношений зависят от социокультурных особенностей того или иного общества. Их институционализацию вряд ли можно было бы свести поэтому к насаждению политически нейтральных (таковых просто не существует) поведенческих правил и стандартов.

Поставив вопрос о том, как должна меняться роль государства ввиду оформления международных режимов хозяйственного регулирования, мы не получим однозначного (объективного) ответа, поскольку ответ на этот вопрос напрямую зависит от типа общественного развития, на основании которого государство сложилось. В соответствии с этим решается и смежный вопрос о допустимой (с точки зрения участников процесса) степени интервенции государства в экономическую сферу.

Три модели:

■ *плюрализм*

Существует плюралистический (североамериканский или англосаксонский) по историко-культурному происхождению вариант ответа на последний вопрос, при котором хозяйственная роль государства в целом определяется как пассивная. В управлении хозяйством господствуют

рыночные принципы, а государству доверяется не только контроль и купирование неизбежных негативных последствий действия рыночных сил. Соответственно речь идет о регулировании деятельности монополий, условий труда, экологических последствий производственной деятельности. Государство выступает перед бизнесом как бы в роли надсмотрщика, в конечном счете представляя интересы индивидуального потребителя. Неудивительно, что между двумя сторонами (государством и бизнесом) нет взаимного доверия. Во главу угла в хозяйственной политике ставится строгое соблюдение минимального количества жестко определенных правил. Посредниками между государством и бизнесом оказываются юристы и прочие профессиональные лоббисты, занимающие самые разнообразные позиции в международных институтах, администрации, бизнесе и академических кругах.

Однако позиция «плюралистов» в отношении международной интеграции весьма противоречива, поскольку нация-государство рассматривается ими как органическое единство. Коммунитарное понимание сообщества является здесь преобладающим. Принято считать, что политический национализм лежит в основе самоидентификации каждого человека как гражданина. Эта уверенность, в свою очередь, исходит из либерально-рационалистической посылки, будто всякое действующее лицо политики, будь то человек или государство, заботится исключительно о максимизации собственной индивидуальной выгоды и ограничено в проявлениях своего эгоизма главным образом соображениями о собственной же безопасности. Поэтому серьезная политика, достойная именоваться таковой (честное политическое соперничество), возможна только в относительно безопасных для призвания граждан пределах национальных государственных границ, где на основании существования национального же сообщества ей может быть придан достаточный моральный статус. Но вне территориальных границ государства стандарты цивилизованного поведения, принятые обществом внутри отдельной страны в интересах гармоничного существования сообщества его граждан, где «все свои», якобы неизбежно нарушаются.

В итоге если внутри страны в хозяйственной сфере культивируется «естественная» культура индивидуалистического соперничества, которое проходит по определенным правилам под присмотром государства, то международную экономическую интеграцию рассматривают как искусственное насаждение культуры сотрудничества в отношениях между государствами, т.е. игру беспроигрышную для каждого участника, но под надзором мудрого наставника. Если же в конкретной ситуации налицо национальный проигрыш для «плюралиста» в таком образом трактуемой международной игре, то «плюралист» расценивает его как

несоблюдение изначальных интеграционных условий, вполне оправдывающее яростную защиту своих исходных интересов.

Такова поведенческая специфика, рождающаяся вследствие протестантского по происхождению представления о реальности, которому свойственно уделять первостепенное значение миру вещей, а не идей и главным считать прагматическую деятельность общества по самопроизводству¹. Участвуя в интеграции, государство, с точки зрения «плюралиста», продолжает нести ответственность главным образом перед своей нацией и защищает благополучие собственных граждан.

США остаются единственной страной в мире, вооруженной доктриной и практикой, благоприятствующей экстерриториальному применению национального законодательства. Соответственно такому положению американские власти проявляют большую смелость в одностороннем и расширительном толковании того, что такое незаконная торговая практика и какие государства нарушают международные законы в торговле. Международный порядок, основанный на праве, по сути, означает для американцев распространение американских хозяйственных правил и процедур на весь остальной мир. В подобной мировоззренческой перспективе Америка нужна миру как либеральный гегемон, как генератор либеральных культурных импульсов — для того чтобы международная экономика оставалась либеральной.

По прекращении действия Бреттон-Вудской системы предпринимались попытки перестроить американское понимание сути многосторонности в торговле. Неолиберальные институционалисты высказывались в пользу международных структур, под сенью которых малые и слабые государства могли бы надеяться на защиту от произвола сильнейших и в отсутствие гегемона. Однако авторы, высказывавшие данную точку зрения, обычно пренебрегали тем обстоятельством, что влиятельные страны могут — в одиночку или коллективно — использовать международные институты, чтобы тем не менее все же навязывать собственные нормы и ценности другим. Чтобы менее влиятельные государства могли выиграть от существования международных институтов, Соединенные Штаты должны были бы подчиняться международным правилам и в тех случаях, когда самим американцам это невыгодно. В противном случае легитимность международных институтов, с точки зрения прочих государств, становится сомнительной.

Но подобное поведение со стороны США противоречило бы базовым представлениям о национальной основе ответственности

¹ См.: *Коктыш К. Е.* Социокультурные рамки институционализации политических практик и типы общественного развития // Полис. 2002. № 4, 5.

государства в международной сфере, что, по-видимому, и побудило американцев в 1990-х годах с большим вниманием отнестись к альтернативе — идеям регионализма, конкретнее, и в том числе к межправительственной координации экономической политики в рамках Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). Преимущества такой координации, с американской точки зрения, оказались связаны с возможностью для Вашингтона совместно с правительствами других стран (в данном случае прежде всего Мексики) проконтролировать негативные влияния, которые внутренняя экономическая политика одной страны (Мексики) может иметь на экономику другой (США) в условиях экономической открытости, которая для США остается особым приоритетом. Уточним, что НАФТА была инициирована перед лицом опасности ухудшения экономических условий в США. В подобной ситуации более свободный торговый режим в регионе стал рассматриваться Вашингтоном как потенциально полезное средство оживления национальной американской экономики, стимулирующее рост, конкуренцию и создающее новые рабочие места. Если доводить такого рода межправительственное сотрудничество до логического предела, то речь пойдет не о наднациональной, а о национальной интеграции.

■ *корпоративный вариант*

На вопрос о допустимой степени интервенции государства в экономическую сферу возможны и другие ответы, нежели тот, что дает плюрализм. Существует корпоративный (европейский) вариант, при котором у государства более активная хозяйственная роль. Она опирается на восприятие социальных отношений как основы для экономического обмена. Это делает не только допустимыми, но и необходимыми нормативные ограничения в свободной игре рыночных сил. Ключевым является предположение, что даже в ситуациях, где изначально существуют разногласия по поводу ценностей, существуют процессы публичного обсуждения и частного размышления, которые в результате приводят к более удовлетворительным социальным решениям, нежели заключение сделок, прямой обмен ресурсами или формирование минимально необходимых для победы политических коалиций в угоду первоначальным предпочтениям. Выражаясь короче, общественные нормы для европейцев важнее, выше по значимости, нежели эгоистические личные интересы. Вторые вытекают из первых и им подчинены.

Несмотря на то что высшим ориентиром для государства в его хозяйственной деятельности здесь являются не рынок как таковой, а социальный мир и качество жизни в обществе, достигаемые с его помощью, между представителями государства и бизнеса формируются отношения,

основанные на взаимном доверии. Речь идет о культуре сотрудничества в хозяйственной сфере, согласно которой каждый привносит на благо общему делу тот специфический ресурс, которым располагает. При этом основной для институтов ЕС (в первую очередь Европейской комиссии) оказывается роль посредника, советчика, эксперта, «мудреца», участвующего в процедурах общественного согласования. Ассистентами при выполнении ею таких ролей выступают национальные бюрократы (со стороны государств) и ассоциации предпринимателей и работников (со стороны общества).

Особо подчеркнем специфическую роль в рамках такой системы функционально специализированной евробюрократии, которой свойственно концентрироваться на применении технических знаний. Бюрократы — это основные европейские «интеграторы», озабоченные обеспечением управляемости и предсказуемости в хозяйственной деятельности вне зависимости от национальных границ. Они предпочитают компромисс и выработку общего интереса, входят в самые мелкие технические детали каждого вопроса, обычно не идут на обострение конфликта с оппонентом. Выигрыш в интеграции достигается за счет медленной, постепенной выработки всеми ее участниками общей культуры. Устанавливаются и множатся общие нормы, акторы социализируются в их отношении, эти нормы становятся частью их идентичности, каковая, в свою очередь, и рождает в итоге коллективную заинтересованность в соблюдении норм как конечной цели регионального взаимодействия. Показательно, кстати, что в США практически нет и никогда не было такого феномена, как технократическая и политически не ангажированная бюрократия традиционного европейского типа.

При всем том ответственность европейских государств оценивается не степенью их лояльности собственной нации, а прежде всего исходя из соблюдения ими общего для них морального кода — европейских норм. В данном случае, в противоположность плюралистическому варианту, налицо примат нормативной власти над властью исполнительной, в большей мере соответствующий католическому типу политической организации. Государства—члены ЕС участвуют в совместной выработке и формулировании общих для Союза норм и моральных критериев политического поведения. Лишая себя каких-то суверенных прав в пользу Союза, они одновременно повышают свою институциональную автономию от национального общества.

Обратим внимание: суть наднационального регулирования в Европе состоит в том, что государство должно выполнять в том числе и те решения, с принятием которых оно не согласно. То есть моральной ответственности перед нацией за принятие таких решений оно не несет,

однако несет ответственность перед «Европой» за их исполнение, что гарантируется существованием системы европейского права, в которой действуют принцип прямого действия права ЕС в государствах-членах и его примат над правом национальным¹.

Исходя из всего этого, не совсем точным было бы говорить, что современное европейское государство находится в упадке. В процессе европеизации влияние национального государства не ослабевает, как это можно было бы предположить. По крайней мере, последнее не стоило бы утверждать однозначно. Однако роль государства принципиально меняется. Из влиятельного политического игрока на региональной арене оно само превращается в одну из арен для принятия политических решений, обязательных к исполнению на национальном уровне, т.е. в составную часть европейской региональной структуры хозяйственного управления.

Трудно отрицать, что европейская интеграция ныне представляет собою нечто большее, нежели только сотрудничество между автономными и суверенными национальными государствами, выступающими в качестве региональных «игроков». В ходе интеграции государства добровольно отдают часть своего суверенитета, чтобы выжить в условиях глобализации. Наднациональное управление поэтому скорее служит национальному государству, чем подрывает его, — ведь национальное государство отказывается в пользу региональных институтов именно от тех направлений своей деятельности (торговля, финансы), с которыми оно хуже справляется. Таким образом, наднациональный уровень перехватывает дисфункциональные стороны национального хозяйственного управления, способствуя созданию более дееспособной в целом системы. При этом допуск наднациональных институтов к решению проблем по-прежнему ограничивается вопросами, по которым в кругу государств-участников наличествует широкий консенсус.

В процессе европеизации, понимаемой здесь как процесс формулирования, распространения и институционализации (укоренения) формальных и неформальных правил, процедур, политических парадигм и стилей, общих верований и норм, они сначала определяются и обретают форму в процессе принятия решений на европейском уровне (причем прежде всего именно решений хозяйственного плана), а затем инкорпорируются в логику внутривнутриполитического дискурса в отдельных странах ЕС, в национальные политические структуры и публичную политику.

Но параллельно растет озабоченность европейских обществ в связи с неспособностью ЕС ответить на вопросы, связанные с его ущербной

¹ *Кавешников Н. Ю.* Институциональная реформа ЕС и Ниццкий договор: Ответы или вопросы? // Доклады Института Европы. М., 2002. № 87. С. 12–13.

демократической легитимностью. С одной стороны, признается, что эра классического национального государства завершилась. С другой — национальная политическая культура по-прежнему считается в Европе основным средством, позволяющим обеспечить в том числе и наднациональную политику системой легитимизации и собственной идентичностью. Для европейских граждан евросоюзная идентичность как таковая в целом не слишком значима, вторична. Поэтому, как политическое целое, Европейский союз состоит из множества центров влияния, которые связаны между собой разнообразными формальными и неформальными каналами коммуникации.

■ *азиатская модель*

Наконец, существует и третий вариант ответа на вопрос о формах государственного вмешательства в хозяйственную сферу — азиатский, где опять-таки проявляют себя особые культурные традиции. Между государством и бизнесом меньше посредников, чем на Западе, они взаимодействуют и сотрудничают в хозяйственной сфере непосредственно. Акцент сделан на соблюдении интересов сообщества, общественных обязательств, взаимной и неформальной лояльности, поддержании социальной гармонии, ориентации на конечный результат применительно к экономическому росту. Считается допустимым, чтобы государство сознательно и последовательно вмешивалось в ценообразование, чтобы стимулировать развитие определенных отраслей. Возможны и даже считаются необходимыми многие другие формы вмешательства в экономику. Производство развивается и расширяется не в целях потребления, а в конечном счете для того, чтобы иметь рычаг влияния на другие страны и укрепить собственную национальную безопасность и автономию. Присутствует ориентация на длительное развитие бизнеса, захват рынка и утверждение на нем даже в ущерб краткосрочной прибыли. В качестве «интеграторов» выступают сами предприниматели, объединенные в региональные деловые сети¹.

Приоритет в азиатской модели поведения экономических агентов отдан социальным обязательствам — перед членами своей семьи и, шире, социальной группы, а не формальному контракту, который ограничивал бы проявления индивидуальных эгоизмов. Непосредственные участники экономических отношений исходят из доброй воли и благорасположения друг к другу. Это не лучшая (наиболее выгодная) политика для них, а обязанность и долг, освященные традицией.

¹ Исламскую модель, по-видимому, можно считать более жестким и своеобразным вариантом азиатской модели, напрямую связанным с конфессиональной спецификой, в частности с исламскими религиозными нормами и исламским правом. *Беккин Р. И. Исламская экономика. М.: Восток-Запад, 2008.*

Одновременно с тем общество в таких странах, как Япония или Китай, по-видимому, не склонно систематически предъявлять своему государству претензии морального свойства, т.е. автономность властной иерархии в плане определения собственной ответственности в принципе достаточно высока. Легитимность большинства государств в Азиатско-Тихоокеанском регионе в итоге в меньшей мере основывается на общинной солидарности и публичной отчетности политических институтов (демократическая легитимизация) и в большей — на объективно полезных для общества результатах государственной деятельности, в том числе и в «хозяйственной области».

Вторая мировая война и международные события, за ней последовавшие, подорвали прежний социальный и политический порядок во многих азиатских странах. В возникшем социальном вакууме происходило дополнительное укрепление государства как иерархического института, не встречавшее серьезной социальной оппозиции. Этому процессу в конкретных странах региона (Япония, Южная Корея) поспособствовали Соединенные Штаты, стремившиеся усилить таким образом своих союзников на переднем крае борьбы в холодной войне.

Активное вмешательство государства в экономику с этого периода в умах местного населения оказалось прочно увязано с исключительно быстрым экономическим ростом. Поскольку результаты этого вмешательства в целом поспособствовали росту массовой поддержки государства, у национальных лидеров до сих пор нет особого резона торопиться с отказом от прежних принципов в хозяйствовании.

Трудовые отношения в странах региона деполитизированы. По контрасту с картиной, которую можно наблюдать в ряде европейских стран, профсоюзы не являются важной самостоятельной силой при выработке национальной экономической политики. Их надежно контролируют либо государство, либо компании. Сами азиаты считают специфику трудовых отношений в регионе своим конкурентным преимуществом.

Если в Соединенных Штатах видными игроками на экономическом поле выступают индивидуальные компании, то в азиатском регионе чаще доминируют бизнес-сети. При этом сети, образованные этническими китайцами, отличаются относительно большей гибкостью. Они основаны на семейных и языковых связях и легко преодолевают национальные границы. Наиболее распространенной чертой этнического китайского бизнеса выступает обширная сеть субконтрактных отношений в отдельной отрасли¹.

¹ См.: *Stubbs R. Asia-Pacific Regionalism versus Globalization. Competing Forms of Capitalism // Regionalism and Global Economic Integration. Europe, Asia and the Americas / Ed. by William D. Coleman and R. D. Geoffrey Underbill. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 76.*

Региональные сети с участием японских транснациональных компаний и малых и средних китайских семейных фирм, по замечаниям наблюдателей, проявляют особую эффективность при интеграции высокотехнологичных и трудозатратных производств. Отношения между фирмами не являются при этом остроконкурентными. Китайские фирмы весьма склонны вступать в отношения симбиоза с госпредприятиями в стране пребывания. Члены деловой сети обычно с готовностью делятся друг с другом информацией и ресурсами. Это свойственно и японским компаниям, хотя последние и отличаются большей забюрократизированностью.

Вступая в региональное сотрудничество для совместного отражения вызовов экономической глобализации, страны региона, в отличие от участников европейской интеграции, не идут на уступки в плане суверенитета, поскольку их не побуждает к этому региональная специфика отношений между государством и обществом. В азиатской организации хозяйственного регулирования нет места органу, подобному Европейской комиссии, который генерировал бы идеи от лица региона в целом. Региональную экономическую культуру государства готовы вырабатывать сами — сотрудничая в собственном кругу. В качестве членов регионального международного общества страны региона склонны придерживаться принципа «совместных односторонних действий», т.е. принимать лояльные по отношению к партнерам решения (проводить либерализацию) в согласии с ними — и в отсутствие формальной нормативно-правовой регламентации собственных действий. В известном смысле, при этом они готовы повторять, в ином контексте, поведение региональных экономических агентов. В целом же, скорее всего, культурно специфичный азиатский капитализм будет обретать более определенные институциональные черты (азиатизироваться) по мере того, как станет продвигаться его интеграция.

* * *

Итак, под политической культурой мы, в целом, понимаем совокупность смысловых схем и нормативного отношения к политике, задача которых, по существу, сводится к приданию (навязыванию) актерам политических ролей и ориентации соответственно сложившимся в данном сообществе субъективным представлениям. Помимо когнитивных (разумных) и ценностных (моральных), она также включает в себя аффективные (инстинктивные) компоненты, которые могут быть объединены в различных комбинациях.

Культура находится в постоянном взаимодействии с политическими институтами, т.е. принципами, нормами, правилами, приемами и процеду-

рами принятия решений и поведения, в отношении которых у действующих лиц в определенной политической сфере сложились совпадающие ожидания. Политическая культура способна поддерживать институты, однако она может и подрывать их жизнеспособность в том случае, если между культурой и институтами в определенной политической сфере нарушено логическое и идейное соответствие.

Институты и культура являются принципиально важными детерминантами политических действий. Они сообщают этим действиям целесообразность. Таким образом они оказывают на них влияние наряду с такими каузальными (причинными) переменными, как экономические и прочие материальные условия. Существование институтов и поддерживающей их культуры ограничивает свободу выбора для политических акторов, кто бы они ни были — индивиды, группы или государства. Более того: именно на основании культурных критериев в первую очередь и определяются условия допуска участников на ту или иную «политическую площадку».

Если говорить о роли культуры в области международного хозяйственного регулирования, то при индивидуалистическом типе культуры (плюралистический вариант) идеалом региональной интеграции предстает общество государств, которые договорились об объединении экономического пространства, где действует по возможности минимально ограниченный свободный рынок, и сотрудничают в преодолении негативных рыночных экстерналий. Культурные нормы, укладывающиеся в общий либеральный контекст, сообщаются такому пространству экономически лидирующим государством.

При эгалитарном типе культуры (корпоративный вариант) целью интеграции является совместная защита привычного образа жизни. Вместе с тем центральной чертой эгалитаризма является не равенство материальных условий, а равенство отношений власти. Участники такого сообщества не признают единоличного лидерства и совместно генерируют общие для них культурные нормы в своем замкнутом кругу. На основании выработанных ими норм участниками оценивается общая эффективность объединения.

При иерархическом типе культуры (азиатский вариант) в качестве высших целей политиками признаются стабильность политической системы и национальная безопасность. Утилитарная сфера в жизни общества регулируется традиционными социальными институтами. Индивидуальное самовыражение не поощряется. Культура международного общества (в идеале) подразумевается в отсутствии конфликтов между его государствами-членами, в их взаимно предупредительном и лояльном отношении, не нуждающемся в формальной регламентации. Между национальной и международной сферами ответственности государства при

этом не возникает противоречий, поскольку государство относительно свободно в определении их соотношения.

Особенности политической культуры современного Востока

Политическая культура современных государств Азии и Африки является собой причудливое переплетение черт и элементов, институтов, стереотипов мышления, норм и обычаев, традиционных для афро-азиатских народов, с заимствованиями из теории и практики западного мира. Такое переплетение восточных и западных элементов проявляется во всех компонентах политических систем Востока — структуре высших органов власти и механизме их функционирования, деятельности политических партий и общественных организаций, политическом мышлении и поведении лидеров и масс.

Это хорошо видно на примере политической системы Исламской Республики Иран. Существование в этом государстве демократических выборных органов, аналогичных тем, какие действуют и в современных странах Европы и Америки, соседствует с элементами исламской теократии, закрепляющими реальную политическую власть в руках небольшой группы мусульманских религиозных деятелей. Органы, избираемые демократическим путем — президент, меджлис (парламент), оказались в полном подчинении органов назначаемых — рахбара (духовного руководителя государства), Наблюдательного совета, состоящего из мусульманских религиозных деятелей, судебных органов. Какие бы решения и законы ни принимали президент или парламент, они не могут вступить в силу без утверждения рахбаром или Наблюдательным советом.

Политические партии в странах Азии и Африки формируются в большинстве случаев не вокруг политической платформы, проводимой партией политики, а на основе взаимоотношений «патрон—клиент», т.е. личных связей между лидерами и рядовыми членами на взаимоотношениях клановости, этноплеменной общности, земляческих, религиозных и тому подобных принципах, никак не связанных ни с платформой, ни с политикой этой партии.

Примером тому может служить старейшая политическая партия Востока — Индийский национальный конгресс, возникшая еще в 1885 г., но продолжающая активно действовать и в наши дни. Демократическая партия европейского типа в индуистской стране с сохраняющейся кастовой системой просто немыслима. Поэтому ИНК стала «зонтичной» организацией, объединяющей в своих рядах людей самых разных взглядов — от религиозных ультраортодоксов до марксистов. Идеология

ИНК не могла быть единой, цельной идеологией, целостным мировоззрением. Да и сама партия имела как бы два облика — «европейский» облик светской демократической организации и индуистский облик религиозно-реформаторского движения, руководимого Махатмой Ганди, человеком, воплощавшим двойственности индийского освободительного движения, двойственности новой Индии. Он был европейски образованным политиком и в то же время индусским аскетом-саньяси. Традиционная иерархия в какой-то мере и в превращенной форме до сих пор сохраняется в партии ИНК, ибо народ идет не за ее идеологией или программой, а за лидерами-брахманами. Традиционно индуистские ценности, ценности аскетов-саньяси продолжают воплощаться в характерном для активистов ИНК аскетизме и культе ненасилия.

Каковы же причины подобного причудливого соединения элементов западной либеральной демократии и общественно-политических традиций восточных обществ? Их следует искать в конкретно-исторических обстоятельствах складывания современной политической культуры стран и народов Востока, особенностях освободительных антиколониальных и антифеодальных движений и их идеологий, становления современной национальной государственности. А эти процессы происходили под воздействием идеалов и моделей западной политической культуры на культуру народов Востока.

Традиционная политическая культура народов Востока, находившихся на доиндустриальной стадии социально-экономического и политического развития, принципиально отличалась от западной индустриальной политической культуры, в которой наиболее влиятельным течением была либеральная демократия.

Каковы были основные черты традиционной восточной политической культуры и ее отличия от западной? Прежде всего политическая культура Востока оставалась частью целостной религиозно ориентированной картины мира, в то время как на Западе политика в основном уже удалась от религии, секуляризировалась. Религиозно ориентированная картина мира на Востоке составляла базис политической культуры: определяла представления о государстве, правителе и обществе, их взаимоотношения, права и обязанности.

Для всех афро-азиатских стран и народов были характерны модели патримониальной государственности. Во главе государства, согласно патримониальным представлениям, стоит верховный правитель — праведный царь. Он является харизматическим лидером — в его персоне воплощены сакральные (божественные) силы. Такой взгляд на верховного правителя вызывал упование масс на то, что решение всех

проблем в государстве исходит не от разума правителя, не от его умения управлять, а от божественной силы, носителем которой он является. Такой харизматический лидер превращался в объект поклонения и не подлежал критике: от него требовалось сохранение его божественной силы, а не отражение народных чаяний, поскольку предполагалось, что Верховному Абсолюту (божеству) и божественному монарху лучше известно, что хорошо для народа, а что плохо. Взаимоотношения между государством и обществом строились по линии «сверху вниз», а не «снизу вверх», как это сложилось в системе западной демократии, основным смыслом которой было верховенство общества свободных индивидов и его контроль над государственной властью, призванной выполнять волю масс через механизм народного выборного представительства, т.е. именно те принципы, которые и обеспечили успех модернизации на Западе.

Делом царя в восточных обществах считалось выполнение универсального сакрального долга защиты людей, своих подданных, отеческая забота о благе членов своего государства. Защищая людей от внутренней и внешней опасности, царь «создает жизнь», поддерживая ее, выполняя тем самым обязанность не перед народом, а перед божественными силами, сакральным законом Вселенной.

Верховный правитель считался также блюстителем божественных установлений на земле. Он должен был следить за их неукоснительным соблюдением со стороны всего общества и его отдельных членов. У членов такого общества утверждалось поэтому не индивидуалистическое, а коллективистское сознание. Перед ними не стояла задача проявления свободы своей собственной воли, свободы выбора того или иного поведения. Перед ними не возникала необходимость нести личную ответственность за это. Массы должны были действовать в полном соответствии с универсальным божественным законом, полностью и неукоснительно подчиняться ему. В результате законы, обычаи стали инструментами в руках правителя, служившими для того, чтобы править массами, четко и жестко регулировать их поведение. Законы и обычаи лишь в незначительной степени через традицию ограничивали действия самой верховной власти, поскольку считалось, что сам правитель правит не столько по закону, сколько по внушению свыше и является наиболее авторитетным и непогрешимым толкователем этих законов и божественной воли в целом. Такое мировоззрение не способствовало развитию права и правосознания в традиционном восточном обществе.

Для традиционного общественного сознания были характерны представления о естественности иерархичности общества и извечности такого порядка. Основным принципом взаимоотношений в обществе

считалось господство и подчинение, а не отношения равных индивидов и соответствующие этому отношения партнерства и соперничества, как в системе либеральной демократии. Согласно традиционному мировоззрению, каждый должен занимать свое место в соответствии с сословной принадлежностью, иметь свои права и обязанности, которые не одинаковы для представителей разных сословий, занимающих разные места на иерархической лестнице, не одинаковы у правителей и подданных.

Ощущение собственной социальной ущемленности, ухудшения своего экономического положения порождало среди масс убеждение в том, что возникшая несправедливость является следствием нарушения извечного иерархического порядка: «каждый оказался не на своем месте». Выправление такого «ненормального» положения, восстановление нарушенной гармонии и справедливости обычно происходило так, что последние становились первыми, т.е. действовала «опрокинутая этика». Эта этика исключала какое-либо уравнивание, эгалитаристские концепции. Особенно «опрокинутая этика» была характерна для китайской политической культуры. Неоднократно в китайской истории место свергнутого монарха занимал выходец из бедных слоев, основывая, таким образом, новую монархическую династию на старых, традиционных принципах правления.

Отсутствовал эгалитаризм в европейском понимании этого термина и среди мусульманских народов. В их традиционной политической культуре понятие «справедливость» приближалось к понятию «правосудность» в соответствии с законами Корана, освящавшего социальное и имущественное неравенство и провозглашавшего равенство только перед Аллахом. Для мусульман оставались чуждыми идеи социального и политического уравнивания, характерные для идей либеральной демократии. Мусульмане осознавали равенство всех членов исламской общины-уммы перед Аллахом, но в качестве подданных мусульманского государства они принимали «справедливость» иерархической структуры в государстве и обществе, в «посюстороннем» мире. Приверженцы ислама верили в сакральную миссию султанов, в право падишаха распределять «блага мира» между подданными, в их ответственность за сохранение в государстве традиционных порядков, которые предполагали поддержание спокойствия и безопасности государства и общества и его членов, правосудность властей, незыблемость имущественной, социальной и политической иерархии.

Вне официальной жизни народ активно участвовал в различных корпоративных обществах: квартальных общинах, ремесленных цехах, землячествах, религиозных объединениях и т.п. Активность в этой сфере

способствовала единению, упрочению социальных связей, развивала чувство приверженности корпоративным интересам, коллективистское сознание, негативное отношение к индивидуализму.

Относительным единообразием во всех восточных обществах характеризовалась оценка массами действий правящих лиц, кругов и групп. Шкалой этих оценок служили традиционные этико-религиозные нормы. Оппозиционные настроения считались чрезвычайным явлением, а не нормой. Они проявлялись обычно в завуалированной форме — в области народных культов, отклоняющихся от ортодоксии, и официальных культов, зрелищ, празднеств, т.е. на социально-психологическом, а не на политическом уровне сознания. Характерными были представления о коллективной ответственности за отступления от норм морали и религии отдельных членов общества.

Восстания и другие оппозиционные народные выступления воспринимались народным сознанием не как борьба за новую лучшую жизнь и миропорядок, а как восстановление старых, традиционных этико-религиозных норм. В оппозиционных движениях и выступлениях эмоциональное начало, как правило, преобладало над рациональным.

Современная политическая культура народов Азии и Африки сложилась в результате взаимодействия восточных культур с западной, происходившего на начальном этапе в форме колониальной экспансии стран Запада на Восток. Европейская колониальная экспансия нарушила естественно-историческое развитие народов Востока и привела к столкновению западных и восточных общественно-политических систем, которые различались в стадийном и культурно-цивилизационном отношениях.

Хотя в Европе ко времени расцвета колониализма уже упрочились секуляризированные либерально-демократические нормы и традиции, колониальные режимы, установленные европейскими государствами в Азии и Африке, ни в коей мере не были перенесением на Восток этих либерально-демократических структур. Колониальное управление было иерархичным, патерналистским и авторитарным и в этом отношении мало чем отличалось, а иногда и превосходило по жесткости традиционные доколониальные восточные политические системы.

Займствование отдельных элементов западных политических систем, норм и традиций началось на Востоке под влиянием развития там капиталистического уклада и появления новых классов — буржуазии, буржуазной интеллигенции, пролетариата. Однако поскольку становление капиталистического способа производства в Азии и Африке явилось следствием не их естественно-исторического развития, а внешних факторов, то оно происходило иначе, чем это было на Западе.

Для развития капитализма на Востоке были характерны очаговость, сохранение обширных массивов докапиталистических сфер производства. Последовательность различных стадий зрелости капитализма оказалась нарушенной. На сам характер капитализма оказывали большое влияние специфические черты той или иной восточной цивилизации. В результате развитие капитализма на Востоке не сопровождалось формированием гражданского общества западного типа с его доктринами индивидуализма, секуляризма, политического либерализма.

Вследствие особенностей развития капитализма в афро-азиатских обществах как старые докапиталистические слои, так и носители новых общественных отношений, в целом, не приняли таких основополагающих компонентов западной политической культуры, как социальное и политическое равенство, либерализм с его организационным и идейным плюрализмом, альтернативными выборами, политическим противоборством. Общества Востока сохранили приверженность основным традициям восточных политических культур, таким как патримониализм, социальная и политическая гармония, консенсус, приверженность религиозной морали в социально-политической сфере.

Такое выборочное восприятие ценностей западной политической культуры имело под собой сугубо прагматическое основание. Формирование национальной буржуазии на Востоке в условиях господства более сильного, часто монополистического иностранного капитала, колониального или полуколониального политического режима диктовало с первых шагов необходимость не индивидуальных, как на Западе, а коллективных усилий, корпоративных форм экономической деятельности, которая естественно реализовывалась в традиционных формах, таких как кланы, религиозные общества, касты, землячества и т.п.

Развитие капитализма ускорило имущественное и социальное расслоение в деревне. В этих условиях особое значение приобретали религиозно-общинные традиции социальной поддержки, создававшие для беднейших слоев населения определенные социально-экономические и психологические гарантии выживания, а для сельских богатеев служившие дополнительным рычагом давления на крестьянство посредством соединения докапиталистических и капиталистических методов эксплуатации. Это вело к закреплению новых стереотипов социализации и формирования политического сознания и поведения широких народных масс при сохранении лидирующей роли религиозных традиций.

Преимущественно из беднейших слоев деревни складывался национальный пролетариат — сельскохозяйственный и промышленный. Ввиду неразвитости национального капитала в большинстве афро-азиатских стран рабочие трудились преимущественно на предприятиях иностранных

компаний. Тяжелые условия производства и капиталистической эксплуатации ассоциировались у пролетариата с иностранными хозяевами или со своими, но отступившими от «национальных традиций» и «вестернизировавшимися» предпринимателями. Такого рода социальная психология способствовала тому, что классовое сознание оказывалось связанным с представлениями о превосходстве и справедливости собственных традиционных ценностей над навязываемыми извне. Классовая солидарность пролетариата в поисках социальной и экономической защиты стихийно, а в ряде случаев и сознательно, под руководством национальных общественно-политических деятелей, осуществлялась в традиционных формах религиозно-общинной солидарности под лозунгами защиты собственных морально-этических установлений и традиций, против наступления чуждой западной культуры, с ее жесткими правовыми нормами и правилами. Нередко даже такие современные, заимствованные у Запада методы организации и борьбы пролетариата, как создание профсоюзов и проведение забастовок, облекались в религиозно-общинные одежды.

За модернизацию политической культуры выступила новая восточная интеллигенция, получившая европейское образование. Знакомство с западными общественно-политическими учениями привело к заимствованию одной частью идей буржуазного развития, другой частью — социалистических идеалов. Значительная прослойка новой восточной интеллигенции стремилась к модернизации политического развития, не связывая его ни с капитализмом, ни с социализмом, а пытаясь найти самобытный, свой собственный путь с использованием национальной политической культуры.

Возникавшие в среде интеллигенции политические течения в ряде случаев ориентировались на идеи либерализма и индивидуализма. Однако среди преобладающего большинства стремление к воплощению принципов социально-политической демократии, равенства и братства, которые противопоставлялись как колониализму с его расовой дискриминацией, так и средневековой восточной государственности и социальной структуре с ее сословностью, нередко несли на себе отпечаток представлений о естественности и справедливости общинной организации, хотя и там присутствовали элементы иерархичности и патримониализма, традиций социального корпоративизма. Привлекательно выглядела и идея социально-политической гармонии традиционного восточного общества на фоне постоянного противостояния и противоборства, характерных для либеральной демократии с ее многопартийностью, свободой слова, собраний и т.п. Представления о новом обществе на Востоке не связывались с идеями гражданского общества западного типа, состоящего из свободных и равноправных во

всех отношениях индивидов, связанных между собой не клановыми, родственными, земляческими, религиозными, этническими и иными традиционными отношениями, а лишь исключительно узами частного интереса, проявляющимися через политический плюрализм и острую политическую борьбу. Консенсус на Востоке воспринимался не как общее согласие на определенные правила игры и главное направление общественно-политического развития, а как отсутствие оппозиции, критики, внутривнутриполитического противоборства, освещающегося в печати и других средствах массовой информации.

Настоятельная необходимость сплочения всех групп и прослоек восточного общества в борьбе за национальное освобождение усиливала стремление к возрождению старых традиций сохранения социальной и политической гармонии, негативное отношение к общественно-политическим противоборствам, которые рассматривались как порождение колониализма и империализма Запада и считались чуждыми национальной политической культуре. В восточных обществах складывались представления об аморальности индивидуализма, идейного и политического плюрализма западного типа, подрывающих групповую и общенациональную солидарность, антиколониальное единство, разрушающих личностные узы. Национально-освободительное движение ставило во главу угла интересы не индивида, а движения в целом, которому и подчинялись интересы отдельной личности.

Устремления отдельных индивидов и меньшинств во внимание не принимались. Идейно-политический плюрализм западного типа считался подрывающим сплоченность во имя достижения главной цели — национальной независимости.

Для новой политической элиты восточных обществ наиболее привлекательными в западной политической культуре были идеалы равенства, справедливости и демократии. Однако их притягательность вызывалась не столько потребностью общества, трансформирующегося из доиндустриального, традиционного в индустриальное, современное, как это было на Западе, сколько реакцией на колониальное и феодальное угнетение. Поэтому заимствованные модели, институты и концепции, попав в реальные условия восточного общества, в котором преобладали традиционные социальные связи и политические представления, наполнились традиционалистским содержанием, причудливо соединив в себе западные и местные компоненты. Так, например, политическая система современной Индии возникла в 1947 г., но ее институты и принципы уходят корнями в доколониальную и колониальную эпоху и покоятся на мощном пласте кастовых институтов и религиозных представлений,

имеющих тысячелетнюю историю. Новое и старое переплетено. Старое прячется за новым, новое рядится в одежды старого.

Конституция Индии — конституция парламентская, «вестминстерского» типа. Прочность индийского парламентаризма поразительна для страны третьего мира. В Индии никогда не было попыток установить однопартийную систему (несмотря на доминирование ИНК в политической жизни) или военную диктатуру. И прочность эта во многом основывается на традиционно индусских основах — на поразительном плюрализме индуистских сект и каст, традиционной индуистской мировоззренческой терпимости, неразрывно связанной с устойчивостью кастового строя, на харизматическом авторитете Махатмы Ганди и других великих деятелей индийской парламентарной демократии и традиционном авторитете тех представителей брахманской и княжеской элиты, которые постоянно и в совершенно непропорциональном их удельному весу числе оказываются наверху политической иерархии.

Традиционное индийское государство освящалось брахманами, которые в некотором роде вне государства (так же как Абсолют-бог, основа этого мира, трансцендентен к этому миру). Несколько сходную роль в отношении современного государства играет авторитет таких людей, как Махатма Ганди, Джавахарлал Неру и др. Основа их авторитета — негосударственная, это авторитет святых, или авторитет брахманского рода. И авторитет государства или партии, которыми они руководят, во многом базируется на этом внегосударственном и внеполитическом авторитете.

Индуизм и традиции древнеиндийского общества лежат также в основе слабости современных партий в этой стране, а также государственных институтов. Лояльность к ним постоянно подрывается лояльностью к касте, местной общине, харизматическому лидеру. Так, в политической жизни современной Индии бесконечная борьба клик и фракций постоянно раздирает партии. Переход таких клик из партии в партию, постоянное создание новых партийных комбинаций может показаться европейцу аморальным. Но это не аморальность: преданность клике важнее, чем преданность партии, традиционные связи сильнее новых. Связи эти ослабляют партии, делают их ареной борьбы традиционных группировок; ослабляют они и государство.

В Индии нет чувства естественности и необходимости государственного единства. Как в традиционной Индии общинная принадлежность значила неизмеримо больше, чем принадлежность к государственному образованию, так и ныне местные интересы и лояльность постоянно вступают в конфликт с преданностью государству. Конфликты языковых и религиозных общин друг с другом и с центром — неизменная черта по-

литической жизни современной Индии, причем движения за языковые и религиозные автономии все время балансируют на грани сепаратизма.

В африканских странах продолжают доминировать общественные отношения типа «патрон—клиент». Они находят отражение и в политике и представляют собой личностные отношения между индивидуумами или группами индивидов, основывающиеся на обмене ресурсов (экономических или властных), которыми обладает патрон, на политическую лояльность клиента. В современной Африке клиентелизм — это по преимуществу распространение этнических, региональных, религиозных, клановых, семейно-родственных и тому подобных связей на политическую сферу.

В результате наблюдается несоответствие между современной формой государства и традиционалистской «логикой» его функционирования. Патронат является решающим инструментом для достижения власти. В большинстве африканских стран правящие группы рассматривают парламент, партии, профсоюзы и другие общественно-политические организации и институты как средство создания сети клиентельных отношений, которые формируют базу их власти. В странах с однопартийными системами правящая партия внешне имеет вид мощной массовой организации (нередко охватывающей все взрослое население или его подавляющую часть), декларируются ее идеологический характер и руководящая роль в общественном развитии. На самом деле за современным фасадом скрывается механизм внутривластных связей, покоящийся на патронатно-клиентельных связях. Организационная структура таких партий, порядок выдвижения их лидеров и внутривластная дисциплина построены на авторитарных принципах. Они представляют собой, по существу, пирамиду кланов, на вершине которой стоит лидер, выступающий в качестве объединяющей силы.

Вокруг руководителя партии, являющегося одновременно главой государства и правительства, складывается правящий «президентский» клан. Это неформальное объединение профессиональных политиков, занимающих ключевые позиции в партийном и государственном аппарате. Основной структурообразующий элемент клана — система личных связей между его лидером и членами, базирующаяся в первую очередь на этнической, региональной или семейно-родственной общности, а также на общности политических и деловых интересов.

Вступление Востока в техногенную эру бросило серьезный вызов политической культуре афро-азиатских обществ. Новая техника, более высокий уровень производительности труда — это силы, перед которыми ничто устоять не может, ибо польза, приносимая ими, настолько оче-

видна, что даже самые крайние традиционалисты не могут оставаться к ним равнодушными.

Разве можно устоять перед искушением иметь ружье, а не лук и копье для своей защиты? Разве можно устоять перед материальным изобилием, которое дают современные наука и техника? Но заимствование новой техники, переход на дорогу технического прогресса влекут за собой незаметное на первый взгляд приспособление к новым условиям старых привычек, взглядов, верований. За ними следует процесс социальной и политической модернизации, становление качественно новых, соответствующих меняющимся условиям общественно-политических форм, моделей, институтов и представлений.

Общество изобилия, «всеобщего потребления», сложившееся впервые на Западе, неразрывно срослось первоначально с концепцией политического либерализма западного образца, основанного на индивидуализме. В глазах поверхностного наблюдателя материальное изобилие нередко выглядит следствием политического либерализма и индивидуализма, и, по его представлениям, одно не может существовать без другого. Многие считают, что быстрее или медленнее, теми или иными путями в направлении материального изобилия, а следовательно, и основанного на индивидуализме политического либерализма западного типа движутся все народы мира, что тысячелетние поиски человечеством наиболее совершенных форм социальной и политической организации венчались созданием современного западного общества и государства, что это и есть конец и венец истории.

Однако практика показывает, что по мере включения в мировое хозяйство новых стран и регионов Востока создаются все более оригинальные сочетания либеральных принципов с другими культурными и идейно-политическими традициями, весьма отличными от европейских. Экономические и политические структуры в Японии, Южной Корее, Таиланде, Индии и других странах Азии и Африки, переживающих процессы ускоренной модернизации, далеки от западных образцов.

Так, например, японский капитализм не только в его ранних, но и особенно последних, современных формах существенно отличается от западноевропейской и американской моделей. Его можно описать как патерналистский, антииндивидуалистический. Патернализм наряду с национализмом является также антииндивидуалистическим элементом буржуазной японской социальной модели. Он связывает индивида множеством различных способов и направлен на то, чтобы служащий или рабочий понял, что факт его найма фирмой не ограничен отношениями обмена труда на деньги, а включает всего нанимающегося

целиком, что служение фирме становится отныне смыслом его жизни, что работникам фирмы надлежит осознать себя членами одной семьи, думать и действовать сообща, ничем не пытаясь выделиться среди других, что все силы и знания должны быть отданы фирме, без мыслей о вознаграждении. Воспроизводство патерналистских связей в сфере современных социально-экономических и политических отношений стало эффективным фактором адаптации японского общества к ускоренному индустриальному развитию.

Поскольку экономические отношения носят характер патримониальных, фактически воспроизводя концепцию «подобающего места» старших и младших в системе семейно-родовых отношений, то основным принципом деловых и политических отношений становится этический принцип коллективной выгоды «по старшинству». Каждый строго знает свое место и соответствующие этому месту объем прав и привилегий, количество и существо обязательств. Это своего рода социальная смазка, которая способствует существованию и стабилизации общества как единого, цельного организма. Японская экономическая, социальная и политическая модель стремится сочетать японскую душу и западную технологию. Таким образом, японский пример свидетельствует об отсутствии жесткой функциональной зависимости между процессами индивидуализации и развитием капитализма. Индивидуализм оказывается специфически европейским, узколокальным социокультурным явлением, отсутствие которого в восточных культурах не может воспрепятствовать процессу модернизации неевропейских обществ, по крайней мере в экономико-технологическом аспекте.

В политической сфере процессы модернизации, происходящие прежде всего в форме демократизации, также не обязательно предполагают отказ от традиций Востока. Западные ученые (С. Хантингтон и др.) выделяют три волны демократизации государственных и общественных структур, которые происходили на протяжении XIX–XX вв. и охватывали не только страны Запада, но и государства Востока. Пик первой волны демократизации пришелся на период завершения Первой мировой войны. В это время на развалинах монархий образовалось много новых, демократических по своему строю государств. На Востоке это были Китай и Турция.

Пик второй волны демократизации знаменовал собой завершение Второй мировой войны и процесс деколонизации. В Азии возник целый ряд независимых республик — Индия, Индонезия, Бирма, Филиппины, проведены демократические реформы в Японии.

Третья волна демократизации приходится на последнюю треть XX в. Число демократических государств увеличилось с 44 в 1972 г. до 107

в 1994 г. Демократическая по форме политическая система установилась в более чем половине стран мира.

Третья волна демократизации получила название «глобальной демократической революции». Она не обошла стороной и традиционные цитадели авторитаризма в Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань), в Юго-Восточной Азии (Индонезия, Вьетнам). Волну демократизации не остановили различные, отличные от европейской цивилизации; ни конфуцианство, ни ислам, ни коммунизм, ни другие идеологии.

Третья волна демократизации связывается учеными и политиками с процессами глобализации, происходящими в мире с конца XX в. Они считают, что под воздействием глобализации все страны, включая Восток, рано или поздно воспримут западную модель политического устройства — либеральную демократию, основанную на универсальном характере западных ценностей — индивидуализме, выдвигении на первый план прав человека, принципах равенства всех людей в обществе, правового государства и т. п.

Придя к выводу о неизбежности перехода всех стран и народов на политические стандарты западного общества, западные политологи и политики стали активизировать деятельность по внедрению вестернизированных систем и ценностей, морали и образа жизни в общества Азии и Африки. При этом преследуется и сугубо политическая цель — обеспечить доминирование Запада в мировом масштабе не только в сфере экономики, но и во всех остальных сферах жизни. Американские и европейские политологи и политики попытались навязать всему миру свое понимание прав человека, методов правления, отвергая все другие, в том числе все объяснения о региональной специфике протекания экономических и политических процессов, которая определяется прагматичной необходимостью стабильного экономического существования и развития в данных специфических национальных и региональных условиях. Такая политика вызывает резко негативную реакцию в странах Азии и Африки на глобализацию и навязывание им стандартов и ценностей западной цивилизации. Азиатские политологи считают, что глобализация во всех сферах должна сочетаться с сохранением национальных традиций, цивилизационной самобытности, что западная модель демократии не идеальна и не всегда применима к местным условиям без изменений. В реальной жизни модель идеальной демократии воплощается по-разному. Если западным идеалом является либеральная демократия, то многие политологи Азии и Африки настаивают, что демократизацию нельзя навязывать извне, насильственным путем. Она должна формироваться постепенно в недрах каждого восточного общества и государства, адаптируя и приспособлявая традиционные структуры и ценности к вызовам времени.

Раздел I. Сравнительный анализ политических систем мира

Такой подход, сочетающий западные и восточные традиции, стали принимать и некоторые американские и европейские ученые, осознающие, что в странах Азии и Африки демократия формируется и функционирует не так, как на Западе. Многие афро-азиатские страны применяют в своих социально-политических системах западные либерально-демократические принципы, создающие демократический фасад, за которым тем не менее скрываются совершенно иные, чем на Западе, общественно-политические реалии. Такие государственные модели стали называть «неконсолидированными демократиями». Так, в половине «неконсолидированных демократий» политические и гражданские права сводятся преимущественно к более или менее свободным выборам. Все прочие черты демократии: власть закона, принцип разделения властей, свобода слова, печати, собраний, вероисповеданий и т. д. — негарантированы, если не законодательно, то на деле. Иногда такого рода государственно-политические системы называют «нелиберальными демократиями». Такая модель демократии не создает предпосылок для утверждения в обществах Востока гражданских прав и свобод в их западном понимании.

Ряд американских и европейских политиков и ученых считают апелляцию восточных деятелей к азиатским ценностям исключительно средством оправдания своих авторитарных методов правления. И если это мнение нередко является оправданным, то в то же время нельзя отрицать, что обращение к азиатским ценностям служит также инструментом противостояния насильственной вестернизации, защиты собственной национальной идентичности, а на международной арене — инструментом борьбы против стремления Запада доминировать в Азии и Африке, во всем мире.

Наиболее дальновидные ученые и политики понимают, что сила современного Запада не в «чистоте» либеральных принципов, не в унификации общественно-политической жизни всего мира на их базе, а в обеспечении условий для богатства и разнообразия идейного и политического поиска, способности, оставаясь самим собой, абсорбировать различные влияния, «переваривать» чуждые установки. Представляется, что именно такой путь предстоит и Востоку.

РАЗДЕЛ II

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВ АФРИКИ
И БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

1

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВ АФРИКИ

Формирование основ современных политических систем и политических культур стран Африки приходится на начало XX в., когда европейские метрополии установили эффективный контроль над территорией континента. До этого времени только три независимых африканских государства — Буганда, Мадагаскар и Эфиопия — достигли уровня развития, сопоставимого с европейским абсолютизмом, но по разным причинам доколониальные политические системы не стали структурообразующими в последующий период развития. В странах Африки южнее Сахары отсутствовал также и важнейший цементирующий фактор — мировая или относительно развитая местная религия, объединяющая подавляющее большинство населения. Синкретизм индивидуального и общественного сознания, отсутствие структурообразующего стержня (за исключением Эфиопии) предопределили относительную безболезненность привнесения и закрепления чуждых африканцам элементов европейской политической культуры и систем управления.

В результате синтеза традиционного и современного образовался феномен, не имеющий аналогов в истории, — «колониальное общество». Колониальное общество — специфический вариант общественного развития, при котором привносимые извне (как правило, но не во всех случаях, насильственно) современные (капиталистические) отношения «накладываются» на отношения, характерные для традиционных обществ. Результатом такого «наложения» при складывавшемся в этих случаях соотношении сил сторон оказывается в большинстве случаев и всегда объективно неизбежная ломка традиционных отношений и структур (в большинстве случаев насильственная) и их трансформация. Более того, и сами привносимые современные отношения чаще всего приобретают искаженный характер, весьма непохожий на «классические» формы современного развития. Эти взаимодействия затрагивали все сферы жизни общества и отличались многообразием.

В таком виде африканские общества обрели независимость, получение которой растянулось на первую половину 1960-х годов. К этому рубежу африканские народы подошли неподготовленными. Но их

неподготовленность была различной. Если Англия и Франция после Второй мировой войны начали формирование политических структур и экономических основ будущих независимых государств, то Бельгия, Испания и Португалия не уделяли достаточного внимания своим колониям. Нельзя утверждать, что метрополии делали это осознанно, но векторы исторического развития сложились таким образом, что интересы английских и французских политических элит совпали с интересами формирующейся африканской элиты, в то время еще единой.

Процесс подготовки колоний к независимости имел свои специфические черты. Если во Франции реформы автоматически распространялись на все колонии, то Англия подходила к каждой из них индивидуально. В 1945–1946 гг. все взрослое мужское население французских колоний наравне с жителями метрополии выбирало своих представителей в первое и второе Учредительное собрание, затем в парламент. И хотя голосование проходило по куриям, где 1–2% белых колонистов посылали в законодательные органы столько же представителей, сколько 98–99% коренного населения, это было революционным по своей сути нововведением. Впервые жители французских колоний были допущены к одному из важнейших элементов европейской политической культуры — прямому, тайному голосованию, в результате которого избранные из их же среды представители на равных со всеми остальными депутатами условиях участвовали в работе парламента. В самих колониях были созданы выборные законодательные органы и сформированы правительственные советы. И хотя они обладали лишь правом советовать колониальной администрации, но было положено начало постепенного формирования основ будущих независимых государств. Была создана политическая элита, ее резерв и, что не менее важно, механизмы ее воспроизводства, напрямую не связанные и де-юре не зависящие от традиционной знати.

Данная система показала свою эффективность, именно в ней находится одна из причин весьма прочных французских позиций в современной Африке, и даже Камерун и Мадагаскар, где произошли крупные антиколониальные восстания, являются лишь исключениями, подтверждающими правило. К середине 1950-х годов все механизмы были настолько отлажены, что метрополия перешла к следующему этапу реформ — принятию в 1956 г. «закона-рамки», по которому образовалась единая избирательная курия, право голоса получили женщины и молодежь, представительные органы получили право законодательной инициативы и возможность формировать ответственное правительство. Единственным серьезным ограничителем оставалось право француз-

ского губернатора накладывать вето на любые решения. Правильность и своевременность принятых решений подтвердил референдум 1958 г., по результатам которого любая колония могла получить независимость. Данным правом воспользовалась только Гвинея, что во многом предопределило тоталитарный характер государства.

Великобритания избрала иной путь. Практически в каждой колонии начался конституционный процесс. Его суть заключалась в том, что принятие конституции сопровождалось референдумом либо после ее утверждения проходили выборы с широким привлечением африканских масс в законодательные органы, чья деятельность также была ограничена губернатором. В отличие от французских колоний англичане стремились учитывать уровень развития, политическую активность населения, его готовность к преобразованиям и некоторые другие специфические условия. К ним, в первую очередь, относились значительная неравномерность развития политических структур (например, Уганды, где во многом была сохранена форма доколониального устройства, и Танганьики, на территории которой не было сколько-нибудь устойчивых государственных образований), наличие сложившихся многомиллионных народов, противостоящих друг другу (Нигерия), значительная по африканским меркам прослойка белого населения (Кения, Родезия). В большинстве колоний было принято от трех до пяти конституций. Их объединял лишь поступательный характер: каждая последующая давала африканцам больше прав и возможностей участвовать в политической и экономической жизни колонии, чем предыдущая. На политическую жизнь метрополий представители африканских элит не оказывали прямого влияния.

Естественный ход создания постколониальных политических и социально-экономических структур внутри колоний был прерван принятием ООН решения о деколонизации континента и объявлении 1960 г. Годом Африки. Проект был внесен совместно СССР и США, что в разгар холодной войны было чуть ли не единственным примером столь тесного сотрудничества великих держав на международной арене. Причины, побудившие их объединиться в борьбе с колониализмом, хорошо известны. Необходимо обратить внимание на то, что все французские колонии получили независимость одновременно, в течение года, а у британских данный процесс растянулся на несколько лет, что полностью соответствовало английскому и французскому вариантам формирования структур постколониального общества.

Получив независимость, молодые африканские государства формально разделились на страны социалистической и капиталистичес-

кой ориентации. Но это деление было чисто внешним и выразалось, прежде всего, в области внешней политики. Глубинные процессы во всех государствах протекали весьма схоже. Их внешнее проявление в 1960-х — первой половине 1980-х годов выразалось в политическом плане в создании авторитарных и тоталитарных режимов, в экономическом — в национализации. Все это сопровождалось постоянными военными переворотами и их попытками, по частоте которых Африка уверенно обогнала все континенты и вплотную приблизилась к Латинской Америке. В основе же глубинных процессов этого периода развития стран Африки лежала незавершенность создания постколониальных структур в рамках колониального общества. В тех колониях, чьи метрополии (Бельгия, Испания, Португалия) не уделяли должного внимания данному процессу, полная неподготовленность к независимости привела к исходу европейцев (основных носителей экономической и технической культуры) и длительным кровопролитным конфликтам, в решении которых было вынуждено участвовать мировое сообщество (Ангола, Гвинея-Бисау, Демократическая Республика Конго, Западная Сахара, Мозамбик).

Привнесенная в рамках колониального общества европейская политическая культура (разделение властей, парламентаризм, всеобщее прямое, тайное голосование и т.д.) из-за силового волюнтаристского решения о деколонизации не имела достаточно времени для внедрения и закрепления в сознании широких африканских масс. Лишенная контролирующей и направляющей силы в виде колониальной администрации, европейская политическая культура не исчезла, а быстро синтезировалась с африканскими традициями, которые наполнили ее новым содержанием. Традиционной политической культуре был присущ авторитаризм, но авторитаризм специфический, сакральный (так называемые «цари-жрецы»), который давал при определенных обстоятельствах легитимную, как с точки зрения элиты, так и народа, возможность свергать и даже убивать правителя. Европейская демократия была синтезирована с африканской традиционной демократией, которая была более близка и понятна подавляющему большинству африканского населения, но которая находилась на ином, более низком витке исторической спирали. В результате оставшиеся по форме европейскими демократические институты наполнились традиционной африканской общинной демократией с совершенно иной шкалой ценностей: уравнительность, трайбализм, геронтократия, клановость, клиентелизм, отсутствие толерантности. Некоторые лидеры молодых африканских государств открыто пропагандировали общинные ценности, противопоставляя их «западной» и «социалистической» демократии, непригодной

для Африки. Синтез авторитарного и демократического, традиционного и современного стал одной из характерных черт политической культуры Африки 1960-х — середины 1980-х годов.

На первых порах переход к однопартийности и сильной президентской власти воспринимался на уровне массового политического сознания как благо. В обществе была глубока надежда, что подобные режимы укрепят национальную государственность освободившихся стран, помогут консолидировать внутренние усилия для преодоления отсталости и подъема жизненного уровня населения, уменьшат влияние трайбализма на все стороны жизни общества и государства. Однако опиравшийся на однопартийность авторитаризм не укреплял доверие граждан к власти, а, скорее, разрушал его, ибо ему сопутствовали кумовство, поощрение клановости, разворовывание государственных ресурсов — явления, усугублявшие бедственное положение рядовых африканцев.

Другой характерной чертой, стоящей на грани политики и экономики, стали многочисленные военные перевороты, одна из причин которых, связанная с политико-религиозным сознанием элиты и масс, уже раскрыта. Другая, не менее важная, — доступ к рычагам власти, служившей средством обогащения обладающих ею. Иногда в научной литературе сложившиеся в тот период социально-экономические отношения называют по аналогии с азиатскими государствами бюрократическим капитализмом. Это не совсем верно. На Востоке доступ к власти был одним из основных способов обогащения, в Африке — единственным легальным. И дело здесь не столько в африканской специфике, сколько в уникальности сложившейся после деколонизации ситуации. Если в политическом плане метрополиям удалось что-то сделать, то в экономическом — почти ничего. Как показал опыт, профессиональные политики появляются гораздо быстрее профессиональных предпринимателей, менеджеров, финансистов. В получивших независимость африканских государствах их почти не было, а привлечение европейцев, американцев, азиатов противоречило не только политике африканизации, но и чаяниям народных масс.

Государство, а точнее, государственный аппарат и связанные с ним предприниматели и компании были единственной силой, которая могла уберечь экономику от полного развала. Отсюда — доступ к власти равнялся возможности для быстрого обогащения, в этом — основная причина череды военных переворотов, здесь лежит ключ к пониманию волны национализации, захлестнувшей континент, но эти процессы стали отправной точкой и причиной создания новой экономической и политической ситуации в Африке.

К середине 1980-х годов подавляющее большинство режимов на континенте были авторитарными или тоталитарными. Тоталитарным африканский авторитарный режим становился тогда, когда его действия направлялись на уничтожение части своего населения по этническому, расовому, религиозному, классовому или любому другому признаку. Такие режимы не были единичными. От «классических» всемирно известных — в Центральноафриканской империи, в Уганде при Иди Амине — до идеального (в гегелевском понимании этого слова) социалистического государства Гвинея при Секу Туре, до побившего «рекорд» красных кхмеров Масаиаса Нгеми в Экваториальной Гвинее, уничтожившего более трети своих подданных, и приблизительно столько же бежало от его власти за границу. Авторитарные и тоталитарные африканские режимы подпитывались также и противостоянием СССР и США на Черном континенте. Казалось, что политико-экономическая ситуация обрела определенную стабильность. Но в 1980-х годах начался новый этап развития африканских государств, который продолжается и по настоящее время, на начало XXI в. Внешнеполитические причины хорошо известны, нет смысла подробно останавливаться на них.

В результате резко сократились все виды помощи и содействия мирового сообщества Африке (за исключением Китая); энергетический, экологический кризисы, порожденные техногенной революцией, развитие наукоемких и высокотехнологичных отраслей промышленности резко уменьшили заинтересованность промышленно развитых стран мира в африканском сырье, минералах и ресурсах. Кроме того, за четверть века в странах Черного континента появилась прослойка местных предпринимателей и менеджеров (хотя рынок капитала по-прежнему был относительно неразвит, а по мнению некоторых отечественных экономистов, отсутствовал), которые уже умели работать не только внутри страны, но и на международных рынках, имели солидные по африканским меркам свободные капиталы, из-за происхождения которых они не могли быть вложены за границей. Данную прослойку, заинтересованную в политической и экономической предсказуемости государства, в которую входила значительная часть политической, управленческой, экономической и даже интеллектуальной элиты, уже не устраивали авторитарные режимы с постоянным страхом перед концентрацией экономической власти в частных руках. Таким образом, налицо были все необходимые внутренние и внешние, объективные и субъективные предпосылки для демократизации и приватизации.

По данным американских исследователей, реформирование госсектора охватило почти все страны Тропической Африки. В 1985—1988 гг.

приватизация была осуществлена в 19 странах (80 предприятий), ликвидация убыточных объектов — в 13 (78), реконструкция устаревших — в 15 (56), введение системы управления по контрактам — в 17 (54), сдача в аренду — в 15 странах (16 предприятий). В 20 странах были приняты меры по усилению финансовой самостоятельности предприятий, в 14 — состоялось освобождение цен, в 12 — наблюдалось ужесточение системы мониторинга хозяйственной деятельности. Для стимулирования экономического роста была осуществлена либерализация рынка капиталов.

Но естественный процесс перехода к новой, рыночно ориентированной модели развития, сопровождаемый постепенной демократизацией политических структур, был нарушен вмешательством МВФ и МБРР. Навязанные некоторым африканским правительствам неолиберальные программы развития, апробированные в ряде европейских и азиатских государств, сводились к открытию страны внешнему миру, созданию свободного рынка и механизмов конкуренции, девальвации национальной валюты с целью сократить спрос на импортные товары и стимуляции местного производства, а также максимально возможному устранению государства из экономики.

Цель макроэкономической стабилизации, заключавшаяся в обеспечении бюджетного равновесия, при неизменности существующих доходов, а тем более при наблюдавшейся во многих африканских странах тенденции к их снижению была достижима лишь путем сокращения государственных расходов, уменьшения импорта, девальвации национальной валюты и соответствующей корректировки внутренних цен. Все это неизбежно усиливало болезненность таких мер для большинства населения, прямо или косвенно повышало социальные издержки экономических перемен (упадок систем здравоохранения и образования вследствие сокращения их бюджетного финансирования, снижение реальных доходов населения, рост безработицы и т.д.). Аналогичный негативный эффект имели и некоторые аспекты структурной адаптации, предусматривающей рост частного сектора экономики, приватизацию государственных компаний, переориентацию на ускорение развития экспортных производств за счет импортзамещающих, общую либерализацию условий хозяйственной деятельности. Но не были учтены цивилизационные, психологические и экономико-социальные особенности африканцев, более тесная связь народа и государства, предпочтение семейно-клановых и этнических связей индивидуальному обогащению, склонность подавляющего большинства населения вкладывать свободные финансовые средства не в банки, акции и ценные бумаги, а в предметы престижного потребления, недвижимость, торговлю.

К середине 1990-х годов даже представители МВФ и МБРР были вынуждены признать провал монетаристской модели развития, навязанной Африке международными финансовыми институтами. После десяти лет структурной корректировки и получения 170 млрд долл. на цели развития экономика стран южнее Сахары продолжала деградировать. С 1982 по 1992 г. доход на душу населения ежегодно сокращался в среднем на 1,1% (среднегодовой прирост во всех развивающихся странах — 6,8%). В 1993 г. ВВП всех африканских стран южнее Сахары, где проживало 600 млн человек, был равен по своему объему ВВП Бельгии с населением 10 млн. 18 из 20 самых бедных стран находились в Африке, и они с каждым годом становились беднее. Их внешний долг с 1980 г. возрос в три раза и превысил 180 млрд долл., что составило 110% от ВВП. Росло число стран, которым грозила политическая дезинтеграция.

Ни структурные реформы, ни насильственное внедрение демократии пока не оказали существенного влияния на политическую культуру народов Африки. Демократически избранные режимы продолжают управлять теми же методами, что и однопартийные, результаты многопартийных выборов контролируются, искажаются и даже фальсифицируются в пользу того или иного кандидата. В государствах, объявивших себя демократическими, всеми законными, и не только, способами ограничивается и подавляется деятельность политической оппозиции. И что самое главное — замена авторитарно-тоталитарных режимов на демократические никак не улучшила положение простого народа, кого называют электоратом. Методы и средства, используемые Западом, оказались неадекватными. Реформы могут иметь успех в независимом государстве только в том случае, если они проводятся по инициативе собственного правительства и при поддержке населения. Навязываемые структурные реформы могут быть осуществлены только при сотрудничестве с африканскими правительствами, против которых они, по существу, и направлены. Объем средств, выделяемых Западом на проведение структурных реформ, явно недостаточен. Существующие в Африке демократические системы, основным признаком которых является многопартийность, сталкиваются с глубоко укоренившимися проявлениями авторитарного правления и со слабостью социальной и экономической базы, на которой обычно покоится демократия.

Выход из сложившейся ситуации мировое сообщество и африканские лидеры видят в экономическом объединении Черного континента и в более тесном сотрудничестве с промышленно развитыми государствами. Идея образования Африканского союза (АС), призванного стать преемником Организации африканского единства (ОАЕ), была

официально выдвинута Ливией на 4-й внеочередной Ассамблее глав государств и правительств стран—членов ОАЕ в Сирте в сентябре 1999 г. и одобрена большинством ее участников. В июле 2000 г. на саммите ОАЕ в Ломе (Того) был принят Акт об учреждении АС.

Организационная структура Африканского союза в известном смысле скопирована с интеграционных механизмов Европейского союза. Предусматривается создание Ассамблеи глав государств и правительств, исполнительного совета, комитета постоянных представителей, а также семи специализированных технических комитетов, экономического, социального и культурного совета, панафриканского парламента, суда союза, единых финансовых институтов — Африканского центрального банка, Африканского валютного фонда, Африканского инвестиционного банка. Местом пребывания штаб-квартиры АС определена Аддис-Абеба.

Среди декларированных целей АС — защита суверенитета, территориальной целостности и независимости государств-членов, укрепление мира, безопасности и стабильности, ускорение политической и социально-экономической интеграции на континенте, поощрение демократических принципов и институтов, продвижение согласованных подходов африканских стран на мировой арене, создание необходимых условий для обеспечения достойной роли Африки в глобальной экономике.

В Акте об учреждении АС подтверждаются нерушимость доставшихся Африке в наследство от колониального периода границ, принцип мирного разрешения конфликтов, запрет на использование силы или угрозы ее применения в отношениях между странами-членами, подчеркивается необходимость содействия устойчивому развитию, продвижению экономической интеграции, координации политики субрегиональных организаций. Это возможно только на базе регионального сотрудничества и экономической интеграции, так как африканские страны слишком малы, чтобы самостоятельно решать экономические проблемы. Только в рамках АС можно эффективно использовать все ныне существующие формы глобального международного сотрудничества, в том числе установление принципа взаимозаинтересованности при определении целей и стандартов как для доноров, так и для получателей помощи, создание механизмов страхования и финансовых инструментов для снижения рисков деятельности частного капитала в Африке.

В начале XXI в. промышленно развитые государства вновь обратились к решению социально-экономических проблем Африканского континента, попытались предложить пути выхода из системного кри-

зиса, поддержав программу «Новое партнерство для развития Африки» (*New Partnership for Africa's Development — NEPAD/НЕПАД*), которая была принята в Лусаке в июле 2001 г. Ассамблеей глав государств и правительств стран—членов Организации африканского единства.

Долгосрочная задача НЕПАД — вывод региона на путь устойчивого экономического роста и развития. В документе на первый план выдвинуты борьба с бедностью и социальным неравенством, укрепление демократии и надлежащего управления, борьба с коррупцией, приобщение континента к информационной революции, новейшим технологиям на базе признания ведущей роли частного предпринимательства при учете ведущей роли государства в создании условий для экономического развития. Осуществление данной программы, по мнению ее авторов, позволит обеспечить в ближайшие пятнадцать лет достижение среднегодовых темпов роста ВВП на уровне не менее 7%. Потребность в этой связи в финансовых ресурсах оценивается в 64 млрд долл. США, которые африканцы рассчитывают получить в основном из внешних источников.

Для координации практических шагов по реализации НЕПАД создан ряд органов, в том числе Исполнительный комитет (объединяет 20 стран континента) во главе с президентом Нигерии О. Обасанджо, Руководящий комитет в составе Алжира, Египта, Нигерии, Сенегала, Южно-Африканской Республики (ЮАР) (государств—инициаторов НЕПАД) и Секретариат, располагающийся в Претории, ЮАР. В целом африканское сообщество демонстрирует конструктивный подход к вопросам осуществления программы НЕПАД.

В целях содействия реализации НЕПАД на саммите «Группы восьми» в Кананаскисе (июнь 2002 г.) был принят «План действий “восьмерки” по Африке». План действий состоит из двух частей — политического вступления и обязательств по содействию африканским государствам в решении стоящих перед континентом важнейших проблем обеспечения мира и безопасности, совершенствования деятельности структур государственного, административного и корпоративного управления, поощрения торговли, инвестиций, экономического роста и устойчивого развития, облегчения долгового бремени, развития образования и расширения использования информационно-коммуникационных технологий, укрепления здравоохранения и борьбы с ВИЧ/СПИД и другими опасными заболеваниями, повышения продуктивности сельского хозяйства, совершенствования использования водных ресурсов.

В плане подчеркивается, что этот документ — первый ответ «восьмерки» на программу НЕПАД, призванный заложить основу для буду-

шего сотрудничества. Приветствуются взятые лидерами африканских государств обязательства по достижению провозглашенных в НЕПАД целей — укрепление демократии, надлежащее управление, обеспечение мира, решение социальных проблем — в качестве необходимого условия для искоренения бедности на континенте. Особо отмечается, что главная ответственность за реализацию данных задач лежит на самих африканцах. «Восьмерка», со своей стороны, готова поддержать их усилия, сосредоточив внимание на приоритетных областях.

Для плана характерна нацеленность на преимущественное развитие взаимодействия с теми странами, которые демонстрируют приверженность принципам «нового партнерства», а также реальные достижения в этой области. Выражается готовность учитывать в работе с африканскими партнерами критерии, которые будут применяться ими для оценки соответствия политики стран континента зафиксированным в НЕПАД целям в рамках создаваемого контрольно-мониторингового механизма — Комитета равноправного взаимного контроля. В то же время в план включено положение о том, что оказание гуманитарной помощи наиболее нуждающимся африканским государствам останется неизменным.

Реализация «Плана действий» будет напрямую зависеть от усилий самих африканских стран по укреплению демократии и выработке надлежащего экономического курса. Страны «восьмерки» не будут «просто давать Африке деньги», финансовое содействие будет увязано с процессами демократизации, борьбой с коррупцией, экономическим развитием, поддержанием усилий по установлению и укреплению мира в проблемных регионах, укреплением институтов власти, развитием свободной торговли и инвестиций. «Восьмерка» выразила поддержку созданию региональных вооруженных сил, которые сформируют африканские страны для предотвращения вооруженных конфликтов, договорилась предпринять новые усилия по облегчению долгового бремени беднейших стран Африки, ограничить бегство капиталов и утечку квалифицированных специалистов.

Мировое сообщество в начале XXI в. отчетливо осознало, что континент стал тем элементом, который «выпадает» из формирующейся новой системы глобальных взаимоотношений и, если не принять принципиальных мер, будет тянуть назад все мировое развитие. Это следствие как цивилизационных особенностей относительно недавнего исторического прошлого, так и системного кризиса, переживаемого большинством стран Африки, который, помимо экономической составляющей, охватывает практически все стороны жизни, весь комплекс социальных отношений, находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом, поражая

некогда стабильные и естественно воспроизводимые отношения между людьми как в процессах их жизнедеятельности, так и в способах и типах этой жизнедеятельности.

Причин данного кризиса — множество, даже простое перечисление субъективных и объективных займет немало места. Последние в значительной степени обусловлены тем, что глобализация «застала» Африку в период перехода от традиционного к современному обществу, когда «старое» уже частично разрушено, а «новое» находится в зачаточном состоянии, что выражается в субъективности выбора моделей развития, которые к тому же навязывались извне. Одним из последствий столкновения традиционного и современного является ослабление роли государства или ее полное или частичное исчезновение, ослабление или утрата управляемости на всех уровнях и во всех звеньях, отрыв государственного аппарата и властвующих элит от жизненных потребностей большинства населения, а соответственно его отстранение от участия в управлении страной. По всему континенту происходят процессы дезинтеграции социальных групп, рост напряженности в межэтнических отношениях, отделение крестьян от земли, наемных работников — от производимой продукции, производства — от потребностей населения, значительное недоиспользование трудового потенциала, снижение пригодного для жизни пространства, деградация общественных нравов. Около половины населения Африки живет за чертой бедности.

К субъективным причинам кризиса относится плохое управление государством и экономикой, обусловленное в значительной степени nepотизмом, коррупцией, в той или иной степени присутствующей повсюду (в подавляющем большинстве африканских стран она стала структурообразующим элементом), на протяжении значительного времени наблюдается рост теневой экономики, трайбализм активно воздействует на все сферы жизни, деградирует социальная инфраструктура, особенно здравоохранение и образование, отсутствует личная безопасность, население отстранено от правдивой информации, налицо снижение или стагнация средних доходов при одновременном углублении разрыва в доходах между верхними и нижними слоями, что ставит большие массы людей на грань физического выживания.

К историческим причинам можно отнести длительное изолированное существование континента, последствия евро-американской работорговли, лишившей Африку миллионов наиболее развитых в физическом и интеллектуальном плане мужчин и женщин, прервавшей естественный ход развития государств и народов, последствия векового колониального господства, неэквивалентный обмен с промышленно развитыми страна-

ми, выражающийся, прежде всего, в ножницах цен на сырье и готовую продукцию приведший к утечке мозгов. К цивилизационным — особенности менталитета африканцев, например, их тотальное недоверие ко всем нововведениям, что выражается в нежелании использовать общемировые достижения, — африканцы не использовали колесо, плуг, обработанный камень, за две тысячи лет, до начала активных контактов с Европой, не произошло сколько-нибудь серьезных улучшений в агротехнике. На территории континента отсутствует доминирующая религия, а смесь элементов ислама, христианства с традиционными верованиями является дезинтегрирующим фактором, в отличие от объединяющей роли мировых религий в других цивилизациях. Отношения, характерные для традиционного общества, при развитии современного не отмирают, а причудливо трансформируются, изменяя и само современное. Например, за проигрыш или победу футбольной команды отвечает не тренер, а служитель традиционных культов. У африканских народов сохраняется высокий уровень рождаемости, что при резком снижении смертности и увеличении продолжительности жизни сводит на нет все небольшие достижения в социально-экономической области.

Свое отличие имеет и африканская элита. На протяжении веков в роли элиты выступали правители и вожди. И только с приходом на континент европейцев стал формироваться социальный слой людей, опирающихся на товарно-денежные отношения и правовые нормы современного общества. Он получил название «новая элита». Если в развитых государствах элита фактически олицетворяет и выражает интересы господствующего класса, то в Африке из-за незавершенности социальной дифференциации общества положение иное. Она здесь не промышленная аристократия, как в Европе и Северной Америке, не земельная, как в Латинской, а преимущественно бюрократы и политики, чья власть и доходы зависят почти исключительно от занимаемых постов. Если элита на Западе является олицетворением и носителем национальной культуры, то африканская взяла на вооружение чужеземную цивилизацию и стала ее проводником: она восприняла чужой язык, чужие обычаи и нравы, чужие идейные воззрения. Элита, естественно, пытается приспособить все это к местным условиям. Но остается фактом, что отправной пункт для нее — западная цивилизация. Новая элита в Африке возникла не в результате естественной эволюции, а как следствие вторжения чужеродной силы — колониализма, навязавшего силой Африке иной общественный строй и иную культуру — европейскую. Новая элита противостоит народу, но она и ведет его за собой. Народ живет пока в тесных рамках традиционных институтов и жестко

регламентированных норм поведения. Новая элита не имеет ни таких институтов, ни таких норм. Она сама вырабатывает и те и другие и навязывает их народу. Отсюда — двойственность, которая пронизывает все стороны жизни и деятельности новой элиты.

Новая элита выдвигает и новое поколение политических лидеров, которые декларируют приверженность либерально-демократическим взглядам, созданию многопартийной системы. Вместе с тем политические лидеры несут на себе черты традиционных отношений, что проявляется в их религиозно-этнических связях, клиентелизме, nepотизме. Будучи главами государств, руководителями правящих партий, идеологами, африканские лидеры наделяются большими полномочиями. В них переплетается авторитет власти и авторитет личности. Президент в Африке не только высшее должностное лицо, но и олицетворение государства, нации. Политические лидеры несут на себе черты традиционных отношений, проявляющиеся в харизме, использовании во властных отношениях ритуалов, символов. В условиях политической нестабильности и тяжелого экономического положения лидеры вынуждены прибегать к периодическому чередованию автократии и ограниченного плюрализма, то «жестких», то «мягких» форм авторитарного правления. Это хорошо видно на примере процесса становления многопартийности. Политические лидеры, находящиеся у власти, пытаются управлять санкционированным ими же возникновением новых политических партий. Руководители государств стремятся законодательно ограничить их количество, мотивируя свои действия необходимостью учитывать специфику местных обществ (запрет создавать «нежизнеспособные» партии, партии этнорегиональные, партии деятелей прежних режимов, не обладающие первичными ячейками в подавляющем большинстве административных единиц, и т.д.).

В странах Африки южнее Сахары влияние традиций воздействует на все аспекты политической культуры и проявляется: в особенностях отношений между властью и обществом, между властью и индивидом; в сохранении политического влияния вождей (в некоторых странах вожди имеют официальный статус, зафиксированный в конституциях); в превалировании группового политического сознания над индивидуальным, так как, согласно традиции, интересы отдельной личности подчинены интересам общества (большой семьи, племени, клана); в проявлениях трайбализма, остающегося важнейшим фактором политической жизни африканских государств; в распространении мифологизированного сознания, которое играет немаловажную роль в принятии политических решений.

Государство, воплощающее власть, господствует над обществом, в какой-то мере противостоит ему, препятствуя формированию институтов гражданского общества. Между государством и реальным обществом недостаточно сцеплений, много противоречий, так как государственные институты, заимствованные у метрополий, соответствовали только политической культуре элит. Рядовой африканец не понимал их сути и места в обществе и потому опасался и отторгал. Исторически сформировавшаяся многослойность оказала влияние на основные доминанты, ценности и смысловые характеристики современной политической культуры. Они состоят в следующем:

- ориентация на корпорацию, ценности традиционного коллектива (семьи, общины, племени и т.д.) при сохранении личного начала, определенной автономии индивида в конкретном социуме;
- особая роль мифологических мировоззренческих представлений, восприятие человека в тесной связи с животным и растительным миром как главного носителя жизни во Вселенной; антропологизм и антропокосмологизм африканской духовной традиции;
- гибридность, противоречивое сочетание элементов различных культурных систем: западной и африканской, восприятие (определение) африканца как маргинальной личности, «культурного гибрида», личности на стыке культур;
- формирование и развитие специфических культурно-экологических систем, особых социетальных образований на базе объединения неоднородных формационных и цивилизационных структур, например, родовой общины и современного капиталистического уклада, своеобразно воздействующих на политическую культуру, создающих гибридные политические субкультуры.

* * *

Образ мира, сложившийся в архаических пластах африканских культур и находящий свое выражение в мифологии, а также в знаковых текстах, системах ритуалов, обрядов, речи, верований и т.д., не потерял своего актуального значения и продолжает оставаться основой миропонимания не только большинства сельского населения Тропической Африки, но и многих городских жителей. В этой свойственной общественному сознанию модели мира не все в одинаковой мере используется обыденным

Глава 1. Политические системы и политические культуры государств Африки

сознанием, однако именно на базе этой модели характерных для нее доминант формируется тот специфический угол зрения, который больше всего подходит африканской личности. Для ее включения в общецивилизационный процесс необходим определенный уровень развития как духовной, так и политической культуры африканских обществ в целом. Для этого необходимы перемены социального и культурного характера, которые будут постепенно формировать новые социальные слои, новые движения, новый тип личности. Будущая политическая культура и политические системы стран Африки зависят от того, насколько быстро континент сумеет выйти из кризиса, преодолеть государственный и экономический хаос, создаст нормально действующую экономику с устойчивым развитием, что невозможно без помощи международного сообщества и усилий лидеров африканских государств и большей части населения Черного континента. Европейская и африканская политические культуры взаимно обогащают друг друга, получая толчок к дальнейшему развитию. Изолированная культура хиреет и гибнет, но, как показал опыт полувекового развития независимых государств Черного континента, простое заимствование чужих политических систем и институтов не дает желаемого результата. Новая африканская политическая культура должна стать органическим сплавом национальных достижений и иностранных заимствований.

2

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Формирование израильской государственности

Задачи и проблемы, стоявшие перед молодым Государством Израиль в 1948 г., были похожими на те, с которыми столкнулись другие страны, провозгласившие государственный суверенитет. Однако история становления демократии в Израиле не вписывается в какие-либо традиционные рамки и модели, принятые для анализа политических режимов в западных странах. С одной стороны, Израиль, наряду с Индией, остается одной из двух стран, получивших независимость после Второй мировой войны, сумевших установить и сохранить демократическую форму правления. Иными словами, из многих десятков стран, провозгласивших государственный суверенитет в течение последних шестидесяти лет, лишь Израилю и Индии удалось утвердить приоритет демократически избранных институтов власти, что весьма впечатляет, особенно учитывая тот факт, что обе страны находятся в состоянии перманентного военно-политического противостояния с окружающими их враждебными мусульманскими странами. С другой стороны, и в Израиле, и в Индии правящие партии бесценно сохраняли свое лидирующее положение на протяжении нескольких десятилетий, что весьма нехарактерно для либеральных демократий. Англичане покинули Индию в 1947 г., после чего правящей партией в стране стал Индийский национальный конгресс, впервые проигравший всеобщие выборы в 1967 г. Британский мандат на управление Палестиной закончился в 1948 г., после чего управление страной перешло к органам власти, доминирующее положение в которых занимали представители Рабочей партии Израиля. Гегемония Рабочей партии продолжалась двадцать девять лет — до 1977 г. Следует отметить и то, что и в Израиле, и в Индии (как и во многих других странах) пули убийц обрывали жизнь законно избранных лидеров страны: ярко выраженный политический характер убийств Ицхака Рабина, Индиры Ганди и ее сына Раджива наглядно продемонстрировал хрупкость демократической формы правления, которая многими в современном обществе теперь ставится под сомнение.

Вопреки распространенному мнению израильское общество никогда не отличалось высокой степенью единства ни в вопросах внутренней, ни внешней политики. По данным опроса, проведенного Ашером Арианом в 1962 г., 26% израильтян выступали за развитие экономики страны по капиталистическому пути, в то время как 54% были сторонниками той или иной формы социализма. В вопросах внешней политики Израиль пытался лавировать между супердержавами, причем вопрос о взаимоотношениях с Советским Союзом раскалывал общество не меньше, чем вопрос о путях урегулирования конфликта с арабскими странами. Пожалуй, едва ли не наиболее острым был вопрос о возможности заключения соглашения с Германией, и Д. Бен-Гурион, первый премьер-министр Израиля, пошел на это, несмотря на беспрецедентный размах антиправительственных демонстраций в стране. Враждебность Д. Бен-Гуриона по отношению к коммунистической идеологии и советскому режиму не помешала ему верить, что, несмотря на идеологические разногласия, благодаря новой политике Советского Союза в конце 1940-х годов политические контакты между двумя странами станут возможными. Он считал, что необходимо избегать любой конфронтации с Россией, и даже взвешивал возможность заключения военно-стратегического соглашения с СССР. Подобный прагматичный подход Д. Бен-Гурион демонстрировал и в отношении Великобритании. Несмотря на официальное признание Израилем Великобританией 27 апреля 1950 г., воспоминания о жесткой антиеврейской политике мандатных властей, в особенности после окончания Второй мировой войны, вызывали ожесточенные споры о возможности и целесообразности политического сближения с этой страной. Хотя во время Войны за независимость Д. Бен-Гурион твердо верил, что в этом политическом и военном конфликте Великобритания являлась «невидимым» врагом Израиля, в октябре 1956 г. он пошел на проведение совместной с Великобританией военной операции против Египта.

Противоречия сложившейся в Израиле политической системы проявлялись еще и в том, что при наличии сильного руководителя с авторитарными склонностями наиболее важные вопросы внутренней политики решались путем переговоров и компромиссов между едва ли не всеми конфликтующими сторонами. При доминирующем положении Рабочей партии в парламенте (Кнессете), правительстве и в местных органах власти почти все основные политические вопросы (в том числе о статусе религии в общественной жизни, о создании единой системы образования в стране, о путях формирования конституционного законодательства и т.д.) были урегулированы путем достижения взаимоприемлемых компромиссов между ней и другими политическими силами.

Несмотря на господство Рабочей партии в хозяйственной жизни страны, в Федерации профсоюзов и во многих общественных организациях, в основе политической жизни страны лежали принципы многопартийности, регулярно проводились всеобщие выборы, существовала сильная судебная власть, в целом соблюдался принцип разделения властей, что позволяет говорить о существовании в Израиле демократической формы правления уже в первые годы после обретения страной государственной независимости.

Ведущая роль Рабочей партии в большинстве сфер общественной жизни не вызывала сомнений еще в догосударственный период. Созданная в 1930 г. (после слияния партий *Ахдут ха-авода* [«Единство труда»] и *Ха-поэль ха-цаир* [«Молодой рабочий»]) Рабочая партия заняла доминирующую позицию как в политике, так и в хозяйственной и управленческой сферах еврейской общины. Несмотря на достаточно большое количество партий, сложившихся на момент провозглашения независимости Израиля (в ходе состоявшихся в 1949 г. выборов в Кнессет первого созыва электоральный барьер преодолели двенадцать партийных списков), политическая гегемония социал-демократов облегчалась отсутствием в стране единой оппозиции, которая бы могла на равных бороться с Д. Бен-Гурионом и возглавляемой им партией.

В первые годы государственной независимости Израиля оппозиция состояла из четырех групп партий, имевших различную идеологическую платформу. Речь идет (1) об объединившихся в 1948 г. в партию МАПАМ просоветски настроенных левосоциалистических движениях *Ахдут ха-авода* — *Поалей Цион* («Рабочие Сиона») и *Ха-шомер ха-цаир* («Молодой страж»); (2) об объединившихся перед выборами 1949 г. в единый блок (распавшийся уже перед выборами в Кнессет второго созыва в 1951 г.) религиозных партиях сионистского (движения *Мизрахи* и *Ха-поэль ха-мизрахи*) и несионистского (движения *Агудат Исраэль* и *Поалей Агудат Исраэль*) толка; (3) о союзе заново объединившихся после раскола 1935 г. членов Федерации Общих сионистов, именовавших себя «партией центра», и о близкой к ним по духу Прогрессивной партии; и, наконец, (4) о блоке правых партий, включавшем движение *Херут* («Свобода») и ревизионистов, в который вошли также многие бойцы действовавших в 1930–1940-х годах военизированных организаций ЛЕХИ и ЭЦЕЛЬ. Слабость оппозиционных сил заключалась в их крайней разобщенности, вызванной непримиримостью их идеологических позиций и нежеланием идти на взаимное сближение, что лишало их возможности действовать совместно и образовать единый блок, который мог бы бросить вызов гегемонии Рабочей партии. В ре-

зультате в первые два десятилетия государственной независимости позиции Рабочей партии оставались незабываемыми. На всех выборах она получала наибольшее число голосов. После выборов в Кнессет в 1949 г. она имела 46 мандатов (из общего числа в 120 депутатов), в 1951 г. — 45, в 1955 г. — 40, в 1959 г. — 47. Подобная стабильность лидирующего положения Рабочей партии была особенно впечатляющей на фоне стремительного увеличения численности населения Израйля, выросшего за период с 1948 по 1958 г. более чем в два с половиной раза, и изменения его социально-демографического состава, вызванного постоянным прибытием новых иммигрантов из стран диаспоры. Постоянная угроза существованию Государства Израиль и обусловленное ею ощущение внутренней сплоченности были, пожалуй, самыми сильными факторами, укреплявшими позиции Рабочей партии, ибо в условиях непрекращавшейся борьбы за существование любая попытка серьезно изменить расстановку политических сил воспринималась как покушение на стабильность в стране.

Следует отметить, что основные политические партии и Движения сложились в Палестине еще в период британского мандата, поэтому можно говорить о том, что уже тогда в еврейском обществе сформировались принципы многопартийности и плюрализма. В каждом составе избиравшегося в годы мандата Национального собрания было представлено более десятка списков различных партий и движений; в состоявшихся в 1949 г. выборах в Кнессет первого созыва участвовала двадцать одна партия. Однако полномочия центральных национальных учреждений еврейской общины признавались далеко не всеми; в частности, отношение к этим учреждениям представителей религиозных кругов и сторонников так называемого «ревизионистского» движения было весьма неоднозначным. Достаточно сказать, что в последних в период британского мандата выборах в Национальное собрание, состоявшихся в 1944 г., не участвовало более 32% представителей еврейской общины, имевших право голоса (из 300 018 человек, обладавших избирательным правом, в выборах приняли участие 202 448 человек). После провозглашения независимости Д. Бен-Гурион считал крайне важным добиться признания легитимности власти нового правительства в глазах всех групп населения страны. Исходя из этого, он стремился создать государственное устройство, характерными признаками которого были бы терпимость и готовность к сотрудничеству, невзирая на политические разногласия. Он понимал необходимость идти на компромисс с большинством партий, включая даже и радикальные религиозные, например *Агудат Исраэль*. В результате такого подхода в Израиле первого десятилетия сложилась

достаточно стабильная политическая система, основу которой составлял консенсус между парламентскими фракциями по некоторым наиболее важным проблемам, при одновременном сохранении разногласий по другим вопросам. Однако необходимо отметить, что, несмотря на то что по многим сложным вопросам был найден компромисс, в большинстве своем они не были решены, а лишь «заморожены» на какое-то время, и впоследствии споры по ним вспыхивали с новой силой. В этой связи выделяется соглашение о статус-кво во взаимоотношениях между религией и государством. Несмотря на то что, по данным проведенных еще в 1960-х годах опросов, доля граждан, определенно относивших себя к светскому населению, более чем вдвое превышала процент религиозных, а 52% избирателей правящей Рабочей партии выступали за отделение религии от государства, оно так и не было проведено. По словам известного израильского политолога Эхуда Шпринцака, имеет смысл говорить о том, что в первые годы в Израиле был достигнут лишь «оперативный», а не постоянный консенсус.

Помимо прочего, достигнутая политическая стабильность во многом была обусловлена отсутствием сильных независимых общественных движений вне партийной системы. Большинство учреждений, общественных организаций, групп лоббирования и средств массовой информации были связаны с самим правительством, с Федерацией профсоюзов и Еврейским агентством или же с политическими партиями. Многие средства массовой информации также принадлежали тем или иным партиям. В этих условиях оппозиционные группы пытались достичь своих политических целей, не выходя за рамки существующего оперативного политического консенсуса. Деятельность неправительственных организаций в те годы была ограниченной, а движения социально-политического протеста возникали редко и не были долговечными. Ни состоявшаяся в 1951 г. забастовка моряков, ни бурные демонстрации протеста во время обсуждения Кнессетом соглашений о репарациях с Германией в январе 1952 г., ни трехмесячная забастовка на заводе «Ата» летом 1957 г., ни волнения в Хайфском районе Вади-Салиб в июле 1959 г. не привели к формированию новых социальных движений протеста, оставшись в истории Израиля как более или менее спонтанные кратковременные проявления общественного недовольства, не вызвавшие каких-либо серьезных изменений.

Для израильской модели политического устройства в формативный период государственной независимости характерна относительная слабость законодательной ветви власти и ее зависимость от правительства. Взаимоотношения между парламентом и правительством складывались

таким образом, что реальный механизм взаимодействия этих двух ветвей власти во многом отличался от того, который предусматривался соответствующими законами. Коалиционные соглашения, заключаемые после каждых выборов между партиями, входящими в правительство, во многом определяли повестку работы Кнессета до следующих выборов, причем отдельные законы буквально «навязывались» меньшинством большинству. Заимствованный у англичан принцип коллективной ответственности, означающий, что решения правительства обязательны для всех входящих в него министров, привел к тому, что при голосованиях в Кнессете депутаты от партий, входящих в коалицию, могли проголосовать против большинства в правительстве только при условии, что они были готовы покинуть коалицию и быть отстраненными от участия во власти. Создание широких коалиций, включавших большинство представленных в парламенте партий, явилось одной из основных причин, приведшей к тому, что на практике исполнительная власть господствовала над законодательной. Опыт деятельности таких коалиций показывал, что пока правительство опиралось на стабильное большинство депутатов Кнессета, именно оно, а не парламент, принимало все действительно важные решения.

Еще одной важной характеристикой израильской модели государственного устройства является гражданский контроль над армией и другими силовыми структурами. Несмотря на то что проблемы обеспечения безопасности постоянно находились (и находятся) в центре внимания общества, отодвигая на второй план важные социальные вопросы, контроль правительства и парламента за деятельностью силовых структур предотвратил опасность формирования в Израиле военного режима. После выборов в Кнессет первого созыва участие военных в списках кандидатов в члены парламента было запрещено, а число отставных военачальников среди депутатов в 1950–1960-х годах не превышало пяти. В первое десятилетие политической независимости Израиля сменились четыре начальника Генерального штаба армии (эту должность последовательно занимали Яков Дори, Игаль Ядин, Мордехай Маклеф и Моше Даян), причем назначения армейских командиров были и остались исключительной прерогативой гражданского политического руководства страны. Все это свидетельствует о высокой степени защищенности израильской демократической системы от опасности формирования военной олигархии, навязывающей свои методы управления всему обществу. Анализ электоральных предпочтений израильского офицерского корпуса, проведенный в 1965 г., не выявил принципиальных идеологических различий между политическими предпочтениями кадровых военных

и гражданским населением: в армии, как и в обществе, представлены все существующие политические идеологии. Такой остается ситуация и в настоящее время.

Парадоксальным образом централизация государственной власти сочеталась в Израиле со сравнительно высокой степенью готовности правительства передать отдельные полномочия в руки не зависящих от него структур. Например, Федерация профсоюзов и после 1948 г. в немалой степени определяла политику в таких сферах, как здравоохранение, строительство и социальное обеспечение, обладая определенным влиянием на процесс принятия экономических решений. Еврейское агентство продолжало играть активную роль в организационном обеспечении массовой миграции и поселенческого движения, а также в отношениях с евреями диаспоры. Это же относится и к Земельному фонду, который продолжал заниматься приобретением земель и их управлением.

Важно отметить и то, что в Израиле никогда не существовало монопольного контроля правящей партии над прессой: даже в годы политической гегемонии Рабочей партии наряду с издававшейся ею с 1925 г. газетой «Давар» («Слово») выходили и газеты ее политических противников и конкурентов: находившиеся правее Рабочей партии ревизионисты выпускали в 1938–1949 гг. газету «Ха-машкиф» («Наблюдатель»), а впоследствии — газету «Херут» («Свобода»), правоцентристская партия Общих сионистов издавала в 1935–1965 гг. газету «Ха-боккер» («Утро»), левосоциалистические партии *Ахдут ха-авода* и МАПАМ — соответственно газеты «Ла-мерхав» (в 1947–1971 гг.) и «Аль ха-мишмар» (в 1943–1995 гг.), коммунисты в 1947–1975 гг. распространяли среди своих сторонников газету «Коль ха-ам» («Голос народа»). Иными словами, несмотря на то что большинство читателей черпали информацию о происходившем в стране и мире из газет, придерживавшихся определенной партийно-политической линии, далеко не всегда это была линия правящей Рабочей партии, печатный орган которой конкурировал на рынке средств массовой информации со многими другими партийными и частными изданиями, среди которых выделялся острокритический независимый еженедельник «Ха-олам ха-зе» («Этот мир»). Представляется особенно важным подчеркнуть, что в эпоху господства партийной прессы различные, порой диаметрально противоположные толкования происходящих событий в разных газетах способствовали формированию социально-политической полемики в стране: даже звуча громче остальных, голос газеты правящей партии «Давар» не заглушал сильно отличавшиеся от него голоса других газет.

При этом в Израиле нет и никогда не было Основного закона (Конституции), который бы гарантировал соблюдение гражданских

прав в стране, и до относительно недавнего времени не было принято каких-либо законодательных актов в этой сфере, пусть и не имеющих конституционного характера. Большая часть юридических актов, обеспечивающих соблюдение прав человека в Израиле, базируется не на законах, принятых парламентом, а на прецедентных решениях Верховного суда.

Конституционное законодательство и правовая система

14 мая 1948 г., за несколько часов до окончания мандата Великобритании на Палестину, Народный совет, состоявший из тридцати семи сионистских лидеров, обнародовал Декларацию независимости Израиля и особым манифестом провозгласил себя Временным государственным советом — высшим законодательным органом создаваемого еврейского государства. Временный государственный совет отменил британские законы, ограничивавшие еврейскую иммиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль и продажу земли евреям. Временный государственный совет оставил в силе британские законы, действовавшие в Палестине на 14 мая 1948 г., ограничив это решение оговоркой, что это касается тех нормативных актов, которые согласуются с Декларацией независимости, с будущими законами и с изменениями, вытекающими из факта создания Государства Израиль и его органов власти, до тех пор пока не приняты новые законы, отменяющие прежние.

Первым законом, принятым Временным государственным советом (19 мая 1948 г.), был Указ о правилах осуществления власти и судопроизводства, устанавливавший состав и обязанности Временного государственного совета и Временного правительства (так называемого «Народного правления») и утверждавший функции муниципалитетов и других органов местной власти и судебных органов в рамках их прежних полномочий. Уже в этом первом законодательном акте Израиль обратился к британской модели государственного управления, согласно которой парламенту теоретически принадлежит наивысший статус, но на практике правительство способно контролировать его. С одной стороны, Указ подчиняет исполнительную власть законодательной, которая определяет основы внутренней и внешней политики, принципы налогообложения и бюджетного финансирования. С другой стороны, в нем говорится, что если законодатели объявят чрезвычайное положение, то министры, входящие в правительство, будут иметь полномочия подписывать указы, приостанавливающие или ограничивающие действие принятых парламентом законов. Продолжающееся действие формально не отмененного до сих пор чрезвычайного положения укрепляет положение

правительства Израиля по сравнению с органами исполнительной власти в западных странах, которые имеют право издавать указы только на основе законодательства, принятого парламентами, и контролируются ими.

18 ноября 1948 г. Временный государственный совет издал Декрет о выборах в Учредительное собрание на основе всеобщего равного избирательного права при прямом и тайном голосовании. Первые всеобщие выборы после провозглашения государственной независимости состоялись 25 января 1949 г. Первым законом, принятым Учредительным собранием, торжественное открытие которого состоялось 14 февраля 1949 г., был Закон о переходном периоде, заложивший юридическую основу законодательной и исполнительной власти Государства Израиль. Согласно этому закону, законодательный орган государства именуется Кнессетом, а Учредительное собрание провозгласило себя Кнессетом первого созыва. Было установлено правило, согласно которому каждый закон должен быть подписан премьер-министром, министром или министрами, на которых возлагается ответственность за его выполнение, а после этого — президентом государства.

Предполагалось, что Кнессет первого созыва составит проект Конституции Государства Израиль. Это соответствовало и внешнеполитическим обязательствам Израиля: согласно решению Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г., после раздела Палестины «учредительное собрание каждого государства — еврейского и арабского — должно ввести демократическую конституцию». Решение о принятии конституции Учредительным собранием Государства Израиль было зафиксировано и в Декларации независимости страны. Еще в декабре 1947 г. правление Еврейского агентства поручило Иехуде Пинхасу Коэну подготовить черновой проект, который мог бы стать основой для обсуждения будущей конституции еврейского государства. Два года спустя отдельные члены Кнессета первого созыва пытались добиться включения в Закон о переходном периоде параграфа, обязывающего Кнессет принять единый Основной закон, однако потерпели неудачу, прежде всего из-за противодействия правящей Рабочей партии, бывшей едва ли не единственной нерелигиозной партией, выступавшей против конституции. Парадоксально, но среди противников принятия конституции Учредительным собранием был и д-р Зерах Вархафтиг, назначенный в 1948 г. председателем Конституционной комиссии Временного государственного совета.

Кнессет первого созыва не спешил с рассмотрением вопроса о принятии конституции. На протяжении полутора лет — с февраля 1949 по июнь 1950 г. — эта тема обсуждалась на девяти заседаниях. Аргументация

сторонников принятия конституции сводилась к тому, что, во-первых, в ее отсутствие невозможен реальный контроль над деятельностью правительства, в том числе и в законотворческой деятельности, а во-вторых, она необходима для недвусмысленного определения границ полномочий государственных структур, прежде всего — силовых; именно конституция является обычно гарантом основных прав и свобод граждан.

Глава правительства Давид Бен-Гурион, выступая в Кнессете 20 февраля 1950 г., в свою очередь, утверждал, что опасности, подстерегающие формирующуюся демократию, «реальны в государстве, имеющем конституцию, в такой же степени, как в государстве, конституцией не обладающем». Выступая против принятия конституции, депутат Кнессета Давид Бар-Рав-Хай полагал, что сохранение принципов демократии зависит не от конституции, а от «сознания и уровня политической культуры народа»; в качестве примера противники конституции говорили об огромных различиях между законами и практикой при диктаторских режимах, существовавших в середине XX столетия в Германии и в России.

13 июня 1950 г. Кнессет большинством голосов утвердил компромиссное предложение депутата Изхара Харари, поддержанное, в том числе, правящей Рабочей партией. Принятое решение гласило: «Кнессет постановляет возложить на Комиссию по вопросам конституции, права и судопроизводства подготовку проекта конституции государства. Конституция будет построена таким образом, чтобы каждый ее раздел представлял собой основной закон. Разделы должны предоставляться Кнессету по мере завершения Комиссией своей работы и должны быть включены в конституцию государства». Данный компромисс позволил избежать резких столкновений между различными социальными и политическими группами в Израиле, что было крайне важно для государства, лишь за полтора года до этого провозгласившего свою независимость.

Первый из Основных законов был принят лишь восемь лет спустя после утверждения предложения И. Харари. Лишь в 1958 г., когда Кнессет третьего созыва уже приближался к концу своей каденции, был принят первый из действующих на сегодняшний день Основных законов — Основной закон о Кнессете. Впоследствии Кнессетом было принято еще десять Основных законов: о землях Израиля (1960), о президенте государства (1964), о правительстве (1968), о государственной экономике (1975), об армии (1976), о Иерусалиме — столице Израиля (1980), о судопроизводстве (1984), о Государственном контролере (1988), о свободе деятельности (1992) и о свободе и достоинстве человека (1992).

Следует отметить, что, хотя до начала 1990-х годов Кнессетом было принято девять Основных законов, ни один из них не привел к кардинальным изменениям в той сфере, которая относилась к компетенции данного закона. Выборы в Кнессет первого созыва прошли за девять лет до принятия в 1958 г. Основного закона о Кнессете, президент Израиля был впервые избран за шестнадцать лет до принятия в 1964 г. Основного закона о президенте государства, ведомство Государственного контролера сорок лет работало без определяющего его деятельность Основного закона (принят в 1988 г.). С принятием в 1968 г. Основного закона о правительстве не произошло практически никаких перемен в работе органов исполнительной власти, а с принятием в 1984 г. Основного закона о судопроизводстве — в органах власти судебной. Иерусалим был объявлен столицей государства немедленно после провозглашения независимости, девятнадцать лет спустя Восточный и Западный Иерусалим были объединены под израильским суверенитетом, однако прошло еще долгих тринадцать лет, пока в 1980 г. был принят Основной закон о Иерусалиме — столице Израиля. Принцип подчиненности армии гражданским органам власти утвердился в Израиле задолго до того, как в 1976 г. был принят Основной закон об армии.

Иной была ситуация с Основным законом о свободе и достоинстве человека и Основным законом о свободе деятельности, принятыми в 1992 г. (второй из этих законов был принят в 1994 г. в новой редакции). До этого все принятые Кнессетом Основные законы относились к функционированию тех или иных государственных институтов, однако теперь появились Основные законы о гражданских правах личности. Кроме того, вторая редакция Основного закона о свободе деятельности включала и статью о том, что «Основные права человека в Израиле базируются на признании человека высшей ценностью, на святости и неприкосновенности его жизни и свободы. Уважение этих прав соответствует духу Декларации независимости Государства Израиль». До этого зафиксированные в Декларации независимости права на свободу вероисповедания и совести, а также отчетливо выраженный в ней принцип «полного общественного и политического равноправия всех граждан без различия религии, расы или пола» никогда не были повторены ни в одном из принятых Кнессетом законов. Именно поэтому в своих многочисленных выступлениях и статьях нынешний председатель Верховного суда Израиля Аарон Барак охарактеризовал эти законы как «существенное изменение в нашем конституционном строе, составляющее конституционную революцию». По мнению судьи А. Барака, с принятием этих законов «полномочия Кнессета ограничиваются; Кнессет теперь

может далеко не все». В Израиле впервые был принят Основной закон, придавший юридическую силу Декларации независимости. Следует, однако, отметить, что фундаментальное положение «конституционной революции» попало во вторую редакцию Основного закона почти случайно. Принятой в либерально-демократических странах основательной подготовительной работы, предшествующей принятию столь важных законов, в данном случае проведено не было.

Важно отметить и то, что, кроме отдельных «защищенных» статей Основного закона о Кнессете, Основного закона о правительстве и Основного закона о свободе деятельности, все остальные основные законы (включая Основной закон о достоинстве и свободе человека) могут быть изменены простым большинством депутатов Кнессета. Кроме того, принцип отбора тех или иных законов в качестве «основных» вызывает небезосновательные сомнения. Например, такие важнейшие документы, как Закон о возвращении (1950), Закон о равноправии женщин (1951), Закон о гражданстве (1952), Закон о государственном образовании (1953) и другие, не имеют статуса «основных». Все эти проблемы серьезно ограничивают надежды на принятие полноценной конституции страны в обозримом будущем.

Надо сказать, что в то время, как в области общественного права британское мандатное законодательство было заменено на новое — израильское, в области частного, гражданского и коммерческого права турецкое и мандатное законодательство было сохранено в силе, что позволило израильским законодателям временно не заниматься вопросами, относящимися к этим сферам. Область частного права, регулирующая отношения между отдельными людьми, не считалась особенно важной в стране, где доминировала идеология коллективизма. Отцы-основатели государства надеялись, что благодаря воспитанию норм коллективизма и подчинения интересов личности интересам общества конфликты между отдельными частными лицами, характерные для буржуазного общества, не будут иметь определяющего значения в Израиле. Если тем не менее отдельные конфликты проявятся, то их можно будет разрешить вне рамок юридической системы, в производственных и сельскохозяйственных кооперативах (кибуцах), в партиях и т.п.

Область судопроизводства была одной из немногих сфер общественной жизни, где руководители еврейской общины в период британского правления не создали систему учреждений, альтернативную мандатной администрации. В переходный период между принятием решения о разделе Палестины и провозглашением независимости Израиля созданию системы судопроизводства будущего государства также не уделялось

должного внимания. Руководство еврейской общины сконцентрировало большую часть усилий на организации исполнительных структур власти и создании боеспособной армии. В Декларации независимости Государства Израиль говорится о законодательной и исполнительной власти, но совершенно не упоминаются судебные органы. В Указе о правилах осуществления власти и судопроизводства также не были определены структура, полномочия и персональный состав судебной системы. Процесс формирования органов исполнительной и законодательной власти занял около трех лет; процесс формирования судебных органов был еще более длительным и продолжался фактически до 1953 г.

С конца мая 1948 г. министр юстиции Пинхас Розен подписал целый ряд указов о назначении судей, причем эти назначения получили как судьи, уже работавшие в судах подмандатной Палестины, так и адвокаты и общественные деятели, не имеющие судейского опыта. 30 июня 1948 г. был издан Указ о судах (правила переходного периода), восполнивший пробел, вызванный отсутствием главы о судах в Указе о правилах осуществления власти и судопроизводства. Этот указ уполномочивал министра юстиции предлагать Временному правительству кандидатуры судей для назначения их в Верховный суд после утверждения Временным государственным советом. Тем самым фактически была определена система назначения судей, в соответствии с которой за министром юстиции, подобно лорд-канцлеру в Англии, сохранялось решающее слово в этом вопросе.

В августе 1953 г. Кнессетом был принят Закон о судьях, устанавливавший, что судьи всех инстанций назначаются Комиссией, состоящей из председателя и еще двух членов Верховного суда, двух министров, включая министра юстиции, двух депутатов Кнессета и двух представителей коллегии адвокатов. Создание комиссии, большинство членов которой были профессиональными юристами, а не политиками, ограничило вмешательство парламента и правительства в процесс назначения судей. Определяющим критерием при назначении судей являются их профессиональные качества. Закон о судьях также закрепил независимость — как структурную, так и личную — судей от других органов власти.

Принятие в 1980 г. Кнессетом Закона об основах права в значительной степени освободило израильское законодательство от английского влияния. Закон об основах права предусматривает, что в случае, когда существующее израильское законодательство недостаточно или неприменимо, в своих решениях суд должен руководствоваться принципами свободы, справедливости, равенства и мира в духе наследия народа Израиля.

В настоящее время израильское правосудие основано, прежде всего, на Основном законе о судопроизводстве, принятом Кнессетом в 1984 г. (с поправками, внесенными в 1992 г.), Законе о судах от 1984 г. (с многочисленными дополнениями и поправками) и Законе об уголовном судопроизводстве (сводная редакция) от 1982 г.

Израильская судебная процедура во многом аналогична принятой в английском суде, с той разницей, что в израильском суде не бывает присяжных. Слушание дела ведется в форме прений между истцом и ответчиком или, в уголовном процессе, между обвинением и защитой, в то время как судья выносит решение на основании свидетельств и доводов, представленных в ходе слушания.

Верховный суд, заседающий в Иерусалиме, является высшей судебной инстанцией в стране. Так как в Израиле нет закона о Конституционном суде и не существует Конституционного суда как отдельной инстанции в структуре государственной власти, то согласно принятой практике, закрепленной в одном из положений Основного закона о судопроизводстве, согласно Положению, опубликованному в 1984 г. (с последующими исправлениями), функции контроля за доскональным соблюдением законов государственными институтами возложены на Верховный суд, выступающий в таком случае как Высший суд справедливости. В начальный период существования государства Высший суд справедливости рассматривал почти исключительно индивидуальные жалобы граждан по поводу нарушения их прав и свобод. С течением времени, однако, в Высший суд справедливости стали подаваться иски о соответствии принятых Кнессетом решений основным законам страны. Так, например, в 1981–1982 гг. Верховный суд дважды отменял принятые Кнессетом законодательные акты, как не соответствующие Основному закону о Кнессете. В последние годы подобная практика стала повсеместной; более того, 24 сентября 1997 г. Верховный суд впервые признал одно из положений принятого Кнессетом закона «антиконституционным», чем окончательно утвердил себя в качестве Конституционного суда.

Действуя в качестве Высшего суда справедливости и рассматривая ежегодно тысячи исков граждан против решений органов государственной и муниципальной власти (по состоянию на 30 сентября 2003 г. в Высшем суде справедливости в очереди на рассмотрение находилось 1819 исков), Верховный суд Израиля внес огромный вклад в утверждение либеральных свобод и прав личности в стране. Такие важные права, как право на свободу печати, право на свободу совести, право на свободу митингов и демонстраций, до сих пор не зафиксированы ни в одном из израильских законов. Эти права защищены именно вердиктами Верховного суда, что

позволяет оценивать высшую судебную инстанцию страны как основной гарант обеспечения прав и свобод граждан. Доступность Верховного суда, куда может обратиться каждый гражданин Израиля и житель контролируемой израильскими войсками территории, также является важнейшим позитивным фактором, которым невозможно пренебречь. Вместе с тем многие общественные деятели критикуют Высший суд справедливости за его чрезмерный, по их мнению, «судебный активизм» и за вмешательство в вопросы политического и религиозного характера. Норма, устанавливаемая Верховным судом при рассмотрении конкретных дел, является обязательным руководством для судов низших инстанций.

Говоря о деятельности Верховного суда Израиля в качестве Высшего суда справедливости, необходимо отметить четыре особенности. *Во-первых*, Высший суд справедливости лишен права предварительного конституционного контроля (которым обладают Конституционные суды в ряде европейских стран, как, например, во Франции, в Португалии и Румынии); иначе говоря, судьи отказываются рассматривать степень легальности того или иного законопроекта, имеющего те или иные шансы быть принятым Кнессетом, пусть даже он и прошел утверждение в предварительном, первом и/или втором чтении. В функции Высшего суда справедливости входит последующий конституционный контроль принимаемых законов, а не их предварительный экспертный анализ.

Во-вторых, Верховный суд не наделен функцией «абстрактного контроля», которая подразумевает возможность подачи запроса в суд о конституционности принятых законов и других нормативных актов независимо от их применения в конкретных правоотношениях. Подобным правом в отдельных странах наделяются высшие органы исполнительной власти в лице, как правило, президента или премьер-министра. Израильский закон не наделяет кого-либо из руководителей законодательной или исполнительной ветви власти какими-либо особыми полномочиями в вопросах конституционного права, что создает ситуацию, при которой все граждане страны имеют равные права подачи индивидуальной или коллективной конституционной жалобы.

Кроме того, в отличие от полномочий органов конституционного контроля в таких странах, как Франция и Австрия, судьи Верховного суда Израиля не могут инициировать рассмотрение вопроса о конституционности тех или иных решений по собственной инициативе. Высший суд справедливости обладает исключительно правом конкретного (инцидентного) контроля, который предусматривает, что вопрос о конституционности закона или подзаконного акта ставится, рассматривается и решается только в связи с конкретным судебным

разбирательством. В этом проявляется третья особенность принятой в Израиле системы: Высший суд справедливости подчиняется принципу «связанной инициативы», иными словами, он не вправе рассматривать вопрос о конституционности нормативных актов, в том числе законов, по собственной инициативе.

Четвертой структурной особенностью конституционного правосудия в Израиле является то, что, в отличие от конституционных судов европейских стран, состав членов Верховного суда Израиля, осуществляющего конституционный надзор, практически не зависит от воли депутатов: в Комиссии по назначению судей, в которую входят девять человек, представлено лишь два депутата Кнессета.

Верховный суд Израиля (не в качестве Высшего суда справедливости) не рассматривает никакие, даже самые сложные и важные дела, в качестве суда первой инстанции; он также не допрашивает свидетелей. В его полномочия входит исключительно рассмотрение апелляций на решения судов низших инстанций. Он может также, рассмотрев дело, решить вопрос о проведении повторного судебного разбирательства в суде низшей инстанции.

Церемония открытия Верховного суда состоялась 13 сентября 1948 г., спустя четыре месяца после создания государства. Первыми пятью членами Верховного суда стали утвержденные в 1948 г. Временным государственным советом Моше Змора, Ицхак Олыпан, Симха Асаф, Менахем Дункельблюм и Шнеур-Залман Хешин. В настоящее время в Верховном суде работают четырнадцать судей.

Органы репрезентативной власти

Президент

Главой Государства Израиль номинально является президент. Способ его избрания, срок полномочий, статус и обязанности определяются Основным законом о президенте государства от 1964 г., с изменениями, внесенными в апреле и июле 1969 г., в 1996, 1999 и 2002 гг. В прошлом президент избирался на пятилетний срок простым большинством в ходе тайного голосования на специальном заседании Кнессета. В 1999 г. Основной закон о президенте был изменен и каденция президента страны была продлена до семи лет. При этом если в прошлом президент мог повторно баллотироваться и избираться на свой пост (а второй президент страны Ицхак Бен-Цви после своего избрания в 1952 г. переизбирался на высший государственный пост еще дважды: в 1957 и 1962 гг.), то принятая в 1999 г. пятая поправка к закону ограничила срок пребывания президента в должности одной каденцией. Процедура избрания президента

осталась той же: десять и более депутатов Кнессета могут выдвинуть на этот пост любого кандидата. Президент наделен абсолютным судебным иммунитетом. Место пребывания президента — столица государства, Иерусалим.

До 1996 г. и начиная с 2003 г. одной из основных функций президента являлось и является возложение ответственности по формированию правительства на одного из членов Кнессета, как правило (но не обязательно) — лидера крупнейшей фракции в Кнессете. В 1996, 1999 и 2001 гг. глава правительства избирался прямым голосованием всех граждан страны, однако после принятия в 2001 г. третьей редакции Основного закона о правительстве президент был вновь наделен полномочиями по назначению премьер-министра. Президент также уполномочен принимать отставку правительства и принимать решение о роспуске Кнессета.

Согласно статье 11 Основного закона о президенте, в его функции входит также подписание законов (за исключением трактующих его собственные полномочия); аккредитование дипломатических представителей государства и принятие верительных грамот иностранных дипломатов; подписание международных договоров Израиля после их ратификации Кнессетом; приведение к присяге судей и их отстранение от исполнения служебных обязанностей в определенных законом случаях; амнистирование и смягчение наказаний осужденным.

Президент может подать в отставку, направив соответствующее письмо председателю Кнессета. В случае если президент государства по какой-либо причине (состояние здоровья, несоответствие должности, порочащее поведение и т.п.) не может далее исполнять свои обязанности, Кнессет, согласно статье 20 Основного закона, квалифицированным большинством в $\frac{3}{4}$ голосов может принять решение об отстранении президента от должности. Согласно статье 23(а) Основного закона в этом случае, как и в случае освобождения от должности президента или временного прекращения им выполнения своих обязанностей, последние переходят к председателю Кнессета.

Парламент

Высшим законодательным органом государства является Кнессет (парламент), который представляет собой палату из 120 представителей, формируемую сроком на четыре года на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании. Основной закон о Кнессете от 1958 г. является одним из немногих действующих в стране законодательных актов, содержащих «защищенные» статьи. Хотя на протяжении 1958—2002 гг. в Основной закон о Кнессете было внесено 34 поправки, отдельные статьи этого закона могут быть изменены лишь

квалифицированным большинством в $\frac{2}{3}$ голосов членов Кнессета, причем (согласно статье 46 этого закона) данное большинство требуется на всех стадиях законодательного процесса. Речь идет, во-первых, о статье 9(а), конкретизирующей процедуру переноса или отмены выборов, и о статье 44, касающейся невозможности отмены или временного аннулирования Основного закона о Кнессете в условиях чрезвычайного положения. Согласно статье 9(а) данного закона, «Кнессет не может продлить свои полномочия иначе, как по закону, который будет принят большинством, составляющим 80 голосов депутатов Кнессета, и только в том случае, если сложатся особые обстоятельства, не допускающие своевременного проведения выборов». Статья 44 гласит: «Независимо от любого другого решения, постановление о чрезвычайном положении не имеет силы изменить этот закон или временно аннулировать его положения, или обусловить чем-либо его выполнение». Кроме того, согласно статье 4 закона, принципы проведения выборов (в законе они определены как «всеобщие, прямые и пропорциональные») могут быть изменены только квалифицированным большинством депутатов. Аналогичным образом, согласно статье 34 закона, для принятия решения о самороспуске Кнессета также необходимо квалифицированное большинство депутатов. Остальные статьи могут быть изменены простым большинством членов парламента.

Местопребывание Кнессета — Иерусалим. Каждый израильский гражданин, достигший 18 лет, обладает правом избирать (если суд не лишил его этого права на основании соответствующего закона), и каждый израильский гражданин, достигший 21 года, обладает правом быть избранным в Кнессет (если он не занимает одну из государственных должностей, оговоренных в Основном законе о Кнессете). Выборы в Кнессет регламентируются соответствующим Законом от 1969 г. и Законом о финансировании политических партий от 1973 г. Представительство в Кнессете пропорциональное: число парламентских мандатов пропорционально числу голосов, поданных за данную партию, причем вся страна является единым избирательным округом. Во избежание излишней фрагментации (достаточно сказать, что на всем протяжении истории страны в Кнессете было представлено не менее девяти партийных списков, а в Кнессете второго, одиннадцатого и двенадцатого созывов их число достигало пятнадцати) электоральный барьер, равный в ходе выборов в Кнессет первого—двенадцатого созывов 1%, был перед выборами в Кнессет тринадцатого созыва, состоявшимися в 1992 г., поднят до 1,5%, из-за чего каждый партийный список, представленный в Кнессете в настоящее время, базируется на фракции из как минимум

двух депутатов. Для участия в выборах партия должна представить в Центральную избирательную комиссию, во главе которой стоит судья (в настоящее время — Михаэль Хешин), а членами являются представители политических партий, список своих кандидатов. Число парламентских мандатов, полученных партией, определяет, сколько первых кандидатов в ее списке становятся членами Кнессета. Квалифицированным большинством голосов Кнессет может принять закон о своем досрочном роспуске, установив дату выборов в Кнессет следующего созыва.

Основные обязанности Кнессета — рассмотрение и принятие законов (причем законодательная инициатива может исходить как от депутатов Кнессета, так и от правительства), утверждение правительства и его состава и парламентский контроль над его деятельностью. Важной является и репрезентативная функция Кнессета, который является единственным общегосударственным органом власти, непосредственно избираемым всеми гражданами страны.

Законодательная деятельность Кнессета осуществляется в соответствии с определенной процедурой. Выдвинутый на рассмотрение Кнессета правительственный законопроект должен пройти три чтения; законопроект, выдвинутый кем-либо из депутатов Кнессета (или группой парламентариев), должен пройти еще и так называемое «предварительное чтение». После первого чтения закон передается в соответствующую парламентскую комиссию для внесения поправок, которые рассматриваются на втором чтении; при третьем чтении окончательная редакция закона ставится на голосование. Зачастую голосование по второму и третьему чтениям проходит одновременно. Процедура принятия законопроектов, утвержденных как минимум в первом чтении, но не прошедших окончательного утверждения, продолжается и в Кнессете следующего созыва; рассмотрение остальных законопроектов прекращается, и для их рассмотрения после очередных парламентских выборов они должны быть выдвинуты заново.

Каждое формируемое новое правительство должно получить доверие Кнессета, т.е. поддержку простого большинства его членов. Доверие Кнессета должен получить и каждый новый министр, дополнительно назначаемый в состав правительства после его утверждения. Если правительство лишается доверия Кнессета (при принятии вотума недоверия), оно обязано уйти в отставку. Предложение о вынесении правительству вотума недоверия может быть внесено любой парламентской фракцией в любой момент и должно быть рассмотрено; как правило, все вносимые оппозицией предложения о вотуме недоверия рассматриваются раз в неделю.

Текущая работа Кнессета осуществляется на пленарных заседаниях, открытых для публики и прессы (если только Кнессет не решает заседать при закрытых дверях), и в двенадцати постоянных комиссиях (их существование предусмотрено статьей 13(а) Устава Кнессета): по парламентским вопросам; по иностранным делам и обороне; по финансам; по вопросам экономики; по внутренним делам и окружающей среде; по труду, социальному обеспечению и здравоохранению; по вопросам конституции, права и судопроизводства; по государственному контролю; по вопросам образования и культуры; по репатриации, абсорбции и связям с диаспорой; по вопросам статуса женщины; по науке и технологиям. Кроме этого, в парламенте существуют четыре комиссии, не имеющие статуса постоянных (по борьбе с наркоманией; по вопросам занятости иностранных рабочих; по обращениям граждан; по правам ребенка), а также комиссия по депутатской этике.

Заседания Кнессета ведутся на иврите, но депутаты-арабы могут выступить на родном языке; в этом случае предусмотрен синхронный перевод выступления на иврит. Члены Кнессета пользуются парламентской неприкосновенностью, включающей судебный иммунитет. Парламентская неприкосновенность призвана обеспечить членам Кнессета свободу и независимость, требуемые для выполнения обязанностей народного представителя. В случае если Кнессет сочтет, что кто-либо из депутатов совершил правонарушение, которое не связано с выполнением им своих обязанностей в качестве члена Кнессета и должно стать предметом судебного разбирательства, он может (по представлению юридического советника правительства) лишить этого депутата судебного иммунитета применительно к данному правонарушению. Голосованию по этому вопросу на пленарном заседании Кнессета предшествует голосование в комиссии по парламентским вопросам. Кнессет может также временно приостановить или даже лишить депутата его мандата (если член Кнессета не способен выполнять свои обязанности или осужден по суду за уголовное преступление). Место выбывшего члена Кнессета (отставка, временное приостановление членства, продолжительная болезнь, смерть и т.п.) занимает (временно или постоянно) кандидат, числившийся в списке соответствующей партии непосредственно за последним из кандидатов, прошедшим в Кнессет.

Официальный стенографический отчет о заседаниях Кнессета печатается правительственной типографией и издается в виде брошюры еженедельно. В последние годы протоколы пленарных заседаний Кнессета и его комиссий публикуются и в электронных средствах массовой коммуникации. Обнародование протокола закрытого заседания Кнессета запрещается.

Правительство

Исполнительной властью в государстве является правительство (третья редакция Основного закона о правительстве была принята Кнессетом в 2001 г.). Правительство несет коллективную ответственность перед Кнессетом и находится у власти до тех пор, пока пользуется доверием Кнессета (поддержкой простого большинства его членов). Глава правительства — премьер-министр, который должен быть членом Кнессета; другие министры не обязаны быть членами Кнессета, но должны быть гражданами Израиля, проживающими в стране. Согласно принятой в 1992 г. второй редакции Основного закона о правительстве, число министров не должно было превышать восемнадцать, однако в настоящее время общее число министров законом не ограничено. Каждый министр ответствен за возложенные на него обязанности перед премьер-министром и, согласно принятым в 1981 г. поправкам к статьям 4 и 21(а) Основного закона о правительстве, может быть отстранен им от должности после того, как тот уведомит правительство о своем намерении. Министр может руководить министерством (или несколькими министерствами одновременно) или быть министром без портфеля; один или несколько министров могут быть заместителями премьер-министра.

Количество и сферы ответственности конкретных министерств не оговорены в законе. Если некоторые министерства, как, например, иностранных дел, обороны или финансов (эти три министерства, кстати, считаются наиболее важными), существовали на всем протяжении истории страны, то ряд министерств, существовавших в прошлые годы, впоследствии были расформированы (как, например, по делам почты; энергетики; экономики и планирования и регионального развития). С другой стороны, сравнительно недавно возникли министерства, не существовавшие в прошлом, как, например, Министерство туризма и Министерство по охране окружающей среды. Иногда путем слияния формировались новые, «укрупненные» министерства: национальных инфраструктур; промышленности, торговли и занятости; культуры, науки и связи. Причины подобных структурных реформ, как правило, вызваны внутривнутриполитическими партийными соображениями и не являются результатом заботы о повышении эффективности функционирования органов исполнительной власти.

После избрания Кнессета нового созыва или отставки правительства президент государства, проведя консультации с представителями парламентских фракций, поручает формирование нового правительства члену Кнессета, который пользуется поддержкой наибольшего числа членов Кнессета. Если попытка этого депутата сформировать правительство

в тридцатидневный срок не увенчалась успехом, президент может либо предоставить ему дополнительный месячный срок, либо сразу же возложить обязанность сформировать правительство на другого члена Кнессета. Правительство считается сформированным, когда Кнессет выразит ему доверие, после чего министры официально вступают в должность.

Когда премьер-министр направляет президенту письмо о своей отставке, автоматически в отставку уходит все правительство. В случае смерти премьер-министра правительство считается ушедшим в отставку со дня его смерти. Если Кнессет выражает вотум недоверия правительству, председатель Кнессета должен официально уведомить об этом президента, после чего правительство считается ушедшим в отставку. Отставка правительства не влечет автоматически роспуска Кнессета. При отставке одного из министров премьер-министр может назначить нового министра либо взять на себя исполнение его обязанностей. При всех условиях до назначения нового министра ответственность за соответствующий портфель лежит на премьер-министре. В прошлые годы главы правительств неоднократно принимали решения об исполнении ими самими параллельно обязанностей министра обороны: на подобное «совмещение постов» в разное время пошли Давид Бен-Гурион, Леви-Эшкол (до Шестидневной войны), Менахем Бегин (после досрочной отставки с поста министра обороны Эзера Вейцмана), Ицхак Рабин, Шимон Перес, Эхуд Барак.

Факторы преемственности и нестабильности партийно-политической системы

Среди многих политологов, занимающихся израильским обществом, до сих пор распространено мнение, согласно которому израильские избиратели стабильны в том, что касается их политических симпатий. Повторяющимся утверждениям о высокой степени стабильности израильской политической системы можно противопоставить целый ряд индикаторов, свидетельствующих о том, что если израильский парламентаризм и отличает известное постоянство, то это «постоянство нестабильности».

Социологические исследования уже в середине 1970-х годов свидетельствовали о подвижности электоральных предпочтений. Опросы, проведенные коллективом под руководством А. Ариана, показали, что за период, прошедший с выборов 1965 г. до выборов 1969 г., 25% опрошенных решили поддержать другую партию, для периода с 1969 по 1973 г. эта цифра составляла 32%, а с 1973 по 1977 г. — 50%. При этом, однако,

большинство избирателей не переходило из одного блока в другой, отдавая предпочтение иным партиям и движениям похожей политической ориентации. Поражение Рабочей партии на выборах 1977 г. не было следствием массового оттока избирателей от социал-демократов к правому блоку *Ликуд* («Единство»): парламентская фракция *Ликуда* увеличилась лишь на четыре человека, в то время как фракция Рабочей партии сократилась на девятнадцать мандатов. Оставшиеся пятнадцать мандатов получило созданное незадолго до выборов центристское Движение за демократию и реформы, и именно его успех — ставший, как показало время, пирровой победой (Движение просуществовало всего одну парламентскую каденцию) — предрешил падение Рабочей партии с пьедестала власти. С тех пор минуло четверть века, однако «маятниковое» голосование израильских избирателей стало еще более распространенным. Анализ результатов выборов 2001 г. показывает, что премьер-министра Э. Барака поддержали менее половины тех избирателей, которые проголосовали за него на всеобщих выборах за год и девять месяцев до этого.

С 1981 по 2001 г. в Израиле состоялось семь электоральных кампаний, каждая из которых приводила к смене премьер-министра страны. Более того, каждый новый глава исполнительной власти в стране занимал этот пост не как наследник, а как антипод своего предшественника. Уход из политической жизни в ходе все не кончавшейся Ливанской войны бессменного (на протяжении почти тридцати пяти лет) лидера партии *Херут* и блока *Ликуд* Менахема Бегина привел к проведению в 1984 г. очередных досрочных выборов, в результате которых пост премьер-министра занял председатель Партии труда (в прошлом называвшейся Рабочей партией) Шимон Перес. Электоральное противостояние 1988 г. привело к победе *Ликуда* — с перевесом всего в один мандат, и пост премьер-министра занял Ицхак Шамир. В 1992 г. *Ликуд* уступил Партии труда двенадцать мандатов, в результате чего пост премьер-министра занял лидер лейбористов Ицхак Рабин. Четыре года спустя Биньямин Нетаниягу стал третьим лидером *Ликуда*, возглавившим исполнительную власть в стране. Период его правления ознаменовался беспрецедентным усилением внутривластных интриг. Многочисленные кризисы привели к следующим внеочередным выборам (они состоялись 17 мая 1999 г.), которые Б. Нетаниягу проиграл ставшему незадолго до этого председателем Партии труда Эхуду Бараку. Однако пребывание Э. Барака на посту главы правительства оказалось еще более коротким, а промежуток между выборами сократился до года и девяти месяцев. 6 февраля 2001 г. премьер-министром Израиля стал патриарх израильской политики, один

из создателей и многолетних лидеров блока Ликуд Ариэль Шарон. Однако и он вынужден был назначить досрочные выборы менее чем через два года после своего избрания.

Следует отметить, что даже и в те периоды, когда парламент страны полностью отработывал свою четырехлетнюю каденцию, зачастую не только персональный состав, но и структура правительства менялись неоднократно. В представлении многих эталоном стабильности воспринимается начальный период государственности, когда общепризнанным национальным лидером был Давид Бен-Гурион. Однако и период его правления отличался известной нестабильностью: достаточно сказать, что за четырнадцать лет его правления (1949–1963 гг.) сменилось десять правительственных коалиций. Всего же за двадцать восемь лет своего бессменного правления социал-демократы стояли во главе семнадцати правительств, т.е. средний срок работы правительства не достигал и двадцати месяцев. За период с 1949 по 1977 г. израильский парламент переизбирался восемь раз, и лишь в начале работы Кнессета седьмого созыва, сформированного в 1969 г., было создано правительство, проработавшее на протяжении всего четырехлетнего периода его работы. Во все остальные периоды на протяжении одной каденции Кнессета друг друга сменяли два, три, а в период работы Кнессета второго созыва — даже четыре правительства. Считать правительство, распадающееся каждые год и восемь месяцев, бастионом стабильности, пожалуй, едва ли возможно.

До конца отведенного законом срока не доработали шесть из пятнадцати созывов Кнессета, причем два из них (второй и четвертый) — еще в считающуюся «стабильной» эпоху Бен-Гуриона. В 1951, 1961, 1984, 1996, 1999, 2001 и 2003 гг. граждане Израиля принимали участие во всеобщих досрочных выборах.

В Израиле дважды за последние десять лет менялась система выборов. Выборы в Кнессет и прежде и ныне проходили и проходят по системе пропорционального представительства, однако в 1992 г. была принята вторая редакция Основного закона о правительстве, согласно которой в Израиле впервые в мире были введены прямые выборы главы правительства. Эти выборы дважды (в 1996 и 1999 гг.) прошли параллельно выборам в Кнессет, а еще один раз (6 февраля 2001 г.) — отдельно от парламентских выборов. Вопреки ожиданиям новая система не привела ни к повышению эффективности функционирования органов государственной власти, ни к прекращению непрерывных межпартийных торгов и скандалов. В марте 2001 г. была принята в третьем, окончательном чтении третья редакция Основного закона о правительстве, отменившая

прямые выборы главы исполнительной власти. Та легкость, с которой изменяются имеющие конституционный характер основные законы, также никак не свидетельствует о стабильности политической системы Израиля.

Более того, этим «зигзагом» изменения электорального законодательства не ограничились: перед выборами в Кнессет тринадцатого созыва был повышен электоральный барьер (с 1 до 1,5%), что привело к искажению волеизъявления избирателей. Из-за того, что целый ряд маленьких правых партий, среди которых *Тхия* («Возрождение») во главе с бывшим министром науки профессором Ювалем Неэманом, правоцентристская Новая либеральная партия во главе с бывшим министром финансов Ицхаком Модаи, а также списки во главе с раввином Моше Левингером, раввином Элизером Мизрахи и другие не преодолели электорального барьера, многие десятки тысяч голосов сторонников правых и ультраправых сил не были засчитаны. В результате партии левого блока сумели добиться небольшого перевеса и сформировать летом 1992 г. правительственную коалицию, хотя большинство израильтян голосовало за партии и движения правой и правоцентристской ориентации.

Следует отметить, что в Израиле как минимум трижды создавались коалиционные правительства с участием социал-демократов и представителей правых сил, однако все три раза их сотрудничество оказывалось недолговечным. Первое такое правительство было создано Леви Эшколом накануне Шестидневной войны (1967 г.), однако оно распалось спустя три года из-за категорического отказа Менахема Бегина согласиться с предложенными Госдепартаментом США инициативами, предусматривавшими уход Израиля со значительной части занятых в ходе той войны территорий. Четырнадцать лет спустя, после выборов 1984 г., создалась «ничейная» ситуация, когда каждая из двух крупных партий оказалась во главе коалиционного блока, насчитывающего 60 депутатов. В результате было создано правительство национального единства. В ходе предвыборной кампании 1988 г. как Партия труда, так и Ликуд объявили о невозможности повторного создания правительства национального единства. Однако результаты выборов выявили разницу всего лишь в один голос между двумя крупными партиями, тогда как каждая из них нуждалась по меньшей мере в семи партнерах, для того чтобы сформировать коалицию. В результате, несмотря на наличие принципиальных разногласий и отсутствие какого бы то ни было единства, две крупные партии — Партия труда и Ликуд — вынуждены были вновь подписать соглашение о коалиционном сотрудничестве. Однако в 1990 г. стремление председателя Партии труда Шимона Переса вновь занять

пост премьер-министра привело его к решению развалить правительство национального единства. Надежды Ш. Переса, однако, не сбылись, и после пятимесячного правительственного кризиса была сформирована узкая коалиция правых, правоцентристских и религиозных партий без участия социал-демократов, а И. Шамир сохранил пост главы правительства. В третий раз правительство национального единства было сформировано Ариэлем Шароном одиннадцать лет спустя, в феврале 2001 г. Оно просуществовало лишь год и девять месяцев, после чего внутривластные соображения предопределили решение председателя Партии труда Биньямина Бен-Элиэзера развалить его. Простой подсчет показывает, что правительства с одновременным участием как правых, так и левых партий существовали в Израиле на протяжении одиннадцати лет. Этот опыт вполне достаточен для того, чтобы констатировать: несмотря на определенные плюсы, в целом такое правительство является малоэффективным. Желая сохранить единую коалицию, политические лидеры, исповедующие весьма и весьма различные взгляды, находят «общий знаменатель» путем отказа от сколько-нибудь решительных действий на каком бы то ни было направлении. Как результат, сторонники обоих политических лагерей, несмотря на большую популярность в обществе идеи надпартийного сотрудничества, выражают все нарастающее недовольство политическим курсом такого правительства.

Нестабильность израильской политической системы во многом зависит — и, вероятно, будет зависеть и далее — от состояния и уровня напряженности арабо-израильского конфликта. Фактически именно эта тема внешней политики во многом определяет и специфику внутривластной жизни Израиля, по-прежнему являющегося единственным демократическим государством на Ближнем Востоке.

3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ АРАБСКИХ СТРАН

Факторы, влияющие на формирование и функционирование политических систем арабских стран

Политические системы арабских стран в настоящее время представляют собой сложное переплетение государственных структур, политических партий, организаций и неформальных течений общественно-политического характера, которые в целом можно считать современными формами политического бытия государств Арабского Востока. Кроме этих форм, большую роль в политической жизни арабских стран играют традиции и институты, не входящие непосредственно в политическую сферу (обычное право, религиозные общины, кланы), которые образуют мощный фонд социально-экономического, исторического, политического, культурного и религиозного наследия. Поэтому политическая жизнь арабских стран отличается исключительным многообразием, богатством оттенков и направлений, делающих политический облик каждой страны уникальным и накладывающих специфический отпечаток на формы и способы функционирования государственных институтов власти, политических партий и всех политических систем в целом.

Само арабское общество является крайне мозаичным, в нем существует сложное соотношение и многообразные комбинации различных социально-политических сил, которые представлены в арабских странах целым спектром социальных групп. Наряду с «основными» классами в арабском мире сосуществуют многочисленные промежуточные социальные слои и группы, каждая из которых оказывает свое специфическое влияние на все общество и на определенном этапе его развития играет значительную роль в политической жизни. Кроме того, все группы состоят из компонентов, различных по своему этническому (кроме арабов на территории арабских стран проживают общины курдов, берберов, черкесов, армян, чеченцев и др.), конфессиональному (христиане, иудеи, а также многочисленные течения, направления, секты, ордена в самом исламе), родо-племенному и сословному характеру. Поэтому национально-этнические и религиозно-общинные отношения также

выступают одним из главных структурных элементов современных политических систем арабских стран.

Характер социальных структур, в рамках которого существует широкий спектр разнотипных социальных отношений, предопределил особую роль государства и его активное вмешательство не только в экономику, но и в политическую сферу, что делает государство основным структурным элементом политических систем арабских стран. Ему отводится роль арбитра в целом ряде социальных, политических и правовых вопросов.

Особая политическая роль государства обеспечивается и особым статусом главы государства (монарха или президента), который обладает широкими полномочиями, является стержнем всей политической системы в арабских странах, его статус определяется мусульманской доктриной¹, согласно которой не может быть справедливым разделение власти на светскую и духовную. Поэтому глава мусульманского государства несет личную ответственность за осуществление власти над общиной и вправе принимать любые меры для обеспечения ее интересов при условии соблюдения общепризнанных норм, принципов и целей мусульманского права в том виде, в каком они сформулированы авторитетными богословами-правоведами.

Важнейшим компонентом, во многом определяющим внутривнутриполитическое развитие арабских государств, является ислам и выстроенные на нем общественно-политические и государственно-правовые отношения. Коран и законы шариата влияют не только на поведение мусульманина, но и определяют правовые нормы, которые в большей или меньшей степени являются составными частями конституционных актов и учитываются светским законодательством². Специальные раз-

¹ Традиции арабо-мусульманской политической культуры выдвигают на высший государственный пост харизматического лидера или придают ему подобные черты, а также обосновывают необходимость совмещения поста главы государства и правительства в одном лице. При этом дуализм власти расценивается как ее слабость, так как исполнительные и законодательные органы, по мнению исламских правоведов, часто противостоят друг другу, снижая эффективность деятельности государства. В современной трактовке суннитская концепция признает соответствующими исламу как президентскую, так и парламентскую республики. Однако предпочтение отдается первой, поскольку считается, что во главе государства должно стоять лицо, которое является действительным, а не формальным главой исполнительной власти.

² Классическим примером модели государства, где ислам — это не только государственная религия, а, по сути, основной закон государства, определяющий основы государственного и общественно-экономического строя, систему государственных органов, порядок их образования и деятельности, обязанности подданных, является Саудовская Аравия. Властные и религиозные структуры в этом государстве совмещены. В «Основах системы власти» (1992) содержится категорическое предписание исповедовать ислам и фактически не допускается распространение иной религии. Власти содействуют закреп-

дела мусульманского права регулируют семейно-брачные отношения, гражданское право, процессуальные правила. До настоящего времени ислам остается и одной из политико-идеологических основ большинства арабских государств, которая, с одной стороны, способствует стабилизации политических режимов, но, с другой, — порождает специфические противоречия во многих областях общественно-политической жизни.

Государственный характер ислама — один из основополагающих принципов мусульманского государственного права. В конституциях посвященные ему статьи помещаются в разделах о принципах общества и государства на одном из первых мест. При этом следует отметить сложный и противоречивый характер взаимодействия ислама и государства. Так, с одной стороны, как государственная религия и нормативная основа государства, ислам в определенной степени предопределяет и все важнейшие черты его организации и деятельности. Но, с другой стороны, как часть политического механизма, он сам становится объектом государственного воздействия и подчинен достижению определенных целей, а зачастую и прямо используется государством. Одним из результатов такого взаимодействия является своеобразное закрепление системы политических прав и свобод граждан, основанных на главных постулатах государственной религии.

Признание ислама государственной религией обуславливает необходимость создания специальных органов по управлению делами религии. Можно выделить две группы таких институтов: первая из них представлена органами государственного управления (например, Министерства по делам вакфов, организационная структура и компетенция которых регламентируется специальными актами). Вторую группу составляют органы, выполняющие традиционные функции мусульманского духовенства, такие как, например, Высший исламский совет (в Алжире, Египте, Мавритании и др.), сформированные обычно при главе государства как консультативно-согласительные органы, в компетенцию которых входит высказывать мнение по вопросам, переданным ему на рассмотрение главой государства «с точки зрения их соответствия религиозным предписаниям».

лению исламской морали, культуры, этики не только в массовом сознании, но и в поведении, что также предусмотрено конституционной нормой, которая гласит: «Государство стоит на защите исламской веры, реализует ее установления, следит за отсутствием греховности, препятствует пороку, выполняет долг распространения ислама». Гарантией выполнения этой статьи служат так называемые Комитеты дозволения добра и воспреещения зла, которые действуют во многих населенных пунктах королевства и охватывают практически все сферы быта человека.

В арабских странах сохраняется историческая традиция вмешательства армии в политику, что носит далеко не однозначный характер и определяется конкретными условиями данной страны и расстановкой внутривнутриполитических сил. К факторам, благоприятствовавшим возрастающей роли армии в политике арабских стран, следует отнести острую борьбу за власть между различными многочисленными политическими группировками, представлявшими интересы этнических, конфессиональных и клановых групп и порождавшими политическую нестабильность, которая, в свою очередь, усиливала тяготение различных слоев населения к установлению сильной авторитарной власти. С другой стороны, борьба внутри военной элиты, пришедшей к власти во многих арабских республиках, в свою очередь, приводила к череде военных переворотов и политической нестабильности. Особенно это было характерно для политического развития Сирии. Характер правящего блока и форм его политической власти менялся в этой стране после достижения политической независимости семь раз. Политическая нестабильность находит свое отражение в нестабильности конституционной (спецификой арабского региона является распространение чрезвычайного порядка отмены конституции, когда она утрачивает силу в результате очередного государственного переворота) и в функционировании специфических органов верховного командования армией, осуществляющих государственные функции. Эта форма коллективного правления представителей армии создавалась всюду, где власть оказывалась в руках военных, хотя называлась она по-разному: Совет руководства революцией в Египте (1952 г.), Совет революционного командования в Сирии (1963 г.), Ираке (1963 г.), Ливии и Судане (1969 г.), Верховный комитет руководства революцией в Йемене (1962 г.), Революционный совет в Алжире (1965 г.). Практически везде временные формы военного правления были заменены президентскими режимами с ведущей ролью армии в политической жизни. Практика создания такого рода органов сохранилась и в настоящее время¹.

¹ Так, в результате военного переворота в Алжире в 1992 г. был создан внеконституционный орган — Высший государственный совет (ВГС), который был наделен властью, предоставленной Основным законом президенту Алжира, и в связи с роспуском Национального народного собрания (парламента) временно получил право издавать декреты, имеющие силу закона. ВГС был сформирован из пяти представителей высшей военной элиты Алжира и действовал весь переходный период в течение двух лет, а в 1994 г. из своего состава назначил президента Алжира. После военного переворота 1989 г. в Судане был образован Совет командования революции и национального спасения (СКРНС), председателем которого стал генерал-лейтенант О. аль-Башир, занявший также посты премьер-министра и министра обороны. СКРНС самораспустился в 1993 г. также после назначения президента республики из своего состава.

Особая роль армии закрепляется и в конституциях арабских стран: конституция Египта возлагает на вооруженные силы наряду с основными обязанностями «охрану социалистических завоеваний народа». Вооруженные силы в Сирии несут ответственность за защиту «целей революции — единства, свободы и социализма», а Конституция Судана 1998 г. подчеркивает, что вооруженные силы обязаны «защищать государственную безопасность, участвовать в развитии страны, защите ее национальных и культурных интересов, а также конституционного порядка».

Особенности исторической судьбы каждой из арабских стран предопределили неравномерность их социально-политического развития и вытекающую из этого потребность разных стран в разных способах управления и различных государственных системах, соответствующих достигнутому каждой страной уровню общественной эволюции. Существуют и исторически сложившиеся, базирующиеся на традиционной культуре и колониальном наследии различия между арабскими странами и народами в подходе к самому принципу политической организации общества и осуществлению политической власти.

В XX в. арабские страны находились в колониальной зависимости вначале от Османской империи, затем — от Англии, Франции, Италии, Испании. Пожалуй, ни один регион в мире не знал такого многообразия моделей колониальной политики, как Арабский Восток, что обусловило в определенной степени и многообразие национально-освободительной борьбы, а затем и многообразие политико-государственных форм независимого развития. Так, Алжир, Ливия, Аден были колониями; Тунис, Марокко, Бахрейн, Кувейт — протекторатами; Судан имел статус кондоминиума; Сирии, Ливану, Трансиордании, Палестине была навязана мандатная система; военно-политические «союзные» договоры Египта и Ирака с Англией позволяли считать эти страны лишь формально независимыми. Только Саудовская Аравия и Йемен были «свободны» от внешних форм колониального закабаления.

Период строительства социализма, через который прошли многие арабские страны, отразился в специфике партийной структуры. Единовластие правящих партий (Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) в Сирии и Ираке, Фронта национального освобождения (ФНО) в Алжире, Йеменской социалистической партии (ЙСП) в Южном Йемене, Арабского социалистического союза (АСС) в Египте и Ливии, Социалистической дустуровской партии (СДП) в Тунисе) обеспечивало условия для создания политической системы, в которой ее властные структуры получили возможность сформировать

механизм, позволяющий осуществить максимальную централизацию государственного управления, в результате чего происходило сращивание партийного и государственного аппаратов и превращение государственной структуры в особую модель «партии-государства». Руководство правящей партии непосредственно участвовало в формировании парламента, поскольку баллотироваться на парламентских выборах могли только члены партии, чьи кандидатуры одобрялись партийным органом. Такая система, естественно, ставила социальные и политические ограничители для институционализированного политического процесса, превращаясь в труднопреодолимый барьер для оппозиции. В результате парламент превращался в орган представительства и арену противоборства фракций правящих групп, различающихся не по политико-идеологическим позициям, а по функциональным, профессиональным, этнорелигиозным признакам.

Социалистические идеи оказали свое влияние и на структуру основных законов этих стран. Так, в конституциях стран социалистической ориентации того периода присутствовали целые разделы, такие как «О социализме» (Конституция АНДР 1976 г.), «Национально-демократические основы социальной структуры и государственного порядка» (Конституция НДРЙ в редакции 1970 г.) и другие, которые открыто закрепляли социалистический путь развития. Кроме того, наблюдалась тенденция по привлечению масс к управлению государством и контролю над его деятельностью, зачастую устанавливалось преимущественное избрание в представительные органы рабочих и крестьян. В Сирии, например, они должны были составлять более половины Высшего народного совета (ВНС), а в местных советах доля представительства крестьян, рабочих, ремесленников и лиц с низкими доходами должна была быть не менее 60%. В народных собраниях Алжира, которые представляли «социальные силы революции», большинство должны были составлять трудящиеся и крестьяне, при этом представительство народа объявлялось несовместимым с «богатством или предпринимательской деятельностью». Вместе с тем, провозглашая представительные органы полновластными органами, конституции этих стран наделяли решающими полномочиями не парламент, а органы исполнительной власти, главу государства — лидера правящей партии.

Характером социальной ориентации в значительной степени была обусловлена и специфика источников государственного (конституционного) права арабских стран. Так, с одной стороны, во всех странах региона к ним обычно относятся конституции и конституционные законы — такие как законы о гражданстве, о судоустройстве, избира-

тельные законы и т.д. С другой стороны, в странах «социалистической ориентации», кроме этих источников, важное значение имели программные документы правящих партий (Хартии), закрепляющие стратегию социально-политического, в том числе и конституционного развития. Эти документы обычно рассматривались как источники конституционного права. Более того, подчас по своей юридической силе они превосходили конституцию (например, в Алжире). Наконец, важнейшее конституционное значение в странах «социалистической ориентации» имели акты о некапиталистических преобразованиях (о национализации, об аграрной реформе, о привлечении масс к управлению производством и т.д.).

Важную роль в становлении политических систем независимых арабских государств, кроме идеологического фактора, сыграла и различная правовая техника, принятая в арабских государствах, ориентирующихся на англосаксонскую или континентальную правовую систему. Это влияние западного права на национальные правовые системы арабских стран особенно усилилось в условиях современного международного сотрудничества различных государств и развития интеграционных процессов в области экономики, экологии, борьбы против международной преступности и терроризма и т.д.

В настоящее время формально государственные системы в арабских странах можно разделить на монархии и республики, что является только традиционным делением политико-юридических форм государственного правления, так как существуют качественные политические различия как между монархиями, так и между республиками.

С точки зрения полноты законодательной власти монарха современные арабские монархии можно условно разделить на следующие группы:

- абсолютная монархия (Саудовская Аравия), где королю принадлежит вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти;
- Катар и Оман, где парламент отсутствует, однако Консультативный совет (Совет шуры) в Омане уже трансформирован в двухпалатный орган, который избирается подданными и обладает правом законодательной инициативы, так же как и в Катаре;
- дуалистические монархии (Кувейт, Бахрейн), в которых король делит свои законодательные полномочия с избираемым высшим представительным органом. В конституциях этих стран взаимоотношения короля и законодательного органа власти определены достаточно четко. Конституция Кувейта, например, прямо закрепляет, что законодательная власть принадлежит эмиру

и Национальной ассамблее, исполнительная — эмиру, Совету министров и министрам, а судебная власть — судам, которые осуществляют ее в соответствии и в пределах, установленных конституцией от имени эмира;

- парламентские монархии — Иордания и Марокко;
- выборная монархия — Объединенные Арабские Эмираты.

Немонархическая форма государственного устройства в арабском мире возникла в результате качественно различных процессов: в ходе колонизации (Алжир, Ливан, Сирия, Судан, Мавритания), когда власть от вождей переходила в руки генерал-губернатора (Алжир, Судан, Мавритания) или представляла державы-мандатарии при местных республиканских правительствах (Сирия, Ливан); в ходе национально-освободительного движения в тех странах, где монархия была либо тесно связана и ассоциирована с империалистическим господством, либо перестала отвечать внутренним потребностям общества, в том числе в ходе завоевания политического суверенитета в борьбе против колонизаторов и опиравшихся на них султанов (Южный Йемен), вследствие укрепления позиций пришедших к власти национально-освободительных сил (Тунис) или свержения королевской власти в формально независимых государствах в процессе антимонархических военных переворотов (Египет, Ирак, Северный Йемен, Ливия).

С точки зрения полномочий президента современные арабские республики можно разделить на:

- президентские (Тунис, Сирия), где глава государства осуществляет наряду со своими функциями также и непосредственное руководство функционированием центральной исполнительной власти;
- парламентарные (Ливан, Ирак — по Конституции 2005 г.), где президент избирается Палатой представителей и делит свои полномочия с премьер-министром;
- смешанные (Алжир, Египет, Йемен), где полномочия главы государства весьма разнообразны.

Новые тенденции государственно-политического развития в арабском регионе в конце XX — начале XXI в.

В конце 80-х — 90-х годов XX в. в арабском мире произошли серьезные политические сдвиги, обусловленные значительной трансформацией экономических и социальных структур. Эти изменения связаны

были с тем, что арабский мир столкнулся со сложными проблемами как внешнего порядка (глобальные международные факторы, ставшие не просто фоном, но первоосновой новых политических процессов в арабских странах), так и внутреннего, связанного с необходимостью определения позиций в отношении этих процессов; объективной сменой поколения харизматических лидеров, когда к власти приходят представители новой молодой элиты, обладающие решимостью провести не только экономические, но и общественно-политические реформы в своих странах; введением многопартийной системы и т.д.

Все эти процессы в арабских странах вызвали глубокие изменения в государственной-политической системе, затронув структуру и деятельность всех надстроечных институтов путем преобразования существующих и создания новых административных звеньев управленческого аппарата. Изменения в каждой стране имели, безусловно, свои отличия и особенности, определяемые достигнутым уровнем социально-экономического развития. Однако общее направление этих реформ — переход к широким мерам, затронувшим центральные звенья исполнительной и законодательной власти и связанное с ними изменение правового и политического положения граждан.

90-е годы XX в. в арабских странах были особо отмечены растущим конституционным¹ динамизмом. В это время во многих странах были приняты новые конституции (в 1992 г. — в Саудовской Аравии, 1996 г. — в Алжире и Омане, 1991 г. — в Йемене, 1998 г. — в Судане, 2002 г. — в Бахрейне, 2003 г. — в Катаре, 2005 г. — в Ираке) или внесены существенные поправки в действующие основные законы (поправки 1990 г. в Конституцию Ливана 1926 г., 1988 г. — в Конституцию Туниса 1959 г., 1980 и 2007 гг. — в Конституцию Египта 1971 г. и др.); были приняты новые законы о выборах на многопартийной основе, о пресесе, о политических партиях и т.д. Это было связано с усложнением механизма государственного аппарата, формированием новых социальных и политических структур, значительной дифференциацией общества, а также с появлением других новых внутривнутриполитических

¹ *Конституция* — это важнейший политико-правовой акт государства, в котором закрепляются основные устои общественного и государственного строя страны, цели и задачи, преследуемые государством в области внутрис государственного строительства и на международной арене. Основной закон государства — это и важнейший политико-идеологический документ, где, как правило, в концентрированном виде формулируются преобладающие в обществе основные политические или духовные ценности, в соответствии с которыми должно строиться не только поведение граждан и должностных лиц, но и политика самого государства.

и внешних факторов, влияющих на конституционное законодательство арабских стран.

В новых конституциях наблюдается тенденция к увеличению их объема и усложнению внутренней структуры, появлению целых глав или разделов о правах, свободах и обязанностях граждан. По содержанию арабские конституции, принятые в последнее десятилетие, имеют уже достаточно много общих черт, хотя специфика отдельных стран, разумеется, сохраняется, но она уже не столь разительна, как в первоначальных конституционных актах. С определенной долей уверенности можно утверждать, что существует тенденция к некоторой унификации конституционных текстов, одинаковому стандарту отдельных статей, даже к одинаковым формулировкам, встречающимся в конституционных текстах.

Современные конституции арабских государств испытывают значительное внешнее влияние, воспринимая в большом объеме западные конституционные принципы и институты, зато в значительно меньшей степени подвержены влиянию идеологического фактора. Эта тенденция подтверждается тем, что из многих текстов конституций было изъято упоминание о социализме, о роли в политической жизни общества трудящихся, о руководящей роли одной авангардной партии и т.д.; равно как исчезли и лозунги борьбы с империализмом и сионизмом. Важно отметить, что если раньше закономерности конституционного развития арабских стран зависели в конечном счете от характера их социальной ориентации, то на современном этапе большинство арабских стран в своих конституциях провозглашают приверженность общепризнанным принципам и нормам защиты прав человека, Уставу ООН и других международных организаций.

Общие тенденции к демократизации отразились в изменении закрепления взаимодействия высших органов государственной власти: в современных конституциях значительно расширены полномочия представительных органов власти (парламента), хотя конституционное положение главы государства остается по-прежнему главенствующее.

Политическая практика арабских стран показывает, что современные элиты очень активно начали использовать конституционные положения для укрепления своих властных структур и создания механизмов преемственности и стабильности власти (подтверждение этому, в частности, может служить процесс конституционного формирования вторых палат в арабских странах, не являющихся федерациями: в Алжире с 1997 г., Мавритании и Тунисе с 2005 г., Марокко с 1996 г. и др.), что обеспечивает

более устойчивое равновесие между исполнительной и законодательной властью, но, главное, позволяет ограничить власть одной палаты созданием другой, формируемой при участии главы государства, и отслеживать политические амбиции оппозиционных движений. Интересно отметить, что процесс создания двухуровневого законодательного органа затронул и аравийские монархии, где были сформированы вторые палаты в совещательном органе — Консультативном совете (в Омане, например, с 1998 г.).

Основы правового статуса политических партий определяются теперь новыми конституционными нормами. Значение этих норм исключительно велико: *во-первых*, само их включение в основной закон означает признание на конституционном уровне политических партий как самостоятельного правового института; *во-вторых*, они образуют основу правовой регламентации партий, осуществляемую всеми другими нормативными актами¹. На основе этих конституционных положений в большинстве арабских республик были приняты специальные законы о политических партиях. Эти законы носят специфический характер и отличаются от законов в развитых демократических странах, так как нацелены на всевозможное ограничение свободы образования новых политических партий, выдвигая целый ряд требований, соблюдение которых необходимо для приобретения и сохранения партиями легального статуса. Набор этих требований различен в отдельных странах, но наиболее общим является требование, касающееся характера политических партий (они должны быть общенациональные, не зависящие от зарубежных партий или интересов зарубежных государств); партии, образованные на этнической, региональной и религиозной основе, запрещены законодательством. Согласно Закону о политических партиях в Тунисе (1988 г.), их создание должно быть санкционировано постановлением Министерства внутренних дел, а Закон о финансировании политических партий (1997 г.) предусматривает субсидирование лишь тех политических партий, которые представлены в Палате депутатов или к которым депутаты присоединяются впоследствии.

¹ Как правило, многие конституции закрепляют принцип многопартийности, но при этом основные законы не определяют роль политических партий в обществе и государстве и принципы партийной деятельности, зато устанавливают ряд требований, соблюдение которых обеспечивает партиям право на легальную деятельность (обычно это уважение «демократических принципов» (в Тунисе — уважение прав человека), сохранение суверенитета и территориальной целостности и единства государства и т.д.). Предусматривая свободу ассоциаций, Конституция Сирии предоставляет объединениям граждан право на создание профессиональных и иных массовых общественных организаций, а также кооперативов, которые призваны объединять «трудовые силы народа в интересах развития общества и удовлетворения интересов своих членов». Редким исключением являются статьи конституций (Алжира, например), специально посвященные политическим партиям.

Как представляется, определение некоторых общих идеологических постулатов, признаваемых всеми политическими партиями, имеет важное значение для «цивилизованного» функционирования многопартийной системы. Для того чтобы политическая борьба партий велась в строго конституционных рамках, необходим (при всей противоположности выдвигаемых ими идейно-политических платформ) некий консенсус в отношении к основным ценностям и институтам демократического общества. Однако законодательство арабских республик довольно расплывчато определяет роль политических партий в политической системе и не уделяет должного внимания главному объекту правового регулирования их деятельности — участию в избирательном процессе (порядок выдвижения партиями кандидатов, проведения избирательных кампаний, доступ к средствам массовой информации, избирательные расходы и т.д.). Поэтому выборы в целом не носят партийного характера, несмотря на существование многопартийной системы.

Законодательство, в свою очередь, обеспечивает главенствующее положение в партийной структуре общества «пропрезидентским» партиям, которые имеют большинство голосов и в парламентах¹.

Характерно для арабских республик, что становление многопартийной системы и ее юридическое оформление практически везде сопровождалось параллельной тенденцией: структуризацией и институционализацией исламских образований, течений и групп от умеренного до радикального и крайне экстремистского толка, стремившихся легализоваться и занять свое (как правило, лидирующее) место на политической арене.

При этом самые острые формы подъема исламского движения в 1980–1990-х годах принял в тех странах, где наиболее болезненно происходил отход от социально-политических принципов первого этапа независимого развития. Став фактически единственной оппозиционной силой (в условиях авторитарных режимов), исламские движения превратились в средство разрешения возникавших проблем.

¹ На выборах в Тунисе 1999 г. Демократическое конституционное объединение (ДКО) президента Бен Али получило 148 мест из 182 в Палате депутатов; алжирская «партия власти» Национальное демократическое объединение (НДО) получила на выборах 2002 г. в союзе с другими поддерживающими ее партиями 262 места из 380; Национально-демократическая партия Египта (НДЕ) имеет в Народном собрании после выборов 2000 г. 388 мест из 444; в Йемене партия Всеобщий народный конгресс (ВНК) получила на выборах 2003 г. 238 мест из 301 в парламенте; сирийская Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ) получила 135 мест из 250 на выборах 2003 г.

Еще одной тенденцией 1990-х годов стало формирование противоположной фундаментализму «реформаторской» идеологии и институционализация партий либеральной оппозиции, представленной выходцами из новых социальных слоев (прежде всего крупных предпринимателей, новой буржуазии, появившейся в последние десятилетия в результате проведения крупных экономических реформ и процесса приватизации), довольно активно воспринимающей европейские политические ценности. Представители этого нового социального слоя также ищут самовыражения в политической сфере и медленно, но достаточно уверенно входят во властные структуры арабских республик¹.

Как представляется, именно с этой оппозицией во многом следует связывать становление современных форм политической жизни, прежде всего повышения роли партий. Хотя, естественно, сам факт возникновения нового «предпринимательского класса» еще не является гарантией движения страны в сторону демократизации, ибо необходима трансформация режима в целом. Тем не менее представители новой деловой элиты, располагая достаточными финансовыми средствами и используя свои ресурсы для оказания материальной помощи населению, имеют возможность самостоятельно вести активную избирательную кампанию в отдельных округах, создавать там широкую электоральную базу и вытеснять правительственных кандидатов. Такая тенденция ярко проявилась и стала одной из важнейших черт парламентских выборов 2000 г. в Египте.

Переход от авторитарных режимов с однопартийной системой к политическому плюрализму предусматривает определенный период формирования новых внутривластных взаимоотношений. Поэтому в настоящее время большинство из вновь появившихся партий представляют собой малочисленные объединения, не имеющие еще четко сформированной программы, широкой социальной базы, а потому не оказывающие серьезного влияния на политическую жизнь страны и не составляющие в настоящее время политической конкуренции правящим партиям. Можно констатировать тот факт, что многопартийная система в арабских странах по-прежнему отражает социально-экономическую мозаичность общества и определенное изменение в расстановке политических сил, но пока не создает реальной плюралистической основы обще-

¹ Следует обратить внимание, в частности, на появление значительного числа независимых депутатов, представленных в парламентах арабских республик последнего созыва: в Сирии они составляют 33% (83 депутата в парламенте 2003 г.), в Ливане — 16% (20 депутатов в парламенте 2000 г.), в Египте — 8,5% (37 депутатов в парламенте 2000 г.), в Алжире — 5% (30 депутатов в парламенте 1999 г.), в Йемене — 1,5% (4 депутата в парламенте 2003 г.), что было нехарактерно для предыдущих парламентов.

ства. А многочисленные партии направляют свои усилия, прежде всего, на укрепление своих позиций в структуре власти, ради чего зачастую идут на соглашения и компромиссы с правящей партией. Поэтому на фоне множественности партий, их политических взглядов и слабости их социальной базы только исламские движения, как представляется, выступают в настоящее время действительно серьезной и организованной политической силой, способной повлиять на динамику внутриполитического процесса.

И наконец, первое поколение харизматических лидеров, постепенно уступая место новым, более прагматическим руководителям, тем не менее пытается создать механизм сохранения власти в руках одной семьи или клана. В стремлении к сохранению власти некоторые арабские лидеры шли в прошлом на жесткие действия в отношении своих конкурентов. В настоящее время они прибегают к новой практике — подготовке своих сыновей к роли преемников на посту главы государства, передачи власти по наследству, что по сути означает установление «республиканских династий».

Поэтому развитие элементов демократии и появление множества политических партий до настоящего времени ни в одной из арабских республик (за исключением Алжира) не создало серьезной угрозы уходу с политической арены правящих партий. А сам процесс демократизации, как ни парадоксально, содействовал зачастую усилению авторитарных тенденций при расширении социальной базы правящего режима.

В целом можно говорить о том, что идет процесс координации и сохранения баланса различных электоральных интересов и сил. При этом стержнем процесса консолидации является правящая политическая партия, а главную консолидирующую роль по-прежнему играет лидер партии и государства, который в данных социальных условиях в значительной степени определяет содержание политического маневрирования в рамках данной системы.

Таким образом, наблюдаются взаимосвязанные процессы в политической жизни арабских стран: с одной стороны, идет адаптация традиционных институтов к современным политическим реалиям исламских обществ, с другой — эти институты (конституция, политические партии, парламент, избирательный процесс) видоизменяют и само общество, постепенно трансформируя и приобщая его к новым формам политического процесса и политической культуры¹. В арабских монархиях значительно расширены полномочия чисто совещательного органа —

¹ Впервые в Египте в 2005 г. президентские выборы проводились на альтернативной основе, что стало совершенно новым политическим элементом избирательного законодательства не только Египта, но и арабских республик в целом.

Консультативного совета (Совета шуры), который в отдельных случаях выполняет уже и законодательные полномочия.

Все эти процессы в арабских государствах протекают медленно, однако представляется очевидным, что они имеют достаточно четкие перспективы, поскольку обеспечиваются государством в лице правящих элит и самого главы государства, а институциональное закрепление основ этих процессов подтверждается осуществлением целого ряда мер как в арабских монархиях, так и республиках, которые способны дать гарантии движения по заданному пути, а именно:

- восстановление парламентской формы правления (Бахрейн) и закрепление ответственности министров перед Палатой депутатов;
- появление в аравийских монархиях назначаемого поста премьер-министра (Катар), что обозначило тенденцию к большему разграничению ветвей власти, так как раньше эту должность всегда занимал сам эмир;
- создание и довольно активная деятельность конституционных судов и использование судебных органов в избирательном процессе;
- избрание главы государства на альтернативной основе (Египет);
- передача ряда законодательных функций от исполнительной власти законодательным или законосоветательным органам (Советы шуры);
- расширение представительства и изменение способа формирования консультативных органов власти и предоставление активного и пассивного избирательного права женщинам (Оман, Бахрейн);
- укрепление роли представительных органов власти;
- признание на международном уровне конвенций о правах человека.

Интересно отметить, что процессы, происходящие в последнее время в арабских монархиях, самими правящими элитами этих государств называются «модернизацией», призванной придать существующим режимам более современный вид и сообщить им дополнительную жизнестойкость.

Тот факт, что властные элиты сами стали инициатором реформирования общественных структур, позволяет предполагать, что в недрах государств одновременно с процессом модернизации будет создаваться и защитный механизм, сдерживающий и ограничивающий эти процессы теми рамками, которые обеспечат безболезненную трансформацию общества в новое качество.

Институты власти арабских стран

Законодательная власть

Важнейшей характеристикой парламента является его представительный характер, в основе которого лежит концепция представительного правления¹. Вторая важная характеристика парламента определяет его как законодательный орган. Это означает, что парламента занимает определенное место в системе разделения властей, олицетворяя законодательную власть. Отсюда его определенная автономия, которая гарантирует ему право принимать законы государства, вносить поправки в основной закон — конституцию, контролировать исполнительную ветвь власти — правительство, осуществлять финансовые полномочия.

Реальный орган законодательной власти оценивается по различным параметрам: порядку его формирования, объему полномочий, характеру взаимоотношений с другими высшими органами государственной власти. Наиболее распространенная западная характеристика парламента как высшего органа государственной власти сводится к тому, что парламента должен формироваться путем демократических выборов, обеспечивающих справедливое представительство избирательного корпуса (всей совокупности избирателей); обладать определенной автономией в системе государственных органов, свободно осуществлять свою законодательную функцию; свои полномочия выполнять самостоятельно, а не делегировать их другим органам; депутаты не могут быть связаны императивным мандатом; они должны быть профессиональными политиками и работать на постоянной основе. При этом парламентаризм трактуется как система, при которой парламента имеет реальную возможность осуществлять свои функции и парламентарский контроль за исполнительной властью.

В системе государственных органов арабских республик и тех монархий, где они существуют (Иордания, Марокко, Кувейт и Бахрейн),

¹ Создателем концепции представительного правления явился английский философ и экономист Джон Стюарт Милль (1806–1873). Ему принадлежат мысли о том, что демократия сама по себе не является панацеей от всех бед и даже может породить «тиранию невежественной толпы», если не сопровождается «умственным и нравственным воспитанием народа». Дж. Милль первый поставил вопрос об участии женщин в голосовании. Многие его идеи были воплощены в современном праве: равенство женщин, обязательное образование, всеобщие и равные права, контроль над рождаемостью, разумные законы о разводах, пропорциональное представительство и т.д. «Представительное правление означает, — подчеркивал Дж. Милль, — что весь народ или значительная его часть пользуется через посредство периодически избираемых ими депутатов высшей контрольной властью, которая во всяком государственном строе где-нибудь да находится. Этой высшей властью нация должна обладать во всей ее полноте» (*Милль Дж. С. Представительное правление. СПб., 1897. С. 44*).

законодательные органы занимают второстепенное место, значительно уступая роли главы государства и правительства. Слабость законодательных органов объясняется сложившимися традициями сильной единоличной власти президента, практически полным отсутствием навыков и принципов парламентаризма, отсутствием развитой партийной системы с присущими европейской модели демократии правами и законодательно закрепленным правовым статусом оппозиции. Такого положения в арабских республиках нет, и это накладывает свой отпечаток на роль и общие полномочия законодательных органов власти. Кроме того, на положение парламентов в арабских странах прямо влияют мусульманские традиции принятия решений путем согласования, большая роль консультативных органов, действующих при главе государства, которые иногда выступают в роли противовеса законодательного органа, предлагая президенту свои собственные решения. Многие в положении законодательных органов определяется и конституционными нормами, которые ставят парламенты на второе место после исполнительных органов и президента.

Основная функция национальных ассамблей в арабских странах, так же как и в любом другом парламенте мира, — законодательная. Полномочия законодательного органа по арабским конституциям различаются. В одном случае они более конкретны и суммарны, в других — сформулированы в более общей форме, за счет более конкретных полномочий главы государства — президента. Одни конституции в качестве первой и основной называют назначение кандидатуры президента республики с последующим утверждением на всеобщем референдуме (Египет, Сирия). Другие во главу угла ставят одобрение законов. Среди них важнейшее значение имеют основные законы — конституции. В обязательную, или исключительную, сферу законодательства включена большая группа вопросов: правовой статус личности и его конституционные гарантии, уголовное, гражданско-процессуальное законодательство, принятие статута судебных учреждений, статута гражданской службы, гарантии гражданскому и военному персоналу; избирательное право и избирательная система, по которой формируются национальные ассамблеи и местные органы, система гражданских и коммерческих учреждений, создание новых и упразднение старых государственных учреждений и организаций, национализация частных предприятий и перевод предприятий из государственного сектора в частный (приватизация). Право издания нормативных актов по этим вопросам не может быть передано правительству.

Депутаты имеют право законодательной инициативы, т.е. право внесения законопроекта на рассмотрение соответствующей палаты или однопалатного парламента. В Сирии, например, согласно Конституции, правом законодательной инициативы пользуются не менее 10 депутатов Народного совета; в Алжире — не менее 20 депутатов; в Египте законо-

дательная инициатива принадлежит любому члену парламента (при этом «частный билль» члена парламента передается сначала в постоянный комитет). Кроме того, самым широким правом законодательной инициативы обладает президент, причем президентские законопроекты имеют приоритет перед всеми остальными, они рассматриваются в первую очередь и в срочном порядке.

Конституции устанавливают также правомочия парламентов в организации и деятельности других государственных органов. Согласно Конституции Иордании, после назначения королем премьер-министра и формирования правительства оно должно быть одобрено парламентом. Конституция Туниса устанавливает, что в случае вакансии поста президента по причине его смерти, отставки или абсолютной невозможности выполнять свои полномочия его функции в порядке временного замещения берет на себя председатель парламента (до 1988 г. — премьер-министр). Однако в этом случае председатель Палаты депутатов, замещающий президента, не имеет права проведения референдума, отставки правительства, роспуска парламента, принятия чрезвычайных мер, а также не может быть кандидатом на президентских выборах.

В области обороны парламента имеют крайне ограниченные полномочия. Эти вопросы в наименьшей степени решаются парламентами во всех арабских странах. Президенту Сирии предоставляется исключительное право вводить в стране чрезвычайное положение, и, принимая это решение, глава государства не связан мнением парламента или правительства.

Еще одно основное направление деятельности законодательных ассамблей — контроль за деятельностью правительства. Этот контроль не носит всеобъемлющего характера, поскольку законодательный орган не формирует правительство на парламентарской основе, а лишь одобряет кандидатуру премьер-министра, предложенную главой государства. Такой контроль не может носить широкого масштаба еще и по причине того, что ряд конституций разрешают совмещение депутатских и правительственных постов, что еще больше делает функцию контроля чисто условной. Тем не менее конституционные положения на этот счет довольно определены. Помимо возможности осуществления финансового контроля, законодательный орган имеет право постановки вопроса о доверии правительству или отдельным министрам, право запроса правительству или отдельным его членам, а также право на периодические встречи с членами правительства с постановкой перед ними устных вопросов по проблемам деятельности правительства и получения соответствующих ответов. Кроме того, все конституции так или иначе предоставляют депутатам право участвовать в дебатах по правительственной политике, а также выносить вотум недоверия правительству.

В целом законодательные органы в арабских странах имеют примерно такие же полномочия, как и в других регионах, но сложившаяся политическая и государственно-правовая практика, сама структура государственных органов, форма их взаимоотношений между собой не позволяют законодательной власти выйти на первое место и определять основные направления государственной политики.

На практике роль высшего законодательного органа власти сводится зачастую к выражению точек зрения его депутатского корпуса в отношении того или иного предлагаемого на их рассмотрение проекта закона, а проекты рассматриваемых законодательных актов носят второстепенный или технический характер. Это связано и с тем, что зачастую значительно усиливается законотворческая активность президента, когда он имеет возможность полностью контролировать депутатский корпус через механизм партийной дисциплины, являясь лидером правящей партии (Тунис, Сирия, Алжир).

Для определения роли парламентов большое значение имеет не только компетенция парламентов, но и их структура и порядок деятельности, которые дают более полное представление о степени реальности парламентских полномочий и взаимоотношениях представительного органа и правительства.

Палаты арабских парламентов неодинаковы по своей численности. В Египте Народная ассамблея состоит из 454 депутатов, Национальная ассамблея Судана — из 360 депутатов, Палата представителей в Йемене — из 301 депутата, Народный совет Сирии — из 250, Национальная ассамблея Ливана — из 128 человек, Национальная ассамблея Кувейта состоит из 75 депутатов. В странах, где существуют двухпалатные парламенты (Алжир (с 1997 г.), Ирак (по конституции 2005 г.), Мавритания, Тунис (с 2005 г.), Иордания (согласно конституции 1952 г. (ст. 62), Марокко (в соответствии с поправками в конституцию 1996 г.)), нижняя палата в два раза многочисленней верхней (Палата депутатов в Иордании — 110 человек, Сенат — 40 человек; Палата представителей в Марокко — 325 человек, Палата советников — 270; Национальная народная ассамблея в Алжире — 380 депутатов, Совет нации — 144 депутата; Палата депутатов в Тунисе — 189 членов, Палата советников — 126 ($\frac{2}{3}$ членов Палаты депутатов). Важно отметить в этой связи, что процесс демократизации в арабских странах в определенной степени связан с созданием второй палаты парламентов.

Законодательные органы власти арабских стран формально строятся на демократической основе, т.е. на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Однако, закрепляя принцип свободных выборов, конституции не приводят детального объ-

яснения этого принципа, равно как отсутствует и обязательный принцип голосования на альтернативной основе или выдвижения нескольких кандидатур на одно место. Некоторые страны обходятся упоминанием только прямых или непрямых выборов. В этом же отношении интересно формирование законодательного органа Египта. Согласно Конституции Египта, Народная ассамблея избирается гражданами по смешанной избирательной системе сроком на пять лет. Парламент состоит из 454 членов, из которых 444 избираются всеобщим голосованием; из них — 400 депутатов избираются по пропорциональной системе в двухмандатных округах, а 44 — по одномандатным округам. Еще 10 депутатов назначает президент (как правило, это представители коптской общины, лояльных оппозиционных партий или женщины). При этом не менее 50% состава парламента должны быть рабочими и крестьянами. Таким образом, при выборах представительных органов принцип равенства не действует, поскольку применяется подобие куриальной системы: особое представительство имеют рабочие и крестьяне. Избиратели страны делятся на две категории: 1) рабочие и крестьяне; 2) прочие. Каждая из них в представительных органах составляет половину состава депутатов, но по своей численности эти две группы неравны, что влечет за собой нарушение принципа равных выборов¹.

¹ Таким образом, при формировании представительных органов применяется смешанная избирательная система, обладающая своеобразием. Согласно законам о Народной ассамблее и местных народных советах, кандидаты в депутаты, выдвигаемые партиями и индивидуально гражданами (на деле — тоже партиями), в избирательном бюллетене делятся на два списка: партийный список, единый по стране (кандидаты, выдвинутые партиями), и индивидуальный список (кандидаты, баллотирующиеся в отдельно взятых, чаще всего в двухмандатных округах). В списке каждой партии половина кандидатов должны быть рабочими и крестьянами, в индивидуальных списках — тоже. Избиратель имеет, по существу, четыре голоса. Он должен проголосовать за список какой-либо партии, выбрав из него равное количество рабочих и крестьян (он может также голосовать за список в целом, но и в этом случае число избранных от данной партии должно быть разделено по указанным выше категориям), а также отдать два голоса за индивидуальных кандидатов: один должен быть из категории рабочих и крестьян, другой — из прочих. При подсчете голосов по партийным спискам применяется пропорциональная избирательная система, при подсчете голосов по индивидуальным кандидатурам (по округам) — мажоритарная система относительного большинства, если по округу выдвинуто более двух кандидатов. При этом избранными считаются кандидаты, получившие не менее 10% голосов зарегистрированных избирателей. Если же по округу выдвинуты только два кандидата (один — от рабочих и крестьян, другой — от прочих), то для избрания им необходимо получить не менее 20% голосов зарегистрированных избирателей. Порядок создания избирательных округов, избирательных комиссий, предвыборной агитации соответствует в целом общепринятым правилам. Результаты голосования подводит Центральная избирательная комиссия, они утверждаются министром внутренних дел.

Парламент Судана — Национальная ассамблея состоит из 360 членов, 75% которых (270 человек) избираются по одномандатным округам путем прямого голосования граждан от географических регионов страны, пропорционально численности населения региона сроком на 4 года, а 25% избираются путем косвенных выборов общенациональным конвентом (избирательным органом, состоящим из членов научных и профессиональных сообществ и женщин) от женского населения (35 депутатов). Лиц, имеющих университетские дипломы (26 депутатов), и 29 депутатов представляют профессиональные общества в соответствующих территориальных единицах или от соответствующих народностей.

Законодательная власть в Алжире осуществляется парламентом, состоящим из двух палат — Национальной народной ассамблеи (ННА) и Совета нации. Члены ННА избираются на 5 лет всеобщим, прямым и тайным голосованием. Что касается Совета наций (144 депутата), то $\frac{2}{3}$ членов Совета избираются тайным и косвенным голосованием на 6 лет среди членов народных ассамблей коммун и народных ассамблей *вилай* депутатами этих ассамблей. $\frac{1}{3}$ членов Совета назначается президентом Республики из видных деятелей науки, культуры, а также социально-экономической сферы. (Учитывая, что ни один закон, согласно конституции, не может быть принят без одобрения его большинством в $\frac{3}{4}$ Совета, то естественно, что при наличии вышеназванной трети состава верхней палаты президент способен блокировать принятие любого, неугодного ему закона.)

Палата депутатов в Тунисе формируется путем всеобщих, свободных и прямых выборов при тайном голосовании сроком на 5 лет. Подробно порядок формирования парламента регулируется Избирательным кодексом (в редакции 1988 г.), в соответствии со статьей 72 которого численный состав Палаты депутатов устанавливается по норме — один представитель от 60 тыс. жителей. В соответствии с поправкой в Избирательный кодекс 1993 г. все депутаты избираются по одномандатным округам, а 20% всех мест резервируются за партиями оппозиции.

Согласно поправке к конституции 2002 г., в Тунисе образовывалась верхняя палата (Палата советников), которая впервые была избрана в июне 2005 г. Численный состав ее не установлен, но она должна составлять $\frac{2}{3}$ Палаты депутатов. Новая палата состоит из трех групп, каждая из которых составляет $\frac{1}{3}$ ее состава:

- первая группа состоит из одного или двух представителей от каждого губернаторства (административной единицы), в зависимости от населения. Они избираются косвенными выборами

избирательной коллегией, состоящей из выборщиков от каждого из муниципальных советов губернаторств;

- вторая группа избирается профсоюзами и профессиональными ассоциациями на общенациональном уровне;
- третья группа назначается президентом из хорошо известных в стране лиц.

Каждый депутат находится в должности шесть лет, а половина Палаты советников обновляется каждые три года.

Парламент Ливана (Национальная ассамблея) избирается на основе конфессиональной системы и состоит из 128 членов, которые избираются прямым голосованием сроком на четыре года. Кандидаты избираются от пяти многомандатных округов, соответствующих пяти губернаторствам. 128 мест делятся поровну между христианскими и мусульманскими общинами. Затем эти места делятся среди представителей различных общин, пропорционально к их числу среди населения. Страна разделена на 13 избирательных районов, и в каждом районе составляются списки кандидатов от различных религиозных общин, из которых избиратели должны сделать свой выбор: из каждого списка должно быть избрано фиксированное количество депутатов. Если религиозная община избирает по своему списку в районе более одного депутата, все поданные избирателями голоса делятся на фиксированное количество избранных депутатов (избирательная квота), а потом голоса, поданные за каждого депутата, делятся на эту цифру для того, чтобы определить приблизительный процент избирателей, поддерживающих каждого избранного депутата. Внутри списка религиозных общин отдельные кандидаты принадлежат к различным политическим партиям, хотя это не является основой для избрания. Многие из этих партий носят исключительно локальный характер и представляют интересы только местных политических или религиозных лидеров.

До 2011 г. Высшим законодательным органом власти в Ливии был Всеобщий народный конгресс (ВНК). Он обычно собирался на свои сессии один раз в год. В его компетенцию входило принятие различных законов, резолюций по вопросам внутренней и внешней политики страны, формирование Высшего народного комитета (ВНКОН), выполнявшего функции правительства, а также назначение на главные государственные должности. В состав ВНК входили секретари местных и муниципальных «народных собраний», руководители отраслевых «народных комитетов», представители массовых общественных организаций, члены высшего органа исполнительной власти. Численный

состав ВНК не был определен и колебался в пределах 800–1000 человек. Постоянно действующим органом ВНК являлся генеральный секретариат, состоящий из пяти членов (генеральный секретарь, его заместитель, три секретаря). Он выполнял организационно-технические функции (контроль за выполнением решений ВНК, связь с секретариатами местных «народных собраний», оказание помощи нижестоящим организациям в решении текущих вопросов, подготовка материалов к очередной сессии ВНК и др.). В марте 1979 г., после отказа Каддафи и других бывших членов Совета революционного командования от всех официальных постов «во имя продолжения революции», было образовано коллегиальное революционное руководство, ставшее высшим непереизбираемым политическим органом страны, формирующим внутреннюю и внешнюю политику страны и контролирующим деятельность ВНК и ВНКМ. Для контроля за деятельностью органов «народной власти» и выполнением решений руководства, а также для борьбы с оппозицией были созданы революционные комитеты (ревкомы), ставшие основной опорой режиму, подчиняющиеся непосредственно М. Каддафи; а для защиты от внешней угрозы учреждена система так называемого «вооруженного народа». Ревкомы были созданы по территориальному принципу — во всех административных единицах (в сельской и городской местности) и по производственному — на всех предприятиях, в учреждениях, на сельскохозяйственных фермах, а также в армии. Повседневной деятельностью ревкомов руководил Центральный революционный комитет, получавший директивные или текущие установки от революционного руководства. Первоначально революционным комитетам отводилась пропагандистская и просветительская роль, но постепенно они стали выполнять функцию органов принуждения и безопасности. В 1979 г. эти комитеты были наделены полномочиями по наблюдению за выборами в местные народные собрания, отбору кандидатов на работу в народных комитетах и отправлению «революционного правосудия», так что к началу 1980-х годов они стали основным средством поддержки режима и борьбы с внутренней оппозицией, которая была представлена старой буржуазной элитой, частью офицерства и племенной элитой. В начале 1980-х годов Каддафи не без влияния ревкомов принял целый ряд радикальных мер, приведших к запрещению частного сектора и, следовательно, практическому уничтожению внутренней оппозиции.

Однопалатная Национальная ассамблея (парламент) Кувейта по Конституции состоит из 75 депутатов (50 членов, избираемых прямым тайным голосованием сроком на четыре года, и 25 назначаемых эмиром).

До недавнего времени избирательным правом пользовались только мужчины, грамотные, урожденные кувейтцы. В 1999 г. эмир принял решение предоставить женщинам — гражданкам Кувейта с 2003 г. — активное и пассивное избирательное право; в этом же году был издан указ о внесении поправок в избирательное законодательство. Теперь каждый гражданин Кувейта, достигший 21 года, имеет полное избирательное право, за исключением иммигрантов, которые получили гражданство менее чем за 20 лет до выборов.

В Иордании нижняя палата (Палата депутатов) состоит из 110 человек, из которых 104 избирается на четырехлетний срок по одномандатным округам всеобщими прямыми выборами, а шесть женщин избираются специальной Избирательной коллегией (увеличение численности депутатского корпуса с 80 до 110 человек произошло в 2001 г.). При этом 104 депутатских места нижней палаты парламента разделены между всеми основными этноконфессиональными группами страны: 92 закреплены за мусульманскими кланами, 9 — за христианами (по одному в 3-м амманском округе, 1-м ирбидском, провинциях Мадаба, Зарка и Аджлун и по два в провинциях Керак и Балка), 3 — за представителями черкесской (1-й и 5-й амманский округа) и чеченской (округ Зарка) общин. Представители бедуинских племен избираются в парламент от трех специально выделенных для них округов. При этом выдвижение кандидатов и регистрация избирателей происходят в них на основе списка племен и кланов, утвержденного королем и являющегося составной частью Закона о выборах.

Верхнюю палату в Иордании (Сенат), состоящую из 40 депутатов, назначает монарх. В этой стране такая структура парламента была создана в начале 1950-х годов королем Абдаллой, который считал, что она наиболее полно отвечает интересам страны в условиях конституционного монархического режима: наличие «буфера» в виде назначаемых из числа знати сенаторов позволяло избегать юридических и политических коллизий между монархом и избираемыми депутатами нижней палаты. Член Сената, согласно статье 64 Конституции, должен достичь возраста 40 лет и принадлежать к одной из следующих категорий: действующие или бывшие премьер-министры; бывшие послы и посланники; бывшие спикеры Палаты депутатов; бывшие президенты или судьи кассационного, гражданского или шариатского апелляционного суда; отставные высшие офицеры, начиная со звания генерал-лейтенанта; бывшие депутаты, избиравшиеся в парламент более одного срока; лица, имеющие особые заслуги перед нацией и страной. В Сенате также обязательно должны присутствовать верховные шейхи или видные представители бедуинских

Раздел II. Политические системы государств Африки и Большого Ближнего Востока

и полукочевых племен, таких как ховеитат, бени сахр, бени хамида, бени халед, адван, ахль аль-джебель. Срок полномочий Сената — четыре года.

Король Хусейн неоднократно распускал нижнюю палату в 1950-х и 1960-х годах. После ее роспуска в 1974 г. она собралась только спустя 10 лет, в 1984 г. (не считая ее краткосрочного созыва в феврале 1976 г.), с целью принятия поправки к конституции, позволяющей проводить выборы лишь на Восточном берегу, а представителей от оккупированного Западного берега назначать декретом. В 1988 г. парламент, в котором одинаково были представлены Западный и Восточный берега реки Иордан, был вновь распущен (до выборов 8 ноября 1989 г.) в связи с разрывом административных и юридических связей с Западным берегом. В ноябре 1989 г. прошли всеобщие парламентские выборы. Официальное объяснение долгому непроведению выборов заключалось в том, что лишь после разрыва административных и юридических связей с Западным берегом реки Иордан, оккупация которого препятствовала выборам депутатов в иорданский парламент, иорданское руководство смогло начать процесс демократизации общественно-политической жизни и провести выборы теперь только от так называемого Восточного берега.

Выборам предшествовало принятие Закона о выборах от 1986 г., преследовавшего цель, с одной стороны, ослабить оппозицию, но, с другой, — сохранить продекларированные общественные свободы, включая право оппозиции выступать и проводить мероприятия против политики правительства. Согласно этому закону лагеря палестинских беженцев приравнивались к округам Западного берега и могли иметь одного депутата, независимо от размеров. Было ограничено количество депутатов от тех районов Восточного берега, где преобладает палестинское население (Зарка, Восточный Амман). Были сохранены значительные привилегии меньшинств — кавказцев, христиан, бедуинов. Сельские районы, где плотность населения низка, получили возможность избирать столько же представителей, что и плотно населенные города¹.

Впервые в выборах 1989 г. принимали участие лица, которым исполнилось 19 лет, и женщины, которым избирательное право было предоставлено в 1974 г., но они не могли его реализовать на всеоб-

¹ При таком распределении избирательных округов на выборах 1989 г. 40% населения — коренные иорданцы и меньшинства — получили 82,5% мест, в то же время крупные города — Амман, Зарка, Ирбид, в которых проживает около 70% населения, — получили всего 45% мест. То есть в южной провинции Ма'ан одного депутата избирали 3,8 тыс. человек (речь идет лишь об избирателях), в Кераке — чуть более 9 тыс. человек, в Зарке — 50 тыс., во 2-м амманском округе, в котором находится огромный палестинский лагерь аль-Вахдат, — 76 тыс. (Компас, ИТАР-ТАСС, 1989).

ших парламентских выборах из-за длительного отсутствия таковых. По итогам выборов был образован новый (11-й по счету) парламент, который вскоре принял законы, закрепившие движение Иордании по пути демократии. Эти законы включают акты об отмене чрезвычайного положения (введенного более 20 лет назад в связи с нестабильностью, вызванной поражением Иордании в войне 1967 г.), закон о внесении поправок в Закон о государственной безопасности, который вернул судам их гражданский статус после того, как они осуществляли свою деятельность в соответствии с чрезвычайными требованиями.

В атмосфере демократизации король решил на эксперимент — формирование кабинета министров на парламентской основе с последующим вынесением вотума доверия правительству. В сформированные премьер-министром Модаром Бадраном 6 декабря 1989 г. и 1 января 1991 г. правительства вошли 10 и 11 депутатов нижней палаты из 24 и 25 министров соответственно. По итогам принятия 9 июня 1991 г. Национальной хартии, закрепившей курс на дальнейшую либерализацию общественно-политической жизни, был разработан и введен в действие королевским указом от 5 июля 1992 г. Закон № 32 «О политических партиях», а 29 марта 1993 г. — новый Закон «О печати», поэтому выборы 8 ноября 1993 г. состоялись уже на многопартийной основе и при самом активном участии прессы, которая тоже приобрела многопартийный характер. Началась активизация движения исламистов, объединившихся в политическую партию Фронт исламского действия (ФИД) и ставших серьезной оппозицией, для борьбы с которой правительство приняло в августе 1993 г. Закон о внесении поправок в Основной закон о выборах. Был введен принятый во всех западных демократических обществах избирательный принцип «один человек — один голос». Этот принцип был крайне негативно встречен иорданскими политическими партиями, особенно исламскими, так как в условиях трайбализма «один голос» избирателя обычно отдается клановым кандидатам, обрекая представителей партий на поражение, если они не выдвигают себя от родов или племен. Именно из-за этого ФИД и ряд поддержавших его политических сил обрушились на этот Закон с резкой критикой. В ноябре 1993 г. ФИД получил всего 17 мест (в предыдущий состав парламента «братьев-мусульман» избрали 24 человека). 15 мая 1997 г. был введен в действие еще один Временный избирательный закон № 24, вносивший изменения в карту избирательных округов, поскольку появились новые территориально-административные единицы. Итоги ноябрьских выборов 1997 г. показывают, что своей цели иорданское руководство все же добилося. Из 80 мест кланово-племенные кандидаты получили 62 места,

8 — независимые исламисты, 10 — представители панарабских и левых сил. Назначение нового Сената, куда не вошел ни один представитель оппозиции, подтвердило нежелание режима включить ее во властные структуры.

В сложившемся балансе сил, где дворец опирается на коренных иорданцев, организованных в многочисленные кланы, а массы палестинцев и активных сторонников «братьев-мусульман» могут рассчитывать только на мелкие государственные посты и частный сектор, нельзя рассчитывать на демонтаж этой системы сверху. Ждать, когда на это начнут претендовать низы, дворец тоже не желает. Поэтому продолжается искусная игра короля по консолидации вокруг своей легитимной власти всех жителей Иордании на основе обеспечения демократических прав и свобод граждан.

В 2001 г. парламент был вновь распущен новым королем Абдаллой II в связи с внесением изменений в Закон о выборах. Запланированные на осень того же года выборы в нижнюю палату парламента неоднократно переносились из-за сложной военно-политической ситуации в регионе и в итоге состоялись только в июне 2003 г.¹

В Марокко (в соответствии с поправками в Конституцию от 1996 г.) был учрежден двухпалатный парламент. Нижняя палата (Палата представителей) состоит из 325 депутатов и избирается на пятилетний срок на основе прямого всеобщего голосования по одномандатным округам. Из 325 депутатов 295 избираются по партийным спискам от 26 партий. Остальные 30 депутатов избираются по одному общенациональному списку и зарезервированы для женщин. Верхняя палата (Палата советников, состоящая из 270 членов) избирается на 9 лет и в течение 3 лет обновляется на $\frac{1}{3}$ состава. Каждый регион страны через коллегия представителей местных органов власти избирает $\frac{3}{5}$ состава верхней палаты (162 представителя), а $\frac{2}{5}$ ее состава (108 членов) избирает специальная коллегия выборщиков, состоящая из представителей профсоюзов и трудящихся. (Первые выборы в Палату советников прошли в декабре 1997 г. 16 партий выдвинули 2391 кандидата.)

Таким образом, в арабских странах практикуется политика, когда правящие элиты посредством избирательных законов и законов о политических партиях и объединениях обеспечивают незыблемость политической монополии правящей партии. Поэтому, несмотря на

¹ Примечательно также, что из 31 официально зарегистрированной к этому времени партии в парламенте были представлены только четыре, при этом крупную фракцию в парламенте (17 депутатов) составили представители исламской партии Фронт исламского действия (ФИД).

существование в арабских странах множества политических партий, механизм управления продолжает сохранять преимущественно однопартийный характер, поскольку центральные и местные государственные органы власти и управления контролируются пропрезидентскими партиями.

Характерным примером в этой связи является Алжир, где в течение 1990-х годов несколько раз менялся избирательный закон, преследовавший цель не допустить в парламент депутатов от исламских партий. В 1997 г. в Алжире был принят новый избирательный закон, в соответствии с которым мажоритарная система была заменена на пропорциональную, предусматривающую установление единой избирательной квоты для завоевания одного депутатского мандата. Общее количество голосов избирателей, поданных за партию, делилось на избирательную квоту, и таким образом определялось число мандатов, полученных каждой партией. Чем больше партия получала голосов избирателей в избирательном округе, тем больше она получала мандатов. Такая система была выгодна только крупным партиям, у которых большой электорат. Была установлена 5-процентная оговорка, в соответствии с которой партии, получившие менее 5% голосов избирателей данного избирательного округа, к распределению депутатских мандатов вообще не допускались. Такая мера была связана с тем, чтобы попытаться не допустить прохождения кандидатов от исламских партий в парламент. Кроме этого, буквально за несколько месяцев до выборов 1997 г.¹ функционерами различных общественно-политических проправительственных организаций была сформирована «партия власти» — Национальное демократическое объединение (НДО), имевшее целью завоевание парламентского большинства и противостояние депутатам исламских партий.

Из-за такой особенности алжирской избирательной системы целый ряд партий не получил парламентские мандаты, хотя в общенациональном масштабе за них проголосовало значительно больше избирателей, чем за партии, получившие от одного до трех депутатских мандатов. Дело

¹ На 380 мест в ННС претендовали 7700 кандидатов. Они представляли 39 политических партий, 1 избирательный блок, а также список независимых. Из 16 773 млн граждан, достигших 18-летнего возраста, внесенных в списки избирателей, от голосования воздержались 5789 млн, а воспользовались своим конституционным правом 10 984 млн человек. Из последнего числа более 493 тыс. бюллетеней оказались недействительными. Таким образом, уровень участия в выборах составил 65,49% (по данным оппозиции, к избирательным урнам пришли не более 40% избирателей) (Компас, ИТАР-ТАСС. 9.06.1997). Основная борьба развернулась между «партией власти» и исламской (демократической) оппозицией. В состав первого в истории независимого Алжира многопартийного парламента вошли представители 10 партий, а также 11 независимых депутатов.

в том, что в каждом из 56 избирательных округов заранее определялось число депутатов в соответствии с численностью проживающего там населения, причем места в парламенте в соответствии с пропорциональной системой могли получить только партии, преодолевшие 5-процентный порог набранных голосов.

Кроме того, Конституция Алжира запрещает создавать политические партии на религиозной, языковой, расовой, половой, корпоративной или региональной основе. Статья 42 Конституции подчеркивает, что осуществление гражданами права на создание политических партий и ассоциаций не может «сочетаться с покушением на основные свободы, фундаментальные ценности и составляющие национальной идентичности, национальное единство, безопасность и территориальную целостность, независимость страны и суверенитет народа, а также на демократический и республиканский характер государства».

В Тунисе, согласно Избирательному кодексу, выборы проводятся по мажоритарной системе по спискам в один тур с панашированием. Для включения в партийный список кандидату необходимо заручиться поддержкой не менее 75 избирателей. Закон № 32 от 3 мая 1988 г. «О политических партиях» Туниса, определяя партию как политическую организацию, объединяющую граждан, «имеющих общее политическое родство», запрещает использование религии в политических целях, тем самым исключая исламские партии из легальной партийно-политической деятельности. Закон предусматривает, что политические партии должны уважать и защищать арабо-мусульманские ценности и республиканские институты государства, а также воздерживаться от насилия как формы политической борьбы. Деятельность партии считается разрешенной, если по истечении четырех месяцев после подачи заявления о регистрации она не получит отказа со стороны официальных властей. Важной особенностью закона является закрепленная в нем обязанность министра внутренних дел обратиться в судебную инстанцию для роспуска политической партии.

7 ноября 1988 г. представителями ведущих легальных политических партий, профсоюзов и других массовых общественных организаций был подписан Национальный пакт, в рамках которого был учрежден Высший совет Национального пакта — институциональная структура для осуществления постоянного диалога между важнейшими партиями. Политический раздел Пакта был посвящен строительству правового государства и утверждению в обществе идей политического плюрализма и демократии, которая представляет собой форму правления и отказ от которой провозглашался недопустимым. Подчеркивалось также, что принципами общественной жизни страны должны стать уважение мне-

ний и защита прав меньшинств, а также принцип консенсуса, который является «основой взаимодействия между всеми гражданами Туниса», которые «не могут мириться с какими-либо проявлениями экстремизма и насилия»¹. В качестве одной из важнейших целей политики государства провозглашалась деполитизация мечетей, невмешательство религиозных деятелей в формирование политических позиций граждан. Отделение религии от политики как один из основных принципов политической системы Туниса было закреплено в принятом в мае 1988 г. Законе № 34 «О мечетях», в котором содержится запрет на использование мечетей в политических целях (проведение там любых собраний некультового содержания).

Однако при всей демократической направленности принятых в Тунисе в конце 1980-х годов политических документов Национальный пакт не подписали некоторые крупные и значимые политические группы, прежде всего выросшая из Движения исламской направленности (ДИН) организация Ан-Нахда, во главе с известным религиозным деятелем Рашидом Ганнуши (несмотря на то что эта партия меняла свое название и внесла изменения в программу, чтобы соответствовать закону о политических партиях). Более того, даже те партии, которые официально получили легальный статус, неоднократно после подписания Национального пакта подвергались сильному давлению, а иногда и репрессиям со стороны властей.

Уже на первых выборах в феврале 1989 г. в Палату депутатов, проходивших на партийной основе, Демократическое конституционное объединение (ДКО) президента Бен Али набрало 80% всех голосов и получило все 141 место в парламенте. Накануне парламентских выборов 1994 г. была принята новая редакция Закона о выборах²: число мест в парламенте было увеличено до 163, в том числе 144 из них должны были оспариваться по мажоритарной системе, т.е. эти места отдавались партийным или коалиционным спискам, набравшим простое большинство в своих избирательных округах. На практике это означало, что 144 места в парламенте получало ДКО, а оставшиеся 19 мест должны были распределяться между «партиями меньшинства», конкурирующими между собой, уже в порядке пропорционального представительства на общенациональном уровне. Фактически все эти 19 мест (20% мест в законодательном органе) были отведены партиям легальной оппозиции. Однако, по некоторым оценкам, они не представляют 20% всего населения. Так, например, исламистское движение Ан-Нахда представляет до 15% электората,

¹ Le Pacte National. Agence Tunisienne de communication exterieure. Tunis, 1993.

² Loi organique № 90-48 du 4 mai 1990 modifiant le Code Electoral. Tunis, 1991.

но не участвует в выборах как легально признанная партия, поскольку она строит свою деятельность и программу на положениях ислама, что противоречит конституции страны. По итогам голосования партия ДКО набрала 97,73% голосов и получила 144 места в парламенте, в то время как легальные оппозиционные партии получили в общей сложности 2,27% голосов и всего 19 мест.

Правительство финансирует избирательные кампании политических партий и контролирует оппозиционные партии посредством предоставления им финансовой помощи: около 60% расходов на издание прессы оппозиции предоставляется государством, а в Законе о выборах содержится положение, согласно которому партии, набравшие менее 3% голосов, должны вернуть государству половину предоставленной им суммы на финансирование их избирательной кампании. Партии, участвовавшие в выборах, должны также оплатить расходы, связанные с печатанием их избирательных бюллетеней. Такая система приводит к острой борьбе партий за получение государственных финансов, препятствует созданию партийных коалиций и направлена на поддержание слабых и разрозненных партий.

Структурно тунисская избирательная система управляется Министерством внутренних дел, которое назначает своих представителей в муниципалитеты для составления избирательных списков. Министерство информирует избирателей о дате выборов и официальном начале избирательной кампании. Кроме того, избирательное законодательство Туниса содержит определенные ограничения. Так, например, одно из положений избирательного кодекса декларирует, что, хотя проведение митингов свободно, о них необходимо сообщать не позднее 24 часов до их проведения в Министерство внутренних дел, которое может прекращать или контролировать их проведение. Разрешено также государственным должностным лицам присутствовать на всех митингах, которые по мере необходимости могут быть приостановлены или запрещены. Все кандидаты на выборные должности могут выступать на радио и телевидении со своими программами, но предварительно должны подать специальную заявку в Министерство внутренних дел и получить ответ не позднее 30 дней до президентских выборов и 15 дней до парламентских. Все печатные объявления кандидатов до их массового распространения должны быть обязательно представлены генеральному прокурору и в Министерство внутренних дел.

До последнего времени ДКО оставалась не только господствующей партией, но и сохраняла унаследованный от прошлого мобилизационный характер своей партийной организации и практики политического действия, а ее структуры пронизывали все тунисское общество. Ключе-

вые полномочия на местном уровне находятся в руках назначаемых центральными властями глав административно-территориальных единиц¹.

Конституция Египта предусматривает свободное создание общественных объединений и устанавливает, что политическая система (этот термин употребляется в конституции) носит многопартийный характер. В Египте действует несколько законов, регулирующих статус различных видов объединений (в том числе отдельные законы о разновидностях профсоюзов). Несколько законов касаются деятельности партий. Основным из них является Закон «О политических партиях» 1977 г. (с последующими изменениями). Согласно Закону партии должны быть национально-демократическими по своему характеру, созданными с целью политического представительства граждан. Они должны использовать демократические средства и действовать на основах соучастия в функциях власти, вносить вклад в социально-экономический прогресс страны на основе социального единства, сохранения достижений рабочих и крестьян, достижений союза трудовых сил народа и социалистических завоеваний. Цели партий не должны противоречить принципам шариата, революций 1952 и 1971 гг. (в последнем случае имеется в виду поворот курса страны, осуществленный Анваром Садатом после смерти президента Насера). Они не могут быть отделениями зарубежных партий, а вновь создаваемые партии не должны повторять названия и цели уже существующих.

Накануне первых парламентских выборов при Х. Мубараке, в 1983 г., вступил в силу Закон № 114, согласно которому выборы в парламент стали проводиться только по партийным спискам и на основе пропорционального представительства, что привело к неучастию в избирательном процессе независимых кандидатов и позволило получить правящей Национально-демократической партии (НДП) большой контроль над избирательным процессом. Кроме того, было сокращено количество избирательных округов со 175 до 48, а партия могла пройти в парламент только при условии получения 8% от общего числа поданных голосов, в результате чего партия власти получила 391 место из 448, а оппозиционные партии смогли набрать только 27% голосов. В 1986 г. Верховный конституционный суд рассмотрел дело по иску оппозиционных партий и вынес решение, что Закон о выборах не соответствует конституции, так как не предусматривает выдвижение независимых кандидатов, после чего Народное собрание приняло новый Закон № 188, согласно которому

¹ Эта политическая организация располагает 6713 первичными ячейками, работающими под руководством 300 городских, районных и провинциальных комитетов. Число руководителей первичных партийных организаций составляет 54 870 человек.

выборы 400 депутатов должны были проводиться по спискам в один тур и еще 48 депутатов избираться из числа лиц, чьи кандидатуры выдвинуты вне партийных списков. Однако на выборах в 1987 г. правящая партия снова завоевала большинство голосов (348 мест). В 1990 г. была отменена система голосования по спискам, и каждая партия должна была предлагать двух кандидатов (один из которых является рабочим или феллахом). В новом парламенте независимые кандидаты получили 79 мест, а правящая НДП — 360 мест (при бойкоте оппозиционных партий).

Перед выборами 1995 г. количество избирательных округов было снова увеличено с 48 до 222, поэтому оппозиционные партии вследствие ограниченности их возможностей не смогли выставить кандидатов в каждом округе. Недовольство оппозиции вызывало и то, что контроль за проведением выборов осуществлялся не судьями, а государственными чиновниками. Партия власти в этом парламенте получила 417 мест.

После решения Верховного конституционного суда о судебном контроле за избирательным процессом выборы в парламент 2000 г. было решено провести в три этапа, перемещая судей (из-за их нехватки) из одной провинции в другую на все 40 тыс. избирательных участков страны, в результате чего процесс голосования растянулся до трех недель. Такое растянутое во времени голосование дало власти возможность эффективно контролировать ход выборов и оперативно вмешиваться в процесс голосования в случае необходимости (что и предпринималось неоднократно с целью воспрепятствовать голосованию сторонникам исламской оппозиции)¹, в результате чего НДП получила 388 мест (85%), а партии легальной оппозиции смогли провести в парламент только 16 кандидатов.

Таким образом, частое принятие поправок в процедурную часть избирательного процесса позволяет власти на протяжении более чем двадцати лет формировать нужный состав парламента и закреплять за Национально-демократической партией статус правящей.

Конституция Сирии закрепляет за Партией арабского социалистического возрождения (ПАСВ) роль руководящей силы «общества и государства», возглавляющей Прогрессивный национальный фронт, что стало специфической особенностью сирийской политической системы, способствовавшей установлению эффективной вертикали государственной власти и созданию единого партийно-государственного механизма, где правящая партия выступает центром, в котором формируется внутренняя и внешняя политика государства.

¹ См.: Видясова М. Ф., Умеров М. Ш. Египет в последней трети XX века. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. С. 129.

Прогрессивный национальный фронт (ПНФ) в Сирии был сформирован 7 марта 1972 г. В него вошли подписавшие его Хартию партии и движения, которые рассматривались официальными властями как «организационные структуры, имеющие длительную историю борьбы и выступающие как реально и эффективно действующие организации на арене внутривластного действия»¹. В состав ПНФ вошли те политические партии и организации, которые по многим параметрам своего исторического прошлого и условиям своего возникновения и деятельности могли рассматриваться в качестве близких ПАСВ (Арабский социалистический союз (АСС), Сирийская коммунистическая партия (СКП), Движение юнионистов-социалистов (ДЮС), Движение арабских социалистов (ДАС)). Все эти партии рассматривались как активные поборники идей социальной справедливости, антиимпериализма, антисионизма и арабского единства. При этом Устав ПНФ предполагает, что председателем центрального руководства этой организации может быть только генеральный секретарь ПАСВ, являющийся одновременно и президентом страны, а его Хартия предполагала разработку «общей политики Фронта» и «обращение к массам с едиными директивами». Только председатель Фронта мог назначать и проводить заседания его руководящего органа, подписывать решения (которые рассматривались в качестве обязательных для всех участников Фронта), толковать их и контролировать их исполнение. Поэтому ни одна из небаасистских партий, вошедших в его состав, не могла вести собственную партийную деятельность, создавать собственные ячейки в рядах армии и вооруженных силах (что преследуется по закону), а также действовать в студенческой среде; кроме того, ни одна из этих партий не может выступить в ходе избирательной кампании с собственным списком кандидатов в депутаты. Свободой деятельности небаасистские партии пользовались только «в рамках своих организаций». При этом отделения самой ПАСВ в вооруженных силах действуют на основе специального закрытого Устава, фактически независимы от регионального руководства и находятся в прямом подчинении президента страны как генерального секретаря партии и главнокомандующего сирийской армией.

Кроме того, ПАСВ построена по территориально-производственному принципу на базе демократического централизма: партийные комитеты, созданные в каждой провинции (мухафазе), координируют деятельность всех партийных организаций (кроме армейских) в данной мухафазе и подчинены региональному руководству.

¹ Гучетль Г. И. Демократизация в арабском мире: Опыт Туниса и Сирии. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999. С. 99.

Важно также отметить, что, имея официальный статус правящей партии и руководящей силы в государстве, реальное положение ПАСВ и ее роль в системе институтов государственной власти и в политическом процессе страны усиливались особенностями самого режима: Хафез Асад занимал посты президента страны, генерального секретаря Общеарабской ПАСВ, генерального секретаря ЦК сирийской ПАСВ, главнокомандующего вооруженными силами САР, а также председателя Центрального руководства ПНФ.

Поэтому, с учетом вышесказанного, положение небаасистских партий в сирийском парламенте не демонстрирует какой-либо тенденции к эволюции.

Законосовещательная власть

Как уже было отмечено, в последние годы в аравийских монархиях наметилась серьезная тенденция к расширению полномочий Консультативных советов и значительному изменению процедуры их формирования и функционирования (отечественный востоковед Г. Г. Косач уже именует эту структуру в Саудовской Аравии как «протопарламент»¹). И если еще недавно важной особенностью консультативных органов являлось отсутствие обязательной юридической силы их решений и рекомендаций, а общей чертой служило их неучастие в рассмотрении законодательных актов, принимаемых между сессиями, то в настоящее время такой статус этих Советов сохранился только в Саудовской Аравии и ОАЭ, в других же монархиях — их функции значительно расширились.

Консультативные советы (Советы шуры) в таких странах, как Оман и Катар, трансформировались в своего рода парламентские структуры, ставшие фактически центром представительской власти за счет введения всеобщих выборов с предоставлением активного и пассивного избирательного права женщинам (Оман) и значительного расширения их прерогатив, что пролегает в русле поиска совершенно новых форм взаимодействия и взаимопонимания между властью и народом. Реформируя институты власти сверху и постепенно сближая их с современными формами демократического управления, правящие кланы таким образом добиваются того, что политический режим обретает в глазах населения большую устойчивость, большую легитимность, а следовательно, и большую юридическую защищенность.

В Катаре Консультативный совет действует с 1972 г. В настоящее время деятельность Совета шуры в Катаре претерпела качественную

¹ См.: Косач Г. Г. Саудовская Аравия: Внутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990-х — 2006 г.). М.: Институт Ближнего Востока, 2007. С. 134.

трансформацию и довольно подробно регламентируется новой Конституцией (2003 г.), что придает этому законосовещательному органу значительно более высокий и юридически стабильный статус. Совет шурь состоит из 45 членов, 30 из которых избираются путем прямого, всеобщего и тайного голосования, а 15 человек назначаются эмиром из министров или других лиц. Срок пребывания в Совете назначенных министров заканчивается, если министры уходят в отставку или освобождаются со своих постов.

Согласно новому Основному закону, на Консультативный совет возлагаются теперь функции законодательной власти; он также одобряет общую политику правительства, бюджет страны и осуществляет контроль над исполнительной властью. Если эмир вводит в стране чрезвычайное положение, то Совет должен быть оповещен о таком декрете в течение 15 дней после его издания, а если Совет не заседает, то он должен быть проинформирован об этом на своем первом заседании. Каждый член Совета может предлагать законопроект, который передается в соответствующий комитет для детального изучения и рекомендаций, после чего представляется для рассмотрения в Совет. Если последний принимает это предложение, он передает его уже в форме законопроекта со своими поправками. Любой законопроект, принятый Советом, представляется эмиру для ратификации. В случае отказа эмир возвращает его в Совет в течение трех месяцев с момента получения с мотивированным объяснением. Если же Совет одобряет законопроект вторично большинством в $\frac{2}{3}$ всего состава, то эмир обязан ратифицировать и промульгировать этот закон. Однако в чрезвычайных обстоятельствах эмир может приостановить действие закона на период, который он считает необходимым для «реализации высших интересов страны».

Конституция устанавливает, что Совет «может выразить правительству свою заинтересованность в общественных делах», при этом, если правительство не способно удовлетворить этот интерес, оно должно объяснить причины. Каждый член Совета может задать вопрос любому министру или премьер-министру по проблемам, входящим в его компетенцию, и дать комментарии к полученному ответу. Любой член Совета при поддержке $\frac{1}{3}$ своих членов может представить интерpellацию министрам по вопросам, входящим в их компетенцию, а каждый министр несет ответственность перед Советом за деятельность своего министерства. Голосование о доверии министру обсуждается по требованию самого министра или 15 членов Совета, поддержанному большинством в $\frac{2}{3}$ его членов. Министр покидает свой пост с даты утверждения резолюции о недоверии его деятельности. Согласно статье 144 Конституции,

$\frac{1}{3}$ членов Совета шуры, так же как и эмир, может предлагать поправки к одной или нескольким статьям Конституции. Даже в период действия чрезвычайного положения, когда может быть приостановлена Конституция, Совет шуры продолжает свои заседания в соответствии с законом, и неприкосновенность его членов не может быть нарушена.

Консультативный совет в Омане в 1996 г. был преобразован в двухпалатный орган; функции между двумя палатами были распределены следующим образом: в компетенцию назначаемого султаном Государственного совета (верхняя палата) входит обсуждение и вынесение решений по поправкам и предложениям, предлагаемые ему Консультативным советом (избираемая на всеобщих выборах нижняя палата). Предложения Государственного совета затем повторно обсуждаются в соответствующих комитетах Консультативного совета и только после согласования направляются главе государства и правительству. Таким образом, законосовещательный характер Консультативного совета Омана сохранен и его участие в подготовке проектов законов является достаточно действенным. Кроме того, Консультативный совет имеет право выступать с инициативой внесения поправок в действующие законы и принимать их большинством в $\frac{2}{3}$ голосов; заслушивать министров по вопросам, входящим в их компетенцию; требовать любую информацию от соответствующих ведомств для рассмотрения вопроса и принятия решений по нему. Отчетность государственных чиновников высшего ранга считается революционным нововведением в стране, где долгое время общение между правителем и подданными осуществлялось в одностороннем порядке: посредством фирманов, вывешивавшихся на воротах Маската. По инициативе не менее пяти членов Консультативного совета могут быть организованы дебаты по вопросам, представляющим особую значимость (обычно это касается проектов экономических и социальных законов, передаваемых правительством в Совет). Члены Совета могут предлагать поправки к ним. Голосование по законопроектам проводится сначала в соответствующем комитете, а затем в Совете в целом.

Выборный характер Советов свидетельствует не только о том, что упор делается на общественном представительстве в органах власти, но и о том, что происходит фактическое разделение задач между различными государственными структурами, т.е. между системой исполнительной власти и структурой, которая потенциально наделяется законодательными полномочиями (новая конституция Катара прямо возлагает на Совет шуры функции законодательной власти).

Вопросы политической мобилизации населения и его консолидации под эгидой правящих династий становятся приоритетом для монар-

хических режимов. И хотя монархи по-прежнему обладают необходимой полнотой власти и силой для самостоятельного и единоличного решения вопросов модернизации, идея получения общественной поддержки новым начинаниям, как условия их быстрого успеха, становится важным элементом тактики поведения правящих элит. В целом в конкретных условиях социально-политического развития монархий Персидского залива Консультативные советы могут рассматриваться как существенный прогресс на пути приобщения народа к властным структурам и выработки политических решений. Однако при отсутствии в этих государствах организованных политических групп, неоформленности общества в классы, в условиях запрета на деятельность политических партий и других инструментов для выражения определенных групп интересов консолидация выборщиков на племенной основе постепенно приобретает ту конфигурацию, которая является традиционной для племен, связанных общими территориальными, имущественными и иными интересами. Поэтому такая форма организации представительства достаточно органично накладывается на племенную структуру общества (которая по-прежнему лежит в основе государственного устройства этих стран), консолидируя его и постепенно втягивая в процессы общественной модернизации. С этой точки зрения Консультативные советы можно рассматривать и как механизм, способный не только участвовать в выработке решений, но и доводить до сведения правящих кругов информацию с мест, служить проводником региональных интересов и обеспечивать связь провинций с центральными органами.

Таким образом, Консультативные советы играют, безусловно, первостепенную роль в процессе трансформации государственных структур, с одной стороны, создавая условия для участия народа в делах управления государством, а с другой — являясь своего рода прообразом современного типа демократического устройства местного общества в перспективе. Кроме того, важно отметить и такой аспект, заложенный в идее Совета шуры, как инициирование с его помощью всего процесса общественно-политического развития, которое в предшествовавший период не опиралось на сколько-нибудь развитую институциональную базу. Втягивание стран в современную систему координат выстраивания государственности и общественного согласия требует и создания соответствующих этому курсу структур. Их цель заключается не только в простом заполнении вакуума и ликвидации дефицита связей между властью и народом, но и в продвижении в массовое сознание идей консолидации и модернизации общества, инициирования вертикальной мобильности граждан. С этой точки зрения Совет шуры приобретает ключевую роль

как механизм, способный доводить до сведения правящих элит информацию с мест, служить проводником региональных интересов, линией обратной связи с центральными органами.

Исполнительная власть

В большинстве стран мира система исполнительной власти возглавляется двумя высшими органами — главой государства и главой правительства, причем последний осуществляет главным образом текущие функции, тогда как первый — функцию верховного представительства государства. Это так называемая бицефальная (двуглавая) структура, при которой конкретное разграничение компетенции зависит от формы правления и государственного режима.

Место главы государства в системе органов власти определяется, прежде всего, формой правления: в президентской республике он взаимодействует с парламентом и судебной властью как представитель исполнительной власти; в смешанной республике нередко стоит над всеми властями; в парламентарной республике его роль вторична по сравнению с ролью главы правительства; в абсолютной монархии монарх соединяет в своих руках все важнейшие полномочия; в дуалистической он делит власть с парламентом, но при этом обладает возможностью парализовать деятельность последнего; в парламентарной монархии центр власти смещен либо к правительству, либо к парламенту, монарх исполняет в основном представительские функции, но в сложных политических ситуациях может склонить «чашу весов» в ту или иную сторону; в республике «советского типа» глава государства играл важную политическую роль не в силу конституционных положений, а тогда, когда этот пост занимал руководитель коммунистической партии.

Поэтому от формы правления и от конкретных конституционных решений зависит, какие из них глава государства осуществляет в дискреционном порядке, т.е. по собственному усмотрению, а осуществление каких нуждается в предварительном решении иных государственных органов.

Особая форма правления — *Джамахирия*, существовавшая в Ливии до 2011 г., определяла и специфику функционирования органов государственной власти, и особенности статуса главы государства — лидера революции — в Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии, за которым в Декларации об установлении власти народа был закреплен титул «революционный мыслитель, вождь и учитель». В других официальных документах, в том числе и международно-правового характера (например, Договоре о создании Союза Арабского Магриба), его официальный титул формулировался как «руководитель революции 1 сентября».

Главная характеристика руководителя СНЛАД — его деинституционализация, которая опирается на концепцию «отделения революции от власти», впервые официально сформулированную М. Каддафи в 1978 г., а затем санкционированную на чрезвычайной сессии Высшего народного конгресса (ВНК) в 1979 г., когда пять членов прежнего состава Генерального секретариата во главе с М. Каддафи заявили об уходе со всех государственных и административных постов. «Я буду вне конгрессов и секретариатов, в том числе Высшего народного конгресса. Я не буду выполнять ни исполнительную, ни административную, ни профсоюзную функцию. Я возвращаюсь к революции и ухожу от власти»¹, — заявил М. Каддафи и возглавил Революционное руководство СНЛАД, которое руководило целой системой созданных по всей стране ревкомовских штабов. Эта структура представляла, по сути, орган политической власти, формально не наделенный государственными и властными полномочиями, по существу представляющий собой механизм, который контролирует «джамахирийское народовластие».

Однако существенной особенностью института лидера революции в государственно-политическом механизме этой страны являлось то обстоятельство, что, официально заявив об уходе со всех государственных постов и выполняя функции политического и духовного руководителя, носителя высшей политической власти, М. Каддафи продолжал фактически (а иногда и юридически) осуществлять традиционные полномочия главы государства. Прежде всего это относилось к представительским функциям М. Каддафи в области внешних сношений. Как верховный представитель страны, он участвовал в важнейших международных конференциях, в работе международных организаций, осуществлял сношения с главами других государств, подписывал международно-правовые договоры (так, статья 4 Договора о создании Союза Арабского Магриба (САМ) предусматривала формирование Президентского совета в составе глав государств-участников; на этом основании, т.е. признав себя главой Ливийского государства, М. Каддафи вошел в его состав). Хартия революционной законности законодательно закрепила внешнеполитические прерогативы лидера революции, которые делегировал ему ВНК, предоставив «право принимать решения в международных организациях в интересах страны и арабской нации».

Джамахирийская теория полностью отрицала возможность единоличного осуществления законодательных полномочий. Однако лидер революции обладал достаточно широкими прерогативами в законо-

¹ Цит. по: *Козырин А. Н.* Джамахирийская политическая концепция и государственный механизм Ливии. М.: МГИМО, 1992. С. 48.

дательной сфере, которые условно можно разделить на косвенные (у М. Каддафи было право в любое время присутствовать на заседаниях ВНК, выступать с речью перед его членами, объявлять о проведении чрезвычайных сессий) и непосредственные (издание лидером революции законов в силу занимаемого им поста Верховного главнокомандующего). Ливийские авторы объясняют такое законотворчество проявлением «чрезвычайных полномочий» ливийского руководства по «защите революционных завоеваний». Попыткой законодательного закрепления таких чрезвычайных полномочий лидера революции можно считать принятие в 1987 г. Закона о мобилизации вооруженного народа, который закреплял за Верховным главнокомандующим право «объявления мобилизации вооруженного народа, как только того потребуют обстоятельства». При этом сами обстоятельства были обозначены крайне неопределенно: в случае возникновения напряженности в международных отношениях, появления опасности войны, развязывания войны, при возникновении угрозы народной власти, а также в случае стихийных бедствий и других чрезвычайных обстоятельств, угрожающих безопасности, здоровью и самой жизни населения. На практике эти функции еще более усиливались за счет так называемых «революционных чисток» и «революционного назначения», когда М. Каддафи удавалось оказывать определяющее влияние на формирование руководства народных конгрессов и народных комитетов, которые образовывали ВНК. Принятая в 1990 г. Хартия революционной законности закрепила положение, в соответствии с которым директивы лидера революции имели обязательный характер.

Лидер ливийской революции осуществлял де-факто и такие традиционные полномочия верховной государственной власти, как право помилования и амнистии. Уход М. Каддафи со всех государственных постов дал ливийскому руководителю возможность поставить себя над им же созданной джамахирийской государственной структурой, стать своего рода верховным арбитром, осуществляющим духовное и политическое руководство ливийским обществом. Такая система правления являлась уникальной и для арабских стран и не укладывалась в рамки принятых в современный период форм государственного правления в виде президентских, парламентарных или смешанных республик.

Начавшаяся гражданская война и страшная смерть М. Каддафи 20 октября 2011 г. в ходе взятия г. Сирта силами оппозиционного Переходного национального совета положили конец этой системе правления.

Глава 3. Политические системы арабских стран

* * *

Политическая система общества должна закреплять его существование в качестве целостного, интегрированного в своих основных элементах организма. Формирование политических систем в арабских странах сталкивается с проблемой складывания такого рода организма, где в настоящее время соединяются совершенно разные стадии политического развития и типы политической организации общества.

В настоящее время механизмы власти в арабских странах, с одной стороны, приспособливают политическую надстройку к глобальным тенденциям мирового развития, с другой — идет адаптация заимствованных форм политической организации к уровню развития каждой страны и особенностям национальной и исламской культуры. На этой основе функционируют и развиваются политические институты и государственные структуры арабских стран.

4

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ТУРЦИИ, ЕГИПТА, ИРАНА, ИРАКА

Что представляют собой современные мусульманские государства¹ с точки зрения организации власти и политической идентичности? Вопрос нелегкий, особенно учитывая, что ни одно из них не имело возможности осуществить эндогенный проект развития. Как известно, интернационализированная формула суверенного национального государства² пришла на мусульманский Восток извне в результате колониального давления (в XX в. великие державы повсеместно использовали ее для организации политического пространства), культурной диффузии и имитации. Однако и спустя десятилетия после обретения независимости мусульманские государства ищут пути преодоления недостаточного развития и испытывают немало серьезных проблем в области государственной *состоятельности*³ и национального строительства. При этом примордиальные (этнические, религиозные, племенные и др.) идентичности перманентно реактивируются и властью, и оппозицией.

В зависимости от конкретного случая проблемы развития могут проявляться в форме авторитаризма правления, «несимметричности» организации властных институтов, исламского радикализма, этноконфессиональных конфликтов, высокой устойчивости частных локусов власти — традиционных структур и неформальных политических механизмов, неконкурентности экономики, неразвитости социальной сферы

¹ Страны зоны распространения ислама, где мусульмане составляют большинство населения.

² Группа исследователей во главе с Д. Хелдом обозначила такие ключевые особенности национального государства: обладание территорией, неперсонифицированный политический механизм, монополия на принудительную власть, выраженное присутствие легитимности. См.: *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J.* Global transformations. Politics, economics and culture. Stanford; Cal.: Polity and Stanford univ. press, 1999 (рус. пер.: *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрею Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М.: Праксис, 2004. Р. 48–49).

³ Под государственной состоятельностью (*stateness*) понимается способность государства поддерживать свое существование, обеспечивать самостоятельное развитие, решать стоящие перед ним внутренние и внешние задачи, т.е. использовать свои прерогативы суверена.

и т.д. При этом для всех мусульманских стран результатом модернизации стало появление новых институтов, интересов, участников, ведущих борьбу за доступ к материальным и символическим ценностям, т.е. резкое нарастание требований по отношению к политической системе. После распада биполярной системы и интенсификации глобализационных процессов давление с целью продвижения институциональных реформ (демократизации) возросло как извне (со стороны мировых лидеров), так и изнутри (со стороны собственных граждан). Переживаемый ныне системный кризис, который объективно тормозит развитие глобализации, вновь увеличивает нагрузку на государство: ему необходимо поддерживать социетальное равновесие и легитимность власти в условиях роста миросистемной нестабильности.

Конечно, наблюдаемые «политические сущности» мусульманских государств различны: среди них есть исламские и официально светские государства, монархии и республики, диктатуры и демократии. Это разнообразие во многом определяется не культурно-историческими и другими «особенностями», а тем, проблематика каких исторических сюжетов модернизации¹ является для них наиболее актуальной. Вместе с тем выделить какой-то отдельный сюжет/этап, как это возможно в случае органической модернизации многих стран Западной Европы (секуляризация, конституционализация, формирование системы представительства и пр.), бывает очень непросто. Политический анализ структурного развития мусульманских стран затруднен в силу вторичности и форсированности модернизации, т.е. одновременного освоения различных эволюционных пластов.

Однако, несмотря на отмеченное разнообразие, ключевым для политического процесса во всех мусульманских государствах представляется противоборство двух основных тенденций: национальной (рационализация государства и гражданских интересов) и условно «примордиальной» (поддержание исламской, арабской, тюркской, клановой и других идентичностей).

Крах Османской империи и строительство турецкой нации

После поражения Османской империи в войне и начавшейся иностранной оккупации в Анатолии и Фракии стало разворачиваться протестное движение в форме комитетов защиты прав (местного населения),

¹ Модернизация понимается здесь как процесс перехода от традиционных к современным формам организации, принципиальной характеристикой которых выступает формирование политической инфраструктуры для преодоления кризисов развития, т.е. открытость системы.

которое привело к формированию нового парламента и правительства во главе с Мустафой Кемалем¹ (1881–1938)². Парламент (Великое национальное собрание Турции (ВНСТ)) одновременно выполнил роль конституционной ассамблеи, подготовив и приняв в 1921 г. промежуточную конституцию, которая декларировала принцип неограниченного суверенитета нации (а не султана) и закрепила законодательную и исполнительную власть за ВНСТ как «единственным и истинным» представителем нации³. В июле 1923 г. был подписан Лозаннский договор о международном признании страны — Турция получила официальный государственный статус.

Кемалисты настойчиво проводили мысль о турецкой нации как единственном носителе государственного суверенитета. Блокировать религиозно-традиционалистское противодействие удалось в том числе благодаря терминологической уловке, исходя из понятийной неоднозначности концепта *миллет*, которому Кемаль придал значение нации⁴.

Как отмечает Рифат Бали, Кемаль мыслил нацию как сообщество, сформировавшееся из лиц, которые имели общее богатое историческое наследие, искренне желали жить вместе и имели общую волю к сохранению своего наследия. Это определение турецкой нации не исключало граждан-немусульман — если они считали себя частью нации, что предполагало соблюдение трех основных условий: признание турецкого языка в качестве родного, принятие турецкой культуры и идеала тюркизма⁵. Народ становится нацией, когда обретает способность построить свое государство⁶.

В 20-х годах XX в. были упразднены султанат и халифат, принята конституция, гарантировавшая основные демократические права и свободы, введен новый Гражданский кодекс, переписанный со швейцарского, наиболее передового в Европе. Турция стала республикой с од-

¹ Фамилию Ататюрк (букв. «отец турок») М. Кемаль получил от ВНСТ в 1934 г. при введении фамилий.

² По мнению историка Д. Ливена, до 1928 г. в турецкой политике доминировала группа младотурок, из недр которой вышла большая часть идей и кадров, ставших основой республиканского движения. См.: *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVII века до наших дней. М.: Европа, 2008. С. 232–233.

³ *Teşkilâti esasiye kanunu*. 20 Ocak 1921. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.anayasa.gen.tr/1921tek.htm>.

⁴ *Барковская Е., Ионова А.* Проблемы современного государственного строительства и ислам: Опыт и уроки Ататюрка // Государственная служба. 2006. № 1. С. 134.

⁵ См.: *Bali R.* Politics of turkification during the single party period // Turkey: nationalism, post-nationalism and the European Community / Ed. by Kieser H.-L. L.; N.Y.: I.B. Taurus, 2006.

⁶ См.: *Мухамметдинов Р. Ф.* Указ. соч. С. 156.

нопалатным парламентом, из депутатов которого президент назначал премьер-министра, формировавшего правительство. Парламентские выборы были двухступенчатыми на мажоритарной основе. Инструментом массовой мобилизации стала Народно-республиканская партия (НРП), созданная в 1923 г. Курс на секуляризацию включал запрет деятельности суфийских орденов и упразднение шариатских судов. В 1928 г. из конституции была изъята статья об исламе как государственной религии. Нация была официально определена как «народ Турции, разделяющий основные принципы республики»¹.

В общественно-политической жизни был взят курс на европеизацию (т.е. туркификацию и национализацию). Чтобы преодолеть нежелание турок заниматься предпринимательством (которое традиционно считалось менее достойным делом, чем военная и государственная служба), Кемаль завел образцовое фермерское хозяйство и стал одним из акционеров Делового банка Турции. Последний шаг имел большое значение для нейтрализации положения о запрете ссудного процента в мусульманском праве². Однако государству все равно пришлось брать на себя основное бремя по развитию национальной экономики: защищать местный капитал, заниматься промышленным строительством и аграрной реформой.

Кемализм как идейно-политическая доктрина включал в себя шесть принципов: республиканизм, национализм, народность (понимаемая как равенство и отсутствие антагонистических интересов между различными общественными группами), этатизм, лаицизм, революционность (введение новых государственных институтов и традиций, которые способствуют прогрессу нации)³. В 1937 г. эти принципы были включены в конституцию.

Лидеры республиканской Турции долгое время полагали, что политической воли и ресурсов государства достаточно для «правильного» определения нации и идентичности, и мотивировали свои действия, в том числе репрессивные (направленные в первую очередь против религиозных кругов и этнических меньшинств), борьбой за демократию и секуляризм как основы современного развития. Таким образом, они целенаправленно опускали исламское измерение национальной идентичности. Не в силах дать логичное объяснение «выживанию» ислама, власти заклеили дискуссии о сочетании веры и национализма как «подрывные». Однако идеи государства, религиозного сообщества и этнической нации в случае Турции не могли быть легко отделены одна от другой.

¹ НГ — религии. М., 2008. 19 марта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://religion.ng.ru/problems/2008-03-19/4_turkey.html.

² Барковская Е., Ионова А. Указ. соч. С. 139.

³ Мухамметдинов Р. Ф. Указ. соч. С. 158–159.

Во Второй мировой войне Турция сохраняла нейтралитет¹, но фактически занимала прогерманскую позицию. Содержание крупной армии и финансовые осложнения военного времени вызвали серьезные социально-экономические проблемы, и она была вынуждена отойти от политики этатизма и принять американскую помощь. Доктрина Трумэна и план Маршалла способствовали в Турции развитию частного сектора и плюрализации, т.е. структурированию гражданских интересов. НРП как бюрократическая структура стала слабеть. В 1946 г. были образованы Демократическая (ДП) и другие партии. В 1946 г. ДП прошла в парламент, а в 1950 г. получила большинство, и ее лидер Аднан Мендерес возглавил правительство. Его курс на политическую и экономическую либерализацию включал ослабление ограничений, связанных с исламом, в частности разрешение уроков религии в школе и др.² В 1952 г. Турция стала членом НАТО.

Отход от этатизма привел к быстрому росту оппозиции, которая включала НРП, интеллигенцию, исламистов, профсоюзы, курдских националистов. Переход ДП к открытой борьбе с ней (в частности, роспуск НРП и введение запретов на общественную деятельность), а также либеральная экономическая политика вызвали широкие протесты, и на арену вышла армия, считавшая себя хранительницей традиций кемализма. С 1960 г. в политическом развитии страны началось чередование периодов прямой военной интервенции (1960, 1971, 1980 гг.), опекунской демократии и плюралистического гражданского правления. В 1961 г. была принята новая конституция, которая содержала ряд важных положений: об осуществлении национального суверенитета как непосредственно — путем выборов, так и косвенно — через полномочные органы власти; о разделении властей; о создании Сената (верхней палаты) и Конституционного суда; о социальных обязанностях государства и обеспечении социальной справедливости и др.³

Авторитарные режимы создавали условия для политической стабилизации и продолжения экономической модернизации, а разочарование населения в действиях гражданских политиков, низкий уровень жизни обеспечивали поддержку их действиям⁴. После переворота 1980 г. была проведена «деполитизация» (запрещение создания новых партий, членства в партиях для государственных служащих, военных, студентов,

¹ Турция объявила войну Германии и Японии только в феврале 1945 г.

² См.: *Ли Ю. А.* Ислам в системе образования Турции // Восток. 1998. № 6. С. 103–109.

³ Constitution of the Turkish Republic. 1961. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.anayasa.gen.tr/1961constitution-text.pdf>.

⁴ Подробнее см.: *Мирский Г. И.* Военно-гражданский «маятник» (Турция) // Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М.: Наука, 1996.

работников суда и прокуратуры, участия профсоюзных, кооперативных и других общественных организаций в политике, забастовок и др.). Совет национальной безопасности, учрежденный в 1960 г., превратился в один из важных государственных институтов, который в соответствии с новой Конституцией 1982 г. усилил свои позиции, получив полномочия по выработке рекомендаций по вопросам оборонной политики и определению источников угроз национальной безопасности.

Устойчивый порядок системы разделения властей, организации и репрезентации гражданских институтов был воссоздан ко второй половине 1980-х годов (в 1987 г. был официально снят запрет на деятельность партий, существовавших до 1980 г.). Однако с этого момента начинает происходить открытая корректировка самого концепта светского национализма, вызванная необходимостью укрепления демократической системы как таковой. В 1986 г. при праволиберальном правительстве Т. Озала (Партия отечества (ПО)) была официально одобрена идея национальной культуры, в основе которой лежит тюркско-исламский синтез, что открыло дорогу в политику религиозным сектам и исламистам¹, которые предпочитают позиционировать себя как «социальных консерваторов».

Инкорпорирование ислама в процесс национального строительства

С 1987 по 2002 г. на выборах в турецкий парламент² соперничали четыре основные политические силы: правые либералы (ПО и Партия верного пути (ПВП)), левоцентристы (Демократическая левая партия (ДЛП) и НРП), исламисты (Партия благоденствия (ПБ, *Refah*)³, впоследствии — Партия добродетели (ПД, *Fazilet*), Партия справедливости и развития (ПСР) и этнические турецкие националисты (Партия националистического движения (ПНД))⁴. Аналитики отмечают высокую фрагментацию турецкой партийной системы этого периода, проблемы

¹ См.: *Sahinler M.* Atatürkçülüğün kökeni, etkisi ve güncelliği. İstanbul: Çağdaş Yayınlar, 1998. S. 335; *Давыдов М. Н.* Деятельность турецкой религиозной секты «Нурджулар». 2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-16619.html>.

² ВНСТ состоит из 550 депутатов, избираемых на четыре года.

³ Партия благоденствия была образована в 1983 г. и стала преемницей двух последовательно запрещенных исламистских партий — Партии национального порядка и Партии национального спасения.

⁴ *Ягудин Б. М.* Эволюция парламентаризма в Турции // Мусульманские страны у границ СНГ. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2001. С. 193–195.

политической идентичности и идентификации партий, их слабую организационную структуру и, как следствие, распространенность перехода депутатов из одной парламентской фракции в другую¹.

Неолиберальная модернизация, начатая в 1980-х годах, т.е. превращение экономики в открытую конкурентную систему, привела к свертыванию предпринимательской деятельности государства и соответственно государственного патернализма. Это имело важнейшие последствия с точки зрения укрепления политических позиций исламской идеи: *во-первых*, многопартийность стимулировала политическое участие «снизу» и ислам заполнял вакуум, образовавшийся после подавления левых сил в 1980 г.; *во-вторых*, либералы (как и впоследствии левоцентристы) не могли «обойти» ислам как важнейший инструмент социополитической регуляции; *в-третьих*, неблагоприятные изменения в положении традиционалистских слоев, особенно в деревне, расширяли базу поддержки оппозиции; *в-четвертых*, войны на Балканах и Кавказе, углубление культурных расколов, культурный натиск глобализации стимулировали цивилизационный ответ. Имелись и прямые причины внешнего характера: планы европейской интеграции были негативно восприняты значительной частью предпринимателей, особенно представителями среднего капитала в центральных и восточных районах страны, которые боялись конкуренции с европейскими производителями и отстаивали более «национальный» и протекционистский курс. Таким образом, ислам стал выражением и политико-экономической ориентации. Ассоциация независимых производителей и предпринимателей, объединявшая эти слои, составила главную опору ПБ, которая благодаря этому могла вести широкую благотворительную деятельность через муниципалитеты.

В результате ПБ одержала победу на парламентских выборах 1995 г. (21,38% голосов) и в 1996 г. сформировала коалиционное правительство с участием ПВП. Политика коалиции носила противоречивый характер. С одной стороны, премьер-министр Неджмеддин Эрбакан объявил о создании «Группы развития восьми» (Турция, Иран, Египет, Пакистан, Бангладеш, Индонезия, Малайзия, Нигерия) в качестве нового мусульманского экономического блока, разместил внутренние займы на несколько миллиардов долларов, с другой — сохранял официальный курс на вступление в ЕС. Публично он высказывался в пользу заимствования у западной цивилизации наиболее ценных и полезных завоеваний, в частности в области демократии и прав человека. Пред-

¹ См.: Шлыков В. И. Эволюция партийной системы Турции в период Третьей Республики (1983–2007) // Турция на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. и сост. И. В. Зайцев, Н. Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2008.

выборные обещания социальной справедливости были принесены в жертву новым проектам приватизации, направленным на оживление экономики. В ответ начались забастовки, с критикой позиций Эрбакана выступила часть членов ПБ, группировавшихся вокруг неофициальной газеты «Акит». Возможно, неопределенность курса ПБ была результатом коалиционных компромиссов.

В 1997 г. под давлением военных коалиционному правительству пришлось уйти в отставку¹, однако исламисты зарегистрировали новую Партию добродетели², которая вышла на третье место в досрочных парламентских выборах. До 2002 г. у власти находились коалиционные правительства с участием либералов, левоцентристов и националистов, что свидетельствовало о дисперсии политической власти. Для парламентской республики слабая коалиция означает невозможность проведения ответственного и эффективного политического курса.

В 2002 г. резкое ухудшение экономической ситуации, коррупция во властных структурах, безработица, а с внешней стороны — осложнение отношений Турции с ЕС и кризис вокруг Ирака привели к распаду правящей коалиции во главе с левоцентристами (ДЛП) и победе на внеочередных выборах ПСР (34,43%)³ во главе с Реджепом Эрдоганом, которая в 2007 г. уверенно повторила свой успех (46,58%).

Наличие пропорциональной избирательной системы и высокого (10%) заградительного порога позволило в 2002 г. пройти в парламент только двум партиям (ПСР и НРП), а в 2007 г. — трем (ПСР, НРП и ПНД)⁴. Всего в настоящее время в Турции существует более 60 партий (в последних выборах принимали участие 14). ПСР смогла консолидировать власть и создать однопартийное правительство. Президент страны, который является главой государства и обладает широкими полномочиями, до 2007 г. избирался парламентом — квалифицированным большинством в $\frac{2}{3}$ голосов (им был избран член ПСР Абдулла Гюль). Чтобы преодолеть кризисные ситуации, связанные с отсутствием кворума для избрания президента (так произошло в 2007 г.), ПСР провела через парламент поправку о всенародных президентских выборах.

¹ Партия благоденствия запрещена Конституционным судом в 1998 г. за нарушение конституционных положений относительно секуляризма; в 2003 г. Европейский суд по правам человека отменил этот запрет.

² Партия добродетели запрещена Конституционным судом в 2001 г. за нарушение конституционных положений относительно секуляризма.

³ Основана в 2001 г.

⁴ Такая избирательная система не позволяет пройти в парламент небольшим партиям, в частности курдским.

Среди сторонников ПСР — не только сельская периферия и социальные маргиналы города, но и средние городские слои, предприниматели, поднявшиеся на волне либерализации 1980-х годов, университетская молодежь, молодая турецкая технократия, воспринимающие исламскую идеологию не вопреки, а вследствие своей вестернизированности, националисты, разделяющие идею «Великого Турана». Основные идеологические принципы ПСР — социальный консерватизм, демократия, исламские ценности и экономический либерализм.

Таким образом, Турция в своем развитии обрела новую точку политического равновесия: ПСР, предложив усложненную, сочетающую традиционные и демократические ценности, политическую идентичность, смогла преодолеть открытую напряженность в отношениях между государством и обществом, государством и религией и обеспечить рост политического участия, не исключая политической конкуренции¹. Формирование толерантной публичной сферы создало как лучшие гарантии гражданских и политических прав и свобод, так и взаимную терпимость между различными сегментами турецкого общества: секуляристами и исламистами, турками и курдами, суннитами, алавитами и немусульманами. Например, исламские ценности притягивают к ПСР значительную часть курдского населения, что позволяет говорить об общенациональном характере партии. Одновременно логика политического развития (формально — требования ЕС) ведет к включению в легальный политический процесс курдских партий (Партия демократического общества (ПДО))². Для Турции этот факт имеет огромное значение, поскольку по различным историческим причинам политическая элита, особенно военные и консервативные группы в судебной и бюрократической системах, склонны связывать публичное акцентирование этнокультурных различий с социально-политической дезинтеграцией, причем эта «подозрительность» встречает широкую поддержку³. В конце 2009 г. Конституционный суд вынес решение о роспуске ПДО за «поддержку терроризма», но, как показывает опыт исламистов, это не исключает образования новых курдских партий.

¹ Результаты местных выборов 2009 г. подтверждают наличие политической конкуренции: ПСР получила 38,8% по сравнению с 41,7% на местных выборах 2004 г., НРП — 23,1 (18,2), ПНД — 16,1 (10,5). См.: *Çarkoğlu A.* Turkey's local elections of 2009: Winners and losers. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.insightturkey.com/Insight_Turkey_2009_2_Ali_Carkoglu.pdf. P. 3.

² Подробнее см.: *Мосаки Н. З.* Парламентские выборы в Турции: Предвыборная кампания Партии демократического общества. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/20-07-07b.htm>.

³ См.: *Somer M.* Ethnic kurds, endogenous identities, and Turkey's democratization and integration with Europe // *The global review of ethnopolitics*. Bath. 2002. Vol. 1. No 4.

Вестернизаторская модернизация, когда военные выступали «катализатором» реформ, постепенно выявила ограниченность старых управляемых государством партий, которые оказались неспособными активно реагировать на структурные, финансовые, ресурсные и иные кризисы турецкого общества. Вместе с тем кемалистская элита фактически подготовила корректировку модернизационного проекта, позволив обществу мобилизовать незадействованный потенциал, провести перегруппировку социально-политических сил и воссоздать жизнеспособность политической системы на демократических основах.

Конституционные основы политической системы Турецкой Республики (ТР)

Структура турецкой политической системы определена в действующей конституции, принятой на референдуме 7 ноября 1982 г.¹ В конституцию неоднократно вносились поправки. Наиболее масштабные были сделаны в 2001 г. в связи с подготовкой к вступлению в ЕС и приведением основных гражданских прав и свобод в соответствие с Европейской конвенцией о правах человека. Они касались устранения ограничений на свободу слова и выражения мнений, отмены смертной казни (за исключением преступлений, связанных с терроризмом, совершенных в условиях войны или в случае ее угрозы), сокращения сроков пребывания под стражей задержанных и арестованных лиц, запрета использования сведений, добытых незаконным путем, в качестве доказательств. Были расширены права на создание ассоциаций, проведение собраний и митингов, обеспечено полное пользование профсоюзными правами, уточнены критерии отнесения партий к «центрам антиконституционной деятельности» и порядка их запрещения (ст. 69, 149), ограничены полномочия Совета национальной безопасности (ст. 118)² и др. В 2004 г. был конституционно закреплён принцип равноправия между мужчиной и женщиной, окончательно отменена смертная казнь, расформированы суды государственной безопасности, провозглашен приоритет международно-правовых норм в области прав человека.

В преамбуле определены задачи конституции — служение идее турецкой нации и Родине в соответствии с идеей национализма и принципами Ататюрка. Статьи 1–3 не подлежат изменению: это положения

¹ The Constitution of the Republic of Turkey. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.byegm.gov.tr/sayfa.aspx?Id=78>.

² См.: *Gönenc L.* The 2001 Amendments to the 1982 Constitution of Turkey // Ankara law review. 2004. Vol. 1. № 1. Summer. P. 104, 107. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://auhf.ankara.edu.tr/journals/alr-archive/ALR-2004-01-01/ALR-2004-01-01-Gonenc.pdf>.

о республиканском строе, демократическом, светском, социальном и правовом характере государства, неделимости Турецкого государства как «территории и нации», турецком языке как государственном, флаге, гимне и столице. Статья 6 констатирует, что суверенитет полностью и безоговорочно принадлежит нации. Статья 11 провозглашает верховенство и обязательную силу конституции.

Разделы о правах человека и их гарантиях соответствуют, как отмечалось выше, европейским стандартам. Положений о правах меньшинств конституция не содержит. Установлено, что никакой язык, кроме турецкого, не должен преподаваться в качестве родного языка турецким гражданам в любых образовательных учебных учреждениях (ст. 42), что дискриминирует курдское меньшинство. Согласно статье 66, каждый, кто связан с Турецким государством узами гражданства, является турком.

Политические партии признаны неотъемлемым элементом демократической политической жизни, но судьи и прокуроры, члены высших судебных органов, государственные служащие в общественных учреждениях и организациях, другие государственные служащие, не обладающие статусом рабочих, военнослужащие и учащиеся средних учебных заведений не могут быть их членами. Членство в политических партиях преподавательского состава высших учебных заведений и студентов регулируется особым законом. Государство обеспечивает политические партии необходимыми финансовыми средствами на равной основе (ст. 68).

Конституция закрепляет принцип разделения властей. Она возлагает законодательную власть на Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) (ст. 7), исполнительную — на президента и Совет министров (ст. 8), судебную — на независимые суды (ст. 9).

ВНСТ имеет одну палату и состоит из 550 депутатов, избираемых гражданами Турции путем прямого тайного голосования сроком на 4 года. Депутаты пользуются парламентским иммунитетом. Парламентские выборы основаны на пропорциональном представительстве, определяемом на уровне провинций. Используемый метод определения пропорциональности депутатских мест числу полученных голосов (метод д'Ондта) и высокий заградительный порог (10%) способствуют успеху крупных партий. К участию в выборах допускаются независимые кандидаты; избирательные блоки запрещены¹.

Основные функции ВНСТ — принятие, изменение и отмена законов; наблюдение за деятельностью Совета министров и министров; наде-

¹ Parliamentary Election Law No 2839 (1983, lastly amended 1995). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.legislationline.org/search/runSearch/1/topic/6/country/50/rows/10/type/1>.

ление Совета министров полномочиями принимать по определенным вопросам правительственные постановления, имеющие силу закона; обсуждение и одобрение проекта бюджета; вынесение решения об объявлении войны; ратификация международных соглашений и др. (ст. 87). ВНСТ осуществляет контрольную деятельность посредством постановки вопросов, парламентских запросов, общих дискуссий, интерpellации¹ и парламентских расследований (ст. 98). Право законодательной инициативы принадлежит депутатам и Совету министров.

Президент является главой государства. Он избирается всенародным голосованием по мажоритарной системе на 5 лет из числа депутатов ВНСТ старше 40 лет с высшим образованием или из числа других турецких граждан, которые удовлетворяют этим требованиям и соответствуют требованиям, предъявляемым к депутатам (ст. 101 с поправками 2007 г.). Одно и то же лицо не может занимать этот пост более двух сроков подряд. Если избранный президент является депутатом ВНСТ или членом партии, то он утрачивает депутатский статус и должен выйти из партии, чтобы проводить объективную и независимую политику.

Основные обязанности и полномочия президента:

- созывать ВНСТ, когда это необходимо;
- промульгировать законы;
- возвращать законы в ВНСТ для повторного рассмотрения;
- обжаловать в Конституционном суде положения законов, постановлений, имеющих силу закона, на том основании, что они не соответствуют конституции;
- назначать новые выборы;
- назначать премьер-министра и принимать его отставку, назначать и освобождать министров от должности по предложению премьер-министра;
- осуществлять контроль над Советом министров либо созывать Совет министров под своим председательством всякий раз, когда это необходимо;
- созывать Совет национальной безопасности и осуществлять контроль над ним;
- назначать членов Конституционного суда, одну четвертую членов Государственного совета, главного прокурора и др. (ст. 104).

¹ *Интерpellация* — обращение к правительству или отдельному министру требование группы депутатов дать объяснение по поводу проводимой им внутренней или внешней политики или по какому-либо конкретному вопросу; интерpellация отличается как от устных, так и от обычных письменных запросов прежде всего процедурой внесения и правовыми последствиями.

Все президентские постановления, кроме тех, которые президент имеет право принять без подписей премьер-министра или соответствующего министра в соответствии с положениями конституции и других законов, подписываются премьер-министром, и соответствующие министры несут ответственность за эти постановления.

Конституция предусматривает возможность импичмента: президент может быть привлечен к ответственности за государственную измену по предложению не менее $\frac{1}{3}$ от общего числа членов ВНСТ; решение считается принятым, если за него проголосовало не менее $\frac{3}{4}$ от общего числа депутатов (ст. 105).

Совет министров состоит из премьер-министра и министров. Премьер-министр назначается президентом из числа членов ВНСТ. Министры выдвигаются премьер-министром и назначаются президентом из числа членов ВНСТ или из лиц, соответствующих определенным требованиям, предъявляемым к депутатам. Правительственная программа Совета министров зачитывается премьер-министром или одним из министров перед ВНСТ в течение недели с момента формирования кабинета, после чего проводится голосование о доверии правительству. В период исполнения служебных обязанностей премьер-министр может запросить ВНСТ о восторге доверия.

С точки зрения взаимодействия парламента, президента и правительства ТР является президентско-парламентской республикой. Правительство подотчетно как президенту, так и парламенту, но у первого больше возможностей влиять на его функционирование.

Суды независимы при выполнении своих обязанностей, они принимают решения в соответствии с Конституцией, законом и правом, согласно своей совести и внутренним убеждениям (ст. 138). К судам высшей инстанции относятся Конституционный суд¹, Высший апелляционный суд, Государственный совет (суд высшей инстанции для административного судопроизводства), Высший военный апелляционный суд, Высший военный административный апелляционный суд, Суд по урегулированию разногласий (уполномочен принимать окончательные решения в спорах между судебными органами и административными и военными судами относительно их юрисдикции и решений).

¹ Турецкое законодательство наделяет Конституционный суд широкими полномочиями по закрытию политических партий; например, в 2008 г. был рассмотрен иск генерального прокурора о закрытии правящей партии — ПСР по обвинению в нарушении принципа секуляризма в связи с одобрением ВНСТ правительственного законопроекта об отмене запрета на ношение хиджаба в стенах высших учебных заведений. Решение ВНСТ было аннулировано, а для роспуска партии не хватило одного голоса.

Важным органом является существующий под руководством министра юстиции Высший совет судей и прокуроров, который рассматривает вопросы, касающиеся утверждения в профессии, назначений, продвижения по службе, отстранения от обязанностей и др. (ст. 159).

Турция — унитарное государство. Деление республики на административно-территориальные единицы производится по смешанному принципу, учитывающему географическое положение, экономическую ситуацию, а также требования коммунального обслуживания. Вся территория страны разделена на 81 провинцию, которые разделены на более низкие административные единицы — округа, муниципалитеты, села.

Конституционные основы политической системы Арабской Республики Египет (АРЕ)

Структура египетской системы власти определена в конституции 1971 г.¹ В конституцию трижды вносились поправки (наиболее масштабные — к 34 статьям — в 2007 г.). Одни поправки отразили изменение социально-экономической ситуации в стране по сравнению с насеровской эпохой (были изъяты упоминания о социализме, союзе трудящихся и ведущей роли государственного сектора в экономике), другие касались политических прав граждан, избирательной системы, мандата президента, борьбы с терроризмом и некоторых других вопросов.

Статья 1 провозглашает АРЕ демократическим государством на основе гражданства², а египетский народ — частью арабской нации. Ислам является государственной религией, арабский язык — государственным, а принципы шариата — *главным* источником законодательства (ст. 2). Суверенитет принадлежит народу, источнику власти (ст. 3). Политический строй опирается на многопартийность; не разрешается никакая политическая деятельность или создание партий на основе религии и ссылок на религию или дискриминации по признаку пола или происхождения (ст. 5)³.

К основам общественного устройства отнесены: социальная солидарность; равенство возможностей; семья как основа общества; равенство женщины и мужчины «без нарушения положений шариата»; приверженность общества моральным нормам и исконным традициям, включая высокий уровень религиозного воспитания и патриотизм; право

¹ Дустур Джумхурийат Миср аль-Арабийя.

² Ранее было: АРЕ — демократическое социалистическое государство на основе союза трудящихся.

³ Эта статья, измененная в 2007 г., прямо ограничивает деятельность «Братьев-мусульман».

на труд и обязанность трудиться; право на занятие публичных должностей; государственные гарантии медицинских, культурных и социальных услуг; право на образование при обязательном начальном образовании; религиозное образование как основной предмет программы общего образования и др.

К основам экономического устройства отнесены: плановая организация экономики; государственный контроль над производством¹; право граждан на долю национального дохода в соответствии с трудом или «неэксплуаторским владением собственностью»; право рабочих на участие в управлении предприятиями и долю в прибыли; забота государства о кооперативных хозяйствах; общественная собственность как собственность народа; защита частной собственности, которая не должна быть представлена «эксплуаторским капиталом»; ограничение размера землевладений законом и защита крестьян и др. Таким образом, несмотря на проводимую экономическую либерализацию, Конституция сохраняет элементы социалистической риторики.

К общим правам и свободам отнесены: равенство перед законом; недопущение дискриминации по признаку расы, этнического происхождения, языка, религии и убеждений; право на личную свободу и неприкосновенность; защита личного достоинства; запрет причинения морального и физического вреда; неприкосновенность жилища, невмешательство в частную жизнь, тайна переписки, переговоров и др.; свобода вероисповедания; свобода выражения мнений; свобода прессы; свобода научных исследований; свобода передвижения; свобода мирных собраний без предварительного уведомления; право на создание профсоюзов; защита окружающей среды²; защита национального единства; право участвовать в выборах и референдумах и др.

Конституция гарантирует верховенство закона, независимость и иммунитет судей, презумпцию невиновности, право на защиту, право на рассмотрение дела судом, возбуждение уголовных дел только по решению органов юстиции, информирование о причинах ареста или задержания и др.

Главой государства является президент, который «стоит на страже суверенитета народа, Конституции, верховенства закона, защищает национальное единство и социальную справедливость и следит за соблюдением разделения властей во имя блага Родины» (ст. 73). Он избирается всеобщим прямым тайным голосованием на 6 лет с правом неограниченного переизбрания. Кандидатура на этот пост должна быть

¹ Ранее было: контроль народа над всеми средствами производства.

² Это положение заменило пункт о защите и утверждении целей социализма.

поддержана 250 депутатами Народного собрания (НС), Консультативного совета (КС) и провинциальных легислатур. Само выдвижение может быть осуществлено только зарегистрированной политической партией, с момента основания которой прошло не менее 5 лет, причем номинант должен входить в высшее руководство партии по крайней мере в течение года. Такая формулировка, одобренная в 2007 г., практически лишает «Братьев-мусульман» возможности выдвигать своих кандидатов в президенты и в принципе исключает появление «неожиданных» претендентов.

Статья 74 обязывает президента принимать срочные меры в случае угрозы национальному единству, безопасности Родины или конституционной деятельности государственных институтов. При этом он должен выступить с обращением к народу и назначить референдум для одобрения принятых мер в течение 60 дней с момента их введения. Поправка 2007 г. ограничила его чрезвычайные полномочия лишь необходимостью принимать во внимание мнение председателя Совета министров и председателей НС и КС, а также запретом роспуска парламента в период осуществления этих мер.

Президент имеет право объявлять чрезвычайное положение (ст. 148).

Президент совместно с кабинетом определяет основные направления политики государства и руководит ее осуществлением (ст. 138), назначает и освобождает от должности премьер-министра (других членов правительства — по согласованию с премьер-министром) (ст. 141), имеет право созывать заседания Совета министров и присутствовать на них (ст. 142), имеет право роспуска Народного собрания «в случае необходимости» (ст. 136) (новые выборы должны быть назначены не позднее 60 дней с момента его роспуска).

Президент имеет право созыва внеочередной сессии НС и ее закрытия (ст. 102).

На первой сессии заседания НС президент выступает с речью, определяющей основные направления политики государства; он также может делать любые другие заявления перед парламентом (ст. 132).

В случае отсутствия НС у президента есть право принимать решения, имеющие силу закона (ст. 147). Конституция предусматривает возможность отставки президента по обвинению в государственной измене или уголовном преступлении, поддержанном не менее чем $\frac{2}{3}$ депутатов НС.

Правительство определено в статье 153 как высший исполнительный и административный орган государства.

Законодательная власть принадлежит Народному собранию, которое утверждает общую политику государства, генеральные планы

социально-экономического развития и государственный бюджет (последний — по статьям), а также осуществляет контроль за деятельностью исполнительной власти (ст. 86). Депутаты должны обсуждать программу деятельности Совета министров, которую премьер-министр представляет после формирования кабинета и на заседании открытия очередной парламентской сессии. Они имеют право направлять главе и членам кабинета вопросы и интерpellации, на которые те обязаны предоставить ответ, а также выражать свое мнение по проблемам публичного характера. По инициативе не менее чем двадцати депутатов НС может проводиться общие дискуссии с целью уточнения отдельных вопросов правительственной политики. Парламент имеет право решать вопрос о доверии всем членам кабинета, кроме премьер-министра, в отношении которого действует особая процедура, предусматривающая участие президента (ст. 127). Таким образом, НС имеет определенные возможности контроля над исполнительной властью, но право президента распускать парламент значительно ослабляет их.

Право законодательной инициативы принадлежит каждому из членов НС и президенту (ст. 109). НС вправе отказаться от рассмотрения законопроекта или его изменений.

Народное собрание избирается на 5 лет и должно иметь в своем составе не менее 350 членов, из которых не менее половины должны быть из рабочих и крестьян (ст. 87). 10 членов НС назначаются президентом (обычно из представителей религиозных меньшинств и женщин), остальные до 2007 г. избирались по сложной мажоритарной системе. Последняя поправка к ст. 62 разрешает переход от мажоритарной к мажоритарно-пропорциональной системе выборов (т.е. и на пропорциональной основе по партийным спискам, и на мажоритарной — в одномандатных округах), что должно увеличить число депутатов от партий и, соответственно, уменьшить число независимых. Такое изменение — прямое ограничение электоральной активности «Братьев-мусульман», которые лишены возможности зарегистрироваться в качестве партии (см. выше ст. 5).

В настоящее время НС состоит из 454 членов. На следующих парламентских выборах в ноябре 2010 г. их число увеличится до 518 благодаря введенной в 2009 г. квоте для женщин (64).

До 2007 г. статья 88 предусматривала проведение выборов под контролем членов судебных органов, который осуществлялся, как было разъяснено решением Конституционного суда 2000 г., на каждом избирательном участке (это должно было уменьшить число возможных нарушений). На следующих выборах судебный контроль перейдет к новым «общим комиссиям», которые займут промежуточное место между

Высшей избирательной комиссией и комиссиями на участках. Главная роль в организации выборов принадлежит Министерству внутренних дел.

Консультативный совет, или Совет шуры, решение об учреждении которого было принято на референдуме в 1979 г., избирается на шесть лет с частичными выборами каждые два года. Он должен состоять не менее чем из 132 членов, треть которых назначается президентом. Официально он не является верхней палатой парламента. Тем не менее поправки 2007 г. предоставили ему определенные законодательные полномочия.

Функции КС — подготовка и внесение предложений, необходимых для сохранения национального единства и социального мира, защиты устоев общества и его высших ценностей, прав и свобод граждан; одобрение предложений о внесении изменений в конституцию и законопроектов конституционного характера; одобрение договоров о мире и союзе, всех договоров, касающихся изменений территории страны и затрагивающих ее суверенные права (ст. 194). Остальные функции имеют чисто консультативный характер.

Конституция устанавливает, что судебная власть независима и осуществляется только судом. Каждый судебный орган самостоятельно управляет своими делами (ст. 173). Судебная система состоит из Высшего конституционного суда, Кассационного суда (Верховного суда), Государственного совета (общий суд по административным вопросам), судов первой инстанции, апелляционных судов, судов государственной безопасности и др. Деятельность всех судов, включая назначение, повышение и перевод судей, курирует Высший судебный совет, состоящий из судей и сотрудников судебных органов. По его рекомендации президент производит назначение судей. Судьи несменяемы и уходят в отставку по возрасту.

В стране действуют также религиозные суды, которые занимаются вопросами брака, личного статуса и наследства.

Поправками 2007 г. был отменен институт Социалистического общественного прокурора, задачей которого было принятие мер для защиты прав человека и государственной и общественной безопасности. Статья в новой редакции возлагает ответственность за охрану порядка и борьбу с терроризмом на государство и разрешает президенту передавать дела по обвинению в терроризме в любой суд по его усмотрению (в том числе в военные суды). Многие юристы считают, что это положение нарушает статью 68 о праве гражданина на рассмотрение его дела судом на основе естественного права (т.е. по очевидным основаниям, невзирая на политическую обстановку, волю властей или личность обвиняемого).

Конституционный анализ показывает, что Египет — президентская республика с доминирующей исполнительной властью, слабым парла-

ментом и относительно самостоятельной судебной системой. Президент играет главную роль в политическом процессе; его «чрезвычайный мандат» очень широк. Поправки 2007 г. относительно политических партий и избирательной системы максимально сокращают политическую состязательность.

Египет является унитарным государством и административно разделен на 29 провинций.

Египет: национализм и ислам

На современном этапе национализм в Египте имеет форму лояльности государству, что обусловлено не только восточной традицией, но и тем, что оно одно способно обеспечить единство и относительную стабильность, аккумулировать ресурсы для модернизации. Поскольку в отсутствие автономных гражданских структур не может быть устойчивой власти демократического типа, у власти находится гражданская (ассоциируемая с государством в целом) бюрократия. При президенте Гамале Абдель Насере на волне великой идеи национального освобождения и в силу внешнеполитических обстоятельств идейным «приводом» развития стали строительство арабского социализма и единого арабского отечества. Президент Анвар Садат, не обладавший ни пассионарностью, ни материальной базой для продолжения «революционных преобразований», в целях поддержания социального равновесия был вынужден опереться на ислам. Одновременно ислам стал идейной основой и формой проявления гражданской политической активности «снизу».

Президент Хосни Мубарак продолжил прагматический курс Садата. Проведение структурных экономических реформ и поддержание политической стабильности потребовали от него сохранения авторитаризма в сочетании с осторожной либерализацией. В официальном дискурсе одновременно присутствуют элементы либерального национализма¹, арабизма, социализма и ислама. Контроль над идейно-политической сферой привел к застою не только в политической, но и в культурной жизни. В стране резко упали число и тиражи издаваемых газет, журналов, книг.

Мусульманские общины остаются реально действующими социальными организациями, которые могут обеспечить лояльность индивидов, служить надежными сетями политической коммуникации и участвовать в урегулировании возникающих конфликтов. Этим обусловлено и влияние исламистских организаций как автономной оппозиционной

¹ Еще раз отметим, что статья 1 Конституции определяет Египет как государство, основанное на гражданстве.

силы. По имеющимся оценкам, доминирующим элементом в египетской идентичности остается арабо-мусульманская — с преобладанием либо арабского, либо исламского элемента¹.

При оценке свободных выборов, расширения парламентского представительства и создания неправительственных организаций следует учитывать, что доминирующая политическая культура арабских стран предполагает скорее не открытую конкуренцию, а кооптацию во власть представителей патримониальных структур ради поддержания национальной консолидации «без размежевания». Таким образом, они слабо способствуют формированию гражданской идентичности. Большинство египтян, в свою очередь, голосуют не за партийные программы или идеологию, а за тех кандидатов, которые, как они полагают, обеспечат им определенные услуги. Последние понимаются даже не как общественные блага (новые дороги, школы, канализация и др.), а как услуги населению избирательного округа на индивидуальной основе (помощь в поиске работы, получении лечения и др.). Уровень электоральной активности в стране низок: например, в парламентских выборах 2005 г. принимали участие менее 28% избирателей, президентских — менее 24%². Агрегация интересов преимущественно через патрон-клиентские связи определяет статичность политического процесса.

На основе предвыборных обещаний Мубарака (2005 г.) можно было предположить, что противостояние между государством и умеренными исламистами при условии устойчивого экономического роста и социального развития институционализируется и станет фактором развития политической системы и постепенного преодоления фрагментации. Однако конституционные поправки 2007 г. поставили заслон как эволюции «Братьев-мусульман» в политическую партию, так и их широкому участию в национальных выборах. Следует отметить, что вопрос о создании партии широко обсуждался в Ассоциации, особенно среди членов ее парламентского блока. Звучали предложения разделить функции между будущей партией и АБМ: первая должна была сосредоточиться на политической деятельности, вторая — на религиозной.

Новая политическая платформа «Братьев» (2008 г.) имела выраженный консервативный характер, что во многом является реакцией на политику властей. Она лишь в общих чертах касается вопроса о характере будущей партии. Среди предложений — учреждение выборного органа из числа

¹ См., например: *Халиль М.* Проблемы идентичности в современном египетском обществе // *Россия и мусульманский мир.* 2009. № 10.

² *Shehata S.* Inside an Egyptian parliamentary campaign // *Political participation in the Middle East* / Ed. by E. Lust-Okar, S. Zerhouni. L.; Boulder: Lynne Rienner publishers, 2008. P. 114.

мусульманских ученых, обладающего правом отвергать законопроекты, не отвечающие нормам мусульманского права, в ходе предварительных консультаций с премьер-министром и президентом, а также допуск только мусульман к высшим постам в системе исполнительной власти.

Таким образом, современный Египет оказался в идейно-политическом тупике. Именно этим и объясняется политический крах «Братьев-мусульман» после прихода их к власти на короткий период. Для развития гражданской национальной идеи и участия нельзя обойтись без признания многообразия египетского общества и усиления самостоятельности политического процесса. В условиях отсутствия влиятельной светской оппозиции политические элиты решили пригласить во власть «Братьев-мусульман», политический потенциал которых не оправдал ожиданий. Репрессивные меры вызывают рост консервативных тенденций в АБМ и углубляют противостояние. Очевидно, оно может быть преодолено только с обновлением правящей элиты и появлением фигур, понимающих значение диалога с исламскими политическими силами и заинтересованных в нем. Но возможно и возвращение военных во власть, т.е. частично попятное движение и возвращение египетского общества к тому периоду, которые вроде бы уже был им пережит и преодолен.

Иран в первой половине XIX века: улемы и власть

С конца XVIII в. Иран находился под властью тюркской династии Каджаров (1796–1925), воспринявшей персидские обычаи и язык. Сточки зрения этнического состава в стране преобладали персы (более 60%), которые были основной массой оседлого населения. Сельские оседлые жители составляли примерно половину населения, а вторая половина поровну распределялась между горожанами и кочевниками (тюрки, курды, луры, белуджи, арабы и др.), пользовавшимися полной автономией: племена повиновались лишь своим старейшинам, которые имели право собирать налоги и вершить правосудие¹. Определенной самостоятельностью обладали городские кварталы и ремесленные цехи.

Центральная администрация представляла собой правительство двора. Министрами были либо выходцы из шахской семьи, либо лица, близкие к ней. Они не обладали необходимыми навыками управления и занимались самоуправством. Армия состояла из тюркской личной охраны и грузинских рабов, т.е. не являлась «общеиранской»². Таким

¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / Под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. С.-Петербург: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898: В 86 т. Т. XXIII. Полутом 45. С. 383–384.

² См.: *Lapidus I. M.* Op. cit. P. 469–470.

образом, режим Каджаров не был консолидирован и держался на сложной системе принуждения, подкупа и сделок.

Иран — религиозно-гомогенная страна: доля шиитов равнялась 90%, суннитов — 9%, немусульман (персы, армяне, евреи и др.) — 1%¹. Шиизм был объявлен государственной религией в начале XVI в. при Сефевидях (1499–1722) и объединил не только персов, но и тюрок. Доминирующим направлением стал двенадцатеричный шиизм, стержнем которого является догмат о пребывании «в сокрытии» двенадцатого шиитского имама, исчезнувшего в 873–874 гг., и его будущем возвращении в качестве Мессии. Согласно доктрине, в сокрытии имам продолжает управлять мусульманской общиной, а его волю должны выполнять доверенные лица. Этот принцип изначально чреват конфликтом легитимностей: на роль доверенных лиц всегда претендовали высшие шиитские авторитеты (улемы), а шахи не могли мириться с ролью их последователей, как предписывалось всем членам общины, и притязали на теократическую власть.

С конца IX в., после исчезновения имама, в шиизме стали возникать различные доктрины относительно источников религиозного знания. Преобладающими были две точки зрения: сторонники первой (*ахбариты*) полагали, что единственным источником религиозного знания и права могут быть «предания» (араб. *ахбар*), переданные со слов непогрешимых шиитских имамов, и что самостоятельные суждения несоместимы с их авторитетом. Вторые (*усулиты*) допускали умозрительную аргументацию и признавали четыре источника права (араб. *усуль аль-фикх*): Коран, сунну, *иджма'* (согласное мнение исламских авторитетов по вопросам, не урегулированным в прямой форме Кораном и сунной) и *'акль* (разум), что стимулировало развитие теологической науки и резко повышало влияние улемов². При Каджарах возобладали усулиты, среди которых к XIX в. выделился высший слой — *муджтахиды*³ со своей внутренней субординацией.

В истории Ирана положение улемов не было неизменным. Когда первый сефевидский шах Исмаил (1501–1524) объявил себя не только

¹ Энциклопедический словарь... С. 383; к настоящему времени религиозный состав страны практически не изменился: шииты — 89%, сунниты — 10%, немусульмане — 1%. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mideastweb.org/countries.htm>.

² Ghazzal Z. The 'Ulama': Status and function // A companion to the history of the Middle East / Ed. by Y. M. Choueiri. Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. P. 80–81.

³ *Муджтахид* — лицо, имеющее право выносить самостоятельные суждения по вопросам богословско-правового комплекса; статус муджтахиды подразумевает знание определенного курса наук, безупречный нравственный и духовный облик, завоевание авторитета у шиитской верхушки и общины (через письменное распространение собственной интерпретации традиций ислама, толкование шариата, критические выступления, проповеди, дискуссии).

правителем государства, но и духовным главой шиитов, прямым потомком праведного халифа Али через седьмого шиитского имама Мусу аль-Казима¹, им пришлось смириться и занять подчиненную позицию.

Не так обстояло дело при Каджарах. Будучи кочевого происхождения, они остро нуждались в поддержке улемов для религиозной легитимации власти. Чтобы создать опору в кругах духовенства², шахская элита заигрывала с шиитской верхушкой, предоставляя ей официальные должности, жалованье, пенсии, земли, а также финансировала религиозные учреждения и боролась с суфийскими орденами и «еретическими» движениями, из которых наиболее мощными были восстания бабидов³.

Автономное положение шиитских авторитетов обеспечивали доходы от вакфных земель, контроль над религиозными фондами, торгово-предпринимательская деятельность⁴, поступления от верующих, а также расположение шиитских духовных центров вне Ирана — в священных городах Неджеф, Кербела, Аль-Казимейн и Самарра (Ирак). До начала попыток модернизации высшие улемы предпочитали избегать активного вмешательства в политические дела, сосредоточившись на теологических и духовных вопросах. По-другому вела себя наиболее многочисленная прослойка духовенства низших степеней, имевшая тесные связи с народом: она не боялась выражать недовольство злоупотреблениями власти.

Поскольку шиизм в исламской традиции всегда был религией меньшинства и часто объединял под своими знаменами недовольных и обездоленных, у шиитов сформировались особое чувство сплоченности и готовность переносить испытания во имя веры, поддерживаемые преданиями о мученической гибели всех одиннадцати шиитских има-

¹ Алиев А. А. Иран vs Ирак: История и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 417.

² По мнению ираниста Е. А. Дорошенко, в Иране в силу исторических особенностей установления шиизма клерикальная организация имела более выраженный церковный характер по сравнению с суннитскими странами, а статус шиитских улемов подпадал под определение духовенства; она также называет их «социально-корпоративным словом». См.: *Дорошенко Е. А.* Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998.

³ Основоположителем бабизма был Сейид Али-Мохаммад (казнен в 1850 г.), который в кругу своих последователей объявил себя Бабом, или «воротами сокрытого имама», посланником Махди (Мессии) и обещал народу более ясное и полное откровение вместо Корана; основные предписания Баба основывались на принципах справедливости, победы добра над злом, всеобщего равенства, изгнания притесняющих народ правителей и улемов с раздачей их имущества бабидам.

⁴ Шиитское духовенство обладало привилегией заниматься любым видом деятельности, в том числе торговой, и при этом не облагалось налогом.

мов. Особыми траурными ритуалами они отмечают день гибели внука Пророка и имама Хусейна (626–680), который не принял «неправильной» власти омейядского халифа Язида и пал в неравной битве от рук его воинов. Шиитские авторитеты допускают сокрытие веры в случае опасности (араб. *такыйа*) и сотрудничество с нешиитскими властями.

Психологическое и эмоциональное воздействие шиитских традиций очень велико. Мечеть в Иране всегда оставалась центром не только религиозной, но и общественной жизни. Наиболее важным центром была мечеть базара, которая формировала настроения широких масс. В мечетях, как и в домах особо почитаемых духовных лиц, имеющих по традиции статус неприкосновенности, можно было укрыться от преследований шаха и его администрации («засесть в бест»)¹.

Проникновение в Иран иностранных держав и неудачная попытка реформ

С XVIII в. Иран стал объектом экспансии России и Великобритании. В результате войн к России отошли Грузия, Дагестан, Северный Азербайджан, Восточная Армения. Она установила контроль над Каспийским морем и получила преференции в торговле. Англо-иранские договоры были изначально направлены против России и Франции и регулировали военно-торговые отношения двух стран. После неудачной войны с Великобританией 1856–1857 гг. Иран был вынужден признать независимость Герата и Афганистана.

Как и в Османской империи, проникновение европейцев и военные неудачи подвигли каджаров на реформы — прежде всего армии и государственного управления. Первая попытка модернизации была предпринята при Насер ад-Дин-шахе (1848–1896). Ее организатором стал один из самых образованных людей страны Мирза Мохаммед Таги-хан, назначенный главой правительства. Перестройка военной системы предусматривала ее централизацию, регулярное снабжение войск и введение квот на поставку рекрутов от каждого населенного пункта или племенной территории, а реформа государственного аппарата — его укрепление, формализацию по российскому образцу и борьбу с коррупцией. Были предприняты шаги по секуляризации управления (ограничение юрисдикции улемов путем введения новых судов справедливости², сокраще-

¹ Дорошенко Е. А. Указ. соч. С. 42.

² Постепенно каджарские шахи (как и османские султаны) создали двойную юридическую систему, в которой улемы играли значительную роль как интерпретаторы мусульманского права, а государство поддерживало параллельную систему административной юстиции, основанной на обычае.

ние числа мест беста, меры по контролю над религиозными фондами). Правительство даже попыталось запретить траурные церемонии в знак скорби по имаму Хусейну.

Среди других важных начинаний следует отметить упорядочение бюджета, строительство современных фабрик и заводов, в том числе военных, поддержку сельского хозяйства, культуры, образования и здравоохранения. В 1851 г. для подготовки офицеров и чиновников был открыт Дар оль-Фонун — первое училище светского типа, где преподавали как иранцы, так и европейцы. Появилась первая официальная газета, открылась государственная больница¹.

Реформы вызвали жесткое противодействие со стороны улемов и консервативных кругов шахского окружения. В результате интриг Таги-хан был умерщвлен (1852 г.)². Однако его преобразования дали толчок развитию образования и просветительства. С 1858 г., когда было учреждено Министерство наук, стала практиковаться посылка лучших учащихся для продолжения обучения в Западной Европе³. В 1870—1880-х годах были открыты школа по изучению иностранных языков, педагогическое и военное училища. В стране появился новый слой вестернизированных интеллектуалов, которые считали модернизацию единственным эффективным путем экономического развития и противостояния иностранному проникновению.

Вместе с тем ни правительственные, ни «интеллектуальные» реформаторы не оказывали большого воздействия на общество в целом. Новации интересовали очень небольшую группу чиновников двора, публицистов, получивших западное образование, и немногочисленную буржуазию, которая появилась благодаря торговле с Западом и была задействована в посреднических операциях. Шах, зависящий от русской и английской помощи и считавший государственные доходы личной собственностью, не имел серьезного стимула искать независимый путь развития. Племена сопротивлялись централизации управления, а улемы — секуляризации. Эти факторы обусловили и неудачу дальнейших попыток реформ.

В последней трети XIX — начале XX в. европейское присутствие продолжало расширяться. О размахе английских планов дает возможность судить печально знаменитая концессия барона де Рейтера (1872 г.), кото-

¹ Amīr Kabīr, Mīrzā Taqī Khan // Encyclopædia Iranica. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://iranica.com/articles/amir-e-kabir-mirza-taqi-khan-1222-68-1807-52-als-o-known-by-the-titles-of-atabak-and-amir-e-nezam-chief-minister-to-naser-al-din-shah-for-the-first-four-years-of-his-reign-and-one-of-the-most-capable-and-innovative-figures-to-appear-in->

² Алиев А. А. Указ. соч. С. 485.

³ Дорошенко Е. А. Указ. соч. С. 58.

рая предусматривала монопольную эксплуатацию большинства отраслей хозяйства страны в течение 70 лет. Она вызвала резкое недовольство как улемов, выступивших против распродажи иранских ресурсов, так и России и была аннулирована шахом. Выступления протеста подготовили почву для «национального» бойкота монопольной табачной концессии, предоставленной английской компании в 1890 г. Но и Великобритания, и Россия имели множество других концессий. В Иране были основаны английский Шахиншахский (1889 г.) и русский Учетно-ссудный (1890 г.) банки, причем первый получил право на выпуск бумажных банкнот. В 1901 г. англичанин Д'Арси получил эксклюзивные права на разведку, добычу, продажу и экспорт иранской нефти на 60 лет; в 1909 г. была основана Англо-персидская нефтяная компания. На кабальных условиях были получены английский (1892 г.) и российский (1900 и 1902 гг.) займы¹. Инструментом политического влияния России стала персидская казачья бригада, созданная по просьбе шаха российскими офицерами в 1879–1880 гг. Прямой иностранный контроль над Ираном установлен не был, но де-факто он превратился в полуколонию России и Великобритании.

Развитие национального самосознания, революция 1905–1911 гг. и принятие конституции

В конце XIX в. в Иране распространялись издаваемые за границей газеты, в которых критиковались деспотизм шаха, иностранное вмешательство, религиозная система образования и выдвигались требования политических свобод. Молодое поколение иранцев этого периода воспитывалось на переводах произведений западного, в первую очередь французского, просветительства². В стране действовали оппозиционные тайные общества, среди членов которых традиционное недовольство религиозного и экономического характера переплеталось с идеями конституционализма. Знакомство с опытом европейских парламентских государств, осуществлявшаяся модернизация Османской империи и Египта вызывали мысли о необходимости политических изменений. Среди видных сторонников реформ можно назвать Мирзу Мальком-хана (1833–1908), Мирзу Ага-хана Кермани (1853–1896), Арефа Казвини (1882–1933).

Мальком-хан, выходец из принявшей ислам армянской семьи, получил образование в Тегеране и Париже и много лет провел на дипломатической службе в Европе и Стамбуле, занимаясь в то же время

¹ Concessions (*emīāzāt*) // Encyclopædia Iranica. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iranica.com/articles/concessions-emptiazat-grants-by-a-state-to-citizens-ali-ens-or-other-states-of-rights-to-carry-out-specific-economic-act>.

² Дорошенко Е. А. Указ. соч. С. 59.

литературной и общественной деятельностью¹. С 1890 г. он несколько лет издавал в Лондоне газету «Канун» («Закон»), где отстаивал идеи конституционной монархии, парламентской ассамблеи и реформ западного типа. Мальком-хан одним из первых понял необходимость привлечения к борьбе за реформы духовенства, которое одно могло обеспечить широкую поддержку низших и средних слоев².

Публицист Кермани придавал огромное значение историческому и культурному наследию Ирана, призывал молодежь к его освоению и резко критиковал деспотизм шаха (как он писал, Иран — это «прекрасная невеста», имеющая «уродливого и злого мужа»³). Он разделял идеи мусульманского реформатора Джамала ад-Дин аль-Афгани, понимая панисламизм как антиимпериалистическую доктрину, которая должна пробудить национальную гордость и поднять народ на сопротивление Западу.

Политические гражданские романы поэта Арефа Казвини, основателя этого жанра, не только призывали к свободе, но и содержали сильный антитурецкий и антиарабский заряд (например, сопоставляя «иранскую расу» с турками, он уподоблял ее «шелковому ковру» по сравнению с «соломенной циновкой»)⁴.

В целом воззрения иранских просветителей-модернистов отличались дуализмом: призывы к либеральным реформам, европейскому прогрессу, современному государству в силу исторических обстоятельств сочетались с выраженным антизападничеством, подчеркиванием культурного превосходства Ирана над соседями и призывами к паниранизму.

Еще одной формой проявления роста национального самосознания стали движения самоопределения народов Ирана, особенно в Азербайджане, Курдистане и Гиляне. Их участники выступали как против господства иностранных держав, так и против правительства в Тегеране. В 1900-х годах в Тебризе при активном участии бакинских социал-демократов была основана социал-демократическая партия, куда влились многие рабочие-отходники.

¹ В 1858 г. Мальком-хан под влиянием французских идей создал в Иране первое тайное общество масонского типа с восточной символикой, участникам которого вменялось в обязанность совершать благие дела, прилагать усилия для борьбы с гнетом, поддерживать знания и науки и т.д.; шах знал о деятельности общества, но закрыл его только в 1861 г., что свидетельствует об абстрактном характере поставленных целей. См.: *The Cambridge History of Iran*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991: 8 vols. Vol. 7. P. 184–185.

² *Дорошенко Е. А.* Указ. соч. С. 62.

³ *Political thought and political history: Studies in memory of Elie Kedourie* / Ed. by M. Gammer, J. Kostiner, M. Shemesh. L., Portland: Frank Cass Publishers, 2003. P. 145.

⁴ *Ibid.*

Идеи аль-Афгани, который в 1880—1890-х годах неоднократно бывал в Иране, сыграли большую роль в привлечении духовенства к участию в тайных обществах. Мыслитель призывал к объединению светской и духовной оппозиции в борьбе против засилья иностранцев¹. В 1896 г. его преданный последователь Мирза Реза Кермани застрелил Насер ад-Дин-шаха, которому наследовал сын Музаффар ад-Дин (1896—1907), человек болезненный и как правитель гораздо менее способный и решительный².

Либерально настроенные улемы поддержали идею об ограничении власти правителя Консультативным советом. Следует особо отметить, что их политический союз с прогрессивной интеллигенцией имел беспрецедентный характер. Во многом он объяснялся тем, что они выступали за конституционализм отчасти по заблуждению, а отчасти по тактическим соображениям. Одни трактовали парламент как традиционный исламский суд справедливости, другие полагали конституционализм формой ограничения тирании шаха, третьи видели в нем путь институционализации собственной власти и надеялись получить через него доступ к политическому управлению.

Агитация в пользу конституции достигла своего пика в 1905—1906 гг. Ухудшение экономического положения страны и назначение бельгийского чиновника министром почт и телеграфа, главой таможни и т.д. вызвали широкие протесты в Тегеране и других городах. Торговцы и ремесленники закрывали базары, видные улемы издавали фетвы и использовали «тактику беста», требуя отставки главы правительства и созыва «дома справедливости» для разбора жалоб на основе закона. В стране формировались революционные советы (*энджомены*). Летом 1906 г. шах был вынужден подписать указ о созыве парламента³. 30 декабря 1906 г., за несколько дней до его смерти, была принята первая Иранская конституция (Основной закон), которая официально оставалась в силе до 1979 г. Она содержала ряд общих положений о созыве, составе, порядке работы и роспуске парламента (Национального консультативного совета, или Совета шуры). Предусматривалась верхняя палата — Сенат⁴. Совет был наделен законодательной властью, правами

¹ The Cambridge History of Iran. P. 193—195.

² Ibid. P. 198—199.

³ Избирательный закон предусматривал избрание 156 депутатов на двухлетний срок из представителей всех сословий, включая духовенство; в 1909 г. число депутатов было снижено до 120, отменено разделение населения по группам, смягчены имущественные требования и снижен возраст избирателей (с 25 до 20 лет). Elections. i. Under the Qajar and Pahlavi monarchies, 1906—1979 // Encyclopædia Iranica. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iranica.com/articles/elections>.

⁴ Не был образован до 1950 г.

законотворческой инициативы, утверждения международных договоров и концессий, контроля над национальными ресурсами, налогами, правительственными расходами и бюджетом (что было одной из основных целей конституционалистов). Провозглашались равенство всех жителей страны перед властью и законом, свобода прессы и ассоциаций, светское обучение (наряду с религиозным).

Однако обстановка в стране продолжала оставаться напряженной. Во всех провинциях отмечались анархия и грабежи, шах и губернаторы атаковали *энджомены* в столице и провинциях. На севере страны сформировались отряды *федаев* — вооруженных защитников конституции и парламента. Беспорядки и народная активность усиливали консервативные настроения улемов.

В 1907 г. было принято Дополнение к Основному закону, которое стало наиболее важной его частью. Статья 26 декларировала принцип народного суверенитета («власть государства исходит от народа»), а статья 27 — принцип разделения властей. Законодательная власть была закреплена за шахом и парламентом, *энджомены* получили некоторые административные и совещательные полномочия. Шах провозглашался главой исполнительной власти и Верховным главнокомандующим. Статья 35 гласила, что власть передана монарху в «доверительное управление (араб. *вадия*)» народом. Депутаты получили право вынесения вотума недоверия как отдельным министрам, так и кабинету в целом.

В то же время статья 1 объявляла ислам шиитского толка официальной религией, статья 2 гласила, что законы, утвержденные «Десницею сокрытого имама и милостью Его величества шахиншаха», никогда не должны входить в противоречие со священными принципами ислама. Предусматривалось создание в парламенте особого комитета из не менее чем пяти *муджтахидов*, которые наделялись правом отвергать законы, противоречащие исламу, вплоть до появления сокрытого имама. Был сохранен дуализм судебной системы (шариатские и гражданские суды). Пресса, ассоциации и образование должны были соответствовать духу ислама (ст. 18, 21).

Принятие конституции было только этапом затяжного политического противостояния. В 1907 и 1908 гг. шах использовал казачью бригаду для роспуска парламента. В 1909 г. вступление в Тегеран революционных отрядов привело к низложению нового шаха и передаче власти его малолетнему сыну. Конституционалисты вновь взяли власть, но во второй конституционный период (1909—1911 гг.) коалиция между либеральными реформаторами и улемами начала разваливаться из-за противоречий по поводу роли ислама, земельной реформы и системы образования. Среди

депутатов выделились два лагеря — умеренно либеральный и демократический, которые стали считаться партиями¹.

Ультиматум России, потребовавшей прекращения работы в Иране американской миссии Мориса Шустера, приглашенного для реорганизации финансов и налоговой службы, и введение российских войск в 1911 г. привели к новому роспуску парламента и подавлению революции. В 1912 г. дестабилизированный шахский режим признал действенной англо-российскую конвенцию 1907 г. о разделе сфер влияния в Иране на российскую (северную), английскую (юго-восточную) и нейтральную (центральную) зоны.

События 1905–1911 гг. привели к существенным политическим изменениям: это конституция, современные политические институты (парламент и партии), опыт массового политического участия. Сама революция, в отличие от мятежей и восстаний прошлого, также была явлением современным: она установила связь между различными движениями протеста, воздействовала непосредственно на политический центр, была организованной и имела идейную основу. Ее достижениям способствовали слабость центральной власти и высокий уровень организации среди улемов, племен, гильдий и местных сообществ.

Автократия Пехлевидов: реформы Реза-шаха (1925–1941)

В Первую мировую войну Иран соблюдал нейтралитет, но на его территории решали свои военно-стратегические задачи Россия, Османская империя, Великобритания и Германия. Внутриполитические проблемы Ирана усугубляли неуравновешенность нового молодого шаха², частая смена правительств, выступления племен и этнический сепаратизм.

После большевистской революции 1917 г. влияние Великобритании стало доминирующим: по соглашению 1919 г. она получила право реорганизовать иранскую армию, направлять своих советников в государственные учреждения Ирана и финансировать экономическое развитие страны. С другой стороны, Советская Россия поддерживала освободительные движения в Гиляне³ и Азербайджане и коммунистические организации в Тебризе и Тегеране.

В целях урегулирования отношений с соседними государствами и в соответствии с провозглашенным большевистским правительством

¹ The Cambridge History of Iran. P. 206.

² При вступлении на престол в 1909 г. последнему каджарскому шаху Ахмеду было 12 лет.

³ В Гиляне была провозглашена Советская республика.

отказом от империалистической политики в 1921 г. РСФСР заключила с Ираном весьма выгодный для него договор о дружбе, который усилил позиции страны в борьбе против английского влияния¹. Советские войска из Гиляна были выведены.

В феврале 1921 г. в результате правительственного переворота, совершенного командиром персидской казачьей бригады Реза-ханом, в Иране после долгого периода финансового и административного хаоса появилось сильное правительство. Реза-хан стал военным министром и получил ключевые позиции в руководстве². Парламент незамедлительно ратифицировал договор с Россией; англо-иранское соглашение 1919 г. было отклонено. Английские военные и финансовые советники были высланы, а британские части на юге страны расформированы. Протесты против экономической империи Великобритании сплотили иранцев вокруг нового режима.

За несколько лет Реза-хан произвел реорганизацию армии и секретных служб. Признанный народом как лидер переворота 1921 г., он постепенно становился воплощением духа национальной гордости и самоутверждения. Ему удалось подавить основные сепаратистские движения и выступления племен. К 1925 г. всесильный министр заставил парламент провозгласить себя главнокомандующим. Какое-то время он по примеру Мустафы Кемаля склонялся к идее республики³, но в шиитском Иране она вызвала сильнейшую оппозицию. Тогда, опираясь на созданную им партию «Таджеддод» («Обновление»), Реза-хан добился согласия парламента на низложение династии Каджаров и созыв Учредительного собрания, которое провозгласило его шахом — основателем новой династии Пехлеви.

Взяв фамилию Пехлеви (фамилии, как и в Турции, стали обязательными для всех иранцев, а титулы были отменены), шах связал себя с древним доисламским Ираном: Карин-Пахлевиды (Пехлеви) были одним из знатнейших аристократических семейств Персии, по легенде, ведущих свое

¹ Одновременно Россия обеспечила свои интересы, получив очень важное право вводить свои войска в Иран в случае возникновения опасности для ее собственных границ или территории ее союзников.

² Согласно исследованиям историка Гевина Хэмбли, переворот был альтернативным путем достижения целей англо-иранского соглашения 1919 г. — политической стабилизации, отвечающей региональным интересам Британской империи. В его осуществление был вовлечен командующий английскими частями генерал Айронсайд, который, оказывая давление на шаха, добился увольнения всех русских офицеров из персидской казачьей бригады и назначения ее командиром Реза-хана, человека волевого и честолюбивого. Однако, даже если это было и так, Реза-хан никогда не обнаруживал благодарности к своим покровителям. См.: *The Cambridge History of Iran*. P. 219–220.

³ *Васильев Л. С.* История Востока. М.: Высшая школа, 2001. Т. 2. С. 160.

происхождение от Аршакидов, царей Парфии¹. Это слово пробуждало и другие исторические ассоциации: парфянский период (250 г. до н.э. — 227 г. н.э.) был ознаменован победами над греками и римлянами².

Стремясь преодолеть отставание от западных держав, новый шах приступил к форсированной модернизации страны. Его реформы были типичными: централизованная администрация, сильная армия³, заложение основ индустриальной экономики, введение европеизированных образовательной и правовой систем.

Опираясь на армию и бюрократию, главных акторов модернизации традиционных обществ, шах преодолел оппозицию улемов, купцов и племенных вождей. Он лишил парламент самостоятельности, запретил коммунистическую партию и профессиональные союзы, ввел цензуру над прессой. Необходимую политическую поддержку ему оказали землевладельцы, которые выиграли от новых земельных законов 1928–1929 гг., легализовавших фактическое владение землей. Власть племенных сообществ и ханов, традиционно игравших роль «третьей силы» в конфликтах между правителями и религиозными кругами, была ликвидирована благодаря насильственному переводу их на оседлость.

По позициям улемов, первоначально поддержавших нового лидера в интересах борьбы с иностранным господством, были нанесены два мощных удара — на образовательном и судебном направлениях. Реза-шах создал светскую систему образования, включавшую многочисленные технические училища, и поставил религиозные школы под контроль государства. В 1934 г. был основан Тегеранский университет. Многие студенты проходили обучение за границей.

Духовенство было постепенно отстранено от руководства судебной системой. В 1928 г. шах ввел новые юридические кодексы, которые, включив в себя и западные, и мусульманские правовые нормы, вытеснили шариат⁴. Закон 1936 г. потребовал от судей получения университетской степени в области юриспруденции, что лишило улемов возможности выполнять судебные функции. В 1930-х годах судебная система была

¹ *Пахлав* на среднеперсидском языке означает «парфянин».

² См.: *Ahsan A. Sh. Renaissance in Iran // A history of Muslim philosophy / Ed. by M. M. Sharif. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1963: In 2 vols. Vol. 2. Ch. 77. P. 1534–1535. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.muslimphilosophy.com/hmp/LXXVII-Seventy-seven.pdf>.*

³ На военные цели ежегодно уходило до 33% правительственных расходов, в частности, офицерский корпус проходил подготовку во Франции. См.: *Lapidus I. M. Op. cit. P. 477.*

⁴ Судебная реформа косвенно способствовала отмене в 1928 г. режима капитуляций, выведившего иностранных граждан из-под юрисдикции иранских судов.

полностью перестроена по французскому образцу¹. Конечно, это не означало, что судебная власть стала независимой и эффективной, но свидетельствовало об усилении государства.

Одновременно создавалась инфраструктура современной экономики. Новую таможенную службу налаживали бельгийцы, налоговую — американцы. В 1927 г. при помощи немецких финансовых экспертов был учрежден Иранский национальный банк. Трансиранская железная дорога от Каспия до Персидского залива, почта, телеграф, авиаперевозки должны были «стянуть» страну, обеспечить влияние центра на провинции.

Поскольку частный сектор был слабым, а землевладельцы не имели мотивации для долгосрочных инвестиций, государство взяло на себя роль спонсора многочисленных промышленных проектов, связанных в первую очередь с развитием импортзамещающих отраслей. В рамках протекционистского курса Иран стремился нейтрализовать влияние Великобритании и России, используя немецкие инвестиции и техническую помощь².

Благодаря реформам в иранском обществе возник небольшой современный сектор, который был представлен офицерами, чиновниками, городской торговой буржуазией и новой интеллигенцией, перенявшими западные ценности и образ жизни.

Реформы шаха можно считать секулярными в том смысле, что они имели целью ослабить роль ислама в культурной сфере. Легитимировать этот процесс было призвано возрождение интереса к персидской истории. В стране развернулось изучение древних персидских языков и литературы, персидский язык очищался от иностранных заимствований, рассматривались (но не были осуществлены) проекты перехода на латиницу по примеру Турции. Правительство поощряло археологические раскопки и открыло в Тегеране национальный музей — символ былого величия Персидской державы. Проходили торжественные мероприятия в память выдающихся деятелей культуры и мыслителей прошлого: на празднование тысячелетия со дня рождения Фирдоуси в 1934 г. были приглашены востоковеды со всего мира. Новые правительственные здания проектировались немецкими архитекторами в неоперсеполисском стиле, некоторые украшались узорами из свастик³. Акцент на арийство,

¹ См.: *Lapidus I. M.* Op. cit. P. 477–478.

² В 1932 г. шах сделал попытку аннулировать нефтяную концессию Д'Арси 1901 г., но, встретив решительный отпор Великобритании (вплоть до угрозы применить силу), удовольствовался пересмотром некоторых ее положений.

³ *Ahsan A. Sh.* Op. cit. P. 1535.

которое было заимствовано из западных концепций арийского мифа, активно поддерживался Германией, стремившийся упрочить свои позиции в стране. В 1935 г. название Персия было официально изменено на Иран¹. Идея о превосходстве арийцев над другими народами легла на подготовленную почву и вполне отвечала концепции «великого Ирана в границах Сасанидского государства»². В то же время она была сфокусирована прежде всего на мидянах и персах — в ущерб другим иранским народам³.

Реза-шах стремился и к усилению присутствия страны на международной арене. Иран увеличил число дипломатических представительств, активно участвовал в международных конференциях и вступил в Лигу Наций. В 1937 г. в Тегеране (при содействии Великобритании) был заключен саадабадский пакт, оформивший создание блока Турции, Ирака, Ирана и Афганистана (Ближневосточная Антанта).

Нападение Германии на СССР резко изменило политическую ситуацию в Иране и вокруг него. В соответствии с договором 1921 г. на север страны были введены советские войска; Великобритания оккупировала юг. Известный своим прогерманским курсом Реза-шах был вынужден передать власть сыну Мохаммаду (1941—1979) и покинуть страну.

Либерализация режима и политический переворот 1953 года

Ни одна из держав-оккупантов не интересовалась политической ситуацией в стране, сосредоточившись на решении военно-стратегических задач. Личные и политические позиции нового шаха в период 1941—1953 гг. были в достаточной степени слабы⁴. Это имело результатом частичное восстановление конституционных норм и либерализацию режима: за короткий период в Иране сформировалось более десятка различных партий, появились рабочие профсоюзы, газеты и журналы разного толка. Наиболее влиятельными партиями были буржуазно-либеральная партия «Иран», Демократическая партия Ирана, националистическая «Ватан» («Отечество»)⁵, а в Азербайджане и Курдистане — коммунист-

¹ Название Иран образовано от этнонима *arya*, который относится к индоевропейским племенам, проникшим на территорию Ирана во 2-м тыс. до н.э.

² Империя Сасанидов (2-я Персидская империя) существовала с 226 по 651 г. Сасаниды называли свою державу Эраншахр — «Государство иранцев (ариев)».

³ См.: A companion to the history of the Middle East / Ed. by Y. M. Choueiri. Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. P. 324.

⁴ Дорошенко Е. А. Указ. соч. С. 142.

⁵ С 1944 г. — Партия народной воли.

тическая «Туде» (Народная партия), Демократическая партия Азербайджана (ДПА), Комитет возрождения Курдистана¹. Активизировалось и духовенство. Были созданы нелегальная террористическая организация «Федаяне ислам» («Поборники ислама») и более умеренная «Моджахедине ислам» («Сторонники ислама») антиимпериалистического и антикоммунистического характера. С 1950 г. стала функционировать верхняя палата — Сенат.

После 1945 г. главным патроном иранского режима стали США, которые в преддверии холодной войны взяли курс на создание ближневосточного барьера возможной советской экспансии. С американской поддержкой Ирану удалось добиться вывода советских войск из Южного Азербайджана, подавить сепаратистские движения² и сорвать ратификацию соглашения о создании совместной советско-иранской нефтяной компании. «Туде» и ДПА были запрещены.

Важным элементом национального самоутверждения стала для Ирана борьба за ликвидацию Англо-иранской нефтяной компании (АИНК), развернувшаяся на фоне деколонизации Британской Индии. В 1949 г. был создан Национальный фронт (НФ), лидером которого стал известный политик и депутат Мохаммад Мосаддык. Широкую поддержку масс и особенно городских и сельских мулл ему обеспечил союз с влиятельным аятоллой Сейидом Кашани, выступавшим против западного влияния и секуляризма. Как и те улемы, которые поддержали первую иранскую революцию, он считал, что ислам и политика неразделимы и духовенство не должно устраняться от решения государственных вопросов³.

В 1951 г., став премьер-министром, Мосаддык провел через парламент законопроект о национализации нефтяной промышленности. За этим актом последовала жесткая внешнеполитическая борьба: западные державы объявили бойкот иранской нефти, США отказались поддержать Иран и предоставить остро необходимый заем. Экономика, лишенная главного источника дохода, разваливалась.

В стране начались народные выступления и столкновения противоборствующих группировок (сторонников Мосаддыка, монархистов, консерваторов, левых радикалов). После провалившейся попытки смещения правительства в июле того же года Мосаддык получил от парламента чрезвычайные полномочия, которые позволили ему сбалансировать бюджет и приступить к реформам; шах находился в политической изоляции.

¹ Иран // История Востока: В 6 т. М.: Восточная литература, 2008. Т. 6. С. 371.

² В конце 1945 г. при содействии СССР были провозглашены автономные республики в Азербайджане и Курдистане.

³ Дорошенко Е. А. Указ. соч. С. 144.

Такие шаги, как расширение базы налогообложения лиц с высокими доходами и перераспределение части помещичьей доли урожая в пользу крестьян и создаваемых аграрных банков, вызвали дезинтеграцию широкой и крайне неоднородной коалиции премьера¹. Между аятоллой Кашани и кабинетом, не желавшим участия духовенства в управлении страной, произошел раскол. В борьбе за власть ЦРУ совместно с английскими спецслужбами помогло шаху и армии отстранить Мосаддыка².

Нефтяной спор был разрешен в 1954 г. путем образования Иранской национальной нефтяной компании (ИННК) и западного консорциума, включавшего АИНК³ и другие фирмы; роялти Ирана были увеличены, но консорциум удержал контроль над ценообразованием и сбытом нефти. В итоге переворота Иран утратил представившуюся возможность либерально-демократической трансформации режима, укрепления конституционализма и республиканских начал.

Восстановление автократии и «белая революция» Мохаммада Реза-шаха

Переворот 1953 г. и введение военного положения положили конец периоду открытой борьбы за власть. Режим личной власти шаха был восстановлен, хотя формально Иран оставался конституционной монархией. Шах реорганизовал и усилил армию, полицию и жандармерию; модернизация вооруженных сил проходила в рамках особых отношений с США. В 1955 г. Иран вступил в Багдадский пакт (с 1959 г. — СЕНТО). В 1957 г. с помощью ЦРУ и некоторых других иностранных спецслужб⁴ была создана Национальная организация разведки и безопасности (САВАК), которая в первую очередь занималась контролем над политической оппозицией, используя карательные методы.

В целях политической стабилизации в 1957 г. было отменено военное положение и разрешена деятельность ранее созданных либеральных партий. «Сверху» было инициировано образование двухпартийной системы — партии власти «Меллион» («Националисты») и партии лояльной оппозиции «Мардом» («Народ»), которая позволила шаху манипулировать выборами. Благодаря внесению изменений в Конституцию (1957 г.) он получил право роспуска парламента, назначения премьер-министра

¹ Наряду с частью улемов, торговцами, интеллигенцией и другими Мосаддыка поддерживала марксистская партия «Туде».

² Подробнее см.: Coup d'état of 1332 Š. /1953 // Encyclopædia Iranica. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iranica.com/articles/coup-detat-1953>.

³ В 1954 г. получила название «Бритиш петролеум».

⁴ Шах, в частности, установил тесные отношения с Израилем.

(с утверждением парламентом) и отлагательного вето. Экономическая система в этот период начала эволюционировать в сторону децентрализации и поощрения частного предпринимательства. Иран отказался от жесткого протекционизма и открыл двери иностранному импорту и капиталу¹. США в соответствии с доктриной президента Кеннеди о «перехвате революций путем опережающих реформ» оказывали Ирану значительную финансовую помощь.

Ключевым моментом преобразований середины 1960-х годов (так называемой «белой революции») стала аграрная реформа, ограничившая помещичье землевладение и землепользование. Попытки ее проведения предпринимались и ранее, но были свернуты из-за протеста как со стороны шиитских авторитетов, объявивших отчуждение частных владений несовместимым с исламом, так и со стороны парламента. Аграрный закон пришлось принимать путем референдума (1963 г.). Помимо финансируемой государством передачи изымаемых земель мелким землевладельцам и издольщикам², он предусматривал обязательное создание кооперативов. Реформа затронула и вакфные угодья.

На референдуме были одобрены и другие важные законы: о продаже государственных предприятий для финансирования аграрной реформы, об участии рабочих в прибылях предприятий, о предоставлении женщинам права голоса и допуске к государственной службе. Ударом по традиционным позициям улемов в системе образования стало решение о создании Корпуса просвещения³. В решение социально-политических и экономических задач активно вовлекалась армия — при снижении ее роли в поддержании общественного порядка. В 1971 г. был создан Корпус веры как организация, призванная вывести религиозное образование на уровень задач «белой революции» и сдерживать влияние на население оппозиционных шиитских лидеров⁴.

В результате выборов 1963 г. большинство мест в парламенте заняли сторонники реформ, которые сформировали партию «Иране новин» («Новый Иран»). Роль легальной оппозиции осталась за партией «Мардом». «Туде» и национально-либеральные партии были устранены с помощью САВАК, движения этнических меньшинств за региональную

¹ Иран // История Востока. С. 374.

² Подробнее см.: Там же. С. 377–378.

³ Имеющие среднее и высшее образование новобранцы были задействованы в борьбе с неграмотностью, профилактических медицинских мероприятиях, строительстве и др. См.: Army v. Pahlavi Period // Encyclopædia Iranica. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iranica.com/articles/army-v>.

⁴ Дорошенко Е. А. Указ. соч. С. 153.

автономию подавлены. Оппозиционная партийная деятельность переместилась за границу. В 1975 г. партийная система была преобразована в однопартийную.

Аграрная реформа была практически завершена к 1976 г. Ее результаты имели противоречивый характер, поскольку государство покровительствовало интенсивному капиталистическому хозяйству (крупные фермы-кооперативы и частный агробизнес) в условиях избыточной рабочей силы, а также отсутствия у новых собственников необходимого капитала, технологий, инфраструктуры и знаний. Это обусловило как интенсивную миграцию «лишнего» населения в города, так и отставание темпов роста сельскохозяйственного производства от темпов роста продовольственного потребления. Иран становился все более зависимым от промышленного развития.

В 1960–1970-х годах государство обеспечило почти половину промышленных инвестиций и развитие необходимой инфраструктуры. Оно поддерживало индустриальный рост протекционистскими мерами, кредитованием, выдачей лицензий. Были созданы современная банковская система и фондовая биржа. Скачок цен на нефть в 1973 г.¹ обеспечил значительный рост финансовых ресурсов, позволивших приобретать передовые технологии и технику. Иран стал участником мировой капиталистической экономики, однако его промышленные товары не были конкурентоспособны на мировых рынках в силу более низкой эффективности производства, недостаточной квалификации менеджеров и рабочей силы. Снижение сельскохозяйственного производства на душу населения, неэффективная промышленность, огромные затраты на импорт вооружений² и потребительских товаров, нефтяной бум составили комбинацию факторов, которые привели к очень высокой инфляции и снижению уровня жизни для всех иранцев, не вовлеченных в современный сектор экономики.

Проводимый политический курс предполагал не только формирование секулярного авторитарного режима, но и дальнейшую модернизацию общества по западным образцам. Была создана система социального страхования, принят закон о труде, расширены права женщин в семье,

¹ Фундаментальный сдвиг, ознаменовавший начало перехода от монополистического нефтяного «рынка» с фиксированными низкими ценами к рыночной торговле нефтью, произошел в начале 1970-х годов; формальным поводом для многократного повышения цен странами-экспортерами послужила арабо-израильская война 1973 г. и применение политики «нефтяного бойкота» против государств, поддерживавших Израиль.

² К 1972 г., еще до скачка цен на нефть, вооруженные силы достигли такого высокого качественного уровня, что стали фактором международного влияния.

открыт доступ к бесплатному образованию, включая высшее. В стране работало много западных специалистов и предпринимателей.

В идеологической сфере вновь возобладал национализм, в конструкте которого слава древних персидских династий затмевала более близкую исламскую историю. Его центральной идеей было провозглашение «вечной ценности» монархии как символа иранского духа. Своеобразным маркером этого курса стал новый календарь, по которому летоисчисление стало вестись не с года переселения пророка Мухаммада из Мекки в Медину (621 г.), а с основания Киром Великим Персидской империи.

Независимость от духовенства стала в 1970-х годах характерной чертой правительственной политики. Введение «новшеств» и социально-экономические ограничения вызвали резкое противодействие радикально настроенной части улемов. Еще в начале 1960-х годов одну из оппозиционных группировок, возбуждавших антиправительственные выступления, возглавил аятолла Сейид Рухолла Мусави Хомейни (1900–1989), который в 1964 г. был выслан из Ирана. Его лекции, записанные на кассеты, получали широкое распространение: они обсуждались на теологических семинарах и прослушивались даже в мечетях. Хомейни и его приверженцы осуждали диктатуру шаха, требовали положить конец коррупции и расточительству политической элиты, сближению с США и Израилем. В ссылке в Неджефе он имел тесные связи с высшими иракскими шиитскими улемами, в том числе великим аятоллой Мухаммадом Бакром ас-Садром (ум. 1980), основавшим еще в конце 1950-х годов Партию исламского призыва. Ас-Садр разработал и проект конституции исламской республики, в которой был обоснован принцип правления высшего шиитского авторитета как заместителя или представителя сокрытого имама¹. В 1971 г. Хомейни опубликовал работу «Исламское правление», где объявил монархию «изначально нелегитимным институтом» и развил идею исламского правления как власти божественных законов над людьми. По его мнению, в период отсутствия сокрытого имама праведный *факих* (араб., перс. — законовед, богослов) обладает авторитетом, равным авторитету Посланника и имамов, хотя уравнен с ними не в святости, а в функциях по руководству страной².

Умеренная религиозная оппозиция требовала ограничения власти шаха и восстановления прав духовенства в рамках конституции 1906 г. Большое воздействие на радикальные круги и молодежь оказал

¹ *Ас-Садр М. Б.* Лямха фикрийя тамхидийя ан машруа' дустур аль-Джумхурийя аль-исламийя фи Иран (Предварительный взгляд на конституцию исламской республики в Иране). Тегеран: Бнайяд ба, 1978. С. 18–35. На араб. яз.

² *Хомейни Р. М.* Исламское правление. Алматы: Атамур, 1993. С. 39–45.

исламский мыслитель Али Шариати (1933–1977), который понимал шиизм как религию протеста («красный шиизм») и пропагандировал решительные социальные действия в борьбе за возвращение к «Корану Али» и социальную справедливость¹. К середине 1970-х годов, несмотря на ужесточение политического контроля и мер безопасности, в Иране активизировались экстремистские группировки как марксистского, так и религиозного толка.

Народная революция 1978–1979 гг. и формирование системы «религиозного народовластия»

С первой половины 1960-х и до второй половины 1970-х годов темпы экономического роста Ирана были одними из самых высоких в мире: за 15 лет ВВП вырос в 13 раз, а доход на душу населения — в 8 и достиг 1600 долл.; в конце 1970-х годов Иран по социально-экономической структуре общества опережал Грецию и несколько отставал от Португалии и Испании, капиталистический уклад был и системообразующим, и господствующим². Однако население не смогло адаптироваться к стремительным социально-экономическим изменениям и жесткому «авторитаризму модернизации». Антишахский фронт был очень широк — от противников «вестернизирующей модернизации» («лишние» крестьяне, ремесленники, мелкая буржуазия, духовенство) до сторонников альтернативной — революционно-коллективистской модернизации, приверженцев политической либерализации и национальных меньшинств, чьи права были принесены в жертву принципу «единой иранской нации». Попыткой общества обрести новое равновесное состояние стала народная революция 1978–1979 гг., которая началась со стихийных антиправительственных выступлений, переросших в многомиллионные демонстрации. Армия, которую глубоко затронул процесс социального расслоения, не могла быть использована для восстановления порядка, а обещания демократизации запоздали. Шах был вынужден поручить формирование правительства представителю светской оппозиции Шапуру Бахтияру, тем самым фактически признав банкротство своей политики. В январе 1979 г. он покинул страну.

Правительство Бахтияра не имело ни возможностей, ни времени для преодоления системного кризиса. В феврале того же года в Иран вернулся аятолла Хомейни, который, опираясь на своих сторонников,

¹ *Shari'ati Ali*. What is to be done. Houston; Texas: Institute for research and Islamic studies, 1986. P. 45–67.

² Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки / Ред. А. З. Арабаджян. М.: Наука, 1989. С. 15–23.

сумел дать революции организационные рамки¹ и идеологию. 1 апреля 1979 г. Иран по результатам референдума был провозглашен Исламской республикой (ИРИ).

Обеспечив поддержку в Совете экспертов, избранном народом для разработки новой конституции², аятолла Хомейни сделал принцип *веляят-е факих* (перс. — правление праведного богослова) основой политической системы «религиозного народовластия». В соответствии со статьей 5 Конституции *рахбар* (верховный лидер-*факих*) осуществляет руководство *уммой* и управление делами правоверных в период отсутствия сокрытого имама³, располагая для этого необходимыми конституционными полномочиями. Пост лидера — правопреемника имамата должно занимать лицо, по своим личностным качествам близкое к непорочным имамам.

Другим важным религиозно-политическим органом стал Наблюдательный совет (НС), или Совет по наблюдению за исполнением конституции, из 12 человек, созданный для установления соответствия одобренных парламентом законопроектов исламским предписаниям и для выполнения контрольных функций в ходе выборов. Одна половина его членов назначается *рахбаром*, другая — выбирается парламентом.

Республиканскими «двойниками» *рахбара* и НС стали всенародно избираемые президент и парламент. Судебная система была исламизирована, но шариат не стал официальным законом страны. Широкие административные, полицейские и идеологические полномочия получила такая военно-политическая организация, как Корпус стражей исламской революции (КСИР); возможно, его существование восполнило отсутствие сильной массовой партии, которую трудно было создать, прежде всего, из-за выраженной фрагментации шиитского духовенства.

Аятолла Хомейни, став лидером страны, столкнулся с рядом серьезнейших проблем: экономический кризис, санкции США и ЕЭС⁴, сепаратистские движения, противоречия среди духовенства, терроризм,

¹ В преддверии возвращения аятоллы Хомейни были созданы параллельные органы власти — Исламский революционный совет (законодательный орган) и Временное революционное правительство; после падения правящего режима для ведения политической и военной борьбы были основаны Партия Исламской Республики и Корпус стражей исламской революции.

² Конституция ИРИ принята на референдуме в декабре 1979 г.

³ The Constitution of the Islamic Republic of Iran. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iranchamber.com/government/laws/constitution.php>; Конституция Исламской Республики Иран. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://constitutions.ru/archives/140>.

⁴ В ноябре 1979 г. группа сторонников исламской революции захватила посольство США в Тегеране и длительное время удерживала дипломатов, членов их семей и персонал в заложниках.

война с Ираком¹ и др. Критическая ситуация потребовала жесткой консолидации власти. В стране были созданы революционные трибуналы, фактически все партии были запрещены, началась исламизация властных структур. Провозглашение «исламской культурной революции» привело к кадровым чисткам, пересмотру образовательных и культурно-информационных программ, возрождению мусульманских традиций. Отряды КСИР строго следили за соблюдением исламских норм поведения и одежды. Новое Бюро исламской пропаганды стремилось пробудить революционный дух в других мусульманских странах, реализуя тезис Хомейни об «экспорте революции».

В экономической сфере была проведена национализация, укреплены государственный сектор и государственное регулирование, включая контроль над ценами. Одновременно поощрялось мелкое и среднее предпринимательство. В комплексе эти меры позволили удовлетворить минимальные потребности населения в условиях войны и санкций. Значительно усилило свои экономические позиции духовенство. Новым элементом социально-экономической политики стали исламские фонды, модернизированный вариант вакфов, направлявшие часть доходов на помощь беднейшим слоям. Более равномерным, главным образом за счет распределительных функций государства, стало и распределение доходов².

После окончания войны с Ираком развитие экономики стало главным фактором выживаемости режима. Разногласия в высших эшелонах власти по поводу степени государственного контроля и планирования отражали противоборство в среде иранской буржуазии. Хомейни подчинил идеологические принципы государственным интересам: выход из кризисной ситуации был найден в создании Совета по определению государственной целесообразности, задачей которого стало улаживание разногласий между парламентом, правительством и НС. Поставив во главу угла понятие целесообразности, он не только укрепил государство, но и «примирил» религиозно-идеологическую норму и рациональность.

Принцип целесообразности сделал шиитских аятолл одновременно фундаменталистами и модернистами. Чтобы преодолеть послевоенный упадок, президент Али Акбар Хашеми-Рафсанджани (1989–1997) усилил объем своих полномочий за счет упразднения поста премьер-министра и выступил за экономическую либерализацию и расширение экономических и политических свобод³. Была начата приватизация, в про-

¹ Причиной ирако-иранской войны 1980–1988 гг. были территориальные разногласия.

² См.: Иран // История Востока. С. 395–396.

³ Например, в сентябре 1991 г. в Тегеране была созвана международная конференция по правам человека.

изводственную и общественную сферу стали вовлекаться женщины. Свидетельством увеличения экономического потенциала явился рост ВВП среднегодовыми темпами 4,5–5% (1998–2008 гг. — 5,6, 2007 — 7,2%)¹. Логика экономического развития обуславливает продолжение модернизации страны.

Во второй половине 1990-х годов в политической сфере ИРИ проявились тенденции к демократизации. Как правило, их связывают с именем президента Мохаммада Хатами (1997–2005), но демократический потенциал несет в себе и сама республиканская система страны с такими по сути современными социальными институтами, как парламент, выборы (в том числе, по особой процедуре, *рахбара*), партии, независимый суд, гражданские свободы. Выборы носят альтернативный характер. Когда в 1988 г. из-за внутренних разногласий была распущена официальная Партия исламской революции (ПИР), в стране возникло множество политических организаций, в основном в форме религиозно-политических группировок. В настоящее время их число по-прежнему велико (более ста), что свидетельствует о продолжении процесса дифференциации элит. Эти партии и группировки выражают различные взгляды (консервативные, реформаторские, радикальные) и создают коалиции для ведения предвыборной борьбы.

Хатами открыл новое направление в иранской политической мысли. Он фактически поборол «детскую болезнь левизны», выраженную в концепции «экспорта революции», и обосновал идею широкого диалога, носящего многоуровневый характер:

- во-первых, это диалог цивилизаций как попытка достичь взаимопонимания и найти ответ на проблемы, стоящие перед всеми цивилизациями (мир и безопасность, человек и природа, семья, мораль);
- во-вторых, обращение к мусульманским странам с призывом создать на основе общего наследия и интересов необходимые условия для установления взаимного доверия в рамках двусторонних и многосторонних отношений (ОИК) как «первой и самой главной стратегической задачи в деле обеспечения безопасности», сформировать систему охватывающих весь исламский мир организаций содействия развитию;
- в-третьих, развитие плюрализма в самом иранском обществе, включая «столкновение самых разных, прямо противоположных точек зрения» (естественно, с учетом исламских норм, ог-

¹ Iran, Islamic Rep. at a glance. World Bank. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://devdata.worldbank.org/AAG/irn_aag.pdf.

раничивающих некоторые свободы личности). Свобода для Хатами — это свобода мысли и самовыражения, которая только и позволяет достичь умеренности, сбалансированности и рациональности целей. При этом диалог, чтобы быть эффективным, должен быть в состоянии подняться от уровня терпимости до уровня широкомасштабного политического сотрудничества.

Касаясь соотношения между традицией и развитием, иранский лидер подчеркивает, что разрушение традиции означает распад идентичности и без возврата к традиции и переоценки достигнутого невозможно прийти к новому состоянию («новой эпохе»). В этом контексте он выдвигает идею «исламского гражданского общества», восходящего исторически и теоретически к Медине времен Пророка и основанного на коллективном самосознании мусульман. В центре внимания в нем находится забота о духовных и эмоциональных потребностях людей, уважаются их права (включая представителей других конфессиональных групп), невозможна личная или групповая диктатура; его члены вправе контролировать управление страной и требовать отчета от правительства. Исламское общество, таким образом, представляется источником справедливого и рационального в политической системе, а ислам — легитимным средством продвижения новых политических идей. В перспективе такая позиция позволяет преодолеть рамки видения как «классических» фундаменталистов, так и «классических» модернизаторов, нацеленных на заимствование западных политических и экономических институтов¹.

В современном Иране продолжается противостояние между консерваторами и реформаторами², принимающее форму и уличных выступлений, и политических скандалов, и показательных судебных процессов над «отступниками». На президентских выборах 2005 и 2009 гг. победу одержал Махмуд Ахмадинежад, поддерживаемый религиозным руководством, которое сохраняет контроль над армией, спецслужбами, КСИР, группами «дружинников» и важными секторами экономики. Последние выборы отличались жесткой политической борьбой, которая, однако, не имела антисистемного характера (Ахмадинежад, выдвинутый альянсом консервативных политических партий и общественных организаций (Союз строителей исламского Ирана, Абадгаран), получил, по официальным данным, 62,46% голосов).

¹ См.: Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М.: РОССПЭН, 2001.

² Многие исследователи применительно к Ирану ставят слова «реформаторы» и «консерваторы» в кавычки, чтобы подчеркнуть условность выделения этих групп в рамках поддерживаемого всеми сторонами исламского курса.

Конституционные основы политической системы Исламской Республики Иран (ИРИ)

Структура иранской политической системы определена в Конституции ИРИ 1979 г. (с изменениями 1989 г.). В преамбуле представлена краткая история революционного процесса, началом которого считаются события 1963 г., изложены причины и цели революции, дана характеристика системы исламского правления как религиозного народовластия, которое должно способствовать «раскрытию и расцвету способностей человека, показывающих его богоподобность» (преамбула). В статье 56, где идет речь о суверенитете народа, подчеркивается, что «абсолютная власть над миром и человеком принадлежит Богу, который дал человеку власть над своей общественной жизнью». Официальной религией Ирана является ислам джафаритского толка, признающий существование 12 имамов (ст. 12).

Конституция провозглашает принцип разделения властей, которые функционируют под контролем Верховного лидера (ст. 57). Управление делами страны осуществляется с опорой на общественное мнение путем выборов президента, депутатов парламента, членов Советов и т.д. либо путем референдума (ст. 6).

Закреплены равенство прав всех иранцев независимо от этнической или племенной принадлежности, цвета кожи, расы, языка (ст. 19), право на свободное осуществление религиозных обрядов в рамках закона (для зороастрийцев, христиан и иудеев) (ст. 13), неприкосновенность человеческого достоинства, жизни, имущества, прав (ст. 22), свобода взглядов (ст. 23), прессы (ст. 24), право на создание партий, политических и профессиональных обществ (при условии соблюдения принципов независимости, свободы, национального единства, исламских норм и основ Исламской Республики) (ст. 26), свобода мирных собраний и демонстраций без нарушения принципов ислама (ст. 27), право на рассмотрение дела судом и помощь адвоката (ст. 34, 35), презумпция невиновности (ст. 37), запрет пыток (ст. 38) и др. Все граждане ИРИ, включая Верховного лидера, равны перед законом (ст. 107).

В соответствии с принципом *веляят-е факих* высшим государственным лицом, главой ИРИ является Верховный духовный лидер — *Рахбар*, курирующий работу всех ветвей власти. По мнению иранского ученого Мехди Иманипура, «мусульманское общество, руководство государством которого реализуется посредством правления факиха, подчинение государственным законам воспринимает как подчинение имаму и, следовательно, как подчинение исламским установкам и предписаниям»¹.

¹ *Иманипур М.* Конституция Исламской Республики Иран и принцип правления справедливого факиха (веляйате факих) // Двадцать пять лет исламской революции в Иране. М.: ИВ РАН, 2005. С. 53.

Права и обязанности *Рахбара* включают:

- определение общей политики государства после консультаций с Советом по определению государственной целесообразности;
- контроль за правильным исполнением общей политической линии государства;
- объявление войны, мира, мобилизации;
- назначение и отправление в отставку ряда высших должностных лиц (*факихов* Совета по охране конституции, главы судебной власти, начальника Объединенного штаба, главнокомандующих КСИР, вооруженных сил и внутренних войск);
- решение споров и упорядочение отношений между ветвями власти;
- подпись указа о назначении президента и отстранение его от власти с учетом интересов страны и согласно заключению, вынесенному Верховным судом относительно нарушения им своих законных полномочий, либо в соответствии с решением парламента о его несоответствии занимаемой должности (ст. 110).

Верховного лидера (после кончины общепризнанного лидера аятоллы Хомейни) назначает, контролирует и в случае необходимости смещает Совет экспертов, независимый институт, избираемый народом на 8 лет из числа высококравственных богословов и *муджтахидов* (ст. 7). Ориентиром при избрании *Рахбара* служат статьи 5 и 109, где перечислены необходимые качества лидера (глубокие знания, компетентность в социально-политических вопросах, справедливость и др.).

Вторым по статусу официальным лицом страны является президент. Он отвечает за выполнение конституции и руководит исполнительной властью (ст. 113) во всех сферах, кроме отнесенных к компетенции *Рахбара*, и несет ответственность перед народом, лидером страны и Парламентом (ст. 113, 122). Президент формирует кабинет министров, которые должны получить вотум доверия парламента (ст. 133), и руководит его деятельностью¹. Он также отвечает перед парламентом за действия кабинета (ст. 134).

Под руководством президента функционирует Высший совет национальной безопасности, который определяет национальную политику в области обороны и безопасности (ст. 176).

Президент избирается прямым всеобщим голосованием на четыре года по мажоритарной системе (с возможностью определения победителя во втором туре по принципу относительного большинства) и может

¹ Должность премьер-министра была упразднена в 1989 г.

занимать свой пост не более двух сроков подряд (ст. 114, 117). Прошение об отставке он подает Верховному лидеру (ст. 113).

Законодательную власть осуществляет однопалатный парламент (Исламский консультативный совет, или Исламский совет шуры), избираемый прямым тайным голосованием на четырехлетний срок. В настоящее время число депутатов составляет 290¹.

Парламент может принимать законы по всем вопросам в рамках, обозначенных в конституции. Он также обладает полномочиями ставить вопрос о доверии правительству и отдельным министрам (ст. 87, 89, 135) и осуществляет контрольную деятельность посредством общих дискуссий, постановки вопросов и интерпелляции, в том числе относительно действий президента (ст. 76, 88, 89).

Парламентские выборы проводятся в многомандатных округах (от 1 до 6 мандатов) по системе простого большинства². Заградительный барьер для первого тура составляет 25%. Пять мест зарезервированы за представителями признанных религиозных меньшинств (ст. 64).

Конституцией предусмотрено формирование системы выборных органов на уровне провинций и ниже (ст. 100).

Основания для роспуска парламента конституцией не предусмотрены, но установлено, что все гражданские, уголовные, финансовые, экономические, административные, культурные, военные, политические и другие законы и установления должны быть основаны на исламских нормах (ст. 4). Заключение по поводу наличия такого соответствия выносится Наблюдательным советом (НС) большинством голосов (ст. 94).

Наблюдательный совет состоит из 6 *факихов*, назначаемых Верховным лидером, и 6 правоведов, представляемых парламенту главой судебной власти для последующего избрания. Без утверждения НС решения парламента не имеют законной силы (ст. 93). НС имеет полномочия делать комментарии положений конституции и обязан осуществлять контроль за выборами Совета экспертов, президента, парламента и обращением к общественному мнению и референдумами (ст. 98, 99).

В 1989 г. был учрежден и конституционно закреплен такой важный политический институт, как Совет по определению государственной целесообразности, задачей которого стало улаживание разногласий

¹ Изначально число его членов составляло 270 человек, но начиная с референдума 1989 г. по прошествии каждых 10 лет с учетом человеческих, политических, географических и иных факторов число депутатов может быть увеличено максимум на 20 человек.

² По системе простого большинства количество голосов у каждого избирателя равно числу избираемых в округе депутатов.

между парламентом, Правительством и НС. Постоянные и временные члены Совета назначаются Верховным лидером (ст. 112).

Судебная власть является независимой ветвью, которая защищает права человека и общества (ст. 156). Ее возглавляет *муджтахид*, назначаемый Верховным лидером. Он несет ответственность за формирование структуры системы юстиции, кадровые вопросы, подготовку судебных законопроектов (ст. 158). Наряду с ним действует министр юстиции, который курирует все проблемы, связанные с отношениями судебной власти с исполнительной и законодательной властями (ст. 160).

Конституция устанавливает существование Верховного суда (ВС), осуществляющего контроль над надлежащим исполнением законов в судах и обеспечивающего единство судебной системы (ст. 161), Суда административной справедливости, рассматривающего жалобы, иски и протесты граждан против должностных лиц, организаций или правительственных актов (ст. 173), Генеральной инспекции, осуществляющей контроль за надлежащим исполнением законов и правильным ведением дел в административных органах (ст. 174), и генерального прокурора.

Наряду с общими судами в Иране действуют военные суды.

Председатель Верховного суда и генеральный прокурор назначаются главой судебной власти после консультации с судьями Верховного суда на пять лет и должны быть справедливыми и сведущими в судебных делах *муджтахидами*.

Судью нельзя снять или временно отстранить от занимаемой должности без суда и доказательств преступления или правонарушения (ст. 164). Судопроизводство происходит открыто, кроме оговоренных законом случаев. Политические преступления и преступления, связанные с прессой, рассматриваются гласно с участием присяжных заседателей (ст. 168).

Экономическая система ИРИ основана на трех секторах — государственном, кооперативном и частном и предусматривает систематическое и основательное планирование. Собственность, при условии соответствия конституции и законам ислама, находится под покровительством закона (ст. 44). Частная собственность, полученная законным путем, пользуется уважением (ст. 47). Предусмотрена конфискация накопленных, полученных за счет ростовщической прибыли, присвоения собственности, взяток, растраты, злоупотребления вакфным имуществом и др. (ст. 48).

ИРИ — унитарное государство и административно разделена на 30 провинций (останов). Губернаторы провинций назначаются Министерством внутренних дел с утверждением Правительством.

Как видно из приведенных положений, политическая система ИРИ характеризуется сложной системой сдержек и противовесов властей и сочетает элементы современной теократии и республиканизма. Парламент, президент, Совет экспертов избираются непосредственно народом; Верховный лидер, Наблюдательный совет и Правительство назначаются выборными органами; Совет по определению государственной целесообразности и глава судебной власти назначаются. Большое значение придается механизмам внутреннего контроля и самоконтроля властных лиц, которые должны поддерживаться высокими моральными качествами.

Иран: «неошиизм» и современность

Иранская народная революция стала кульминацией почти двухсот-летнего противостояния между государством и шиитским духовенством. В XIX в. слабость государственной власти и сила племенных и этнических сообществ содействовали консолидации корпорации улемов, способной составить оппозицию режиму и осуществить массовую мобилизацию. В XX в. ликвидация шахом автономной власти племенных сообществ, игравших роль «третьей силы» в конфликтах между властью и религиозным истеблишментом, привела к поляризации сил по оси «государство — улемы».

Как показывает проведенный анализ, отношения между этими полюсами развивались неоднозначно. В шиизме (как и в исламе в целом) сложились две позиции: пассивная (квиеизм) и активистская, причем обе зафиксированы в Коране, отражены в хадисах и подкреплены обычаями и принципами более древних религий и цивилизаций Ближнего Востока. С одной стороны, для *муджтахидов* характерны претензии на духовное лидерство и единственно легитимную власть в период отсутствия сокрытого имама. С другой стороны, признание несправедливости мира и ожидание спасения с приходом Мессии препятствуют включению в общественную жизнь. Обе иранские революции, таким образом, были не порождением «перманентной» революционной активности шиитских улемов, но результатом специфической комбинации политических и экономических факторов, обусловивших приоритет активизма, латентно присутствующего в культурной традиции. В первом случае это были европейский контроль над экономикой и попытки модернизации, во втором — форсированная вестернизированная модернизация и централизация власти.

Современный иранский режим нельзя рассматривать только как теократический. Он совмещает исламские идеи с основами демокра-

тии как формы политического участия и демонстрирует способность к эволюции, активно отстаивая национальные интересы, особенно в области внешней политики, ядерной программы и экономики. Интересы развития стимулируют экономические преобразования, включая приватизацию, создание небольшой группы частных банков, привлечение и защиту иностранных инвестиций¹. Рост современных технологичных секторов неизбежно влечет за собой изменения социальной структуры и углубление дифференциации, однако смягчать неблагоприятные последствия реформ позволяет разветвленная система социальной защиты и здравоохранения, отвечающая нормам исламского общества. При этом, как и во времена шаха, правящая элита опирается на сильную бюрократию и военизированные институты.

Тесный союз религии и политики тревожит ряд высших религиозных деятелей, которые осознают, что исламское руководство вынуждено нести ответственность за политические трудности и неудачи. В сегодняшнем Иране существует множество сложнейших проблем, обусловленных и структурными проблемами экономики, и затратными социальными и экономическими проектами², и жестким внешнеполитическим курсом. Политическими волнениями были отмечены президентские выборы 2009 г., официальные результаты которых оспорила оппозиция. Не признав поражения, основной соперник Ахмадинежада Мир-Хосейн Мусави, выражающий интересы реформаторских кругов, основал сетевое протестное движение «Зеленая дорога надежды». Интересы сохранения позиций ислама в обществе могут потребовать дистанцирования улемов от непосредственного политического руководства. Существует и возникшая после кончины харизматического лидера Хомейни проблема выбора Верховного лидера как лица, обладающего безусловным авторитетом для верующих. Например, нынешний лидер аятолла Али Хаменеи не имеет высшего шиитского ранга аятолла «*марджа'-е таклид*» (перс. — образец для подражания).

Сравнительный анализ политических процессов в Турции, Египте, Иране и Ираке

Современная политическая наука находится в поиске новых теоретических позиций для интерпретации взаимосвязи между религией

¹ См.: Мамедова Н. М. 25 лет ИРИ как опыт исламского правления в современном мире // Двадцать пять лет исламской революции в Иране / Ред. Н. М. Мамедова. М.: ИВ РАН, 2005.

² Об экономической ситуации в Иране см.: Bakhtiar F. Ahmadijead's Achilles heel. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.payvand.com/news/07/jan/1295.html>.

и политикой: традиционные системы ценностей проявляют, как отмечают ученые, опирающиеся в своих работах на данные Всемирных обзоров ценностей¹, удивительную устойчивость и эластичность². Теории модернизации и демократического транзита, которые во второй половине XX в. предоставляли объяснительные категории для анализа мирового политического развития, не учитывали воздействие исторического развития на культурные изменения и упрощенно рассматривали секуляризацию как неизбежный результат индустриализации.

Однако модернизация оказалась не линейным и не детерминированным процессом. В частности, опыт стран исламского ареала показывает, что историко-культурные факторы продолжают играть важнейшую роль в структурировании общества и политической подсистемы. Турция, Египет, Иран в определенных, как правило кризисных, ситуациях обращаются к исламу в поисках оснований политической легитимности и национальной идентичности, по-своему интерпретируя его.

Не менее важное значение для политического развития мусульманских государств имеет национализм. Он был составной частью широкого движения, возникшего с «политическим пробуждением» Востока и стремлением положить конец колониализму, и принимал различные формы. Это и либеральный патриотизм XIX — начала XX в., и интегральный (всеобъемлющий) национализм Ататюрка и Реза-шаха, и арабский национализм Гамалея Абдель Насера и баасистов, и этнический национализм курдов, и формирующийся гражданский национализм в Турции.

В XX в., когда в большинстве мусульманских стран значительно ускорился процесс формирования суверенных политических институтов, современность перестала быть для них внешней чужеземной силой, как в XVIII—XIX вв., и превратилась в систему внутренних общественно-политических институтов и идейно-политические платформы национальных лидеров. Но разделение религиозной и общественно-политической сфер неприемлемо для большинства мусульман, которые считают ислам образом жизни, воплощением нормы. С этой точки зрения политические, общественные, юридические, экономические, образовательные институты понимаются не как светские,

¹ Академический проект по изучению социокультурных, моральных, религиозных и политических ценностей, охватывающий 62 страны (опросы 1999–2004). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.worldvaluesurvey.com>.

² См., например: *Inglehart R., Welzel Ch. Modernization, cultural change and democracy*. Cambridge, Mass: Cambridge University Press, 2005; *Inglehart R., Norris P. Sacred and secular: Religion and politics worldwide*. Cambridge, Mass: Cambridge University Press, 2004; *Инглехарт Р., Бейкер У. Модернизация, культурные изменения и устойчивость традиционных ценностей // Теория и практика демократии. Избранные тексты*. М.: Ладомир, 2006.

а как мусульманские, т.е. неразрывно связанные с исламом. Поэтому в случае выбора проекта развития вопрос в мусульманском сообществе стоит не о том, должна ли религия придавать смысл функционированию государственных и общественных структур, но о том, в какой степени это будет происходить. Для верующих мусульман, таким образом, смешение национального и религиозного не является проблемой — проблема в том, какие цели ставит санкционированная религией власть, насколько ее политический курс отвечает национальным интересам. Эту позицию ярко иллюстрируют слова ректора влиятельнейшего исламского университета «Аль-Азхар», бывшего великого муфтия Египта шейха Мухаммада ат-Тантави (ум. 2010): «Кто сказал, что “Аль-Азхар” больше не играет политической роли? Если политика — это обеспечение интересов мусульманской *уммы*, то именно об этом “Аль-Азхаре” и говорит»¹.

Можно также констатировать, что формирование и конкуренция политических идей и институтов в мусульманском мире не имели единообразного характера. Динамика этого процесса в каждом случае определялась конкретной комбинацией социально-экономических и политических факторов. Однако политический опыт стран — лидеров мусульманского мира, избравших светский (Турция) или условно светский (Египет) путь развития, показывает, что отказ от демократизации в современных условиях влечет за собой стагнацию, а ее осуществление — рост политического присутствия ислама. Выраженность этого присутствия и его формы зависят от того, насколько длительным был период предшествовавшей модернизации и насколько жестким был контроль государства над обществом. Стабилизировать режим при нарастающих диспропорциях предпочтительнее путем инкорпорирования ислама в политический процесс, что, как правило, приводит к смене элит, но препятствует политической радикализации. В любом случае после «освоения» современных политических институтов и секторов экономики более успешное и стабильное развитие осуществляется там, где происходит сочетание национальной и исламской идентичностей и не перекрываются каналы демократической борьбы за приоритет одной из них.

С другой стороны, модернизирующий исламский режим (Иран) неизбежно обнаруживает тенденцию к энтропии жестких религиозно-политических символов и норм вследствие усложнения социально-политических институтов и нарастания психологической усталости. Однако в случае Ирана поддержанию национальной консолидации активно способствуют внешнеполитические факторы (санкции, причисление к разряду «изгоев», военные угрозы и др.).

¹ Al-Ahram Weekly, Cairo, 2005. 6–12 October. № 763.

Убедительный пример того, к каким катастрофическим социально-политическим последствиям может привести внешнее «демократизирующее» вмешательство во внутривнутриполитический процесс мусульманской страны, дает Ирак. Как государство он был «составлен» из трех вилайетов Османской империи под мандатом Великобритании. Для управления страной было решено учредить конституционную монархию, на роль главы которой в 1921 г. был приглашен Фейсал, представитель суннитской мекканской династии Хашимитов. В политическом управлении, как и в османский период, были задействованы в основном арабы-сунниты, связанные с городскими формами жизни и хозяйства. Как и в современный период, они представляли в Ираке меньшинство¹.

В 1932 г. мандатный режим был отменен, но легитимность монарха и новых демократических институтов оставалась низкой: они не могли обеспечить эффективного управления аграрной страной с глубокими расколами между основными сегментами населения (суннитами и шиитами, арабами и курдами). Как и англичанам, Фейсалу приходилось опираться на шейхов племен, предоставляя им права по контролю над их территориями. Такая политика консервировала этноконфессиональную разобщенность. Тем не менее демократические институты и экономическая модернизация постепенно формировали в городах новый тип политического поведения: рост политического участия, заключение временных альянсов влиятельных этноконфессиональных лидеров и группировок. В 1946 г. началось официальное оформление политических партий.

Результатом слабости монархического режима стала революция 1958 г., в результате которой Ирак был провозглашен республикой. Период республиканского правления характеризовался крайней нестабильностью. За 1958–1970 гг. были приняты четыре конституции. Ирак объявлялся и «демократической республикой, частью арабской нации (*уммы*)» (1958), и «демократическим социалистическим государством» (1964), и «народно-демократической республикой», ведущей строительство социализма (1968). В 1968 г. в результате очередного военного переворота к власти пришло правительство партии Баас (Партия арабского социалистического возрождения)², поддержанное армией. Опору нового режима вновь составили сунниты — выходцы из кланов Тикрита, Мосула

¹ По последней переписи 1997 г. число шиитов в Ираке составляло 60–65%, суннитов — 32–37% (из них курды — 18–20%, арабы — 12–15%, туркоманы (тюрки) — остальные), представителей этноконфессиональных меньшинств — 3%. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.globalsecurity.org/military/world/iraq/religion.htm>.

² Основные принципы баасизма — единство (общность интересов всей арабской нации), свобода (от всех форм зависимости, прежде всего от империализма), социализм (ликвидация эксплуатации).

и Рамади. Новое руководство предприняло попытку консолидировать власть с помощью идей арабского единства и арабского социализма.

Конституция 1970 г. оформила политическую систему, которая характеризовалась жесткой вертикалью государственной власти и наличием партийно-государственного механизма управления. Ирак был провозглашен суверенной народной демократической республикой, основной целью которой было построение единого Арабского государства и установление социалистического строя. В 1979 г. начался новый этап политического развития Ирака, связанный с концентрацией власти в руках Саддама Хусейна. Стабильность и относительная сплоченность иракского общества в этот период гарантировались режимом его личной власти, разрешающей кланово-религиозные, конфессиональные и другие конфликты с использованием как современных идейно-политических и социально-экономических механизмов, так и традиционных методов восточных деспотий.

Истоки возникновения иракского кризиса лежат в событиях 1990 г. — аннексии Ираком Кувейта. После проведенной многонациональными силами операции по освобождению Кувейта Совет Безопасности ООН признал действия Ирака в отношении Кувейта прямой агрессией и подверг его жестким санкциям. Территория Иракского Курдистана была объявлена «зоной безопасности», и там были размещены военнослужащие НАТО.

В период правления администрации Джорджа Буша-мл. иракский вопрос стал одним из важнейших в политике США, которые обвинили Саддама Хусейна в существенном нарушении резолюции ООН по разоружению — непредоставлении сведений об имеющемся оружии массового поражения. В марте 2003 г. в ходе контртеррористической операции силы международной коалиции свергли националистический баасистский режим.

В условиях временной администрации и «дебаасизации» соперничество между основными секторами, создавшими множество политических партий и групп, резко усилилось. В качестве решения США предложили консоциативную схему организации власти, т.е. правление широкой коалиции элит и лидеров всех значимых сегментов общества, пропорциональность политического представительства, право вето меньшинств, автономию сегментов в решении внутренних вопросов¹. Эта схема была положена в основу новой Конституции 2005 г., которая провозгласила Ирак «независимым, суверенным, демократическим федеративным

¹ См.: *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.

государством с парламентской республиканской формой правления» (ст. 1), а ислам — официальной государственной религией и основным источником законодательства (ст. 2)¹. В 2006 г. иракский парламент утвердил законопроект о федеративном устройстве, который легализовал процесс создания в Ираке автономных регионов. Были проведены выборы (2006, 2010 гг.) в парламент.

Несмотря на осуществленную политическую институционализацию, ситуация в Ираке остается нестабильной: продолжаются вооруженные столкновения, террористические операции, оспариваются итоги выборов. Это заставляет различные политические силы (прежде всего суннитов и курдов, ставящих этническую идентичность выше религиозной) выступать против вывода американских войск. Эффективное правительство могло бы быть создано либо при консенсусе элит этноконфессиональных сегментов, либо при наличии сильного общенационального лидера/сплоченного мажоритарного сегмента², способного установить свой контроль над территорией. Все эти предпосылки в Ираке отсутствуют. Итоги парламентских выборов 2010 г. продемонстрировали, что разделение Ирака по этноконфессиональным и идейно-политическим линиям нарастает. Ни один из политических альянсов не смог получить общенациональный статус. Первое место завоевал шиитско-суннитский блок «Аль-Иракийя», который в целях расширения электоральной базы был вынужден сделать упор на арабский национализм (это рассматривается курдами как попытка их вытеснения из политики). Второе место — у блока «Государство закона» с преобладающим участием шиитов, выдвинувшего лозунг «умеренного исламского государства» с равными возможностями для всех граждан. Третьим стал радикальный шиитский блок «Иракский национальный альянс». С одной стороны, без его поддержки нельзя сформировать правительство ни одному из лидеров, с другой — его участие не позволит создать сколь-либо эффективное правительство. Курдские партии участвовали в выборах раздельно и потеряли на этом немало мандатов. Ситуацию осложняют взаимное недоверие и вмешательство внешних сил. В отсутствие общенациональных интересов Курдистан уже превратился *de facto* в государство. Не исключен дальнейший распад страны на шиитскую и суннитскую части.

Таким образом, ликвидация баасистской националистической диктатуры вернула многосоставное иракское общество в то же состояние

¹ Full text of Iraqi Constitution. 2005. October 15. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.globalpolicy.org/security/issues/iraq/document/2005/1015text.htm>.

² Среди иракских арабов-шиитов существуют различные идейно-политические лагеря.

децентрализации и нестабильности («исторического разобщения», как говорят сами иракцы), в котором оно в силу особенностей формирования страны в период английского мандата пребывало до военного переворота 1968 г. и провозглашения курса на социализм. Баасисты многое сделали для формирования новой идентичности страны: в период ирано-иракской войны 1980–1988 гг. иракские шииты, составляющие большинство населения, не откликнулись на призыв иранского лидера аятоллы Хомейни выступить против Хусейна. В иракской армии сражались и курды. Иракское «баасистское единство» распалось с крахом режима; новое пока не просматривается. Следует отметить, что ближневосточные государства, в которых нет сильной центральной власти (Ливан, Йемен), наиболее незащищены перед экстремистскими силами.

Сочетание национальной и исламской идей — сложнейший вопрос государственного строительства и политического развития мусульманских стран. Многочисленные «национализмы» реконструируются и переформируются, но исламский компонент остается важнейшим ориентиром и общества, и индивида.

Основные этапы политического развития Турции, Египта и Ирана

Таблица

Временные рамки и главные агенты модернизации	Идеи	Содержание этапа	Характеристика режима
1	2	3	4
ТУРЦИЯ			
1908—1916 гг. Младотурецкая революция 1908 г. Офицерство	Конституционализм. Парламентаризм. Полиэтническая османская нация и ее тюркизация. Пантюркизм	Модернизация армии и управления. Создание «национальной экономики» (т.е. османской мусульманской) промышленной буржуазии при интервенции государства. Осторожная секуляризация правовой и образовательной систем	Авторитарная модернизация «сверху»
1923 г. — Вторая мировая война. Строительство национального государства (реформы Атаатюрка). Военные. Бюрократия	Национализм (турецкая нация как единственный носитель суверенитета). Республиканизм. Сукуляризм. Народность (равенство и отсутствие антагонистических интересов между различными общественными группами). Этапизм	Создание республиканских институтов. Упразднение султана и халифата. Строительство массовой политической партии. Индустриализация на основе государственного сектора. Аграрная реформа. Европеизация	Авторитарная модернизация «сверху». Жесткая дискриминация этнических меньшинств

1	2	3	4
<p>1946–1980 гг. Чередование демократической и авторитарной тенденций. Либеральная буржуазия. Военные. Бюрократия</p>	<p>Отход от этапизма. Экономическое развитие В определенные периоды – демократизация. С 1986 г. – идея национальной культуры, в основе которой лежит тюркско-исламский синтез</p>	<p>Зависит от конкретного этапа; в целом – курс на экономическое развитие, неолиберальную модернизацию экономики</p>	<p>Чередование периодов прямой военной интервенции (1960, 1971, 1980 гг.), опекунской демократии и плюралистического гражданского правления</p>
<p>1990–е гг. – н. вр. Инокорпорирование ислама в процесс национального строительства. Гражданские элиты</p>	<p>Демократия. Турецкость как гражданская общность</p>	<p>Рост политического участия «снизу». Сочетание традиционных и демократических ценностей. Экономический либерализм. Стремление включиться в европейский интеграционный процесс</p>	<p>Гражданское правление. Укрепление позиций «социально-консервативных» партий (исламисты)</p>
ЕГИПЕТ			
<p>1922–1952 гг. Ликвидация протектората и борьба против англо-египетского контроля. «Национально-либеральный» период развития. Монарх. Бюрократизация. Политические партии</p>	<p>Национальное освобождение. Либерализм с начала 1930-х годов – арабизм</p>	<p>Восстановление контроля над экономикой. Развитие некоторых отраслей промышленности египетской банковской промышленной группы «Миср». Создание первой в мусульманском мире исламистской организации – ассоциация «Братьев-мусульман». Постепенное разочарование в европейском и местном «либерализме»</p>	<p>Либерализация в рамках конституционной монархии дуалистического типа</p>

Временные рамки и главные агенты модернизации	Идеи	Содержание этапа	Характеристика режима
1 1952—1970 гг. Июльская революция. 1952 г. («Свободные офицеры» и Г. А. Насер). Офицеры среднего и младшего звена. Бюрократия	2 Антиимпериализм. Арабский национализм. Арабский социализм. Антисионизм	3 Строительство массовой мобилизационной партии. Аграрная реформа. Национализация. Индустриализация на основе государственного сектора. Государственный контроль над религиозными институтами. Войны с Израилем	4 Авторитарный модернизирующий режим с однопартийной системой. Контроль государства над культурной сферой
1970—1981 гг. «Политический реализм» (А. Садат). Бюрократия. Военные. Представители деловых кругов. Специалисты	Политический прагматизм	«Смешанная» экономика. Реприватизация и поощрение частного сектора и иностранных инвестиций. Осторожная либерализация и формирование многопартийной системы. Восстановление позиций исламских институтов. Сепаратный мир с Израилем. Опора на финансово-экономическую помощь США	Гибридный авторитарно-либеральный режим. Отсутствие контроля государства над культурной сферой
1981 — н. вр. Авторитарно-либеральный курс (Х. Мубарак)	Политический прагматизм	Продолжение политической либерализации при административном контроле над выборами. Запрет создания партий на основе религии. Структурные реформы экономики (государственная поддержка предпринимательства, постепенная денационализация госсектора, благоприятствование иностранным инвестициям). Опора на финансово-экономическую помощь США. Борьба с исламским экстремизмом	Модификация авторитаризма Г. А. Насера (централизованная государственная власть, экономика с сильным государственным участием, бюрократическая «партия власти», репрессивный аппарат, культ лидера). Отсутствие контроля государства над культурной сферой

1	2	3	4
ИРАН			
<p>1905—1911 гг. Революция 1905—1911 гг. Либеральные реформаторы. Либерально настроенные улемы</p>	<p>Конституционализм. Парламентаризм. Борьба против иностранного контроля</p>	<p>Принятие первой конституции. Учреждение парламента с законодательными полномочиями. Создание революционных советов. Попытка проведения аграрной реформы и реформы системы образования</p>	<p>Демократизация традиционного авторитаризма «снизу»</p>
<p>1925—1941 гг. Автократия Пехлеvidов (реформы Реза-шаха). Шах. Армия. Бюрократия</p>	<p>Иранский национализм. Арийство. Борьба против иностранного контроля</p>	<p>Централизация государственной власти. Подавление оппозиции. Подавление сепаратизма и выступлений племен. Заложение основ индустриальной экономики при решающей роли государства. Создание современной инфраструктуры. Модернизация судебной системы. Введение европеизированных образовательной и правовой систем. Реорганизация армии и секретных служб. Протекционизм. Подавление сепаратизма и выступлений племен.</p>	<p>Авторитарная модернизация</p>
<p>1941—1953 гг. Либерально-демократическая «оттепель»</p>	<p>Укрепление конституционализма и республиканских начал</p>	<p>Восстановление конституционных норм. Формирование политических партий и профсоюзов. Принятие закона о национализации нефтяной промышленности. Попытка проведения аграрной реформы. Политическая и экономическая опора на США</p>	<p>Либерально-демократический режим</p>

Продолжение табл.

Временные рамки и главные агенты модернизации	Идеи	Содержание этапа	Характеристика режима
<p>1953–1978 гг. Восстановление авторитарии Пехлевидов и осуществление «белой революции». Шах. Бюрократия. Армия. Крупная буржуазия.</p>	<p>Иранский национализм. Монархия как символ иранского духа</p>	<p>Централизация государственной власти. Создание двухпартийной системы с последующим преобразованием ее в однопартийную. Жесткое подавление оппозиции. Стимулирование индустриального роста. Аграрная реформа и поощрение интенсивного капиталистического хозяйства. Вестернизированная модернизация общества. Отказ от протекционизма. Модернизация армии и спецслужб. Политическая и экономическая опора на США</p>	<p>Секулярный авторитарный режим</p>
<p>1978–1979 гг. – н. вр. Народная революция 1978–1979 гг. и формирование системы «религиозного народовластия». Улемы. Бюрократизация. Военизированные институты</p>	<p>Исламский национализм. Религиозное народовластие. Иранское лидерство</p>	<p>Исламизация политической системы при сохранении современных политических институтов (парламент, партии, выборы). Исламская культурная революция. Национализация и укрепление государственного сектора с 1990-х годов – осторожная приватизация. Создание исламских фондов как элемента социально-экономической политики. Постепенный рост политического прагматизма</p>	<p>Исламская демократия</p>

5

ГОСУДАРСТВО И ПЛЕМЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АФГАНИСТАНА

В настоящее время, когда создается новая афганская государственность, с особой остротой встает вопрос о местной политической традиции — системе взглядов на Афганское государство, сформировавшейся в ходе 254 лет его существования, и ее сочетаемости с механизмами функционирования современных политических систем и политических режимов, адаптированных к реальности модернизированных современных обществ. Корни афганской государственности уходят глубоко в историю Афганистана. Они тесно связаны с особенностями пуштунских племен, главы которых создали прототип Афганского государства в 1747 г. В самом общем виде основными особенностями Афганского государства в течение всего периода его существования были: слабость центральной власти, фактическая независимость пуштунских племен, местничество и приверженность особым группам, складывающимся в результате родственных отношений и связей «патрон — клиент». Эти черты традиционной государственности придают уникальный характер политической системе афганского общества вплоть до самого современного этапа его существования.

Особенности политической организации пуштунских племен и их влияние на структуру общества и государства в Афганистане

Племя как социальная группа, отличаемая по происхождению, культуре, языку и обычаям, представляет собой древнейшую форму социальной организации, основанной на особенностях хозяйства, кровнородственных связях и клановой системе. Такая социально-политическая организация, несмотря на ее кажущуюся архаичность, оказывается очень живучей: племена адаптируются к новым условиям и находят свое место в условиях классового общества и слабого государства. Афганские племена до сих пор остаются вооруженными организациями, военно-политическими объединениями ряда родов и возвысившихся над родом семейно-родственных групп — кланов, в которых общая

легендарная генеалогия выполняет функции элемента политической и идеологической надстройки.

В этой связи необходимо отметить, что племя является универсальной социальной организацией, которая регулирует все стороны общественной жизни. Племя как социально-политическая организация особенно эффективно при сравнительно небольшой численности населения. Такая социально-политическая структура сохраняется дольше всего у горных народов в силу того, что горный ландшафт позволяет компактно проживать на определенной территории небольшому количеству людей, которые могут лишь в весьма ограниченной степени заниматься земледелием и поэтому сосредотачиваются в своей хозяйственной деятельности в основном на скотоводстве. Скотоводство предполагает примитивные орудия труда, которые не требуют длительного изготовления, развитого разделения труда при его производстве и т.п. В целом кочевое хозяйство как бы консервирует племенную структуру, поскольку не позволяет по-иному разделить население. Все эти обстоятельства, а также географическая изолированность, прежде всего от центральной власти, делают племя наиболее подходящей формой социальной организации в определенных географических/пространственных условиях. Таким образом, горы как часть ландшафта, скотоводство как форма хозяйственной организации и племя как социально-политическая структура оказываются тесно связаны между собой и взаимно обуславливают друг друга. Преобладание у афганцев скотоводства объяснялось горным характером населенной ими территории, недостатком земли, пригодной для обработки, и засушливым климатом. Сочетание всех этих факторов вело к сохранению традиционных политических институтов. Более того, в высокогорных районах возможен процесс ретрайбализации, т.е. восстановления племени как социально-политической структуры при существовании в стране в целом достаточно модернизированной и современной политической системы.

Следует отметить, что племенное деление характерно не только для пуштунов, но и для всех остальных этносов Афганистана, за исключением таджиков, осуществляющих самоидентификацию по месту проживания (герати, лагмани и т.п.). Однако у пуштунов племенная идентичность всегда превалировала над этнической. Не случайно поэтому, что даже режим талибов в Афганистане апеллировал не столько к пуштунам в целом, сколько к отдельным пуштунским племенным группам, причем к одной из них (гильзаям) даже в большей степени, чем к другим.

Объединения афганцев называются племенами также потому, что мироощущение их членов сходно с миропониманием представителей

кочевых племен. Согласно представлениям кочевников, мир не имеет границ и центра. Соответственно, специфика мировосприятия кочевых племен состоит в игнорировании любых, прежде всего государственных границ, что крайне затрудняет формирование современного типа государственности в стране, населенной в основном такими племенными образованиями.

Местное сообщество (кау́м) и институт хана

Для властных отношений внутри племенных групп характерна ацентрированность. В племенах власть не носит институционального характера, поскольку каждый афганец связан с предком по отцовской линии, принадлежа особой группе, или местному сообществу, называемому *кау́м*, т.е. племени, клану, профессиональной, религиозной, этническим группам, деревенскому сообществу или просто расширенной семье. Власть хана — главы племени — в таком обществе зависит от консенсуса внутри каума. Таким образом, властными центрами, существующими независимо и параллельно от любой государственной власти, и выступают каумы.

Каум формируется, прежде всего и преимущественно, на базе территориальной общины, или территориального клана. Вместе с тем в силу задержки политического развития афганского общества на стадии перехода от протонародности к народности значительную роль в нем продолжают играть кровнородственные связи. Еще одной важной характеристикой каума являются отношения патронажа. Иными словами, каум объединяет в себе свойства клана и клиентелы. С этой-то группой в первую очередь и идентифицирует себя афганец, т.е. он предан больше сообществу, чем его главе.

Данные характеристики каума как основной, составной части политической организации традиционного афганского общества определяют все стороны жизни племени, в том числе особенности такого важнейшего института власти, как институт хана. Последний базируется на генеалогии и патронаже.

О значении кровнородственных отношений в жизни современного афганского общества свидетельствует тот факт, что наследование и родство по отцу влияют на многие сферы бытия племени. Назовем лишь некоторые нормы и установления. *Во-первых*, статус человека зависит от положения предка, а не от экономического благосостояния конкретной личности. Любой из претендентов на высокий статус и власть должен иметь предка с высоким статусом. *Во-вторых*, старший сын наследует больше, чем другие братья. За старшим сыном признается лидерство. *В-третьих*, принцип наследования «по отцу» ведет к тому,

что женщин редко выдают замуж на сторону. Большая часть женщин выходит замуж внутри клана, и практически все — внутри племени. *В-четвертых*, организация поселения у кочевых племен (и пространственная, и структурная) основана на племенной иерархии и привязана к доминирующей линии наследования, представители которой проживают обычно в центре поселения.

Таким образом, в качестве хана каум воспримет лишь того, чьи предки были ханами. Но этим дело не ограничивается. Помимо генеалогии властные отношения основаны также на патронаже, когда престиж и власть пропорциональны распределяемому личному богатству. Это явление составляет неотъемлемое свойство племени и сопровождает последнее на всем протяжении его существования. Именно оно представляет собой суть каума. С давних времен в афганских племенах тот получает больше влияния и обретает большую власть, кто больше дает, раздает, распределяет или хотя бы просто отдает часть того, что получил, тем самым обретая больше сторонников — «клиентов». Своей щедростью и необходимостью тем, кто в нем нуждается, хан должен всегда показывать, что он — единственное лицо, достойное выполнять функцию правителя. Соответственно власть необязательно дается человеку на всю жизнь. Как гласит афганская пословица, «нет хана без *достархана*» (т.е. без скатерти, без накрытого стола). В этом состоит суть важнейшего положения «кодекса чести пуштуна» *наш-тунвала* (букв. «пуштунство», «статус пуштуна») — гостеприимства, выступающего принципом организации власти. Каждый глава семьи имеет *худжру* — дом для гостей, являющийся средством, благодаря которому глава в конкуренции с другими главами семей добивается власти и влияния внутри клана и племени. Если его *худжра* признана каумом, то он может стать ханом. Последний должен обеспечивать других едой, выступать в качестве посредника в племенных спорах и защищать интересы племени перед лицом государства. Ясно поэтому, что вождь клана, племени в глазах зависимых от него крестьян и скотоводов был не столько эксплуататором, сколько естественным покровителем, защитником перед лицом всяких «чужаков» (других племен, государства и т.п.). Неудивительно, что земельная реформа, начавшаяся в Афганистане в декабре 1978 г. именно в «зоне племен», была обречена на провал: крестьяне сами от государства землю не брали. Таким образом, хан в племени и до настоящего времени выполняет функции властителя и посредника. Его задача — объединять ряд семейных единиц племенного общества в более или менее единое социально-политическое поле.

Итак, процесс обретения власти в Афганистане можно условно разделить на четыре этапа:

- 1) накопление богатства;
- 2) накопление числа зависимых;
- 3) накопление престижа и влияния;
- 4) генеалогическая легитимация.

В XIX в. руководителя племени стали выбирать из определенного рода (старшего, или ханского, называемого *хан-хель* или *сар-хель* (сар — «голова»)). Поэтому принцип патронажа служит основой выявления тех, кто стремится к влиянию, институционально не закрепленному. Таких ханов может быть несколько в одной племенной группе.

В результате к XIX в. в Афганистане слово «хан» приобрело два значения:

- 1) глава племени (в таком значении оно используется и у таджиков);
- 2) влиятельный в племени человек.

Второе значение выражается в том, что у племен дуррани, проживающих вокруг Кандагара, ханом называется любой землевладелец, а у гильзаев — человек, чей авторитет выходит за пределы его хозяйства.

В начале XX в. появляется новый политический институт — *малик* (по-арабски «король»), или *арбаб* («господин»), представляющий собой хана, признаваемого государством в качестве руководителя племени в деревне и включенного в государственную администрацию. Малик выступает официальным посредником между государством и деревней, его задача — представлять племенное сообщество в отношениях с другими сообществами и государством.

Такой хан, или малик, является носителем коренящейся в самом сообществе публичной власти, отличной от государственной. Безопасность, спокойствие и устойчивость такого общества достигаются центристским характером организации всех сторон общественной жизни, в которой важное значение имеют связи внутри сообществ (каумов) и кланов. В итоге социальное взаимодействие тяготеет к подобным центрам негосударственной власти, выступающим неформальными центрами организации социально-политического пространства, в рамках которого развиваются отношения патронажа отдельных сильных личностей, способных эффективно защитить корпоративные интересы. Такая сеть отношений создает вокруг лидера группу поддержки, которая действует независимо от каких бы то ни было современных политических институтов и политических программ.

Данными обстоятельствами во многом определяется политический и общественный климат в стране: массы тяготеют не к идеям, политиче-

ским программам и политическим институтам, а к племенным лидерам. Вокруг сильных личностей в соответствии с их престижем неминуемо складываются как поле притяжения, так и отношения зависимости и преданности, что ведет к неизбежному политическому соперничеству. Таким личностям верит население. Например, А. Масуд распространил влияние Джамиате ислами (Исламского общества Афганистана) своим личным авторитетом в высокогорные районы Гиндукуша (Бадахшан, Тохар, Кундуз и Баглан).

Для группы, складывающейся вокруг лидера, характерно безусловное подчинение ему и даже преклонение перед ним. Изменение взглядов лидера означает одновременно и изменение взглядов и политической ориентации всех подконтрольных ему людей. Поэтому позиция местных авторитетных лиц оказывает сильное влияние на ситуацию в стране. Именно эти люди определяют отношение населения той или иной местности к любым решениям и действиям властей или иных сил общенационального масштаба. Отсюда ясно, что для реализации любых политических, экономических или социальных инициатив центральной власти нужна в первую очередь поддержка со стороны локальных традиционных лидеров.

Замкнутые сообщества и кланы со своими независимыми и специфическими устоями повседневной жизни традиционно представляют собой наиболее серьезную преграду на пути эффективного государственного строительства в Афганистане, поскольку в стране главенствуют не политические факторы, а отношения родства и патронажа. На эту сеть накладываются такие виды традиционного личностного взаимодействия, как учитель и ученик в среде богословов и духовенства, а также *пир* и *мюрид* в суфийских орденах. Эта особенность традиционных структур определяет дробность и разъединенность общества, а также линии расколов внутри всех политических партий. Разумеется, главную роль в этом процессе играют каумы, ибо они пронизывают политическую систему и все общество в целом, как бы проходя «насквозь» через политические партии и объединения, превращая их во всего лишь надстройку над собой.

Образование племенами своего государства привело к распространению главного института — каума — на общенациональный уровень. Все три попытки разрыва с прошлым и образования государства в Афганистане (формирование племенной федерации в 1747 г., переворот 1978 г. и победа моджахедов в 1992 г.) проходили под знаком универсальной идеологии (соответственно национализма, марксизма, фундаментализма), но те национальные формы, которые принимали

эти универсальные идеологии, свидетельствуют о необыкновенной живучести структуры племенных групп, формируемых принадлежностью к местным сообществам. Афганское государство времен Захир-шаха и Дауда также оставалось трайбалистским. Каум оказался встроенным в современные государственные институты, что предполагало не только получение материальных благ (посты; денежные, но необременительные должности; освобождение от налогов и воинской повинности), но и гарантию неизменности правил управления местным сообществом, которые определяли и будут определять функционирование государства.

Каум не собирается уступать своих позиций и на современном этапе развития афганского общества. Более того, он отлично приспосабливается к меняющейся ситуации. Так, в 1963–1973 гг., в условиях периода конституционного развития афганской государственности, лидеры каумов стали использовать новые формы политической деятельности: они становились депутатами парламента и прибегали к созданию политических партий, что открывало перед структурами племенной власти новые источники политических ресурсов и новые возможности получения средств на политическую деятельность.

В то время депутаты из провинций повсеместно приезжали в Кабул в качестве представителей своего местного каума для получения льгот и привилегий, поскольку государство казалось могущественной силой, которая должна предоставить им как можно больше выгоды. Выборы четко отразили линии племенного раздела внутри афганского общества, в котором есть преданность только семье и где важнейшим фактором остается патронаж. Лояльность населения была адресована отнюдь не государству. Новая современная стратегия каума состояла в установлении выгодных отношений с институтами государства. Этим объясняется, в частности, и борьба различных фракций внутри афганской коммунистической партии. Сети отношений, основанные на патронаже и личных связях, оставались прочными вне зависимости от существования серьезных политических разногласий внутри либо между политическими партиями. Например, фракция Народно-демократической партии Афганистана Парчам (называемая также «королевской коммунистической партией») была связана с королевским сообществом Афганистана. Такие отношения составляют основу социальной организации современного Афганистана: более двух третей населения имеют между собой какие-либо племенные связи, а оставшуюся треть жителей объединяют семейные узы и семейные взаимные обязательства.

Соответственно, вряд ли станет исключением и избранная 18 сентября 2005 г. нижняя палата афганского парламента, называемая *Вулуси*

джирга (Народное собрание). Политические аналитики отмечают ее фрагментированный характер: депутатами стали лидеры многих кланов, групп, партий и фракций. Все они намерены активно защищать интересы стоящих за ними группировок. Около половины (120 из 249) мест получили лидеры традиционного племенного/кланового типа в лице полевых командиров.

Институт полевых командиров возник практически у всех этнических групп в конце 70-х годов XX в., когда в Афганистане вспыхнула гражданская война, продолжавшаяся более 20 лет. В этих новых условиях лидеры каумов прибегли к созданию вооруженных отрядов. Совершенно очевидно, что делать это могли только те, кто имел средства и мог перераспределить их в пользу своих сторонников. Полевыми командирами становились либо сами традиционные лидеры, либо командиры, действовавшие под их руководством. Авторитет многих полевых командиров отражает укорененность местной иерархии. Даже если вооруженный отряд создавался человеком, который принадлежал к не очень высокой ступени племенной иерархии, но был успешен, вокруг него формировалась своя группа поддержки из родственников и зависимых людей. Как правило, это были бывшие военнослужащие афганской армии, которые и так обычно составляли неформальные группы влияния в своих населенных пунктах. Таким образом, институт полевых командиров великолепно вписался в традиционную структуру афганского общества. Полевые командиры получали ресурсы извне, как со стороны партий моджахедов, так и режима Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), что создало базу для сохранения старых и формирования новых каумов. В 1990-х годах в условиях фрагментации афганского общества и распада государства как политического института полевые командиры обрели полную власть над территориями, которые они контролировали.

Новыми источниками доходов полевых командиров стали поступления от занятий наркобизнесом. Полевые командиры контролировали и до сих пор контролируют производство опиия-сырца практически во всех 28 (из 34) наркопроизводящих провинциях, организуют транзит наркотиков, распределяют между собой маршруты транспортировки, переманивают друг у друга наркокурьеров, организывают нападения на наркокараваны конкурентов. Зачастую именно этот фактор становится первопричиной вооруженных столкновений, которые имеют сейчас место в Афганистане. Неэффективность в борьбе с наркопроизводством вызвана в том числе тем, что сокращение финансовых поступлений вызовет негативную реакцию полевых командиров, что скажется на

стабильности центральной политической власти и положении населения в стране.

Достаточно велики и средства, получаемые полевыми командирами извне. Им начали раздавать деньги американцы еще в октябре 2001 г., чтобы заручиться их поддержкой в борьбе с талибами и «Аль-Каидой» и использовать афганские вооруженные формирования для наземных действий с целью минимизации американских потерь. В настоящее время такая политика ориентирована на усиление лояльности традиционных лидеров по отношению к центральной власти, а также на создание благоприятного отношения пуштунов к антитеррористическим операциям. Стремлением предотвратить выступления полевых командиров против коалиционных сил и правительства Х. Карзая вызвано и непринятие мер против тех из них, кто, по информации западных спецслужб, замешан в производстве наркотических веществ и наркотрафике. Подобная тактика, с одной стороны, признает силу полевых командиров, что способствует стабилизации афганского общества, а с другой — усиливает этот традиционный институт политического влияния, что отнюдь не способствует укреплению позиций центральной власти.

О силе полевых командиров свидетельствует сравнение возможности их и государства аккумулировать доходы. В то время как внутренние доходы Афганского государства в 2004 г. составляли 200 млн долл., доходы полевых командиров — несколько миллиардов. Сумма налогов, которая могла быть собрана в Афганистане в 2003 г., оценивалась примерно в 500 млн долл., из которых в бюджет правительства попало только около 80 млн. В 2002 г. лишь менее 10% доходов, полученных в Гератской и северных провинциях, поступило в государственную казну. Не подлежит сомнению и военное превосходство полевых командиров, поскольку Национальная армия Афганистана и полиция только формируются. Все рассмотренное выше позволяет понять, почему так силен и устойчив институт полевых командиров и почему с таким трудом идет разоружение незаконных военных формирований и формирование современных институтов политической власти в Афганистане.

Наиболее влиятельные традиционные лидеры еще в 1960-х годах и в период афганской гражданской войны начали создавать политические партии. Однако наибольшего расцвета эта деятельность достигла в период подготовки к парламентским выборам 2004–2005 гг. К примеру, к июню 2005 г. количество зарегистрированных политических партий достигало восьмидесяти. Связь партий с традиционными лидерами обуславливает их персонификацию и формирует фракционность. В партиях доминируют отдельные деятели, а не идеологии или политические программы. Наличие нескольких влиятельных фигур ведет

к фракционности, острому политическому соперничеству и расколам. Так, крупнейшая партия страны «Исламское общество Афганистана» разделилась примерно на десять фракций, часть из которых была преобразована в новые партии. Таким образом, за последние 40 лет институт традиционных лидеров успел принять три новые формы: лидеры каумов стали выступать в роли депутатов, полевых командиров и руководителей современных политических партий.

Подобно кауму, столь важный для племени институт хана при создании афганцами государства стал характеризовать властные отношения во всем социуме, так как падишах являлся лишь первым среди равных ханов дуррани. Анализ статуса лидера племени дает возможность судить о весьма своеобразном статусе афганского государственного правителя. Руководителя Афганского государства до событий 1978 г. можно рассматривать как племенного вождя-хана, самофинансирующегося общественного слуги, использующего свое богатство и влияние на благо общины и поддерживающего равновесие и взаимодействие на более высоком уровне между различными социальными и этническими группами в масштабах страны. То есть и в современном Афганистане до 1978 г. руководитель страны использовал исторический опыт ханского руководства и его ролевые функции, т.е. был властителем, которому общество временно делегировало власть над общественными группами и который одновременно выполнял функции посредника между ними.

Выполнение функций патрона по отношению к различным общественным группам внутри страны вынуждало афганское руководство становиться клиентом зарубежных стран. Таким образом, афганская государственная элита действовала как этнически стратифицированная иерархия посредников между державами, предоставлявшими ресурсы, и группами, получавшими благодеяния патрона. Вызванная этим политическая фрагментарность, как населения, так и элиты, означала, что элита старого режима не имела ни политической, ни организационной базы для отпора оппозиции. Структура старого режима навязывала модель этнической стратификации разнородным и фрагментированным местным сообществам. Подобное положение дел сохранялось также и в годы гражданской войны, когда противоборствующие стороны имели каждая своих патронов. И в настоящее время центральное правительство, этнорегиональные элиты и полевые командиры выступают, с одной стороны, клиентами, получающими ресурсы извне, а с другой — патронами, распределяющими их внутри государства между различными политическими силами, племенами, кланами и т.п.

Постепенное разложение «ханского государства» и возрастающее противопоставление госаппарата и армии племенам связаны, в частности, с укреплением позиций городской буржуазии, усилением ее влияния на государственную власть и одновременным ослаблением воздействия на нее племенной организации. Однако социальные потрясения последней четверти XX в. не только вернули все на круги своя, но и укрепили прежний традиционный порядок вещей.

Помимо собственно института хана, единство и выживаемость племени обеспечивается также такими дополнительными чертами этого института, как примат родственных отношений, жесткость социальной структуры и иерархии, выражающаяся в том, что лишь члены племени участвуют в джирге и только пуштуны имеют привилегию носить оружие. Также к этим дополнительным чертам можно отнести безусловное подчинение младшего старшему и рядового члена общества — руководителю, наследование только по мужской линии, отсутствие браков женщин с мужчинами вне клана или племени, наличие кодекса чести как основополагающего идеологического регулятора.

Существование в рамках племени собственной независимой от государства системы социального регулирования, основанной на традиции (и, как правило, включающей элементы господствующей религии), означает, что племя выполняет функции, альтернативные функциям государства. Таким образом, государство для членов племени становится бесполезным, так как все его основные функции (поддержание социального порядка, организация хозяйственной жизни, оборона, разрешение спорных вопросов и т.п.) племенная организация выполняет более эффективно, чем государственная власть, причем со значительно меньшими финансовыми и организационными затратами. Данное обстоятельство весьма существенно для кочевых и горских народов, обладающих довольно ограниченными экономическими ресурсами. Соответственно в племенном самосознании любая, а не только иноэтническая, государственная власть выступает как чуждая и, практически всегда, как враждебная сила.

С точки зрения пуштуна, государство находится на периферии, где распадается привычный для него мир. Племя же рассматривается пуштуном как созданная еще при сотворении мира социально-политическая организация, т.е. если государству нельзя противостоять, то от него надо дистанцироваться, сохраняя свою, «племенную» обособленность.

Подчинение горских племен (там, где оно удавалось) всегда сопровождалось широкомасштабными и длительными военными операциями. Объясняется это в том числе и тем, что племя способно образовывать

временные, однако достаточно эффективно функционирующие в тех или иных целях вооруженные отряды — ополчения.

Военная организация афганского общества

Племенная организация афганцев всегда имела черты военного братства, причем каждое отдельное племя противостояло остальным как враждебная, соперничающая единица. Племенной военной союз представляет собой довольно типичную картину для кочевых племен, вынужденных восполнять свои хозяйственные потери угоном скота у соседей или грабежом земледельческих районов, т.е. формировать военную разбойно-паразитарную традицию. Однако у афганцев мы находим более высокие формы военной организации, непосредственно сросшейся с племенной организацией, предпосылкой чему выступил целый ряд обстоятельств.

Во-первых, непрерывные завоевания на начальном этапе существования Афганского государства сохранили племенную структуру в качестве средства противостояния государству. Иерархичность племен обеспечивает наилучшую военную организацию. Пуштунские племена всегда занимали привилегированное положение по отношению к другим этносам, занимаясь в основном такими, с их точки зрения, достойными видами деятельности, как война, грабеж, охрана караванов и т.п.

Во-вторых, бедные области Афганистана с его малопригодными для земледелия почвами и засушливым климатом были не в состоянии обеспечить достаточное пропитание местному населению, в то время как рядом располагались густонаселенные, богатые земледельческие долины Верхней Индии, которые представляли собой заманчивый объект для грабежа. Подобная ситуация вызывала у кочевников стремление к военному присвоению прибавочной стоимости в ущерб хозяйственной деятельности. В зависимости от общей обстановки в Индии, афганские племена подчиняли своей власти целые области пограничных индийских территорий либо ограничивались кратковременными налетами или продавали свои услуги в качестве наемных солдат на службе индийских правителей и князей.

В-третьих, Афганистан располагался на древнейших торговых путях между Индией, с одной стороны, и Центральной Азией (Туркестаном) и Персией — с другой. В этой связи вызванные необходимостью смены пастбищ постоянные перекочевки из района Сулеймановых гор к Амударье привели к тому, что афганские кочевники стали торговыми посредниками между рынками упомянутых регионов. Естественно, что такая караванная торговля нуждалась в защите и тщательной охране, поэтому в отдельную группу выделились племена, сопровождавшие караваны.

Превращение Афганистана в «перекресток Азии» привело к тому, что важнейшие торговые пути, связывающие Индию с Афганистаном, оказались под контролем наиболее воинственных племен. Особая роль войны как вида «хозяйственной» деятельности способствовала сохранению (у афридиев, вазиров и других племен) или медленному разложению (у юсуфзаев и др.) родо-племенной организации.

В результате родовое объединение афганцев непосредственно переходит в военное, основной ячейкой которого является *улус*, включающий все мужское боеспособное население племени и находящийся под командованием племенного вождя и старейшин. Каждый крупный племенной вождь имеет под рукой несколько десятков мелких, освобожденных им от несения повинностей и налогов, но связанных с ним военным союзом. Элементами военной организации выступают *лашкар* — ополчение боеспособных мужчин для защиты района расселения племени и *бадрага* (конвой) — вооруженное сопровождение проходящих через территорию племени грузов и людей.

Все эти процессы вызвали необходимость поддержания наряду с патриархальной семьей — типичной формой всякого скотоводческого хозяйства — и сильной военной власти руководителя племени. Укреплению племени как военной единицы способствовали также насыщение в последние 20 лет XX в. «зоны племен» оружием и необходимость защиты посевов опийного мака.

«Кодекс чести»

Во многом благодаря большому значению военной организации афганские племена смогли сохранить свои собственные формы организации и даже в настоящее время остаться более или менее независимыми не только в Афганистане, но и в Пакистане. Они представляют собой самостоятельную историческую, этническую и культурную общность. Их политически-правовая независимость находит свое выражение в автономном от государства и сохраняющем высокую значимость для афганских племен кодексе традиционных правовых установлений паштунвала. О стойкости и актуальном функционировании социально-политической племенной структуры свидетельствует и территориальность пуштунского нормативного порядка: такие племена, как мангалы, дзадзи (джаджи), дзадран (джадран), моманды и др., всегда весьма ревностно относились к своим территориальным правам, оказывая упорное сопротивление установлению государственного контроля над районами, которые они считают исконно им принадлежащими. Закрепление территории за тем или иным племенем свидетельствует о серьезной эволюции племенной организации у афганцев.

В связи с ролью среди афганских племен традиционных обычаев и общественно-правовых актов, сконцентрированно выраженных в паштунвала, остается вопрос, в какой степени ислам вытеснил и заменил его во внутреннем социальном порядке пуштунских племен. Думается, что ислам, сосуществуя с традициями, оформленными в *адате*, пока не достиг доминирующего положения над ними, а является, помимо безусловно почитаемых у пуштунов присущих ему моральных норм, скорее системой понятий, через которую пуштуны могут выразить свою общность на более высоком идеологическом уровне, но к выражению которой прибегают лишь в особых обстоятельствах (как, например, иностранное вмешательство). Однако адат даже в этих обстоятельствах практически остается незатронутым. Например, хотя кровная месть порицается муллами в их проповедях и запрещается правительством, она, тем не менее, законна и даже почетна в глазах народа. *Бадал* — кровная месть — является одним из основополагающих положений паштунвала. А предусмотренный традиционным правом запрет наследования по женской линии прямо противоречит исламу. Использование ислама сильными афганскими правительствами с целью навязывания племенам своих представлений о системе правления в стране, границах с другими национальностями и т.п. нельзя признать до конца эффективным. Достаточно вспомнить политику эмира Абдуррахмана в отношении некоторых племен Пакистана и результаты действия пуштунских племен в Кашмире, которые привели лишь к временной и далеко не полной их мобилизации для достижения политических целей. Следовательно, религиозные моменты в самосознании пуштунов тесно переплетены с этническими и даже клановыми.

Еще одним подтверждением этого стала неудача попыток исламской фундаменталистской оппозиции вовлечь племена в орбиту своего влияния. В «зоне племен» ее роль была очень невелика. Все дело в том, что исламский фундаментализм по своей сути противоречит племенному образу жизни, разрушает племена, вводя, в частности, право наследования по женской линии, универсальные представления поверх клановых и этнических перегородок и т.д. Никаких исламских комитетов в зоне расселения племен не существовало, руководители племен просто не допустили бы их создания на своей территории. Вследствие этого основными районами действия фундаменталистской оппозиции были Кабульская провинция и северные районы, где вооруженная борьба носила особо ожесточенный характер, в то время как активных боевых действий в «зоне племен» не велось. В «полосе племен», как и встарь, действовали (и действуют) отряды племенного ополчения, возглавляемые главами

племен, причем их действия ограничены строго территорией расселения своего племени. Заняты они были, как и прежде, контролем над дорогами, организацией засад, нападением на автомашины.

Легкость установления власти талибов в пуштунских районах обусловлена тем, что применительно к ним фундаментализм этого движения, характерный и для пакистанской «Джамиат-е улема-е ислам», на которую они ориентировались, на практике в большинстве случаев оказался не разрушением традиционной структуры и патриархальных устоев, а, наоборот, средством их сохранения.

В целом иерархию власти на племенном уровне контролируют лидеры племен, а не мусульманское духовенство. В пуштунских племенах в Афганистане суннитские религиозные лидеры имели и имеют слабую институциональную базу, хотя и пользуются широким уважением у населения. Более того, в племенах муллы не пользуются теми привилегиями, которые есть у пуштунов. В частности, муллы не имеют права голоса на джирге. А среди кочевых племен муллы, подобно членам профессиональных групп (ремесленникам, торговцам), являются аутсайдерами. Концепция отсутствия посредника между богом и людьми выступает вообще характерной чертой суннитского ислама. Сунниты считают, что человечество должно жить по законам Корана, сунны и шариата, но нет никакого посредника, осуществляющего контакт между землей и небесами. Статус суннитского духовенства среди пуштунских племен в связи с этой неопределенностью их положения весьма во многом зависит от сотрудничества с лидерами племен или с государством. На племенном уровне в Афганистане нет организованного духовенства. Иерархия религиозных деятелей возникает только на уровне племенных групп и городов, она лишь формально связана с властью старост деревни, помогая им контролировать соплеменников и интерпретировать традиционный закон в их интересах. Представители религиозной иерархии, интегрированной в госаппарат и являющейся своеобразным посредником между центральной и племенной властью, выступают одним из элементов государственной структуры, во взаимодействии с которыми находятся племена.

Взаимоотношения с государством

В целом государство и пуштунские племена являются взаимопроникающими социально-политическими феноменами. Племена находятся во взаимосвязи/противодействии с государством не как с неким монолитом, а с его составными частями. Иными словами, в Афганистане, как, например, и в Северном Йемене, сложилось особое политическое

образование — симбиоз государства и племен (как самостоятельных «политических» единиц и форм организации политического пространства), или, точнее, как отмечалось выше, государство продолжало сохранять черты племенного объединения. Государственная власть, по сути, не достигла племен. Исторически сложился дуализм власти — центрального правительства и племен, обладавших известной долей самоуправления. Государство и племя не смогли подавить одно другого, в итоге стали поддерживать и опираться друг на друга. Концептуально находясь в отношениях противостояния, на практике афганское племя и государство диалектически связаны как части целого и настолько же противоречиво взаимодействуют, поскольку по сути своей и в своих элементах разнородны. Конкретно это проявлялось в том, что племена обладали особыми отношениями с Кабулом, ревностно ограждали свой жизненный уклад, будучи способными быстро мобилизоваться для его защиты. Районы, населенные пуштунами, составляли известный политический противовес Кабулу. Попытки центральных властей посягать на полунезависимый статус племен приводили к серьезным социальным потрясениям, порой принимавшим масштабы и характер национальных катаклизмов. Отсюда слабость центрального правительства и неудачи его реформ. Сохранение племенной структуры тормозило любые новшества, генерировавшиеся Кабулом.

Контроль центральной власти был настолько слабым, что в ряде районов даже не было местных органов власти, административные функции выполняли ханы племен и главы кланов, опираясь не только на силу, но и на авторитет и традиционные нормы. В провинциях ханы борются за расширение своего патронажа, стремятся быть судьями в местных конфликтах.

Можно выделить три социально-политических типа племенной организации пуштунов, для которых характерны различные уровни и формы взаимоотношений с центральной властью. К первому типу относится наименее политизированная и наиболее эгалитаристско и антигосударственно ориентированная организация пуштунских племен, в которой роль *джирги* (совета, букв. «круг») является определяющей, роль вождя ограничена консенсусом джирги, от которого зависит сохранение лидерского статуса за тем или иным представителем племени (дзадзи, часть племен вазиров, афридиев и др.). В организации второго типа роль джирги отходит на второй план по сравнению с ролью вождя, приобретающей наследственный статус. Вожди этого типа активно использовались центральной властью для регулирования ситуации в племенах путем облечения их правами сбора налогов с соплеменников

и транзитных торговцев от имени правительства, прямого субсидирования и пожалования земельных участков. К этой группе относится часть племен дуррани, юсуфзаев, момандов и др. Третий тип племенной организации — кочевнический, для которого характерен низкий статус вождя и вообще отсутствие сколько-нибудь постоянного центра власти в группах, превышающих по размеру семью. К ним относятся часть гильзаев, дуррани, афридиев и др.

Подобная неравномерность изживания у различных пуштунских племен и кланов родо-племенных институтов и традиций вызвана неравномерностью социального и экономического развития в сочетании с особенностями политического бытия. В изолированных труднодоступных горных районах традиционные отношения и нормы обычного права паштунвала сохраняли значительную устойчивость. В районах, примыкавших к крупным экономическим и административным центрам, изживание традиционных институтов происходило гораздо быстрее. В наши дни их пережитки сохранились здесь, как правило, только на уровне групп семей, объединенных происхождением (или именем) общего предка и осознанием общности происхождения с другими, аналогичными группами.

Социологи и этнографы, изучавшие особенности разложения и трансформации родо-племенных отношений в пуштунском обществе, в зависимости от силы и устойчивости сохранившихся пережитков традиционных институтов нередко делят пуштунов Афганистана на «детрайбализованных» и «трайбализованных» (деление это бытует и в сознании многих представителей пуштунской интеллигенции). К трайбализованным относят пуштунов «полосы племен», протянувшейся вдоль границы с Пакистаном. Следует отметить, однако, что даже в тех районах Афганистана, где детрайбализация зашла весьма далеко, пережиточные представления о существовавшей клановой и племенной общности и в наши дни оказывают весьма серьезное влияние на политические настроения пуштунского населения.

Сами пуштуны именуют два типа социальной организации, на которые племена начали делиться с начала XX в., как *нанг* и *каланг*. «Нанг» (чувство чести, честь) преобладает среди горных племен и означает следование традициям и обычаям, предписываемым паштунвала. Хозяйство в таком обществе основано на пастбищном скотоводстве, население проживает в небольших деревнях и одиночных поселениях. Эгалитарное и не имеющее руководителя племя не подпадает под большую государственную систему (в этом плане важно существующее в сознании афганцев деление на *ягестан* — «земля племен», буквально

«земля повстанцев» и *хукумат* — «правительство») и состоит из ряда родственных групп, в которых очень высока степень родственной самоидентификации. Население неграмотно, происходит устная передача традиций. «Каланг» (дань, налог) распространен среди равнинных пуштунов, в среде которых происходит размывание и отмирание обычаев паштунвала. Хозяйство основано на орошаемой земледелии и собственности на землю. Население проживает в больших деревнях, наблюдается тенденция к урбанизации. Иерархически организованное сообщество возглавляется ханом и включено внутрь больших систем, общественный статус его членов определяется в большей степени материальным положением или сферой городских занятий (служба в армии, полиции, административном аппарате и т.п.). Население грамотно, осуществляется письменная передача знаний.

В целом можно говорить о превращении рода в клан, что свидетельствовало о переходе этноса на новую ступень развития. Если в племени существует только род, то превращение рода в клан (на уровне благородных родов) указывает на возникновение племенного объединения и формирование протонародности, в рамках которой сосуществуют клан и род. В основе клановой солидарности и взаимопомощи лежат кровнородственные отношения (по мужской линии до седьмого колена), которые на социально-психологическом уровне подкрепляются верой в духов предков, бытовой обрядностью, изустной историей и т.п. Пренебрежение кем-либо из членов клана традициями солидарности и взаимопомощи делает его человеком, не заслуживающим уважения. В свою очередь, клан обеспечивает коллективную защиту каждому из его членов, в том числе и от произвола отдельных представителей государственной власти.

Переход афганцев к началу XVIII в. к оседлости и земледелию и закрепление определенной территории за тем или иным племенем означали складывание народности, когда клан дробится на большие семьи, на базе которых возникает территориальная (соседская) община, а в ее рамках — территориальный клан.

Собственностью общины, т.е. принадлежащими всем ее членам, считались лишь пастбища, пустоши и леса. Коллективное пользование ими, а также ирригационными сооружениями и мельницами в значительной степени уступило свое место частному долевному пользованию. Если крупные магистральные каналы и остаются в совместном владении, то поступающая по ним вода и мелкие оросительные сооружения являются частной собственностью. Жители деревни совместно трудятся над сооружением и ремонтом крупных ирригационных сетей,

прокладыванием дорог, строительством оборонительных укреплений. Коллективная обработка земли у племен отсутствует, обычай передела земли (*веш*) к концу XIX в. фактически прекратил свое существование. Даже пастбища у кочевников находятся в собственности индивида или группы индивидов. Вполне возможно, что кочевые племена осели на земле, чему в немалой степени способствовало выращивание опийного мака. По крайней мере, по свидетельству очевидцев, к концу XX в. прекратились сезонные перекочевки в Пакистан. Мельчайшей социальной клеткой в племенах давно является малая хозяйственная семья, хотя низкий уровень производительных сил и объективно сложные условия хозяйственной деятельности в «зоне племен» сохраняют необходимость в объединении их усилий для совместного противостояния экономическим трудностям.

Процессы в афганском этносе носили, таким образом, многоплановый характер становления протонародности и превращения ее в народность.

Ослаблению племенной организации способствовала и переселенческая политика афганских эмиров.

Попытка М. Дауда нарушить баланс между племенами и центральной властью в пользу последней во многом способствовала дестабилизации политической ситуации. Но в условиях войны и всеобщего разрушения, вынудивших племена самоизолироваться, на первый план стала выступать военно-племенная организация. Некоторые крупные кланы и племена, наиболее удаленные деревни в условиях войны усилили и даже заново воссоздали свои самоуправленческие воинские атрибуты: джиргу как высший орган политической и военной власти и вооруженное ополчение всех мужчин. Так, в 1981 г. в районе Кандагара началось движение местных собраний (джирг).

Племена, которые поддерживали отношения с правительством НДПА, формировали на своей территории так называемую милицию (*малиши*). Кабульское руководство не создавало в этих районах собственные структуры власти. Основными задачами милиции были защита ее районов от моджахедов и охрана дорог, используемых правительственными силами. Отряды малишей, как правило, противостояли моджахедам, принадлежавшим к враждебному племени. Их отношения с правительством были похожи на связи между отрядами моджахедов, действовавших на афганской территории, и партиями оппозиции в Пешаваре: милицеские формирования могли менять свою лояльность в зависимости от собственной выгоды, но не поддавались внешнему контролю.

В настоящее время племена у афганцев утрачивают черты кровнородственного коллектива. Они оказались удобной формой для занятия

наркобизнесом, который делает членов племени объединением людей, занятых одним делом. В 1989 г., по данным Госдепартамента США, на территории Афганистана было произведено около 650 т опиума-сырца (по сравнению с 41,5 т в 1984 г.), и по этим показателям Афганистан вышел на второе место в мире после Мьянмы (Бирмы). Производство опиума в Афганистане непрерывно росло на протяжении всего периода 90-х годов XX в. Еще в 1991 г. Афганистан вышел на первое место в мире по выращиванию опиумного мака, когда преимущественно в зонах, контролируемых отрядами моджахедов, было выращено 2400 т опиума. В 1994 г. в Афганистане произведено 3000 т, то есть на 500 т больше, чем в Мьянме и Лаосе. В 1997 г. собрано 2805 т опиума-сырца, в 1998 г. — 2700 т, в 1999 г. — 4580 т с площади 80 тыс. га (75% мирового объема), что адекватно примерно 460 т героина, а в 2002 г. — 3400 т. Приграничные районы оказались чуть ли не сплошной полосой плантаций и пунктов по производству наркотиков. Выгоднейшее производство, контрабандная транспортировка и торговля наркотиками превратили внешне традиционные пуштунские племена в военно-политические образования, весьма напоминающие дисциплинированные мафиозные корпорации.

Сохранению Афганским государством черт союза племен во многом способствовало влияние особенностей пуштунского племени на политическое развитие страны.

Структуры племенного союза и Афганское государство (1747–1978)

Важнейшей предпосылкой формирования государства явилось то, что знать некоторых афганских племен уже в XVI — первой половине XVII в. заняла важное место в иерархической системе управления территориями государств, в границы которых в эту эпоху входили области современного Афганистана (государства Шейбанидов, Великих Моголов и Сефевидского Ирана). Внутри пуштунского этноса выделились привилегированные кланы, обязанные своим возвышением не столько положению в традиционной системе родо-племенного деления, сколько связям с сефевидским двором. Например, Сефевиды сделали вождем племени абдали Асадулла-хана Попользая (род. 1558), главу клана садозаев, к которому принадлежал и основатель Афганского государства Ахмад-шах Дуррани. Садозаи получили в связи с этим ряд привилегий: их представителей нельзя было, например, предать смертной казни за совершенные ими проступки или преступления; на них не распространялись законы кровной мести.

Образование государства ханами племен

На фоне ускоренного социально-экономического развития пуштунских земледельческих поселений названные обстоятельства привели к тому, что знать абдали после развала империи Надир-шаха Афшара (1736–1747) сумела создать в восточных районах этой империи собственное государство, главой которого стал вождь племенного объединения. После гибели Надир-шаха афганские контингенты его армии, во главе которых стояло несколько ханов из племени абдали, захватив часть артиллерии и шахской казны, двинулись к Кандагару. Здесь около мазара Шир-Сурх в октябре 1747 г. собралась джирга наиболее влиятельных и могущественных ханов всех основных кланов племени абдали. После нескольких заседаний они избрали шахом молодого военачальника Ахмад-хана. В этом государстве абдалийские ханы, стоявшие у его колыбели, прочно заняли первое место, что обеспечило им в будущем руководящее положение в Афганской державе. Их привилегированное положение подчеркивалось переименованием всех абдали в *дуррани* (*дурр* — «жемчуг»). Принятие Ахмад-шахом титула *дурр-и дурран* («жемчужина жемчужин») указывало также на то, что сам шах среди дурранийских ханов является лишь «первым среди равных», что полностью соответствует известной формуле европейского Средневековья. Для дуррани шах был, прежде всего, вождем племени (этим, в частности, объясняются невиданные в других странах Востока простота и демократизм в общении с ним дуррани, а также афганцев других племен, о чем пишут все путешественники). Хань дурранийских племен стремились обеспечить за собой постоянное решающее влияние на государственные дела и участие в управлении государством. Они получили важнейшие государственные, придворные и военные должности, закрепленные за их семьями. Например, должность визиря, который был вторым после шаха лицом в государстве, получили наследственно ханы рода бамизаев племени попользаев. Вообще, из знати этого племени назначалась большая часть высших чиновников, в частности *ишикагаси* — глава придворного ведомства, церемониймейстер, «главный докладчик» и *мирухур-баши* (великий конюший) (последняя должность закреплена за ханами клана исхакзаев). Даже в конфликтных ситуациях шах не мог изменить установленной процедуры. Видную роль в государстве играли и многие ханы остальных племен дуррани, в особенности баракзаев. Из вождей афганских племен Ахмад-шах образовал постоянную джиргу в столице, с которой он совещался о важнейших государственных делах. Собрав в столице ханов крупнейших афганских племен (и прежде всего ханов дуррани) вместе с их дружинами, он, видимо, надеялся

держат их под постоянным наблюдением, чтобы иметь возможность решительно пресекать попытки неповиновения. Однако фактически владыками построенной заново столицы стали ханы дуррани, поскольку в окрестностях Кандагара находились поселения их племени. Поэтому Тимур-шах сразу по вступлении на престол перенес столицу в Кабул. Роль дурранийских ханов в политической жизни и привилегированное положение дурранийских племен, на которые они опирались, дали основание историкам именовать государство Ахмад-шаха и его преемников Дурранийской державой. Само это название отражает такую особенность данного государства, как его формирование на племенной основе.

Использование племенных институтов и налоговые послабления

В афганских землях империи Дуррани сразу не мог быть создан феодально-бюрократический аппарат и имело место постепенное приспособление для нужд молодой Афганской державы сохранившихся у афганцев органов родового строя, поскольку племенная знать не располагала еще достаточной силой, чтобы уничтожить освященные вековыми традициями социально-экономические порядки. Поэтому ханы племен преобразовали и адаптировали к новым условиям старые родо-племенные институты, совместив военную организацию, гражданское устройство и племенное начало в формах, всецело отвечавших их интересам.

В частности, высший надпарламентский орган власти в Афганистане — Лойя джирга — имеет своим прообразом джиргу племени. Она выступает в качестве важного элемента государственного строя Афганистана со времени образования Дурранийской державы и до наших дней. Лойя джирга созывалась королями и президентами для решения наиболее важных вопросов, связанных с престолонаследием, принятием конституций, объявления войны и т.п. Однако Лойя джирга имела не периодический, а чрезвычайный характер, т.е. ее созывы были приурочены к какой-либо конкретной проблеме, требующей совместного решения. Состоявшаяся 10–21 июня 2002 г. чрезвычайная Лойя джирга определила состав Переходной администрации во главе с Хамидом Карзаем, получившим президентские полномочия с правом принятия законодательных актов. С 14 декабря 2003 по 4 января 2004 г. проходили заседания конституционной Лойя джирги, на которой была принята Конституция Афганистана. Согласно последней Лойя джирга созывается для решения следующих вопросов: 1) принятия решения по вопросу независимости, национального суверенитета, территориальной целостности и высших интересов страны; 2) внесения поправок в конституцию; 3) в случае если

парламент, в порядке, прописанном в статье 69 Конституции, выдвинул обвинения против президента.

В большинстве своем афганские племена были освобождены от уплаты государственных налогов (или уплачивали подати весьма необременительные), за что обязаны были, как при Надир-шахе, выставлять в войска по всаднику с каждого плуга. Отряды этих войск составлялись из людей определенного клана и находились под начальством своих ханов и вождей. Главы кланов командовали более крупными подразделениями, вожди подразделений кланов — более мелкими отрядами, а шах, являвшийся в то же время верховным вождем дуррани, считался главнокомандующим всеми дурранийскими войсками. Эти войска, получившие название «ханской конницы», наряду с наемной гвардией самого шаха представляли собой основную силу афганской армии, лишь 30% численности которой приходилось на регулярные части. Дружины ханов и ополчения племен, составлявшие по численности большую часть вооруженных сил империи, никогда полностью не подчинялись власти шаха и были весьма слабо связаны между собой.

В части уплаты налогов в особо привилегированное положение было поставлено племя дуррани. Оно было освобождено от племенного налога, налога со скота, садов, виноградников, подымной подати, кроме незначительного сбора с мельниц и на содержание мирабов и кедхуда, не платило ничего. Сказанное в значительной мере относится и к другим афганским племенам.

В некоторых случаях отдельные племена были обязаны выплачивать шахам дуррани определенную дань, но, как правило, она носила чисто символический характер. Например, восточные гадуны посылали шаху ежегодно лошадь, одного-двух соколов и маленькую сумму звонкой монетой. Но даже в тех случаях, когда шахи взимали с племен в виде налога некоторые суммы денег, половину их удерживали в свою пользу ханы. Иногда же весь налог, собиравшийся с племен и всего того района, где это племя обитало, отдавался в *джагир* (пожалование) ханам племени за их службу в армии или при дворе шаха. Так, племя мухаммедзаев в конце XVIII в. насчитывало около 20 тыс. семей; с района, где находились их поселения, в год взималось 3 *лакха* (300 тыс.) рупий; налог этот был отдан в джагир их хану Гулам Мохиуддин-хану, приближенному Тимур-шаха. В ряде случаев сбор налогов в областях, населенных афганскими племенами, возлагался на местных ханов, присваивавших себе часть налогов, а у банну, марватов, отчасти у юсуфзаев — даже до половины. Отдача на откуп ханам права взимания налогов с племени во многом способствовала превращению ханов из родовых вождей в территориальных владык.

Власть ханов

Превращение ханов из родовых вождей в территориальных владык объясняется тем, что административное деление территории, занятой племенами, было проведено так, что земли каждого клана и крупного подразделения образовывали отдельную административную единицу, во главе которой уже в качестве правителя и представителя государственной власти был поставлен вождь соответствующего клана или подразделения. Таким образом, афганские племена управлялись своими наследственными или выборными ханами и джиргами (советами старейшин).

Под непосредственной властью шаха, осуществлявшейся через назначенных им правителей, находились в основном *вилайеты* (области или провинции), населенные неафганцами. Подобно тому как в племенах пуштуны занимали привилегированное положение по отношению к непуштунам, так и в стране территории, населенные пуштунами, имели особый статус. Таким образом, «лоскутный» характер империи Дуррани проявлялся не только в сфере национальной, культурной, языковой, но и в сфере административной.

Помимо сбора налогов на ханов возлагалась ответственность за безопасность горных проходов и дорог, за вывод населения подвластных им территорий на *бегар* (общественные работы). Кроме того, им поручали набор воинов в армию шаха. За выполнение этих функций ханам племен давали джагиры, и они становились вассалами шаха, обязанными ему несением службы.

В результате всех этих процессов ханы, которые были одновременно вождями своих племен, военачальниками, правителями и сборщиками податей, во многих случаях сохраняли фактическую независимость. В пределах своих владений ханы обладали всей полнотой власти, являясь там полными хозяевами.

Подобное всевластие афганских ханов предопределялось тем, что власть их носила двойственный характер, имела как бы двойную легитимность. С одной стороны, ханы облекались шахами властью над населением определенных областей и районов, превращаясь тем самым в вассалов шаха и представителей центрального правительства на территории своего племени, в результате чего происходило включение феодальной верхушки племен в административный аппарат державы Дуррани. В то же время ханы оставались патриархальными вождями своих племен и родов, их авторитет освящали традиции родо-племенного строя. Укреплению влияния ханов способствовало и то, что они сосредотачивали в своих руках помимо гражданской и военную власть, так как имели собственные дружины и командовали племенными ополчениями,

а также обладали судебной властью. Кроме того, при полукочевом характере хозяйства большинства афганцев власть хана усиливалась тем, что он был организатором и руководителем перекочевков.

В итоге, хотя внутренняя жизнь племени все еще в значительной степени регламентировалась положениями обычного (родового) права афганцев, ханы племен все больше и больше забирали в свои руки действительную власть, маскируя ее пережитками ушедшего в прошлое родового строя. Иными словами, речь шла о независимости ханов не только от шахов, но и от традиционных институтов. С ослаблением власти шахов Дуррани крупнейшие из этих ханов племен превращались в фактически самостоятельных владетелей. Одним из них в конце правления Тимур-шаха был Мансур Али-хан, правитель Баджура, населенного афганцами племени торкланри. Во всех вопросах внутреннего управления он был полностью независим — собирал в свою пользу налоги и пошлины, что давало ему до 1 лакха (100 тыс.) рупий в год, творил суд и расправу. Он обязан был лишь выставлять по требованию шаха воинский отряд, численность которого не была точно определена. К началу XIX в. этот племенной вождь превратился в фактически независимого князька, который был неограниченным владыкой над несколькими десятками тысяч подданных. Такими же независимыми князьками стали хан Дира и сеид Кунара.

Сказанное относится не только к афганским племенам, но и к части хазарейцев, находившихся под властью хакимов Бамиана и Кандагара, а также аймаков, подчинявшихся наместнику Герата. Вожди аймаков собирали налоги со своего племени, содержали за свой счет вооруженные дружины, творили суд над своими соплеменниками с правом жизни и смерти. Хотя они правили от имени шаха, их никто не контролировал в вопросах управления собственным племенем. С хазарейцев налоги также собирались местными хазарейскими ханами, ревниво оберегавшими это свое право от всякого вмешательства со стороны хакимов и чиновников.

Будучи подлинными хозяевами положения на местах, вожди афганских племен имели лишь одну существенную обязанность — несение воинской службы. Однако они выполняли ее лишь в той мере, в какой она представлялась выгодным и прибыльным делом для них самих. Таким образом, государство Ахмад-шаха напоминало союз племен и было весьма непрочным, а власть этого государства была фактически ограничена силой и влиянием вождей важнейших афганских племен, в первую очередь дуррани. В отношении их он не обладал сколько-нибудь действенными средствами принуждения, поскольку сами они располагали преоблада-

ющей военной силой. Оставался путь лавирования и компромисса. «Мир и согласие» между шахом и вождями крупнейших афганских племен могли быть сколько-нибудь прочными лишь при условии известного совпадения интересов обеих сторон, которое проявилось главным образом на почве завоевательных походов. Грабительские внешние войны были одинаково выгодны и шаху и знати. Успешная война пополняла казну шаха, что, в свою очередь, позволило ему создать хорошо оплачиваемую наемную гвардию. Набранная не из афганцев, а из таджиков и кызылбашей, она служила известным противовесом «ханской коннице» дуррани и являлась непосредственной военной опорой. Первая же военная неудача влекла за собой заговоры и восстания в самом Афганистане. Отказаться от походов и завоевательных войн значило для Ахмад-шаха обречь себя на бессилие в самом Афганистане, стать игрушкой в руках баракзайских ханов, вождей самого могущественного из дурранийских кланов. Так оно и произошло с его преемниками.

Особое положение племен

Привилегированное положение ханов, закрепленное в структуре государственного устройства, предопределило и особое положение племен в стране и тем самым фактическое двоевластие в лице центра и племен. Незавершенность разложения племен и становления народности, задержка на стадии протонародности обусловлены рядом причин:

- 1) наличием кочевого скотоводства как основы хозяйственной деятельности многих афганских племен;
- 2) устойчивым характером патриархальной деревенской общины в оседлых землевладельческих районах;
- 3) постоянным соседством оседлой и кочевой части населения, что консервировало исторически сложившееся разделение труда между кочевниками-скотоводами и оседлыми земледельцами;
- 4) медленным оседанием кочевников на земле;
- 5) политическим преобладанием афганской племенной знати.

Использование родо-племенных институтов вследствие указанных процессов послужило причиной консервации оставшегося к середине XVIII в. деления на племена и роды. В результате государство, являющееся, по сути, альтернативой племени, в Афганистане взяло на себя племенной этноним, сохранило и закрепило некоторые черты племенной структуры, став тем самым орудием трайбализма. В итоге государство во многом сохраняло черты племенного образования, что и обусловило самостоятельность входивших в его состав племен (в племенном объединении племена как раз и сохраняют независимость). Подобное развитие

событий не могло не обусловить слабость государства. Клановая система стала особенностью центральной власти. В целом государство оказалось опирающимся на неадекватную ему узкоэтническую и клановую базу племенной военной организации.

В свою очередь, слабость позиций руководства страны в условиях очень высокого этнического разнообразия толкала его к опоре на свой собственный клан. Тем самым круг замкнулся.

Особому положению племен и их автономии от центральной власти способствовал еще ряд обстоятельств. *Во-первых*, естественная изолированность районов их расселения, создаваемая горами, горными долинами и пустынями.

Во-вторых, родо-племенная организация афганцев представляла собой своеобразную, но совершенно определенную хозяйственную и административно-политическую систему, в рамках которой замыкалась деятельность основных масс афганцев. Раздел земли и воды, разверстка и взимание налогов и различных единовременных сборов, вербовка и набор в армию и т.д. производились по племенам. Каждое из афганских племен занимало свою строго определенную территорию с пастбищами, пашнями, укрепленными замками — *кала*, служившими резиденцией главам племенных подразделений — ханам и маликам.

Все эти процессы обусловили неустойчивость положения садозайских шахов и относительную слабость их власти. Зависимость шахов от отдельных племен и родов и неполная подчиненность центральной власти вели к тому, что афганские шахи не имели возможности вмешиваться в их дела. Показательны некоторые факты, характеризующие взаимоотношения садозайских шахов с племенами, занимавшими земли в районе Хайберского прохода. Чтобы держать его открытым, шахи, подобно правителям ранее существовавших государств, предпочитали откупаться от этих племен ежегодной выплатой крупных денежных сумм. При садозаях они получали до 130 тыс. рупий в год.

И все же контроль властей над Хайберским проходом не был прочным. Местные афганские феодалы, опираясь на силу окрестных племен, нередко нарушали движение караванов. Вожди племен постоянно взимали пошлины с торговых караванов, а то и грабили их.

О большой силе племенных отношений говорит и следующий факт. Когда Ахмад-шах задумал основать новый город взамен разрушенного Надир-шахом Кандагара и клан попользаев предоставил часть своих земель для будущей столицы, то постройка велась общими усилиями племени, и подобно тому, как в дурранийской деревне каждое племенное подразделение населяло отдельную ее часть, имеющую своего особого

старшину, так и в Кандагаре каждое подразделение отстроило и заселило свой отдельный квартал.

Ханы племен ревниво оберегали свою независимость от покушений со стороны шахской власти. Особенно это касается малых племен, проживающих на всем протяжении пакистанской границы, а иногда и за ней: джадран, мангал, тани, тури, момандов, мамудов, сафи, шинвари и др. Эти племена никогда не принимали власти государства. Рост феодального землевладения знати афганских племен, которая, как уже отмечалось, сохранила в своем распоряжении вооруженные силы и располагала почти бесконтрольной властью на территориях, занимаемых этими племенами, таил в себе зародыш неизбежных сепаратистских тенденций.

И эти тенденции не замедлили проявиться, что вызывало децентрализацию Дурранийской державы. В землях некоторых афганских племен, как указывалось выше, в конце XVIII в. создавались мелкие феодальные владения, такие как Дир у юсуфзаев, Лальпур у момандов и др. В землях других племен (прежде всего у дуррани) имел место переход значительной части государственного земельного фонда и шахского домена в руки местных феодалов, что также значительно ослабляло экономическую базу государства садозаев. Особенно интенсивно шло расхищение государственного земельного фонда в Кандагарской области, где уже к 1793 г. дурранийские сардары захватили почти половину всех облагаемых налогом земель, причем в казну шаха шло в два раза меньше, чем джагирдарам. Велики были владения джагиров также в Герате.

Центральную власть, опирающуюся лишь на одно племя, подрывали мятежи дурранийских ханов и вождей других афганских племен. Даже против Ахмад-шаха ханы неоднократно поднимали восстания. Кроме того, как и всякое феодальное государство, разросшееся путем завоевания, держава садозаев расшатывалась восстаниями покоренных народов.

При слабом экономическом развитии разобщенность завоеванных Ахмад-шахом территорий крайне затрудняла сколько-нибудь прочное их объединение. Большим препятствием к централизации была замкнутость отдельных афганских племен, продолжавших при сохранении фактической самостоятельности жить своими узкими местными интересами.

Противоборство центральной власти и ханов племен

Разумеется, шахи не могли мириться с подобным ходом событий и боролись с сепаратизмом ханов племен. В борьбе за укрепление власти шахи Дуррани могли опереться на гвардию, на разноплеменную (преимущественно ирано-таджикскую) служилую бюрократию и мусульманское духовенство, которые зависели от их милостей, и, наконец, на верхушку индийских купцов, участвовавших в финансировании завоевательных

предприятий афганских шахов. Однако всех этих сил было явно недостаточно, чтобы противостоять ханам афганских племен. Это обстоятельство вынуждало шахов Дуррани искать обходные пути к упрочению своего положения и власти.

Ахмад-шах, стремясь ослабить ханов могущественного клана баракзаев, выделил из него род ачакзаев. Гильзаям, одному из крупнейших племен, он запретил иметь вождя племени, а над отдельными кланами этого племени ставил правителями преданных ему сардаров — дуррани. Чтобы не допустить усиления власти правителя хаттаков, Ахмад-шах главе (раису) этого племени хакиму Акоры противопоставил хана Тери, дав ему также звание хакима, тем самым оба этих правителя были поставлены в одинаковое положение. До этого хаким Акоры считался старшим и хан Тери находился у него в подчинении. Ахмад-шах сделал также попытку противопоставить могущественным сардарам дуррани ханов восточноафганских племен. С этой целью было создано искусственное образование, известное под именем «бар-дуррани», т.е. «верхние», или «горные», дуррани, в которое вошли юсуфзаи, таркланри, моманды, хаттаки и некоторые другие восточноафганские племена.

Однако эта попытка не могла, конечно, решить вопроса подчинения ханов афганских племен центральной власти.

После смерти Ахмад-шаха в Афганистане продолжался рост крупного феодального землевладения ханов афганских племен и расхищение ими государственных земель. В то же время усилилось сопротивление покоренных народов афганским завоевателям. В итоге влияние центральной власти, особенно в отдаленных провинциях, постепенно слабело. В результате всех этих процессов Афганистан распался на ряд фактически независимых феодальных владений. Большая часть горных афганских племен сохраняла самостоятельность, управлялась по своим обычаям: ханами у одних — племен, советами старейшин (джиргами) — у других.

Почти весь XIX в. продолжалось собирание афганских земель. Решительную борьбу за преодоление раздробленности повел эмир Абдуррахман-хан. Только при нем в конце XIX в. Афганистан сложился как централизованное государство в современных границах. Он безжалостно расправлялся с непокорными племенами.

При Абдуррахмане была значительно увеличена регулярная армия, он запретил ханам иметь постоянные вооруженные отряды, возложив на них обязанность лишь в случае войны предоставлять ему конных и пеших ополченцев. Однако еще к началу гражданской войны 1928—1929 гг. основную оборонительную силу Афганистана составлял союз племен. К началу восстания боеготовность племенных ополченцев мало чем

отличалась от боеготовности афганской регулярной армии, но численность их была неизмеримо большей: если в афганской армии по штату насчитывалось около 23 тыс. человек, а в действительности армия не превышала 10 тыс., то по британским оценкам племена могли выставить 100 тыс. человек. Отсюда ясно, что Абдуррахман-хану не удалось окончательно подорвать силу знати афганских племен, ханы которых были носителями феодального сепаратизма. Он должен был считаться с их интересами, что ограничивало значение его централизаторских мероприятий. Ханы, хотя и ограниченные системой налогов, оставались лидерами своих племенных образований. На местах власть по-прежнему оставалась в руках местного хана. Даже при формировании армии новобранцы записывались в особые, различающиеся по племенному признаку роты, причем командование этими ротами было возложено на вождей соответствующих племен. Подобное положение дел было вызвано в том числе и тем, что в основе своей национальное сознание Абдуррахман-хана не столько даже оставалось пуштунским, сколько определялось принадлежностью к дурранийской группе пуштунских племен и, более конкретно, к трехсоттысячному баракзайскому клану, из которого он был родом. Этим объясняется то, что именно баракзай, став ядром регулярной армии эмира, сохраняли право на свой племенной суд, значительные налоговые льготы. Баракзайские мужчины пользовались ежегодными денежными пособиями, а женщины, выходя замуж, получали от эмира в приданое 100 рупий.

Для содержания пограничной охраны в виде прямого подкупа племенам выделялись значительные денежные суммы, что одновременно способствовало консервации их военной и социальной организации.

Попытки Амануллы-хана ограничить самостоятельность племен (уханов отобрано право сбора налогов, сокращены им субсидии и урезаны их привилегии) не могли не вызвать сопротивление племен, что явилось одной из основных причин кризиса 1928–1929 гг. Причем особую роль сыграло население Хоста, которое состоит из племен юсуфзаев, мангал и джадран, всегда поставлявших цвет племенного ополчения в афганскую армию, но вместе с тем необычайно ревниво отстаивавших свою независимость от центральной власти. В 1913 г. в ответ на попытку произвести насильственный рекрутский набор племена Хоста подняли восстание и сумели настоять на выполнении всех своих требований. Снятие налоговых льгот вызвало восстание в Хосте в 1924 г.

После потрясений гражданской войны 1928–1929 гг. восстановление в стране власти афганцев в лице Надир-шаха было обеспечено поддержкой племен. Он обещал афганцам вернуть положение господству-

ющей и привилегированной народности. Были восстановлены субсидии вождям афганских племен, они снова были наделены привилегиями. Как гражданская бюрократия, так и высший командный состав армии рекрутировались почти исключительно из представителей знатнейших афганских родов. Набор в войска был произведен по племенному принципу. Часть афганских племен была освобождена от уплаты налогов, некоторые племена получили правительственную субсидию. Для особо отличившихся вождей племен устанавливалась пожизненная пенсия. О силе вооруженных формирований племен говорит, например, тот факт, что еще в 40–50-х годах XX в. население Кунара дважды громило правительственные войска, когда те приходили выполнять распоряжения Кабула.

Подобное развитие событий свидетельствует о том, что интеграционистская политика, проводимая в отношении «зоны племен» с конца XIX в., не могла не иметь своих особенностей по сравнению с другими регионами страны. Более медленные темпы интеграции были обусловлены, в частности:

- 1) естественными географическими факторами и особенно сильным вооруженным сопротивлением племен, вызванным более длительным, чем у других народов Афганистана, сохранением у горных приграничных пуштунов элементов военно-племенной организации;
- 2) намеренной консервацией кабульскими режимами этих элементов с целью превращения «зоны племен» в заслон на пути колониальной Англии;
- 3) пуштунской этнической общностью правящей династии в Кабуле и ханской верхушки племен, которая облегчала многочисленные компромиссы между ними и дала этим ханам возможность, в конечном счете, влиться в буржуазно-помещичий блок дореволюционного Афганистана;
- 4) учетом возможности ухода части населения за «линию Дюранда» в случае недовольства политикой Кабула, что нередко вынуждало власти идти на уступки племенам.

В результате длительного противостояния центральной власти и верхушки племен сложился своего рода баланс сил. Однако в 50–70-х годах XX в. произошло дальнейшее укрепление центра. В это время власти достигли значительных результатов в решении проблемы интеграции племен. Позиции Кабула по отношению к пуштунской родо-племенной знати существенно окрепли с конца 1950-х годов, когда масштабная фи-

нансовая помощь из-за рубежа позволила укрепить регулярную армию. Военная помощь афганской армии и военно-воздушным силам впервые создала ситуацию, при которой племена перестали представлять реальную опасность для центрального правительства. Укрепление вооруженных сил, сопровождаемое важными экономическими мероприятиями, позволило постепенно вытеснять военные формирования племен. Тем более что экономическая помощь, осуществляемая через афганскую бюрократию, усилила контроль правительства над экономикой. В результате некогда противостоявшие государственной власти племенные союзы были раздроблены, а их военные формирования заменены регулярной армией, чем объясняется прекращение после Второй мировой войны восстаний племен.

Все это позволило распространить на районы племен общегосударственные административно-судебные, налоговые (включая расширение круга лиц, подлежащих прямому налогообложению), воинские и другие установления, включив тем самым эти районы в единую для всего государства систему административно-территориального управления. Значительно укреплен госаппарат. Последовательно проводилась линия на назначение на руководящие посты в местных органах власти не ханов племен, а подчиненных центру чиновников (губернаторов, окружных, уездных, волостных начальников), которые наряду с утверждавшимися ими старостами деревень постепенно заняли командные высоты в районах расселения племен.

С другой стороны, с целью уменьшения влияния ханов власти привлекали лидеров племен и их родственников на государственную и военную службу, предоставляли им места в парламенте, держали некоторых из них заложниками в столице, наделяли земельными угодьями вне пределов «зоны племен», направляли молодежь на учебу. В результате ранее могущественные ханы племен вошли в состав и растворились в буржуазно-помещичьей и бюрократической верхушке, перестав существовать как особый элемент социальной структуры. Использовались и такие методы, как противопоставление одних племен другим, игра на многочисленных противоречиях и т.д.

Были ликвидированы налоговый и судебно-правовой иммунитеты на территориях племен, а также урезаны их привилегии. Многие традиционные институты, в том числе джирги, стали придатками государственного аппарата и никакой самостоятельной власти на местах уже не имели.

Ослаблению независимости племен способствовала также постройка шоссежных дорог по всей стране. Расширилось дорожное строительство и в «зоне племен». Предприняты были меры по ограничению ношения

оружия, содействию переходу кочевников на оседлость, укреплению внутриторговых связей. В районах племен увеличилось число начальных общеобразовательных школ. Активизировал деятельность правительственный Департамент по делам племен, отделы которого функционировали в составе местных органов власти большинства провинций, в первую очередь на юге страны.

В результате всех этих процессов роль восточных приграничных племен значительно ослабла.

Однако государство так и не смогло достичь полной концентрации всей власти на территории «зоны племен». Каждое пуштунское племя, каждый клан продолжали занимать свою строго определенную территорию с пашнями, пастбищами, источниками воды и укрепленными замками (кала), служившими резиденцией глав племен и их подразделений (ханов и маликов). Губернатором провинции, территорию которой населяли те или иные племена, обычно назначался знатный сардар-дуррани.

Значительная часть горных пуштунов в приграничных провинциях Кунар, Нангархар, Пактия и Заболъ продолжала находиться под сильным влиянием местных авторитетов (маликов, старейшин, мулл), некоторые из приграничных племен (хугиани, шинвари, мангал, джадран, джаджи, ахмадзаи, тани и др.) сохраняли полувоенные отряды для защиты своих традиционных территорий, пастбищ, лесных участков и горных проходов, имели значительную степень автономного управления на уровне деревень и даже волостей. Даже в наши дни существуют административно-территориальные единицы, население которых состоит из клана того или иного племени. В провинции Пактия, например, в середине 1980-х годов границы 16 из 23 административно-территориальных единиц совпадали с территориями расселения пуштунских племен или их кланов: уезд Джаджи (основное население — *джаджи*), уезд Тани (основное население — *тани*), уезды Важе-Джадран и Спера (основное население — *джадран*), уезд Муса-хель (основное население — клан *муса-хель* племени *мангал*), уезд Джани-хель (основное население — клан *джани-хель* племени *мангал*) и др. В провинции Нангархар уезд Махмандара и волость Лальпур заселены момандами, уезд Назиан — шинвари и т.д. После падения режима талибов на карте страны появились новые уезды и даже провинции, совпадавшие с районом расселения тех или иных этнических групп. В частности, округ Хост был преобразован в провинцию, а в начале 2005 г. была создана провинция Панджшер.

Неполной была и экономическая интеграция «зоны племен» в общеафганские рыночные связи: хотя практически все ее районы были в той

или иной степени охвачены процессами общественного разделения труда и специализации в рамках Афганистана, население провинций, непосредственно примыкающих к «линии Дюранда», в своем экономическом развитии больше ориентировалось на пакистанские рынки. В связи с этим в сознании части оседлых жителей этих пограничных районов, а также кочевников — *убури* (т.е. транспограничных) не утвердилось прочного представления об их принадлежности к Афганистану, существовали представления о межгосударственном положении их племенных территорий. Нередко в ответ на притеснения властей местные жители покидали свои деревни и уходили в районы пограничных племен, за «линию Дюранда». Транспограничная солидарность пуштунов, сложившаяся в древний обычай под влиянием близкого соседства, экономических связей и этнической общности, закреплена в неписаном «кодексе чести». Эта солидарность часто проявлялась в ходе борьбы афганских и зарубежных пуштунов против центральной власти, угнетателей и колонизаторов в форме взаимного укрывательства преследуемых властями беглецов, обеспечения их кровом и продовольствием, а также военной поддержкой.

Учитывая эти характеристики «зоны племен», афганские режимы проявляли крайнюю осмотрительность в выборе средств воздействия на племена при возникновении конфликтных ситуаций. Предпочтительной всегда считалась тактика компромиссов (а не использование силы), противопоставление племен и их частей друг другу, посреднические услуги для решения спорных проблем с привлечением авторитетов из числа маликов и духовных лидеров, членов правительства и даже главы государства. Вместе с тем, как показывает исторический опыт, фактор силы всегда находился на одном из самых высоких мест в шкале традиционных ценностей приграничных пуштунов, и поэтому правительство Афганистана только тогда пользовалось их уважением, когда имело за собой прочные военные тылы.

Таким образом, можно говорить о том, что к 70-м годам XX в. племена продолжали представлять собой определенную силу. Вместе с тем они стремительно теряли свой особый статус, а верхушка племен — привилегии, что не могло не вызывать сопротивления вождей. В результате подобной политики, нарушившей соотношение сил центра и племен в пользу первого, возник еще один, хотя и не основной, очаг противоречий в и без того крайне нестабильной и взрывоопасной обстановке. Заметим, что в итоге разразилась гражданская война, разрушившая государство и возродившая военную организацию племен и их фактическую самостоятельность. Таким образом, все вернулось чуть ли не к тому, с чего начиналось Афганское государство. Вместе с тем в попытках укрепиться оно пережило за последние 100 лет почти все формы

политического режима — абсолютистскую монархию Абдурахман-хана, конституционную монархию Амануллы-хана, парламентскую монархию Захир-шаха, республику советского типа при НДПА, исламский режим моджахедов и теократию талибов. В настоящий момент оно вновь стоит на пороге перемен. Современное Афганское государство переживает период становления президентской республики, основанной на принципах демократии. Однако вряд ли и на этот раз удастся обойтись без племенных институтов. По крайней мере, слабость нынешнего правительства во многом вызвана тем, что большинство его членов долгое время прожили за границей и не имеют опоры в традиционном афганском обществе.

* * *

Исследование особенностей Афганского государства на протяжении почти двух с половиной веков позволяет прийти к выводу о сохранении им целого ряда особенностей союза племен. Можно выделить:

1. Черты Афганского государства, вызванные распространением на общество и государство свойств племен.

- Устойчивые местные сообщества каумы, формируясь на основе родственных отношений и связей «патрон—клиент», оказались распространены на все общество и всю политсистему, составив базовую единицу афганского социума. Эти сообщества и приверженность лидеру определяют позицию любого человека, независимо от его принадлежности к каким-либо партиям и занимаемого положения.
- Подобно тому как в племени хан распределяет и перераспределяет богатство, так и руководство страны выступало распределителем ресурсов.
- В племени пуштун занимает привилегированное положение по отношению к непуштунам, в стране привилегированным статусом стали обладать уже целые племена по отношению ко всем остальным этносам.
- Поскольку достойными видами деятельности пуштуны считали все, что связано с оружием, то военное дело стало их привилегией. Они занимали руководящее положение в армии, которая формировалась по племенному принципу.

2. Особенности Афганского государства, обусловленные положением племен.

- Подобно тому как племенем управляет хан, так и Афганское государство было создано ханами, закрепившими за собой

Раздел II. Политические системы государств Африки и Большого Ближнего Востока

важнейшие посты, и управлялось одним из них. До 1978 г. власть принадлежала ханам дуррани, потом перешла к гильзаям, а во второй половине 90-х годов XX в. оказалась у представителей южных племен — талибов. Государство взяло себе племенной этноним и стало орудием трайбализма. Были использованы племенные институты (например, джирги), племена имели налоговые послабления.

- Во многом благодаря большому значению военной организации племена смогли остаться более или менее независимыми не только в Афганистане, но и в Пакистане. Племена в значительной степени обладали (и продолжают обладать) автономией и самоуправлением, что проявляется в сохранении высокой значимости кодекса традиционных правовых установлений паштунвала. На протяжении всей истории Афганистана племена сохраняли контроль над своей территорией и, располагая вооруженными формированиями, фактически составляли политический противовес Кабулу, что позволяет говорить о дуализме власти — центрального правительства и племен. Образовался уникальный симбиоз государства и племен. (О силе племен говорит и то, что на территории современного Пакистана британцы в конце XIX в. создали существующую и поныне особую зону, где пуштунские племена сохраняли самоуправление. Здесь не действуют пакистанские законы, жизнь регулируется традиционными правилами и представлениями. Горцы не платят налогов в казну, но должны платить пошлину за ввоз товаров или продуктов на свою территорию.)
- Как и в племенном объединении, ханы сохраняли в Афганистане (и в Пакистане) всю полноту власти над районами расселения племен. Власть государства на племена фактически не распространялась.

6

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Становление государственности в республиках региона

Распад Советского Союза впервые в истории привел к образованию национальных государств на территории Центральной Азии. Становление государственности до сих пор не завершилось в регионе в реальном политико-правовом смысле. В результате произвольно проведенных в советское время границ между республиками естественные границы расселения народов были рассечены административными, обретшими в 1991 г. статус государственных.

Советская форма государственности объединяла этносы, на протяжении длительного исторического периода находившиеся в весьма сложных отношениях друг с другом. В результате ее развала исторические противоречия между бывшими советскими республиками или их субрегионами стали проявляться в открытой форме. Несовпадение этих границ с ареалами расселения крупных этносов может служить причиной межнациональных конфликтов: на юге Казахстана — между казахами и узбеками; в Оше и Узгене — между киргизами и узбеками; в Самарканде, Бухаре, в Ленинабадской области (ныне — Согдийская) Таджикистана — между узбеками и таджиками; в Каракалпакии — между узбеками и каракалпаками; в оазисах Амударьи — между узбеками и туркменами; а также между русскими и казахами в Северном Казахстане. Независимость объединила в государства национальные, религиозные и культурные общности, весьма далекие друг от друга. Потенциально это создает основу для всеобщего регионального конфликта, связанного с возможностью пересмотра существующих границ.

Ни одно из государств Центральной Азии не является этнически однородным. В последние годы существования СССР лишь в Туркмении и Узбекистане доля населения титульной национальности составляла около 70%. В Таджикистане этот показатель составлял около 60%, в Киргизстане — около 50% и около 40% — в Казахстане. Эмиграция русскоязычного населения, правда, резко повысила эти доли.

Именно из Центральной Азии исходило основное направление миграции в Россию. Среди всех вынужденных мигрантов в РФ (включая

выехавших из российских территорий) на долю выходцев из этого региона приходилось 40–45% в 1992–1993 гг. и более 70% в 1994–1997 гг. Уже к 1997 г. в Центральной Азии проживали только 9 млн русскоязычных (в 1990 г. в регионе насчитывалось 9,7 млн лишь русских). Уже по последней переписи населения 1999 г. в Казахстане русских было почти в 2 раза меньше, чем казахов (в советский период их доли были практически равны (за 10 лет количество русских сократилось более чем на четверть)). Еще быстрее за это время сокращалась доля русских в других республиках региона: в Узбекистане — на 27%, в Киргизстане — более чем на треть (сокращение доли с 21,5 до 12,5%), в Туркмении — в 3 раза (с 9,5 до 2%), в Таджикистане — в 5,7 раза (с 7,6 до 1,1%). Довольно быстрый процесс уменьшения русских диаспор в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане представляется необратимым. На рубеже веков поток миграции ослаб, хотя и продолжается. Русские не имеют никаких перспектив в условиях явной дискриминации (в бытовом плане более глубокой, чем в Прибалтике). Резкое уменьшение русского населения является негативным фактором, поскольку они как этнос всегда выполняли интегрирующую функцию в Центральной Азии.

Увеличивается значение узбекского населения, уже весьма заметного во всех государствах. Особенно это видно на примере Ферганской долины, где около 1 млн узбеков проживает в Согдийской области Таджикистана и 500 тыс. — в Ошской области Киргизстана (а всего доля узбеков составляет около четверти населения обеих стран). Наименьшее число узбеков проживает в Казахстане, но и там растет их численность в южных районах. Что касается самого Узбекистана, то там уже проживает около 45% населения всего региона.

Внутри Советского Союза Средняя Азия рассматривалась как единый экономический регион. Ему отводилось особое место в межрегиональном разделении труда с упором на поставки сырья; многие жизненно важные ресурсы и продукты направлялись в район из России, что предопределило конфигурацию современных транспортных путей; в экономических связях не учитывались административные границы, ставшие ныне государственными. Таким образом, экономическое пространство региона было единым, что вступает в противоречие с современным статусом независимых государств.

Масштабы экономики Центральной Азии невелики. На Центральную Азию приходилось даже в 1991 г. 0,4% мирового ВВП — при почти 1% мирового населения. Центральная Азия как новый претендент на самостоятельную роль в мировом хозяйстве находится далеко не в худшем положении. Лидер по полноте набора ресурсов и объемам добычи

полезных ископаемых — Казахстан. Его минерально-сырьевая база включает самый широкий в регионе набор полезных ископаемых (топливных, рудных, неметаллических), и уровни добычи по большинству видов достаточно велики уже сейчас. Богата и минеральная база экономики других стран Центральной Азии: в Узбекистане есть газ и золото, в Туркмении — газ, в Киргизстане и Таджикистане — золото и уран. Возможности экономического восстановления республик связаны почти исключительно с добычей и транспортировкой сырья.

Центральная Азия была фактически «вытолкнута» из Советского Союза. В 1991 г. за сохранение СССР на референдуме проголосовало подавляющее большинство населения Узбекистана, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана (только в Туркмении цифра была не так высока — 80% населения). Провозглашение независимости центральноазиатскими странами в конце 1991 г. было отчасти вынужденным. Получение суверенитета потребовало от правящих элит проведения ряда мер по закреплению и легитимизации собственного положения, поддержанию жизнеспособности экономики и социальной системы, замене коммунистической идеологии национальной, определению своего места в мировом сообществе и международном разделении труда и т.п.

В основе расформирования Советского Союза лежало представление, что, отделившись от других республик, Россия сможет избавиться от непосильного финансового бремени. Предполагалось, что к тому же она сможет избежать демографического давления; использовать в своих интересах весь производственный и научно-технический потенциал и на этой основе ускорить темпы экономического роста; избежать традиционалистских влияний на общественно-политические процессы в обществе и ускорить переход к «открытой» политической системе и правовому государству. Этими постулатами руководствовалась и внешняя политика России в первой половине 1990-х годов. Практические действия РФ (подписание Беловежских соглашений за спиной центральноазиатских стран, начало радикальных экономических реформ без какого-либо согласования с ними, ориентация внешней политики исключительно на Запад, создание отдельных вооруженных сил и т.п.) наглядно показали, что новые руководители страны считали Центральную Азию бесперспективной. Российская внешняя политика почти демонстративно игнорировала государства региона. Часть российской элиты не разделяла подобные воззрения.

Особенности внешнеполитического поведения РФ на первом этапе привели к тому, что осуществление правящими элитами региона всех вышеупомянутых мер мыслилось на основе «отъединения» от России.

Отсюда — введение национальных языков, ограничение кооперационных связей с РФ, прямой выход со своей продукцией на мировой рынок, вступление в различные международные организации и т.п. Одним из последствий разъединения стал глубокий экономический и социальный кризис, охвативший все страны Центральной Азии.

В регионе нередко бытовали неверные представления о механизме воспроизводства в советской экономике, положении на мировом рынке, роли русского и русскоязычного населения в соответствующих республиках, последствиях роста национализма и возрождения ислама. В интеллектуальных кругах Средней Азии издавна существовало представление об «ограблении» Центром союзных республик, в том числе из-за системы цен, существовавших в Советском Союзе. Реальная же картина, если считать в мировых ценах, была обратной. В 1991 г. дотации из общесоюзного бюджета составляли 44% бюджета Таджикистана, 42% — Узбекистана, 34% — Киргизстана, 23% — Казахстана, 22% — Туркмении. Некоторые считают даже эти цифры заниженными. По словам президента Киргизстана А. Акаева, все 1970–1980-е годы республика получала прямые ежегодные субсидии на уровне 10% ВВП, а в 1991 г. — 13%. А общие субсидии (включая косвенные) он оценивает в размере 30% ВВП. Прямые централизованные дотации Узбекистану к началу 1990-х годов составляли 20% ВВП республики, не считая отмеченного скрытого субсидирования. Именно резкое сокращение прямых и косвенных дотаций со стороны России привело к падению инвестиций и сокращению ассигнований на социальную сферу в регионе.

Недооценивался тот факт, что за годы советской власти возникла тесная взаимозависимость всех республик. К моменту распада СССР на долю других советских республик приходилось 81% товарооборота Туркмении, 89% — Казахстана, 90% — Узбекистана, 99% — Киргизстана. Сокращение этих связей вызвало падение производства в Центральной Азии.

Не оправдались надежды на широкую международную помощь и активный приток иностранного капитала. Хотя Запад экономически поддержал образование суверенных государств Центральной Азии, это содействие было относительно невелико. Что же касается притока иностранного капитала, то его сдерживали политическая нестабильность, неясность перспектив развития этих стран, их географическое положение, слабость рыночной инфраструктуры и т.п.

Даже в советский период внутренняя экономическая дифференциация Центральной Азии была весьма велика. Безусловным экономическим лидером к моменту распада СССР являлся Казахстан, дававший

в 1991 г. почти половину валового внутреннего продукта (ВВП) региона. Узбекистан производил около трети регионального ВВП, а остальное приходилось, почти равными долями, на оставшиеся три республики. В 1991 г. Центральная Азия занимала по доходу на душу населения одно из первых мест в Азии (не считая Восточную Азию). Она была сопоставима с Турцией и Ираном, существенно опережая Китай и очень существенно — Индию и Пакистан. Даже с учетом наступившего после 1991 г. экономического спада в большинстве государств Центральной Азии соотношение ВВП/население в этом регионе является более благоприятным, чем у большинства соседей (не говоря уже о социальной инфраструктуре).

Страны Центральной Азии располагаются в порядке снижения ВВП на душу населения в такой последовательности: Казахстан, Туркмения, Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан (официальные статистические цифры по Центральной Азии по периоду 1992–2009 гг. вызывают определенные сомнения; очень большой разрыв существует и в оценках экспертов, некоторые из которых гораздо выше оценивают душевой доход в Туркмении и Узбекистане).

В первой половине 1990-х годов произошло резкое падение ВВП всех южных республик (до 50–70% в Киргизстане). В Таджикистане вообще произошел обвально-катастрофический спад: ущерб от гражданских войн и межэтнических конфликтов оценивался в десятки миллиардов долларов. Наблюдалось снижение не только промышленного производства (в Казахстане в 1995 г. оно составляло половину от уровня 1990 г., а в Узбекистане — одну четверть), но и сельскохозяйственного (в Казахстане и Киргизстане — почти наполовину). Произошло существенное падение реальных доходов населения (так, большинство экспертов оценивало сокращение за пять лет душевого дохода в Казахстане в два-три раза).

Во второй половине десятилетия центральноазиатским странам удалось остановить падение. По данным Европейского банка реконструкции и развития, уже в 1998 г. (несмотря на негативное воздействие финансового кризиса в России) прирост ВВП составил в Туркменистане 5%, в Киргизстане — 4%, в Таджикистане — 3%, в Узбекистане — 2%, а в Казахстане — 1%. Новое тысячелетие ознаменовало существенный прирост ВВП во всех республиках региона. Первой страной, которая вышла на уровень 1990 г. по масштабам ВВП, стал Казахстан. Для остальных республик ежегодный рост экономики в новом тысячелетии составлял 6–12%, за исключением 2009 г.

Однако социально-экономическая ситуация в регионе остается крайне тяжелой (за исключением Казахстана). Обращает на себя внимание очень высокий уровень бедности и безработицы в Туркменистане. Резкий рост цен на углеводороды позволил добиться неплохих показателей по такому параметру, как ВВП на душу населения (6,7 тыс. долл. на душу населения по паритету покупательной способности). Однако существенно ухудшилось качество жизни среднего жителя республики и сложилось катастрофическое положение с бедностью, которая превратилась в основную проблему уже в начале 1990-х годов. По международной статистике, бедными (получающими менее 2 долл. в день) являются 49,6% населения. По индексу человеческого развития, исчисляемого Программой развития ООН, Туркменистан опустился на 109-е место в мире. Государственные доходы в Туркменистане на душу населения превышают этот показатель в Узбекистане почти в 6 раз, однако они долгое время расходовались практически исключительно на непроизводительное строительство и сомнительные проекты. Очень велика доля бедных в Таджикистане (50,8%), Киргизстане (51,9%) и Узбекистане (76,7%). По индексу человеческого развития эти страны занимают соответственно 127-е, 120-е и 119-е места в мире. Казахстан по этому параметру находится на 82-м месте, а бедных здесь насчитывалось лишь 17,7%.

За последнее время республики Центральной Азии стали существенно отличаться по самым разнообразным параметрам, включая политические, социально-экономические и культурно-цивилизационные. Отличаются и динамика, и векторы развития. В этих условиях нерешенность массы вопросов (этнические, пограничные, водные, транспортные и т.д.), связанных с советским наследием и чрезмерно быстрым распадом СССР, неизбежно провоцирует конфликты.

Политическая система государств региона

Постсоветские конституции среднеазиатских стран 1950 г. декларируют сходные постулаты. Они провозглашают республики суверенными, демократическими, светскими и правовыми государствами с президентской формой правления. За исключением Узбекистана, они объявляются унитарными государствами (хотя в Конституции Таджикистана, например, специально выделяется Горно-Бадахшанская автономная область, которой предоставлены особые права, но которая объявлена составной и неделимой частью Республики Таджикистан). Декларированы различные демократические права: на равенство, на свободу религии, слова, мнений, собраний, создания различных партий и общественных

организаций, передвижения, на частную собственность и т.д. Носителем суверенитета и единственным источником государственной власти провозглашается народ. Однако, естественно, все эти принципы являются чисто декларативными, как и объявленный принцип разделения властей на самостоятельно действующие законодательную, исполнительную и судебную.

Президент обладает очень большими полномочиями. Он провозглашается «символом и гарантом единства народа и государственной власти, незыблемости Конституции, прав и свобод человека и гражданина» (Казахстан), «гарантом соблюдения прав и свобод граждан, Конституции и законов Республики Узбекистан», «символом единства народа и государственной власти, гарантом Конституции, свобод и прав человека и гражданина» (Киргизстан), «гарантом Конституции и законов, прав и свобод человека и гражданина, национальной независимости, единства и территориальной целостности, преемственности и долговечности государства, согласованного функционирования и взаимодействия государственных органов, соблюдения международных договоров Таджикистана», «гарантом государственной независимости и статуса нейтралитета Туркменистана, его территориальной целостности, соблюдения Конституции и выполнения международных обязательств». Везде он является высшим должностным лицом. В Казахстане, Киргизстане и Таджикистане президент объявлен главой государства, определяющим основные направления внутренней и внешней политики государства, в Узбекистане и Туркменистане — главой государства и исполнительной власти (в Туркменистане он является одновременно председателем кабинета министров).

Президент избирается на пять лет в Казахстане (до 2007 г. был семилетний срок), Киргизстане и Туркменистане, а в Узбекистане (до 2002 г. был пятилетний срок) и Таджикистане его выбирают на семь лет. Ряд конституций предусматривает невозможность занимать пост президента более двух сроков, но эта норма не распространяется на предшествующий период, а в Казахстане данный принцип не действует в отношении президента Нурсултана Назарбаева.

Именно президент обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти. Он является Верховным главнокомандующим, назначает и смещает высший командный состав Вооруженных сил, в случае агрессии или непосредственной внешней угрозы стране объявляет состояние войны (Узбекистан и Киргизстан), вводит военное положение и объявляет мобилизацию (Казахстан и Таджикистан). Президент образует Совет безопасности и руководит им, формирует службы национальной безопасности и государственного контроля,

назначает и освобождает от должности их руководителей. Важнейшим полномочием является его право вводить на всей территории республики и в отдельных ее местностях чрезвычайное положение. Во всех республиках президент руководит проведением внешней политики, ведет переговоры и подписывает международные договоры.

Он назначает и увольняет премьер-министра (в Казахстане, Киргизстане и Таджикистане — с согласия парламента) и министров, образует и упраздняет министерства и другие органы государственного управления (в Узбекистане и Таджикистане; в Казахстане и Киргизстане — те учреждения, которые не входят в состав правительства или подчинены непосредственно президенту). Во всех республиках президент назначает и освобождает от должности генерального прокурора и его заместителей, председателя Национального банка (в Узбекистане — Центрального банка) и его заместителей (в Киргизстане — и членов правления), а также председателя Комитета национальной безопасности, председателя и двух членов Центральной избирательной комиссии, председателя и двух членов Счетного комитета по контролю над исполнением республиканского бюджета (Казахстан); председателя и членов Высшего хозяйственного суда, председателя Государственного комитета по охране природы (Узбекистан); председателя Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов, председателя и аудиторов Счетной палаты, половину состава членов Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов (Киргизстан); образует Центральную комиссию по выборам и проведению референдумов в Туркменистане, вносит изменения в ее состав. Президент контролирует всю вертикаль исполнительной власти. Во всех республиках он назначает и освобождает от должности руководителей областей, столицы и автономных республик; городов республиканского значения в Казахстане, а дополнительно к этому — всех городов и районов в Таджикистане, Киргизстане и Туркменистане, вправе освобождать от должности руководителей районов и городов в Узбекистане. Если конституции большинства республик предусматривают согласие на это соответствующих органов законодательной власти, то в Туркменистане руководители всех уровней называются «представителями президента Туркменистана на местах». Президент может отменять или приостанавливать действия актов органов исполнительной власти любого уровня.

Президент принимает решение о проведении республиканского референдума, объявляет об очередных и внеочередных выборах в парламент и в местные представительные органы. Он имеет право созывать внеочередную сессию парламента, подписывать законы либо возвращать их со своими возражениями в парламент для повторного

обсуждения и голосования. Президент может издавать указы, постановления и распоряжения, имеющие обязательную силу на всей территории республики.

Контроль над судебной властью президент получает благодаря системе назначений. В Казахстане именно президент назначает председателя и двух членов Конституционного совета, а также председателя и членов Высшего судебного совета, который и предлагает кандидатуры председателя и судей Верховного суда. В Узбекистане президент представляет парламенту кандидатуры для избрания и отзыва председателя и членов Конституционного суда, Верховного суда и Высшего экономического суда, назначает и освобождает от должности судей областных, районных, городских и хозяйственных судов. В Таджикистане президент создает Совет юстиции, по представлению которого он назначает и освобождает судей военных судов, суда Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городских и районных судов и судей экономических судов Горно-Бадахшанской автономной области, областей города Душанбе. В Киргизстане президент представляет парламенту кандидатуры для избрания на должности судей Конституционного суда и Верховного суда, а по предложению Национального совета по делам правосудия он назначает и освобождает судей местных судов. В Туркменистане все судьи назначаются единолично президентом, а Конституция страны гарантирует, что «все судьи независимы, они подчиняются только закону и руководствуются внутренним убеждением».

Все конституции Центральной Азии предусматривают, что президент решает иные вопросы, отнесенные к его компетенции Конституцией и законами.

Возникновение практически во всех республиках региона сильной президентской власти обусловлено как экономическими факторами (необходимостью радикальной реорганизации промышленности, преодоления разрыва между традиционным и современным секторами в агросфере и т.д.), так и потребностями национальной элиты в консолидации, проведении приватизации и закреплении тем самым своего влияния в условиях новой модели общественного развития. Необходимо учитывать длительное и устойчивое существование в регионе «коллективистского» вектора развития, как и везде на традиционном Востоке (в отличие от Запада, с его ориентацией на индивидуализм).

Биографии президентов стран Центральной Азии достаточно схожи. Нурсултан Назарбаев, бывший член Политбюро ЦК КПСС, стал президентом Казахстана в 1990 г. (избран в 1991 г.), в 1999 г. был переизбран на второй срок на семь лет. На последних президентских выборах, проведенных в декабре 2005 г., Н. Назарбаев набрал уже 91,1% голосов

(единый кандидат от оппозиции Жармахан Туякбай получил лишь 6,6% голосов). Следующие выборы пройдут в 2012 г. (как отмечалось, специальная статья Конституции не распространяет принятые нормы на Н. Назарбаева).

Аскар Акаев, став президентом Киргизстана в 1990 г., выигрывал выборы в 1991, 1995 и 2000 гг. (в том году он получил 74% голосов). Революция 2005 г. привела к отставке А. Акаева и приходу к власти нового президента — Курманбека Бакиева. На выборах, проведенных летом 2005 г., он набрал 88,6% голосов, а его главный оппонент — лидер Социал-демократической партии Киргизстана Алмазбек Атамбаев получил 8,4% (в 2007 г. он был назначен премьер-министром, однако вскоре оказался в оппозиции к власти).

Сапармурат Ниязов, бывший член ЦК КПСС, был избран президентом в 1990 г., в 1992 г. переизбран (на безальтернативной основе, получил 99,5% голосов). «По просьбе народа» было принято решение о пожизненном президентстве С. Ниязова. В 2003 г. было обнародовано постановление туркменского парламента «Об избрании пожизненного президента нейтрального Туркменистана великого Сапармурата Туркменбаши пожизненным председателем Халк Маслахаты (Народного совета)». Таким образом, если С. Ниязов, под давлением международной общественности, был бы вынужден покинуть свой пост, то ему легко было бы изменить политическую систему и ввести некое подобие «Вестминстерской модели». Можно предположить, что с этим сценарием было связано и заявление С. Ниязова, сделанное в 2005 г., о возможности проведения в стране уже в 2009 г. президентских выборов и о необходимости создания многопартийной системы. В декабре 2006 г. С. Ниязов умер, и его преемником стал Гурбангулы Бердымухамедов, который на выборах 2007 г. получил 89,2% голосов (представители ОБСЕ назвали президентские выборы «фарсом» и «спектаклем»).

Ислам Каримов, бывший первый секретарь ЦК компартии Узбекистана, был избран президентом в 1990 г., переизбран на второй срок в 2000 г. (получил почти 92% голосов). В январе 2002 г. в Узбекистане прошел референдум об увеличении срока полномочий президента до 7 лет, и И. Каримов получил возможность пребывать у власти до 2020 г. На президентских выборах 2007 г. он получил 88,1% голосов (его основной оппонент — Аслиддин Рустамов от Народно-демократической партии Узбекистана получил 3,2% голосов).

Президент Таджикистана Эмомали Рахмонов в 1992 г. был избран председателем парламента Таджикистана (институт президентства был упразднен). После окончания гражданской войны и возвращения Таджикистана к президентской форме правления Э. Рахмонов был избран

президентом (1994 г.). В Таджикистане решения властей по полномочиям президента полностью напоминают ситуацию в Узбекистане. В сентябре 1999 г. был продлен срок президентских полномочий до семи лет, а в июне 2003 г. (как было решено на референдуме по внесению изменений в конституцию страны) он был вновь сокращен до пяти лет, но теперь Э. Рахмонов получил право оставаться на своем посту еще длительное время (ранее срок пребывания на посту президента был ограничен). На выборах 2006 г. он получил 79,3% голосов, его основной оппонент — бывший ректор Института экономики республики, председатель Партии экономических реформ Олимджон Бобоев — 6,2% (к чести президента Таджикистана, он в 2009 г. назначил своего соперника министром транспорта Таджикистана).

Наиболее откровенно акцентировали авторитаризм своих режимов президенты Узбекистана и Туркмении. В Узбекистане совершенно открыто ориентируются на модель предоставления населению минимальных политических прав при больших экономических (хотя степень экономической свободы также очень низка). Авторитарные методы управления мешают активно развивать различные отрасли экономики. Однако сбалансированный курс властей пока сдерживает широкомащтабные социальные волнения.

Бывший туркменский президент С. Ниязов (взявший себе титулы «отец всех туркмен» — Туркменбаши, «великий вождь» — Акбар Седар и «очеловеченный символ Туркмении») установил культ собственной личности. Именем Ниязова в Туркмении были названы города, улицы, заводы, самая высокая гора. В центре столицы была сооружена Арка нейтралитета, на вершине которой была размещена золотая статуя Ниязова, вращающаяся так, чтобы всегда быть лицом к солнцу, а общее число памятников президенту приблизилось к 15 тыс. В учебных заведениях, включая ясли, день начинался с клятвы детей на верность Туркменбаши. Президент пять раз получил звание Героя Туркменистана. Его работа «Рухнама» изучалась как отдельный предмет в школах и институтах, и ее знание было необходимо при любой профессиональной аттестации, включая сдачу на водительские права. Были переименованы дни недели и месяцы, в том числе и в честь родственников президента. На первой странице любой газеты обязательно должен был печататься портрет президента.

С. Ниязов отвергал во имя «стабильности» любые претензии на политические свободы. Парламентские выборы осуществлялись здесь на безальтернативной основе. Именно режим личной власти и установление восточной деспотии в Туркмении самым негативным образом сказались как на экономике, так и на положении жителей республики. Катастро-

фическая ситуация сложилась в культурной сфере. Были закрыты все творческие союзы, Академия наук. Был запрещен ввоз в страну любой иностранной литературы, в том числе газет и журналов. Была прекращена трансляция российских телевидения и радио. Спутниковое и кабельное телевидение были запрещены, а доступ в Интернет ограничен. В 2005 г. были закрыты библиотеки, поскольку, по словам президента, туда «все равно никто не ходит». Сносились здания театров (например, Русского театра), были упразднены балет, опера, цирк, киностудия, все нетуркменские культурные организации. Происходило самое резкое снижение уровня образования (в школе учились 9 лет, в вузах — 2 года). В 2004 г. были уволены практически все медицинские сотрудники среднего звена — 15 тыс. человек (врачи должны были выполнять их работу). Можно было говорить о деградации, пауперизации и люмпенизации туркменского общества.

Преемник С. Ниязова Г. Бердымухамедов отменил наиболее одиозные указы своего предшественника, что дало основание США и ЕС провозгласить нового президента либералом и заявить о демократизации Туркменистана. Правда, об этом заявлял еще бывший президент Финляндии и будущий лауреат Нобелевской премии мира (2008 г.), полученной за план расчленения Сербии, Марти Ахтисаари. В качестве личного посланника председателя ОБСЕ он посетил Туркменистан в конце 2004 г. и, получив, по данным туркменской оппозиции, в подарок ахалтекинского скакуна, одобрительно отозвался о политической ситуации в Туркменистане. К сожалению, до сих пор в республике не произошли радикальные изменения авторитарно-тоталитарной политической модели.

Роспуск парламента в Казахстане в марте 1995 г., провозглашение Н. Назарбаева президентом до начала следующего века свидетельствовали, что данная республика также пошла по пути укрепления режима личной власти. Запад остался крайне недоволен «недемократичностью» президентских выборов в 1999 г. (по просьбе парламента они были перенесены с 2000 г.), и его представители даже не прибыли на инаугурацию Н. Назарбаева, который набрал почти 82% голосов. Лидеру оппозиции А. Кажегельдину было отказано в регистрации в качестве кандидата в президенты. Был осужден и приговорен к тюремному заключению и лидер оппозиционного движения «Демократический выбор Казахстана» — Галымжан Жакиянов. В 2003 г. в ежегодном послании народу Н. Назарбаев объявил о своем стремлении к либерализации системы государственной власти. Отмечалась необходимость укрепить позиции политических партий и неправительственных организаций (в этих целях предполагается принять новые законы); разработать новый закон о СМИ, ограничивающий вмешательство государственных

органов в их деятельность; демократизировать избирательную систему и ввести практику выборов органов местного самоуправления. Однако провозглашенная демократизация страны слегка откладывается, политические реформы, по новым заявлениям Н. Назарбаева, растянутся на период до 2011 г.

Попыток переноса выборов или их отмены не было долгое время только в Киргизстане (А. Акаев не случайно получил прозвище «мечтатель»). Однако с 1999 г. и здесь начались преследования оппозиционеров: бывший вице-президент, председатель оппозиционной партии «Ар-Намыс» («Достоинство») Феликс Кулов и лидер партии «Эркиндик» Т. Тургуналиев были арестованы. После «тюльпановой революции» 2005 г. Ф. Кулов стал премьер-министром (в парламенте за его кандидатуру голосовали 55 депутатов, против — 8), но уже в январе 2007 г. К. Бакиев, почувствовав в нем политического конкурента, лишил его поста.

В последнее время лидеры постсоветских республик стали крайне настороженно относиться к своему ближайшему окружению, что привело к репрессиям против многих высших руководителей. Бывший премьер-министр Казахстана Акежан Кажегельдин бежал из страны. В Казахстане он был заочно приговорен к 10 годам заключения, и казахстанские власти пытались добиться его выдачи сначала от России, а потом от США, куда он выехал. Бывший вице-премьер правительства Туркменистана Борис Шихмурадov был осужден на 25 лет «за подготовку государственного переворота» (вечером в день оглашения приговора срок поменяли на пожизненное заключение) и он был посажен в тюрьму. Другому экс-вице-премьеру — Худоберды Оразову — удалось эмигрировать в Европу, где он стал лидером объединенной оппозиции в эмиграции. На 15 лет тюрьмы был осужден главный муфтий страны Насрулла. 25 лет заключения получил председатель Комитета национальной безопасности Мухаммед Назаров, а его заместитель — Хаит Какаев погиб в заключении.

Зато значительно укрепились позиции членов семей президентов. По существу, во всех центральноазиатских республиках стали рассматривать возможности повторения ситуации в Азербайджане, где произошла передача должности от отца к сыну. Вместе с тем насильственная смена власти в Киргизстане, где в качестве нового президента рассматривалась фигура супруги А. Акаева Майрам (а их дети делали активную политическую карьеру), сказалась на мировосприятии действующих президентов в соседних странах. Многие эксперты полагали, что единственным реальным кандидатом в президенты Туркменистана после ухода С. Ниязова являлся его сын Мурад (несмотря на их сложные отношения), который занимался бизнесом в нефтегазовой и табачной сферах, но этот план

не был реализован. Возможно, что эксперты ошибались и в отношении дочерей президентов Узбекистана (за старшей дочерью И. Каримова Гульнаррой твердо закрепились репутация человека номер два в узбекской вертикали власти) и Казахстана (самой влиятельной неофициальной политической фигурой здесь долго считалась старшая дочь Н. Назарбаева Дарига, возглавлявшая партию «Всем миром» и руководившая государственным медиахолдингом «Хабар»). В мае 2007 г. против мужа Д. Назарбаевой Р. Алиева было возбуждено уголовное дело (сразу после этого его брак расторгли без согласия последнего), а в январе 2008 г. Алиев был заочно (он находится в Австрии) осужден казахским судом на 20 лет лишения свободы. Д. Назарбаева покинула пост заместителя председателя правящей партии «Нур Отан» (правда, в 2009 г. она вошла в новый состав политсовета партии). Печально стала складываться и судьба мужа средней дочери президента — Тимура Кулибаева, занимавшего должность вице-президента национальной компании «КазМунайГаз» и, как утверждает оппозиция, контролировавшего практически весь нефтяной рынок Казахстана (он входит в число 500 самых богатых людей мира). СМИ Казахстана начали против него информационную войну, которую было запретил суд, но в феврале 2010 г. он пересмотрел собственное решение после того, как ОБСЕ усмотрела в этом «опасные попытки цензуры» (а Казахстан в данный период как раз стал председателем этой организации).

По существу, только в Казахстане и Киргизстане важную роль играет законодательная ветвь власти. Так, в 2003 г. потерял свой пост премьер-министр Казахстана Имангали Тасмагамбетов (в котором видели преемника Н. Назарбаева), во многом из-за того, что ему не удалось найти общий язык с парламентом. В Киргизстане президент А. Акаев пытался ослабить полномочия парламента и добился перераспределения полномочий в свою пользу на национальном референдуме, проведенном в феврале 2003 г. Новая Конституция 2006 г. предусматривала расширение полномочий парламента и правительства, но на национальном референдуме, инициированном К. Бакиевым в октябре 2007 г., вновь были расширены права президента.

В Казахстане, Узбекистане и Таджикистане парламента являются двухпалатными. В Казахстане он состоит из Сената и Мажилиса. В Сенате 32 депутата представляют все области, города республиканского значения и Астану (по 2 человека), а еще 15 человек назначаются президентом. Мажилис состоит из 107 депутатов. 98 членов нижней палаты избираются всенародно, а 9 — Ассамблеей народа Казахстана, которая формируется президентом. Парламент Узбекистана (Олий Маджлис) состоит из Законодательной палаты (нижняя палата) и Сената (верхняя палата). 84

члена Сената избираются в равном количестве — по шесть человек — от Республики Каракалпакстан, областей и города Ташкента путем тайного голосования на совместных заседаниях депутатов соответствующего уровня. 16 членов Сената назначаются президентом. Законодательная палата состоит из 150 депутатов, избираемых в соответствии с законом (15 мест резервировано за недавно образованным Экологическим движением Узбекистана). В Таджикистане верхняя палата — Маджлиси мили. $\frac{3}{4}$ части членов избираются косвенным путем на совместных собраниях народных депутатов разного уровня (вплоть до районов республиканского подчинения), а $\frac{1}{4}$ часть назначает президент. Нижняя палата — Маджлиси намояндагон — избирается на основе всеобщего избирательного права. В других республиках существует однопалатный парламент: в Туркменистане — Меджлис (125 депутатов, избираемых по территориальным избирательным округам с примерно равным числом избирателей сроком на пять лет); в Киргизстане — Жогорку Кенеш (90 депутатов, избираемых сроком на пять лет по партийным спискам). Изменения в Туркменистане произошли лишь в сентябре 2008 г. По закону, принятому в конце 2003 г., высшим законодательным органом стал Народный совет («Халк Маслахаты»), состоявший из 2500 делегатов (избиралась лишь часть представителей), который получил право распускать Меджлис. Парламент потерял возможность вносить любые изменения в конституцию страны, объявлять о проведении референдумов или новых выборов. По новой конституции полномочия Народного совета были перераспределены между президентом и парламентом.

Ограничений на деятельность оппозиционных партий долгое время не было только в Киргизстане, где действуют десятки партий. При этом на парламентских выборах 2000 г. подавляющее большинство мест получили независимые кандидаты (73), а относительного успеха добились лишь Союз демократических сил (12 мест) и Коммунистическая партия (6). Ход проведения парламентских выборов 2005 г. и их результаты вызвали в стране волну протеста, закончившуюся «тюльпановой революцией» и смещением Аскара Акаева с поста президента. Итоги выборов были отменены Верховным судом Киргизстана, а новые были проведены в два тура в начале 2006 г. Победу одержали проправительственные кандидаты, а оппозиция заявила, что результаты голосования были сфальсифицированы. Наблюдатели от ОБСЕ также указали на многочисленные нарушения, манипуляции со списками избирателей и неполное соответствие выборов демократическим стандартам.

На последних внеочередных выборах, прошедших в декабре 2007 г., в парламент прошли 71 кандидат от «Ак Жол», 11 — от Социал-демократической партии, а 8 — от Партии коммунистов Киргизстана.

Официально в Киргизстане зарегистрировано свыше 100 партий, но до участия в выборах было допущено только 12 партий, 4 партиям в регистрации отказали (остальные организации отказались от участия). ЦИК также снял с выборов первого номера в избирательном списке Социал-демократической партии и ряд других кандидатов. Оппозиция обвинила власти в фальсификации выборов и чрезмерном использовании административного ресурса, заявив, что в реальности абсолютную победу одержала оппозиционная Социалистическая партия «Ата Мекен» («Отчизна») во главе с бывшим спикером парламента Омурбеком Текебаевым. Именно под ее флагом шла на выборы объединенная оппозиция республики. По данным ЦИК, партия заняла по итогам выборов второе место по числу набранных голосов избирателей, но не прошла в парламент, так как не преодолела региональный полупроцентный барьер в городе Ош.

Партия «Ак Жол» («Светлый путь») является пропрезидентской партией. Она была образована перед выборами, и К. Бакиев стал ее председателем (он сложил эти полномочия сразу после выборов). Социал-демократическая партия Киргизстана во главе с А. Атамбаевым отстаивает необходимость построения в стране социал-демократической европейской модели. Партия коммунистов Киргизстана не отказывается от основных идеологических принципов компартии, но плодотворно сотрудничает с властью. Ее возглавляет Исхак Масалиев, сын последнего руководителя Киргизской ССР Абсамата Масалиева.

Перед парламентскими выборами 1999 г. в Казахстане, помимо партии Нурсултуна Назарбаева «Отчизна», были зарегистрированы три оппозиционные организации: Республиканская народная партия (возглавляемая бывшим премьер-министром Акежаном Кажегельдиным, считавшимся наиболее опасным конкурентом президента), «Прогресс» и «За честные выборы», а также Коммунистическая партия. По мнению западных наблюдателей, власти всячески препятствовали деятельности оппозиционных организаций и преследовали активистов. По новому закону о партийной деятельности (принят в июле 2002 г.) было зарегистрировано семь партий. Основные оппозиционные партии в этот список не вошли.

На парламентских выборах 2004 г. в Казахстане было зарегистрировано уже 12 партий. Из 77 мест большинство досталось «Отчизне» (42 места). Аграрная партия Казахстана — Гражданская партия Казахстана (блок АИСТ) получила 11 мест, Республиканская политическая партия «Асар» («Всем миром»), возглавляемая старшей дочерью Н. Назарбаева Даригой, — 4, Демократическая партия «Ак Жол» («Светлый путь») — 1,

Демократическая партия Казахстана — 1 (партия отказалась от этого места, заявив о фальсификации выборов), независимые кандидаты (в большинстве связанные с государственными организациями) — 18.

На последних досрочных выборах в августе 2007 г. (новое голосование было связано с принятием в мае 2007 г. поправок в Конституцию, увеличивших количество депутатов Мажилиса до 107 человек и отменивших одномандатные избирательные округа). В парламентских выборах приняли участие семь политических партий: Народно-демократическая партия «Нур Отан» («Свет отчизны»), Общенациональная социал-демократическая партия, Демократическая партия Казахстана «Ак Жол», Казахстанская социал-демократическая партия «Ауыл», Коммунистическая народная партия Казахстана, Партия патриотов Казахстана и Партия «Руханият». По итогам выборов по партийному списку в Мажилис прошли только представители пропрезидентской партии «Нур Отан» (98 человек), набравшей, по данным ЦИК, 88,1% голосов избирателей при явке избирателей 64,56%. Второй результат был получен Общенациональной социал-демократической партией (4,5%). «Нур Отан» была образована в 2006 г. путем слияния «Отчизны» и «Асар» (вскоре в партию влились Гражданская партия Казахстана и Аграрная партия Казахстана).

В других республиках Центральной Азии существует еще больше ограничений на партийную деятельность. Еще в начале 1990-х годов в Узбекистане было отказано в регистрации партии «Бирлик» («Единство») и Демократической партии «Эрк», представлявших реальную оппозицию. При этом президентские структуры не мешали, а даже поддерживали создание квазипартий, имитируя наличие партийной оппозиции. Согласно закону о политических партиях, принятому в декабре 1996 г., в Узбекистане разрешена деятельность только Национальной демократической партии (президент Ислам Каримов вышел из ее состава в 1996 г., чтобы подчеркнуть свой надпартийный статус), «Прогресса Отечества», Социал-демократической партии «Справедливость» и «Национального возрождения». Все организации полностью поддерживают президента страны. В 1998 г. была зарегистрирована новая организация — «Самоотверженные», чья платформа мало отличалась от НДПУ. В ходе опроса жителей Ташкента в 1999 г. выяснилось, что 60% респондентов не смогли назвать хотя бы три партии республики. На парламентских выборах 1999 г. НДПУ из 250 мест получила 48, «Самоотверженные» — 34, «Прогресс Отечества» — 20, «Справедливость» — 11, «Национальное возрождение» — 10. В 2003 г. Ислам Каримов выступил с критикой существовавших партий, обвинив их в аморфности и безликости. Осенью этого года появилась новая орга-

низация — Либерально-демократическая партия Узбекистана, которая объявила, что привлечет к участию в политической жизни «передовых» предпринимателей. В партию насильно стали записывать сотрудников государственных учреждений. Новый фаворит выиграл парламентские выборы, проведенные в декабре 2004 г. — январе 2005 г., и получил 41 из уже только 120 мест. Прежнему лидеру, Национальной демократической партии Узбекистана, досталось 32 места, «Самоотверженным», которые объединились с «Прогрессом Отечества», — 17, «Демократическому национальному возрождению» — 11, а «Справедливости» — 9. Остальными парламентариями стали представители общественных организаций и местных органов управления.

На последних выборах (декабрь 2009 г. — январь 2010 г.), естественно, приняли участие лишь разрешенные и поддерживающие президента четыре политические партии: Либерально-демократическая партия Узбекистана, Народно-демократическая партия Узбекистана, партия «Национальное возрождение» и Социал-демократическая партия Узбекистана «Справедливость». Все получили места в парламенте: ЛДПУ досталось 53 места, НДПУ — 32 места, «Национальному возрождению» — 31, «Справедливости» — 19.

Во главе единственной официальной партии Туркменистана — Демократической партии находится президент (первоначально — Сапармурат Ниязов, а потом — Гурбангулы Бердымухамедов). Оппозиционные партии запрещены и действуют за границей. Туркменские спецслужбы арестовывают политических оппозиционеров даже в Москве. Последние выборы в туркменский парламент (Меджлис) при правлении С. Ниязова в декабре 2004 г. стали первыми выборами, проведенными без международных наблюдателей. Все 50 победителей, принадлежавших к Демократической партии, заранее получили поддержку президента Ниязова. Ничего не изменилось и на выборах в декабре 2008 г. Кандидатуры всех победителей (из Демократической партии и общественных организаций) были заранее одобрены президентом.

В Таджикистане основной партией является Народно-демократическая партия (президент Эмомали Рахмонов вошел в нее в марте 1998 г., а в апреле был избран ее председателем), созданная по образцу КПСС. На парламентских выборах она получила 65% мест. Второе место заняла Коммунистическая партия Таджикистана (20% мест), третье, с 7,5% мест, — Партия исламского возрождения Таджикистана (ранее — Движение исламского возрождения). Эта партия, как и Партия политического и экономического обновления, Демократическая партия, «Лали Бадахшон», «Растохез», входила ранее в Объединенную таджикскую оппозицию (ОТО).

В феврале—марте 2005 г. состоялись последние выборы в нижнюю палату парламента. Народно-демократическая партия Таджикистана получила 74,9% голосов избирателей и завоевала 51 место (из 63). Вновь второе место заняла Коммунистическая партия Таджикистана (5 мест и 13,6% голосов), а третье — Партия исламского возрождения (2 места и 8,9% голосов). Таджикская оппозиция и представители международных организаций заявили о многочисленных грубых нарушениях в ходе выборов. В верхней палате (депутаты разных уровней избирают 25 членов, 8 человек назначает президент, 1 место отведено бывшему президенту) 29 депутатов состоят в НДПТ, а 2 — в КПТ (3 парламентария являются независимыми). Официально действуют также Аграрная, Социал-демократическая и Социалистическая партии, Партия экономических реформ. Несколько политических организаций, таких как Партия народного единства, Партия справедливости, Прогрессивная партия, не были зарегистрированы.

Особую роль в системе власти играют клановые интересы. В Узбекистане президент И. Каримов смог добиться паритета ведущих клановых сил (так, полностью отстраненные от власти в советское время представители «рашидовского» клана были возвращены им на важные посты) и проводит регулярную перетасовку кадров из различных регионов республики, что позволяет, с одной стороны, добиваться стабильности общества, а с другой — укреплять позиции самого президента. Следует учитывать также, что в Узбекистане значительно сильнее, чем в других республиках, размыта родо-племенная и клановая структура.

В Казахстане существует довольно значительный дисбаланс: до 85% госаппарата и членов Верховного совета Казахстана являются выходцами из южного («старшего») жуза (рода), из которого вышли и бывший первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. Кунаев, и нынешний президент страны Н. Назарбаев. В подавляющем большинстве окружение последнего также принадлежит к старшему роду, тогда как практически вся оппозиция является выходцами из младшего и среднего жуза. Дело дошло до того, что в анкетах официально стала появляться графа «жуз».

Легитимность руководителей других республик также во многом определяется их происхождением. Так, А. Акаев — прямой потомок одного из последних киргизских правителей хана Шабдана, а С. Ниязов — выходец из племени теке, в прошлом всегда «поставлявшего» правителей Туркмении. Интересно отметить, что свадьба детей Н. Назарбаева и А. Акаева имела многие черты традиционных династийных браков.

Киргизстан долгое время давал единственный пример попытки двигаться в направлении создания гражданского общества, с реформами,

направленными на становление рыночных отношений, с отсутствием национальной дискриминации (по крайней мере, на официальном уровне). К сожалению, уже к середине 1990-х годов наметилось углубление конфликта между северной (более модернизированной) и южной (более традиционной) частями республики (в последней местная элита все чаще начала бросать открытый вызов властям, и многие ее представители, отстраненные от власти, вновь начали к ней возвращаться). А.Акаев в целях смягчения подобного противостояния к концу 1990-х годов увеличил представительство южан в первом эшелоне власти (на юге проживает более половины населения республики). В республике также стали рассматривать вопрос о переносе столицы из Бишкека в южную часть Киргизстана, что позволит укрепить контроль властей за южными территориями. Весной 2002 г. здесь произошло вооруженное столкновение демонстрантов с полицией, в ходе которого погибло несколько человек (после этого события со своего поста был снят премьер-министр Курманбек Бакиев).

Началось отступление Киргизстана от процесса демократизации, а революция 2005 г. не привела пока к позитивным переменам после событий 2010 г. В республике до сих пор не удалось добиться достаточной стабильности. Регулярно вспыхивают новые волнения, криминал откровенно рвется во власть, существует реальная опасность победы охлократии. Коррупция и кумовство расцвели пышным цветом. На место «лидера демократизации» в Центральной Азии выдвинулся Казахстан.

В принципе, в условиях социально-экономической отсталости настоящей демократии возникнуть, как правило, и не может. На постсоветском пространстве за внедрение рыночной экономики и проведение необходимой технологической и структурной модернизации заплатили высочайшую социальную цену. По-видимому, в свою очередь, это стало и одним из факторов, воспрепятствовавших полноценному внедрению либеральных ценностей, эффективному функционированию экономической системы. При огромном количестве бедных и небольшом числе представителей среднего класса процесс демократизации неизбежно должен затухать. Демократия и экономическое процветание являются по существу синонимами. В Европе, колыбели демократии, ее развитие всегда было непосредственно связано с социально-экономическим прогрессом. В случае же регресса даже здесь, в условиях достаточно устойчивого и эволюционного единого процесса, наблюдалось попятное движение в сторону авторитаризма, диктатуры и даже тоталитаризма.

Отказ от учета клановых интересов ведет в Центральной Азии к весьма тяжелым последствиям, что наглядно продемонстрировал

пример Таджикистана. В течение практически всего советского периода в республике у власти находился «ходжентский» клан, представляющий северные районы. Сюда вкладывались основные инвестиции, что привело к тому, что Ленинадская (Согдийская) область со столицей в Ходженте (бывший Ленинабад) является наиболее развитым районом Таджикистана. В руках «гармского» клана (области к востоку и западу от Душанбе, Вахшская долина) были торговля и силовые структуры, «бадахшанского» (Горно-Бадахшанская автономная область) — культура, образование и наука. «Кулябский» клан (бывшая Кулябская область) контролировал преступный мир. Осенью 1991 г. в Таджикистане прошли выборы, вновь принесшие победу ходжентцам, которые взяли в союзники кулябцев. Уже в мае 1992 г. начались выступления против властей «исламско-демократической» оппозиции, объединявшей остальные кланы. В декабре началась настоящая гражданская война, приведшая к гибели более 100 тыс. человек за несколько месяцев. Решающую роль в победе ходженто-кулябских сил, взятии Душанбе (декабрь 1992 г.) и Гарма (февраль 1993 г.), оплота оппозиции, сыграли добровольцы и военнослужащие Узбекистана. Принимая решение об участии своих войск в гражданской войне в Таджикистане, Ташкент руководствовался опасениями роста религиозного радикализма в Центральной Азии (и того, что таджикская оппозиция принесет воинствующие исламские идеи в Узбекистан). Его резкое недовольство вызвали также бегство узбеков из Таджикистана (они составляли $\frac{2}{5}$ населения Согдийской области) и усиление борьбы таджиков Узбекистана за воссоединение с Таджикистаном.

Однако после объявления независимости республики ленинабадская элита оказалась отстраненной от власти. В ходе гражданской войны она сыграла важную роль в победе Э. Рахмонова. Однако клан так и не получил ключевых постов в новом правительстве, что привело к росту напряженности в области и плавному переходу значительной части населения в оппозицию к Центру. В свою очередь, уже к концу 1993 г. Душанбе взял область под свой контроль. В декабре представители ходжентского клана предприняли неудачную попытку сместить Э. Рахмонова с поста председателя Верховного совета и вновь ввести должность президента (впоследствии Э. Рахмонов согласился на последнее предложение и, как отмечалось, победил на президентских выборах в ноябре 1994 г.). Лидеры ленинабадской элиты в результате ответных действий лишились постов даже в своей области. Абдулмалик Абдулладжонов, бывший премьер-министр страны, лидер ходжентского клана, был вынужден эмигрировать сначала в Россию, а затем в США. Постепенно кулябцы получили все основные посты

в стране, включая и Ленинабадскую область. Земляки Э. Рахмонова в 1996 г. возглавляли 13 из 18 министерств, в том числе все силовые и хозяйственно-финансовые. Уже в начале того года «проузбекские» силы Таджикистана (к которым относят население Ленинабадской области, узбеков и «обузбеченных» таджиков — например, локай) создали военное объединение и организовали бунт против засилья кулябцев. В мае в самом Ходженте начались волнения, перекинувшиеся на второй по величине город области Ура-Тюбе. Душанбе пришлось удовлетворить требование митингующих снять кулябцев с руководящих постов в области.

В декабре 1996 г. в Москве Э. Рахмонов и лидер ОТО С. А. Нури подписали соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, согласно которому 30% мест во всех руководящих органах власти отдавалось ОТО. Лидеры оппозиции постепенно интегрировались в структуру власти. Зато ходжентский клан опять не получил никаких постов. В результате в области вновь несколько раз происходили вооруженные столкновения с президентскими войсками. Особенно ожесточенный характер они имели в ноябре 1998 г., когда вооруженные отряды ходжентцев проникли в Ленинабадскую область с территории Узбекистана. Главным требованием было предоставление выходцам из области 40% мест в центральных руководящих органах. Мятеж был подавлен, но напряженность сохраняется.

Демократические институты власти не получили особого развития в Центральной Азии. Практически во всех странах существуют авторитарные (в большей или меньшей степени) режимы. В рамках существования консервативных патерналистских режимов нет реального общественного контроля над осуществлением политического курса. Участие населения в политической жизни можно назвать «иллюзорным»: в условиях внешней псевдодемократической риторики и наличия определенных демократических институтов население формально участвует в политическом процессе, но не оказывает на него никакого воздействия. Законодательные органы, как правило, также не в состоянии контролировать и координировать политическую линию.

Автохтонное население в городах в основном является гуманитарной интеллигенцией, неквалифицированными рабочими, представителями сферы услуг и торговли. Часть гуманитарной интеллигенции (в первую очередь за счет традиционных клановых связей) оказалась инкорпорированной в национальную элиту, часть вошла в оппозиционные национальные движения (и, соответственно, подвергается репрессиям), а большинство не оказывает существенного воздействия на политический курс своих стран.

Центральноазиатские власти в целом настороженно относятся к местному студенчеству, учитывая, что происходит резкое падение уровня жизни молодежи и «волнообразный» рост безработицы. Так, после студенческих волнений в Ташкенте в начале 1992 г. из столицы были депортированы иногородние студенты (в областных центрах были специально открыты новые вузы). Власти пристально наблюдают и за настроениями мелких лавочников и торговцев, понимая, что они — потенциальный резерв фундаментализма (как это было в Иране в 1979 г.).

Еще большие опасения элит вызывают позиции сельских жителей (чья численность, за исключением Казахстана, увеличилась за годы независимости в связи с процессами деурбанизации). Наиболее плодородные земли Центральной Азии, естественно, — самые густонаселенные: в Ферганской долине средняя плотность населения в целом превысила 100 человек на 1 км², а в ее «узбекской» части — 300 человек. Совершенно отчетливо просматривается аграрная перенаселенность, когда в наиболее плодородных районах на 1 человека приходится всего 0,25 акра земли, а численность населения существенно опережает рост сельскохозяйственного производства. При этом следует учитывать и катастрофическое положение с водоснабжением. Парадоксально, но факт: смягчающим фактором является монокультура хлопка в этих районах (так, около $\frac{3}{4}$ сельскохозяйственных площадей Андижанской области занято этой культурой). Много критических (и справедливых) стрел было выпущено в адрес царских властей, стремившихся к распространению хлопчатника в Ферганской долине, а также советских властей, навязывавших монокультурную ориентацию сельского хозяйства. Но в настоящий момент для местных властей это — просто панацея: возделывание хлопчатника требует затрат труда на порядок выше, чем фруктовых, овощных и зерновых культур. Попытка Узбекистана сократить площади под хлопчатником сразу вызвала резкий рост безработицы, в результате чего власти республики осознали, что переориентация сельского хозяйства приведет лишь к колоссальному усилению социальной напряженности.

В той же Ферганской долине уже возникает классический пример социальной напряженности в условиях перенаселенности (любые попытки какого-либо правительства проводить политику планирования семьи вызовут лишь резкое недовольство населения) и земельного голода. В результате власти, опасаясь социального взрыва, пытаются ограничивать политическую активность сельского населения (в Узбекистане, например, не была зарегистрирована Свободная дехканская партия).

Частное предпринимательство довольно слабо развито в Центральной Азии, за исключением сельского хозяйства. Около четверти всех

земельных угодий в Казахстане и Киргизстане принадлежит фермерам. Правда, количество фермеров значительно меньше в других республиках. В городе частное предпринимательство, как правило, является мелким и сконцентрировано в сфере услуг. Практически во всех республиках частный бизнес может успешно работать лишь при наличии теснейших связей с государственными органами и вхождении в элиту на клановых принципах. Крупный и средний капитал представлен в основном государственными или иностранными компаниями. Правда, в последнее время сформировалась активная бизнес-элита в Казахстане, которая стала требовать предоставления ей права существенно воздействовать на политическое развитие страны.

Таким образом, в реальной практике фактически лишь позиции самой элиты определяли политический курс. «Конструкция» элиты Центральной Азии отличается большим своеобразием. Она имеет «пирамидальную» форму; ее доля в населении выше, чем в «европейских» республиках бывшего СССР; она намного более диверсифицирована, с одной стороны, и опирается на патриархально-клановую систему (в Узбекистане — в меньшей степени) — с другой. В результате в Центральной Азии элита представляет единое целое — от руководства страны до мелкого начальника на местах — и смена ее подразумевает полное изменение состава руководящих работников на всех уровнях.

Оппозиция оказалась довольно слабой. К тому же она расколота на демократическое и исламистское крылья. Если в Таджикистане (с оговорками) и Киргизстане старые элиты во многом оказались отстраненными от власти (в ряде областей они ее сохранили и сейчас пытаются добиться общегосударственного реванша), то в Узбекистане, Казахстане и Туркмении они ее сохранили. Но для легитимизации своего положения и привлечения поддержки снизу коммунистическая элита была вынуждена оперировать националистическими идеями и принципами.

Средства массовой информации региона часто работают в условиях жесткой цензуры. В Узбекистане, например, долгое время не было зарегистрировано ни одной газеты, учредителем которой являлся бы журналистский коллектив или физическое лицо: только властные структуры получили такое право. В последнее время, правда, здесь появилось несколько формально свободных изданий, ряд из которых — частные. Еще более сложным является положение туркменской прессы. По мнению оппозиции, в Киргизстане (с конца 1990-х годов) и Казахстане по политическим причинам проходят судебные преследования газет. В Казахстане также существует тенденция очевидной подчиненности прессы чиновникам различных уровней. В начале века позитивные перемены произошли в Таджикистане, где существенно возросло

количество независимых СМИ. Здесь появились также частные теле- и радиостанции.

Во многих странах Центральной Азии запрещено распространение основных российских газет, регулярно отключается российское телевидение.

Процессы исламизации и проблемы радикализма

Еще большую опасность для центральноазиатских властей представляет распространение исламского радикализма. В начале 1990-х годов поиск единой национальной идеологии в местных условиях привел к возрастанию роли ислама. В апреле 1992 г. И. Каримов совершил хадж в Саудовскую Аравию (его примеру последовали и другие центральноазиатские руководители). В Таджикистане было 17 официально существовавших мечетей. Как только были сняты запреты, их число быстро увеличилось до 2 тыс. В Узбекистане в каждом кишлаке и каждой городской махалле (микрорайоне) появилась мечеть. В одном Намангане их число составило 1300. За три года в Туркмении количество мечетей увеличилось с 16 до 163. Меньший рост религиозного самосознания происходил в Казахстане и Северном Киргизстане. Отношение «северных» киргизов к религии характеризует тот факт, что 90% прихожан мечетей в Бишкеке — узбеки, хотя они составляют 1,5% жителей столицы, а Коран был переведен на казахский язык лишь в 1992 г. Правда, исламские организации Казахстана активизировали свою деятельность в последнее время (в некоторых из них преобладают чеченцы и уйгуры).

Исламизация объективно выталкивает наверх слои, которые выступают против местной элиты, сложившейся еще в советский период. Резко активизировали свою деятельность исламисты в Бухаре, Самарканде, Ферганской долине, где их организации практически сразу стали действовать и как политические организации. В Намангане местные имамы создали «исламское ополчение». Именно в этом городе базировалась партия «Адолат» («Справедливость»), сходная с «Братьями-мусульманами». В декабре 1991 г. партия организовала массовые митинги и демонстрации, в ходе которых, в частности, критиковалась кадровая политика Центра. Во время посещения Намангана И. Каримов убедился, что «Адолат» контролировала всю обстановку в городе, а центральная власть не имела никакого авторитета. Интересно отметить, что известный чеченский террорист Салман Радуев обучался именно в Намангане в тот период. Активно действовала и радикальная Исламская партия возрождения, создавшая свои филиалы в Узбекистане и Таджикистане. Мусульманские радикалы Казахстана пытались спровоцировать беспорядки в Алма-Ате. Ваххабизм (который представляет позднюю редакцию

ханбализма, наиболее жесткого мазхаба, отстаивающего абсолютно буквальное понимание канонов) стал теснить ханафитское течение (весьма мягкое), существующее в Центральной Азии 13 веков (70% мусульман мира придерживаются именно его).

Осознание угрозы собственным интересам вынудило местную элиту проводить выборочную политику, поддерживая умеренных исламистов и сдерживая и даже подавляя экстремистские силы. Согласно Конституции Узбекистана, принятой в декабре 1992 г., в республике было запрещено создание религиозных организаций, проповедующих религиозную вражду, а также военизированных объединений и политических партий, образованных по религиозному признаку.

В Узбекистане и Таджикистане была запрещена Исламская партия возрождения (большая часть ее сторонников в Таджикистане ушла в Афганистан). В 1999 г. деятельность партии в Таджикистане была вновь легализована, а в Узбекистане она находится в глубоком подполье. В республике была запрещена и деятельность партии «Адолат» (часть ее членов была арестована, а часть — эмигрировала) и базирующейся в Коканде партии «Человечность и милосердие». Началась депортация из Узбекистана десятков священнослужителей из Саудовской Аравии, которые были особенно активны в Ферганской долине. По данным Министерства внутренних дел Узбекистана, именно саудовские миссионеры принесли в Ферганскую долину ваххабизм, и в 1990-х годах после специальной обработки (включавшей подкуп, подарки, распространение пропагандистской литературы, применение методики вовлечения молодежи в тоталитарные секты) от 5 до 10% ее жителей стали придерживаться этого направления. После начала борьбы местных властей с ваххабитами саудовские миссионеры превратили в свой центр Ошскую область Киргизстана и Шымкентскую (Чимкентскую) область Казахстана, откуда литература и деньги продолжали направляться в Узбекистан.

Получившие специальную подготовку в Пакистане и Афганистане мусульманские экстремисты вновь активизировали свою деятельность в Ферганской долине в 1997 г. В Намангане ими была даже совершена целая серия убийств милиционеров и представителей администрации. В город были введены внутренние войска, и прошли массовые аресты. Весной 1998 г. начались процессы по делам радикалов, которые обвинялись в ведении религиозной пропаганды, в попытках подрыва конституционного строя, в хранении и ношении огнестрельного оружия. Большинство обвиняемых выезжало в Саудовскую Аравию или прошло специальную подготовку в Пакистане, Афганистане и Таджикистане. Одновременно в Узбекистане был принят новый Закон «О свободе совести и религиозных организациях», жестко ограничивавший возможность

легального распространения идей радикального ислама, требовавший официальной регистрации мечетей (в Намангане, например, 60% храмов не были нигде зарегистрированы) и религиозных организаций. После проверки регистрации в Узбекистане число мечетей сократилось более чем в два раза.

Преследуемые Ташкентом исламские радикалы нашли убежище в приграничных с республикой областях Киргизстана и Таджикистана. В ответ на это Узбекистан закрыл границу с Таджикистаном, а на территории Киргизстана узбекские спецслужбы получили право проводить видеосъемки в мечетях, обыскивать и допрашивать даже граждан Киргизстана (а некоторые из них были арестованы и вывезены в Узбекистан). Позиция Бишкека, не выражавшего протестов, понятна: на юге страны в последнее время также резко активизировались исламские радикалы. Еще весной 1998 г. после разоблачения подпольной группы из мусульманских государств, которая переправляла в свои страны несовершеннолетних граждан республики для подготовки их в качестве религиозных боевиков, было объявлено, что вся деятельность ваххабитов будет пресекаться.

В феврале 1999 г. экстремисты осуществили террористический акт в Ташкенте. От взрывов бомб погибли 16 человек, более 120 получили ранения. В ответ власти арестовали 2 тыс. человек. Некоторые члены партии «Эрк» были выданы Узбекистану Украиной. Более 40 человек было арестовано в Киргизстане и Казахстане. Перед судом предстало 22 человека, непосредственно участвовавших в данном террористическом акте.

Действия узбекских исламистов летом 1999 г. привели к обострению ситуации уже во всей Центральной Азии. С 1992 г. сотни жителей Ферганской долины бежали из Узбекистана в Таджикистан, где присоединились к таджикской оппозиции. После февральских событий 1999 г. этот поток еще более усилился. Исламисты обосновались в Гармском районе, на границе с Киргизстаном. Попытки таджикского правительства провести их депортацию не увенчались успехом, поскольку район контролировался ОТО. В августе 1999 г. отряды узбекских радикалов (среди которых находились и террористы из ряда других стран, в том числе бывшие бойцы ОТО) предприняли попытку прорваться в Узбекистан через территорию Киргизстана. Операция была организована Исламским движением Узбекистана, созданным в 1996 г. и провозгласившим в качестве своей главной цели «создание исламского халифата на территории Ферганской долины». Боевики (по некоторым сведениям, до тысячи человек) были остановлены, но им удалось обосноваться в Баткенском и Чон-Алайском районах

Киргизстана. В заложники были захвачены сотни военнослужащих (включая командующего внутренними войсками республики) и мирных граждан (в том числе и японские геологи). Бишкек был вынужден обратиться за военной помощью к России и Узбекистану. Террористы были вытеснены в Таджикистан. В 2000 г. события вновь повторились, что вынудило элиту Киргизстана еще более ужесточить отношение к исламским радикалам. По ряду сведений, и в 2003 г. некоторые военизированные отряды Исламского движения Узбекистана продолжали находиться в горных районах Киргизстана.

Эта организация, чья штаб-квартира находилась до января 2002 г. в Кандагаре (Афганистан), тесно связана с такими международными и региональными террористическими организациями, как «Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Исламская партия освобождения), «Ихван аль-Муслимун» и др. После начала операции США в Афганистане она во многом потеряла свое значение, поскольку ее многие отряды были разгромлены (численность бойцов упала до 300 человек).

Большая часть уцелевших боевиков укрылась в Пакистане. Однако, по заявлениям узбекских властей, Исламское движение Туркестана, как оно стало именоваться, наряду с другими международными террористическими и религиозно-экстремистскими организациями с 2004 г. начало готовить новые террористические акты на территории Узбекистана. В мае 2009 г., по всей видимости, данной организацией были совершены террористические акты в городах Ханабад и Андижан. Летом 2009 г. несколько боевиков данной организации были ликвидированы на юге Киргизстана.

В новом веке особую активность в республике стал проявлять филиал партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», созданной в 1953 г., провозглашающей ислам своей идеологией и также ставящей цель создания исламского государства. Существенный рост влияния организации происходил, несмотря на жестокие репрессии со стороны властей (только в 2000–2003 гг. около 4 тыс. сторонников этой партии были осуждены в Узбекистане за распространение экстремистских идей). В отличие от Исламского движения Туркестана партия объявила о «ненасильственном» джихаде, при этом ее деятельность прямо направлена против христиан и иудеев. «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» активно действовала также в Таджикистане, в Южном Киргизстане и Южном Казахстане (подавляющее большинство членов — этнические узбеки). Власти Таджикистана и Киргизстана также предпринимали репрессивные меры против членов партии, но несравненно более мягкие, чем в Узбекистане.

Именно «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (наряду с Исламским движением Туркестана и религиозной организацией «Акрамия») была обвине-

на узбекскими властями в организации беспорядков в Андижане в 2005 г., в ходе подавления которых погибло, по официальным данным, почти 200 человек (по информации международных правозащитных организаций, их число значительно больше). В докладе международной комиссии по расследованию событий в Андижане (в ее состав вошли дипломаты Индии, Ирана, Китая, Пакистана, России и стран Центральной Азии) отмечалось, что подготовка к терактам проводилась на юге Киргизстана под руководством иностранных инструкторов (киргизские власти отрицают данную информацию). Западные СМИ и лидеры заявляют, что андижанские события были просто социальным протестом населения, однако в ходе их расследования выяснилось, что организаторы ставили задачу повторения беспорядков в Фергане, Самарканде и Ташкенте, а их конечной целью было создание исламского государства в Узбекистане. Бесспорно, социальные моменты (появление огромного слоя малообразованных молодых людей, не имеющих работы) сыграли свою роль в андижанских событиях (как и в распространении идей радикального ислама в Центральной Азии).

С 2005 г. продолжается дальнейший процесс укрепления позиций исламистских организаций, и прежде всего «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», в регионе. Антиправительственные листовки, изготовленные членами движения, регулярно изымаются в Таджикистане. Более того, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» начала вести пропагандистскую деятельность в Северном Киргизстане. Президент К. Бакиев открыто выразил свою обеспокоенность по этому поводу. Решением Верховного суда республики организация была признана незаконной как экстремистская (вне закона были поставлены также «Исламское движение Туркестана», «Организация освобождения Туркестана» и «Восточнотуркестанская партия», названные террористическими движениями). В последнее время «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» резко снизила террористическую деятельность, но, по всей видимости, речь идет о накоплении сил. При этом организация периодически устраивает знаковые акции. Так, в октябре 2008 г. полторы тысячи ее участников даже захватили здание районной администрации в Ошской области Киргизстана. В Таджикистане, по данным на начало 2010 г., сторонники этой партии задерживаются почти каждый месяц (а в тюрьмах они проповедуют свою идеологию и вовлекают в свои ряды многих других заключенных).

Партия исламского возрождения Таджикистана и другие исламские организации, входившие ранее в Объединенную таджикскую оппозицию, резко активизировались в начале нового века, что свидетельствует о возможности радикалов укрепить свои позиции в Таджи-

Раздел II. Политические системы государств Африки и Большого Ближнего Востока

кистане. ПИВТ превратилась в светскую организацию, участвующую в национальных выборах, изменились подходы ее лидеров по поводу необходимости строительства в Таджикистане исламского государства, но многие эксперты полагают, что партия сохранила прочные связи с движением «Талибан».

Исламский фактор не играет основополагающей роли в Туркмении, но и здесь действуют радикальные исламисты. Весьма активна фундаменталистская турецкая секта «Нурджулар» (пытающаяся действовать и в России), которая направляет студентов на учебу в Турцию (правительство этой страны пытается ограничить влияние секты).

За последнее время в центральноазиатских странах был принят ряд новых законов, направленных на дальнейшее ограничение экстремистской и террористической деятельности. Существенно активизировалась деятельность Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, Совета по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Страны региона поддержали операцию США в Афганистане.

Однако сейчас политический ислам уже есть на юге Казахстана и Киргизстана, исламисты играют очень важную роль в Таджикистане и представляют реальную силу в Узбекистане. В этом плане весьма возможно постепенное, анклавное превращение республик региона в исламские страны. Хотя в регионе ислам играет пока меньшую роль, чем региональные, клановые, племенные и родовые интересы, разочарование в реформах и ухудшение жизни ведут к усилению его значимости. Основной вопрос: исламисты каких течений будут постепенно инкорпорироваться во власть? Приход радикалов и экстремистов не только вызовет катастрофические потрясения в Центральной Азии, но и будет прямо угрожать всем сопредельным странам, в том числе и России.

РАЗДЕЛ III

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ
ГОСУДАРСТВ БОЛЬШОЙ
ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

1

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ИНДИИ

Исторические особенности политических процессов в Индии

С 1757 г. английская Ост-Индская компания приступила к завоеванию Индостана, начав с Бенгалии. К середине XIX в. вся территория Индии оказалась под господством европейских колонизаторов. Британские власти организовали настоящее хищническое ограбление Южной Азии. Хотя державу Великих Моголов принято именовать восточной деспотией, а Англия традиционно считается передовой страной, условия жизни индийцев ухудшились самым резким образом под властью «просвещенных» и «цивилизованных» европейцев. Уже в 1770 г. только в Бенгалии от голода умерли 10 млн человек. Ответом местного населения на колониальный грабёж и разорение были народные восстания. В 1858 г. Индия перешла под прямое управление английской короны. Британские колонизаторы постепенно отходили от методов прямого грабежа, хотя с помощью неэквивалентного обмена продолжался вывоз из Индии значительных средств. Одновременно была создана современная инфраструктура. Были отменены наиболее архаичные институты и нормы. Резко ускорилось социально-экономическое развитие страны, традиционные структуры в незатронутом виде сохранились только на территории, не контролируемой британскими колониальными властями, а капитализм стал превращаться в системообразующий уклад. Быстро росла прослойка индийской торговой буржуазии. Появились и предприниматели-индийцы, которые, кстати, смогли извлечь наибольшие выгоды от «опиумных войн» в Китае, начав поставлять свои товары соседу после его насильственного «открытия». Во второй половине XIX в. возник еще один вид внутрисистемных связей — технологический.

Британские колониальные методы способствовали постепенному вызреванию индийской политической элиты, шаг за шагом привыкавшей к демократическим правилам и нормам. В Индии, как и в других колониальных странах, возникает своеобразная «двухэтажная» модель общества. Верхний этаж, представленный иностранцами, жил по принципам, представлениям и нормам европейской цивилизации. Более того,

с помощью своих моральных и правовых норм, репрессивного аппарата и т.п. он влиял на местную цивилизацию, сдерживая и деформируя ее эволюцию. Нижний этаж — подавляющая масса жителей данной страны — продолжал жить по религиозным, моральным, культурным и прочим нормам своей цивилизации, поскольку условия жизни и производства не претерпели заметных изменений. Традиционная элита, утратив функции управления на уровне государства, сохранила их на более низких уровнях.

Новая элита оказалась в достаточно противоречивом положении. Выполнять свои функции посредника между колониальными властями и колонизируемыми она могла, лишь сохраняя тесные связи со своим народом (этика, язык, культура), одновременно приобретая атрибуты европейской цивилизации (язык, одежда, манера поведения, четкое различие сакрального и мирского). Гарантией процветания была своеобразная нейтральность как к своей, так и европейской цивилизации. Отсюда — постоянная раздвоенность, противоречие между поведением и сознанием.

Доля новой элиты была весьма высока, что было связано с методами британского колониального управления. Уже в XVIII в. предусматривалось представительство индийцев в муниципалитетах крупнейших городов, а с 1842 г. — во всех. С 1862 г. (сразу после сипайского восстания 1857—1859 г., крупнейшего антиколониального восстания в Индии) индийцы стали вводиться в Совет при вице-короле. С начала 1860-х годов в Индии стали образовываться политические организации, которые в 1885 г. объединились в Индийский национальный конгресс (ИНК), что первоначально было встречено английскими колониальными властями с одобрением. В конце века зажиточные индийцы получили право избирать муниципалитеты, и их начали вводить в законодательные советы при вице-короле и губернаторах провинций. В принятом в 1909 г. новом Законе об индийских советах содержалось положение, что индийцев в Законодательном совете при вице-короля должна быть половина, а в Законодательных советах при губернаторах — больше половины.

«Закон об управлении Индией» 1919 г. устанавливал двойное управление в крупнейших провинциях и создание двухпалатного законодательного органа, состоявшего из Государственного совета и Законодательного собрания. Право выбирать центральные законодательные органы получил 1% взрослых индийцев, а провинциальные — 3%. «Закон об управлении Индией» 1935 г. предусматривал широкую провинциальную автономию, а право голоса было предоставлено уже 12% индийцев, которые получили право возглавлять законодательные легислатуры

провинций и правительства. Правда, британцы сохраняли куриальную систему, разделявшую индуистов и мусульман. Таким образом, уже в 1930-х годах на территории Индии было фактически институционализировано буржуазное государство и началось развитие гражданских отношений и гражданского общества. Широко была распространена система европейского образования. Она стала создаваться с 1835 г., в 1857 г. были открыты первые три университета.

В целом, при всех существенных отличиях от западной модели, именно определенная близость к западной цивилизации по подходу к фундаментальным проблемам и позволила Индии установить политическую систему, которая — по сравнению почти со всеми странами Юга — наиболее соответствует большинству западных параметров.

Цивилизационное поле, на котором осуществляется общественное развитие, очень обширно — от индивидуализма (т.е. признания приоритета личных интересов), основы западного общества, до коллективизма (т.е. приоритета групповых интересов над индивидуальными), свойственного традиционному восточному обществу. В настоящий момент существует огромное количество промежуточных вариантов при практическом отсутствии «крайностей». Американской цивилизации присущ наиболее индивидуалистский характер (хотя тоже не абсолютно). Западноевропейские государства, не говоря уже о североевропейских, отличается меньший индивидуализм. Китаю, как и ряду других стран Восточной Азии, свойствен путь, близкий к четкому коллективистскому вектору. Для индийской цивилизации свойствен *срединный путь* — развитие по широкому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского и индивидуалистского векторов (подобное развитие в целом присуще также российской и японской цивилизациям).

Во внутренней жизни подавляющего большинства незападных стран нет особых попыток создания хоть какого-то подобия гражданского общества, а Индия дает нам пример весьма успешной демократизации. По-видимому, определяющую роль играют особенности индийской цивилизации. В условиях низкого уровня социально-экономического развития в Индии не могли бы прижиться элементы западной демократии, если бы они уже не были заложены в цивилизационном комплексе. Например, уже три тысячи лет назад в Индии существовали *панчаяты*, самоуправляющиеся общины. Общины были во множестве стран, но нигде, пожалуй, вмешательство государства в их дела не было столь ограничено.

В индийской истории было меньше социальных конфликтов по сравнению с другими социумами, что связано, в первую очередь,

с индуизмом. Такие основополагающие понятия, как *карма* (общая сумма совершенных индивидом поступков в предыдущих рожденьях и воздаяние за них в настоящем и будущем) и *дхарма* (долг человека, его статус, права и обязанности), определяют, что индивид не может возлагать ответственность за свои невзгоды на общество или конкретных людей, а должен винить лишь себя за несоблюдение норм в этой жизни или в предыдущих. С этими общими нормами связано то, что индийское национально-освободительное движение в основном своем потоке базировалось на принципах ненасилия. А именно это движение самым активным образом воздействовало на политические традиции, ориентации, массовое сознание и культуру индийского общества.

Важно и то, что индийской цивилизации присуща эволюционность развития. Революционный путь всегда в мировой истории давал обоюдоострые результаты, в том числе и для утверждения демократии. Важно и то, что в Индии колониальный период существенно ослабил ощущение своего превосходства и восприятие других как «варваров». Сейчас индийцы с готовностью воспринимают необходимость адаптации к своим условиям различных типов мирового опыта. Как отмечалось, чрезвычайно большое значение имели методы колониального управления Индией.

Благодаря всем этим факторам после завоевания независимости политическая элита страны, в подавляющем большинстве вестернизированная в колониальный период и относящаяся к высшему кастовому слою — брахманам, смогла сформировать институт национального согласия (консенсуса), который позволяет относительно мягко решать основные политические и социальные проблемы. Политику Индии формулируют различные группы интеллектуальной элиты на основе своего понимания национальных интересов. Эти интересы, выступающие как «среднестатистическая» различных мыслей и мнений (находящихся в постоянном диалектическом противоборстве), четко отражаются парламентом. Индийскому обществу удалось прийти к достаточному единодушию по основным внутривнутриполитическим и внешнеполитическим макропроблемам. В обозримом будущем любая политическая сила, победившая на всеобщих выборах, будет строго придерживаться общего консенсуса (а по конкретным, частным и персональным вопросам борьба может достигать крайней степени напряженности). Национальное согласие в Индии — не только свод правил политического общения, но и неотъемлемая часть национальной традиции и культуры.

Обычно признают, что для индийской традиции характерно ясное понимание губительности классовой борьбы, разрушающей естествен-

ные связи между людьми, и необходимости разрешать все конфликты мирным путем — с помощью диалога и компромисса, а национальное согласие для современного индийца органически связано с гандистским пониманием отношений целей и средств борьбы. Современная индийская политическая традиция опирается на необходимость «социальной самодисциплины» для всех граждан общества. Согласно гандистской традиции политических и социальных целей можно добиваться исключительно ненасильственными методами, а свобода и ответственность — основные и взаимодополняющие принципы демократии.

Естественно, отсюда не следует, что в Индии выработана исключительно продуктивная модель национального согласия. Так, мусульманская община Индии, этот огромный пласт общества, во многом вытолкнута из этого национального согласия и в отношении ее крайне слабо реализуются основные принципы политического компромисса. Есть сомнения в полной включенности в политическую элиту страны мусульманских верхов.

Однако, по-видимому, именно цивилизационные факторы сыграли важнейшую роль в том, что за полвека развития республика смогла избежать крупномасштабных катаклизмов, которые казались неизбежными по социально-экономическим и этнополитическим причинам. Британская империя оставила Индию в ужасающем экономическом положении: по душевому доходу страна занимала одно из самых последних мест в мире. Опасались также, что многонациональность Индии, в которой к индоарийской группе принадлежит 9 народов с численностью более 10 млн человек, к дравидийской группе (т.е. расово отличной) — 4 подобных народа (а есть еще австроазиатская и сино-тибетские семьи, каждая с численностью населения среднего европейского государства), обязательно приведет к распаду государства.

Уже отмечалось значение религии (индуизм — даже гораздо более широкое понятие, чем просто религия). Любопытно, что в подавляющем большинстве индийские северяне сейчас поддерживают в Шри-Ланке тамилы (индуистов), выходцев с дравидского юга Индии, а не сингалов (буддистов), выходцев с «арийского» севера. Религиозные же меньшинства не расселены в Индии компактно (за исключением Кашмира и Пенджаба). Помимо цивилизационного единства и даже определенного роста паниндийских чувств, реальному развитию регионального сепаратизма препятствуют также заметно усилившееся за годы независимости втягивание всех регионов в общенациональное разделение труда; образование значительного многонационального слоя предпринимателей, ведущих операции по всей стране, а также огромного слоя государственных слу-

жащих, заинтересованных в сохранении единства страны; бескомпромиссное применение силовых структур в случае поддержки сепаратистов внешними силами (Пенджаб, Ассам).

Особенности индийской политической культуры

В Индии велика роль семейственности и харизмы в изначальном значении этого слова, а именно особых качеств личности, исходящих свыше и передаваемых по наследству. Этим объясняется сохраняющаяся ведущая роль семьи Неру в индийской политике. Его харизма «передалась» не только его дочери, но и ее сыну, а затем даже вдове последнего. «Фактор Сони Ганди», по мнению обозревателей, сыграл свою роль в победе Конгресса в 2004 г.

Многие политические партии в Индии представляют собой группы, объединяющиеся вокруг лидера и не имеющие четких социальных позиций. Это патронаты или конгломераты патронатов, постоянно меняющие свои позиции и союзников в зависимости от конъюнктуры. Личностные отношения между лидерами играют иногда определяющую роль в ориентации партий.

Помыслы политиков лежат в области погони за личной выгодой, поэтому коррупция пронизывает все их действия. Перекупка депутатов и переход их по этой причине из одной фракции в другую, торговля министерскими портфелями (на уровне штатов), привлечение в партию криминальных элементов — все это широко распространено.

Указанные выше черты политической жизни не являются особенностью Индии. Они характерны для всех «восточных демократий». Собственно индийскими особенностями можно считать роль в политическом процессе кастового и конфессионального факторов.

Особенно специфичным и особенно трудным для учета является фактор касты. Для грубого его анализа можно ограничиться выделением трех сил: брахманы (от 9% населения на севере до 2–3% на юге), средние (небрахманские, но «чистые») касты (32–53%), неприкасаемые (22–10%, в среднем — 17%). (Сумма не составляет 100%, поскольку оставляем в стороне высшие касты, помимо брахманов, а также мусульман, христиан, племена и пр.) Брахманы традиционно монополизируют (в колониальный период — в тех пределах, конечно, которые позволяли им колонизаторы) сферы образования, интеллигентских профессий, администрации.

Средние касты, преобладающие численно, монополизирующие земельную собственность, в некоторых случаях способные повести за собой все население деревни (с исключениями, о которых ниже), начали

бороться за свое участие в престижных сферах жизни с брахманскими кастами.

Неприкасаемые своим положением изгоев противопоставлены всем остальным кастам. В то же время, как униженные и эксплуатируемые, они имеют общие интересы со средними кастами: чтобы добиться улучшения своего социального положения, им надо поставить под вопрос идеологическую основу кастовой системы и в этом смысле основу индусской цивилизации — учение о четырех варнах (так называемую *чатур-варню*), которым будто бы предопределены их судьбы в этом мире. И одновременно — так как их угнетают и унижают главным образом землевладельцы из средних каст — неприкасаемые объективно противостоят последним и могут быть использованы в качестве союзников брахманов.

Один из конкретных вопросов, по которому идет постоянная борьба между этими тремя группами каст, — вопрос о резервировании мест для средних каст на государственной службе и в высших учебных заведениях. Лидеры средних каст считают, что именно их касты имеются в виду в тех статьях конституции (ст. 15.4, 16.4, 340), где предусматривается забота государства о «других отсталых классах» (*other backward classes*) помимо «зарегистрированных каст» (т.е. неприкасаемых) и «зарегистрированных племен». Конечно, на практике средние касты ни в какой специальной защите не нуждаются, но им хочется получить привилегии.

Правительства Дж. Неру и Индиры Ганди не торопились предпринимать какие-либо меры по претворению в жизнь данных статей конституции. В прессе шла полемика: кого именно следует считать «отсталыми классами».

В 1977–1979 г. правительство Джаната парти, в котором одну из ключевых ролей играл Чаран Сингх — признанный лидер землевладельцев из средних каст, — дало ход работе Комиссии Б. П. Мандата, назначенной еще И. Ганди, для изучения этого вопроса. Комиссия представила свои предложения в 1980 г. Она рекомендовала зарезервировать за средними кастами примерно 27% мест на службе и в университетах, имея в виду, что общая доля зарезервированных мест (вместе с местами для неприкасаемых и племен) не должна превышать 50%. Для высших каст это было бы страшным ударом, потому что они привыкли иметь свободный доступ к образованию и чиновничьим должностям. Но к тому времени власть сменилась, и ни Индира Ганди, ни Раджив Ганди не стали ссориться с высшими кастами.

Решение затруднялось тем, что в Индии отсутствует кастовая статистика. В переписях, начиная с 1941 г., фиксируется только членство

в кастах и племенах, занесенных в специальные списки (*schedules*), разные для каждого штата. Таким образом, сколько именно в Индии «отсталых», никто не знал. Обратились к данным переписи 1931 г., прикидывая, как изменилось соотношение каст к 1980-м годам¹. Для осуществления рекомендаций нужно было иметь точные данные по штатам. Шли бесконечные споры.

Снова сменилась власть в Дели (правительство В. П. Сингха в 1989–1990 гг.), и снова привилегии для средних каст стали фактором политической борьбы. Правительство объявило о принятии рекомендаций Комиссии Мандата.

Индусские коммуналисты поняли, что наступил решающий час. Они должны добиться единства индусской общины любой ценой, иначе она будет расчленена по кастовым группам, каждая со своими привилегиями, и им никогда не прийти к власти. Они сумели обострить индусско-мусульманские противоречия до невиданного с 1947 г. накала, отодвинуть в сознании индусов вопрос о резервировании на второй план и даже овладеть властью. Но большинство штатов успели принять соответствующие законы о резервировании, так что борьба внутри индусской общины еще продолжится.

Кастовый фактор на общеиндийском уровне раньше играл меньшую роль, поскольку все политические лидеры были брахманами: и в ИНК, и в Хинду Махасабхе, и в компартии. Конгресс имел преобладание, поскольку его поддерживали также меньшинства — мусульмане и неприкасаемые.

Но подъем средних каст привел к дифференциации. Конгресс долго сохранял позиции там, где переориентировался на средние касты (Махараштра). Но в Северной Индии появилась партия средних каст (Лок Дал). В штатах возникли местные партии, также ориентированные прежде всего на средние касты. Там Конгресс мог сохранять позиции, только вступая в коалиции с ними (Панджаб, Андра Прадеш, Тамилнад). Демократическая система вообще повышает значение уже имеющихся групп солидарности. Мажоритарная система относительного большинства еще усиливает значение комбинаций каст. Каждый избирательный округ имеет свое «кастовое лицо».

Считается, что роль касты особенно велика при выборах в штатовские Законодательные собрания, поскольку на таких выборах избирательные округа мельче и близко совпадают с границами политической

¹ В отечественной литературе см. расчеты по переписи 1931 г. в статье: *Алаев Л. Б., Загородникова Т. Н.* Кастовый состав населения Индии // Восток. 1993. № 1. С. 121–130.

эффективности той или иной касты. На общеиндийском уровне значимы группы каст.

Кастовый фактор — наиболее яркое проявление групповой солидарности, характерной и для других становящихся демократий. Превалирует не индивидуальный выбор, а оглядка на то, как голосуют другие, прежде всего кастовый лидер. Смена лидером политической ориентации приводит к массовому изменению характера голосования всей группы. Поэтому тактика партий — привлечь на свою сторону лидера¹.

Каждая партия, выдвигая кандидата на выборах в том или ином округе, занимается «кастовой арифметикой». Возникают самые причудливые комбинации, иногда немислимые в собственно кастовом обществе. Что это: партии используют комбинации каст или касты используют партии, чтобы провести своих людей, — решить бывает нелегко.

Конфессиональный фактор играет значительную роль в политике во многих странах. В Индии он имеет свои особенности. Основная коллизия заключается в противостоянии индуистского большинства и мусульманского меньшинства. Последнее (напомним, 11% населения) — 110 млн человек. Чтобы подавить такую массу, нужны неимоверные усилия, обострение отношений между конфессиями прямо ведет к гражданской войне. Индуистские шовинисты (их называют в Индии коммуналистами), по существу, ведут дело именно к этому. Если у них пока не получается устроить всеиндийский мусульманский погром, то это объясняется особенностями индуизма как религии, о которых уже говорилось. В отличие от ислама индуизм не спланирует, а разобщает массы, не может служить знаменем их мобилизации, потому что многолик и любой выдвинутый им лозунг будет не только привлекать, но и отталкивать. Даже лозунг защиты коровы, наиболее приемлемый для цели мобилизации индуистских масс, отталкивает часть неприкасаемых. Попытки создания нового, боевого, политически пригодного индуизма делаются уже более ста лет. Идет пропаганда *Хиндутвы* («Индуисткости»), которая претендует на роль национальной идеологии. (Впрочем, в чем состоит Хиндутва, нет полной ясности даже среди ее идеологов.) Несмотря на электоральные успехи последних лет Бхаратия Джаната парти, нельзя сказать, что идеи индуистского коммунализма овладели массами. Именно потому, что содержащиеся в нем принципы эгалитаризма неприемлемы для традиционного сознания.

¹ Но при этом нельзя педалировать его роль, нельзя озвучивать, что главное — это ориентация лидера См.: *Datta A. K. Politics in Village India // Tropical man. Leiden, 1972. Vol. III.*

Политическая система Индии

В целом в Индии установление системы представительной демократии в достаточно строгом западном варианте более 50 лет назад было определенным «забеганием вперед», что провоцировало неизбежный «откат». Однако он оказался значительно меньшей длины по сравнению с подавляющим большинством развивающихся стран, и большинство элементов «забегания вперед» оказалось прочно утвержденными на индийской почве, что, безусловно, связано с цивилизационными отличиями Индии.

По Конституции 1950 г. Индия провозглашалась суверенной республикой. Были декларированы различные демократические права: на равенство (запрещалась религиозная, расовая, кастовая и гендерная дискриминация); на свободу религии, слова, мнений, собраний, создания различных общественных организаций, передвижения и т.д.; на защиту от эксплуатации, на частную собственность, на охрану интересов меньшинств в области культуры и образования.

Конституция устанавливала в целом Вестминстерскую модель политического устройства. Согласно ей президент обладает очень большими полномочиями: он является Верховным главнокомандующим; может издавать и отменять законы в периоды между сессиями парламента, приостанавливать действия конституции; назначает премьер-министра и министров центрального правительства по рекомендации последнего, губернаторов штатов. Введение чрезвычайного положения в различных штатах по конституции именуется введением президентского правления. Президент выбирается избирательной коллегией, образованной из членов парламента и законодательных собраний штатов. Его значительная роль существует лишь де-юре. На практике президент заметен лишь в конфликтных ситуациях с назначением премьер-министра или роспуском парламента в случае неспособности того обеспечить поддержку премьера. Робкие попытки в эпоху Индиры Ганди (1966–1977, 1980–1984 гг.) ввести президентскую форму правления в республике оказались безуспешными в связи со стойкой оппозицией большинства индийцев.

Президент Индии не является носителем исполнительной власти. По конституции парламента, являющийся высшим органом законодательной власти, состоит из президента страны и двух палат — Народной палаты (Лок Сабха) и Совета штатов (Раджья Сабха). Лок Сабха и Законодательные собрания штатов избираются на основе всеобщего избирательного права взрослым населением (в 1988 г. возрастной ценз

был снижен с 21 года до 18 лет), имеющим право голоса (его нет у лиц без постоянного места жительства, умалишенных и преступников). Закон фиксирует проведение выборов раз в пять лет. Если первоначально они проходили в соответствии с графиком, то впоследствии начались определенные сбои — по мере постепенной утраты ведущей партией, Индийским национальным конгрессом, монополии на власть. Это приводило к политической нестабильности и объявлениям о внеочередных роспусках парламента. В 1990-х годах оформились как левоцентристская, так и правоцентристская (так называемая националистическая) мощные оппозиции Конгрессу. В результате в 1989—1999 гг. прошли пять всеобщих выборов, а нынешний состав Народной палаты является пятнадцатым.

Территориальные округа создаются в соответствии с численностью населения: штат или союзную территорию может представлять один парламентарий, а может 85 (как в случае с Уттар-Прадеш, где проживает практически столько же людей, как в России). В Лок Сабху входят не более 525 представителей штатов и не более 20 представителей союзных территорий. Два человека из англо-индийской общины (потомки браков между англичанами и индийцами) могут быть назначены в Народную палату президентом.

Численность Совета штатов не должна превышать 250 человек. 12 человек назначаются президентом из числа выдающихся деятелей в области литературы, искусства, науки и общественной деятельности. Остальные члены выбираются специальными коллегиями членов Законодательных собраний штатов. Представительство в верхней палате от штатов также зависит от численности населения. В результате от Нагаленда в Раджья Сабхе заседает один представитель, а от Уттар-Прадеша — 34. Депутаты от союзных территорий (7 территориальных единиц) выбираются путем двухступенчатых выборов. Совет штатов не может быть распущен (в отличие от Народной палаты), но треть его состава ротировается каждые два года.

Главной функцией обеих палат является принятие законов, которые попадают на подпись к президенту только после прохождения в обеих палатах. В случае расхождения мнений двух палат президент может собрать общее заседание, но нет никаких юридических процедур для преодоления вето одной из сторон. Если палаты проголосовали по-разному по закону о внесении поправок в конституцию, то не предусматривается вообще никаких согласительных процедур. Закон считается принятым, если за него проголосует не менее $\frac{2}{3}$ присутствующих на обсуждении, но только если число голосующих «за» превышает половину общей

численности палаты (дело в том, что цифра для кворума весьма низка: так, для Совета штатов она равна 25 парламентариям). Основной сферой законотворчества считаются вопросы, связанные с обороной, внешней политикой, транспортом и коммуникациями (особо выделяются железнодорожные перевозки), валютной, монетной и банковской системами, таможенными пошлинами и акцизами. Парламентарии имеют также право принимать законы в таких областях, как экономическое и социальное планирование, социальное обеспечение, улучшение условий труда, контроль за ценами и статистика. Законы, связанные с финансами и выделением средств на функционирование администрации страны, принимаются лишь Народной палатой. Новые общеиндийские службы создаются по решению только Совета штатов.

Дебаты в парламенте проходят на хинди (государственный язык) и английском (официальный). Конституция 1950 г. предусматривала, что через 15 лет английский язык утратит свою функцию. Однако «хиндустанцы» (или «люди, говорящие на хинди») составляют только около трети населения страны, и остальные народы воспротивились тому, чтобы хинди был единственным официальным языком. Наиболее активно против этого выступил юг, но «хиндустанцы» не нашли полного понимания и у других народов индоевропейской семьи, говорящих на родственных языках (здесь продолжается лингвистический спор, являются они диалектами хинди или представляют самостоятельные языки).

Парламент контролирует администрацию страны путем принятия решений, организации дискуссий, отчетов членов правительства, запросов депутатов и т.д. Правительство ответственно не перед всем парламентом, а перед Лок Сабхой, которая и выбирает премьер-министра. Именно последний является по существу лидером страны.

Прения в парламенте часто транслируются по телевидению, нет особых проблем и в том, чтобы побывать на галерке зрителей в самом парламенте. Сцен физического насилия в индийском парламенте несравненно меньше, чем в России или Восточной Азии (индийцы неагрессивны, и средний мужчина вообще не умеет драться). Зато шуму всегда очень много, выступления по наиболее злободневным вопросам, как правило, комментируются весьма язвительно и остроумно (во юмор индийцы необыкновенно ценят) противоположно настроенными парламентариями.

За 50 лет в Индии детально проработали все параметры деятельности парламента, включая материальное положение парламентариев. Так, зарплата члена Народной палаты составляет 4 тыс. рупий в месяц (около 100 долл. — по официальному курсу, но по покупательной спо-

способности, поскольку цены в Индии в несколько раз ниже, чем на Западе, — это около 500 долл.). Ежедневно выделяется еще 400 рупий. На работу в своем избирательном участке и в Дели выдается 16 500 рупий в месяц (2500 рупий должны идти на канцелярские принадлежности). Секретарю парламентария дополнительно выплачивается до 6 тыс. рупий. За предоставленную квартиру член Народной палаты ничего не платит. Если же он желает проживать на вилле, то его расходы на аренду никак не компенсируются. 29 тыс. рупий выделяются на аренду мебели. Зафиксированы даже такие вещи, как бесплатная чистка накидок на диваны и занавесок (раз в три месяца) и укладка кафеля в ванной и на кухне. Четко регламентировано потребление воды и электроэнергии, количество бесплатных телефонных звонков. По железной дороге парламентарий и его жена бесплатно путешествуют в первом классе, а сопровождающий — во втором. Разрешено совершить 32 авиационных перелета в год. Можно занимать места люкс на пароходах, супруге или сопровождающему компенсируют $\frac{3}{5}$ стоимости билета (еда не оплачивается). Минимальная пенсия бывшего члена Народной палаты — 2500 рупий в месяц. Если же он пребывал в парламенте дольше пяти лет, то ему еще платят по 500 рупий за каждый дополнительный год (потолка нет).

К компетенции центрального правительства отнесены все вопросы, касающиеся обороны, внешней политики, внутренней безопасности, финансов и т.д. Именно правительство обладает всей полнотой исполнительной власти.

Ключевыми для всей политической системы Индии являются выборы в Народную палату (это единственные всеобщие выборы в стране). Понятно, что в течение полугода средства массовой информации заняты исключительно этой темой. Выборы показывают, какая политическая сила пользуется наибольшим авторитетом среди населения, кто способен наиболее правильно построить предвыборную баталию и обладает наибольшей мудростью с точки зрения построения политических союзов. В ходе выборов 1998 и 1999 гг. наиболее впечатляюще выглядела БДП, лидеры которой смогли развеять опасения по поводу своей агрессивности и «националистичности». В качестве особо тонкого тактического хода хотелось бы выделить поддержку партией в 1998 г. кандидатуры нового спикера Народной палаты. Он принадлежал к категории далитов — тех, кого раньше называли неприкасаемыми, а потом — хариджанами (160 млн далитов проживает преимущественно в сельской местности, и это — по-прежнему наиболее угнетенная часть индийского общества), и был выходцем с юга. Подобный шаг был одним из методов, способствующих тому, что в Индии практически исчезли утверждения, что

БДП защищает, прежде всего, интересы высококастовых жителей севера. В свою очередь, победа ИНК (И) на выборах 2004 г. была связана с тем, что партия на этот раз построила значительно лучшую систему союзов с региональными партиями, чем БДП.

Если в отношении низов общества нередко используют «грязные технологии», то такие методы в отношении среднего класса никогда не применяются. Его обрабатывают с помощью новейших политических методик. В Индии уже насчитывается 120–140 млн человек, чей уровень потребления относительно сопоставим с европейскими стандартами (индийская статистика вообще к среднему классу относит 200–250 млн человек, у которых душевой доход по паритету покупательной способности превышает 5 тыс. долл. в год). Именно средний класс выступает «становым хребтом» демократии.

Опыт Индии, которую президенты США привыкли называть «самой большой демократией в мире», в сфере государственного строительства представляется весьма интересным для России. Становление демократических институтов в Индии происходило до появления необходимой социально-экономической базы, без длительной эволюции, как в Европе, и политические макроструктуры оказались в состоянии как сохранить эти институты, так и способствовать нужным изменениям в экономике и культурной сфере. Именно парламентаризм в Индии позволил значительно смягчить острейшие противоречия — социально-политические, этнонациональные, конфессиональные и т.д.

Согласно конституции Индия является Союзом штатов, существует строгое разграничение полномочий Центра и штатов. В ведение Дели передано 97 вопросов: оборона, отношения с иностранными государствами, денежное обращение, внешняя торговля, атомная энергетика и т.д. Штаты отвечают за 66 проблем: обеспечение общественного порядка, местное самоуправление, здравоохранение, сельское хозяйство, охрана лесов, рынки и ярмарки и т.д. К совместной компетенции отнесено 47 пунктов: уголовное право, законодательство о браке, семье и опеке, экономическое и социальное планирование, трудовое законодательство и т.д.

Система управления устроена по аналогии с общеиндийской. На этом уровне права и обязанности губернатора соответствуют президентским: от его имени осуществляется вся исполнительная деятельность. Губернатор не избирается, а назначается президентом (как правило, на пятилетний срок). Де-факто его главная функция — осуществление конституционного контроля Центра за правительством штата.

Реальным лидером на уровне штата является главный министр, который должен иметь поддержку более половины членов Законодатель-

ного собрания (избираемого на 5 лет всем населением штата). Министры несут коллективную ответственность перед законодательной властью. В некоторых штатах, помимо Законодательных собраний, существует и «высшая» палата — Законодательный совет, который не может доминировать над Законодательным собранием. Одна шестая его членов назначается губернатором, остальные избираются непрямой пропорциональным голосованием. Число членов Законодательного собрания не может быть меньше 60 и больше 500, а количество парламентариев Законодательного совета должно составлять не менее 40 (оно зависит от численности Законодательного собрания).

По Конституции 1950 г. в стране создавалось 4 категории штатов (всего — 27), имевшие различный правовой статус. К компетенции центрального правительства отнесены все вопросы, касающиеся обороны, внешней политики, внутренней безопасности, финансов и т.д. Именно правительство обладает всей полнотой исполнительной власти. В этот период административное деление как бы унаследовало британскую систему, в рамках которой не уделялось должного внимания проблемам этнолингвистического расселения. Главным очагом борьбы за административную реорганизацию стали в тот период южные штаты. Как отмечалось, в 1956 г. началась административная реформа, выделявшая штаты на этнолингвистической основе и уравнивавшая их в правах. Было создано 14 юридически равноправных штатов¹ (Андхра-Прадеш, Ассам, Бихар, Бомбей, Керала, Мадхья-Прадеш, Мадрас, Майсур, Орисса, Пенджаб, Раджастхан, Уттар-Прадеш, Западная Бенгалия, Джамму и Кашмир). Обращает на себя внимание, что были удовлетворены основные требования южан.

Реформа, однако, не остановилась и по существу продолжается до сих пор. Первоначально новый центр борьбы за продолжение реформы переместился в Северо-Восточную Индию, где многочисленные племена стремились к выделению из состава Ассама. Административные перемены принесли наибольшие выгоды крупным этносам, тогда как мелкие стали больше опасаться за свою идентичность. На первом этапе власти расценивали их выступления как сепаратизм, но постепенно отношение стало меняться. Наиболее ожесточенной была борьба народов нага и мизо за автономию. В 1962 г. был создан штат Нагаленд, в 1971 г. появилась союзная территория Мизорам, преобразованная в штат в 1986 г. В 1969 г. был образован штат Мегхалайя, в 1972 г. — Трипура, а в 1986 г. — Аруначал Прадеш (до этого он был союзной тер-

¹ Штат Джамму и Кашмир, согласно знаменитой статье 370 Конституции, имеет большие полномочия.

риторией). Помимо этого, на два самостоятельных штата был разделен Бомбей — в 1960 г. (на Махараштру и Гуджарат), а в 1966 г. — Пенджаб (на собственно Пенджаб, населенный сикхами, и Харьяну, где проживали в основном индуисты¹). Часть территории, населенной горцами, вошла в состав нового штата — Химачал Прадеш. В 1975 г. в состав Индии был включен бывший протекторат — Сикким. В 1987 г. Гоа из союзной территории превратился в штат.

Появление в 2000 г. трех новых штатов: Чхатисгарха, Джаркханда и Уттаранчала, выделенных соответственно из Мадхья-Прадеша, Бихара и Уттар-Прадеша, стало победой племен, которые смогли добиться больше автономии от говорящих на языке хинди. Правда, недовольство начинают высказывать основные этносы крупных штатов (в Ассаме началось движение за создание «Большого Ассам») и политические партии. Так, индийские коммунисты в ходе дискуссии о появлении трех новых штатов заявили, что дальнейшее дробление грозит Индии потерей управляемости.

В настоящий момент в этой крупнейшей в мире федерации насчитывается 28 штатов: Андхра-Прадеш, Ассам, Аруначал-Прадеш, Бихар, Гоа, Гуджарат, Джамму и Кашмир, Джаркханд, Западная Бенгалия, Карнатака, Керала, Мадхья-Прадеш, Махараштра, Манипур, Мегхалай, Мизорам, Нагаленд, Орисса, Пенджаб, Раджастхан, Сикким, Тамилнад, Трипура, Уттаранчал, Уттар-Прадеш, Харьяна, Химачал-Прадеш, Чхатисгарх. Существуют также 7 союзных территорий: Андаманские и Никобарские острова, Дадра и Нагар Хавели, Даман и Диу, Дели, Лакшадвип, Пондишери и Чандигарх, которые де-юре управляются президентом Индии, но имеют свои Законодательные собрания и правительства. Для снижения этнической напряженности создаются автономные районы и дистрикты.

Традиционно в Индии в сфере федеративных отношений юридически оформлялись конституционные институты и механизмы, направленные на усиление централизации страны (институт губернатора; президентское правление; институт чрезвычайного правления), но они в настоящий момент демонстрируют все меньшую эффективность. Так, президентское правление практически не вводилось в штатах за последние 20 лет, тогда как в 1966—1979 г. — 95 раз. Институт чрезвычайного правления (именно через него конституция закрепляла унитарный уклон индийской федерации) функционировал в последний раз в январе 1977 г. Одновременно начинает расти эффективность фактических механизмов

¹ Город Чандигарх (союзная территория) стал столицей обоих штатов.

(рост большей автономии штатов; регионализм; образование коалиционных правительств).

Таким образом, само развитие Индии показывает, что в новых исторических условиях необходима меньшая централизация власти в руках Центра. Сейчас все стратегические сферы находятся под его контролем (вопросы «внутреннего» правопорядка являются прерогативой штата, но Дели может отказать и в этом, если сочтет, что положение в данной области угрожает национальной безопасности). Изменение границ штатов находится в исключительном ведении Центра, и протест штата может быть полностью отклонен. Ряд экспертов полагает, что излишняя централизация в Индии способствует обострению этноконфессиональных конфликтов, а регионализм, который развивается в стране относительно стихийно, наоборот, ведет к укреплению стабильности и совершенствует систему управления. Все чаще в Индии призывают конституционно отменить институт президентского правления и ввести выборность губернаторов. В 2002 г. созданная Национальная комиссия по обзору работы конституции опубликовала рекомендации по возможным конституционным изменениям. Было предложено компромиссное решение: доклад губернатора, на базе которого и вводится президентское правление, должен содержать действительные факты, говорящие об угрожающей ситуации; Законодательное собрание штата обязано иметь право рассмотреть прокламацию президента. Можно предположить, что в ближайшем будущем Индия пойдет по пути большей гибкости, отказа от излишней централизации и развития регионализма.

Что касается очевидных достоинств индийской политической системы, то отметим систему выборности на низовом, местном уровне и реальную независимость судебной системы.

Судебная система Индии состоит из Верховного суда, восемнадцати Высших судов штатов и системы нижестоящих местных судов. Верховный суд выполняет функции Федерального суда (включая исключительное право решать споры между Центром и штатами и между штатами), Апелляционного суда (рассматривая, например, апелляции на решения Высших судов) и органа конституционного контроля (включая право интерпретировать конституцию). Он также имеет особые консультативные прерогативы. Его решения обязательны для всех других судов (сам Верховный суд имеет право пересматривать свои решения). Председателя Верховного суда и судей назначает президент. Лишить судью Верховного суда своего поста можно только по решению парламента. Значение Верховного суда в последнее время возрастает.

Высшие суды функционируют на уровне штатов. Конституция позволяет иметь один суд для нескольких штатов. В результате, например,

в Северо-Восточной Индии есть только один Высший суд в Гувахати — для Ассама, Нагаленда, Манипура, Трипуры, Аруначал-Прадеша, Мизорама и Мегхалайи.

Высшие суды выполняют апелляционные функции, осуществляют надзорный и административный контроль над деятельностью нижестоящих судов. Они обладают так называемой чрезвычайной юрисдикцией в отношении всех органов штата и лиц, проживающих в нем. Решения суда обязательны для всех нижестоящих судов (но не для других Высших судов). Часто судебная система Индии демонстрировала свою независимость от центральной власти именно на этом уровне. Так, в 1974 г. Аллахабадский высший суд, по существу, лишил власти премьер-министра Индиру Ганди (что, в частности, способствовало установлению чрезвычайного положения). Не случайно в первой половине 1970-х годов парламент Индии, полностью контролируемый ИНК (И), принял поправки, ограничивавшие функции Верховного суда и Высших судов, но в 1977–1978 гг. они были отменены (сохранился лишь запрет Верховному суду отменять центральные законы, нарушающие основные права человека).

Что касается местного самоуправления, то оно относится к компетенции штатов. Основной административной единицей штатов и союзных территорий является дистрикт (район). Во главе его стоит коллектор (чиновник индийской административной службы). Дистрикты подразделяются на городские, полугородские и сельские районы. Самыми влиятельными и автономными органами городского самоуправления выступают муниципальные корпорации, которые создаются в наиболее крупных городах. Члены советов выбираются на основе всеобщего избирательного права, они и выбирают мэра и его заместителя. Главным администратором, правда, является комиссар, в руках которого сосредоточена основная исполнительная власть. Он назначается правительством штата. В менее крупных городах существуют муниципальные советы (более 1500). Их члены также выбираются прямым голосованием населением города. Основная исполнительная власть принадлежит секретарю, который назначается правительством штата. Для поселков городского типа существуют нагар (городские) панчаяты.

В середине прошлого века в Индии возникла система сельского самоуправления. Она состоит из трех уровней: на уровне деревни — выборные панчаяты (они стали появляться еще в начале века), на уровне блока общинного развития (он включает около 100 деревень) — панчайт самити, на уровне дистрикта — зила паришад. За исключением Махараштры, где главным звеном сельского самоуправления выступает верхний уровень, ключевой структурой является панчайт самити, который

занимается реализацией различных экономических программ. С 1993 г. действует четкий порядок выборов (которые стали обязательными) во все панчаяты, чей срок деятельности стал равен пяти годам. Было зафиксировано резервирование мест в панчаятах для представителей официально зарегистрированных каст и племен (в соответствии с их долей в составе населения данной местности) и для женщин (не менее $\frac{1}{3}$ мест).

Таким образом, произошла демократизация политической жизни на низовом уровне, что чрезвычайно принципиально для дальнейшего продвижении Индии по демократическому пути.

За период независимости значительно эволюционировала партийно-политическая структура страны. На первом этапе (1947–1977 гг.) развития Индии после независимости монополия на власть принадлежала Индийскому национальному конгрессу. Партия, возглавлявшая национально-освободительное движение в Индии, сохраняла монополию на власть во многом благодаря мажоритарной системе. В ходе выборов в парламент в 1951/1952, 1957 и 1962 гг. ИНК получал менее половины голосов избирателей (соответственно 45, 47,8 и 44,7%) и имел около $\frac{3}{4}$ мест в парламенте (соответственно 74,4, 75, 73,1%) из-за разобщенности оппозиции (основными соперниками были коммунисты и социалисты).

Именно Джавахарлалу Неру, первому премьер-министру Индии (1947–1964 гг.), удалось добиться того, что основные политические и социальные силы пришли к единству взглядов на главные экономические, внутривнутриполитические и внешнеполитические макропроблемы. Приоритет получали эгалитаристские (запрет кастовой дискриминации, декларированное равноправие полов, политика, направленная на улучшение положения обездоленных в политической и социально-экономической сферах: например, внедрение системы резервирования мест для отсталых каст и племен в учебных заведениях, на государственной службе и в выборных органах) и секуляристские принципы.

«Курс Неру» в экономической области предполагал развитие по «социалистическому» пути: развитие «смешанной» экономики (преимущественное развитие государственного сектора, в собственность которого отошли все предприятия, принадлежавшие колониальным властям; контроль над деятельностью крупных частных предпринимателей; помощь мелкому и среднему бизнесу), проведение аграрной реформы, включавшей установление потолка землевладения; этатизм (в Индии государство было существенно более слабым, чем в Восточной Азии, а после завоевания независимости началось значительное повышение его роли). В 1950-х годах была разработана стратегия «самоподдерживающегося и самообеспечивающегося» роста, в основу которой было

положено освоение внутреннего рынка за счет его расширения и вытеснения импорта. При замедленности социальных и технических реформ такая стратегия первоначально привела к довольно низким темпам роста и большой зависимости от притока внешних ресурсов (среднегодовые темпы прироста ВВП составили в 1950-х годах 3,5%, а в 1960-х — 3,8%, что было ниже среднемировых показателей). При этом был создан сильный государственный сектор в тяжелой промышленности.

После смертей Дж. Неру и Лала Бахадура Шастри, пребывавшего на посту премьер-министра чуть более года, в 1966 г. новым лидером Индии в ожесточенной межфракционной борьбе стала дочь Дж. Неру Индира Ганди. Развитие центробежных тенденций в ИНК и рост экономических проблем (в ряде областей Индии в 1965—1967 гг. был даже голод) привели к падению авторитета партии. На выборах 1967 г. ИНК получил 40,9% голосов и только 54,6% мест в центральном парламенте. Партия потеряла контроль над 9 из существовавших тогда 17 штатов. Официальный раскол ИНК произошел в 1969 г. на ИНК (И) во главе с И. Ганди и Организацию Конгресс во главе с Морарджи Десаи, лидером правого крыла.

В 1960-х годах расколы произошли в левых крупных партиях. В 1964 г. из-за разногласий по поводу тактики и стратегии раскололось коммунистическое движение Индии на Коммунистическую партию Индии и Коммунистическую партию Индии (марксистскую). В 1965 г. распалась и Объединенная социалистическая партия.

В результате в парламенте основными оппозиционными силами стали правые партии: 42 места из 520 (8,6% голосов) получала партия Сватантра (Независимость), а Бхаратия джана сангх (Индийский народный союз) провела 35 кандидатов в нижнюю палату (9,3% голосов). Сватантра была создана в 1959 г. при поддержке крупных помещиков и предпринимателей, а Бхаратия джана сангх — в 1951 г. (непосредственное участие в ее образовании приняли лидеры индусских националистов).

В этот период начался процесс усиления региональных партий. В 1967 г. впервые они оказались в состоянии сформировать самостоятельные правительства в штатах (в южноиндийском штате Тамилнад к власти пришла организация Дравида муннетра кажагам, а в Пенджабе — Акали дал).

В условиях наступления правых сил ИНК (И) начал заигрывание с низшими слоями общества и осуществил ряд популистских шагов, включая национализацию 14 крупнейших банков и предприятий угольной промышленности. Резко усилился контроль над частным предпринимательством и торговлей. Развитие государственного сектора стало особенно приоритетным направлением. Более позитивные процессы

проходили в сфере сельского хозяйства. С конца 1960-х годов началась «зеленая революция» (резкое улучшение качества семян, ирригационные работы, быстрое увеличение объема внесения минеральных удобрений и средств защиты растений). В стране очень существенно выросло производство зерновых культур, причем низкокачественные просяные культуры уступили свое место рису и пшенице. В Индии по существу была решена проблема голода.

Пятые всеобщие выборы в 1971–1972 гг. вновь укрепили положение ИНК (И). Партия получила 43,6% голосов, что принесло 350 мест в нижней палате. Организация Конгресс, хотя и набрала 10,6% голосов, была представлена всего 16 депутатами. За основные коммунистические партии проголосовало по 5% избирателей, и они стали основной оппозицией в парламенте (КПМ получила 25 мандатов, а КПИ — 24). Неудачно выступили на выборах правые силы.

Успеху ИНК (И) способствовала не только популистская политика, но и победа над Пакистаном в 1971 г. Восточная Бенгалия получила независимость, и Индия стала полностью доминирующей силой в Южной Азии. Пакистан потерял 15% территории, треть ВВП и половину населения. Советский Союз, подписавший с Индией в августе Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, предпринял шаги, не позволившие США и Китаю вмешаться в войну, которая окончательно закрепила партнерские отношения СССР и Индии.

ИНК (И) во внутренней политике взял на вооружение концепцию «организованного капитализма», предполагавшую дальнейшее усиление государства в экономике. Усилились авторитарные тенденции в деятельности верхушки партии и государственного аппарата, резко набрала обороты коррупция в различных эшелонах власти. Ситуация осложнилась повторявшейся засухой и «нефтяным шоком» 1973–1974 гг. Индии не удавалось реализовать социальные и экономические программы (особенно затормозилась аграрная реформа), нарастала социальная и этноконфессиональная напряженность. В стране началось массовое движение неповиновения (в антиправительственных демонстрациях иногда принимало участие более миллиона человек), возглавленное духовным лидером социалистов Дж. П. Нараяном. Произошло сближение различных оппозиционных партий на антиконгрессистской основе. В 1975 г. на выборах в штате Гуджарат был образован единый блок из Организации Конгресс, Джана сангх, социалистов и ряда мелких партий, которому удалось нанести поражение ИНК (И). Это событие совпало с решением Высокого суда в Аллахабаде о лишении депутатского мандата И. Ганди (только парламентарий может быть министром) из-за нарушений в предвыборной кампании 1971 г.

26 июня в стране было введено чрезвычайное положение (первое и пока последнее серьезное отступление от принципов демократии). Начались репрессии против антиконгрессистских активистов. Объявленная правительством «Программа 20 пунктов» натолкнулась на огромные сложности в деле реализации. Авторитет партии упал также из-за действий сына И. Ганди — Санджая, который, не занимая официальных постов, стал, по существу, одним из влиятельнейших лидеров. Он выдвинул свою программу, в рамках которой осуществлялась, например, насильственная стерилизация миллионов людей (официально говорилось о «добровольной» стерилизации).

В январе 1977 г. неожиданно правительство объявило о проведении новых выборов и отмене чрезвычайного положения. Впервые в истории Индии оппозиция выступила достаточно сплоченно, и был создан блок Джаната парти (Народная партия), куда вошли Организация Конгресс, Джана сангх, Социалистическая партия и Бхаратия лок дал (Индийская народная партия), выражавшая интересы аграрной буржуазии. Блок получил поддержку Конгресса за демократию, который был образован частью конгрессистов после нового раскола ИНК (И), и Коммунистической партии Индии (марксистской). Из крупных партий единственным союзником ИНК (И) оказалась КПИ. Партия набрала голосов немногим меньше обычного (34,5%), но из-за единства оппозиции количество мест в парламенте оказалось вдвое меньше «нормы» (153). Мажоритарная система в Индии способствовала тому, что конечный результат партии-лидера зависит не только от поддержки избирателей, но и степени сплоченности избирателей. Джаната парти получила 43,7% голосов и 298 мест. Премьер-министром стал Морарджи Десаи, министром иностранных дел — А.Б. Ваджпаи, лидер Джана сангха. Таким образом, в Индии была прервана монополия Конгресса на власть.

Новое правительство продержалось менее двух лет, поскольку внутренние разногласия, проявившиеся сразу после прихода к власти, помешали нормальному функционированию. Выяснилось, что оппозиция была объединена исключительно стремлением свергнуть правительство Индиры Ганди. В июле 1979 г. правительство было вынуждено уйти в отставку.

На прошедших в 1980 г. всеобщих выборах ИНК (И) одержал победу, получив абсолютное большинство мест — 351 из 524. Индира Ганди вновь стала премьер-министром. Первая половина 1980-х годов была достаточно успешной для экономического развития, но в стране резко возросли межэтнические, межкастовые и межрелигиозные конфликты. Сепаратистское движение набирало обороты на северо-востоке и в Тамилнаде, но особо остро стоял вопрос в Пенджабе, где началась

вооруженная борьба за создание независимого сикхского государства. Пенджабские террористы превратили святыню сикхов — Золотой храм в Амритсаре — в свою базу, и премьер-министр в 1984 г. приняла решение организовать штурм их цитадели. В октябре 1984 г. сикхские экстремисты организовали убийство Индиры Ганди.

На волне «народной симпатии» ИНК (И) во главе с ее сыном Радживом Ганди одержал беспрецедентную победу на выборах, прошедших в декабре, и получил 401 место из 508. Новому правительству удалось снять остроту межконфессиональных и межэтнических противоречий, на убыль пошло сепаратистское движение, хотя продолжали происходить и террористические акты, и коммуналистские столкновения. Экономика развивалась в достаточно позитивном ключе. При этом проходил отход от «курса Неру»: постепенный отказ от приоритетного развития государственного сектора, снятие жесткого контроля над крупным капиталом, поощрение иностранных инвестиций, упор на развитие высоких технологий. Заметно укрепились производственно-технологические связи между Индией и Западом. Вместе с тем начались коррупционные скандалы, в получении взяток обвиняли самого премьер-министра, из ИНК (И) начали выходить многие видные деятели.

На выборах 1989 г. ИНК (И) потерпел сокрушительное поражение, получив 192 мандата из 525. К власти пришел Национальный фронт, созданный из пяти центристских партий и возглавленный главным критиком Р. Ганди, бывшим министром финансов В. П. Сингхом. Фронту досталось 144 места в парламенте, но он получил внешнюю поддержку, как от правых — Бхаратия джаната парти, так и левых — КПИ и КПИ (м) — партий. Как и в конце 1970-х годов, различные политические силы оказались не в состоянии выработать совместный курс, нарастали экономические проблемы. В результате правительство В.П. Сингха было вынуждено подать в отставку менее чем через год. После полугода пребывания у власти правительства Джаната дал (С) во главе с Ч. Шекхаром, имевшего внешнюю поддержку ИНК (И), в 1991 г. были проведены десятые внеочередные выборы. Р. Ганди повторил трагическую судьбу матери и погиб от рук тамильских террористов в ходе предвыборной кампании. Однако даже на волне сочувствия ИНК (И) досталось только 225 мест (из 541). БДП завоевала 119 мандатов, а левый Национальный фронт — 129. Опираясь на внешнюю поддержку последнего, ИНК (И) образовал правительство меньшинства. Премьер-министром стал П.В. Нарасимха Рао.

Начался новый этап в политической истории Индии, связанный с окончательной потерей монополии ИНК на власть. Существенно падает процент голосов, отдаваемых партии на выборах, и она теряет возможность

получить больше половины мест в парламенте без поддержки других политических организаций. С 1990-х годов оформились как левоцентристская, так и правая (так называемая националистическая) мощная оппозиция. При этом они могут получить власть также только на основе самых широких коалиций, в состав которых обязательно включаются региональные партии, которые играют все большую роль в Индии.

В начале 1990-х годов в Индии разразился серьезнейший валютно-финансовый кризис (расходы на обслуживание внешнего долга составили 30% текущих доходов, в середине 1991 г. валютные резервы страны составляли всего 1 млрд долл., инфляция доходила до 16% в год). В 1980-х годах среднегодовые темпы прироста составили 5,3%, а в 1990/91 финансовом году ВВП страны даже сократился. Правительство было вынуждено приступить к радикальной корректировке экономической политики. В 1991 г. было начато осуществление экономической реформы, «архитектором» которой считался министр финансов в правительстве Индийского национального конгресса Манмохан Сингх. В ходе экономической либерализации совместные расходы государства и штатов в ВВП вновь упали до показателя тридцатилетней давности. Частный капитал существенно расширил свои позиции: уже в 1996 г. доля частного сектора в ВВП поднялась до 75%. Произошел постепенный отказ от лицензирования (до этого необходимо было получить согласие бюрократии даже на расширение производства). Но в республике уже были созданы более тонкие механизмы государственного регулирования. Подобная институционализация позволяет сохранять контроль государства за проходящими макропроцессами.

Республика не пошла на полное «открытие» своей экономики внешнему миру, хотя иностранному капиталу были сделаны определенные уступки в сфере финансов и страхования, деятельности совместных предприятий и открытия чисто иностранных фирм, конвертации рупии. При вступлении во Всемирную торговую организацию в 1995 г. Индия выторговала себе 10 льготных лет. Проведение экономической реформы позволило Индии вновь резко набрать обороты, и в целом за 1990-е годы среднегодовые темпы прироста ВВП составили 7,9%.

Несмотря на экономические успехи, ИНК (И) не смог удержать власть. На выборах 1996 г. он набрал 28% голосов и получил 140 мандатов. БДП досталось 161 место (20,3% голосов). ИНК (И) принял решение оказать внешнюю поддержку левоцентристскому Объединенному фронту, состоявшему из 14 партий. Премьер-министром стал Деве Гауда, а в 1997 г. — И.К. Гуджрал. По существу, Конгресс выбирал время, когда было бы выгодно снять внешнюю поддержку для прове-

дения новых выборов. По всей видимости, лидеры партии совершили тактическую ошибку, и на выборах 1998 г. они получили лишь 141 место в парламенте, тогда как БДП — 177 мест (вместе с союзниками — 250 мест). Премьер-министром стал А.Б. Важдпай, признанный лидер БДП. В 1999 г., не обладая большинством мест в Лок Сабхе, партия пошла на внеочередные выборы, и возглавляемый ею Национальный демократический альянс (24 партии) получил необходимое большинство — 297 мандатов (непосредственно БДП завоевала 182 места). Блоку Конгресса с 5 региональными партиями досталось лишь 133 мандата (самой партии — 112).

Проходившие за последние 20 лет выборы показали, что в Индии существует только две реальные общенациональные партии, но за них голосует лишь половина избирателей (в парламент проходят около 40 партий). Региональные партии оказывались в эпицентре политической борьбы, что давало им возможность побороться за повышение своего статуса и получение конкретных дивидендов. При этом следует отметить, что в Индии давно выработана стратегия межпартийных соглашений. В республике нет особой политической стабильности, но нет и хаоса, тем более создающегося элитой страны.

Правление правоцентристской Бхаратия джаната парти, находившейся у власти в 1998—2004 гг., не принесло кардинальных изменений. В ходе предвыборных кампаний главным лозунгом партии было восстановление концепции «свадеш», т.е. опоры на собственные силы, которую выдвинул еще Махатма Ганди в годы борьбы индийцев с британскими колонизаторами. Однако курс на экономическую либерализацию был продолжен.

Активизация политического индуизма не привела к кардинальному изменению ситуации в стране. БДП настроена значительно более фундаменталистски по сравнению с ИНК и левоцентристским блоком, большое распространение приобрела пропаганда принципа «хиндутвы» — «индусскости». Но даже западные средства массовой информации перестали постоянно приклеивать ярлык «националистическая» к БДП. Коммуналистские столкновения (наиболее серьезные произошли в Гуджарате в 2002 г.) не перешли на качественно иной уровень при правлении партии. Можно говорить о росте религиозного ревайвализма в Индии, но данный процесс характерен практически для всех регионов земного шара. Цивилизационные факторы (особенно отметим относительную толерантность) до сих пор позволяли Индии не погрузиться в бездну гражданских войн, этнических, конфессиональных и социальных боев.

Укрепление индусского фундаментализма является достаточно объективным и относительным процессом, о чем говорит поражение БДП на четырнадцатых выборах (май 2004 г.). На этот раз более успешно предвыборную борьбу провел ИНК (И). Его блок — Объединенный прогрессивный альянс (16 партий) — получил 220 мандатов (сама партия — 145). Успокоенные социологическими прогнозами, лидеры БДП не образовали широкой коалиции. Их Национальному демократическому альянсу (10 партий) досталось 185 мест (непосредственно БДП — 138). Конгрессу удалось заручиться поддержкой левоцентристских партий, и премьер-министром стал Манмохан Сингх. Лидер партии Соня Ганди, вдова Раджива Ганди, предложила его кандидатуру, не желая, чтобы оппозиция постоянно использовала в своих антиконгрессистских кампаниях ее итальянское происхождение.

Правительство Индийского национального конгресса в сфере экономики продолжает курс, направленный на эволюционное и постепенное снятие ограничений на экономическую деятельность. Индия сохраняет очень высокие темпы развития: в 2000-х годах они составили 7,5%. Большинство зарубежных экспертов предсказывает, что по этому параметру Индия останется одним из мировых лидеров еще долгое время. Интересно, что в целом роль внешней торговли и зарубежных капиталовложений в индийскую экономику весьма незначительна (при этом по индексу инвестиционной привлекательности Индия вышла на второе место). Слабо интегрированная в мировую экономику Индия показывает высокие и довольно стабильные темпы экономического роста. Огромный внутренний рынок, появление весьма существенного массива населения, потребляющего по европейскому стандарту (140–150 млн человек), позволяют Республике добиваться значительных успехов без полной интеграции в мировое хозяйство. При огромном населении (более 1 млрд человек), далеко не полностью освоенных внутренних ресурсах и значительной численности незанятого населения, а следовательно, больших возможностях расширения внутреннего рынка, лишь какие-то экстремальные обстоятельства могут привести к длительному замедлению ее роста.

На выборах в мае 2009 г. ИНК упрочил свое положение. Блоку во главе с Конгрессом, получившему 37,2% голосов избирателей, досталось 262 места в парламенте (из 543). Сама партия завоевала 206 депутатских мандатов и 28,5% голосов. Из союзников ИНК наибольшее количество мест получили Тринамул конгресс (19) и Дравида муннетра кажагам (18). Предвыборная коалиция Бхаратия джаната парти получила лишь 159 мест в парламенте и 24,6% голосов (самой партии досталось 116

Раздел III. Политические системы государств Большой Восточной Азии

депутатских мандатов и 18,8% голосов избирателей). Самый крупный союзник БДП партия Шив сена получила 11 мандатов. Больше всего мест в парламенте потеряли левоцентристы. Представительство коммунистов снизилось более чем вдвое — с 53 до 24. Самаджвади парти хотя и стала третьей партией в парламенте (23 места), но потеряла 13 мандатов. Улучшила показатели лишь Бахуджан самадж парти, ставшей четвертой по количеству полученных мест (21). Таким образом, ИНК резко укрепил свои позиции, поскольку в предшествующем парламенте он был зависим от поддержки левоцентристов, которые выступали против развития связей Индии с США и либеральной экономической политики.

Таким образом, на современном этапе выявилась неспособность двух ключевых партий (ИНК и Бхаратия джаната парти) в одиночку возглавить страну, резко возросла роль региональных партий. Все это предопределило определенную политическую нестабильность (проведение частых внеочередных выборов) и необходимость образовать самые широкие политические союзы. Однако политическая система Индии представляется в целом достаточно прочной.

2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН ЮЖНОЙ АЗИИ

В соответствии с принятым определением Южноазиатского региона в его состав входят два весьма крупных по населению государства с преобладанием мусульман — Пакистан и Бангладеш, а также Мальдивская Республика (300 тыс. жителей). Иногда в Южную Азию включают Афганистан, хотя он принадлежит, по большинству параметров, к Западноазиатскому (Ближне-Средневосточному) ареалу.

Особую актуальность изучению особенностей политического устройства Пакистана и Бангладеш придает острая международная ситуация в регионе. Индия с преимущественно немусульманским, более чем миллиардным населением является его подлинным центром. «Обрамляющие» ее с северо-запада и востока Пакистан и Бангладеш выступают нередко оппонентами Индии. Наиболее глубоки противоречия между Индией и Пакистаном, восходящие к периоду образования в 1947 г. двух независимых государств на месте британской колонии. В основе споров лежала проблема, имеющая непосредственное отношение к рассматриваемой здесь теме, а именно могут ли религия (в частности, ислам) и связанная с ней культура служить основой нации, национальной идентичности, определяя существенные черты политической системы и характера современного государства. Теоретические разногласия оказались сопряжены с проблемой определения судьбы одного из княжеств, входивших в состав колониальной Индии, — Дхамму и Кашмира. Большинство населения в нем составляли мусульмане, но решением правителя оно было присоединено к Индии. Как следствие, его международный статус до сих пор остается непроясненным. Отношения между двумя государствами на протяжении всего периода их существования были напряженными или прохладными, трижды прерывались военными действиями, а также короткими пограничными конфликтами. Новая война таит серьезную угрозу из-за обретения Индией и Пакистаном ядерного оружия (испытано в мае 1998 г.), а также баллистических и тактических ракет.

Материал, представленный в данной главе, распадается на три части. В первой коротко освещается история ислама в Индии и формирование мусульманского потока в движении за освобождение от колониального

господства. Вторая часть посвящена особенностям политической системы в Пакистане и Бангладеш. Наконец, в третьей рассматриваются характерные черты политической культуры в двух этих странах. Цель данной главы состоит в том, чтобы выделить то главное, что отличает политическую систему и политическую культуру в Пакистане и Бангладеш от соответствующих явлений в других странах Азии, и прежде всего в Индии, с которой у них имеется в анализируемом плане много общего.

Ислам в политической истории и культуре Индии

Первое появление ислама на территории Индии (нынешней Южной Азии) обычно относят к 712 г., когда войска омейядского халифа под командой Мухаммада бин Касема нанесли поражение Радже Дахиру, индусскому правителю Синда, государства, расположенного в среднем и нижнем течении реки Инд. Хотя синдская область Макран еще раньше, уже в конце VII в., при халифе Муавия, вошла в состав арабо-мусульманского государства. Утверждение власти арабов над низовьями Инда привело к созданию там страны ислама (дар уль-ислам) с характерным для них порядком обложения специальным налогом (джизьей) иноверцев, их оттеснением на задний план и созданием тем самым благоприятных условий для обращения местного населения в новую религию.

Этап окраинного, анклавного господства мусульман в Индии завершился к началу 2-го тыс. н.э. Утвердившиеся к тому времени на горных плато к северо-западу от Индо-Гангской равнины тюрки-мусульмане из Средней Азии распространили свою власть сначала на области в среднем течении Инда (Панджаб), а затем и на Двуречье Ганга и Джамны, вплоть до Бенгалии, а на юго-востоке дошли до Гуджарата и Декана. Разрушительные походы Махмуда Газневи в начале XI в. сопровождалась безжалостным истреблением святынь индуизма, однако распространению ислама содействовало не только насилие и покровительство властей, но и прозелитская деятельность духовных руководителей мусульман, в первую очередь из числа суфиев, таких как Моинуддин Чиштия, Шейх Фаридуллин, Низамуддин Аулия и др. Власть мусульманских правителей над Индией с 1206 г. осуществлялась из центра в Дели, расположенного в водоразделе между бассейнами Инда и Ганга. На протяжении трех веков главное мусульманское государство было известно как Делийский султанат, а с 1526 г. как империя Великих Моголов. Последнюю основал выходец из Средней Азии Захируддин Бабур. При его внуке Акбаре границы империи раздвинулись, в нее входила уже не только Северная, но и большая часть Южной Индии. Акбар пытался примирить ислам

и индуизм, пропагандировал их синтез в виде изобретенного им кодекса «дин-и-иллахи» (божественная религия), но неудачно. Его реформы вызвали консервативно-возрожденческую реакцию мусульманской общины и позднее привели к усилению строго исламского характера власти, особенно при последнем из могущественных могольских правителей падишахе Аурангзебе (1658–1707).

Со смертью последнего империя вступила в полосу длительного кризиса. С середины XVIII в. она стала ареной соперничества европейских держав — Англии и Франции, а затем колонией первой из них. Впрочем, формально власть Великих Моголов была упразднена только в 1858 г., после подавления Сипайского восстания.

Таким образом, на протяжении почти тысячелетия ислам оставался в Индии господствующей политической силой. Государство Моголов в XVI–XVIII вв. составляло важное звено в цепи восточных «пороховых империй» (Османской, Сефевидской). Северная Индия прочно входила в ареал арабо-персидской «высокой культуры», а среди представителей ее господствующих слоев заметное место занимали среднеазиатские турки и афганцы.

Хотя мусульмане, ряды которых неуклонно пополнялись за счет местного населения, в начале—середине XIX в. составляли не более пятой части жителей, их представительство в высших слоях местного общества было тогда, скорее всего, преобладающим или, в крайнем случае, паритетным с немусульманами, прежде всего индусами. Последние, однако, раньше приобщились и лучше приспособились к британским колониальным порядкам и к концу столетия оттеснили мусульман на задний план.

Это вызвало у представителей мусульманской общины чувство протеста и стремление компенсировать потери. Английские власти, исходя из своих интересов, поддерживали приобщение мусульманской элиты к европейскому образованию, предоставив ей льготы политического характера. В 1905 г. они разделили Бенгалию (самую крупную и старейшую из своих провинций) на мусульманскую и индусскую по преобладающему составу населения, в 1906 г. согласились с инициативой образования Мусульманской лиги как организации, отдельной от функционировавшего с 1885 г. общеиндийского Национального конгресса, а в 1909 г. по первому конституционному акту Морли-Минто выделили мусульман в особую избирательную курию.

Последовавшее в годы Первой мировой войны и сразу после нее объединение всех политических сил Индии с целью добиться от англичан наибольших уступок на пути к самоуправлению вызвало затяжной кризис в рядах Мусульманской лиги. Из него она стала выходить только

в 1937 г., после проведения выборов в провинциальные Законодательные собрания. Победа на них представителей Индийского национального конгресса (ИНК) заставила мусульманскую элиту искать способы консолидации. Главным идеологом этой линии стал известный поэт и философ Мухаммад Икбал, а политиком, благодаря которому в основном она увенчалась успехом, был Мухаммад Али Джинна, получивший еще до образования Пакистана от своих сторонников титул «каид-и-азам» (великий вождь).

В годы Второй мировой войны Джинна сумел воспользоваться выгодной ситуацией, созданной длительным тюремным заключением руководства ИНК во главе с Махатмой Ганди и Джавахарлалом Неру, и укрепил позиции и авторитет Мусульманской лиги. Долгое время остававшаяся элитной организацией, Лига в 1944–1946 гг. превратилась в достаточно массовую партию, использующую в своих целях в том числе и левопопулистские лозунги исламского социализма.

В 1940 г. на ее сессии в Лахоре была принята резолюция, призывающая к образованию двух мусульманских государств на северо-западе и востоке Индии. С этого времени обретает популярность название Пакистан («страна чистых»), а сама резолюция фигурирует как пакистанская. В 1946 г. требованием Лиги становится раздел Индии на два доминиона — Пакистан и Хиндустан. Исчерпав аргументы против, на отделение Пакистана в конце концов соглашается и руководство Конгресса. В августе 1947 г. происходит расчленение колониальной империи с образованием Индийского союза и Пакистана.

Уход англичан был поспешным и плохо подготовленным. Раздел привел к перемещению из Индии в Пакистан и обратно 12–15 млн человек. Жертвами межобщинных стычек и погромов, сопровождавших рождение новых государств, стали, по разным оценкам, от 250 тыс. до 1 млн человек.

Осенью 1947 г. начались столкновения между индийскими и пакистанскими вооруженными отрядами в Кашмире. Заключенное с помощью ООН в самом начале 1949 г. перемирие закрепило раздел княжества на индийскую ($\frac{3}{4}$ населения) и пакистанскую части, но за ним не последовало проведение плебисцита и решение спора мирным путем. Кашмирская проблема продолжала отравлять отношения между двумя соседями вплоть до 1965 г., когда Пакистан попытался засылкой диверсантов дестабилизировать положение в индийской части Кашмира, но натолкнулся на решительный отпор со стороны Индии.

Рожденный как отколовшееся и окраинное государство, Пакистан испытывал все трудности связанного с этим положения.

Они увеличивались из-за разорванности страны на два «крыла» — Западный Пакистан отделяли от Восточного 1500 км индийской территории. Существенным был к тому же разрыв в культуре, быте и историко-литературных традициях населения западной и восточной частей страны. Географо-экономическая и культурно-историческая разобщенность создали фон, благоприятный для политических настроений в пользу обособления Восточной Бенгалии от Пакистана. Первые всеобщие выборы, проведенные поздней осенью 1970 г., показали популярность идеи отделения, и уже в марте 1971 г. ее сторонники провозгласили создание Народной Республики Бангладеш.

В конце того же года Пакистан вступил в крайне неудачную для себя войну с Индией. Она закончилась расколом страны, образованием Бангладеш и оформлением нынешней геополитической конфигурации в Южной Азии.

Характерно, что ислам не смог сыграть роль идейной силы, достаточной, чтобы сплотить созданное «во имя его» государство. Вместе с тем нельзя отрицать немалое значение, которое он имеет как одна из основ национально-государственной идеологии, в первую очередь в Пакистане, но также и в Бангладеш.

Особенности политической системы

Главной чертой в обоих государствах остается авторитаризм, слабость демократических норм и принципов. Некоторые особенности авторитарного политического устройства прямо связаны с наследием колониального времени.

Система колониального управления не могла, собственно, быть иной, кроме как авторитарной. Вместе с тем колониальные порядки в Индии в 20—40-х годах XX в. считаются менее жесткими, чем установленные к тому времени Францией в Индокитае и Голландией на островах Малайского архипелага, в нидерландской Индии.

Вместе с тем и англичане в Индии прибегали к жестким средствам борьбы с оппозицией и подавления антиправительственных выступлений. Среди известных примеров периода после окончания Первой мировой войны — расстрел участников мирного митинга в городе Амритсар в Пенджабе в 1919 г., физическая расправа с участниками антибританских общеиндийских кампаний в начале 1930-х годов и особенно в 1942 г. Помимо методов подавления массовых выступлений, англо-индийские власти использовали различные формы преследования политических лидеров и партийных функционеров, от арестов до осуждения по суду на длительные сроки тюремного заключения. Власть не гнушалась иногда

прибегать к пыткам на допросах и варварским наказаниям типа порки розгами. Символом беспощадного преследования противников колониального режима стала тюрьма из камер-одиночек на Андаманских островах (разрушенная, впрочем, в конце 1930-х годов).

В карательных целях англо-индийская администрация в экстренных случаях использовала регулярные армейские части. Причем, дабы избежать проявления чувств симпатий рядового состава к населению, для подавления гражданских свобод, как правило, использовали подразделения, состоящие из набранных по контракту жителей удаленных от места их применения районов страны. Особой надежностью отличались солдаты-гуркхи из соседнего формально независимого Непала.

Наряду с армией англичане создали разветвленный аппарат полиции. Именно он выполнял основные задачи по поддержанию порядка и спокойствия. Действия полиции зачастую выходили за регламентированные рамки и отличались неприкрытым произволом.

Излишне говорить, что колониальный авторитаризм характеризовался отсутствием адекватного механизма выявления политической воли населения. Но определенные шаги в этом направлении англичане предприняли.

Уже говорилось об акте 1909 г., введившем элементы выборности и известном как реформа Морли—Минто, по имени министра (государственного секретаря) по делам Индии и вице-короля. В соответствии с ним к выборам в так называемые индийские советы, консультативно-законодательные органы при центральной и провинциальных администрациях, допускалась узкая прослойка состоятельных и образованных индийцев (не более процента от всего взрослого населения). В конце 1919 г. вступил в действие новый конституционный акт Монтэгу—Челмсфорда, расширявший электоральный корпус при выборах в провинциальные Законодательные советы до 5 млн человек (около 3% взрослого населения), но до выборов в центральное Законодательное собрание допускалось впятеро меньшее число жителей. Последняя колониальная конституция, Закон об управлении Индией 1935 г., предоставляла активное избирательное право уже 30 млн, или примерно 15% взрослых жителей.

Английские власти постепенно вводили и другие элементы демократического устройства — от исполнительной ветви отделилась, хотя и не полностью, законодательная, значительную самостоятельность приобрела судебная власть.

Основные положения конституционно-парламентской политической системы получили дальнейшее развитие в Пакистане и Бангладеш.

Первая Конституция Пакистана была принята в 1956 г. При этом страна из доминиона превращалась в исламскую республику парламентского типа, сохранявшую членство в Британском содружестве наций. Пришедшие к власти в 1958 г. военные отменили первую конституцию и в 1962 г. объявили о введении конституции президентской республики с широким использованием института не прямых многоступенчатых выборов. Она просуществовала до 1969 г.

В 1973 г. парламент принял третью конституцию, которая не отменена до сих пор. Однако в нее в разное время вносилось 15 поправок, ряд которых вводили существенные изменения формы и типа действующей политической системы.

Единственная Конституция Бангладеш принята в ноябре 1972 г., однако часть многочисленных поправок к ней также фиксировала как серьезные перемены в механизме правления, вызванные чередованием гражданских и военных режимов, так и меняющиеся предпочтения государственной идеологии.

По сравнению с Индией элементы авторитаризма в политической системе Пакистана и Бангладеш значительно заметнее. Если взять «идеальную» сферу, т.е. конституционное устройство, то в Индии, как и, к примеру, в США, была очень скоро после завоевания независимости разработана конституция, в целом выдержавшая проверку временем. Конституция 1950 г. объемный и тщательно разработанный документ, содержащий изложение основных принципов демократического порядка, прав человека и гражданских свобод. Отправляясь во многом от Закона об управлении Индией 1935 г., Индийская конституция вводила принцип всеобщего избирательного права, прямого и тайного голосования в парламент (нижнюю палату), ответственного перед ним правительства, наделяя в то же время определенными существенными полномочиями избираемого косвенным путем (голосами парламентариев) президента и формируемую опосредованно высшую палату парламента. При этом главной причиной усложнения политической системы был множественный регионально-языковой (этнонациональный) состав Индии и ее построение на принципах федерации централизованного вида, без права выхода формируемых федерацией штатов из ее состава.

В Конституцию Индии 1950 г. за более чем полвека было внесено свыше 100 поправок. Некоторые из них отражали особенности идеологических установок господствующих в стране политических сил, но в основном они носили корректирующий и уточняющий характер.

В области реальной политики Индия оставалась примером самой крупной демократии в мире, где 13 раз проводились всеобщие выборы,

из них 8 раз — очередные, по истечении пятилетнего срока работы парламента. Лишь в 1975—1977 гг. вместо предусмотренных конституцией норм политической жизни действовали правила чрезвычайного положения. Высокой оставалась политическая активность населения — в выборах принимали участие 50—60% имеющих право голоса.

В политической системе Индии партии и их лидеры играют главную роль. Иначе обстоит дело в Пакистане и Бангладеш. Как боковые, отклоняющиеся ветки на дереве южноазиатской демократии, их отличает гипертрофированное значение неполитических сил, прежде всего военной и гражданской бюрократии. Исторически это объясняется менее развитыми традициями политической жизни и борьбы в регионах, образовавших Пакистан и Бангладеш.

Кроме того, мусульмане северо-запада Индии (прежде всего панджабцы и пуштуны) охотно рекрутировались колониальными властями в армию, и к моменту обретения независимости удельный вес военных среди представителей верхних и средних слоев был в Пакистане выше, чем в Индии. То же самое справедливо и в отношении гражданской бюрократии. Хотя среди политических деятелей колониальной Индии мусульмане составляли заметную часть, существенно, кстати, превосходившую их долю в населении, количественно слой политиков был невелик. Впрочем, пакистанская элита первых лет независимости по большей мере состояла как раз из них, причем в основном это были эмигранты из непкистанских районов Индии (главным образом из городов Дели, Лакнау, Хайдерабада и Бомбея), но затем они уступили первенство местным по происхождению чиновникам-бюрократам и военным.

Уже в середине 1950-х годов в Пакистане образовался военно-гражданский бюрократический «комбайн» (блок, или альянс), оттеснивший профессиональных политиков на второй план. Судебная власть оказалась в подчиненном положении, хотя и сохранила определенную независимость и самостоятельное значение. К управляющей элите примкнула и наиболее преуспевающая часть деловых людей, торговцев и промышленников — пакистанские «олигархи», или, как их там тогда называли, «монополисты».

Военно-гражданский альянс осуществляет прямое или косвенное управление Пакистаном до сих пор. Из 59 лет суверенного развития военный и полувоенный (военно-гражданский) режимы существовали на протяжении 32 лет, а на существование гражданско-демократической политической системы пришлось 27 лет, т.е. соотношение примерно 50:50.

Существенной представляется также направленность перемен, и с этой точки зрения выделяются три крупных периода. Первый охватывает

два начальных десятилетия, когда эволюция шла от переходной системы «учредительной демократии» к становлению «просвещенного авторитаризма» через короткий (два с половиной года) этап парламентской демократии. Второй период, начавшийся с кризиса военно-авторитарной системы, включает непродолжительный (пять лет) эксперимент с парламентским демократизмом при сохранении авторитарного существа власти и 11 лет исламизированного военного правления, которое три последних года (с 1985 по 1988) дополнялось фасадом квазипарламентской демократии, следствием проведения выборов на непартийной основе. Последний период (после гибели в авиакатастрофе в августе 1988 г. генерала-диктатора М. Зия уль-Хака) характеризуется преобладанием демократических черт (что соответствует и общемировой тенденции, «третьей демократической волне»).

Однако, несмотря на четыре раза проведенные выборы, суть политической системы кардинально не изменилась. Это стало особенно ясно после того, как в октябре 1999 г. военные вновь, уже в четвертый раз, взяли на себя непосредственное управление страной. По прошествии трех лет, осенью 2002 г., прошли выборы в парламент. Однако существо власти не изменилось, так как военно-бюрократический альянс сохранил, условно говоря, контрольный пакет акций. Вместе с тем в политико-юридической форме произошли изменения, которыми нельзя пренебрегать. Участие в выборах дало населению возможность реализации своих гражданских прав. Военные вынуждены делить власть с политиками и политическими партиями. Появилась перспектива дальнейшей демократизации системы управления страной.

При этом, разумеется, не следует забывать о дозированной уступке, на которые до последнего времени соглашались власти предержавшие. Выборам октября 2002 г. предшествовало создание определенных, необходимых с их точки зрения предпосылок. В июле 2001 г. генерал Мушарраф провозгласил себя президентом, а в апреле 2002 г. состоялся референдум по вопросу о продлении на пять лет его президентских полномочий. Несмотря на невысокую явку и бойкот референдума основными политическими силами страны, процедура легитимации властного положения генерала и возглавляемого им режима была доведена до конца.

За выборами 2002 г. последовала полоса длительного закулисного торга. Партии, поддерживающие президента, хотя и сумели получить большинство мест в парламенте, но столь незначительное, что это затруднило решение юридических коллизий, связанных с введением в текст действующей Конституции 1973 г. поправок, существенно уси-

ливающих роль президента и «встраивающих» в политическую систему новый орган — Совет национальной безопасности. Последний должен обладать контрольно-наблюдательными функциями и состоять из занимающих высшие военные и гражданские посты чиновников.

В политической системе Бангладеш много общего с пакистанской. Некоторые причины этого уже назывались. Помимо традиций колониального периода немалую роль сыграла и общая политическая судьба на протяжении четверти века, с 1947 по 1971 г. Одним из следствий пребывания Восточной Бенгалии в составе Пакистана было привлечение восточнобенгальцев к службе в вооруженных силах. Это делалось для того, чтобы несколько уменьшить отставание тогдашнего Восточного Пакистана в плане вовлеченности его представителей в бюрократический корпус, в том числе военный.

После достижения независимости преобладающими группами влияния в Бангладеш оказались функционеры ставшей правительственной партии «Авами лиге» (Народная лига) и участники сопротивления пакистанским военно-карательным силам из «мукти бахини» (армии освобождения). На вооруженные силы, как в Индии первых лет суверенитета, обращалось мало внимания, к старой бюрократии относились с подозрением, как к неизбежному злу. Преобладающие позиции оказались у политического класса, весьма разношерстного по идейно-партийным ориентациям. Экономические трудности, наступившие, в частности, в связи с тем, что Индия, как главный спонсор Бангладеш, не обладала достаточной мощностью, способствовали вызреванию условий для бунта военных. Среди последних выделялись участники войны за освобождение в 1971 г. и не участвовавшие в ней офицеры-бенгальцы, служившие в тот период в Западном Пакистане. Количественно последняя группа превосходила первую, но радикально настроенные элементы были и там, и там. После кровавой расправы в августе 1975 г. с отцом нации (бангабандху) Муджибур Рахманом и его семьей военные в течение ряда лет приноравливали под себя политическую систему. Они увеличили втрое расходы на армию и ее количественный состав, укрепив свою «базу власти» и расширив военно-бюрократический слой.

Подобно тому, что было в Пакистане, вслед за первым переходным этапом господства профессиональных политиков в Бангладеш установилась система преобладания бюрократов из армейской и гражданской (прежде всего судебной) службы. При этом там сложилось более благоприятное для гражданских чиновников соотношение между ними и военными. Что объясняется, в частности, иной геополитической функцией страны. В отличие от Пакистана, который с конца 1970-х годов

приобрел благодаря «сочлененности» с Афганистаном новую значимость в геостратегии глобальной холодной войны, Бангладеш ее потерял после окончания культурной революции в КНР и смерти Мао Цзэдуна в 1976 г., завершения Вьетнамской войны и сокращения советско-американского противостояния в Индийском океане. В то же время исключительно острая проблема нищеты, традиционно характеризующая Бангладеш (самую густонаселенную из крупных и бедных стран мира), привлекла к ней внимание международных экономико-благотворительных организаций и усилила роль местной бюрократии, помогающей реализовать их программы.

Вызывает поэтому даже некоторое удивление то обстоятельство, что из 34 лет независимости на военное правление в стране приходится 15 лет, т.е. соотношение приблизительно то же, что в Пакистане, — примерно 50:50. Логично между тем, что правление военных в Бангладеш никогда не применяло форму жесткого военного правления пакистанского типа. Гражданско-демократический фасад, за исключением относительно коротких интервалов после переворотов 1975 и 1982 гг., «обволакивал» власть военных. Правители из числа военных стремились быстро осуществить трансформацию в гражданских руководителей. Они активно занимались при этом партийным строительством, иницируя создание организаций, которые сохраняли в дальнейшем ведущее или заметное место в партийно-политической системе.

Из 19 лет гражданского правления три с половиной года приходится на начальный, «учредительный» период, а оставшиеся — на последний этап, наступивший после того, как армия в 1990 г. отказалась поддержать своего «выдвиженца» генерала-президента Х. М. Эршада и «ушла в бараки», предоставив политическим партиям соревноваться за власть на выборах 1991, 1996 и 2001 гг.

Характерные черты политической культуры

Та часть общей культуры, которая опосредует политическую деятельность, считается политической. В рассматриваемых нами мусульманских обществах главным культурообразующим фактором служит религиозный. Ислам к тому же, по общему мнению, теснее других религий связан с политикой и потому в весьма значительной степени определяет политическую культуру. Немалое значение имеют в то же время и этнические, регионально-языковые особенности культуры. Если религия играет в основном консолидирующую роль, то этнические факторы — дифференцирующую. Впрочем, и религия, в частности, такая, как ислам, не только объединяет, но и разъединяет. Ибо в исламе

существует деление на два главных исторически сложившихся направления — суннизм и шиизм — и множество сект, суфийских орденов и религиозно-доктринальных сообществ.

Однако, если не придавать большого значения внутриисламским различиям, Пакистан и Бангладеш относятся к числу весьма однородных в конфессиональном отношении государств. Мусульмане составляют 97% пакистанцев и 88% бангладешцев. Среди меньшинств в Пакистане первое место занимают христиане, проживающие главным образом в провинции Панджаб, в ее деревнях и городах локального значения. Они — потомки представителей низших каст, обращенных в христианство (главным образом, католичество) миссионерами, занимавшимися активной прозелитской деятельностью в последние десятилетия колониального управления Индией. В северных и западных районах Синда обитают низкокастовые индусы, часть которых за последнее время преуспела в торговле. Высококастовых индусов на территории Пакистана почти не осталось. Резко уменьшилось после вступления страны на путь исламизации число парсов-огнепоклонников, входивших в деловую элиту и выехавших главным образом на Запад.

В Бангладеш основную массу немусульманского населения составляют индусы различных каст, главным образом низших. Основная их часть проживает в пограничных с индийскими штатами Западная Бенгалия и Ассам северных и северо-западных округах. В периоды обострения индусско-мусульманских отношений на субконтиненте и проведения властями Пакистана и Бангладеш политики «поощрения ислама» наблюдалась массовая эмиграция индусов в Индию. Их доля к 1971 г. упала до 13% по сравнению с 18% в 1961 г. При светском режиме Муджибур Рахмана в 1972–1975 гг. она несколько выросла, но впоследствии сократилась до 11%. Другие религиозные меньшинства — буддисты и христиане — вместе составляют 1% населения. Обе религии распространены главным образом среди жителей горных районов области Читтагонг на восточной границе республики с Мьянмой (Бирмой) и индийскими штатами Мегхалая и Трипура. Среди горных племен, сохранивших отчасти верность и анимистским культам, выделяются своей численностью чакма.

При почти абсолютной конфессиональной гомогенности Пакистан отличается сложный этнический и регионально-лингвистический состав населения. В первом приближении страну легко представить состоящей из четырех регионов, границы которых в основном совпадают с современными провинциями. Крупнейшая из них по населению — Панджаб (около 60%), далее Синд (несколько более 20%), Северо-Западная

пограничная провинция (примерно 15%) и Белуджистан (5%). Две первые провинции расположены в долине реки Инд и ее притоков: Пенджаб — в северной и центральной части, а Синд — в южной. Две другие охватывают горную и пустынную местность к западу от Инда: на севере — СЗПП, а в центре и на юге — Белуджистан. Для основной части жителей провинций родными языками являются соответственно пенджаби, синдхи, пушту и балучи, и они относят себя, как правило, к пенджабцам, синдхам, пуштунам и белуджам. В то же время этническое самосознание находится нередко в подчиненном положении по отношению к исламской и общепакистанской идентичности (самоидентификации), а также к более дробной, локально-субэтнической. Закреплению этнической идентичности и ее превращению в национальную, помимо государственной политики, препятствует относительно слабое развитие письменной и литературной традиции на родных для большинства населения языках. Исключение составляет язык синдхи, сохраняющий значение средства обучения в школах Синда. В остальных регионах на начальной и средней ступенях используется урду — персизированный вариант североиндийских диалектов, получивший распространение среди образованных мусульман Могольской и Британской Индии. Носителями этого языка в Пакистане являются переселенцы из Индии и их потомки, именуемые мухаджиром (т.е. совершившие хиджру, переселение в религиозных целях, подобное тому, что на заре ислама совершили сторонники пророка Мухаммада, ушедшие вслед за ним из Мекки в Медину). Они составляют большинство жителей крупнейшего пакистанского города Карачи (13 млн человек), находящегося в устье Инда, в провинции Синд, а также ряда других больших синдских городов.

Особую регионально-лингвистическую группу составляют, по установленному в последние десятилетия мнению, носители языка сирайки, который считается диалектом пенджаби, но имеет много общего и с синдхи. На сирайки говорит примерно 14% населения, проживающего главным образом в южных районах Пенджаба. Выделение сирайки превращает пенджабцев из абсолютно преобладающей лишь в крупнейшую этническую группу. Сложность этнолингвистического состава населения Пакистана на этом не исчерпывается, но здесь представляется излишним входить в дальнейшие детали.

Интересно, что Бангладеш характеризуется однородностью по обоим базовым основаниям, причем этническое единство даже превосходит конфессиональное. К бенгальцам принадлежит 99% населения (на иных языках говорят только представители горных племен). Заметную категорию населения в «пакистанский» период (в 1947—1971 гг.) составляли

так называемые бихари, урдуязычные переселенцы из районов Северной Индии, и мухаджеры, названные по имени соседней с Бенгалией провинции Бихар. В ходе борьбы за независимость Бангладеш бихари оказались в стане ее противников, и постепенно практически все они переехали в Пакистан (проблема бихари долгое время оставалась весьма болезненной в пакистано-бангладешских отношениях).

Помимо религиозного и этнического факторов, на политическую культуру оказывают влияние общие экономические и социальные условия, грамотность и образование, тендерные различия.

Пакистан и Бангладеш относятся к странам Востока с крупным населением и слабым экономическим потенциалом. Число жителей в Пакистане приближается к 160 млн (6-е место в мире), а в Бангладеш превысило 130 млн (9-е место). Оба они относятся, по классификации Всемирного банка, к странам с низкими доходами (менее 756 долл. США на душу населения по обменному курсу валют).

Причем Бангладеш принадлежит к группе наименее развитых государств. Нищенское существование (менее 1 долл. в день на человека) влечит там 30% населения, а к бедному (менее 2 долл. в день) относится почти 80% жителей. Три четверти бангладешского населения проживает в деревнях в условиях крайней скученности и антисанитарии. Грамотным является половина мужского населения старше 15 лет и 30% женского.

Впрочем, за последнее время в традиционно, еще с колониальных времен, крайне тяжелой социоэкономической ситуации в Бангладеш (стране, которую давно уже характеризуют афоризмом «Слишком много людей на слишком малой площади») наметились некоторые позитивные сдвиги. В 1990-х годах немного снизилась доля исключительно бедного населения, возросла занятость. В пересчете на покупательную способность местной валюты душевой доход страны составляет примерно 1500 долл., что также исключительно мало, но позволяет понять, каким образом люди имеют возможность сводить концы с концами.

Политическая культура в деревнях Бангладеш сильно отличается от культуры в городах, особенно крупных, к числу которых относится столица Дхака (Дакка), главный портовый город Читтагонг, а также Кхулна, Маймансингх, Раджшахи и некоторые другие. Жители деревень в основном неграмотны, заняты земледелием и подсобными к нему занятиями. Они, как правило, предрасположены к одобрению патернализма со стороны властей преобладающих, высоко ценят систему деревенского самоуправления (деревенских советов, панчаятов), бюрократическую опеку, распределительные методы решения экономических проблем. Военные правители страны не раз использовали эту особенность деревенской

политической культуры, легко добиваясь массового одобрения своих действий на референдумах и безальтернативных президентских выборах.

В городах, кроме немногочисленных элитных (буржуазно-бюрократических) групп, проживают лица, имеющие современную профессию — служащие, преподаватели, врачи, юристы, журналисты. Их отличает относительно высокий уровень образования и культуры, в том числе политической. Довольно значителен в ряде городов удельный вес студенчества, которое по традиции весьма активно участвует в политической жизни. К социальной категории, которая может быть мобилизована для участия в политических акциях, относятся городские торговцы, прибегающие в этом случае к харталам (закрытию магазинов и лавок).

Политическая агитация среди рабочих сдерживается фактором изнурительного труда, на который они вынуждены соглашаться в условиях переизбытка рабочей силы. Труд бангладешца — один из самых дешевых в мире, что привлекло в страну международный капитал и позволило ему создать, вкупе с местным, значительную индустрию по изготовлению и экспорту одежды. Трудовой люд в городах, рассредоточенный в основном по малым и мельчайшим заведениям, остается «горючим материалом», который нередко используется в политических целях.

Для политической культуры Бангладеш, наряду с массовыми митингами, демонстрациями и различного рода манифестациями, характерно использование методов насилия, провоцирование бесчинств, погромов и беспорядков. Особенно часто последние происходят в разгар предвыборной борьбы и во время проведения выборов. Традиционным для страны стало бойкотирование работы парламента проигравшими партиями. Они обычно обвиняют победившую сторону в грубой подтасовке результатов, не признают их и призывают сторонников к уличным, внепарламентским формам протеста, иногда перерастающим в побоища, за которыми следуют аресты и судебные разбирательства. Все это дестабилизирует обстановку, свидетельствуя о невысоком уровне политической культуры парламентско-демократического типа.

Положение в Пакистане во многом, но не во всем, сходно с бангладешским. Его отличает более развитый индустриальный потенциал. Годовой душевой доход по валютному курсу в 2005 г. составил 670 долл. Пакистанский доход с учетом паритета валют превысил 2000 долл. По сравнению с бангладешскими показатели Пакистана примерно на четверть выше.

Грамотность среди мужского населения Пакистана приближалась к 60%, а среди женского — к 30%. Существенные различия в грамотности

и образованности мужчин и женщин отражают характерную для Пакистана ведущую роль мужчин в общественной жизни. Женщины, однако, не лишены возможности участвовать в общественных и политических делах. Но они при этом зачастую выступают в роли «заместителей» мужчин или их «наследников». Таков путь в политику вдовы и дочери З. А. Бхутто — Нусрат и Беназир. И хотя Беназир Бхутто рано превратилась в крупного и самостоятельного политика, она старалась строго соблюдать все предписания и ограничения, которые ислам и основанная на нем семейно-бытовая культура накладывают на женщину. В роли «заместителей» мужчин выступают и лидеры двух крупнейших партий Бангладеш — Хасина Вазед, дочь Муджибур Рахмана, и Халеда Зия, вдова генерала Зияур Рахмана.

Добавим, что положение женщины в пакистанской или бангладешской семье может быть весьма различным, от полностью подчиненного до равноправного. Жена, как правило, пользуется авторитетом как хозяйка дома, но, главное, как мать, и чем больше у нее детей, особенно сыновей, тем больше уважение.

Замкнутость женщин на семье, с сопутствующими ей обычаями женского затворничества, характерна для всего мусульманского мира, но в одних его частях она выражена более, в других — менее сильно. В Пакистане также наблюдаются различия по регионам и этническим группам. Более всего она заметна у пуштунов и западных панджабцев, на севере и северо-западе страны.

Деревенская политическая культура в Пакистане отличается во многом теми же свойствами, что и в Бангладеш. Сельский люд, а также скопившиеся на окраинах больших и средних городов мигранты из деревень склонны «откликаться» на патерналистскую риторику, высоко ценят харизматических лидеров нации и тяготеют к обычаям прямой, непосредственной демократии. Это широко использовали и военные, и гражданские руководители Пакистана, в особенности З. А. Бхутто, в 1971—1977 гг.

Сельское население, занятое в основном земледелием, торговлей и ремесленным трудом, в массе слишком бедно и забито, чтобы интересоваться политикой национального масштаба. Однако оно проявляет интерес к политическим баталиям, протекающим на местном уровне. Сельский избиратель рассматривает выборы и в парламент, и в органы местного самоуправления (последние проходили в Пакистане регулярно первых) с прагматической точки зрения. Он ждет, что выбранный им представитель добьется определенных льгот и преимуществ, и потому наибольшие шансы на выборах имеют выходцы из местной элиты, к которой относятся с экономической точки зрения богатые землевладельцы,

купцы и торговцы, а с социальной — старейшины племен и кланов, главы сект, суфийских орденов и т.п.

Характерным свойством социальной психологии пакистанских, как и бангладешских, широких масс служит фатализм в восприятии жизни. На нем зиждется глубокая их религиозность, уверенность, что все происходит по воле Аллаха. Эту черту массовой психологии активно используют религиозно-политические партии и организации. Их офисы и штаб-квартиры находятся в крупных городах, а также в отдельных чисто религиозных центрах.

Спектр религиозно-политических движений в Пакистане весьма широк. В нем можно выделить пять на сегодня главных потоков. Первое представлено консервативно-реформистским течением «Джамаат-е ислами» (Исламское общество), основанным мауланой (ученым богословом) А. А. Маудуди. Сходное с распространенным в арабском мире движением «Братьев-мусульман», оно может быть охарактеризовано как фундаментализм или исламизм, как идеология борьбы за очищение и торжество ислама и построение подлинно исламского государства.

Во главе второго направления стоят улемы (богословы) суннитской школы деобанди (по названию города в Северной Индии, где в 1860-х годах обосновался главный центр религиозного обучения). В отличие от первого, с его идеями возврата к фундаментальным ценностям предков, второе принадлежит к традиционалистским идеологиям, ставящим целью не преобразование, а сохранение чистоты законов ислама (шариата) и борьбу с их нарушителями и отступниками. Главная политическая организация улемов-деобанди — «Джамиат-е улама-е ислами» (Сообщество исламских богословов). Наибольшую известность последователи этого течения приобрели в 1990-х годах в качестве духовных наставников и учителей афганских талибов.

Третье направление, как и второе, является традиционалистским. Во главе его находятся улемы суннитской школы барелви (по названию города в Индии, где в конце XIX в. была основана их главная семинария, дар-ул-улум). Традиционализм улемов-барелви более терпим и консервативен, чем улемов-деобанди. Они мирятся с обычаями народного, низового ислама и признают распространенные среди мусульман Пакистана, Индии и Бангладеш ритуалы поклонения гробницам (мазарам) местных святых. В этом аспекте они смыкаются с суфизмом, так как почитаемые святые принадлежали обычно к различным суфийским орденам. Для третьего направления характерна борьба не столько за чистоту, сколько за распространение ислама. Отсюда следует, что немусульмане являются главным объектом его нападок. Головная политическая ор-

ганизация барелви — «Джамиат-е улама-е Пакистана» (Сообщество пакистанских богословов).

Четвертое течение часто характеризуется как ваххабитское. Однако оно отличается от арабского (саудовско-аравийского) приверженностью его сторонников не ханбалитскому, а ханафитскому толку (фикху, юридической школе) в суннитском исламе. Сближает их между тем пуританская мораль, ориентированность на джихад (усилия во имя веры) и единение всех правоверных мусульман. Если три первых течения сложились политически в основном в 1940-х годах, то пакистанские ваххабиты, «Ахл-уль-хадис» (Люди предания), организовались в 1960-х годах и заявили о себе в полной мере лишь позднее, после образования в Лахоре (главном городе Панджаба) в начале 1980-х годов группы «Дават-валь-иршад» (Призыв и наставление).

Пятое направление, в отличие от названных выше суннитских, объединяет приверженцев шиизма и сложилось в начале 1980-х годов после объявленного военными властями введения мер по исламизации. По имени основной шиитской юридической школы — джафария — их политическая организация получила название «Техрик-е нифаз фикх-е джафарий» (Движение за утверждение джафаритского фикха). Возникнув как движение в защиту прав шиитов, это течение приобрело отчасти наступательно-реформаторский характер под влиянием успехов шиитской (неошиитской) идеологии в Иране и популярности среди мусульман Пакистана идей и самой фигуры имама Хомейни.

В рамках пяти основных потоков и за их границами функционирует значительное число менее крупных, а также производных, «дочерних» групп и организаций. Существенная часть из них относится к категории экстремистских, террористических. В 1980–1990-х годах в Пакистане развернулась межсектантская война между боевыми организациями суннитов-деобанди и шиитами, а также между деобанди и барелви. От заказных убийств, нападений и погромов пострадали несколько тысяч человек.

Пакистан, включая находящуюся под его контролем часть бывшего княжества Дхамму и Кашмира, стал также базой подготовки и тылового обеспечения террористов, действующих в индийском штате Дхамму и Кашмир. С 1989 по 2005 г. там погибло, по официальным индийским данным, свыше 35 тыс. человек. Согласно оценкам противоположной стороны, число жертв превысило 80 тыс. Главными «материнскими» организациями для кашмирских боевиков являются «Джамаат-и ислами», «Джамиат-е улама-е ислами» и «Дават-валь-иршад». Боевые организации, число и названия которых претерпевали изменения под

влиянием конъюнктурных обстоятельств, входят в «Объединенный фронт джихада», но действуют самостоятельно. Наиболее активные и одиозные группы — «Харкат уль-муджахедин» (Движение борцов за веру), «Джайш-е мухаммад» (Армия Мухаммада) и «Лашкар-е таиба» (Ополчение чистых) — были запрещены властями Пакистана осенью 2001 — зимой 2002 г. Как этими, так и другими мерами преследования (арестом 2 тыс. исламистов и осуждением отдельных лидеров) удалось существенно ослабить, но не искоренить экстремистский ислам. Впрочем, такой задачи власти, очевидно, и не ставили. Экстремизм тесно связан с исламорадикализмом, который остается важнейшей частью политической культуры Пакистана.

В исламские тона окрашены и другие составляющие партийно-политической системы страны. Ее стержень — партия Мусульманская лига опирается на ислам как на фундамент пакистанской идеологии. А последняя использовалась всеми сменявшими во времени друг друга «партиями власти», как бюрократическими, так и политическими.

Религия служила одним из оснований не только национализма, но и социализма с местной спецификой. Последний стал знаменем созданной в конце 1960-х годов Пакистанской народной партии, организации З. А. Бхутто и его политических наследников.

Мусульманский национализм, исламский социализм и пакистанская идеология — таковы основные формы присутствия нерадикального ислама в политической культуре Пакистана. Они вполне согласуются с представлениями о светском, секулярном характере государственного устройства и либерально-демократических политико-юридических моделях.

Ввиду отмеченной ранее сложности регионально-языкового, этнического состава населения в отдельных частях страны популярностью пользуются партии национального (субнационального) типа пуштунские, прежде всего «Авами нэшнл парти» (Народная национальная партия), сидхские, например «Джай Синд» (Да здравствует Синд), белуджские «Балучистан нэшнл парти» (Национальная партия Белуджистана). Важное место занимает партия мухаджиров — «Мут-тахид кауми махаз» (Объединенный национальный фронт). Но и в идеологии этих партий ислам играет определенную, пусть и неявную роль, ввиду того что религиозное и этническое самосознание в среде пакистанских мусульман тесно связано между собой. Протест регионально-лингвистических партий вызывает осязаемая ими дискриминация со стороны Центра, где доминируют представители крупнейшего панджабского этноса.

Некоторые черты культуры политической борьбы, характерные для Бангладеш, отличают и Пакистан. Среди них сочетание парламентских

и внепарламентских ее форм, распространенность уличных митингов и шествий, забастовок рабочих и харталов торговцев.

Пакистан отличает традиционно более низкая, чем в Бангладеш (и в Индии), степень участия населения в выборах. Это, вероятно, отражает разочарованность масс в электоральных процедурах, постепенно сложившуюся благодаря манипулированию выборами и подтасовке их результатов. Особенно заметно участие снизилось в 1990-х годах, когда свое активное избирательное право использовали лишь 30–40% взрослого населения (в Бангладеш и Индии — 50–60%). Наиболее низким коэффициент участия остается в глубинных районах и среди женщин. В городах население и более грамотное, и более политически активно, но и там распространены апатия и недоверие к властям.

Между тем по степени образованности, в том числе знанию английского языка, пакистанская интеллигенция мало чем отличается от индийской. Весьма высок уровень подготовки государственной бюрократии, как военной, так и гражданской. Лица свободных профессий и чиновничество населяют главным образом крупнейшие города — столичную агломерацию Исламабад—Равалпинди, многомиллионные Карачи и Лахор, а также провинциальные столицы — Пешавар и Кветту. Однако образованный слой численно весьма невелик и в большей мере, чем индийский, ориентирован на связи с диаспорой, прежде всего в США и Великобритании. Для примера, в первой из этих стран проживает 2 млн выходцев из Индии и около полумиллиона — из Пакистана, т.е. разница составляет примерно четыре раза, при различии в общей численности жителей, равном семи.

Обращаясь еще раз к политической культуре Бангладеш, надо заметить, что идеологическую ее основу составляет бангладешский национализм, сложившийся на базе мусульмано-бенгальской идентичности. При этом исламский элемент отличает бангладешскую политическую общность от индийско-бенгальской, а бенгальские язык и историко-литературные традиции отделяют ее от пакистанской. Такому положению соответствуют два основных потока в партийно-политической системе республики. При этом один из них опирается в большей степени на мусульманский, а другой — на бенгальский компонент. Первый представлен Бангладешской националистической партией Халиды Зия, а также Народной партией бывшего президента генерала Х. М. Эршада. Второй поток возглавляет «Авами лиг» во главе с Хасиной Вазед.

Определенные позиции имеет и политический ислам. Он представлен главным образом партией «Джамаат-е ислами», идеологически близкой к одноименным организациям в Пакистане, Индии и индийском

Кашмире. От лица традиционалистского исламизма в «пакистанский» период выступала партия «Низам-е ислами» (Исламское устройство), а на современном этапе — «Ислами окийо джоти» (Партия исламского единства).

* * *

Образовавшиеся в результате распада колониальной Британской империи в Индии в 1947 г. и раскола Пакистана в 1971 г. (Мальдивы овозободились от английского протектората в 1965 г.) мусульманские государства Южной Азии отличают некоторые специфические черты как политической системы, так и политической культуры. Для структуры власти в них характерны преобладание элементов авторитаризма, господство бюрократии, самостоятельная политическая роль армии. Хотя конституционное устройство и Пакистана, и Бангладеш основано на британской, так называемой Вестминстерской модели демократии, в обеих странах, особенно Пакистане, проявлялось тяготение к президентской форме правления. В карликовой Мальдивской Республике такая власть установлена законодательно.

В политической культуре велико значение ислама. Он является официальной религией в соответствии с конституциями. В Пакистане государство по основному закону должно оказывать содействие в отправлении культа, обучении и воспитании в религиозном духе. Ислам служит в Пакистане главным элементом государственной идеологии, а в Бангладеш — одним из них. Верность исламу и его ценностям декларируют большинство основных партий и общественных организаций.

Заметную роль в обеих странах, в особенности в Пакистане, играют и чисто религиозные партии. Придерживаясь доктрин фундаменталистского (консервативно-реформаторского) типа, некоторые из них занимают видное место в выходящем за национально-государственные рамки радикальном исламе, или интернациональном исламизме. Его цель и лозунг — джихад, священная борьба как усилие по утверждению веры. В широкое толкование джихада входят как насильственные, диверсионно-террористические, так и мирные, просветительско-проповеднические способы деятельности. Дифференциация исламистских организаций на мирные и экстремистские — сложная задача, так как грань между ними зачастую размыта, а характер активности меняется под влиянием различных обстоятельств.

Таким образом, политическая культура рассматриваемых стран с преобладающим мусульманским населением густо окрашена в исламские тона, а система власти по сути авторитарна. Эти особенности, по всей видимости, не претерпят коренных изменений в будущем, что, однако, не исключает попыток продвижения по пути модернизации и демократизации.

3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Юго-Восточная Азия демонстрирует большое разнообразие политических структур, становление, развитие и современное состояние которых непосредственным образом связано с исторической эволюцией стран региона. Доколониальное и колониальное прошлое, а также период независимого существования во второй половине XX в. лежат в основе общего контекста формирования политической системы координат и политического процесса юго-восточноазиатских государств.

Отечественные исследователи Д. В. Мосяков и В. А. Тюрин разделяют доколониальные социально-политические структуры Юго-Восточной Азии на три типа: бюрократически-феодальный (преимущественно вьетнамский), военно-феодальный (приморский, преимущественно малайский) и государственно-патриархальный (индокитайско-яванский)¹.

Для первого типа, как следует из названия, была характерна достаточно жесткая бюрократически-иерархическая система управления обществом при ярко выраженной роли Центра. Такая система, однако, не исключала возможности для социальной мобильности населения, которая могла происходить, например, в рамках системы экзаменов на чиновничьи должности.

Второй тип органически связан со становлением приморских городов-государств в островной части региона (Суматра, Малайя, Южные Филиппины)². В рамках этого типа политической структуры стремление к централизации было выражено в меньшей степени, центры политического развития и торговли как бы окаймляли периферию, не имея с ней жестких связей.

Государственно-патриархальный тип, характерный для многих государств, сформировавшихся на территории Индокитая и на Яве, был связан с ирригационным земледелием. Помимо центра, существовало

¹ Мосяков Д. В. История Юго-Восточной Азии / Д. В. Мосяков, В. А. Тюрин. М.: Восточный университет, 2004. С. 60–73.

² В исследовательской литературе данный тип также получил название «*нагара*» (город). Термин введен в научный оборот К. Гиртцем (*Geertz C. Negara: The Theatre State in Ninteenth-century Bali. Princeton: Princeton University Press, 1980*).

также большое количество местных феодальных родов, при этом клановые и личные связи в рамках социально-политической структуры третьего типа приобрели достаточно существенное значение.

В колониальный период регион практически полностью был включен в состав европейских колониальных империй. Бирма, территория современной Малайзии, Сингапура и Брунея вошли в состав британских колониальных владений, Индонезия — голландских, Вьетнам, Лаос и Камбоджа образовали так называемый «французский Индокитай». Филиппины находились под владычеством сначала Испании, а затем США. Колонизаторы создали собственные системы управления подчиненными территориями, привнеся в политические системы этих стран новые элементы. Независимый статус сохранял только Сиам (Таиланд), игравший на противоречиях великих держав, но и он, по сути, был поделен на сферы влияния между Великобританией и Францией и испытывал сильное внешнеполитическое воздействие. Тогда же очертания многих государств Юго-Восточной Азии приобрели современные границы, которые прежде носили менее жесткий и детерминированный характер.

Большинство государств региона стали независимыми уже после Второй мировой войны. В этот период сложившаяся международная ситуация глобального противоборства двух лагерей не могла не оказать влияние на выбор пути развития юго-восточноазиатскими странами и, как следствие, на общие контуры политических систем и политических режимов, формировавшихся в этих странах.

Независимое политическое развитие государств Юго-Восточной Азии характеризуется рядом особенностей. *Во-первых*, практически для всех стран особую остроту сохраняет вопрос о соотношении демократических и авторитарных черт во внутренней политике. Во многих странах после получения независимости силовые структуры (армия и в некоторых случаях полиция) стали играть роль не только профессиональных, но и политических институтов. Такая ситуация была характерна, например, для Индонезии и Таиланда. Актуальна она и для современной Мьянмы. Достаточно большое значение сохраняют неформальные аспекты политического процесса (система отношений патрон—клиент, роль групп интересов, нетранспарентный характер принятия политических решений).

Во-вторых, анализируя особенности политического процесса, следует учитывать взаимосвязь и взаимовлияние религии и политики (будь то буддизм, ислам, христианство или религиозный синкретизм), которые характерны для многих стран региона.

В-третьих, следует принимать во внимание особую роль политических лидеров и элит в тех изменениях, которые происходили на протяжении второй половины XX в. в государствах региона. Для многих из них характерен харизматический, а иногда даже наследственно-харизматический тип лидерства, когда дети и родственники выдающихся политических руководителей прошлого продолжают принимать активное участие в политической жизни страны уже на современном этапе.

Дополнительно следует отметить этнический фактор, который выступает и как движущая сила внутривнутриполитических расколов, и как значимый аспект политического процесса. Так, например, в ряде стран Юго-Восточной Азии действуют партии, основанные по этническому признаку. Кроме того, этнический фактор зачастую детерминирует степень включенности в политико-управленческие структуры тех или иных групп населения¹.

Анализ данных аспектов, а также общих тенденций развития политических систем стран региона представлен далее в контексте рассмотрения особенностей отдельных государств.

Королевство Таиланд

Королевство Таиланд — парламентская конституционная монархия. На данный момент в стране действует Конституция 2007 г. — восемнадцатый по счету Основной закон, учитывая временные конституции. Он был принят на всенародном референдуме и заменил временную конституцию, введенную в действие после переворота 2006 г. В настоящее время в таиландском обществе ведется активная дискуссия о путях реформирования существующей конституции путем внесения в нее ряда поправок.

Во главе государства стоит король. С 1946 г. страной правит Пхумипон Адульядет (Рама IX), самый долгоцарствующий монарх в мире. Король играет особую роль в политической системе страны и обладает полномочиями в сферах, связанных со всеми тремя ветвями власти. Так, например, к его функциям относится назначение премьер-министра и министров, лидера оппозиции в парламенте, членов Избирательной комиссии. Согласно конституции король также обладает правом помилования. Король является главнокомандующим вооруженными силами. Еще одна значимая прерогатива монарха — исполнение функции главы буддистов Таиланда и покровителя всех религий.

¹ Это положение можно наглядно проиллюстрировать примером китайской диаспоры в странах Юго-Восточной Азии, которая исторически занимала лидирующие позиции в экономике, однако практически не допускалась к политическому руководству.

При короле действует Тайный совет. В полномочия Совета входит задача назначения регента и предоставления кандидатуры наследника короля для рассмотрения в Совете министров и парламенте в случае, если король по каким-либо причинам не смог этого сделать.

В настоящее время, несмотря на парламентский характер таиландской монархии, фигура короля, по сути, является одним из ключевых элементов политической системы. В реальности, в соответствии с параметрами традиционной политической культуры, влияние монарха в политической жизни страны не ограничивается рамками конституции и оказывается значительно шире, нежели формально закрепленное. Подобное положение дел известный зарубежный исследователь Дункан Мак-Карго охарактеризовал как «сетевую монархию»¹.

«Сетевая монархия» — это своеобразная система сдержек и противовесов, которую, не обладая достаточными политическими полномочиями после изменения формы правления в 1932 г., королевская семья была вынуждена выстраивать во взаимоотношениях с другими политическими силами страны на протяжении второй половины XX в. Такая система, согласно Д. Мак-Карго, окончательно оформилась к 1980–1990-м годам. При этом одним из результатов ее действия было то, что никто из субъектов политического процесса не обладал всей полнотой власти и не мог, таким образом, принимать единоличных решений. Главным проявлением сложившейся системы стало то, что монарх стал рассматриваться одновременно и как верховный арбитр в разрешении возникающих политических противоречий, и как основной источник национальной легитимности. Так, например, повестка дня национального развития формулировалась прежде всего от имени короля.

Важным элементом «сетевой монархии» стал уже упоминавшийся Тайный совет, также выступающий как значимый субъект современного политического процесса в Таиланде. На данный момент Совет возглавляется Премом Тинсуланом, занимавшим в 1980-х годах пост премьер-министра. Тайный совет проводит регулярные встречи (в среднем два раза в неделю), рассматривает законодательные вопросы и высказывает монарху рекомендации по большому спектру проблем.

Исполнительная власть реализуется в стране Советом министров во главе с премьер-министром. Премьер-министром, как правило, становится лидер победившей на выборах партии. Его кандидатура должна быть предложена в парламенте не менее чем $\frac{1}{5}$ депутатского корпуса,

¹ *McCargo D. Network Monarchy and Legitimacy Crisis in Thailand // The Pacific Review. 2005 (December). Vol. 18. No 4. P. 500–501.*

при этом сам кандидат в премьер-министры также должен быть членом парламента. Пост главы правительства не может занимать один и тот же человек более восьми лет. Важным аспектом деятельности вновь назначенного премьер-министра является представление в парламенте программного документа об основных направлениях своей политики на период нахождения у власти.

Законодательную власть в стране осуществляет двухпалатный парламент — Национальное собрание. В состав парламента входит Палата представителей и Сенат. Выборы в Палату представителей проходят раз в четыре года по смешанной системе на многопартийной основе.

Большая часть депутатского корпуса избирается на мажоритарной основе в одномандатных округах (четыреста кандидатов). Другая часть мест (восемьдесят) распределяется пропорционально по партийным спискам в зависимости от того, сколько процентов голосов набрала каждая из прошедших в парламента партий. В Сенате заседают сто пятьдесят человек, причем семьдесят шесть из них представляют все провинции страны и проходят процедуру избрания на свои посты, в то время как оставшиеся семьдесят четыре назначаются Избирательным комитетом Сената. Это, как правило, выдающиеся представители общественности, академических кругов, частных компаний и т.д.

В судебную систему страны входят обычные суды, административные суды, военные суды, специальные суды (создаваемые в особых случаях путем издания специальных законов) и Конституционный суд, осуществляющий общий конституционный надзор.

С точки зрения территориально-административного деления Таиланд представляет собой унитарное государство, состоящее из семидесяти шести провинций (тай. *тянгват*). Провинции управляются губернаторами или, в некоторых случаях, административными комитетами.

Особо следует отметить роль вооруженных сил в политическом процессе Таиланда. С момента смены системы правления с абсолютной монархии на конституционную, осуществленную группой военных в 1932 г., армейское командование принимало активное участие в политической жизни страны. В течение длительных периодов (с 1947 по 1973 г. и с 1976 по 1992 г.) в Таиланде существовали военные режимы.

Наиболее ярким проявлением сочетания традиционной политической культуры и военного режима стало правление маршала Сарита Тханарата (1959—1963). Концептуально он придерживался взгляда на развитие государства в русле тайского традиционного понимания политического порядка, сформулированного еще королем Рамкамхенгом, правившим страной в XVIII в. В рамках такого подхода взаимодействие правителя и народа рассматривалось как отношения отца и детей в семье

(*пхо-лук*), а сам управляющий, соответственно, выступал в роли главы семьи и отца нации (*пхо бан, пхо мыанг*)¹.

Политическая роль армии была существенно ограничена лишь на рубеже 1980–1990-х годов, когда в правление генерала Према Тинсулана правительством был принят специальный указ, основным смысл которого заключался в том, что политические методы управления должны превалировать над военными. Тем не менее армия опосредованно продолжала играть достаточно существенную роль в политической жизни страны и после установления демократического режима, что проявилось также в ее участии в перевороте 2006 г.

Еще один важный фактор, косвенно оказывающий влияние на политический процесс в стране, — это религия. В конфессиональном плане более 94% жителей страны исповедуют буддизм течения Тхеравада, примерно 4,6% являются приверженцами ислама, менее 1% — христианства. Несмотря на то что буддийские организации не вмешиваются в политическую деятельность, моральное влияние буддийской общины (*сангхи*) достаточно высоко. Кроме того, лозунг «Нация, религия, король» — один из базовых идеологических принципов, не раз выдвигавшийся государством в качестве приоритета на разных этапах исторического развития страны, предполагает особую роль, отводящуюся именно буддийской религии.

Современный политический процесс в Таиланде характеризуется рядом кризисных тенденций. Приход к власти в 2001 г. Таксина Чинавата, мультимиллионера и представителя новой экономической элиты, рассматривается рядом исследователей как попытка нарушить сложившийся в 1980–1990-х годах баланс сил и заменить его новой системой отношений, завязанной на крупные корпорации и капитал², а переворот 2006 г. — как проявление противоречий, возникших в политической элите Таиланда и обществе в целом. Не случайно ряд экспертов характеризует возникший в стране внутривластный раскол как противостояние «капиталистов» и «традиционалистов»³.

Эволюция партийной системы страны после 2006 г. отличается крайней неустойчивостью. Подобная нестабильность проявляется в том, что наряду с существованием Демократической партии («Прачатхипат»), старейшей в стране, и ряда других менее крупных партийных

¹ *Chaloemtiarana Th.* The Politics of Despotism Paternalism. N.Y.: Cornell University, 2007. P. 111–120.

² *McCargo D.* The Thaksinization of Thailand / D. McCargo, U. Pathmanand. Copenhagen: NIAS Press, 2005. P. 209–238.

³ East Asian Strategic Review 2009. Tokyo, 2009. P. 166.

организаций, не имеющих возможность на данный момент получить большинство в парламенте, происходит постоянная партийная реорганизация участников распущенной в 2007 г. массовой партии «Тхай Рак Тхай», созданной бывшим премьер-министром Таксином Чинаватом на популистской основе. В последние несколько лет новым явлением в политической жизни страны стало появление, помимо классических партийных организаций, двух крайне оппозиционно настроенных по отношению к друг другу общественных движений, по сути раскалывающих страну на два фронта. Речь идет о Народном союзе за демократию, поддерживающем существующее правительство, и Демократическом союзе против диктатуры, выступающем в защиту изгнанного Таксина Чинавата. В целом же современное состояние политического режима в стране характеризуется определенной гибридность — сочетанием формальных демократических процедур и институтов с особой эндогенной динамикой политического процесса.

Для политической культуры Таиланда также характерно переплетение современных и традиционных элементов. Следует принимать во внимание, что тайскому обществу присуща иерархичность, четкое понимание системы социальных статусов, которая не должна нарушаться. При этом зачастую иерархия — это не только определенное положение, но также и комплекс обязанностей по отношению к нижестоящим и вышестоящим лицам, что выражается в системе реципрокного обмена услугами и патрон-клиентских системах взаимоотношений, находящих отражение и в политике.

К традиционным элементам можно также отнести культуру политического компромисса и стремление не допустить «потери лица». Вплоть до недавнего времени такой подход, а также базовое представление о том, что власть должна представлять интересы всего общества, достаточно успешно помогали сглаживать острые политические противоречия. В повседневной жизни стремление избежать открытого столкновения или нежелание акцентировать внимание на неприятной ситуации можно проиллюстрировать фразой «*май пен рай*» («все в порядке», «ничего!»). В этой связи закономерным становится вопрос: сможет ли традиционная культура компромисса помочь мирному разрешению текущего политического конфликта.

Социалистическая Республика Вьетнам

Согласно конституции Вьетнам — это социалистическая республика парламентского типа. Действующий Основной закон страны был принят 15 апреля 1992 г.

В качестве основного источника государственной власти положения конституции определяют народ и союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Главой государства является президент, избираемый парламентом из состава его депутатов на пять лет. С 2006 г. страну возглавляет Нгуен Минь Чьет. К функциям президента относится также председательство в Совете национальной обороны и безопасности. Исполнительная власть представлена правительством во главе с премьер-министром (в настоящее время — Нгуен Тан Зунг). Премьер-министр и другие министры назначаются на свои должности президентом на основании постановлений Национального собрания. Особенностью политической системы Вьетнама является тесная взаимосвязь партийных и государственных структур (так называемый феномен «партии-государства»), а единственная существующая в стране партийная организация — Коммунистическая партия Вьетнама (КПВ) конституционно рассматривается в качестве руководящей силы государства и общества.

Законодательная власть в стране представлена однопалатным парламентом — Национальным собранием, к прерогативам которого относится право верховного контроля за всей деятельностью государства и решение основных внутривнутриполитических и внешнеполитических вопросов. Депутаты парламента избираются от территориально-административных единиц и общественных организаций (в основном Отечественного фронта Вьетнама). Национальное собрание обладает широким спектром полномочий в различных областях жизнедеятельности страны. Так, например, парламент принимает планы социально-экономического развития государства, определяет валютно-финансовую политику, регулирует национальные отношения, принимает решения по вопросам внешней политики, включая вопросы войны и мира. Согласно конституции в особых случаях Национальное собрание обладает правом создания специального суда, не входящего в общую структуру судебной системы, которая включает в себя Верховный суд в Ханое, народные суды (в провинциях и городах) и военные суды.

В плане территориально-административного деления Вьетнам состоит из пятидесяти девяти провинций и пяти городов центрального подчинения — Дананга, Кантхо, Ханоя, Хайфона и Хошимина. Местные органы государственной власти представлены народными советами.

В настоящее время специфика политического процесса во Вьетнаме тесным образом связана с задачами экономического развития страны и политикой обновления, провозглашенной в декабре 1986 г. на VI съезде КПВ и заложившей основы «рыночного социализма». Официально

в конституции подобная система называется «многоукладной, товарной экономикой социалистической направленности с регулируемым государственным механизмом», а сам процесс реформирования происходит под непосредственным партийным руководством.

В данном контексте следует особо подчеркнуть роль компартии Вьетнама в политической системе страны. Партия была создана еще в 1930 г. и сейчас объединяет в своих рядах свыше 3 млн человек. Высшим руководящим органом КПВ является Политбюро, состоящее из четырнадцати человек, включая генерального секретаря ЦК КПВ, президента, премьер-министра и председателя Национального собрания. Процесс принятия решений в Политбюро носит крайне закрытый характер. В исследовательской литературе существует несколько точек зрения о наличии фракций или специфических «групп интересов» внутри КПВ, которые иногда подразделяют на реформаторов и консерваторов либо по шкале ведомственной принадлежности. Однако такая классификация представляется достаточно условной, поскольку разногласия этих групп не носят основополагающего характера и не противоречат общему консенсусу относительно магистрального курса и методов развития страны.

Гораздо более оправданным видится анализ представительства в партии с точки зрения территориального происхождения, поскольку региональному балансу сил между выходцами из северных, южных и центральных провинций в КПВ уделяется особое внимание. Такая ситуация, по сути, закрепляет традиционные клановые и родственные связи в партийной и государственной структурах. Обычно пост генерального секретаря занимает уроженец севера, премьер-министра — представитель юга, президента — выходец из центрального региона. Однако в последнее время данный принцип был нарушен назначением Нгуен Минь Чиета, представителя юга, что произошло, возможно, благодаря его репутации успешного борца с коррупцией и организованной преступностью¹ — качествам, необходимым руководству страны в современных условиях.

Помимо роли территориально-кланового аспекта следует также упомянуть ряд других важных черт, оказывающих влияние на политическую культуру Вьетнама. Как уже упоминалось, Вьетнам обладает длительной государственно-бюрократической традицией с сильными элементами централизации, что частично объяснялось историческими задачами развития ирригационного земледелия, обороны против внешних врагов (феномен «оборонного сознания») и сохранения единства

¹ Мазырин В. М. Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986–2006 гг.): направления, динамика, результаты. М.: Ключ-С, 2007. С. 25–34.

своей территории. Кроме того, многими исследователями отмечается особая устойчивость ветов к ассимиляции и способность сохранять самобытность своих социальных структур¹. Еще один существенный элемент политической культуры Вьетнама — роль религии, включающей синкретическое сочетание конфуцианства, буддизма и даосизма, а также культа предков, на современном этапе призванного укрепить идеи преемственности, семейных связей и национальных традиций, характерных для вьетнамского этнопсихологического архетипа.

Лаосская Народно-Демократическая Республика

Лаосская Народно-Демократическая Республика — государство народной демократии со смешанной президентско-парламентской формой правления. Общие контуры политической системы Лаоса определяются Конституцией 1991 г. с поправками от 2003 г. Главой государства является президент, избираемый парламентом на пять лет (в настоящее время — Тьюммали Сайнясон). Помимо президента исполнительная власть осуществляется также правительством во главе с премьер-министром (с 2006 г. — Бусан Бупхаван). Глава правительства и министры назначаются президентом при одобрении парламента.

Законодательная власть в ЛНДР осуществляется однопалатным Национальным собранием. Национальное собрание состоит из ста девяти депутатов и избирается на пять лет на всеобщих выборах путем прямого и тайного голосования. Система судебной власти ЛНДР представлена народными судами и органами народной прокуратуры.

С административно-территориальной точки зрения ЛНДР представляет собой унитарное государство, включающее шестнадцать провинций, районы и деревни. В отдельную административно-территориальную единицу выделяется столичная префектура Вьентьян. Провинциями руководят губернаторы, столичной префектурой — мэр.

В Лаосе существует однопартийная система с единственной действующей партией — Народно-революционной партией Лаоса (НРПЛ). Партийные организации некоммунистического толка запрещены, их лидеры в большинстве своем покинули Лаос после 1975 г. Современное название НРПЛ было принято на II съезде Народной партии Лаоса в 1972 г. В 1951 г. на II конгрессе компартии Индокитая было принято решение о ее роспуске и создании трех отдельных партий народов Ин-

¹ *Мурашова Г.* История и современность в политической культуре Вьетнама // Политическая культура и деловая этика стран Востока. М.: Ключ-С, 2006. С. 151; *Деопик Д. В.* История Вьетнама. М.: МГУ, 1994. Ч. 1. С. 6.

докитая. До этого Народная партия Лаоса входила в качестве составной части в компартию Индокитая, основанную Хо Ши Мином в 1930 г.

Согласно конституции НРПЛ является ведущей силой политической системы. После провозглашения ЛНДР по существу произошло слияние партийных и государственных структур. Так, например, посты Генерального секретаря ЦК НРПЛ и премьер-министра (а потом — Генсека и президента) долгое время совмещались в ЛНДР Кейсоном Фомвиханом. В настоящее время действующий президент Тюммали Сайнясон также занимает пост генсека НРПЛ. Большинство депутатов Национального собрания являются членами НРПЛ. Ключевые посты в правительстве (премьер-министра, заместителей премьер-министра, министра обороны, внутренних дел и др.) также занимают представители НРПЛ.

Следует отметить, что в конце 1980-х годов лаосским руководством взят курс на экономическое реформирование с учетом рыночных принципов, однако при сохранении социалистической ориентации и однопартийности в политической сфере.

Несмотря на то что в конституции отсутствуют положения об официальной государственной религии, буддизм течения Тхеравада играет особую роль в жизни страны. В период существования в Лаосе монархической формы правления буддизм являлся государственной религией (это положение официально закреплялось в конституции Королевства Лаос), а монарх выступал в качестве покровителя буддизма. В ходе национально-освободительной борьбы ряд членов буддийской общины вошли в состав Фронта освобождения Лаоса и Патриотического фронта Лаоса. После провозглашения ЛНДР в 1975 г. религия была отделена от государства, однако традиционное влияние буддизма и сангхи в обществе сохранилось. Правящие круги ЛНДР не раз апеллировали к буддизму и сангхе для поддержки своих политических инициатив. В частности, на идейном уровне предпринимались попытки совместить марксистскую идеологию с учением буддизма на основании схожести положений о равенстве всех людей и о необходимости прекращения человеческих страданий.

Для процесса воспроизводства властных отношений в Лаосе характерен ряд неформальных механизмов. Личные предпочтения, родственные связи, система патроната, общее происхождение из того или иного региона играют существенную роль для продвижения по властной вертикали. Институт политического лидерства в Лаосе по-прежнему в значительной степени основывается на практике преемственности.

В целом для Лаоса характерна традиционная политическая культура, на которую к тому же наложились особенности социалистического

развития. В стране до сих пор распространены патрон-клиентские отношения, в том числе по этнозональному принципу. Специфика традиционного восточного общества и сложившаяся бюрократическая система, а также отсутствие идеологического плюрализма не являются стимулами для проявления индивидуальной инициативы.

Особенности политической культуры Лаоса определяются также мировоззренческо-культурными параметрами лаосского общества. Большая часть страны — это сельские жители, для которых не характерна быстрая адаптация к происходящим изменениям. Кроме того, мировосприятие лаосцев в целом характеризуется философским отношением к окружающей действительности (принцип, выраженный в лаосском языке фразой «*бо пен нян*» — «все нормально», «все в порядке»), которое, с одной стороны, сглаживает социальные конфликты, но, с другой, — затрудняет процесс модернизации общества.

Королевство Камбоджа

Королевство Камбоджа является парламентской конституционной монархией. Основные принципы политической системы документально закреплены в действующей конституции, принятой 21 сентября 1993 г. и официально восстановившей в стране монархический строй.

Главой государства является король (с 2004 г. — Нородом Сиамони), который также считается символом единства нации. Несмотря на то что функции монарха носят в основном репрезентативный характер, король обладает значительным моральным весом и часто выступает в качестве арбитра внутривнутриполитического процесса. В качестве фундаментального идеологического принципа жизнедеятельности страны в конституции закреплён лозунг «Нация, религия, король».

Восстановление монархии в стране после длительного периода сложного и конфликтного развития Камбоджи было связано со стремлением ведущих политических сил построить политику национального примирения на прочной основе, которая бы учитывала традиционные политические ценности и самобытность кхмерского народа. Существенную роль в данном процессе играла фигура Нородома Сианука, правившего страной в качестве монарха с 1941 по 1955 г. и с 1993 по 2004 г. Нородом Сианук обладал значительным авторитетом в стране, что выражалось в представлениях о нем как об отце нации, взвешенно сочетавшем курс на сохранение стабильности и традиций с задачами модернизации страны¹.

¹ Бектимирова Н. Н. Королевство Камбоджа: Политическая история (1953–2002) / Н. Н. Бектимирова, И. Н. Селиванов. М.: Гуманитарий, 2002. С. 277, 297.

В отличие от других современных монархических систем король в Камбодже не назначает своего наследника. Согласно конституции наследник избирается специальным органом — Советом Трона, включающим председателя Национального собрания, двух заместителей председателя, премьер-министра и глав буддийских монашеских орденов Тхаммают Никая и Маханикая. Новым монархом может быть избран только представитель королевского дома старше 30 лет, относящийся к одной из трех династических ветвей королевской семьи — Аунг Донг, Нородом или Сисоват.

Исполнительная власть в Камбодже осуществляется правительством во главе с премьер-министром. В основном тексте конституции подчеркивается, что правительство возглавляется одним премьером, однако в положениях переходного периода было отмечено, что на время работы первого избранного парламента во главе правительства будут находиться два премьер-министра. В 1993 г. ими стали принц Ранарит (первый премьер) и Хун Сен (второй). После политического кризиса 1998 г. и вплоть до сегодняшнего дня премьер-министром Камбоджи является Хун Сен, политический долгожитель, бессменно находящийся у власти в стране в составе разных коалиций с середины 1980-х годов.

Законодательная власть реализуется двухпалатным парламентом, состоящим из Национального собрания и Сената. В Национальном собрании заседают не менее ста двадцати депутатов, которые избираются населением страны на многопартийной основе на пять лет. Национальное собрание не может быть распущено в период чрезвычайного положения, а в случае военных действий деятельность собрания может быть продлена на год по требованию короля.

Изначально в конституции не было предусмотрено создание второй палаты парламента, однако в 1999 г. на встрече ведущих политических сил страны в русле преодоления политического кризиса было решено создать Сенат в составе шестидесяти одного человека, внося соответствующие поправки в основной закон страны.

Вплоть до 2006 г. в составе Сената были только назначенные представители от трех основных политических партий. В настоящее время два сенатора назначаются королем, два — Национальным собранием, а остальные избираются от местных органов власти, представительство и взаимодействие с которыми, наряду с утверждением законов, разработанных нижней палатой, составляет одну из основных функций Сената. На практике же, как отмечает отечественный исследователь Н. Н. Бектимирова, создание Сената вовсе не преследовало целей формирования сбалансированного разделения властей, а скорее создавало механизм,

препятствующий «маргинализации сети патронажно-клиентельных связей проигравших партий»¹.

Следует отметить, что в Камбодже зарегистрировано несколько десятков политических партий, однако на данный момент в политической жизни фактически доминирует Народная партия Камбоджи, представителем которой является действующий премьер-министр. Среди других значимых политических партий, участвующих в деятельности парламента, — роялистская партия ФУНСИНПЕК (Объединенный национальный фронт за независимую, нейтральную, мирную и сотрудничающую Камбоджу) и либеральная Партия Сам Рэнси.

Судебная власть осуществляется через систему судов, включающую Верховный магистратский суд, Верховный суд, Апелляционный суд, Военный суд, провинциальные и муниципальные суды, а также Департамент государственного прокурорского надзора.

В административно-территориальном плане Камбоджа является унитарным государством, включающим провинции (кхм. *кхет*) и столичный округ. Во главе провинций стоят губернаторы.

На рубеже 1990–2000-х годов политический процесс в Камбодже характеризовался достаточно высокой степенью фрагментированности ключевых политических сил. Кроме того, вплоть до конца 1990-х годов одной из неразрешенных проблем оставалась задача интеграции в камбоджийское общество «красных кхмеров», сохранявших существенный военный потенциал. В частности, использование принцем Ранаритом стратегии привлечения наиболее радикального крыла «красных кхмеров» к процессу национального примирения в собственных политических целях стала одной из причин политического кризиса 1998 г., когда Хун Сен напрямую обвинил Ранарита в сговоре с «красными кхмерами» и отстранил его от должности первого премьер-министра. Последующее развитие событий свидетельствовало о дальнейшем укреплении единоличного положения Хун Сена в структуре политической власти. В то же время, несмотря на определенную стабилизацию политической ситуации в стране, очевидно, что сложившийся политический режим носит характер «имитационной демократии»², за фасадом которой скрываются не реальные процессы демократизации, а скорее мимикрия традиционных структур властных отношений.

Подобная ситуация частично объясняется устойчивостью многих традиционных элементов кхмерской политической культуры, к кото-

¹ Бектимирова Н. Н. Альтернативные пути демократизации: На примере Камбоджи и Таиланда / Н. Н. Бектимирова, В. А. Дольникова. М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 110.

² Термин Н. Н. Бектимировой. (Там же. С. 109.)

рым следует отнести в первую очередь укоренившиеся представления об обществе как иерархизированной воспроизводящейся модели, во главе которой находится верховный правитель, олицетворяющий идею покровительства. При этом сами общественные отношения на всех уровнях скрепляются системой патронажно-клиентельных сетей. Подобная система традиционно позволяла бюрократическому корпусу наращивать собственное влияние, а у обычных граждан формировала чувство взаимосвязи с властью. Представления о легитимности верховной власти также отличаются превалированием традиционных элементов, тесно взаимосвязанных с религиозными представлениями и ролью буддийской общины в политической жизни. В данном контексте политический вес лидера непосредственно увязывается с его религиозными заслугами¹.

Таким образом, превалирование традиционных элементов политической культуры над современными создает в кхмерском обществе ситуацию укоренения традиционных иерархических связей, но в несколько модернизированных формах (так, например, на смену старым патронажно-клиентельным связям приходят сети, центрированные вокруг ведущей политической партии), которые формируют реальное наполнение внешне демократической политической системы.

Республика Союз Мьянма

Со времени военного переворота 1988 г. в Мьянме существует авторитарный военный режим во главе с Государственным советом по восстановлению законности и порядка (ГСВЗП), который в 1997 г. был переименован в Государственный совет мира и развития (ГСМР). После установления военного режима парламент был распущен, а Конституция 1974 г. отменена.

В 1993–2007 гг. Учредительным собранием был подготовлен проект новой конституции, которая, однако, не введена в действие вплоть до настоящего времени. Попытки демократической оппозиции разработать собственный проект конституции рассматриваются военным режимом как незаконные (в 1996 г. ГСВЗП принял законодательный акт, карающий подобную деятельность двадцатью годами лишения свободы). В 2003 г. руководство страны выступило с планом реформ под названием «Дорожная карта к демократии», предусматривающим разработку конституции, принятие ее на референдуме и проведение демократических

¹ Подробнее см.: *Бектимирова Н. Н.* Политическая культура кхмеров и ее отражение в политико-экономическом развитии Камбоджи на рубеже веков // Политическая культура и деловая этика стран Востока. М.: Ключ-С, 2006. С. 193–211.

выборов в парламент, которые вплоть до настоящего момента так и не состоялись.

Государственный совет мира и развития является высшим органом исполнительной власти. В его состав входит тринадцать членов из числа высшего военного руководства. ГСМР возглавляется председателем (в данный момент — старший генерал Тан Шве), который является также министром обороны и главнокомандующим вооруженными силами. Следует, однако, отметить, что разделение властей в Мьянме имеет сугубо формальный характер, поскольку ГСМР выполняет функции исполнительной и законодательной власти. Главой государства является председатель Госсовета. Законодательные ограничения периода нахождения на данном посту отсутствуют (старший генерал Тан Шве бессменно возглавляет Госсовет с 1992 г.). Судебная власть также фактически находится под контролем военного режима.

В ведении правительства находятся административно-хозяйственные и финансовые вопросы. Правительство возглавляется премьер-министром (2004–2007 гг. — генерал Со Вин; с октября 2007 г. — Тейн Сейн) и состоит из тридцати одного министра (подавляющее большинство из них — военные). Деятельность правительства контролируется Госсоветом, который назначает премьер-министра и членов его кабинета. При этом члены правительства могут одновременно являться членами Госсовета.

По Конституции 1974 г. предполагалось, что законодательная власть в стране должна осуществляться однопалатным Народным собранием, состоящим из 485 депутатов, избираемых путем всеобщего голосования на четыре года. Последние выборы прошли 27 мая 1990 г. В них приняло участие более девяноста партий, однако основное противостояние развернулось между Партией национального единства (преемницей Партии бирманской социалистической программы) и Национальной лигой за демократию во главе с Аун Сан Су Чжи, лидером оппозиции и дочерью выдающегося бирманского политического деятеля Аун Сана. Результаты выборов, в ходе которых Национальная лига получила более 80% мест в парламенте, а проправительственная Партия национального единства — всего 2% мест, не были признаны военным режимом. Многие избранные депутаты подверглись аресту либо были вынуждены покинуть страну. Созыв парламента был отложен до принятия новой конституции. На данный момент реальная законодательная власть осуществляется Государственным советом мира и развития, основу законодательной системы составляют директивы, указы и законодательные акты ГСМР.

Судебная власть находится под контролем ГСМР. Согласно Конституции 1974 г. функции высшего судебного органа страны выполняла

Коллегия народных судей, а до этого — Верховный суд. После военного переворота 1988 г. судебные органы были распущены и заменены военными трибуналами. В настоящее время полномочия судебной власти вновь переданы Верховному суду, судам административных и национальных областей, а также местным судам (в районах и городах). Назначение состава Верховного суда осуществляется ГСМР. Назначение судей областного и местного уровней производится Верховным судом с одобрения ГСМР.

В Мьянме сохраняется территориально-административное деление, предусмотренное Конституцией 1974 г. и основанное на принципах унитарности с предоставлением культурной автономии национальным меньшинствам. Страна подразделяется на семь административных областей (*тайн*), где преобладает бирманское население, и семь национальных областей (*льинэ*) — Шанская, Каренская, Кая, Качинская, Чинская, Монская, Ракхайн (Араканская).

В настоящее время официальные идеологические принципы мьянманского руководства опираются на три общенациональные задачи (сохранение целостности Союза, достижение национальной солидарности и сохранение суверенитета страны), осуществление которых нацелено на построение «мирного, современного, развитого, дисциплинированного, процветающего и демократического государства».

Основное внутривластное противостояние на данном этапе проходит по линии правящий режим — демократическая оппозиция, которая представлена Национальной лигой за демократию. Пик активности оппозиции пришелся на середину 1990-х годов. В данное время отмечается тенденция к ослаблению НЛД, которая бойкотировала работу вновь созданной Национальной конституционной конференции и постепенно утрачивает возможность реально влиять на политические процессы, происходящие в стране. Лидер НЛД Аун Сан Су Чжи содержится под домашним арестом, в заключении находятся также более тысячи оппозиционных деятелей.

Традиционно влиятельным фактором в политической жизни Бирмы/Мьянмы был и продолжает оставаться буддизм течения Тхеравада. Особым воздействием буддизма на политическую сферу и другие области жизни были отмечены период расцвета Паганского государства (XI в.) и период правления династии Конбаунов (XVIII—XIX вв.). Впоследствии буддийские монахи активно выступали против британских колонизаторов, участвуя в организациях национально-освободительного движения. При правительстве У Ну в 1961 г. буддизм был официально провозглашен государственной религией, а Бирма — буддийским госу-

дарством. Подобные действия, однако, негативно повлияли на внутриполитическую ситуацию и межконфессиональные отношения в стране.

После 1962 г. было принято решение об отделении религии от государства. Конституция 1974 г. закрепляла свободу вероисповедания и запрещала использование религии в политических целях. Служители культа также были лишены избирательных прав.

После переворота 1988 г. отношения между правящим режимом и буддийской общиной носят противоречивый характер. С одной стороны, военный режим апеллирует к буддийским ценностям в целях укрепления своего авторитета (так, например, Янгон стал местом проведения Всемирного буддийского собора в 2004 г.), а военное руководство страны, и в том числе старший генерал Тан Шве, всячески подчеркивают свою верность буддийским принципам. В то же время оппозиция сообщает о многочисленных случаях притеснений (вплоть до тюремного заключения) служителей культа, выражающих недовольство военным режимом. Во время обострения внутривнутриполитической ситуации в Мьянме в августе—сентябре 2007 г. буддийские монахи присоединились к массовым протестам, которые были подавлены полицией и правительственными войсками. В 1990 г. ГСВЗП выпустил указ № 6/90, в соответствии с которым все незаконные монашеские организации подлежали роспуску. В том же году был принят Закон о сангхе (от 31 октября 1990 г.), официально закреплявший положение и состав сангхи (9 основных сект). В соответствии с законом в стране существует только одна сангха, а образование других сект помимо законодательно отмеченных запрещается. Нарушение положений закона карается лишением свободы сроком от 6 месяцев до 3 лет. Кроме того, в соответствии с указом № 85, сангхе запрещается посвящать в духовный сан членов Национальной лиги за демократию и других политических партий.

До военного переворота 1988 г. в стране действовала однопартийная система (у власти находилась Партия бирманской социалистической программы, образованная в 1962 г. и прекратившая свое существование после 1988 г.). Большинство существующих сейчас мьянманских партий были официально зарегистрированы накануне выборов 1990 г. в соответствии с Законом о регистрации политических партий, однако после проведения выборов многие партийные организации были запрещены, а их члены арестованы.

В данное время на легальных основаниях продолжают действовать десять политических партий, однако следует отметить, что эти организации не имеют возможности выполнять свою основную функцию, т.е. принимать участие в формировании представительных органов власти.

Военные устойчиво контролируют политическую систему с 1962 г. После переворота 1962 г. страной на протяжении двенадцати лет правили военные правительства, после чего в 1974 г. была принята конституция и создан однопартийный выборный орган (Народная ассамблея). Однако присутствие армейской верхушки в политике сохранялось, ее представители также доминировали в составе Партии бирманской социалистической программы (до 1971 г. членами партии могли стать только военные).

С 1988 г. и вплоть до настоящего времени в Мьянме у власти находится военный режим. В составе ГСМР действует своеобразная «внутренняя хунта» — группа генералов, обладающая реальной политической властью и принимающая основные решения по управлению страной. Подавляющее большинство министров являются представителями силовых структур.

Помимо политической сферы, влияние военных значительно и в экономике страны. В частности, им принадлежат корпорации «Экономические холдинги Союза Мьянма» и «Экономическая корпорация Мьянмы». Представители армии являются инвесторами в таких сферах, как туризм, банковская деятельность, строительство, рынок недвижимости, добыча драгоценных камней, розничная торговля и т.д. Таким образом, для современной ситуации характерно слияние военной элиты и бизнеса, а также ее частичное участие в структурах теневой экономики.

В связи с отсутствием формально закрепленных процедур передачи власти воспроизводство властных отношений в Мьянме зачастую осуществляется посредством неофициальных механизмов. Реальным весом в принятии политических решений обладает ограниченная группа военных руководителей. Политическая культура характеризуется превалированием традиционных элементов над современными или их специфическим сочетанием. Лидеры в мьянманском обществе чаще всего относятся к харизматическому типу. Демократические механизмы передачи власти в данном случае не являются эффективными, превалирует преемственность или, как радикальный вариант, насильственный захват власти.

Основная масса населения отличается политической индифферентностью и отсутствием интереса к политическому участию (частично это связано с влиянием буддизма и одного из его элементов — практики медитации, широко распространенной в Мьянме). В то же время, несмотря на многонациональный характер Мьянманского государства, политическое участие и представительство в органах власти для этнических меньшинств зачастую бывает затруднено, более того, отношения центральной власти и многих этнических меньшинств носят затяжной конфликтный характер.

Определенное значение сохраняют в обществе иерархические принципы взаимодействия и патрон-клиентские отношения. Как в повседневной жизни, так и в политической сфере большое внимание уделяется астрологии (так, например, многие значительные политические события намечаются с учетом мнения астрологов). Существенное влияние на политическую культуру оказало также длительное правление военного режима: некоторые эксперты характеризуют сложившуюся в Мьянме структуру власти как «государство-армию», подчеркивая влияние военного правления и уровень милитаризации страны.

Республика Филиппины

Согласно конституции Филиппины представляют собой президентскую республику. Действующий Основной закон страны был принят в 1987 г.

Главой исполнительной власти является президент, который одновременно руководит работой правительства и выполняет обязанности главнокомандующего. В конституции постулируется, что президент и вице-президент избираются прямым голосованием на шесть лет. Действующий президент не может быть переизбран на второй срок.

С 2001 г. пост президента на протяжении уже почти десятилетия занимает Глория Макапагал Арройо. Приход Глории Арройо к власти произошел после народных волнений и смещения с поста президента Джозефа Эстрады. Несмотря на заявления о том, что она больше не будет баллотироваться в президенты, в 2004 г. Глория Арройо тем не менее приняла участие в выборах, завершившихся ее победой. Законодательные основания для такого переизбрания косвенно содержатся в статье 4 конституции, утверждающей, что повторно свою кандидатуру не может выдвигать на выборах тот президент, который уже пробыл на своем посту в течение полных четырех лет. Вице-президент также избирается населением. Он занимает должность президента в случае досрочного ухода в отставку последнего.

Законодательная власть в стране представлена двухпалатным парламентом, состоящим из Сената и Палаты представителей. В состав Сената входят двадцать четыре человека, избираемых на шесть лет. Каждый сенатор может занимать свой пост не более двух сроков подряд. Палата представителей состоит из не более чем двухсот пятидесяти депутатов, 20% которых избираются по партийным спискам от национальных или региональных партий и организаций, а остальные — от избирательных округов. Палата представителей избирается сроком на три года. Каждый депутат не может занимать свой пост более трех сроков подряд.

На Филиппинах действует многопартийная система. Среди основных партий, представленных в парламенте, — коалиционный блок «Сила народа — Христианские и мусульманские демократы», Либеральная партия, Партия националистов и ряд других.

Судебная власть на Филиппинах представлена системой судов, включающей Верховный суд, суды общей юрисдикции и суды специальной юрисдикции. К последним относятся Апелляционный суд, Налоговый суд, а также специальный суд (*Sandiganbayan*), занимающийся делами, связанными с коррупционными преступлениями, совершенными государственными служащими.

В административно-территориальном плане Филиппины — это унитарное государство, подразделяющееся на провинции и самоуправляющиеся города. Провинции, в свою очередь, объединены в экономико-административные районы.

Несмотря на оптимистические надежды, сопровождавшие приход к власти действующего президента, современный политический процесс на Филиппинах все более оценивается исследователями с критических позиций. Взлет авторитаризма на Филиппинах был связан с двадцатилетним правлением президента Фердинанда Маркоса (1965–1986), нахождение у власти которого напрямую ассоциировалось с формированием патримониального олигархического режима. Руководитель страны, в первую очередь сам Маркос и его семья, извлекали экономические выгоды благодаря участию в государственных структурах и опираясь на систему патронажа, пронизывающую все филиппинское общество.

Формирование и закрепление такой системы в политической жизни страны уходит корнями еще в колониальный период, когда американские власти в русле подготовки филиппинцев к самоуправлению начали проводить в стране регулярные выборы на провинциальном и национальном уровнях. Из-за имущественного и образовательного цензов значительная часть местного населения, по сути, оказалась исключена из политического процесса, лидирующие позиции в котором заняла Партия националистов, действовавшая не на идеологической основе, а на базе системы патронажно-клиентельных связей и благодаря своему политическому усилению получившая доступ к национальным ресурсам. Такая модель участия в политической жизни стала прототипом для всех основных филиппинских политических партий и заложила основы формирования политико-экономической элиты страны¹.

¹ *Quimpo N. G.* The Philippines: Predatory Regime, Growing Authoritarian Features // *The Pacific Review*. 2009 (July). No 3. Vol. 22. P. 339.

Свержение Маркоса не означало автоматически безболезненного перехода к демократическому правлению. В 1980–1990-х годах в политику вновь вернулись многие представители политико-олигархических кланов доавторитарного периода. Существенным фактором, дестабилизирующим политическую обстановку в стране, стала также деятельность террористических и сепаратистских организаций (Абу Сайяф, Исламский фронт освобождения Моро).

Многие эксперты ассоциируют правление Глории Арройо с возрождением черт, традиционно характерных для филиппинской политической жизни, — особой ролью в политике влиятельных семей, коррупцией, патронажем, позволяющим обеспечивать лояльное власти большинство в выборных структурах управления¹. В то же время современный политический режим отнюдь не представляет собой аналог правления Маркоса, поскольку не является авторитарным по своей сути, хотя и не создает условий для реального демократического процесса. Не случайно отечественный исследователь В. Г. Федотова охарактеризовала современный тип развития филиппинского общества как «вестернизацию без модернизации»², подразумевающую лишь операциональное усвоение западных политических моделей без общественного развития в духе принципов этих моделей.

Частичное объяснение такому феномену можно найти в чертах традиционной политической культуры филиппинского общества, которая значительно расходится с принципами, лежащими в основе западных политических структур. Так, например, к базовым аспектам филиппинской политической культуры можно отнести понятие о внутреннем долге (*утанг на лооб*), подразумевающее необходимость оказать услугу в ответ на помощь, оказанную тебе другим человеком. При этом такое «возвращение долга» по сути превращается в циклические отношения, надолго связывающие людей. В общенациональном масштабе этот принцип перерастает в систему покровительства и патроната, широко распространенного в обществе.

Еще один важный психологический принцип связан с понятием так называемой «совместимости» (*накикисама*), подразумевающей умение находить компромисс и идти на уступки, а применительно к политической жизни — играть роль коллективного посредника и арбитра, примиряющего конфликтующие стороны. Интересно, что в кризисный период развития филиппинского общества в первой

¹ *Ibid.* P. 343–344.

² Федотова В. Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 18.

половине 1980-х годов роль такого посредника активно выполняла католическая церковь¹.

Отмеченные принципы составляют далеко не полный перечень этнопсихологических особенностей филиппинцев, оказывающих существенное влияние на политическую сферу. Однако их учет в комплексном анализе развития филиппинского политического режима свидетельствует о значительных трудностях в трансформации Филиппин по демократическому образцу и необходимости поиска собственной политической модели, соответствующей внутренним особенностям развития.

Бруней Даруссалам

По форме правления Бруней — абсолютная монархия во главе с султаном. Конституция Брунея принята в 1959 г.

Вся полнота исполнительной власти сосредоточена в руках султана, который является главой государства и одновременно занимает пост премьер-министра, а также министра обороны. С 1967 г. страной правит султан Хассанал Болкиах. Ряд ключевых министерств (например, Министерство иностранных дел) возглавляют родственники султана. В 1962 г. после попытки вооруженного восстания в стране было введено чрезвычайное положение, которое действует вплоть до сегодняшнего дня. Режим чрезвычайного положения наделяет султана дополнительными полномочиями в сфере управления страной. Согласно конституции при султানে действует специальный совещательный орган — Тайный совет, состоящий из регентов (если таковые назначены), лиц, входящих в совет по должности (премьер-министр, члены правительства), а также членов Совета, назначенных султаном. Философскую основу монархического правления в Брунее составляет концепция «малайской исламской монархии», подразумевающей приверженность малайским обычаям, исламскому вероучению и принципам монархического правления.

В соответствии с конституцией законодательная власть в стране осуществляется монархом и Законодательным советом. В реальности Законодательный совет был распущен в 1962 г. и возобновил свою деятельность только в 2004 г. В состав Законодательного совета входят шесть членов по должности (премьер-министр, некоторые министры, генеральный прокурор и советник по религиозным вопросам), пять государственных чиновников, назначенных султаном, и десять так на-

¹ Сумский В. В. Фиеста Филиппина: Реформы, революция и активное ненасилие в развивающемся обществе. Кн. 2. М.: Вост. Лит., 2003. С. 180–181.

зываемых «номинированных членов» — лиц, не занимающих государственных посты, но также назначаемых султаном. Официально в стране действует одна политическая партия — промонархическая Брунейская национальная объединенная партия.

Судебная власть включает в себя системы светских и шариатских судов. Шариатские суды рассматривают вопросы, связанные с исламскими религиозными нормами. В структуру светских судов входят Апелляционный суд, Верховный суд, Суд промежуточной инстанции, магистратские суды.

В административно-территориальном плане Бруней представляет собой унитарное государство, включающее четыре округа.

Политический процесс и политическая культура характеризуются превалированием традиционных черт. В стране, по сути, отсутствуют основания для существования состязательного выборного процесса. Ключевые государственные посты, а также добыча и экспорт энергетических ресурсов, составляющих основу экономику Брунея, контролируются королевской семьей.

Федерация Малайзия

Наиболее ярким примером сочетания западной либерально-демократической модели и самобытной традиции национальной политической культуры служит политическая система современной *Федерации Малайзии*.

Федерация Малайзия по своему государственному устройству является конституционной монархией. Но сама монархическая форма правления отличается значительным своеобразием, отображающим исторические особенности складывания этого государства.

Государственное устройство современной Малайзии наглядно отражает историю образования страны. Когда в конце XVIII в. англичане появились на Малаккском полуострове, здесь не существовало единого государства, а были мусульманские княжества, возглавляемые суверенными правителями. Княжества, расположенные на севере полуострова на границе с Сиамом, рассматривались сиамскими королями как находящиеся в вассальной зависимости от них. Хотя сами малайские правители не всегда разделяли эту точку зрения, время от времени они посылали к сиамскому королевскому двору «золотой цветок» — искусно сделанные из золота и серебра цветы, служившие в те времена символом признания могущества соседа.

Первым территориальным приобретением Англии в этом районе был остров Пинанг и лежащее напротив него побережье султаната Кедах,

полученные Британской Ост-Индской компанией в 1785 г. за военную помощь султану Кедаха. В 1824 г. между Англией и Голландией — двумя соперничавшими колониальными державами — был заключен договор, по которому Голландия уступила Англии город и форт Малакку и все зависимые от нее территории на полуострове в обмен на английское владение на Суматре.

Затем колониальная экспансия Британии распространилась на все малайские княжества. Одновременно англичане начали закрепляться и на севере острова Борнео (Калимантан). В 1841 г. английский авантюрист Джеймс Брук в обмен на военную помощь, оказанную им султану Брунея, получил под свое управление территорию Саравака и титул раджи. Саравак был превращен во владение «белых раджей» из семейства Брук, которые продолжали оставаться подданными британской короны. В 1888 г. Саравак и Сабах (еще одна территория Северного Калимантана) стали английскими протекторатами, а в 1946 г. — коронными колониями Англии.

Независимое государство Малайская Федерация было создано в 1957 г. в составе девяти княжеств полуострова и коронных колоний Пинанг и Малакка. В 1963 г. к нему присоединились колонии Англии на Северном Калимантане, а также Сингапур, правда, через два года вышедший из федерации. Так образовалась современная Федерация Малайзия.

Ныне действующая конституция вступила в силу одновременно с провозглашением независимости Малайской Федерации 31 августа 1957 г. В связи с образованием Федерации Малайзия 16 сентября 1963 г. в конституцию были внесены дополнения — Акт о Малайзии. Он не изменил существа Конституции 1957 г.

Государственное устройство современной Федерации Малайзия отличается значительным своеобразием. Страна представляет собой федерацию 14 территорий, расположенных на полуострове Малакка с прилегающими островами, а также на северной части острова Калимантан. Границы федеральных единиц сложились в процессе их исторического формирования. Национальные меньшинства никак не выделяются территориально.

Все федеральные единицы называются штатами, но их статус неодинаков. Девять из них, находящиеся на Малаккском полуострове, являются княжествами (султанатами), в которых и сегодня сохраняется феодальная система управления.

Малайские княжества возглавляют пожизненные правители, власть которых имеет наследственный характер. В семи княжествах они именуются султанами, в княжестве Перлис правитель называется раджа,

в султанате Негери-Сембилан — главный правитель (Янг ди-Пертуан Бесар). Дело в том, что Негери-Сембилан в переводе означает «девять государств» и это княжество представляет собой сложившееся к концу XVIII в. объединение более мелких княжеств, каждое из которых имеет своего наследственного правителя. Поэтому главный правитель Негери-Сембилан осуществляет власть как от своего имени, так и от имени глав княжеств, вошедших в Негери-Сембилан. Он избирается правителями самых крупных из этих княжеств. После его смерти они выбирают наследника из числа его потомков мужского пола. Если они посчитают их по каким-либо причинам (состоянию здоровья, возрасту) не подходящими для наследования власти, то избирается другое, более подходящее лицо, в первую очередь из братьев покойного правителя или из дядей со стороны отца и т.д. Только после того, как будут исчерпаны эти возможности, выбор может пасть на какого-либо другого кандидата.

Малайские султаны не обладают абсолютной властью в своих княжествах. Как и в других штатах Малайзии, в княжествах на основе всеобщих выборов избираются законодательные ассамблеи и формируются правительства во главе с министрами. Основные направления внутренней и внешней политики страны разрабатываются и реализуются центральным правительством во главе с премьер-министром. Тем не менее малайские султаны играют важную роль в политической жизни страны. Они обладают рядом привилегий и прерогатив. Среди особых прав султанов наиболее важное — избрание верховного главы государства.

Как уже говорилось, Федерация Малайзия — конституционная монархия. Но пост монарха — не наследственный. Избирать короля и быть избранным на этот пост имеют право только правители девяти малайских княжеств. Конференция правителей (Совет правителей) избирает из своего состава сроком на пять лет конституционного монарха, возглавляющего всю федерацию. Одновременно с верховным правителем также из глав султанатов избирается его заместитель, который осуществляет обязанности монарха, когда последний не в состоянии это делать.

На пост главы государства избирается обычно самый старший по возрасту в порядке очередности. Но нельзя повторно избирать султана королем, пока правители всех княжеств не побывают на этом посту. Первым верховным главой стал правитель княжества Негери-Сембилан, вступивший на этот пост 3 августа 1957 г.

Влияние традиционной политической культуры проявляется также и в том, что верховный правитель имеет самый высокий социальный статус и ранг в стране. За ним следует его жена, затем султаны и губерна-

торы. Верховный глава может быть отстранен от власти только решением Совета султанов. Монарх выполняет представительские функции главы государства, советуясь с парламентом и правительством.

Совет правителей, помимо избрания главы государства, также дает советы при назначении судей, генерального прокурора, членов Избирательной комиссии и Комиссии государственной службы, которая ведает назначениями на административные должности и перемещением государственных служащих. Совет принимает или отвергает законы, касающиеся вопросов, связанных с изменением границ княжеств.

Правители княжеств пользуются на своих территориях особыми привилегиями. Они юридически неприкосновенны. Им также принадлежат все права, prerogatives и полномочия главы религии в своем султанате. Исключительной prerogative султанов являются вопросы, связанные с национальными обычаями и традициями. Султаны поддерживают и регулируют систему социальной организации в своем княжестве.

Конституция Малайзии, наряду с отмеченными элементами традиционной политической культуры, санкционирует деятельность в стране также принципов и институтов либерально-демократической модели западного образца. Согласно конституции власть делится на законодательную, исполнительную и судебную.

Высшим законодательным органом Федерации Малайзия является федеральный парламент, который состоит из сената и палаты представителей. Председатель Сената и спикер Палаты представителей определяют дату начала сессии парламента, а Верховный правитель объявляет о его созыве. Парламент вырабатывает и утверждает законы, распространяющиеся на всю территорию страны. Он контролирует финансовую деятельность правительства и является местом выражения общественного мнения по вопросам, имеющим общенациональное значение.

Сенат состоит из 68 членов, 40 из которых назначаются верховным правителем за выдающуюся общественную деятельность, заслуги в своей профессии, коммерции, промышленности, сельском хозяйстве, культуре и службе на благо общества или в качестве представителей национальных меньшинств и лиц, защищающих интересы коренных народов. Назначаются также два представителя от федеральной столичной территории. Остальные 26 членов Сената — по два от каждого султаната и штата — избираются на их законодательных ассамблеях. Председатель Сената и его заместитель выбираются из числа сенаторов. Срок деятельности сенатора — 3 года. Сенатором может стать гражданин Малайзии не моложе 30 лет.

Палата представителей полностью выборная. Спикер и его заместители избираются членами Палаты представителей. Возрастной ценз Палаты представителей — 21 год.

Парламент функционирует в течение 5 лет со дня первой сессии, после чего считается автоматически распущенным. Затем в течение 2–3 месяцев должны быть проведены всеобщие выборы в Палату представителей.

Исполнительная власть реализуется правительством. Главой исполнительной власти является премьер-министр. Он должен обладать малайзийским гражданством по закону, а не иметь его путем регистрации или натурализации, а также быть членом Палаты представителей, а не Сената. Премьер-министр председательствует на заседаниях правительства, координирует его политику и административную деятельность министерств и ведомств. Он «дает советы» монарху при назначении судей, членов Избирательной комиссии, Комиссии государственной службы и других высших чиновников.

Верховный правитель назначает кабинет — Совет министров, состоящий из премьер-министра и не установленного конституцией числа министров, которые обязательно должны быть членами парламента (Палаты представителей или Сената). Министры назначаются «по совету» премьер-министра.

Как правило, правительство формирует партия, получившая большинство на всеобщих выборах и способная обеспечить себе поддержку в палате представителей. Лидер партии назначается премьер-министром. Если же этот лидер теряет доверие большинства членов Палаты представителей, то либо кабинет уходит в отставку, либо он просит, чтобы верховный правитель распустил парламент (фактически Палату представителей). Конституцией предусмотрено, что монарх может не согласиться с этим в том случае, если существует возможность создания иной партийной коалиции, способной получить вотум доверия в парламенте.

Судебная власть представлена Верховным судом страны, Высшим судом Малайи (для территорий Западной Малайзии, расположенных на Малаккском полуострове) и Высшим судом Борнео (для территорий Восточной Малайзии, расположенных на этом острове). В стране действует также сеть низших судов. Существует и система шариатских судов, решающих дела по вопросам брачно-семейных отношений исключительно среди мусульман.

Суд обладает правом толковать конституцию и законы, объявлять федеральные законы и законы султанатов и штатов недействительными,

если они не соответствуют конституции или федеральным законам, а также объявлять незаконными те или иные действия правительства. Суды юридически независимы и не входят в систему Министерства юстиции.

Избирательная система Малайзии имеет формально демократический характер. Всеобщие выборы в парламент проводятся раз в пять лет. Выборы прямые, всеобщие, равные и тайные. Все граждане страны, включая женщин, имеют право голоса. Согласно конституции в стране существует постоянно действующая Избирательная комиссия. Ее целью является охрана, наблюдение и поддержание демократического процесса в стране путем проведения справедливых выборов. Избирательная комиссия — независимый орган, председатель и члены которой назначаются верховным правителем после консультаций с Советом правителей.

В управлении отдельных султанатов также прослеживается переплетение традиционных и либерально-демократических институтов. Как уже отмечалось, девять султанатов представляют собой конституционные монархии. Наряду с наследственным правителем, который неизменно является представителем малайского этноса, в каждом султанате имеется своя конституция и демократические органы власти — законодательные ассамблеи. Законодательные ассамблеи состоят из одной палаты. Они осуществляют законодательные акты по вопросам, которые не зарезервированы федеральными законами и конституцией всей страны. Если возникает противоречие между законами султаната или федеральным законодательством, преобладает федеральный закон.

Остальные четыре федеральные территории (кроме особого столичного округа) возглавляются назначаемыми губернаторами. Губернаторы могут принадлежать к некоренным этносам Малайзии. Их права меньше, чем права султанов-малайцев. Они не входят в Совет правителей, не участвуют в выборах верховного правителя. В остальном власть в штатах построена по такому же образцу, как и власть в султанатах.

Население Малайзии крайне неоднородно по своему религиозно-этническому составу. Около половины составляют мусульмане, представленные в своем большинстве малайцами, некоторыми выходцами из Южной Азии и арабских стран. Лица китайского происхождения придерживаются буддизма, конфуцианства, даосизма, христианства. Среди индийцев есть приверженцы не только ислама, но и индуизма, сикхизма, христианства. Различных племенных культов придерживаются аборигенные этносы — семанги, сенои, джакуны, народы Северного Калимантана. Численность сторонников анимистических культов в последнее время идет на убыль в результате распространения ислама.

Большинство мусульман проживает в Западной Малайзии, в Восточной они уступают по численности христианам и анимистам.

В Конституции Федерации Малайзия (1957 г.), а также в Акте о Малайзии (1963 г.) содержатся статьи, отмечающие большое значение религии для духовной жизни народа и запрещающие дискриминацию на конфессиональной основе. Согласно конституции государственная религия в Федерации Малайзия — ислам, однако ислам объявлен официальной религией в Западной Малайзии и не является таковой для Восточной. Гарантируется свобода отправления и других религиозных культов, но сурово карается пропаганда иных верований среди мусульман.

Религия не отделена от государства. Однако в стране не существует лица, которое выступало бы в качестве единого для всей федерации главы ислама. Духовная власть над мусульманами в отдельных султанатах признается за султанами, а в штатах, где нет наследственных правителей, — за главой государства, верховным правителем. В компетенцию властей федеральных территорий Западной Малайзии, где ислам объявлен государственной религией, входит контроль за тем, как там претворяется шариат. Каждой из официально признанных религиозных общин дозволяется свободно распоряжаться своей собственностью, создавать и содержать благотворительные и миссионерские организации, учебные заведения. Государственные органы могут оказывать финансовую помощь конфессиональным учреждениям и одновременно контролировать их доходы и расходы.

При султанах и губернаторах действуют советы по вопросам ислама, иногда и адата. Таким советом (маджлисом) руководит муфтий.

Значительной спецификой отличается партийная система Малайзии. Здесь имеется около 30 политических партий. Характерной чертой служит разделение основного числа политических партий по этническому принципу. Крупнейшими партиями малайской общины являются Объединенная малайская национальная организация (ОМНО) — самая большая и влиятельная партия страны, базирующаяся на идеологии национализма, Исламская партия Малайзии (ПАС), основывающаяся на исламе, а также некоторые менее заметные партии. Интересы китайской общины отражают Китайская ассоциация Малайзии (КАМ), связанная с крупной китайской буржуазией, Партия демократического действия (ДАП), сформированная из представителей демократических кругов, и некоторые другие. От имени индийской общины выступает Индийский конгресс Малайзии (ИКМ). Ряд партий действует на межэтнической основе, выдвигая требования равенства всех этнических групп и общей демократизации страны. К ним относятся Партия справедливости, Народная партия и др.

Правящей партией с момента провозглашения независимости неизменно остается ОМНО. Она опирается на блок поддерживающих ее политику партий, объединенных в рамках Национального фронта (13 партий, представляющих все конфессиональные и этнические группы страны). Оппозицию правящему блоку составляют исламская ПАС, Партия справедливости, Народная партия и ряд других. Как и в Национальном фронте, в оппозиции представлены все конфессии и этносы Малайзии.

Малайзия — многонациональная страна. Ее этнографическая карта отличается пестротой. Одной из главных особенностей этнической структуры малайзийского населения является отсутствие ведущего этноса, который составлял бы абсолютное большинство.

Первое место по численности занимают малайцы, не составляющие и половины всего населения страны. На их долю падает около 48% всего населения. На втором месте по численности стоят китайцы — около 32%. Выходцы из стран Южной Азии, которых обычно называют индийцами, насчитывают примерно 8,5%. На долю всех остальных этнических компонентов малайзийского населения приходится примерно 10,9%. Сюда относятся многочисленные народности Северного Калимантана (даяки, кадазаны, дусуны, баджао и др.), автохтонные народности Малаккского полуострова — семанги, сенои, джакуны. Чтобы укрепить позиции коренного населения, в 1971 г. малайцы, народности Северного Калимантана и автохтонные жители Малаккского полуострова были объединены в единую группу коренных жителей под названием бумипутра (сыны земли).

Малайцы и другие коренные жители считаются гражданами Малайзии по закону. Автоматически гражданство страны получило также небольшое число лиц китайского происхождения, родившихся в Малакке и Пинанге. Остальное взрослое немалайское население должно получать гражданство путем регистрации и натурализации.

Для достижения большего сплочения полиэтнического и поликонфессионального общества страны, с целью создания в конечном счете единой малайзийской нации, в 1970 г. была обнародована национальная идеология Рукунегара (основы государства). Она включает пять принципов: веру в бога, преданность монарху и государству, уважение конституции, соблюдение законов, достойное поведение и выполнение норм морали. Провозглашается равенство граждан перед законом, запрещаются действия, задевающие чувства граждан других национальных групп, декларируется веротерпимость, несмотря на признание ислама государственной религией.

Серьезной проблемой в жизни современной Малайзии является сохраняющаяся разница в уровнях жизни между различными этноконфессиональными группами, доминирование немалайцев во всех наиболее прибыльных областях экономики. Бумипутра отстают от представителей других национальностей по уровню доходов. Для достижения фактического равенства основных этносов власти осуществляют политику по искоренению диспропорций в их развитии и степени участия в социально-экономической и политической жизни посредством различных мероприятий как экономического, так и политического характера. Конституция страны резервирует специальные права и привилегии бумипутра в отношении владения землей, государственной службы, получения образования, приобретения акций предприятий и т.д. Таким образом, своеобразие ситуации состоит в том, что для обеспечения реальной социально-экономической и политической демократии государству приходится идти на такие формально недемократические шаги, как сохранение политического преобладания бумипутра, ограничение политических прав китайцев и индийцев.

Элементы политической системы Малайзии находят отражение в национальной символике, прежде всего национальном флаге. Флаг Федерации состоит из 14 расположенных вдоль полотнища горизонтальных красных и белых полос одинаковой ширины. Они символизируют равноправное членство в Федерации 13 штатов и федеральной столичной территории. Правый верхний угол флага занимает синий прямоугольник, означающий единство народов страны. На нем символ ислама — полумесяц и звезда с равными 14 лучами, по числу федеральных единиц. Звезда и полумесяц желтые — цвет правителей княжеств. Среди элементов, составляющих герб страны, присутствуют национальные цвета федеральных территорий, малайская символика — кинжалы-крисы, национальный цветок Малайзии — хибискус (китайская роза).

Республика Индонезия

В политической системе современной *Индонезии* внешние проявления специфических черт национальной политической культуры менее заметны. Однако и здесь традиции оказывают немаловажное воздействие на политическую структуру и политические процессы.

Республика Индонезия провозгласила свою независимость 17 августа 1945 г., сбросив ярмо голландского колониализма. В настоящее время она превратилась в крупное государство с 220-миллионным населением, заняв по числу жителей четвертое место в мире (после Китая, Индии, США).

Индонезия представляет собой полиэтническое и многоконфессиональное государство.

В этническом отношении число больших и малых народов, по оценке разных ученых, колеблется от 100 до 367. Крупнейшие этносы проживают на Яве и прилегающих островах — яванцы (46,2% населения страны), сунданцы (13,1%), мадурцы (6%), на Суматре — малайцы (5,5%), минангкабау (3,9%), батаки (2,4%), ачехцы (1,5%), на Калимантане — банджары (1,5%), даяки (1,4%), на Сулавеси — макасары (1%), тораджи (0,9%). На Западном Ириане проживают папуасы (0,9%). Подавляющее большинство индонезийских народов обладают многими общими чертами в языке, культуре, образе жизни, имеют общее историческое происхождение. Все этносы в основном проживают компактными группами на своей исконной территории, однако в результате миграционных процессов на некоторых островах Индонезии образовались целые колонии переселенцев из других мест, в первую очередь с перенаселенной Явы.

Среди некоренных народов особое место, как по численности, так и по роли в жизни страны, занимают китайцы (до 6% всего населения). Китайские торговцы и мореплаватели посещали индонезийские острова уже много веков назад, но особенно интенсивно китайское население стало увеличиваться с середины XIX в. Составляя малую долю жителей, китайцы тем не менее контролируют значительную часть экономики промышленности, торговли, сферы денежного обращения.

С первых дней в суверенной Индонезии проводится политика равноправия всех народов и этнических групп, вне зависимости от их численности и уровня развития. Общенациональным языком является индонезийский, основанный на базе языка малайского этноса, составляющего лишь 5,5% всего населения страны, но исторически превратившегося в средство межнационального общения на архипелаге. Все индонезийские правительства активно пропагандируют идею единой индонезийской нации, однако процесс ее складывания еще далек от завершения.

В религиозном отношении подавляющее большинство индонезийцев причисляют себя к приверженцам ислама (87,5%). В стране имеются христиане — протестанты (6%), католики (3,6%) и приверженцы прочих христианских учений (0,8%), а также индуисты (1,8%), буддисты (1,3%), конфуцианцы (0,8%), анимисты (1,4%).

Конфессиональная принадлежность в основном коррелируется с этнической. Так, мусульманами являются главным образом представители крупных этносов — яванцы, сунданцы, минангкабау, малайцы, ачехцы.

Христианство исповедуют более малочисленные народности — амбонцы, тоба-батаки, тораджи, а также часть местных китайцев. Индуизм распространен главным образом среди балийцев, буддизм и конфуцианство — среди китайцев. Родо-племенных анимистических верований придерживаются даяки, папуасы.

Еще в период подготовки к провозглашению независимости страны были заложены основы индонезийской государственности с учетом национальной самобытности.

Стремление отразить национальную специфику в модели независимой индонезийской государственности нашло отражение в речи лидера национально-освободительного движения и первого президента страны Сукарно «Рождение Панчасила» и принятой 18 августа 1945 г. первой и ныне действующей Конституции Республики.

Панчасила (пять принципов) декларировались в качестве «философской основы» национальной индонезийской государственности. Первый принцип — монотеизм (вера в единого бога) — возглашал равенство всех существующих в стране религий, свободу вероисповедания, утверждал религиозную основу национальной государственности. Индонезийская специфика состояла в том, что эта религиозная основа не связывалась ни с одной из имеющихся в стране религий, в том числе и с исламом. Такая формулировка первого принципа была направлена против стремления части мусульман страны исламизировать индонезийское государство, сделать ислам государственной, привилегированной религией.

Второй принцип — гуманизм (или интернационализм) — говорил о миролюбии Индонезийского государства и неприятии шовинизма. Третий принцип — национализм — подразумевал создание независимого единого государства и построение единой нации. Четвертый принцип — демократия (или народность) — предполагал, что управление страной должно базироваться на волеизъявлении народа, широком обсуждении перед принятием решений. Пятый принцип — социальная справедливость подчеркивал стремление обеспечить благополучное существование всего народа. Принципы Панчасила вошли в преамбулу Конституции 1945 г. и составили ее идейную основу.

Конституция 1945 г. объявляла независимую Индонезию унитарным государством, президентской республикой с системой выборных представительных органов, декларировала основные права и свободы граждан (равенство перед законом, свободу слова, собраний, вероисповедания и т.п.), т.е. содержала важнейшие элементы западной либеральной демократии. Но имелись и существенные отличия от западной модели. Конституция не провозглашала прямо принципа разделения

властей — законодательной, исполнительной и судебной. Прерогативы президента включали широкие законодательные и исполнительные полномочия. К тому же, согласно статье 33 Конституции, экономика страны должна создаваться совместными усилиями на основе «семейности», т.е. в интересах не только отдельных собственников, но и всего народа при руководящей роли государства. Эти положения конституции отразили сугубо индонезийские подходы к функционированию государственно-политической и экономической систем, вытекающие из традиций жизни и деятельности деревенской общины. На это прямо указывал Сукарно.

Высшим представительным органом власти является Народный консультативный конгресс (НKK). В лице этого органа народ осуществляет свой суверенитет. Его членами могут быть граждане Индонезии, достигшие 21 года, верующие в бога, хорошо владеющие индонезийским языком, признающие принципы Панчасила. НKK состоит из депутатов Совета народных представителей (парламента) и, согласно поправкам 2002 г. к Конституции 1945 г., членов Совета представителей регионов (СПР). НKK наделен правом принимать и изменять конституцию, определять генеральный курс государственной политики. Срок деятельности НKK — пять лет.

Совет народных представителей (парламент) формируется на основе всеобщих выборов. Он утверждает бюджет страны и представляемые правительством законопроекты. Совет представителей регионов формируется из равного числа представителей от каждой провинции, избираемых посредством всеобщих выборов. Он участвует в обсуждении вопросов, связанных с развитием провинций страны.

До недавнего времени президента и вице-президента Индонезии избирал НKK. Однако согласно принятым в 2002 г. поправкам президент и вице-президент отныне избираются непосредственно народом на всеобщих выборах, сроком на пять лет. Президентом Республики может быть только гражданин Индонезии.

По конституции при президенте создается Высший совещательный совет, наделенный правом давать консультации президенту по его запросам, а также вносить свои предложения правительству относительно тех или иных проблем. Совет формируется президентом из представителей политических партий, функциональных групп. В последние десятилетия этот орган не играет важной роли в политической жизни страны.

Президент Республики Индонезия имеет широкие законодательные и исполнительные полномочия. Именно он управляет государством. Президент наделен правом издавать по согласованию с парламентом

законы и утверждать постановления правительства. Ему принадлежит важная роль в формировании законодательных органов власти. С согласия парламента президент объявляет войну, заключает мир и договоры с другими государствами. Он может объявлять в стране чрезвычайное положение. Являясь главой исполнительной власти, президент единолично решает вопросы назначения и снятия с постов министров правительства. Президент является Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами страны, назначает послов и консулов, обладает правом амнистии и помилования, присвоения званий и почетных знаков отличия.

В случае смерти президента, отказа его от должности или невозможности исполнять обязанности до истечения срока полномочий его заменяет на оставшийся период времени вице-президент. Перед вступлением в должность президент и вице-президент приносят присягу перед НКК или парламентом.

Возглавляемый президентом кабинет министров наделен правом издавать с согласия парламента законы. Назначаемые президентом министры возглавляют правительственные департаменты (министерства) и оказывают президенту помощь в его деятельности. Правительство Республики Индонезия и отдельные его члены неподотчетны парламенту.

Судебная власть в стране осуществляется Верховным судом и другими судебными органами. Члены Верховного суда назначаются президентом. Они должны быть гражданами Индонезии и иметь высшее юридическое образование. При Верховном суде действует Генеральная прокуратура во главе с генеральным прокурором, назначаемым президентом. Верховному суду принадлежит право высшего надзора за деятельностью остальных судебных органов страны. В качестве суда последней инстанции Верховный суд наделен правом рассматривать кассационные жалобы на приговоры и решения, вынесенные нижестоящими судами. Верховный суд имеет также консультативные функции: он дает свои заключения президенту или правительству страны по вопросам, связанным с толкованием конституции, и другим юридическим проблемам. Верховный суд и все остальные суды в осуществлении своей юридической деятельности формально независимы от исполнительной власти.

В Республике Индонезия действует также система мусульманских шариатских судов. Она представлена судами нескольких ступеней. Низшая ступень — суд кади при приходе той или иной мечети, средняя — окружные шариатские суды, высшая — Верховный шариатский суд. На Яве и Калимантане сфера исламской юрисдикции ограничена

решением брачно-семейных отношений, в остальных местностях дополнена разбором тяжб о наследстве, а также вопросов, связанных с вак-фами — средствами либо имуществом, пожертвованными отдельными лицами или государством на религиозные и благотворительные цели.

В административном отношении Республика Индонезия состоит из 32 провинций и одной особой территории, на которой расположена столица страны — Джакарта. Власть в провинции возглавляет губернатор и провинциальный Совет народных представителей. Губернатор провинции назначается президентом при предварительном обсуждении его кандидатуры с местным Советом народных представителей. Губернатор является государственным должностным лицом, не несущим ответственности перед провинциальным Советом народных представителей. Губернатор утверждается сроком на пять лет. Ему помогает вице-губернатор, также назначаемый президентом. Губернатором и вице-губернатором могут быть индонезийские граждане не моложе 35 лет, обладающие необходимой подготовкой, поддерживающие принципы Панчасила и Конституцию 1945 г., не связанные прямо или косвенно с запрещенными организациями.

Провинциальные Советы народных представителей избираются посредством всеобщих выборов сроком на пять лет. Они наделены правом утверждать бюджет провинции и решать другие вопросы, связанные с управлением провинции.

Избирательная система Индонезии предоставляет право голоса всем гражданам страны не моложе 17 лет или вступившим в брак до 17 лет.

Несмотря на то что основная масса индонезийского населения считает себя мусульманами, в стране нет государственной или официальной религии. Конституция гарантирует свободу вероисповедания и отправления культов. Однако религиозная основа индонезийской государственности, закреплённая первым принципом Панчасила, автоматически исключает свободу совести и атеизм.

Национальная символика Республики Индонезия несет на себе отпечаток традиционных ценностей и представлений, а также самобытных черт политической культуры и политической системы. Государственный флаг состоит из двух горизонтальных полос — красной и белой. Эти цвета традиционно считаются цветами малайских народов.

Национальный герб изображает мифическую птицу Гаруду, являющуюся символом творческой энергии и созидания. На распростертых крыльях Гаруды имеется по 17 перьев, хвост птицы состоит из 8 перьев, грудь Гаруды покрыта 45 чешуйками. Эти цифры символизируют дату провозглашения независимости — 17 августа 1945 г. Грудь Гаруды по-

крывает щит, символизирующий борьбу и защиту. Он разделен на пять секций — по числу принципов Панчасила.

Центральная секция щита с золотой звездой на черном поле символизирует первый принцип — веру в единое божественное всемогущество, монотеизм. На боковых секциях — двух красных и двух белых (соответствующих цветам национального флага) — изображены: голова быка, по индонезийскому поверью связанная с национальным самосознанием, славой и могуществом (принцип национализма); дерево варингин (индийская смоковница), считающееся у индонезийцев священным и знаменующее принцип демократии и народного суверенитета; замкнутая цепь, состоящая из круглых и квадратных звеньев, олицетворяющих женское и мужское начало и означающих неразрывное единство людей (принцип гуманизма и интернационализма); ветки риса и хлопка, означающие пищу и одежду и выражающие благосостояние народа (принцип социальной справедливости).

В лапах Гаруда держит ленточку, на которой начертано: «Единство в многообразии» — слова индонезийского средневекового поэта, ставшие девизом унитарного индонезийского государства, население которого имеет ряд национальных, языковых, культурных и других различий.

В Индонезии действует многопартийная система. До 1998 г. было разрешено существование только двух политических партий, а также «партии власти» Голкар, которая формально политической партией не считалась. С уходом президента Сухарто в отставку в стране начался бурный процесс формирования политических партий и организаций. К началу XXI в. в Индонезии было зарегистрировано 48 партий. Многие из них базировались на исламе, ряд организаций — на других религиях, а также на принципах Панчасила, национализме. В качестве наиболее массовых и влиятельных выделились семь партий. Среди них — Голкар, который тоже официально превратился в политическую партию, лишенную прежних привилегий, а также Индонезийская демократическая партия борьбы, отколовшаяся от Демократической партии Индонезии и возглавляемая дочерью первого президента Индонезии Сукарно Мегавати Сукарнопутри. В число влиятельных партий входит Демократическая партия Индонезии.

В стране, которая обладает самым крупным в мире мусульманским населением, возникло более десятка исламских партий, так или иначе связывающих свои идеологические и программные установки с догматами мусульманской религии. Наиболее влиятельной и активной стала Партия национального мандата (ПНМ), созданная и возглавленная одним из лидеров крупной религиозно-просветительной

организации мусульманского модернизма Мухаммадийя, профессором социологии и политологии университета Гаджах Мада в Джокьякарте Амином Раисом. Свою политическую Партию национального пробуждения (ПКП) образовали и деятели самой большой в Индонезии религиозно-просветительной организации Нахдатул Улама (Возрождение улемов). В отличие от Мухаммадийи Нахдатул Улама придерживается традиционного индонезийского ислама, нередко смешанного с доисламскими культурно-религиозными традициями. Духовным руководителем религиозно-просветительной организации и вновь созданной политической партии ПКП являлся Абдурахман Вахид. Партия национального пробуждения не связывает напрямую свою идеологию с исламом, положительно относится к принципам Панчасила, которые, хотя и провозглашают религиозную основу индонезийской государственности, тем не менее не ассоциируют эту религиозность ни с какой конкретной религией, придерживаясь религиозного плюрализма и свободы вероисповедания. ПНП объявила себя открытой для вступления приверженцев разных религий. В свою очередь, руководство Нахдатул Улама разрешило участникам этой религиозно-просветительной исламской организации становиться членами любой, не обязательно мусульманской партии.

В Индонезии имеется значительное число общественно-политических организаций и группировок, выступающих за превращение страны в исламское государство.

Республика Сингапур

Политическая система Сингапура, на первый взгляд, наиболее соответствует западной либерально-демократической модели. Однако за формально демократическим фасадом довольно явственно прослеживаются авторитарные традиции, присущие политической культуре конфуцианской цивилизации.

Сингапур является суверенным государством с республиканской формой правления. Бывшая коронная колония Великобритании, Сингапур в 1959 г. получил статус «самоуправляющегося государства» под опекой Англии, 16 сентября 1963 г. вошел в состав Федерации Малайзия, а 9 августа 1965 г., выйдя из состава Малайзии, провозгласил себя самостоятельным государством. Официальное название — Республика Сингапур.

Население страны насчитывает 4,2 млн человек. Это полиэтническое государство, в нем живет более двух десятков народов, которые обычно объединяются в четыре основные группы: китайскую, малайскую, индийскую и «прочие».

Жители Сингапура принадлежат к разным вероисповеданиям. Около 56% составляют буддисты и даосисты, в большинстве своем китайцы. Мусульмане составляют 16%, среди них преобладают малайцы. К христианской конфессии принадлежит 10% населения, приверженцы индуизма составляют 4% населения.

Статус Сингапура как независимого государства закреплен Конституцией Республики Сингапур. Основу конституции до 31 марта 1980 г. составляли следующие документы: Акт о независимости Республики Сингапур 1965 г.; Конституция Сингапура времен пребывания в составе Федерации Малайзия, а также отдельные положения Конституции Малайзии, действующие в условиях Сингапура. 31 марта 1980 г. был опубликован переизданный текст Конституции Республики Сингапур, в который вошли и некоторые положения Конституции Малайзии.

Сингапур провозглашается суверенной светской республикой. Конституцией утверждается принцип равенства граждан независимо от национальной принадлежности, происхождения и вероисповедания. Правительственная политика в национальном вопросе направлена на формирование общесингапурского самосознания при сохранении культурных традиций отдельных этносов, составляющих население города-государства. Наряду с этим Конституция Республики узаконивает положение сингапурских малайцев как коренных жителей острова, но, в отличие от Малайзии, предоставляет им привилегии лишь в области образования. Малайский язык объявлен государственным, однако английский, китайский и тамильский имеют статус официальных языков.

Согласно конституции все граждане, достигшие 21 года, независимо от пола, национальности, вероисповедания, образования и размеров дохода, имеют право избирать и быть избранными. Выборы всеобщие и прямые, при тайном голосовании.

Сингапур — парламентская республика. Однопалатный парламент является высшим органом государственной власти. Срок полномочий парламента — пять лет.

Работу парламента возглавляет его председатель (спикер). Парламент избирает президента республики сроком на четыре года. Президенту помогает вице-президент.

Функции президента — формального главы государства носят в основном символический характер, поскольку все его конституционные права осуществляются правительством. Полномочия главы государства в формировании правительства на практике имеют номинальное значение. Право назначения президентом гражданских и военных чиновников также лишено реального смысла, поскольку это делается правительством, хотя и от имени главы государства. Такие важные права президента, как

ропуск парламента, досрочный перерыв сессии, издание указов и т.п., осуществляются правительством, хотя и от имени главы государства.

Согласно конституции президент утверждает лидера партии большинства на посту премьер-министра. Премьер-министр назначает своего заместителя и министров. Назначения утверждаются главой государства. Премьер-министр и его кабинет несут коллегиальную ответственность перед парламентом.

Канцелярия премьер-министра вырабатывает общеполитический курс правительства, координирует работу министерств и управляет местной администрацией. Она осуществляет проведение выборов, рассматривает вопросы, связанные с религией.

Высшим судебным органом страны является Верховный суд. Его члены назначаются президентом после согласования с премьер-министром. Верховный суд и судьи формально независимы от исполнительной власти. Генеральная прокуратура во главе с генеральным прокурором утверждается президентом после согласования с премьер-министром.

В Сингапуре зарегистрировано 20 политических партий. Однако с момента провозглашения независимости и до настоящего времени доминирует единственная партия — Партия народного действия (ПНД). Все другие партии находятся на периферии политической системы и не оказывают заметного влияния на ее функционирование.

Государственный флаг Республики Сингапур состоит из двух равных горизонтальных полос — красной и белой (малайская цветовая символика). В верхнем левом углу — белый полумесяц, в серпе которого по кругу располагаются пять белых звезд. Они символизируют нарождающуюся нацию, озаренную идеалами демократии, мира, прогресса, справедливости и равенства. Национальный герб изображает щит, на красном поле которого расположен белый полумесяц и пять звезд. С левой стороны щит поддерживает лев — символ Сингапура, а с правой — тигр, символизирующий исторические связи острова с Малайзией. Под щитом синий стяг, на котором по-малайски начертан девиз: «Процветай, Сингапур».

Специфика формирования и функционирования политической системы Сингапура состоит, прежде всего, в том, что процесс демократизации общественной жизни контролируется сверху. Государство продолжает оставаться главным инициатором преобразований на экономическом, политическом и социальном уровнях, в том числе и в строительстве гражданского общества. Развитие демократии происходит в рамках формально многопартийной системы при фактическом доминировании одной партии — ПНД. Официальная идеология Сингапура построена на противопоставлении азиатских ценностей, традиционного

гуманизма технократизму Запада, отчуждению личности и дегуманизации всей жизни.

В обществе наблюдается переплетение демократических идей с сохраняющимися элементами традиционной, в первую очередь конфуцианской, политической культуры. При этом многонациональный состав населения страны побуждает идеологов к выбору универсального в традиционном наследии, что не входило бы в конфликт с основными ценностными ориентациями других этноконфессиональных групп.

Таким образом, сложившаяся в Сингапуре государственно-политическая система, имея большое формальное сходство с западными либерально-парламентскими демократиями, по целому ряду функциональных параметров весьма заметно от них отличается.

* * *

Краткий обзор формальных аспектов существующих в странах Юго-Восточной Азии политических систем и их реального содержания с точки зрения современных политических процессов позволяет сделать вывод о достаточно широком спектре политических режимов, сложившемся на данный момент в регионе. Большинство этих режимов, однако, обладают некоторыми общими чертами, выражающимися в их гибридном характере, подразумевающим сочетание зачастую только общего контура демократических моделей с особым наполнением, продуцируемым структурами местной политической культуры и национальной спецификой политического процесса. Практика показывает, что, несмотря на склонность к компромиссам в политической жизни, характерной для политического пространства многих стран Юго-Восточной Азии, развитие только тех из них оказывается относительно бесконфликтным и политически успешным, где внутренние особенности находят адекватную современности форму внешнего выражения.

4

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МОНГОЛИИ

Традиционные институты и структуры (XII–XVII вв.)

Монгольская политическая культура и политические системы в ходе длительного исторического развития прошли различные этапы и претерпели существенную эволюцию. Условно можно выделить 5 больших исторических периодов, на каждом из которых монгольский политический процесс и институты представляли собой в качественном и количественном (географическом, демографическом, геополитическом) отношениях различные по форме и характеру влияния явления. Каждая историческая фаза предлагала свой вариант «прочтения» проблем монгольской политической идентичности и культуры:

- Великая империя Чингисхана в XII–XIII вв.;
- постимперский период распада единого Монгольского государства и раздробленность в XIV–XVII вв.;
- «китайская» Монголия, т.е. период владычества Цинской империи на монгольских землях и развитие Монголии в рамках китайской политической системы в XVII — начале XX в. (1911 г.);
- «советская» Монголия, т.е. фаза развития политических институтов Монголии в условиях доминировавшего политического и идеологического влияния СССР в 1921–1990 гг.;
- постсоветская, демократическая Монголия: с 1990 г. по настоящее время.

В дочингисхановские времена в социально-экономическом и политическом отношениях монгольская идентичность базировалась на таком мировом явлении, как *«кочевое государство»*. Оно определяло основные параметры и закономерности развития монгольской политической культуры, политической системы и государственности (*кочевые каганаты*). Несомненно, что феномен *«кочевого государства»* — это комплексный традиционный анклав монгольской идентичности, который, пройдя столетия, с теми или иными (технологическими, психологическими и социально-экономическими) корректировками сохранил свое законное место в современной структуре монгольского общества и политической культуре.

Исходя из методологической посылки, при анализе понятия «Монгольское кочевое государство» целесообразно применять классификацию А. Тойнби, который выделял 3 основных класса цивилизаций: 1) «раскрывшиеся»; 2) «не родившиеся», или «эмбриональные», и 3) «застывшие» цивилизации. К последним А. Тойнби первоначально относил монголов. В более поздней классификации он присоединил монголов и калмыков к уже тибетской — «раскрывшейся» цивилизации¹. Подобное противоречие не случайно, так как понятие «*кочевое монгольское государство*»/«*кочевая монгольская цивилизация*» — достаточно сложное, комплексное явление, вобравшее противоречивые элементы. Условно, исходя из комплексного характера данного явления, можно выделить его следующие составные части:

- классический нomaдизм², с постоянными и повторяющимися циклами кочевого животноводства и особой ролью природной среды (пастбища, скот и пр.);
- махаянистический ламаизм, выросший на основе тибетского варианта буддизма и в XVI в. пришедший на монгольские земли;
- китайский компонент влияния, усилившийся в период господства Цинов в Монголии (в XVII — начале XX в., 1911 г.) и деформировавший, а отчасти и уничтоживший ряд традиционных политических элементов монгольской политической системы и идентичности в районах Внутренней Монголии;
- российский (советский) компонент влияния (1921—1990 гг.), также деформировавший либо полностью уничтоживший ряд традиционных монгольских институтов (традиционную социальную структуру, включая монгольские духовные и княжеские элиты, ламаизм, кочевое животноводство, институт теократической монархии);
- современные элементы «вестернизации», сказывающиеся на появлении в монгольском обществе западных экономических и идеологических моделей и ценностей, ранее нетипичных для монголов.

¹ *Toynbe A. J. A Study of History. L., 1961. Vol. 12. P. 561.*

² Монгольский нomaдизм базировался на повторяющихся циклах кочевого животноводства, прямой зависимости от природной среды, а в идеологическом и духовном аспектах — идеях Великого Курултая (степного парламента), оживавших в моменты исторического выбора народа. Большое влияние на души монголов до XVI в. (появления ламаизма) оказывал шаманизм — древняя народная религия кочевников, по которой Небо («Голубое Небо», «Вечное Небо») — высший представитель сил природы, верховное божество, дарующее жизнь и душу, управляющее миром и руководящее делами человека.

Исторические корни политической культуры и государственности связаны и во многом обусловлены феноменом мировой империи Чингисхана (Тэмучина), радикально повлиявшей на все стороны жизни монгольских кочевников, а также историю, культуру и быт соседних народов и государств. За сравнительно короткий исторический период мирный монгольский кочевник превратился в свирепого и жестокого завоевателя, покорившего полмира. Эпоха Чингисхана и его наследников (XII—XIII вв.) стала периодом пробуждения монгольского национально-го самосознания. На огромных просторах Евразии за короткий исторический срок (35—40 лет) была создана империя — своеобразный кочевой вариант восточной деспотии, объединившей на короткий период целую систему больших и малых государств, племен и племенных объединений Центральной, Северо-Восточной и Средней Азии, Сибири, Закавказья и части Восточной Европы.

Как известно, начало этому было положено в 1206 г., когда в монгольских степях на степном собрании (Курултае) Тэмучин был провозглашен Чингисханом и объявлено о создании Великого Монгольского ханства под его властью. Первоначально государство объединило все монгольские народы, имевшие общие исторические корни, а уже затем речь пошла и об объединении других народов. Особенностью созданного чингисхановского государства было: а) сосуществование различных цивилизаций, религий и культур; б) наличие единой столицы (ставки) — г. Каракарума; в) ограниченное действие традиционной монгольской правовой системы (Яса Чингисхана)¹, которая работала только в собственно монгольских землях; г) абсолютистский, диктаторский тип управления, основанный на прямом военно-административном подчинении через монгольскую родовую элиту; д) наличие широкой сети высших военных и ханских наместников на подчиненных землях; подвижность границ империи.

Основной результат средневековой монгольской политической трансформации — распад бывшей империи Чингисхана на различные монгольские союзы, конфедерации и улусы. В XV—XVII вв. на территории бывшего Монгольского ханства существовали: княжество Халха (во Внешней Монголии), Джунгарское (Ойратское) ханство на территории Западной Монголии, Южная (Внутренняя) Монголия, Восточная Монголия (Барга), Урянхайский край (Тува). В условиях постоянных междоусобных войн за центральную власть наиболее предпочтительно

¹ Яса Чингисхана не действовала в русских княжествах, входивших в состав Золотой Орды, а также в отдельных ханствах Средней Азии и Закавказья.

выглядело Джунгарское ханство. Ойраты были более организованны и сплоченны.

Проникновение из Тибета в Монголию новой религии — ламаизма (разновидности буддизма Махаяны) в XV–XVI вв. стало прологом создания буддийской Монголии. Роль и значение ламаизма для монголов было не меньшее, чем походы Чингисхана. Под влиянием этой религии за 200–300 лет монголы из бесстрашных и свирепых завоевателей превратились в покорных и мирных монахов. Монгольская идентичность радикально изменилась. Фактически на месте бывшей военной империи в монгольских степях Центральной Азии произошло создание системы теократических ламаистских монархий.

Наиболее показательным этот процесс пошел во Внешней Монголии (Халха-Монголии), где сложился государственный «институт» перерождения монгольских Богдо-гэгэнов под влиянием тибетской традиции избрания главой ламаистской церкви и государства одного из перерожденцев — хубилганов-хутухт. В этих условиях представители родовых кланов Чингисхана в плане активности и влияния на государственные дела постепенно отходили на второй план, а на их место приходила высшая духовная элита Богдо-гэгэна — да-ламы и хутухты. К XVII в. Внешняя и Внутренняя Монголия покрылись сетью ламаистских храмов, а большая часть мужского населения превратилась в лам, давших обет безбрачия, что повлияло на сокращение численности населения.

В целом для политической системы и культуры монгольских ханств и княжеств этого периода была характерна достаточно быстрая и радикальная смена ценностей и приоритетов: переход от стереотипов монгольского мирового господства к региональным моделям суверенитета и различным вариантам борьбы отдельных монгольских князей за власть в отдельных ханствах. На фоне интенсивной ламаизации активно формируется новый тип монгольской государственности — *теократическая монархия Богдо-гэгэна*. Последняя радикально отличалась от империи Чингисхана как по геополитическим амбициям и границам, так и внутреннему устройству. Главная цель монгольской монархии — сохранение буддийских ценностей и законов. В отличие от государства Чингисхана монархия Богдо-гэгэна не была сориентирована на внешнюю экспансию и постоянное расширение границ и территорий. По методам управления это была более мягкая и демократичная модель с ярко выраженной тенденцией смены правящих элит — заменой светских княжеских элит на духовные кланы.

Внешние факторы влияния на культурно-политические процессы и системы Монголии (XVII — конец XX в.)

В XVII в. монгольская история вступает в полосу тяжелых испытаний, связанных с началом *китайского (цинского) владычества*. Китай деформировал систему традиционных монгольских институтов и поставил под вопрос вообще смысл и необходимость существования независимого Монгольского государства в любой его форме. Период цинского господства явился серьезным вызовом и тяжелым испытанием для монголов.

История подчинения монгольских княжеств Китаю происходила следующим образом. В 1582 г. южномонгольский князь Даян-хан налаживает отношения с Минским Китаем. Территории к югу от пустыни Гоби до Великой Китайской стены вошли в состав Поднебесной. Одновременно между южномонгольским ханом — Лигдэн-ханом и маньчжурскими князьями в 1604—1634 гг. начинаются войны. Фактически маньчжуры еще до захвата Пекина (1644 г.) и основания Цинской династии предприняли серию завоевательных походов против южномонгольских князей. В результате в 1624—1635 гг. первые князья Южной (Внутренней) Монголии перешли на сторону маньчжуров.

После образования Цинской (маньчжурской) империи, в условиях междоусобной войны халхасских и джунгарских ханств, в 1691 г. Пекин организует съезд князей Внутренней и Внешней Монголии, на котором в присутствии маньчжурского императора Кан Си принято решение о вхождении монгольских земель в состав Поднебесной. Заключительный этап формирования «китайской» Монголии приходится на конец XVII — начало XVIII в., когда в ходе завоевательных походов Пекина было уничтожено независимое Джунгарское (Ойратское) ханство. Остатки ойратских племен укрылись от геноцида Китая на российской территории, превратившись впоследствии в калмыцкий этнос.

В результате китайских преобразований маньчжурский император был объявлен богдо-ханом всех монгол и верховным владельцем монгольских земель. Отныне монгольские князья стали получать титулы и звания от маньчжурской власти. Старое деление на улусы и тумэны было ликвидировано, вместо них было введено деление на аймаки и хошуны. Произошло (де-факто и де-юре) уничтожение государственной независимости монгольских государств. Политическая система и политическая культура Монголии стали развиваться в рамках Китайской империи и ее политических институтов в условиях растущего культурно-цивилизационного давления ханьцев на самобытную кочевую культуру монголов. С одной стороны, это был период политической и экономической стагнации монгольского общества, а с другой — начало активной ассимиляции

Китаем территорий Монголии (в первую очередь Внутренней Монголии). Монгольская светская элита (князья) стала напрямую зависеть от Пекина и маньчжурских чиновников. В меньшей степени такую зависимость испытывали духовные лидеры Монголии — высшие ламы, хутухты и руководитель монгольской церкви — Богдо-гэгэн. Духовная знать проявляла недовольство попытками Китая поставить под свой контроль религиозную жизнь монголов.

Наместники маньчжурской администрации (амбани) в городах Урге, Кобдо и Улясутае фактически управляли Монголией. С XIX в. монгольские районы интенсивно заселяются китайскими колонистами, которые стали активно распахивать и обустраивать пастбищные земли монгольских кочевников.

Международно-правовое положение Монголии определялось системой русско-китайских договоров и соглашений середины XIX в. и китайской политикой «нового курса» конца XIX — начала XX в., отменявшего все ограничения для деятельности китайского капитала в Монголии и открывшего путь для прямой колонизации монгольских земель.

Ключевым элементом, определявшим особенности международно-го положения Внешней Монголии, являлось противоборство России и Китая, которое как особая форма взаимодействия Запада и Востока имело не только территориально-историческую, но и более широкую межцивилизационную значимость. Судьбы малых народов по границам этого исторического спора находились в прямой зависимости от хода и особенностей данного противостояния. Монголоязычные народы были в прямом смысле в «эпицентре» данного противостояния и к 1911 г. продолжали оставаться разделенными границами нескольких государств — население Внешней и Внутренней Монголии находилось в составе Китая, племена Бурятии — в составе Российской империи, а Тува (Урянхайский край) до 1911 г. формально была частью Китая, а в 1914 г. перешла под протекторат царской России. Внутренняя Монголия, тысячью нитей связанная с Китаем в экономическом и политическом плане, к этому времени уже была более интегрирована в китайскую жизнь, в то время как Внешняя Монголия, пытаясь сохранить свою самобытность, явно тяготела к Российской империи.

В декабре 1911 г. Внешняя Монголия, воспользовавшись кризисом в Цинском Китае, приведшим к Синьхайской революции 1911–1913 гг., провозгласила свою независимость, которая в 1915 г. Россией, Китаем и Внешней Монголией специальным тройственным соглашением (Кяхтинским) была сведена до уровня автономии в составе Китая. Несмотря на международные перипетии, во внутреннем плане монголы

фактически восстанавливают на короткий период в 1911–1919 гг. свою национальную государственность в форме теократической монархии. В 1911 г. светским и духовным правителем Внешней Монголии был провозглашен *Богдо-гэгэн*¹. Созданное Монгольское государство — буддийская (ламаистская) монархия — реанимировало духовные и политические институты монгольского общества, существовавшие до захвата Монголии Китаем. Это был короткий период возрождения традиционных ценностей — «желтой религии», политической независимости. В эти годы была предпринята также попытка объединения всех монгольских племен (Внешней, Внутренней Монголии) под знаменем Богдо-гэгэна, получившая позже название *движение панмонголизма*. В данном движении просматривались как мотивы из истории империи Чингисхана, объединившего все монгольские племена, так и антикитайские настроения, усилившиеся после XVII в. Фактически *движение панмонголизма* явилось общемонгольской объединительной политической доктриной, выражавшей интересы как элиты, так и простых аратов². В этих условиях главным врагом монголов оставался Китай, а основным другом и союзником — Россия. Не случайно высшие монгольские князья и ламы в 1911–1914 гг. отправили три официальные миссии к «Белому царю» — Николаю I с просьбой о помощи.

Кяхтинская система, оформленная в 1915 г., в международном плане поддержала сложившуюся политическую систему во Внешней Монголии — монгольскую теократическую монархию, сохранив традиционную политическую систему монголов. Она дала возможность Внешней Монголии также частично реализовать себя в качестве субъекта международных отношений, хотя и в определенных пределах. Децентрализация власти в Китае в 1915–1919 гг. и распад Российской империи в 1917 г. разрушили систему, сложившуюся в 1915 г., превратив Монголию в испытательный полигон для социальных экспериментов белых атаманов и большевистских лидеров.

Большевистское правительство, как известно, рассматривало Дальний Восток — Китай, Корею, Монголию как некий «запал» мирового революционного пожара. В июле 1921 г. в Урге (столице Внешней Монголии) с помощью отрядов Красной армии и уполномоченных Комин-

¹ *Богдо-гэгэн* — полное имя Богдо-гэгэн Джебвден-дамба хутухта VIII, глава монгольской церкви, согласно ламаистским канонам перерожденец, умер в 1924 г. в г. Урге (Улан-Баторе).

² В советской историографии движение панмонголизма трактовали как исключительно реакционное прояпонское движение атамана Семенова 1919 г. Фактически панмонголизм был значительно шире, являясь по сути монгольской национально-освободительной идеологией XIX — начала XX в.

терна была установлена «народная» власть монгольской революционной партии во главе с Д. Сухэ-Батором и Х. Чойбалсаном. Таким образом, эпоха существования традиционной монгольской политической системы и культуры за 800 лет развития закончилась. Начиналась новая эра монгольской истории, в которой определяющим стал советский фактор влияния после 1921 г.

В 1921–1928 гг. в Монголии идет болезненная смена правящих элит, насаждение новых (революционных) ценностей и стереотипов. Правящая Монгольская народно-революционная партия (МНРП), подготовленная в кадровом и идеологическом отношении Восточным секретариатом Коминтерна в Советской России, взяла курс на создание новой, «революционной» политической системы, ориентированной на социалистические, классовые ценности.

В 1924 г. после смерти главы теократической монархии Богдо-гэгэна VII в стране была принята конституция, сделанная по советскому образцу, и в декабре 1924 г. провозглашена Монгольская Народная Республика (МНР), образован высший законодательный орган — Великий Народный Хурал (ВНХ), правительство, другие ветви власти. Созданные ветви власти формально выполняли исполнительную, законодательную и судебную функции, но фактически отражали сложившуюся после 1928 г. жесткую однопартийную систему МНРП, копировавшую сталинскую (советскую) модель, которая оформилась в конце 1920-х — начале 1930-х годов в СССР.

В 1930–1940-х годах в Монголии разворачиваются массовые репрессии против «классовых врагов» — ламства, князей, отдельных политических деятелей (А. Амор, Д. Жадамба, П. Гэндэн и др.). В 1940 г. на VIII съезде ВНХ была принята новая Конституция МНР, ограничивающая в правах «классово чуждые элементы» монгольского общества. Одновременно в стране формируется культ личности маршала Х. Чойбалсана и система его абсолютной диктаторской власти. Именно в эти годы были уничтожены тысячи монастырей, расстреляны сотни тысяч лам и, таким образом, разрушен один из традиционных институтов Монголии — институт ламаизма.

В 1960–1980-х годах ламаизм был частично возрожден, но существовал формально, как «декоративная пристройка» к социалистической системе. Одновременно все монгольские араты — природные кочевники были переведены на оседлый образ жизни в рамках созданного колхозного строя в Монголии. Официальный курс МНРП о переводе аратов на «полную оседлость» в 1970-х годах провалился, а монгольские колхозы/госхозы приняли причудливую форму «кочующих хозяйств»,

которую идеологические работники стали называть «полукочевым» образом жизни монгольского аратства.

МНР от тесного сотрудничества с СССР имела и ряд позитивных моментов в международной, экономической и политической сферах. В результате активной международной поддержки советского руководства и лично И. В. Сталина на Ялтинской и других конференциях, МНР (Внешняя Монголия) после Второй мировой войны, в отличие от Внутренней Монголии, получила от Китая официальное признание независимости (январь 1946 г.). В Монголии были созданы специализированная индустриальная база (добыча меди и молибдена), железная дорога, современная армия и качественная для того времени система среднего и высшего образования и здравоохранения. Несмотря на неофициальный статус «советского сателлита», МНР получила законное место в ООН в 1961 г., ее официально признали все ведущие державы мира.

Внутриполитические процессы в 1960–1980-х годах проходили в условиях единоличного правления председателя ЦК МНРП — Юмжагийна Цеденбала. Для этих лет был характерен консерватизм, «застой» (по аналогии эпохи брежневского «застоя»), неэффективность и дотационность экономики, являвшейся частью централизованного народного хозяйства СССР и нуждавшейся в постоянных советских вливаниях и др. Политическая культура общества определялась процессом интенсивной русификации всех сфер жизни монгол и постепенным превращением МНР в неофициальную 16-ю советскую республику. МНР стала полностью зависима от поставок основных товаров и энергоресурсов. Она была включена в систему международного социалистического разделения труда, действовавшую в те годы в рамках СЭВ. В политическом плане монгольское партийное руководство во главе с Ю. Цеденбалом полностью зависело от воли ЦК КПСС. Для партийно-государственной жизни Монголии, так же как и для ее советского «старшего брата», были характерны такие явления, как «застой», отсутствие демократии и плюрализма, жесткая коммунистическая однопартийная система.

В 1952 г. в МНР проведена реформа избирательной системы. На IX съезде ВНХ всем гражданам предоставлено равное избирательное право, а в 1960 г. принята новая Конституция МНР, провозгласившая создание социалистического государства. Таким образом, принятием конституции была реализована политическая доктрина, предназначенная не только для Монголии, но и для других развивающихся стран и народов — «переход от феодализма к социализму, минуя капитализм (некапиталистический путь развития)». Фактически, это был социальный

эксперимент по искусственному моделированию социально-политического развития. Созданная в Монголии система была неким синтезом (гибридом) части советской системы, привнесенной на монгольскую почву, и части традиционной монгольской, сохранившейся с дореволюционных времен.

Таким образом, политическую систему и политическую культуру монгол в этот период можно условно определить следующим рядом особенностей:

- быстрое и успешное внедрение коммунистической (советской) идеологии на монгольскую почву, облегченное позитивным отношением монголов к России как своему историческому защитнику и другу;
- деформация традиционных институтов, культуры и ценностей (монархии Богдо-гэгэна, религии ламаизма, культа Чингисхана, идеологии панмонголизма) и формирование коммунистических монгольских ценностей и стереотипов;
- создание новых социальных и идеологических доктрин типа «аратского социализма», теории «некапиталистического пути» развития как альтернатив традиционным монгольским стратегиям развития;
- формирование новых правящих элит из среды монгольских революционеров и бедных скотоводов (аратов) и превращение их в партийную номенклатуру;
- навязывание советских методов и институтов управления — перевод аратов на оседлость, создание колхозов/госхозов, национализация, создание жесткой однопартийной системы, «классовые» репрессии, формирование культа и диктатуры Х. Чойбалсана и др.;
- влияние советско-китайского конфликта конца 1960-х — 1980-х годов на еще более тесное советско-монгольское сближение, создание из МНР военного и идеологического форпоста СССР против маоизма в эти годы.

Современная политическая система и культура Монголии

Демократическое движение начала 1990-х годов отличалось в Монголии высоким накалом радикализма, хотя и протекало в мирной форме. *Монгольская демократическая революция* была звеном в общей цепи распада коммунистических режимов в странах Восточной Европы («бар-

хатные революции») и СССР. Началась она в марте 1990 г. массовыми митингами и голодовками протеста молодых демократов, вынудивших МНРП пойти на серьезные уступки: в марте Политбюро ЦК МНРП объявило о своей отставке. Новые демократические лидеры продолжали развивать успех, обвиняя партийное руководство в развале экономики, односторонней ориентации на СССР и КПСС, массовых репрессиях в Монголии 1930–1950-х годов, потере национальной идентичности, русификации и советизации Монголии.

Новое демократическое правительство взяло курс на создание открытой либеральной экономики, новой политической структуры, основанной на принципах демократии и плюрализма, возрождение национальной культуры и укрепление монгольской идентичности. В 1992 г. была принята новая конституция, политически закрепившая радикальные преобразования. Вместо старого названия Монгольская Народная Республика было введено новое — Монголия. В стране был создан институт президента, избираемого народом. С 1993 по 1997 г. первым президентом Монголии стал бывший Генеральный секретарь ЦК МНРП Г. Очирбат, с 1997 г. по настоящее время — Н. Багабанди.

Вместо двухпалатного парламента (Великого народного хурала) был создан однопалатный Великий государственный хурал (ВГХ). Он избирается в ходе всеобщих свободных выборов путем тайного голосования на четыре года. Ему принадлежит инициатива обсуждения и принятия основных направлений внутренней и внешней политики страны, право назначать выборы президента и членов ВГХ, формировать кабинет министров, требовать от правительства отчета по ключевым вопросам развития страны, разрабатывать финансово-кредитную, налоговую, денежную политику, утверждать бюджет и его исполнение; устанавливать государственные границы; определять структуру, состав и полномочия совета по национальной безопасности¹.

Принципиально новым для политической системы Монголии стал институт президентства. По конституции президент избирается по системе двухступенчатых выборов: на первом этапе в них принимают участие все избиратели, а кандидатуру победившего утверждает Великий государственный хурал. Президенту предоставлены обширные полномочия. Он может наложить вето на любой закон или часть закона, с чем должны согласиться $\frac{2}{3}$ участников сессии ГВХ. Он также имеет право выдвигать своего кандидата на пост премьер-министра, независимо от того, сколько мест имеет стоящая за ним партия в ВГХ. Президент пользуется правом требовать от хурала отставки правитель-

¹ Монгол улсын ундсэн хууль (Конституция Монголии). Улан-Батор, 1992. С. 3.

ства. Одновременно он представляет Монголию на международной арене, заключает от имени страны договоры, назначает и отзывает, с согласия ВГХ, послов.

По конституции состав правительства формируется на основе победившего в хурале партийного большинства. В этом смысле в Монголии сложилась партийно-парламентская система управления, и правительство формируется на основе парламентского партийного большинства.

В Монголии в начале 1990-х годов быстро формируется партийная система. Сначала стихийно, а затем официально оформились различные демократические партии: Социал-демократическая партия, Монгольская религиозно-демократическая партия, Национально-демократическая партия возрождения. Особенностью этих объединений была разрозненность и небольшая численность отдельных партий. В начале 1990-х годов на базе демократических партий была создана единая Монгольская демократическая партия (коалиция), которая сразу заявила о своих политических целях и задачах. Из других политических партий следует также отметить Монгольскую народную партию, лидер — Д. Баасан, зарегистрированную 3 апреля 1992 г., Партию солидарности (19 августа 1994 г., Н. Ням-Осор) и др.

Соперник демократов — МНРП была зарегистрирована 16 мая 1990 г. Это не было формальной реорганизацией, фактически ее лидеры заявили, что они порвали с бывшим коммунистическим прошлым партии, открестились от всех ошибок и обвинений со стороны демократов и объявили о рождении МНРП как партии социалистического толка, выступающей за плюрализм, демократию и рыночную экономику.

Сила демократических лидеров, идеологически подготовивших монгольскую демократическую революцию начала 1990-х годов (Б. Баабар, С. Зориг и др.), заключалась в том, что они были популярны среди простого народа за счет актуальных тогда лозунгов о достижении реальной независимости, демократии, плюрализма, необходимости выхода из-под советской опеки, вывода советских войск и т.д. В тот период эти лозунги неизбежно порождали русофобию и неприятие всего российского, как на уровне монгольских правящих элит, так и простого народа. Именно на этой волне в самом начале 1990-х годов держалась популярность демократических руководителей, но уже к 1993 г. в обществе появились другие, более насущные задачи: как строить новую экономику, как войти в мировую хозяйственную систему, как решить социальные и другие проблемы. Волна русофобии постепенно прекратилась, и исторические, традиционные настроения дружбы и уважения к России вновь были восстановлены в монгольском

обществе. Тем более что в самой России также произошли радикальные антикоммунистические преобразования.

В июле 1992 г. очередная сессия ВГХ утвердила закон о Великом государственном хурале, в соответствии с которым прошли первые выборы в хурал. Выборы проходили на многопартийной основе. Голоса распределились следующим образом: МНРП — 56,9%; оппозиционная ей демократическая коалиция — 17,5%; остальные партии от 3 до 7%. Таким образом, из 76 мест в однопалатном парламенте МНРП получила 70%, а коалиция — 4%.

На выборах 1996 г. в хурал демократические партии одержали победу, сформировав свое правительство. Однако экономические результаты деятельности этого правительства были неудовлетворительными. За четыре года демократы не смогли справиться с кризисом, инфляцией, обострилась проблема коррупции, обнищания населения.

Накануне новых выборов 2000 г. монгольские избиратели были критически настроены к демократам. Итоги выборов в хурал в 2000 г. были закономерны: МНРП, завоевав большинство мест в парламенте, сформировало свое однопартийное правительство, провозгласившее курс на борьбу с коррупцией и оздоровление экономики. Главой правительства (премьер-министром Монголии) стал Генеральный секретарь МНРП — Н. Энхбаяр, сосредоточивший в своих руках значительную государственную и партийную власть. В марте 2001 г. на XXIII съезде в качестве генсека он был переизбран на новый срок. МНРП в 2000 г. получила 72 из 76 мест в Великом государственном хурале (в 1996 г. только 25 мест). У демократов в общей сложности оказалось всего два места.

Таким образом, нынешняя партийная система отражает тенденцию к формированию некой двухпартийной системы в виде борьбы МНРП и противостоящего ей демократического блока партий. Другой особенностью монгольской многопартийности является попытка искусственно скопировать западные партии и их идеологию (консервативную, либеральную, социалистическую), которая с трудом приживается на своеобразной монгольской почве. Думается, что данный процесс — становление политических партий в Монголии — находится в самом начале и потребует еще много времени, чтобы он был адекватен социальным и политико-экономическим потребностям монгольского общества.

Несомненным достижением Монголии в плане развития политического процесса является создание реальной системы демократии, формирование гражданского общества, идеологического плюрализма и терпимости. За короткий срок политическая жизнь и институты Монголии прошли большой путь от советского варианта авторитаризма

к реальной парламентской демократии, который еще не могут и вряд ли в ближайшее время пройдут ряд других постсоветских государств Центральной Азии. В этом смысле Монголия для многих центральноазиатских государств, близких по истории развития и экономико-географическим параметрам, — некий образец достижения реальной демократии.

Ключевая проблема для новой Монголии в начале 1990-х — создание принципиально новой экономической структуры. Экономическое реформирование проходило в условиях экономического кризиса, обрушившегося на страну в 1991 г. Для того чтобы выйти из этого кризиса, Монголия приступила к развертыванию экономической реформы, стремясь преодолеть односторонний, закрытый характер экономики, сложившийся в предыдущие годы.

За короткий срок правительству удалось провести приватизацию в стране, создать либеральный режим для внешних инвестиций, привлечь в страну крупные зарубежные компании, переориентировать внешнеэкономическую деятельность страны, кроме России, на другие страны и мировые регионы — Китай, США, Южную Корею, Японию, ЕС. Молодое демократическое правительство на пути радикальной трансформации столкнулось с массой проблем и трудностей, сходных с теми, с которыми столкнулась демократическая Россия в начале 1990-х годов. Монголия прошла периоды инфляции, падения производства и уровня жизни, шоковой терапии, расслоения общества на бедных и богатых. Следствием неравномерности экономического развития стала смена правящих политических партий.

Монголия сумела восстановить традиционные монгольские ценности, деформированные либо полностью уничтоженные в советский период: культ Чингисхана, систему ламаистских храмов и религиозного обучения и воспитания. Фактически нынешняя монгольская политическая культура — это синтез элементов возрожденной традиционной и западной культуры, существующая в форме современного государства.

5

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА (РК И КНДР)

Освобождение Кореи Советской армией от японского колониального господства открыло перед народом этой страны возможность мирного созидания в едином государстве. Однако острая конфронтация между противоположными идеологическими лагерями, между СССР и США, не позволила создать на Корейском полуострове единое государство. В мае 1948 г. на Юге была провозглашена Республика Корея, а в сентябре того же года на Севере — Корейская Народно-Демократическая Республика. Корейская война 1950—1953 гг. усугубила раскол страны и жесткую военно-политическую конфронтацию между Севером и Югом Кореи. Два корейских государства приняли на вооружение противоположные социальные и политические системы. Республика Корея, пройдя через 30-летнее господство военных диктатур, встала на путь демократического развития и рыночной экономики. КНДР на протяжении более 50 лет сохраняет тоталитарную политическую систему власти и так называемую социалистическую модель развития экономики. Вместе с тем существующие в РК и КНДР противоположные общественные системы базируются на национальной специфике и общих исторических корнях. Идеи конфуцианства, приоритет общественного над личным, строгая иерархическая система управления во многом определяют функционирование государственных механизмов и РК, и КНДР.

Понятно, что США и СССР оказали решающее воздействие на формирование политических режимов в обоих корейских государствах. Южная Корея заимствовала американский опыт, Северная Корея — советский. Однако по мере развития государственности на Юге и Севере политические системы «кореизировались», наполнялись национальным содержанием. Наиболее четкие очертания это приобрело в КНДР, где «кореизация» народно-демократической модели развития привела к созданию так называемого «чучхейского социализма» («социализма корейского типа»).

Республика Корея

Особенности конституционного развития РК

Первая Конституция Республики Корея утверждена Конституционным собранием 17 июля 1948 г. 15 августа 1948 г. было провозглашено

образование Республики Корея и избран первый президент РК, которым стал Ли Сын Ман.

После этого Конституция РК изменялась 9 раз (в 1952, 1954 гг., дважды в 1960 г., 1962, 1969, 1972, 1980 и 1987 гг.). Ряд этих изменений был связан с серьезными потрясениями в политической жизни страны. Так, изменения 1960 г. были вызваны «студенческой революцией» и свержением Ли Сын Мана; изменения 1962 г. создали юридическую базу для режима Пак Чхон Хи.

Первый конституционный президент избирался однопалатным Национальным собранием. Первая поправка 1952 г. предусматривала избрание президента общенародным прямым голосованием, а также создание двухпалатного парламента. Поправка 1954 г. вводила пост вице-президента. В июле 1960 г. поправки, принятые после свержения режима Ли Сын Мана, вводили парламентскую систему правления, в которой премьер-министр являлся главой исполнительной власти, а избранный общенародным голосованием президент — главой государства и главнокомандующим вооруженными силами. Четвертая поправка в ноябре 1960 г. позволила Национальному собранию принимать законы, имеющие обратную силу, с целью наказать виновных в преступлениях периода лисынмановского режима.

Кардинальное изменение конституции в 1962 г. в результате военного переворота после прихода к власти Пак Чжон Хи отменило эти нововведения, возвратив президентскую систему правления и однопалатный парламент.

После переворота 15–16 мая 1961 г. был создан Военно-революционный комитет (позже переименованный в Высший совет государственной реконструкции — ВСГР), введено военное положение, запрещено проведение митингов и демонстраций. 6 июня 1961 г. был издан указ о чрезвычайных мерах по реконструкции государства, заменивший конституцию. Согласно этому документу верховным органом стал ВСГР. Кроме того, закон широко трактовал понятие нарушения безопасности государства, давая, таким образом, возможность проводить репрессии против оппозиции. В декабре 1961 г. на референдуме была одобрена новая конституция (вступила в силу в 1962 г.), которая значительно расширяла полномочия президента: президент имел право назначать премьер-министра и кабинет министров, подписывать и ратифицировать договоры, объявлять войну и т.д. Парламент стал однопалатным. В 1962 г. была сформирована Демократическая республиканская партия (ДРП), кандидатом от которой на президентских выборах стал Пак Чжон Хи; ее основным конкурентом была Партия демократического правления во

главе с бывшим президентом Юн Бо Соном. В результате президентских и парламентских выборов президентом был избран Пак Чжон Хи; большинство мест в парламенте получила ДРП. Пак Чжон Хи начал глубокие реформы, основным содержанием которых явилось усиление регулирующей роли государства в политической и экономической сферах.

При Пак Чжон Хи Южная Корея была суперпрезидентской республикой. Согласно Конституции 1962 г. президент мог переизбираться только один раз. В 1969 г. в конституцию была внесена поправка, позволяющая избираться президентом на три срока. На выборах 1971 г. Пак Чжон Хи вновь одержал победу, хотя, как полагают многие, выборы были сфальсифицированы.

17 октября 1972 г. Пак Чжон Хи объявил в стране чрезвычайное положение. В Сеул были введены войска, партии и Национальное собрание распущены, действие конституции приостановлено. 21 ноября 1972 г. на референдуме была одобрена новая конституция. По своему содержанию она была антидемократичной, сильно ограничивались свободы граждан. Президент избирался не на шесть лет прямым голосованием, а коллегией выборщиков на любое количество сроков. Парламент был заменен Национальной конференцией. Был принят также новый закон о выборах и политических партиях, который отвергал любую оппозицию режиму. Все эти нововведения получили название «реформы октябрьского обновления» («юсин»). 23 декабря Пак Чжон Хи стал президентом. Новый режим стал абсолютно авторитарным; подавлялись любые проявления инакомыслия, личная жизнь граждан строго регламентировалась. В стране была введена система взаимной ответственности и слежки. В 1974 г. были приняты новые чрезвычайные правительственные декреты, запрещавшие любую критику конституции, вводились военные трибуналы, широко применялись смертная казнь и пожизненное заключение.

Характерной чертой режима Пак Чжон Хи стало проникновение армии во все эшелоны власти. В правительстве преобладали офицеры, которые занимали также руководящие посты в основных отраслях национального хозяйства. Это позволяло президенту управлять страной, не считаясь с общественным мнением. Этот фактор тем не менее способствовал экономическому развитию страны, снижению коррупции во властных структурах.

После убийства Пак Чжон Хи 26 октября 1979 г. в стране начались бурные процессы, завершившиеся приходом к власти военного режима Чон Ду Хвана. Скорректированная конституция предусматривала занятие президентом своего поста в течение одного семилетнего срока,

сохраняя систему коллегии выборщиков (тем самым гарантировалось избрание Чон Ду Хвана).

Значимые изменения были проведены президентом Ро Дэ У в 1987 г. В частности, были восстановлены прямые общенародные выборы президента, а срок его полномочий был ограничен пятью годами.

Восстановлено право Национального собрания (избираемого сроком на четыре года) осуществлять парламентские инспекции государственных органов, декларирована большая независимость органов правосудия.

Ныне действующая с 1987 г. конституция состоит из преамбулы, десяти глав (130 статей) и шести дополнительных статей. Эти главы регулируют вопросы прав и свобод граждан, функционирования Национального собрания, исполнительной власти, системы правосудия, Конституционного суда, избирательной системы, системы местного самоуправления, экономики. Согласно конституции Республика Корея — демократическая республика, суверенитет которой исходит от ее народа, которому гарантированы основные права и свободы (равенство перед законом независимо от пола, религии, социального положения, защищенность от произвольного ареста, свобода передвижения и выбора места жительства, право принимать участие в голосовании и занимать выборные должности, право получить юридическую помощь в случае ареста или задержания, право судебного рассмотрения законности ареста или задержания, право на тайну переписки, свобода совести, слова, прессы и собраний).

Помимо гарантированных основных прав и свобод, Конституция РК провозглашает, что государство должно предпринимать меры для обеспечения граждан РК возможностью проживать в незагрязненной среде обитания, получать начальное образование и продолжать его, иметь работу и минимальный заработок, получать социальную помощь в случае инвалидности, охранять неприкосновенность частной жизни. В конституции содержатся гарантии частной собственности, права на труд, выбора профессии, права на заключение коллективных договоров. Основной закон, вместе с тем, предусматривает возможности ограничения экономических прав граждан в случае общественной необходимости, одновременно вводит конституционную обязанность платить налоги.

Предложения об изменении конституции могут быть внесены президентом или большинством Национального собрания. Национальное собрание обязано принять решение по этим предложениям в течение 60 дней, причем требуется квалифицированное ($\frac{2}{3}$) большинство голосов. Кроме того, для введения изменений конституции в действие

требуется одобрение простым большинством голосов на общенародном референдуме в течение 30 дней после принятия соответствующего решения Национальным собранием, причем в голосовании должны принять участие не менее половины имеющих право голоса.

В Конституции РК содержится ряд особенностей, отличающих ее от Основных законов других государств.

В главе I «Основные положения» есть ряд моментов, специфических именно для Кореи.

- Статья 3 определяет территорию РК как территорию всего Корейского полуострова. КНДР фактически рассматривается как незаконное государственное образование.
- Статья 4 обязывает государство стремиться к объединению страны в соответствии с принципами свободы и демократии.
- Статья 6 предусматривает равное действие на территории страны внутренних законов и международных договоров.
- Статья 8 предусматривает защиту со стороны государства политических партий и их финансирование за счет государства.

Глава II «Права и обязанности граждан» также включает ряд особых положений.

- Статья 20 конституционно закрепляет отсутствие государственной религии и отделение церкви от государства.
- Статья 21 провозглашает отсутствие цензуры, вместе с тем предусматривает наличие законодательства, определяющего стандарты функционирования прессы.
- Статья 23 содержит определенные ограничения частной собственности «во имя общественного блага».
- Статья 27 предусматривает ряд случаев, когда граждане, не являющиеся военными, могут быть отданы под трибунал (военно-полевой суд).
- Статья 31 обязывает родителей давать детям по крайней мере начальное образование, которое должно быть бесплатным, при этом государство гарантирует профессионализм и политическую беспристрастность.
- Статья 32 гласит, что государство будет пытаться предоставить рабочие места и обеспечить оптимальную заработную плату. Но при этом обязывает всех граждан работать. Предусматривается защита со стороны государства работающим женщинам и детям.
- Право на коллективные действия работников оборонных предприятий может быть ограничено или вообще отменено.

- Статья 119 предусматривает «регулирующую и координирующую» роль государства в экономике, статья 120 — лицензирование со стороны государства отдельных видов экономической деятельности, статьи 121–123 — государственное регулирование аграрных отношений (и рыболовецкой отрасли), статья 125 — регулирование и координацию внешней торговли.

Законодательная власть

Главным законодательным органом РК является однопалатное Национальное собрание (НС).

В состав НС РК входят 299 депутатов, из которых 253 избираются по одномандатным территориальным округам, а 46 мест распределяются между политическими партиями, получившими не менее 5 мест в округах, пропорционально общему числу голосов, поданных за их кандидатов по всей стране. Срок полномочий депутатов 4 года. В выборах участвуют граждане РК не моложе 20 лет. В НС могут быть избраны граждане моложе 25 лет.

Депутаты не могут занимать иных постов, пользуются иммунитетом в период сессий (кроме случаев поимки с поличным). Депутаты не могут привлекаться к ответственности за высказывание мнения в Национальном собрании (кроме оскорбления и клеветы).

По итогам состоявшихся в апреле 2008 г. выборов в Национальное собрание РК большинство получила Партия великой страны (ПВС) — 156 мандатов, главная оппозиционная партия — Объединенная демократическая партия (ОДП) — 73 мандата, Передовая либеральная партия (ПЛП) — 38 мандатов, Демократическая рабочая партия (ДРП) — 9 мандатов, «Созидательная Корея» — 5 мандатов, независимые — 18 мандатов.

Исполнительная власть

Президент

Президентская форма правления считается в РК наиболее подходящей для конкретно-исторических условий страны. Планы президента Ким Дэ Чжуна перейти к парламентской форме правления, которые строились в предвыборный период в целях привлечения к союзу консерваторов во главе с Ким Чжон Пхилем, остались нереализованными.

Президентом Республики Корея с 2008 г. является Ли Мен Бак, лидер Партии великой страны.

Президент РК является главой государства и представляет РК в сношениях с другими государствами. Он также является главой исполнительной власти и Верховным главнокомандующим вооруженными силами. В случае смерти или неспособности президента исполнять

свои обязанности функции временного главы государства исполняет премьер-министр или, в случае необходимости, один из членов Государственного совета в соответствии с законодательно установленным порядком передачи власти.

Президент избирается на один пятилетний срок всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием.

Основные направления деятельности президента:

1. Президент является гарантом конституции, независимости, территориальной целостности государства.

2. В качестве главы исполнительной власти президент вводит в действие все законы, принятые законодательной ветвью, издает соответствующие указы. Президент руководит правительством и другими органами исполнительной власти. Он назначает высших чиновников, включая премьер-министра и руководителей правительственных ведомств.

3. В качестве Верховного главнокомандующего президент имеет право объявления войны, имеет высшую власть над вооруженными силами и в области военной политики.

4. Согласно нынешней политической практике президент РК является лидером правящей партии. Он производит назначения в руководстве партии, консультируется с руководителем правящей партии по назначениям в правительстве.

5. Президент обладает правом законодательной инициативы: он может вносить законопроекты в Национальное собрание, высказывает свою точку зрения (письменно или устно) законодательному органу. Президент не имеет права распустить парламент.

6. Президент обладает широкими полномочиями в чрезвычайных ситуациях, в случае гражданских беспорядков, внешней угрозы, природных катастроф или серьезных экономических и финансовых кризисов. Президент обязан принять соответствующие меры, включая издание указов прямого действия. Однако к таким действиям он может прибегнуть только в случае, когда нет достаточного времени для созыва Национального собрания и эти меры необходимы для сохранения общественного порядка и защиты национальной безопасности. Однако в последующем он обязан получить одобрение парламента на предпринятые им меры: в противном случае его указы будут признаны не имеющими силу.

7. Президент имеет право объявить чрезвычайное положение в соответствии с действующим законодательством в случае войны, вооруженных столкновений или иной чрезвычайной ситуации. Сохранение

чрезвычайного положения, однако, также нуждается в одобрении парламентом.

Правительство

Исполнительная власть РК организована в составе двух десятков отраслевых министерств, около двадцати отдельных агентств и управлений.

Высшим органом исполнительной власти является *Государственный совет*, председателем которого по должности является президент, а заместителем председателя — премьер-министр. В состав Госсовета входят главы ведомств в ранге министров, их число не менее 15, но не более 30. Госсовет является консультативным органом, обсуждающим и готовящим рекомендации по важнейшим государственным вопросам для президента. Согласно статье 89 Конституции на рассмотрение Госсовета должны выноситься следующие вопросы:

- принципиальные направления государственной политики и работы исполнительной власти;
- вопросы войны и мира и другие важнейшие вопросы внешней политики;
- проекты поправок к конституции, предложения об общенациональных референдумах, важнейшие законопроекты и проекты указов президента, международных договоров;
- важнейшие финансовые вопросы: проекты госбюджета, вопросы распоряжения госсобственностью, крупных контрактов, предусматривающих гособязательства, и т.п.;
- указы президента об объявлении чрезвычайного положения, чрезвычайных финансово-экономических мер;
- важные военные вопросы;
- созыв внеочередных сессий парламента;
- награждение, амнистия, реабилитация;
- анализ выполнения основных направлений государственной политики;
- возбуждение дела о роспуске политической партии;
- рассмотрение жалоб и петиций;
- назначение генерального прокурора, руководителей государственных университетов, послов, главнокомандующих родами войск и ряда других крупных госчиновников.

Местное самоуправление

В соответствии со статьей 17 Конституции Республики Корея местные органы управления ведают вопросами социального обеспечения

местного населения, управляют собственностью, а также устанавливают нормы и правила, касающиеся местного самоуправления в пределах компетенции, определенной соответствующими законами и указами. Однако до 1995 г., когда впервые состоялись выборы губернаторов и мэров, это положение оставалось не более чем декларацией. Органы местного самоуправления до этого момента являлись низовыми подразделениями центрального правительства, их руководители назначались.

Местная исполнительная власть

Местные органы власти исполняют следующие функции:

- функции, делегированные им центральным правительством;
- управление госсобственностью;
- введение и сбор местных налогов и пошлин;
- регулирование сферы обслуживания и торговли;
- другие административные вопросы местного уровня.

26 марта 1991 г. впервые за 30 лет в Корее прошли выборы в местные советы территориально-административных единиц нижнего уровня, а в июне 1991 г. — в более крупных территориально-административных единицах. Новая редакция Закона о местном управлении расширяет полномочия местных советов и дает им возможность инспектировать и проверять деятельность местных органов управления.

В настоящее время насчитывается 16 административно-территориальных единиц провинциального уровня (включая города-метрополии) и 235 органов местного самоуправления муниципального уровня: 72 городских (си), 94 уездных (кун), 69 районных (ку) в городах-метрополиях. В их состав входят неавтономные территориальные единицы квартального уровня (с населением от 5 до 20 тыс. человек: донг — в городах, ып и мен — в сельской местности).

Структура провинциальных органов власти сходна со структурой центрального правительства. Муниципальные органы власти в пределах своей компетенции занимаются решением всех вопросов жизни территории.

Судебная система

В РК действуют суды трех уровней: Верховный суд, высшие суды (промежуточная апелляция инстанция) и окружные суды (суды первой инстанции), филиалами которых являются так называемые отраслевые (или кустовые) и муниципальные суды. Окружные и высшие суды создаются по географическому принципу. В РК имеется пять высших судов (Сеул, Пусан, Тэгу, Кванчжу и Тэчжон), 12 окружных, 42 кустовых и 105 муниципальных судов.

Закон о судебной системе предоставляет судам общее право на рассмотрение всех гражданских, уголовных, административных дел, а также дел, связанных с нарушениями законодательства о выборах, и любых других, определенных корейским законодательством. В армии создаются военные трибуналы для рассмотрения дел о воинских преступлениях.

Верховный суд является высшей судебной инстанцией государства. Он состоит из председателя Верховного суда и тринадцати судей.

Как суд последней инстанции Верховный суд принимает к рассмотрению апелляции по приговорам и решениям, вынесенным высшими судами, апелляционными слушаниями окружных судов и военными трибуналами.

Высшие суды являются промежуточной апелляционной инстанцией в отношении решений или приговоров окружных судов, вынесенных коллегией из трех судей. Одновременно они могут являться судами первой инстанции при рассмотрении некоторых видов дел об административных правонарушениях.

Дела в высших судах рассматриваются коллегией в составе трех судей.

К специализированным видам судов относится семейный суд (он существует только в Сеуле), рассматривающий семейные дела и случаи правонарушений со стороны несовершеннолетних. К юрисдикции семейного суда относятся все семейные споры и конфликты, имеющие правовое значение. При рассмотрении этих дел широко применяется согласительная процедура.

На периферии функции семейных судов исполняют окружные суды.

В Сеуле с 1966 г. действуют два новых специализированных суда: патентный и административный. Патентный суд занимается разрешением споров в области патентования и проверкой заключений Корейского института промышленной собственности, отвечающего за правовые аспекты патентной работы. Административный суд рассматривает дела об административных правонарушениях.

Окружные суды, находящиеся в Сеуле и одиннадцати крупных городах, прежде всего в провинциальных центрах, обладают как уголовной, так и гражданской юрисдикцией. До 1995 г. в Сеуле действовали два отдельных окружных суда — по уголовным и гражданским делам, которые затем были объединены в один.

К юрисдикции окружных судов относятся также дела о регистрации собственности, реорганизации или ликвидации корпораций и о банкротстве.

В судах РК применяются два способа рассмотрения дел — либо одним судьей, либо коллегиально — тремя судьями. Суд присяжных не используется.

В кустовых и муниципальных судах дела рассматриваются только одним судьей, назначаемым председателем Верховного суда из числа судей соответствующего окружного суда. К юрисдикции этих судов относятся гражданские иски на сумму не свыше 10 млн вон, а также малозначительные преступления и административные правонарушения, за которые может быть назначено наказание не свыше 1 месяца ареста или штраф не более 200 тыс. вон.

В РК насчитывается около 1500 судей, в том числе в Верховном суде — 14 членов Верховного суда (включая председателя) и 47 судебных исследователей, в высших судах — 220. В судах первой и второй инстанций помимо должности председателя суда имеются также должности старших судей, имеющих право возглавлять судебную коллегия.

Срок пребывания судей в должности определен законом в 10 лет (для членов Верховного суда — 6 лет), однако имеются случаи назначения судей на повторный срок, за исключением председателя Верховного суда, повторное назначение которого не допускается. Предельный возраст пребывания в должности для председателя Верховного суда — 70 лет, для членов Верховного суда — 65, для других судей — 63 года.

Независимость судей и их политический нейтралитет гарантируются законодательно. В частности, Законом о судебной системе предусмотрено, что судья не может в течение срока полномочий быть отстранен от должности, за исключением случаев совершения им уголовного преступления; судья может быть подвергнут дисциплинарному наказанию или понижению в зарплате только по решению дисциплинарной комиссии Верховного суда; на срок полномочий ограничивается участие судей в политической деятельности.

Верховная прокуратура — главный прокурорский орган, возглавляется Генеральным прокурором. Она управляет главными, окружными и районными прокуратурами. Все учреждения прокуратуры находятся в ведении министра юстиции, который, однако, не имеет права контролировать отправление правосудия прокурором, кроме оговоренных законом случаев.

Генеральный прокурор назначается президентом из числа специалистов, имеющих юридический стаж не менее 15 лет. Остальных прокуроров назначает министр юстиции.

Конституционный суд

В функции Конституционного суда входит принятие решений о конституционности законов, импичменте, роспуске политических партий, урегулировании споров между государственными организациями и ведомствами, между госведомствами и органами местного управления.

Конституционный суд состоит из 9 судей, назначаемых президентом. При этом трое назначаются из числа лиц, предложенных Национальным собранием, а кандидатуры еще трех выдвигает Верховный судья. Глава Конституционного суда назначается президентом с согласия Национального собрания.

Срок полномочий судей — 6 лет, с возможностью повторного назначения, в течение которых они не могут состоять в каких-либо политических партиях и заниматься политической деятельностью. Судьи не могут быть смещены с должности, кроме случаев импичмента, тюремного заключения. Для принятия соответствующего решения необходимо совпадение голосов не менее 6 судей.

Политические партии и неправительственные организации РК

После освобождения Кореи в 1945 г. на Юге образовалось около 200 политических и общественных партий и организаций, большинство из которых было вскоре запрещено американской военной администрацией.

С образованием в 1948 г. Республики Корея политическая деятельность в стране жестко контролировалась правительством президента Ли Сын Манна. В 1951 г. Ли Сын Ман создает проправительственную Либеральную партию. Затем была сформирована оппозиционная Демократическая партия.

В период диктатуры президента Пак Чжон Хи (1961–1979) действовала проправительственная Демократическая республиканская партия (ДРП); при президентах Чон Ду Хване и Ро Дэ У (1980–1992) — Демократическая партия справедливости (ДПС). Оппозиционные партии в этот период возглавлялись будущими президентами страны Ким Ен Самом и Ким Дэ Чжуном.

Новая Конституция РК, принятая на всенародном референдуме в 1987 г., гарантирует многопартийную систему. В настоящее время в Южной Корее действует несколько политических партий. Правящая партия — Ханнаратан (Партия великой страны — ПВС), главная оппозиционная партия — Объединенная демократическая партия (ОДС). В парламенте представлены также Передовая либеральная партия (ПЛП) и левая партия — Демократическая рабочая партия (ДРП).

Финансирование политических партий в Южной Корее регулируется Законом о политических фондах. Допускаются также пожертвования и субсидии из госбюджета. 50% субсидий распределяются среди партий, имеющих свои фракции в парламенте. Для политической жизни РК характерно наличие так называемых «черных фондов», составляющих

сотни миллионов долларов и используемых партиями в ходе избирательных кампаний. В стране практически ежегодно всплывают факты коррупционных связей партий и бизнеса, вызывающие резкие осуждения общественности.

Характерной особенностью партийного строительства в Южной Корее является создание клановых, региональных партий. По существу, партии формируются под своего политического босса и используются в качестве средства борьбы за власть. Зачастую партии создаются из идеологически непримиримых группировок.

Общественные организации РК имеют сравнительно короткую историю. До 1987 г. гражданские движения в большинстве своем рассматривались как незаконные и подрывные. После прихода к власти гражданских лидеров в Южной Корее стали активно развиваться неправительственные организации (НПО). Бывшие оппозиционные движения в постдиктаторский период получили возможность свободно действовать и пропагандировать свои демократические принципы. Так, бывшая ранее вне закона и активно выступавшая за права рабочих Конфедерация корейских профсоюзов получила официальное признание властей.

В стране быстрыми темпами растет число неправительственных организаций (с 3300 в 1997 г. до 7 тыс. в 2005 г.). В РК представлены также крупные международные неправительственные организации, как «Эмнести интернэшнл», «Гринпис» и многие другие.

Возрастает роль НПО в борьбе с коррупцией в ходе предвыборных кампаний. Весьма активно действуют Гражданская коалиция за экономическую справедливость, Народная солидарность за демократию и многие другие. Нарастают усилия НПО, демократических институтов за отмену Закона о национальной безопасности 1948 г., введенного в действие администрацией Ли Сын Мана и активно использовавшегося диктаторскими режимами для подавления демократического движения в стране. Президент Но Му Хен назвал этот закон «частью позорной истории Кореи и пережитком диктаторских режимов» и потребовал его скорейшей отмены, однако консервативным кругам пока удается сохранить этот юридический рудимент.

Несмотря на известный прогресс, достигнутый в развитии общественных организаций в РК, гражданское движение в стране находится еще в стадии становления. Потребуется немало усилий и времени, чтобы неправительственные организации и гражданское движение в целом начали оказывать существенное влияние на процесс демократического обновления в РК.

Корейская Народно-Демократическая Республика

Особенности конституционного развития КНДР

В ноябре 1947 г. III сессия Народного собрания Северной Кореи (сформировано на I съезде народных комитетов в феврале 1947 г.) создала комиссию для подготовки проекта временной конституции. В апреле 1948 г. комиссия одобрила проект конституции.

На состоявшемся в июне 1948 г. II Объединенном совещании представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи в Пхеньяне было обсуждено положение, сложившееся в результате проведенных в Южной Корее незадолго до этого выборов и создания Республики Корея. Было принято решение о проведении всеобщих выборов в Северной и Южной Корее в единое Верховное народное собрание Кореи и об образовании единого правительства. Предусматривалось, что в Северной Корее эти выборы будут прямыми, равными, при тайном голосовании, а в Южной Корее — косвенными.

В соответствии с решениями Объединенного совещания в августе 1948 г. были организованы всеобщие выборы в Верховное народное собрание Кореи. В него было избрано 572 депутата. 360 депутатов было избрано от Южной Кореи и 212 — от Северной.

Принятая Верховным народным собранием 8 сентября 1948 г. Конституция КНДР отразила основные черты политической системы Северной Кореи.

По своей направленности Конституция 1948 г. была социалистической и основана на советской конституции, хотя и не содержала упоминаний о социализме и диктатуре пролетариата, о социалистическом характере народно-демократического государства в КНДР. Она юридически оформила переход власти в руки представительных органов советского типа. Власть в Корейской Народно-Демократической Республике, говорилось в статье 2, принадлежит народу и осуществляется высшим органом его власти — Верховным народным собранием при содействии местных органов власти в лице народных комитетов.

В Конституции нашла свое отражение многоукладность экономики — наличие государственного, кооперативного, частнокапиталистического и мелкотоварного секторов. Однако основные средства производства были объявлены собственностью государства.

Конституция декларировала передачу земли в руки крестьянства, разрешала гражданам частную предпринимательскую деятельность, ограничив ее сферами мелкой и средней промышленности и торговли. Конституция отразила также принцип народно-хозяйственного плани-

рования, развития экономики и культуры по единому народно-хозяйственному плану.

Основной закон декларировал предоставление гражданам КНДР демократических прав и свобод, провозгласил равноправие граждан КНДР независимо от пола, национальности, вероисповедания, профессии, имущественного положения, образования во всех областях государственной, политической, экономической, общественной и культурной жизни (ст. 11).

Была юридически оформлена избирательная система. Получили право избирать и быть избранными в органы государственной власти все граждане, достигшие 20 лет, независимо от пола, национальности, вероисповедания, оседлости, образования, социального и имущественного положения, за исключением лиц, лишенных избирательных прав по приговору суда, прояпонских элементов и национальных предателей, а также умалишенных.

Гражданам были декларированы гарантии свободы слова, печати, объединений, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, свободы вероисповедания и отправления религиозных культов, а также права на создание демократических политических партий, профессиональных союзов, различных обществ и на участие в деятельности всех этих организаций (ст. 13). Конституция закрепила принцип равного вознаграждения за равный труд, право на отдых, на социальное обеспечение, право на образование (ст. 15–18).

Основной закон КНДР определил 8-часовой рабочий день для рабочих и служащих, установил ежегодный оплачиваемый отпуск, юридически закрепил право на социальное обеспечение по старости, в случае болезни, потери трудоспособности. Это право гарантировалось посредством предоставления бесплатной медицинской и материальной помощи.

Было введено обязательное бесплатное образование, что было для Северной Кореи серьезным достижением (к моменту освобождения Кореи только на Севере насчитывалось более 2 млн неграмотных, не было ни одного высшего учебного заведения).

Конституция КНДР 1948 г. определила обязанности граждан. Конституция устанавливала, что наивысшим долгом граждан КНДР является защита Родины, революционных завоеваний корейского народа (ст. 28). Граждане КНДР обязаны трудиться — труд в КНДР является основой развития народного хозяйства и культуры (ст. 30).

Конституция регламентировала систему государственных органов КНДР. Высшим органом государственной власти являлось Верховное народное собрание, которое осуществляло законодательные,

планово-бюджетные и другие функции. Оно избирало Президиум, который в период между сессиями Верховного народного собрания был высшим органом власти КНДР (ст. 32, 33, 47).

Высшим исполнительным органом государственной власти был назван Кабинет министров, который объединял и направлял деятельность министерств и ведомств, находившихся в его подчинении.

Конституция закрепила систему местных органов власти и управления, созданных в Северной Корее после освобождения. Местными органами государственной власти в провинциях, городах, уездах, волостях и селах объявлялись народные комитеты (ст. 68).

Конституция также закрепила демократические принципы организации и деятельности судебной системы и органов прокурорского надзора.

В текст Конституции КНДР 1948 г. уже в первые годы существования КНДР вносились изменения и дополнения. Восьмая сессия Верховного народного собрания КНДР 30 октября 1954 г. приняла Закон о продлении срока полномочий Верховного народного собрания с трех до четырех лет. Были внесены изменения в главу V (ст. 68–81) о местных органах власти. Вместо единых народных комитетов, выполнявших функции органов государственной власти и органов управления, были созданы народные собрания в качестве местных органов власти.

IX сессия Верховного народного собрания (5 ноября 1956 г.) снизила возрастной ценз с 20 до 18 лет. Первая сессия Верховного народного собрания третьего созыва (12 октября 1962 г.) внесла изменения в статью 35 Конституции, определявшую нормы представительства при выборах депутатов в Верховное народное собрание: ранее один депутат избирался от 50 тыс., а в соответствии с новым законом — от 30 тыс. человек. Были приняты также другие законы, совершенствовавшие государственную организацию, например закон об изменении административно-территориального деления КНДР, закон о структуре Кабинета министров.

27 декабря 1972 г. Верховное народное собрание КНДР приняло новую конституцию.

Конституция состояла из 11 глав (149 статей): глава I — «Политика», глава II — «Экономика», глава III — «Культура», глава IV — «Основные права и обязанности граждан», глава V — «Верховное народное собрание», глава VI — «Президент», глава VII — «Центральный народный комитет», глава VIII — «Административный совет», глава IX — «Местные народные собрания, народные комитеты и административные комитеты», глава X — «Суд и прокуратура», глава XI — «Герб, флаг, столица».

Конституция провозгласила КНДР суверенным социалистическим государством, представляющим интересы всего корейского народа (ст. 1). В статье 72 Конституции основой народной власти назван союз рабочего класса и крестьянства, руководимого рабочим классом. Конституция определила характер власти в стране как диктатуру пролетариата (ст. 10). В статье 4 было записано, что КНДР в своей деятельности руководствуется идеологией Трудовой партии Кореи. Согласно конституции основной формой осуществления государственной власти в КНДР является представительная демократия. Трудовой народ осуществляет власть через свои представительные органы — Верховное народное собрание и местные народные собрания всех ступеней (ст. 7), которые составляют политическую основу Корейского социалистического государства.

Конституция 1972 г. законодательно закрепила экономическую основу социалистического государства и общества в КНДР, определила формы собственности, а также основные задачи и принципы деятельности государства в области экономики.

Подчеркнута роль труда, закреплён принцип распределения в соответствии с количеством и качеством труда. Были установлены основные принципы трудового законодательства, 8-часовая продолжительность рабочего дня, запрет на применение на производстве труда подростков, не достигших 16-летнего возраста.

Значительное место отведено характеристике основ социальной политики Корейского государства. В частности, был включен тезис о том, что государство считает высшим принципом своей деятельности неуклонное повышение материального и культурного уровня жизни народа.

Были отражены основные принципы деятельности государства в области культуры, задачи борьбы против экспансии империализма в сфере культуры, против устаревших традиций.

Новая конституция формально расширила юридические гарантии социально-экономических прав и политических свобод корейских граждан. Основным закон 1972 г. придал высшую юридическую силу таким положениям, как бережное отношение к государственной и общественной собственности, борьба с явлениями хищения и расточительства (ст. 70).

В Конституции 1972 г. были сформулированы главные принципы внешней политики КНДР, которые включают полное равенство, самостоятельность, взаимную выгоду, взаимное уважение и невмешательство во внутренние дела. В соответствии с этими принципами КНДР устанавливает государственные, политические, экономические и культурные отношения со всеми странами, которые дружественно

относятся к ней. В конституции было подчеркнуто, что КНДР на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма крепит сплоченность с социалистическими странами, сплачивается с народами всех стран, выступающих против империализма, оказывая всемерную поддержку их национально-освободительной и революционной борьбе (ст. 16).

Конституция 1972 г. внесла существенные изменения в систему и полномочия высших и местных органов государства. Вместо Президиума Верховного народного собрания и Кабинета министров, действовавших в соответствии с Конституцией 1948 г., были учреждены новые государственные органы — Постоянный совет Верховного народного собрания, президент КНДР, Центральный народный комитет и Административный совет. Изменен характер народных комитетов. Местные исполнительно-распорядительные органы общей компетенции стали именоваться административными комитетами.

Основными звеньями государственного механизма КНДР в соответствии с Конституцией 1972 г. являлись:

1. Органы государственной власти:
 - а) представительные органы власти — Верховное народное собрание и местные народные собрания;
 - б) органы государственной власти, формируемые представительными органами и подотчетные им, — Постоянный совет Верховного народного собрания, президент КНДР, Центральный народный комитет, местные народные комитеты.
2. Исполнительно-распорядительные органы (органы государственной администрации):
 - а) Административный совет и местные административные комитеты;
 - б) отраслевые органы управления — центральные (министерства, комитеты) и местные.
3. Органы правосудия — Центральный суд, провинциальные (городов центрального подчинения), народные и специальные суды.
4. Органы прокурорского надзора — Центральная прокуратура, местные и специальные прокуратуры.

Отличительной особенностью государственного механизма КНДР стало наличие своеобразной подсистемы органов государственной власти в лице народных комитетов, формируемых представительными органами — народными собраниями. Народные комитеты, по конституции, —

местные органы власти в период между сессиями сформировавших их народных собраний.

В отличие от Конституции 1948 г. не было предусмотрено создание органов народного представительства в низовых административных единицах — селах, рабочих поселках и приравненных к ним населенных пунктах. В 1981 г. в КНДР произведена реорганизация местных органов власти. В ходе перестройки ликвидированы административные комитеты провинций, городов и уездов.

В основу построения системы государственных органов КНДР положен принцип демократического централизма, закрепленный в статье 9 Конституции.

На III сессии IX созыва ВНС в апреле 1992 г. были внесены изменения в Конституцию 1972 г., которые отразили северокорейские политические реалии прошедших двух десятилетий и узаконили идеологию и практику корейского социализма. Они носили в целом редакционный характер, хотя включали и ряд содержательных статей, внесенных с целью «защитить и выявить преимущества» существующей политической системы.

В главе I «Политика» в нескольких статьях подчеркивается руководящая роль Трудовой партии Кореи и разработанной Ким Ир Сенем идеологии «чучхе», на основе которой страна строит социализм. Были изъяты упоминания о марксизме-ленинизме. В новых положениях сделаны акценты на «укрепление идеологической революции», «удержание классовой линии», «революционизирование всех членов общества и преобразование их по образцу рабочего класса» и т.д. Включено новое положение о том, что власть в стране принадлежит всему трудовому народу. Отмечается, что КНДР борется за укрепление народной власти и достижение полной победы социализма в Северной Корее путем энергичного развертывания трех революций — идеологической, технической и культурной, за объединение родины на основе принципов самостоятельности, мирного объединения и великой национальной консолидации.

Законодательно закреплены принципы внешнеполитической деятельности — «самостоятельность, мир, дружба».

В главе II, посвященной экономике, не претерпели принципиальных изменений экономические постулаты хозяйствования. Видоизменен абзац о государственной собственности, подчеркнута ее ведущая роль.

Важным моментом стало включение в текст Основного закона положения о возможности создания в стране совместных предприятий (соответствующий Закон был принят в 1984 г.).

В главе III «Культура» законодательно закреплена цель культурных преобразований — «интеллигентизировать все общество»

Была введена глава IV «Оборона», нацеливающая на проведение в жизнь «военной линии самообороны» и «превращение всей страны в крепость».

В главе V «Основные права и обязанности граждан» расширенно изложено право на свободу вероисповедания, в частности, разрешено строить культовые сооружения и придерживаться религиозного сознания, при важной оговорке, что никто не может использовать религию для проникновения внешних сил или нарушения государственного и общественного порядка. Гражданам было вменено в обязанность «постоянно повышать революционную бдительность, самоотверженно бороться за безопасность государства», иными словами, решительно отстаивать существующую политическую систему и ее завоевания.

Согласно конституционным изменениям 1992 г., в главе VI «Государственные органы» было изъято положение о том, что президент является Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами и председателем Государственного комитета обороны (ГКО) (на должность председателя ГКО был назначен «наследник вождя»).

Состоявшаяся 5 сентября 1998 г. первая сессия Верховного народного собрания (ВНС) КНДР X созыва (после почти пятилетнего перерыва) стала рубежным событием в политической жизни КНДР, юридически закрепившим произошедшие после смерти Ким Ир Сена (1994 г.) изменения. Сессия приняла важные решения — о внесении существенных корректив в конституцию, о реорганизации органов государственной власти, о кадровых перестановках и новых назначениях. По сути, в стране произошла «конституционная революция», ознаменовавшая укрепление новой, кимченировской системы правления. В конституцию внесена Преамбула, канонизирующая Ким Ир Сена, который остается «вечным президентом».

Одновременно из конституции изъяты разделы о президенте КНДР и Центральном народном комитете, который ранее являлся «высшим руководящим органом государственной власти КНДР» и возглавлялся президентом. Почти все его полномочия переданы Президиуму ВНС, который заменил прежний Постоянный совет.

Верховное народное собрание сохранило за собой все полномочия как института, осуществляющего законодательную власть. За ВНС сохранено также введенное в 1992 г. право непосредственно избирать и отзывать председателя Государственного комитета обороны и членов комитета, председателя Президиума ВНС и его заместителей, председа-

теля Кабинета министров. Вместе с тем из ведения ВНС изъято решение вопроса войны и мира.

Высшим органом государственной власти между сессиями ВНС стал Президиум ВНС, который, по конституции, вносит изменения в народно-хозяйственный план и бюджет, дает толкование конституции и законов, создает и упраздняет министерства и ведомства, назначает и сменяет их руководителей, а также послов, ратифицирует и денонсирует международные договоры, объявляет амнистию и осуществляет право помилования.

Значительно расширены полномочия председателя Президиума ВНС, который «организует и руководит» работой Президиума, представляет государство на международной арене, принимает верительные и отзывные грамоты послов. В соответствии с государственным протоколом поздравления от глав иностранных государств по случаю национальных праздников и других событий теперь следует направлять на имя председателя Президиума ВНС. Ранее эти функции выполнял президент КНДР.

Конституция сохранила за Государственным комитетом обороны (ГКО) КНДР роль «высшего военного руководящего органа» страны (подробнее см. ниже).

Повышен статус Кабинета министров (КМ), который стал «высшим административно-исполнительным органом власти». Упрощена структура местных органов власти. Упразднены местные административно-экономические комитеты, их функции переданы народным комитетам.

Конституция включает введение и 7 глав (меньше, чем в предшествующих вариантах конституции).

Введение посвящено роли Ким Ир Сена как основателя КНДР, создателя идей «чучхе», начиная с периода «антияпонской революционной борьбы». Говорится о его основополагающей роли в «осуществлении социальной революции», разработке «основных принципов государственного строительства». Ким Ир Сен канонизируется как «солнце нации, светоч объединения», «политический деятель мирового масштаба», «гений идей, теории и практики руководства», «всепобеждающий стальной полководец».

Конституция КНДР названа «кимирсеновской конституцией», юридически зафиксировавшей идеи великого вождя о государственном строительстве, основанные на принципах «чучхе».

Глава I «Политика» определяет статус КНДР как «суверенного социалистического государства», «революционного государства», руководствующегося идеями «чучхе». В статье 1 указано, что КНДР представляет ин-

тересы «всего корейского народа». Таким образом, как и в Конституции РК, закреплена претензия на юрисдикцию над всем Корейским полуостровом. Статья 4 утверждает, что «власть в КНДР принадлежит рабочим, крестьянам, трудовой интеллигенции, всему трудовому народу». Глава I содержит описание функций и принципов формирования органов власти. Статья 9 говорит о проведении «трех революций — идеологической, технической и культурной». Тут же говорится о борьбе за «воссоединение Родины на основе принципов самостоятельности, мирного объединения и великой национальной консолидации» (согласованы между Севером и Югом в Совместном заявлении 4 июля 1972 г.). Статья 10 говорит об опоре государства на «идейно-политическое единство всего народа» при «руководящей роли рабочего класса», статья 11 — о руководящей роли Трудовой партии Кореи (ТПК). Статья 12 посвящена «защите социалистического строя от подрывных акций внутренних и внешних врагов» путем проведения «классовой линии» и «укрепления диктатуры народной демократии». Статья 13 говорит о «духе и методе Чхонсанри» (в честь руководства Ким Ир Сенем в селе Чхонсанри) как основной линии в руководящей работе (он включает помощь вышестоящих нижестоящим, «совет с массами», «выдвижение на первый план политической работы»), статья 14 — о разворачивании государством массовых движений (особо выделяя «движение за обладание Красным знаменем трех революций»). Статья 15 говорит о защите прав корейцев, проживающих за рубежом, статья 16 — об обеспечении законных прав иностранных граждан в КНДР. Статья 17 посвящена внешнеполитическим принципам (равенство, самостоятельность, взаимное уважение и невмешательство, взаимная выгода). КНДР «активно поддерживает борьбу народов всех стран против любых форм агрессии и вмешательства во внутренние дела других стран, за национальное и классовое освобождение».

В главе II «Экономика» дается определение экономики КНДР как «самостоятельной», опирающейся на социалистические производственные отношения, где средства производства принадлежат государству, общественным и кооперативным организациям. Государственная собственность объявляется «общенародной» и играющей ведущую роль, а собственность общественных и кооперативных организаций — коллективной собственностью состоящих в них трудящихся. Статья 23 ставит целью «постепенное превращение кооперативной собственности в общенародную» (на деле реальных различий между этими видами собственности нет). Признается личная собственность (ст. 24), образующаяся «из доли социалистического распределения по труду, а также из дополнительных льгот». В новой редакции конституции (ст. 24, ч. 3) закреплено также формирование собственности и доходов от «хозяйств

на приусадебных участках» и «в ходе разрешенной хозяйственной деятельности». Статья 25 декларирует «неуклонный подъем материальной и культурной жизни народа» как высший принцип деятельности КНДР и отмену налоговой системы, обеспечение «питанием, одеждой и жильем» всех трудящихся.

Последующие статьи перечисляют основные «чучейские» экономические принципы, такие как «модернизация и перевод на научную основу хозяйства», превращение его в высокоразвитое на основе принципов «чучхе», техническая революция и «массовое движение за технический прогресс», «устранение различий между городом и деревней», «перевод сельского хозяйства на индустриальную основу», «принцип сочетания политического руководства с хозяйственно-техническим», «Тэанская система работы» (упомянуто и «о правильном использовании» хозрасчета и экономических рычагов: себестоимость, цена и рентабельность), плановый характер экономики, «унификация и детализация планирования». Обращает на себя внимание, что в новой редакции конституции разрешено ведение внешней торговли не только государством, но и «общественными и кооперативными организациями» (ст. 36), а также поощряется создание совместных предприятий, функционирование особых экономических зон (ст. 37).

Глава III посвящена культуре, фиксирует государственное вмешательство в социальную и духовную жизнь общества. Закреплены «коммунистический, народный и революционный» характер культуры, необходимость борьбы «против культурной экспансии империализма» (ст. 41), «ликвидации присущего старому обществу образа жизни» (ст. 42).

Гарантировано всеобщее 11-летнее обучение (ст. 45), бесплатное обучение в вузах, дошкольное воспитание. При этом указано на необходимость сочетания обучения с производственным трудом, получения образования без отрыва от производства.

Статьи 50–51 определяют роль государства в развитии науки и техники, а статья 52 — в развитии «самобытных революционных литературы и искусства, национальных по форме и социалистических по содержанию».

Особо отмечена обязанность государства «защищать родной язык и письменность» (ст. 54).

Статьи 55–57 фиксируют обязанность государства развивать физкультуру, бесплатную систему здравоохранения, охранять окружающую среду.

Глава IV посвящена обороне страны. В ней закреплены основы «общенародной, общегосударственной системы обороны», которая

включает «вооружение всего народа и превращение всей страны в крепость» (ст. 60).

В главе V декларируются основные права и обязанности граждан КНДР, основанные, как гласит статья 63, на принципе коллективизма: «Один за всех, все за одного». К ним относятся: право избирать и быть избранным с 17 лет (ст. 66); пользоваться свободой слова, печати, собраний (ст. 67); свобода совести; права на труд, на получение бесплатной медицинской помощи, на образование, на свободу творчества, на свободу жительства и поездок (ст. 70–75). Статья 75 говорит об «особой заботе» о ветеранах революции, членах семей военнослужащих, инвалидах, статья 77 — о равноправии мужчин и женщин, статья 78 — о государственной защите брака и семьи. Статья 79 декларирует гарантии неприкосновенности личности и жилища. В статье 80 говорится о предоставлении убежища иностранным гражданам, преследуемым за борьбу за мир, национальную независимость и социализм. Статья 87 обязывает граждан КНДР «защищать идейно-политическое единство», «проявлять высокий дух беззаветного служения обществу и народу»; статья 83 называет труд «священным долгом» гражданина КНДР. Статья 84 обязывает граждан «бережно и с заботой относиться» к государственной и общественной собственности», статья 85 — «повышать революционную бдительность», статья 86 — защищать отечество и нести военную службу.

Глава VI регламентирует структуру и порядок деятельности государственных органов.

Глава VII описывает государственный герб КНДР (ст. 163), флаг КНДР (ст. 164), гимн — «Патриотическую песню» (ст. 165) и устанавливает, что столицей КНДР является г. Пхеньян (ст. 166).

Законодательная власть

Согласно конституции Верховное народное собрание (ВНС) является высшим органом государственной власти КНДР. В перерывах между сессиями ВНС законодательную власть осуществляет Президиум ВНС.

ВНС вносит изменения в конституцию, принимает законы, утверждает законодательные акты, одобренные Президиумом ВНС, «определяет основные принципы внутренней и внешней политики». Согласно статье 91, ВНС избирает и отзывает с должности высших государственных руководителей: председателя ГКО, членов ГКО (по представлению его председателя), председателя Президиума ВНС и его членов, председателя Кабинета министров и членов кабинета, генерального прокурора, председателя Центрального суда, председателей и членов комиссий ВНС. ВНС рассматривает и утверждает народно-хозяйственный план и бюджет, рассматривает их исполнение, заслушивает доклад о работе

правительства и отдельных ведомств. ВНС ратифицирует международные договоры.

Законы и постановления ВНС принимает простым большинством, изменения конституции — квалифицированным (на деле ВНС голосует всегда единогласно).

Президиум ВНС, согласно статье 106, является высшим органом государственной власти в период между сессиями ВНС. Специально оговорена возможность наличия в его составе, помимо заместителей и членов, почетных заместителей (эти посты созданы для соратников Ким Ир Сена, отошедших от активных дел).

Список его полномочий выглядит достаточно внушительно. Президиум ВНС созывает сессии ВНС, рассматривает и принимает законы и изменения к ним (с последующим утверждением сессией ВНС), рассматривает и принимает план и бюджет, комментирует конституцию, осуществляет надзор над исполнением законов госорганами, отменяет не соответствующие законодательству решения органов госвласти, организует и проводит выборы, проводит работу с депутатами ВНС и его отраслевыми комиссиями. Президиум ВНС образует и упраздняет органы исполнительной власти — министерства и комитеты, назначает их руководителей, избирает и отзывает судей Центрального суда, ратифицирует международные договоры, назначает и отзывает дипломатических представителей, награждает государственными наградами, осуществляет право амнистии и помилования. Он также утверждает и изменяет административно-территориальное деление страны.

Структура и функции правительства

В состав правительства (Кабинет министров) КНДР входят председатель, его заместители, министры и руководители ведомств и другие члены (ст. 118 Конституции). Формально срок полномочий правительства равен сроку полномочий ВНС КНДР. В конституции перечислены 12 сфер полномочий КМ, включая создание и упразднение административно-хозяйственных единиц, разработку государственного плана и бюджета, управление основными отраслями экономики и социальной сферы, финансовой системой, руководство внешними сношениями, контрольно-ревизионные функции. В конституции закреплено наличие Президиума КМ (включающего председателя, его заместителей и членов), который на своих заседаниях «обсуждает и решает вопросы, порученные ему пленарным заседанием КМ». КМ несет ответственность перед ВНС и Президиумом ВНС (ст. 125).

Вновь избранный председатель приносит присягу на сессии ВНС. В конституции также закреплено право КМ издавать постановления

и распоряжения и право министерств и комитетов КМ делать то же применительно к соответствующим отраслям.

Среди ведомств, подчиняющихся Кабинету министров, основную часть составляют министерства экономического блока, в условиях планово-распорядительной экономики выполняющие не только управленческие, но и непосредственно хозяйственные функции. Главным среди них является Государственный плановый комитет (Госплан), подведомственные которому плановые органы пронизывают всю ткань производственных единиц. Министерство электроэнергетической и угольной промышленности, Министерство горнодобывающей промышленности, Министерство металлургической и машиностроительной промышленности, Министерство строительства и промышленности стройматериалов, Министерство химической промышленности, Министерство легкой промышленности, Министерство лесной промышленности, Министерство рыбной промышленности ведают работой соответствующих отраслей хозяйства.

К экономическим ведомствам также относятся Министерство железных дорог, Министерство автомобильного и морского транспорта, Министерство связи, Министерство контроля за государственным строительством, Министерство торговли, Министерство заготовок и продовольствия, Министерство финансов, Министерство внешней торговли, Центральное статистическое управление, Центральный банк, Комитет информации, Государственный комитет по ценам и др.

Среди ведомств социального блока можно выделить Министерство здравоохранения, Министерство образования, Министерство труда, Министерство культуры, Комитет физкультуры и спорта, Академию наук (на правах ведомства), Комитет по радиовещанию и телевидению, Комитет по культурным связям с заграницей, Комитет национальной музыки, Управление туризма, Управление по обустройству революционных исторических мест, Управление по приему зарубежных соотечественников и др.

В систему Кабинета министров входит также Министерство иностранных дел.

Местные органы власти

К местным органам власти в КНДР относят провинциальные, городские и уездные народные собрания и соответствующие народные комитеты, исполняющие законодательные и административные функции в период между сессиями народных собраний. Депутаты народных собраний избираются сроком на четыре года. Согласно Конституции (ст. 134) местные народные собрания:

- утверждают местный план развития народного хозяйства и отчет о его выполнении;
- утверждают местный бюджет и отчет о его выполнении;
- принимают меры для исполнения законов государства на их территории;
- избирают и отзывают руководителей народных комитетов;
- избирают и отзывают судей и народных заседателей;
- отменяют спорные постановления народных комитетов и нижестоящих органов.

Срок полномочий местных народных комитетов равен сроку полномочий соответствующих народных собраний. Народные комитеты осуществляют административно-хозяйственную и распорядительную деятельность на местах, составляют и исполняют план и бюджет, руководят деятельностью нижестоящих единиц, обеспечивают выполнение распоряжений вышестоящих инстанций. При этом они подчиняются вышестоящим народным комитетам и Кабинету министров. Местные народные комитеты проводят пленарные заседания и заседания своего президиума. Местные комитеты имеют отраслевые комиссии по направлениям их деятельности.

Прокуратура

Согласно статье 50, к функциям прокуратуры относятся:

- надзор за исполнением законов организациями и гражданами;
- надзор за соответствием распоряжений госорганов конституции, постановлениям центральных органов власти;
- защита «власти и социалистического строя», собственности, прав граждан, «разоблачение преступников и других правонарушителей».

Прокурорские функции осуществляют Центральная прокуратура (она отвечает перед ВНС и его Президиумом, срок ее полномочий равен сроку полномочий ВНС), провинциальные (городов центрального подчинения), городские (районные), уездные и специальные прокуратуры. Прокуратура призвана следить за точным исполнением уголовного законодательства на всей территории страны. Прокуроры поддерживают государственное обвинение в суде. Прокуратуры всех уровней имеют право возбудить уголовное дело и вести расследование по признакам общеуголовных преступлений, а Центральная прокуратура — также по статьям УК, предусматривающим наказания за преступления против государства. В армии действуют органы военной

прокуратуры, находящиеся в двойном подчинении: Центральной прокуратуре и Центральному суду, с одной стороны, и армейскому командованию соответствующего уровня — с другой. В организованных по военному принципу отраслях экономики (оборонная промышленность, железнодорожный транспорт, добывающая промышленность) действуют специальные прокуратуры.

Суды

На суды в КНДР, согласно статье 156, возложены следующие обязанности:

- охрана власти и социалистического строя, собственности, прав, жизни и имущества граждан;
- «добиваться от всех учреждений, предприятий, организаций и граждан строгого соблюдения законов государства и активного участия в борьбе против классовых врагов и любых правонарушителей»;
- исполнение приговоров и решений по имущественным делам, совершение нотариальных действий.

В судебную систему входят Центральный суд (несет ответственность перед ВНС и его Президиумом), провинциальные (городов центрального подчинения) суды, народные и специальные суды. Сроки полномочий их председателей и народных заседателей равны сроку полномочий соответствующего уровня народных собраний. Председатели и судьи специальных судов назначаются Центральным судом. Народные заседатели «избираются на собраниях военнослужащих или персонала соответствующих коллективов» (ст. 155). Рассмотрение дел ведется с участием одного судьи и двух народных заседателей, а в особых случаях — трех судей.

Политические партии и общественные организации КНДР и их роль в северокорейском обществе

Формально в КНДР действует многопартийная система. Правящей партией с 1945 г. является Трудовая партия Кореи (ТПК). Бессменным лидером ТПК до 1994 г. был Ким Ир Сен. В настоящее время Генеральным секретарем ТПК является его сын Ким Чен Ир. В партии насчитывается около 3 млн членов.

Согласно Уставу, ТПК — это «марксистско-ленинская революционная партия чучхейского типа» («чучхе» — идеология самостоятельности). Руководящая роль ТПК в северокорейском обществе нашла свое юридическое закрепление в Конституции КНДР (ст. 11).

Ближайшая цель партии — достижение полной победы социализма на Севере Кореи и осуществление народно-демократической революции в масштабе всей страны. Конечная цель ТПК — построение коммунистического общества и преобразование всего общества на основе идей «чучхе». Эти цели зафиксированы в Уставе ТПК. Последний, VI съезд партии состоялся в 1980 г. С тех пор партийные съезды не проводились.

Кроме ТПК, в КНДР действуют Социал-демократическая партия (СДПК). Партия создана в 1945 г., насчитывает в своих рядах около 20 тыс. членов. Партия Чондоге-Чоудан (создана в 1946 г.) — религиозная партия. В ней состоит 10 тыс. членов. СДПК и партия Чондоге-Чоудан представлены в высшем законодательном органе — Верховном народном собрании и в местных органах власти. Обе партии признают ТПК в качестве правящей и поддерживают ее внутреннюю и внешнюю политику.

В стране имеется также ряд общественных организаций — Объединенные профсоюзы Кореи (ОПК), Союз трудящихся сельского хозяйства Кореи (СТСХК), Кимирсеновский социалистический союз молодежи Кореи (КССМК), Союз демократических женщин Кореи (СДЖК) и др. Задача общественных организаций КНДР — выполнение функции «приводных ремней», т.е. обеспечение связи Трудовой партии с населением, проведение идейно-воспитательной работы, мобилизация масс на реализацию задач хозяйственного строительства.

В КНДР действует принцип несовместимости членства одного и того же лица в нескольких общественных организациях; допускается членство в ТПК или в одной из существующих организаций.

Все политические партии и общественные организации КНДР (более 70) входят в Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ), созданный по инициативе ТПК и функционирующий под ее руководством. Программа ЕДОФ ставит своей целью скорейшее мирное объединение Кореи, сплочение корейского народа вокруг ТПК, руководство страны во главе с Ким Чен Иром, обеспечение независимого развития Кореи.

Армия — основа политической системы КНДР

При Ким Ир Сене ядром политической системы КНДР была правящая Трудовая партия Кореи. Однако роль военных в общественной жизни КНДР также была существенной. Это нашло свое юридическое закрепление в конституции страны.

После демократических революций в странах Восточной Европы северокорейское руководство предприняло организационно-политические меры, направленные на концентрацию военной власти в руках Ким Чен

Ира. *Во-первых*, в декабре 1991 г. Ким Чен Ир был назначен Верховным главнокомандующим Корейской народной армией.

Во-вторых, Ким Чен Ир был избран на пост председателя Государственного комитета обороны (ГКО) КНДР, который ранее занимал Ким Ир Сен, как президент страны. Статус Комитета был поднят до уровня одного из важных конституционных органов. Ранее Комитет обороны (КО) был одним из рабочих органов Центрального народного комитета (ЦНК). Согласно Конституции ГКО является «высшим руководящим военным органом государственной власти и общим органом управления обороной» (ст. 100), и его полномочия включают:

- руководство всеми Вооруженными силами страны и оборонным строительством;
- учреждение и упразднение центральных органов в области обороны;
- назначение и освобождение от должности главных военных кадров;
- учреждение воинских званий и присвоение генеральских и более высоких воинских званий;
- объявление военного положения и мобилизации в чрезвычайных ситуациях (ст. 103).

Северокорейские военные значительно усилили свою роль в органах власти всех ступеней — от Верховного народного собрания до народных собраний городов и уездов, а также в партийных структурах. В составе ЦК ТПК более 15% мест принадлежит военным. В высшем органе власти — Верховном народном собрании представители армии и сил безопасности занимают около 100 депутатских мест. О привилегированном положении армии в корейской политической системе свидетельствует и тот факт, что Министерство народных вооруженных сил (МНВС) наряду со вторым экономическим комитетом (курирует оборонную промышленность), Министерство государственной охраны и Главное управление правительственной охраны выведены из-под подчинения правительства и контролируются лично Ким Чен Иром.

После смерти Ким Ир Сена значение военных в КНДР значительно усилилось. Северокорейское руководство провозгласило политический курс на приоритет армии (сонгун). В сентябре 1998 г. подверглась новой корректировке конституция страны. Суть нововведений — укрепить кимченировскую систему правления. За Государственным комитетом обороны (ГКО) была сохранена роль «высшего военного руководящего органа» страны. Однако полномочия ГКО на практике значительно шире

и выходят за рамки действующей конституции. Кроме военной сферы, ГКО руководит также экономикой и внешней политикой. На местах действуют уполномоченные ГКО, которые фактически подменяют партийные и местные органы.

Во главе Госкомитета обороны стоит Ким Чен Ир (Верховный главнокомандующий КНА, Генеральный секретарь ТПК, маршал КНДР). В состав ГКО входят 10 человек, в основном военные, а также ряд гражданских лиц, отвечающих за экономику и военно-промышленный комплекс.

Взаимоотношения ГКО с другими государственными и партийными органами довольно своеобразны. Госкомитет осуществляет контрольные функции за работой Президиума ВНС, правительства, министерств и ведомств. Партийным организациям в этой системе отведена главным образом идеологическая, воспитательная работа, пропаганда политики на приоритетное развитие армии.

Перед вооруженными силами в нынешней обстановке поставлены следующие задачи:

- реализация идеи самообороны;
- усиление идейно-политической работы в армии;
- повышение уровня боевой подготовки;
- обеспечение научного характера военного строительства.

Северокорейское общество отличается высокой степенью милитаризации. Из 24 млн населения более 1 млн человек состоит в регулярной армии, на вооружении которой находятся 3600 танков, 9500 орудий полевой артиллерии, ракетные дивизионы, 1600 самолетов, включая 850 боевых, более 440 кораблей, в том числе 25 подводных лодок. Кроме того, в стране сформированы рабоче-крестьянская Красная гвардия (1,4 млн человек) и 700-тысячная молодежная Красная гвардия. На содержание огромной армии и мощного военно-промышленного комплекса северокорейское руководство ассигнует значительные средства.

В апреле 2009 г. на сессии Верховного народного собрания КНДР приняты новые поправки к Конституции страны 1972 г. Из Основного закона изъяты положения о строительстве коммунизма в КНДР (ст. 29, 40, 43). Высший юридический статус получила осуществляемая с 1993 г. политика приоритета армии (сонгун). Расширены конституционные полномочия Государственного комитета обороны. В новой редакции конституции ГКО объявлен высшим органом власти, а его председатель — «Верховным руководителем государства». Увеличен численный состав Госкомитета обороны — с трех до десяти членов. В его состав

включены ближайшие соратники Ким Чен Ира и его родственники. По оценкам южнокорейских экспертов, внесенные в конституцию поправки, а также персональный состав ГКО были направлены на то, чтобы обеспечить передачу верховной власти одному из сыновей Ким Чен Ира в условиях тяжелейшего экономического положения страны и сильного внешнего давления в связи с ее ракетно-ядерными амбициями.

В 2011 г. новым лидером КНДР стал третий сын Ким Чен Ира Ким Чен Ын. Он стал Высшим руководителем КНДР, руководителем партии, армии и народа, маршалом КНДР (с 18 июля 2012 г.), а также получил титулы «новая звезда», «блистательный товарищ», «гений среди гениев» в военной стратегии.

* * *

Более 50 лет политические и экономические системы РК и КНДР развиваются по противоположным направлениям. Соревнование двух корейских систем складывается явно не в пользу северокорейской модели. Если политическая и экономическая система РК идет по пути совершенствования, демократизации, то политический режим и экономическая структура КНДР борются за выживание. Развитие двух корейских государств демонстрирует бесперспективность, более того, пагубность того пути, по которому пошла Северная Корея.

6

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ КИТАЯ

Политические системы и политические институты материкового и островного Китая

К середине XX в. на территории Китая образовалось новое государство — Китайская Народная Республика, объединившая всю материковую часть страны, за исключением колониальных анклавов Гонконга (Сянган) и Макао (Аомэня). Вне компетенции властей КНР осталась лишь островная провинция Тайвань с прилегающими к ней большим архипелагом Пэнхуледао (Пескадорские острова) и другими прибрежными островами, относящимися к этой провинции. Кроме того, войскам потерпевшей поражение в гражданской войне партии Гоминьдан (Национальная партия, или, в другом переводе, Националистическая партия) удалось удержать две небольшие группы островов у побережья континентального Китая, административно входящие в провинцию Фуцзянь (Цзиньмэнь и Мацзу). Проблема возвращения Китаю колониальных анклавов была решена лишь в конце XX в., на протяжении последних десятилетий которого политическими институтами Гонконга и Макао была пройдена определенная трансформация, усилившая роль местных элит в управлении колониями, что в конечном счете способствовало ликвидации прежнего статуса территорий.

Политические институты Китайской Народной Республики начали формироваться еще до провозглашения нового государства и в значительной мере были основаны на опыте освобожденных районов в период революционных войн китайского народа, с последующим широким привлечением опыта СССР.

Китайская Народная Республика, выйдя из политических структур освобожденных районов, которые фактически составляли второе государство на территории страны, конституировалась как республика советского типа. Для таких республик характерно формальное верховенство представительных органов над всеми другими органами государства, которое выражается в образовании этих органов представительными и подотчетностью последним; объединение представительных орга-

нов в иерархические системы со строгим подчинением нижестоящих вышестоящим, осуществление многих полномочий представительных органов более узкими составами или исполнительными структурами, поскольку сессии их редки, а подавляющее большинство депутатов не оставляет основной работы.

Все республики советского типа по государственному режиму — партократические государства, что означает фактическую принадлежность власти центральным и местным структурам правящей партии. В партократических государствах советского типа могут существовать и некоммунистические партии, которые, однако, не играют сколько-нибудь существенной роли в политической жизни страны и не являются политической оппозицией.

Своеобразие политических институтов провинции Тайвань выразилось в том, что эвакуировавшиеся на остров органы центральной власти Китайской Республики и центральные органы правившей на материке партии Гоминьдан (ГМД) долгое время рассматривали себя в качестве политических структур, распространявших свою власть на всю территорию Китая. Они провозгласили себя правопреемниками Китайской Республики, созданной в результате Синьхайской революции 1911–1912 гг., и закрепили за провинцией название всего государства. Китайская Республика на Тайване в течение более двух десятилетий продолжала представлять Китай в ООН. На Тайване продолжила свое действие вступившая в силу в декабре 1947 г. Конституция Китайской Республики, однако действие этой конституции было ограничено созванной еще на территории материкового Китая первой сессией Национального собрания в 1948 г. Этой сессией были приняты так называемые Временные правила на период подавления мятежа, приостановившие действие ряда важнейших положений Конституции 1947 г., предоставившие президенту (а им бессменно до смерти был Чан Кайши) практически неограниченные полномочия. За Временными правилами последовал изданный на их основе уже на Тайване в 1950 г. Декрет о чрезвычайном положении, которым запрещалась организация и деятельность политических партий, кроме правящего Гоминьдана и фактически союзных с ним двух мелких антикоммунистических партий — Младокитайской и Демократического социализма. Полномочия высших выборных государственных органов как бы замораживались на неопределенное время, однако при этом они в каких-то пределах продолжали действовать. Так, раз в шесть лет, как и предусмотрено конституцией, собиралось Национальное собрание. Им в 1954 г. были продлены президентские полномочия Чан Кайши. То же повтори-

лось и на последующих сессиях: третьей (1960 г.), четвертой (1966 г.) и пятой (1972 г.). На шестой сессии (1978 г.) президентом был избран сын Чан Кайши Цзян Цзинго, а седьмая сессия (1984 г.) продлила его полномочия. Лишь в 1990 г. был избран первый президент не из семьи Чан Кайши, имевший местное, тайваньское происхождение. Этот пост занял Ли Дэнхуэй, избранный в 1984 г. вице-президентом, а затем президентом Тайваня. Сменивший его кандидат от оппозиции Чэнь Шуй-бянь (избран в 2000 г. и переизбран в 2004 г.) также уроженец Тайваня.

При своем формировании, несмотря на наличие сравнительно демократической Конституции 1947 г., установившийся сначала в районах, контролируемых Гоминьданом, а затем в провинции Тайвань политический режим сразу обрел зримые партократические черты, которые сохранялись почти в течение всей второй половины столетия. Такому положению немало способствовало то обстоятельство, что Гоминьдан в 1920-х годах прошлого века реорганизовывался с помощью советников-коммунистов из России и до недавнего времени некоторыми политологами, и на Тайване и вне его, относился к партиям ленинского типа, т.е. к партиям с высокой степенью централизации и политической организованности, с присущим единым революционным духом (при этом марксизм-ленинизм не обязательно должен быть идеологией таких партий).

И действительно, в материковой части Китая, а совсем недавно и на Тайване иерархии правящих партий строились параллельно соответствующим административно-политическим структурам и в одинаковой степени использовали организационный опыт ВКП(б)/КПСС. До поражения Гоминьдана на президентских выборах 2000 г. и в той и в другой частях Китая лидер правящей партии являлся главой государства (применительно к Тайваню — главой государства де-факто). Существовавшие дела не меняют то обстоятельство, что и на основной территории КНР, и на Тайване в отдельные периоды эти посты занимались разными лицами, а в КНР одно время пост главы государства упразднился совсем. В КНР и сейчас решение всех важнейших вопросов правительственной политики находится в ведении узких партийных руководящих органов — Политического бюро ЦК компартии Китая (КПК) или его Постоянного комитета, а на Тайване, до недавнего прошлого — Центрального постоянного комитета ГМД. Аналогичным образом партийные структуры влияют и на местные дела, однако на Тайване это влияние снизилось еще до раскола партии и поражения ГМД на президентских выборах, так как уже во второй половине 1990-х годов ГМД утратил ряд постов выборных глав местных администраций и депутатских мандатов в пред-

ставительных органах на местах вплоть до того, что в некоторых из них было утрачено стабильное ранее большинство ГМД.

Что касается КПК, то эта партия еще с времен установления ее власти в освобожденных районах издавала и продолжает издавать директивные акты, непосредственно регулирующие деятельность государственных органов, практикуется и издание совместных партийно-государственных постановлений. Должно быть отмечено, что и прежнее законодательство Китая было отменено направленной на места в феврале 1949 г. партийной директивой «Об отмене гоминьдановской Полной книги шести отраслей права¹ и установлении принципов юстиции освобожденных районов». Более того, в течение многих лет не только в освобожденных районах, но и в КНР обычной практикой было вынесение судебных решений после получения указаний партийных комитетов.

Продолжая сравнение политических институтов двух частей Китая в течение полувекового периода, следует отметить, что партократия была лишь одной из слагающих существовавших там политических систем. В течение долгого времени эти системы были не только партократическими, но и военно-контрольными. Первые лица партийной иерархии одновременно возглавляли вооруженные силы. В КНР на значительный период времени закрепились в политической системе возникшие в качестве временных органов в последний период гражданской войны военно-контрольные комитеты. Система военного контроля повсеместно возродилась и расширилась в годы «культурной революции» 1966–1976 гг., когда практически были подвергнуты слому конституционный государственный аппарат страны и уставные органы партии и общественных организаций. В свою очередь, на Тайване в период военного противостояния с КНР большие полномочия, далеко выходящие за пределы его компетенции, получил штаб Тайваньского гарнизона.

Режимы по двум сторонам Тайваньского пролива были долгое время и мобилизационными, сохраняя некоторые их остаточные черты и сейчас. Тайвань находился в мобилизационном режиме, ожидая вторжение с материка и строя при Чан Кайши нереальные планы возвращения всего Китая под власть ГМД. КНР с момента своего образования находилась в постоянном мобилизационном режиме в силу противостояния США (в том числе и военного противостояния в Корее), а затем и Советскому Союзу. Кроме того, мобилизации всех ресурсов и сил народа требовали

¹ Имеется в виду официальный Свод законов Китайской Республики («Люфа цюаньшу»), в числе разделов (отраслей) которого конституционное право, гражданское право, гражданско-процессуальное право, уголовное право, уголовно-процессуальное право, административное право (в том числе земельное, финансовое и т.д.).

различные амбициозные программы руководства КПК и КНР. Разумеется, в таких условиях ни на Тайване, ни в КНР серьезного значения развитию демократических институтов не придавалось. На Тайване был как бы заморожен персональный состав парламентских учреждений (к ним в то время относились Национальное собрание, Законодательная палата, Палата контроля), сформированный еще в 1940-х годах. Но в 1969 г. были проведены дополнительные выборы Национального собрания, затем доизбирались и члены двух указанных выше палат. С начала 1990-х годов выборы этих учреждений стали проводиться целиком тайваньским электоратом.

Провозглашенная в 1949 г. Китайская Народная Республика обрела конституцию через пять лет после официального ее провозглашения. В течение же первого пятилетия ее существования временной Конституцией КНР считался основной документ Единого народно-демократического фронта — Общая (точнее: Совместная) программа Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). Вместе с тем к конституциеобразующим актам того времени следует отнести и принятые пленарной сессией НПКСК Закон об организации Центрального народного правительства, Постановления о государственном флаге, перенесении столицы государства в Пекин (с возвращением ему исторического наименования, измененного на Бэйпин при правлении гомиьдановского правительства), а также о новом летоисчислении. До принятия в 1953 г. Закона о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей различных ступеней на местах созывались конференции представителей всех слоев населения (конференции народных представителей), делегаты которых в большинстве своем не избирались, а делегировались общественными организациями или назначались местными народными правительствами и военно-контрольными комитетами. Законом о выборах устанавливалась многостепенная избирательная система с немалыми ограничениями по классовому принципу и с неравным представительством городского и сельского населения. Однако созданные в соответствии с этим законом представительные органы часто не функционировали даже в течение одного законодательного срока — с 1957 г. началась череда сменявших друг друга деструктивных политико-идеологических кампаний, венцом которых явилась «культурная революция», превратившая первую Конституцию КНР, принятую в 1954 г. впервые созданным Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП), в фиктивный документ.

Конституция КНР 1954 г. была построена по модели конституций СССР и тогдашних стран народной демократии. Согласно Конституции,

страна провозглашалась «государством народной демократии, руководимым рабочим классом и основанным на союзе рабочих и крестьян» (ст. 1), Конституция закрепляла сложившуюся в политической практике руководящую роль КПК в государстве и ее руководство Единым народно-демократическим фронтом, т.е. фактическую монополию этой партии на власть.

Политической основой государства провозглашались массовые представительные организации типа Советов, впервые появившиеся в России еще в период революционных бурь начала прошлого века. В Китае они были названы собраниями (съездами) народных представителей. В отличие от прежних конференций представителей всех слоев народа собрания по закону становились полновластными органами на местах, однако не были полномочны создавать свои постоянно действующие органы. Функции таких органов возлагались на их исполнительные органы — народные комитеты (местные народные правительства). В отличие от конференций собрания были полностью выборными органами, при этом непосредственно электоратом избирались только низовые собрания народных представителей, остальные — путем многостепенных выборов.

Вместе с тем должно быть отмечено, что по основному своему содержанию Конституция КНР 1954 г. в тот конкретный исторический момент была прогрессивным нормативным актом. Однако ее проведение в жизнь ограничивалось рядом факторов, в том числе давлением экстремистских сил, стремившихся к насаждению культа личности, диктаторских методов правления, милитаризации государственной и общественной жизни. Как уже отмечалось выше, с конца 1950-х годов страну стали лихорадить следовавшие одна за другой деструктивные политические кампании, в ходе которых осуществлялся отход от коренных положений конституции. Ее важнейшие нормы отменялись партийными директивами даже без формального штампования этих действий соответствующими органами государства. Так, создание народных коммун, в процессе которого была ликвидирована система конституционных органов власти на селе, было осуществлено на основании решения узкого партийного органа — Политбюро ЦК КПК. Начавшийся в 1958 г. период «коммунизации» и «большого скачка» (авантюристической попытки одним махом «войти в коммунизм») характеризовался общим снижением роли представительных органов. Выборы не проводились с 1958 по 1964 г., были годы, когда не созывались даже сессии ВСНП. А в ходе «культурной революции», как уже отмечалось, основанный на конституции государственный механизм КНР был ликвидирован. Прошли годы, полные драматических событий, прежде чем страна усилиями реформаторов в руководстве КПК

смогла вернуться к стабильной политической системе, основанной на конституции и законах.

На Тайване в аналогичный исторический период действие Конституции Китайской Республики 1947 г. было существенно ограничено в отношении центральных органов, однако там еще с начала 1950-х годов стали избираться местные представительные органы и главы местных администраций. В ходе этих выборов беспартийные кандидаты стали со временем конкурировать с кандидатами от ГМД. Однако вплоть до середины 1980-х годов местные выборы в действительности были лишь формой подкрепления политического господства ГМД, служили легитимизации авторитарного правления. Контроль ГМД за процессом подготовки и проведения выборов делал их в подавляющем большинстве случаев «выборами без выбора». Однако с позиций сегодняшнего дня можно констатировать, что сама практика проведения выборов даже в условиях существовавшего тогда на острове режима хотя и слабо, но способствовала появлению реальной возможности для инакомыслящих деятелей выступать в качестве противовеса кандидатам от правящей партии. Выборы помогли сформировать основу для выхода на арену политической борьбы оппозиционных партий, создав тем самым необходимые предпосылки для начала процесса демократизации режима.

Партократические режимы в КНР и на Тайване на всем протяжении раздельного развития этих частей Китая, вплоть до ликвидации партократического режима на Тайване, допускали существование других, кроме КПК и ГМД, политических партий. Так, в КНР к началу 1950-х годов сложилось восемь так называемых демократических партий, которые никогда не были оппозицией в отношении КПК¹, хотя некоторые из них в свое время претендовали на положение «третьей силы», например, нынешняя Крестьянско-рабочая партия в 1920-х годах так и называлась «третьей партией», в 1940-х годах пыталась занять подобное положение Демократическая лига. В 1999 г. демократические партии были объединены в рамках уже упоминавшейся выше организации Единого фронта — НПКСК, и в общем никогда не скрывалось, что все эти партии «принимают руководство» КПК. Общеизвестно было и то, что некоторое количество членов этих партий одновременно состоит в КПК. Формула

¹ Известным исключением является период «необыкновенной весны» 1956 г. (8 мая — 7 июня), когда в ходе санкционированной властями критической кампании в печати лидеры ряда демократических партий выступили с явными претензиями на реальную власть, вплоть до объединения всех демократов в единую оппозиционную партию, способную бросить вызов коммунистам; высказывались и предложения передать демократам всю полноту власти в отдельных провинциях страны и т.п.

о многопартийном сотрудничестве под руководством КПК закреплена в действующей Конституции КНР¹.

На Тайване с введением чрезвычайного положения вне запрета оказались только деятельность правящей партии ГМД и двух уже упоминавшихся мелких партий — Младокитайской и Партии демократического социализма. Существование этих двух партий было в достаточной степени формальным, однако ими выдвигались кандидаты в местные представительные органы, а затем и на дополнительных выборах — в парламентские учреждения. В ряде случаев они получали соответствующие мандаты — об этом заботился и ГМД, и тогда заинтересованный в том, чтобы представлять существующий на Тайване режим в качестве многопартийного. Но реальная многопартийность возникла на острове лишь во второй половине 1980-х годов. В 1986 г., еще в период действия чрезвычайного положения и вопреки формальному запрету, была организована по-настоящему оппозиционная ГМД Демократическая прогрессивная партия (ДПП), а с отменой чрезвычайного положения в 1987 г. процесс образования новых партий приобрел бурный характер — в течение последующего десятилетия их число перевалило за 70, а в августе 2001 г. была зарегистрирована 95-я партия — Союз солидарности Тайваня. Одно время на политической арене острова на положение «третьей силы» претендовала Новая партия (НП), отколовшаяся от ГМД. На выборах в декабре 1995 г. она получила значительное число мест (21) в Законодательной палате, однако на последующих парламентских выборах количество полученных ею мандатов уменьшилось, а в 2001 г. ей удалось провести только одного своего кандидата в законодательный орган. Накануне президентских выборов 2000 г. произошел новый и более значительный раскол когда-то могущественного Гоминьдана, из которого выделился сначала Циньминьдан (Первая партия народа, или Родная партия народа) во главе с бывшим видным деятелем ГМД и единственным избранным электоратом губернатором провинции Тайвань Сун Чуюем (Джеймсом Суном), а затем и Союз солидарности Тайваня (сокращенно Тайлянь), образование которого было поддержано как бывшим президентом и бывшим председателем ГМД Ли Дэньхуэем, так и тогдашним президентом Чэнь Шуйбяем, избранным от ДПП, а затем и занимавшим пост ее председателя. В 2000 г. ГМД потерял на два конституционных срока пост президента и перестал быть партией большинства. Вместе с тем, как показали состоявшиеся одновременно с парламентскими 26 января 2002 г. выборы глав администраций уез-

¹ Подробнее см.: *Степанова Г. А.* Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М., 1999.

дов и городов провинциального подчинения и последовавшие за ними выборы глав администраций городов уездного подчинения и волостей и депутатов городских и уездных собраний, ГМД продолжает удерживать определенные позиции во властных структурах на местах. Так, ему удалось получить дополнительное место на выборах глав администраций уездно-городского уровня, а на выборах глав низовых административных постов из 319 таких постов он завоевал 225 (71%), превысив прежнее число избранных от этой партии глав местной исполнительной власти на 6 мест¹. ДПП в настоящее время обладает самой многочисленной парламентской фракцией, которая, однако, не составляет большинства в Законодательной палате (89 мест из 225). После парламентских выборов тогдашний председатель партии Се Чжантин высказался за блокирование партии, например, с Тайлянем, поскольку их-де объединяет политика неприятия пекинской формулы «Одно государство, две системы». Но, так или иначе, можно констатировать установление на Тайване многопартийной системы, которое произошло мирно, без резкой конфронтации в обществе и под патронажем партии ГМД, некогда обладавшей полной монополией на власть и являвшейся классической доминантной партией.

По-иному выглядит сейчас многопартийность в КНР, определяемая упомянутой выше формулой о многопартийном сотрудничестве под руководством КПК. Демократические партии считаются в КНР «участующими во власти». Формально нынешний уровень такого участия демократов и «беспартийных демократических борцов» в настоящее время ниже, чем в первые годы КНР, когда некоммунисты занимали половину постов заместителя председателя Центрального народного правительства, значительное число постов членов Административного совета, пост председателя Верховного народного суда, министерские посты и даже один из вице-премьерских постов. Конечно, в таком движении демократов и беспартийных на руководящие посты больше превалировало стремление создать в общественном лице страны и мира представление о правительстве КНР тех лет как о коалиционном, чем желание поделить власть с демократами. На деле все важнейшие вопросы министерства или иного центрального ведомства решались партийной группой руководства, в которую министр-некоммунист не входил. В настоящее время представители демократических партий и беспартийные демократы не являются первыми лицами в центральных органах государства и местных властных структурах, однако немалое их

¹ Taipei Journal. 2001. No 47. P. 1–2.

количество работает заместителями высоких должностных лиц (одно время некоммунист был даже заместителем председателя КНР), есть они и среди заместителей председателя Верховного народного суда, заместителей генерального прокурора Верховной народной прокуратуры, заместителей министров, вице-губернаторов провинций и заместителей председателей автономных областей (районов), ответственных работников судебных, прокурорских, контрольных и ревизионных органов; лидеры демократических партий и видные беспартийные демократические деятели являются заместителями председателя и членами Постоянного комитета ВСНП. Если оценивать сегодняшнее положение некоммунистических политических деятелей в целом, то можно констатировать, что их политический вес возрос при правлении Дэн Сяопина и нынешнего поколения руководства КПК, и не только за счет расширения участия некоммунистов в различных ветвях власти, но в большей степени за счет установления политического обычая предварительных консультаций с демократическими партиями и деятелями до принятия важнейших государственных решений. Более того, у них запрашивается мнение по документам, намечаемым для обсуждения и принятия на съездах КПК или пленумах ЦК КПК, проектам решений по крупным вопросам политики и кадровым назначениям, проектам важнейших законов и других нормативных актов. В некоторых случаях политические деятели — некоммунисты становятся инициаторами крупных политических акций, например, усиления парламентской и научной дипломатии, или же важнейших экономических проектов, например, создания экономической зоны освоения дельты реки Янцзы и т.п. Во всем этом просматривается поиск коммунистами взаимодействия и, возможно, компромисса с социальными слоями, не воспринимающими полностью коммунистическую идеологию, но согласными со «специфически китайским социализмом», т.е. развитием различных форм собственности под государственным контролем. Но, конечно, в основном и главным работа КПК с демократическими партиями и беспартийными демократическими деятелями является важнейшей составной частью политики сплочения китайского народа, лежащей в основе стабильного развития страны, недопущения антинародных эксцессов типа «культурной революции».

Важнейшей из задач в деле обеспечения политической стабильности явилось восстановление разрушенного «культурной революцией» конституционного строя страны. Первым актом в этом процессе была замена конституционно-правовым документом политической декларации экстремистских сил, названной Конституцией КНР 1975 г., которая ни по каким параметрам не подходила под понятие основополагающего за-

кона страны. Требовалось восстановить действие основных положений Конституции 1954 г. Это произошло в 1978 г. путем принятия третьей (по формальному отсчету) Конституции КНР. Авторы этой конституции вернули государственный механизм почти полностью к положениям Конституции 1954 г. Более того, она ввела в политическую систему страны постоянно действующие органы собраний народных представителей — постоянные комитеты, правда, первоначально они вводились лишь для уездных и вышестоящих собраний. В дальнейшем система постоянных председателей СНП была введена на волостном уровне (ранее их функции исполняли главы низовых администраций). Важно также отметить, что принятый вслед за Конституцией 1978 г. новый Закон о выборах от 1 июля 1978 г. отменил ограничения для участия в выборах по классовому признаку, однако оставил неравное представительство городского и сельского населения. Важным нововведением явилось и установление системы выборов на альтернативной основе, т.е. число кандидатов в депутаты должно превышать число подлежащих избранию депутатов. У избирателей появилась возможность выбора своих представителей, правда, из числа лиц, стоящих на одинаковой политической платформе.

Вместе с тем в государственную структуру продолжали входить порожденные «культурной революцией» в качестве местных правительств «ревкомы», присутствовали и иные рудименты трагического десятилетия 1966—1976 гг. Все это нужно было устранить, и поэтому долгая жизнь Конституции 1978 г. не была уготована. Уже в последующие два года в нее были внесены существенные поправки (в том числе исключение из органов власти «ревкомов»), а в 1980 г. вместе с поправками было принято решение о выработке новой конституции. Такая конституция была принята в 1982 г. Основываясь на первой Конституции КНР и восстанавливая образованные ею институты, новая конституция, вместе с тем, развивала и обогащала политическую структуру страны. В этой конституции, как никогда ранее, много места было уделено Единому фронту, который при этом стал именоваться «патриотическим», а не «народно-демократическим» (как в 1954 г.) или «революционным» (как в 1978 г.). Таким образом, нашла конституционное закрепление принятая в 1979 г. формулировка состава Единого фронта, допускающая в его состав патриотов, не стоящих на социалистических позициях, но являющихся «сторонниками объединения Родины», т.е. воссоединения с КНР Тайваня и колониальных анклавов в Сянгане и Аомэне. С политической территориальной интеграции Китая было прямо связано и введение в конституцию статьи об особых административных районах, режим

которых «с учетом конкретных условий устанавливает Всекитайское собрание народных представителей» (ст. 31).

Существенные изменения были внесены и в государственную структуру, выразившиеся в следующих основных моментах:

- 1) восстановление упраздненного Конституцией 1975 г. поста председателя КНР;
- 2) предоставление Постоянному комитету ВСНП обширных прав в области законодательства;
- 3) образование Центрального военного совета КНР, который, как заранее было установлено, совпадает по персональному составу с Военным советом (точнее, Военной комиссией) ЦК КПК;
- 4) восстановление волостного звена органов власти и управления, ликвидированного в ходе «коммунизации» села;
- 5) установление сроков, ограничивающих пребывание некоторых высших должностных лиц на своих постах;
- 6) установление несовместимости членства в постоянных комитетах собраний народных представителей (включая ПК ВСНП) с занятием административных, судебных и прокурорских должностей;
- 7) учреждение в составе правительств различных ступеней системы ревизионных органов для усиления контроля над финансами и финансовой деятельностью.

Конституцией КНР 1982 г. были восстановлены основные автономные права национальных районов, ранее содержавшиеся в первой конституции страны, в том числе право на издание положений об автономии и отдельно действующих положений (местных законов, учитывающих национальную специфику), на формирование местных отрядов общественной безопасности и особые финансовые права. Вместе с тем конституцией впервые установлено положение, согласно которому председатели автономных областей, начальники автономных округов и автономных уездов должны быть гражданами тех национальностей, которые осуществляют территориальную автономию (ст. 114). В целом Конституция 1982 г. была существенным шагом вперед по сравнению со своими предшественницами 1970-х годов, а в некоторых отношениях превосходила и первую конституцию страны. Однако в основном она была скорее восстановительным, чем реформаторским документом. Такое свое значение она получила лишь с принятием поправок 1988, 1993, 1999 и 2004 гг., которые, правда, лишь сравнительно в небольшой мере касались политических институтов, но вносили существенные

изменения в общественный строй государства, систему управления экономикой. Первыми конституционными поправками 1988 г. были легализованы частные хозяйства и аренда земли. Поправками 1993 г. закреплялась система регулируемой государством рыночной экономики, именуемая «социализмом с китайской спецификой». Из конституции исключены положения, закреплявшие плановую систему хозяйства, что означало существенный отход от командно-административной системы управления экономикой. К моментам, относящимся к политической системе, можно отнести закрепление во введении конституции формулы «многопартийное сотрудничество под руководством КПК», которая, однако, ничего принципиально нового не содержала, и изменение срока полномочий собраний народных представителей уездного уровня, который стал пятилетним. Унификация сроков полномочий этого уровня представительной власти с вышестоящими создает определенные удобства для властей при организации выборов, являющихся многостепенными.

Наиболее значительным из следующей серии поправок (1999 г.) в части общественного строя страны явилось возведение частного сектора в статус «важнейшей составляющей социалистической рыночной экономики». Это положение ни в коей мере не отменяет государственного контроля в отношении частных и индивидуальных хозяйств. Наоборот, конституция подчеркивает направление государством их деятельности, наблюдение и контроль со стороны государства. Из поправок 1999 г. в части, касающейся политической системы, следует, прежде всего, отметить новый первый абзац статьи 5, предусматривающий управление страной согласно закону и становление КНР в качестве правового государства. Поправка отражает быстрое нарастание в стране большого пласта разнообразных правовых норм. Реформа права считается в КНР важным направлением политической реформы. В связи с этим нельзя не отметить еще одну из конституционных поправок 1999 г. — 6-ю (по общей нумерации 17-ю). Суть ее в исключении понятия «контрреволюционное преступление» из китайской правовой терминологии. Теперь в конституции говорится о подавлении «предательской и прочей преступной деятельности, подрывающей безопасность государства» (ст. 28). Таким образом, карательная политика государства переводится в более цивилизованное русло, уменьшается возможность необоснованных репрессий.

В 2004 г. в Конституцию КНР был внесен ряд поправок, коснувшихся ее Введения и нескольких статей. Так, во Введение были внесены новые установки КПК относительно «трех представительств» (т.е. партия

представляет весь народ, объективные потребности развития производительных сил и передовой китайской культуры) и «гармоничного развития материальной, политической и духовной культуры». Там же дана более широкая формулировка состава Единого фронта, позволяющая включить в него в качестве «строителей дела социализма» предпринимателей и лиц, занятых посреднической деятельностью, управленческий и технический персонал, работающий по контрактам на предприятиях иностранного капитала, и т.п. Новая редакция конституции устанавливает обязательную компенсацию при изъятии или реквизиции (временном отчуждении) земли и иного частного имущества в общественных нуждах. Рядом статей конституции усиливается поддержка частной собственности и ее развитие.

В статье 33 Конституции, открывающей главу об основных правах и обязанностях граждан, вставлено такое положение: «Государство уважает и защищает права человека». Это положение было сочтено в Китае «важным прорывом в развитии прав человека в условиях социализма». При этом подчеркивается, что на протяжении довольно длительного времени в КНР права человека были запретной зоной в идейно-теоретической области.

К представительным-церемониальным функциям председателя КНР добавлено «осуществление деятельности — по делам государства» (ст. 81), которое, очевидно, будет расшифровываться последующим законодательством. Далее установлен одинаковый пятилетний срок полномочий для собраний народных представителей всех уровней (ранее у низовых представительных органов он был трехлетним). Наконец в название последней, 4-й главы Конституции введен в качестве одного из символов КНР государственный гимн — «Марш добровольцев», принятый резолюцией пленарной сессии НПКСК еще в сентябре 1949 г.

В последние два десятилетия XX в. целый ряд изменений, связанных с политическими реформами, был внесен в действующую на Тайване Конституцию Китайской Республики 1947 г. Началом политических реформ на Тайване следует считать отмену в 1987 г. чрезвычайного положения. Одновременно был принят Закон о национальной безопасности, в котором, в частности, содержались положения, отменяющие юрисдикцию военных судов в отношении гражданских лиц, изымающие из ведения военных властей осмотр прибывающих на остров багажа и грузов, устанавливающих регулярную иммиграционную систему для въезда и выезда с территории Тайваня.

В январе 1988 г. на острове вошел в силу Закон о собраниях и демонстрациях, согласно которому собрания и демонстрации разрешались

повсеместно, за исключением территорий и зданий Администрации президента, Исполнительной и Экзаменационной палат, судебных учреждений, международных авиационных и морских портов, важнейших военных объектов, а через год, в январе 1989 г., президентом был промульгирован принятый Законодательной палатой Закон о народных организациях, регулирующий деятельность профессиональных, социальных и политических организаций. В качестве политической партии законом признавалась политическая организация, чьей целью является назначение кандидатов на выборах и подходящая для регистрации по другим критериям. При этом признавались лишь организации национального (т.е. фактически всетайваньского) масштаба, но не региональные. В регионах острова могут создаваться лишь отделения партий. Политическим организациям специальной статьей закона запрещено получение пожертвований от иностранных организаций или организаций, основными членами которых являются иностранные организации или корпорации. Законом создавался позднее отмененный особый орган при Исполнительной палате по надзору за политическими партиями, наделенный правом их роспуска.

Важной вехой на пути начального этапа политических реформ на Тайване стала состоявшаяся в Тайбэе 28 июня — 6 июля 1990 г. Конференция по национальным проблемам, главной задачей которой было высветить весь спектр мнений политиков различных направлений по вопросам конституционной реформы. Участниками конференции был достигнут консенсус по следующим вопросам: во-первых, относительно отмены Временных правил на период национальной мобилизации для подавления мятежа; во-вторых, об отставке до 31 декабря 1991 г. старейших парламентариев, избранных в Национальное собрание, Законодательную и Конституционную палаты в конце 1940-х годов; в-третьих, о прямых выборах губернатора Тайваня и мэров Тайбэя и Таосюна. Кроме того, большинство участников конференции высказались за сохранение предложенной еще Сунь Ятсеном системы разделения пяти властей (законодательной, исполнительной, судебной, экзаменационной и контрольной), а также за введение так называемых «общенациональных округов» при выборах в Национальное собрание и Законодательную палату, мандаты в которых распределяются пропорционально полученному политическими партиями числу голосов на выборах. Затем эти рекомендации стали претворяться в жизнь.

Так, уже в апреле 1991 г. Национальное собрание Тайваня отменило Временные правила на период национальной мобилизации для подавления мятежа. Тогда же была принята первая серия дополнительных

статей конституции, которые, прежде всего, регулировали новый порядок выборов и теперь были ориентированы на электорат тайваньского региона и зарубежных китайцев с тайваньскими паспортами. Выборам Национального собрания второго созыва, которые прошли в декабре 1991 г., предшествовало постановление Совета великих судей Палаты юстиции (аналог Конституционного суда) от 21 июня 1991 г., которым предписывалось членам парламентских учреждений, сформированных в конце 1940-х годов, уйти в отставку до 31 декабря 1991 г.

При выборах как Национального собрания, так и Законодательной палаты предусмотрено представительство от женщин. Вместе с тем в отличие от первоначального текста конституции не предусмотрено представительство от монгольских аймаков и Тибета. Выборы представителей от зарубежных китайцев в указанные органы происходят по образцу избрания депутатов от общенационального округа, т.е. в зависимости от успеха партий на выборах.

Дополнительными статьями 1991 г. предусматривались и новые нормы избрания Палаты контроля, однако в 1992 г. новой серией дополнительных статей избрание членов Палаты контроля было заменено их назначением президентом с согласия Национального собрания. Палата контроля перестала быть «третьим рукавом» парламентской власти, как раньше ее называли.

Дополнительные статьи 1992 г. были приняты Национальным собранием 27 мая указанного года и на следующий день промульжированы президентом. Эта серия дополнительных статей существенно углубила конституционную реформу. Статьями 1992 г. менялся статус Национального собрания, функции которого в прошлом ограничивались внесением изменений в конституцию и избранием президента и вице-президента. Сессии Национального собрания стали как минимум ежегодными (ранее обычно собирались раз в 6 лет), с заслушиванием посланий президента, их обсуждением и принятием рекомендаций. С 1996 г. депутаты Национального собрания стали избираться на 4 года (ранее на 6 лет). Дополнительные статьи 1992 г. предрешили избрание президента и вице-президента всем электоратом региона, начиная с 1996 г. Срок полномочий этих высших должностных лиц был сокращен с 6 до 4 лет при сохранении права на переизбрание еще на один срок.

Дополнительные статьи 1992 г. предусматривали возможность отзыва президента и вице-президента. Вместе с тем был изменен порядок формирования Палаты юстиции и Экзаменационной палаты, для назначения персонального состава которых теперь не требуется согласия Национального собрания. Очень важной конституционной новеллой

явилось положение о том, что на Совет великих судей, кроме ранее установленных полномочий по толкованию конституции и законов, были возложены функции конституционного трибунала для рассмотрения дел о роспуске политических партий, деятельность которых угрожает существованию Китайской Республики на Тайване или «свободному, демократическому конституционному порядку». Таким образом, отменялся существовавший ранее административный порядок запрещения партий.

В 1994 г. была принята новая серия конституционных поправок и вместе с тем принятые ранее поправки были как бы кодифицированы — сведены вместе с новыми в единый документ из 10 дополнительных статей. Новыми поправками был прежде всего решен вопрос о способе избрания президента и вице-президента. Установлено, что эти высшие должностные лица будут избираться прямым голосованием тайваньского электората, включающего зарубежных китайцев с тайваньскими паспортами, однако, чтобы принять реальное участие в выборах, они должны в день голосования находиться на «свободной территории», т.е. в тайваньском регионе. Поправками 1994 г. значительно увеличены права президента в отношении смещения и назначения ряда важных должностных лиц. Теперь для этого не требуется согласия премьера Исполнительной палаты, тогда как раньше подпись премьера на актах о назначениях и смещениях была обязательной. Поправками 1994 г. вводились должности спикера и вице-спикера Национального собрания, однако созыв последнего возлагался на президента республики, хотя вместе с тем предусматривалась возможность созыва собрания и спикером, если будет поставлен вопрос об отзыве или отрешении от должности президента или вице-президента.

Поправки 1994 г. были последними, принятыми Национальным собранием, в котором депутаты от ГМД обладали необходимым для внесения изменений в конституцию квалифицированным большинством. После выборов 1996 г. ГМД, оставшись партией большинства в Национальном собрании (183 из 334 мандатов), не мог уже безраздельно контролировать конституционный процесс. Все последующие поправки в конституцию вносились путем достижения консенсуса между партией большинства и оппозицией.

Очередные конституционные поправки имели место в 1997 г. Им предшествовала Конференция по национальному развитию (23–28 декабря 1996 г.), на которой было достигнуто согласие между ГМД и ДПП по ряду конституционных вопросов. Главным достижением этого форума явился консенсус партий по вопросу назначения главы правительства (премьера Исполнительной палаты) президентом без

согласия Законодательной палаты (в то же время Законодательная палата может сместить премьера вотумом недоверия, но только раз в год) и о перестройке провинциального управления, в результате которого правительство провинции фактически низводилось до положения департамента Исполнительной палаты. Одной из серии поправок 1997 г. было аннулировано право Палаты контроля инициировать в Национальном собрании процедуру импичмента президента и вице-президента, это право передано Законодательной палате. Одновременно зафиксирована численность последней — 225 членов, при этом способ их избрания остался прежним, при одновременном увеличении квот представительства от административно-территориальных единиц и «общенационального округа», аборигенов, зарубежных китайцев. Особо оговорено представительство женщин (не менее 10% от общего числа депутатов). В положение о неприкосновенности членов Законодательной палаты было внесено существенное изменение: отныне законодатели не могут быть подвергнуты аресту или задержанию без разрешения палаты только во время сессий. Однако, как и прежде, разрешение не требуется в случае ареста или задержания на месте преступления. Некоторые изменения в конституции коснулись Палаты юстиции в отношении численности великих судей и срока их полномочий, отдельного бюджета Палаты и т.д.

На провинциальном уровне представительный орган — собрание заменено назначаемым президентом Консультативным советом. Президент же назначает и губернатора, которые ранее (правда, только раз) избирался электоратом провинции.

Последняя серия поправок в действующую на Тайване конституцию была принята 24 апреля 2000 г. Они касались в основном статуса Национального собрания, в том числе и порядка его формирования. Теперь он в конституции определяться не будет, а отнесен к текущему законодательству. Численность Национального собрания ограничивается тремястами депутатами. Полномочия же его сводятся к голосованию по принятию предложенных Законодательной палатой поправок к конституции и изменений территории государства. Кроме того, собрание обсуждает предложения Законодательной палаты об отрешении от должности президента или вице-президента и проводит голосование по этому предложению, которое для его воплощения в жизнь должно собрать 2/3 голосов депутатов собрания. В результате поправок 2000 г. Национальное собрание лишилось полномочий по утверждению персонального состава Палаты юстиции и Палаты контроля и Экзаменационной палаты. Они перешли к Законодательной палате. Не предусматривается и заслушивание собранием посланий

президента о положении государства, это также теперь осуществляется Законодательной палатой. От собрания к Палате перешло и право избрания вице-президента республики в случае, если этот пост станет вакантным. Конституционной новеллой является и положение третьего абзаца статьи 1 Дополнительных статей в редакции 2000 г. о том, что депутаты самостоятельно собираются на сессию в течение десяти дней после утверждения результатов выборов и продолжительность сессии не может превышать одного месяца. Новой редакцией статей не предусмотрены должности спикера и вице-спикера.

Однако Национальному собранию и с поправками конституции в 2000 г. не была суждена долгая жизнь. Основные политические партии Тайваня пришли к 2005 г. к единому мнению об архаичности этого института. На единственной сформированной в соответствии с поправками 2000 г. *ad hoc* (т.е. по определенному поводу) сессией Национального собрания 7 июня 2005 г. было принято решение о ликвидации этого органа. Законодательная палата стала таким образом единственным органом, осуществляющим легислативные функции для всего тайваньского региона.

Упразднение Национального собрания вызвало внесение в Дополнительные статьи конституции положений о новых полномочиях Законодательной палаты, в которые добавлены функции, перешедшие от Национального собрания, прописан новый порядок формирования Экзаменационной палаты, Палаты юстиции и Палаты контроля и т.д.

Так или иначе, мы можем говорить о Тайване как регионе Китая, в котором установилась политическая система, в целом отвечающая стандартам многопартийности, обеспечивающим политический плюрализм. Что касается материковой территории КНР, то здесь о политическом плюрализме можно говорить лишь как о будущем страны, поскольку для этого еще не создано организационно-политических предпосылок, да и само это понятие не входит в политический инструментарий руководства страны и его идеологов. Однако явью сегодняшнего дня стал далекий от «единой линии» прошлых лет плюрализм мнений в науке, литературе и искусстве. Теоретически нельзя исключить его перерастания в политический плюрализм, который может подпитываться и плюрализмом форм собственности. Можно предположить, что в будущем, с ростом экономического могущества Китая, дальнейшим развитием многосекторальной экономики, вопрос о политическом плюрализме так или иначе возникнет. Однако сейчас реформы в политической сфере диктуются главным образом прагматическими интересами. Поэтому на первое место выдвигается административная реформа — широкий

комплекс мероприятий по совершенствованию аппарата управления и улучшению его кадрового состава. Наряду с укрупнением центральных ведомств и преобразованием их задач в задачи макроэкономического регулирования в КНР с 1990-х годов были предприняты важные шаги по созданию регулярной системы государственной службы, включающие набор на службу по результатам экзаменов, периодические аттестации госслужащих, их дополнительное обучение и повышение квалификации, иерархию рангов и должностей и т.д. Здесь в некоторых моментах проявляется определенное сходство с системой гражданской службы на Тайване. Но есть и немало различий. Так, в КНР не предусматривается формально независимой и политически нейтральной экзаменационной (кадровой) ветви власти. Однако и на Тайване существование этой ветви власти ставится под сомнение, так как фактически формированием корпуса гражданских служащих занимается Кадровая администрация Исполнительной палаты. В КНР в системе Государственного совета, т.е. правительства, функционирует Министерство кадров (Министерство по делам персонала). Согласно официальным нормативным актам КНР, экзамены дополняются проверкой по политическим, экономическим и моральным качествам, а кандидатуры на руководящие посты рассматриваются соответствующими комитетами КПК. Не является политически нейтральным и подбор руководящих кадров на Тайване. Известно, например, что совсем недавно большинство среди высших государственных чиновников составляли члены ГМД.

В целом, как представляется из сравнения политических институтов материковой части КНР и Тайваня, нельзя делать однозначные выводы о высокой степени динамичного развития демократии на Тайване и консервации политической системы прошлых лет в КНР. Действительно, интересы сохранения социально-политической стабильности в материковом Китае в период важнейших социально-экономических преобразований не подвигают руководство этой страны на большие преобразования в области политической системы. Однако такие преобразования пусть небольшими шагами, но идут. В КНР, как уже отмечалось выше, давно уже не являются безальтернативными выборы представительных органов, а последними — глав администраций и их заместителей. Отошло в прошлое и единогласное голосование по принимаемым представительными органами решениям и при выборах руководителей различного ранга, в том числе и самых высоких. Сделаны серьезные шаги по созданию большого пласта необходимых законов и других нормативных актов, которые в дальнейшем помогут создать систему управления страной, целиком опирающуюся на правовые нормы.

Сравнивая эволюцию политических институтов материковой части КНР и Тайваня, нельзя переоценивать молодую демократию на острове, не так давно вступившую во второе десятилетие своего существования. У нее немало своих проблем, и не все политические события там можно отнести к достижениям демократии. Следует отметить, что даже живущие вне Китая диссиденты из КНР не считают, что тайваньский опыт во всем пригоден для материкового Китая (в частности, в таком духе высказывался известный правозащитник Вэй Цзиншэн). А побывавший на Тайване во время одной избирательной кампании лидер сянганской оппозиционной Демократической партии Мартин Ли высказал очень критические замечания относительно ее проведения, отметив, среди прочего, что в Сянгане нельзя представить таких открытых форм подкупа избирателей, как бесплатное их угощение. Как мы знаем и из российского опыта, большой опасностью для молодых демократий является наступление на представительные органы и исполнительную власть, а также и другие ветви власти, криминальных структур, а местами и сращивание последних с властями. Известно, например, что в местном депутатском корпусе, избранном в 1994 г., по официальным данным полиции, более трети членов представительных органов имели криминальные связи или привлекались к суду за уголовные преступления. Были сообщения и о том, что несколько членов мафиозных организаций избирались в парламентские учреждения даже по спискам ГМД.

Именно необходимость обороны от проникновения криминала во власть вызвала приостановление конституционными поправками 1997 г. неприкосновенности парламентариев в межсессионные периоды. Такую же направленность имеет пока не реализованное соглашение ГМД и ДПП об отмене выборов глав администраций в низовом звене, которое считается особенно засоренным людьми с криминальными связями (1996 г.). В том же году был принят законодательный акт — Положение о борьбе с организованной преступностью, установивший запрещение регистрации в качестве кандидатов на выборах лиц, имевших судимости за участие в преступных организациях. При этом теперь уголовной ответственности подлежат и лидеры преступных формирований, не принимавшие личное участие в уголовно наказуемых действиях.

Оценивая эволюцию политических институтов Тайваня в контексте реформирования всего регионального общества, важно подчеркнуть, что мирный переход от военно-авторитарного режима к многопартийной демократии не был лишь проявлением собственной политической воли правившей в то время партии ГМД, однако историческое место Чан Кайши и Цзян Цзинго в этом процессе также несомненны. Но в целом

на ГМД оказывалось достаточно ощутимое давление как извне — со стороны оппозиционных сил, так и изнутри — со стороны молодой интеллектуальной элиты партии, впитавшей вместе с образованием на Западе либерально-демократические политические ценности. Важным фактором давления на «твердолобых» в ГМД были и студенческие выступления за демократизацию политических институтов острова. Не на последнем месте было и давление на правящую элиту Тайваня со стороны США, которых всегда шокировали зримые тоталитарные черты в режиме тайбэйских союзников. США легко мирились с этими чертами в период противостояния с КНР, однако они стали мешать США после установления дипломатических отношений с материковым Китаем и перевода американско-тайваньских отношений в разряд неофициальных. Тайвань, к тому времени окрепший экономически, стал больше интересовать США как своего рода витрина либерально-демократических ценностей в Восточной Азии. Однако главной составляющей условий, обеспечивших демократизацию Тайваня, модернизацию его политических институтов, явились глобальные перемены, начатые перестройкой в СССР. В контексте этих глобальных перемен смягчилась конфронтация материковой части КНР с Тайванем, что также явилось важнейшей предпосылкой исторических перемен на острове. Опять-таки важно подчеркнуть, что политическим реформам на Тайване предшествовал значительный экономический прогресс, осуществленный в условиях монопартийного режима под руководством доминантной партии.

Нельзя не отметить, что с приходом к власти на Тайване на два конституционных срока лидера оппозиции Чэнь Шуйбяня усилились выступления за независимость Тайваня, нараставшие с продолжением его президентского срока. Это не могло не вызвать соответствующей реакции со стороны властей КНР. В марте 2005 г. сессия ВСНП приняла Закон КНР о недопущении раскола страны (в китайских СМИ на русском языке обычно именуется Законом против сепаратизма), настороженно оцененный на Тайване.

Закон декларирует осуществление мирного воссоединения страны путем поэтапного проведения равноправных консультаций и переговоров на основе принципа «одного Китая» в интерпретации КНР. Он призывает официально поставить точку в ситуации враждебности вокруг берегов Тайваньского пролива и выработать план развития отношений между материковой частью страны и островом.

Таким образом, Закон о недопущении раскола страны юридически оформил курс и политику правящей в КНР компартии Китая и китайского правительства на решение тайваньского вопроса. По словам члена

ПК Политбюро ЦК КПК, председателя Всекитайского комитета Народного политического Консультативного совета Китая Цзя Циньлина, Закон о недопущении раскола страны, создавая правовую основу курсу КНР для решения тайваньского вопроса, будет поощрять связи соотечественников по обе стороны Тайваньского пролива и содействовать им, а также двусторонним экономическим и культурным контактам, способствовать осуществлению прямых контактов между берегами пролива, защищать законные интересы тайваньских соотечественников. Одновременно Закон против сепаратизма юридически кодифицировал применение военной силы против Тайваня, снизив возможность легального внеюрисдикционного решения этого вопроса «твердолобыми» в КПК и частью армейских кругов.

Политическими институтами КНР и Тайваня не ограничиваются существующие на территории Китая формы политической организации общества. В 1997 и 1999 гг. под суверенитет Китая вернулись колониальные анклавы Гонконг (Сянган) и Макао (Аомэнь) в качестве особых административных районов (ОАР). Их политические институты были первоначально отработаны по модели Гонконга и в целом в настоящее время аналогичны и, за редкими исключениями, которые касаются в основном органов юстиции, одноименны. Самоуправление ОАР основывается на отличных от материковой части КНР институтах, в том числе и на перешедших, в несколько модифицированном виде и в ряде случаев под другими наименованиями, из колониального прошлого. ОАР обладают в составе КНР широкой автономией, и из их компетенции исключены только иностранные дела и вопросы обороны, относящиеся к исключительному ведению Центра. Однако в ведении ОАР оставлены вопросы визового режима и неправительственных внешних связей. ОАР являются самостоятельными таможенными территориями и свободными портами. Во внутренних делах компетенция ОАР ограничена лишь определенными правами Центра в назначении высших должностных лиц районов и некоторыми его контрольными функциями в отношении принимаемого в ОАР законодательства. Политические институты ОАР закреплены в Основных законах, принятых Всекитайским собранием народных представителей в 1990 г. для Сянгана и в 1993 г. для Аомэня. Законы вступили в действие соответственно в 1997 и 1999 гг. Для обоих ОАР Основными законами устанавливались неизменность в течение 50 лет социальной и экономических систем регионов и образа жизни их населения. Высшими должностными лицами ОАР являются главы их администраций, унаследовавшие большую часть функций британского и португальского губернаторов. Главы администраций назначаются

Центральным народным правительством, т.е. Государственным советом КНР, из кандидатур, отобранных специальными полномочиями из числа постоянных жителей ОАР. По представлению глав администраций ОАР Государственным советом назначаются и руководители главных правительственных структур Сянгана и Аомэня. Вместе с тем судебные органы регионов целиком формируются местными властями. Выносимые судами ОАР решения не могут быть обжалованы в судебные органы КНР. В каждом из ОАР КНР созданы свои суды окончательной инстанции.

Согласно Основным законам ОАР главы администраций ОАР являются не только главами правительств, но и главами представляемых ими регионов. Они подписывают законопроекты, прошедшие Законодательные советы, которые без подписи главы администрации законами не становятся; ими принимаются решения о помиловании или смягчении наказания. Главы администраций ОАР пользуются правом отлагательного вето в отношении принятых Законодательными советами актов и даже имеют право роспуска этих советов (правда, ограниченное одним разом за срок полномочий). Главы администраций возглавляют Административные советы, ранее существовавшие при губернаторах (в Макао этот орган назывался Консультативным советом). Эти советы являются совещательными органами, но главы администраций запрашивают их мнение при выработке важных политических решений. Несогласие советов с мнением глав администраций ОАР должно мотивироваться в протоколах. Из объема нормотворческой деятельности Законодательных советов изъяты только вопросы обороны и иностранных дел. Вместе с тем на территорию ОАР особыми перечнями распространено действие ряда законов КНР, которыми регулируется установление столицы страны, введение общепринятого летоисчисления, государственная символика КНР, ее национальные праздники и гражданство, дипломатические и консульские иммунитеты и привилегии, вопросы территориального моря и прилегающей зоны (только в условиях чрезвычайного положения на ОАР могут быть распространены другие законы КНР). В остальном ОАР опираются на законы, принятые их Законодательными советами, а также на нормативные акты прежних властей регионов, не противоречащие Основным законам. Законы ОАР направляются на регистрацию в ПК ВСНП, и последний обладает правом возвращения законов, в случае если он после определенной процедуры установит, что какой-либо конкретный закон не соответствует положениям Основного закона в части, касающейся дел, входящих в компетенцию центрального правительства, и о взаимоотношениях между центральным правительством и ОАР. Возвращенный закон утрачивает силу. В связи с осуществлением

законодательной власти следует отметить, что избирательные системы в ОАР и КНР построены так, что ни Законодательный совет, ни любой другой представительный орган электоратом не избирается. Избранные населением в округах депутаты составляют в Законодательных советах явное меньшинство по сравнению с депутатами, избранными от функциональных (профессиональных) организаций и комиссий выборщиков, однако в дальнейшем число избираемых в округах депутатов будет неуклонно увеличиваться. Формирование нынешних избирательных систем в ОАР диктуется современной политической обстановкой, стремлением держать обстановку под контролем как, прежде всего, властей ОАР, представляющих главным образом интересы крупного капитала, так и центральных властей КНР, заинтересованных в общественном спокойствии в бывших колониальных анклавах, постепенности происходящих там процессов. Гонконг и Макао должны оставаться «курочками, несущими золотые яйца». Исполнительная власть в ОАР является господствующей.

При передаче ОАР под суверенитет КНР весь корпус служащих Гонконга и Макао, включая полицейских и судебных приставов, в принципе был оставлен на прежних должностях при сохранении жалования, выслуги лет и иных льгот. ОАР продолжают выплачивать в прежнем размере пенсии отставным служащим или их семьям. Власти ОАР по-прежнему используют в качестве служащих британцев, португальцев и других иностранцев, как имеющих удостоверения постоянных жителей ОАР, так и не имеющих их, если иное не предусмотрено законом (ряд ответственных должностей, согласно закону, могут занимать лишь китайские граждане, не имеющие права проживать за границей, т.е. такие должности не могут, например, занимать жители Гонконга с британскими заморскими паспортами).

ОАР, как уже отмечалось выше, наделены правом подписывать международные соглашения неполитического характера (например, в области экономики, транспорта, связи, туризма и т.д.), участвовать в международных форумах, таких как «Китайский Сянган» или «Китайский Аомэнь». При этом с разрешения правительства КНР ОАР сохраняют членство в международных организациях, где они уже состоят, если даже КНР не является их участником. Представители правительств ОАР могут в качестве членов делегаций правительства КНР принимать участие в дипломатических переговорах, имеющих непосредственное отношение к представляемым ими районам. Более того, правительство КНР, согласно Основным законам ОАР, предоставляет полномочия правительствам ОАР вести переговоры и подписывать соглашения о безвизовом режиме с соответствующими государствами региона.

Для организации в ОАР консульских и других учреждений иностранных государств, включая полуофициальные, требуется разрешение правительства КНР. При этом сохраняются ранее созданные в ОАР консульские и другие учреждения государств, установивших дипломатические отношения с КНР. В соответствии с соглашением между правительствами РФ и КНР от 27 июня 1997 г. Генконсульство РФ в Сянгане продолжает осуществлять консульские функции и в Аомэньском ОАР. Учреждения государств, не установивших дипломатические отношения с КНР, преобразуются в полуофициальные. В ОАР допускается и существование учреждений государств, которые КНР не признала, однако лишь в качестве «народных», т.е. неправительственных.

Накануне возвращения Гонконга в зарубежных СМИ высказывалось мнение о том, что Сянганский ОАР в составе КНР может явиться своего рода локомотивом демократизации всего Китая, однако эти надежды не оправдались. Демократические позиции Гонконга в реальности не так велики. В Гонконге действительно были восприняты высокие британские стандарты защиты имущественных и личных прав. Но если рассматривать демократию как участие в управлении и политической жизни, то ее в колониальном Гонконге не было. Гонконгом правил губернатор, опираясь на чиновничество и советы, состоящие из лиц, назначенных губернатором или входивших в состав соответствующих коллегий и по должности, и лишь в немногих случаях путем непрямых выборов. Некоторые подвижки в избирательной системе колонии начались лишь после Совместного китайско-британского заявления (декларации) по вопросу о Гонконге 1984 г. В 1985 г. в Законодательный совет были введены выборные члены от организаций бизнеса и профессиональных групп. Принятый ВСНП в 1990 г. Основной закон Сянганского ОАР предусмотрел постепенное увеличение числа членов Законодательного совета, избираемых электоратом района. В 1991 г. часть членов этого совета и была избрана путем прямых выборов. В 1992 г. назначенный последним губернатором Гонконга видный деятель Консервативной партии Великобритании Кристофер Пэттен объявил, вопреки прежним китайско-британским договоренностям, о введении прямых выборов Законодательного совета колонии еще до ее перехода под суверенитет КНР. Но нормы формирования сянганского парламента, предусматривающие постепенное увеличение числа его членов, непосредственно избираемых электоратом, были уже зафиксированы в законодательстве КНР, и заявление Пэттена Пекин справедливо расценил как вмешательство во внутренние дела КНР. Это вызвало серьезный кризис в китайско-британских отношениях. Выборы «по Пэттену» все же состоялись в 1995 г.

Однако Китаем было заранее объявлено о прекращении полномочий избранного тогда состава Законодательного совета, а вместе с тем и нижестоящих представительных органов, с момента перехода Сянгана под суверенитет КНР, т.е. с 1 июля 1997 г. Полномочия Законодательного совета перешли к заранее сформированному специальной коллегией выборщиков Временному законодательному совету, в составе которого оказалось немало членов «пэйтеновского» совета, а также и некоторых ранее баллотировавшихся в его состав кандидатов. 1 июля 1997 г. были распущены также собрания города, региона (сельских местностей) и районов. На их место были назначены сокращенные в четыре раза временные представительные органы, в которые вошли и члены собраний, сформированных при колониальном режиме. В дальнейшем предполагается постепенно ввести избрание представительных органов всех уровней прямым голосованием электората. Полномочия представительных органов в прежнем Гонконге касались довольно узкого круга вопросов, и эта их компетенция пока сохраняется и вряд ли скоро изменится. Обещанное сохранение в течение половины столетия образа жизни бывшей колонии предполагает и неизменность существующих в ней политических институтов, их минимальную модификацию.

В декабре 1999 г. вслед за Сянганом вернулся под суверенитет Китая и Аомэнь. Его возвращение не было осложнено конфликтами КНР с бывшей метрополией, как в сянганском варианте. Законодательный совет Макао, сформированный в 1997 г., продолжал функционировать уже в качестве одноименной легислатуры Аомэньского ОАР. Из 23 его членов 16 были избраным путем прямых или косвенных выборов (по 8 человек), 7 назначены губернатором. На очередных выборах, которые состоялись в начале 2001 г., число мест для депутатов, избранных путем прямых выборов, возросло до 10 (из 27), а в 2005 г. достигло 12 (из 29).

Как уже отмечалось выше, различия в политических институтах двух ОАР КНР — Сянгана и Макао касаются главным образом судебных органов и других органов юстиции. Это различие определяется практически полной независимостью ОАР от Центра в области организации судоустройства и в судопроизводстве. Существовавшие в колониях виды судов перешли в ОАР, и при этом, в отличие от колониальных времен, их решения не могут быть обжалованы выше судов окончательной инстанции самих районов. Различия двух ОАР в системах юстиции определяются и их принадлежностью к различным правовым системам: в Сянгане сохраняется система прецедентного права англосаксонского типа, тогда как в Аомэне действует привнесенная из Португалии континентальная система права, основанная на кодексах законов. Главной

задачей при подготовке возвращения Аомэня в этой области явилась локализация права, прежде всего перевод законодательства с португальского на китайский язык и ввод в действие кодексов уже в китаеязычном варианте. Первый китаеязычный кодекс (это был административно-процессуальный) был введен в действие с 1 марта 1995 г., а последние (Гражданский и Гражданско-процессуальный) с 1 ноября 1999 г., как раз накануне возвращения территории под суверенитет Китая. Несколько позднее, 29 декабря того же года, ПК ВСНП отменил 12 законов Макао, противоречащих Основному закону ОАР.

Аналогичный, но совсем не идентичный процесс локализации прежнего права и адаптации его к особой автономии прошел и в Сянгане. Вскоре после Совместного китайско-британского заявления по вопросу о Гонконге в рамках созданной тогда китайско-британской группы связи состоялись консультации по вопросам локализации и адаптации законодательства Гонконга. Но еще до начала консультаций британский парламент в 1985 г. специальным законом под названием «Акт о Гонконге» предоставил короне, т.е. британским властям и легислатуре Гонконга (губернатору и Законодательному совету), право производить изменения в законах Соединенного королевства и Гонконга с целью подготовки передачи территории под суверенитет КНР. Двумя актами британского правительства в 1986 и 1989 гг. подобные полномочия были предоставлены и «губернатору в Совете» (имелся в виду Административный совет). В течение последующих нескольких лет были приняты пять локализованных ордонансов (тяоли) и свыше 70 актов на уровне правительственных постановлений, в которых главным образом изменялась колониальная терминология. Одновременно с 1989 г. началось принятие законодательства в двуязычном варианте при аутентичности английского и китайского текстов.

Однако переходный период 1984–1997 гг. нельзя со стороны правотворческой деятельности оценить однозначно. По сообщению сянганской «Дагун бао» (5 февраля 1997 г.), в период с 1985 по 1996 г. британская сторона без согласования с китайской стороной и без использования механизма китайско-британской группы связи выработала 184 закона и положения (фалюй тяоли) и изменила редакцию различных актов в 845 случаях (включая в это число многочисленные изменения одного и того же акта). Еще больше было разработанных вновь и измененных подзаконных актов — только с 1992 по 1996 г. было издано 289 новых актов и в более чем 1000 актов внесено 1826 изменений. Часть этих изменений вытекала из объективных потребностей развития территории, другая нарушала договоренности Совместного заявления. Поэтому в Ки-

тае как ранее действовавшему праву Сянгана относят законодательство, принятое либо употреблявшееся там по состоянию на 19 декабря 1984 г. (дата подписания Совместного заявления). Это не значит, что все принятые потом нормативные акты отвергались с порога, но возможность их применения в районе должна была подтверждаться соответствующими органами.

Незадолго до возвращения Сянгана под суверенитет Китая ПК ВСНП принял специальное постановление, регулирующее применение прежнего законодательства в ОАР (23 февраля 1997 г.) Этим постановлением прежде всего подтверждались положения Основного закона Сянганского ОАР о сохранении не противоречащего этому закону старого права, действовавшего в регионе. В приложениях к постановлению перечислялись нормативные акты, действие которых полностью или частично прекращалось. Кроме того, ПК ВСНП постановил, что правовое регулирование внешних связей Сянганского ОАР должно ориентироваться на общегосударственные законы и отвечать признанным Центральным народным правительством нормам международного права и его международным обязательствам. При этом теряют силу любые положения об особых правах в Сянгане Великобритании и других стран или регионов Британского Содружества наций. Вместе с тем устанавливалось равенство китайского и английского языков в качестве официальных и подтверждался принцип использования английского права, если применяемые его установления не ущемляют суверенитет КНР и не противоречат Основному закону ОАР.

Все это позволяет сделать вывод о том, что при воссоединении Сянгана с КНР в целом удалось сохранить прежнюю правовую систему, построенную на нормативной базе англосаксонского типа (так же как португальскую правовую систему континентального типа в случае с Аомэнем). Поскольку эта система работает, а общественно-экономический строй региона будет оставаться неизменным в течение ряда десятилетий, короткая жизнь ей не уготована. Конечно, британские судебные прецеденты будут постепенно заменяться местными, произойдут и какие-то изменения в статутном законодательстве. Однако система норм, регулирующих положение Сянгана как крупнейшего международного финансового, торгового и судоходного центра, не может быть подвергнута крупным изменениям из чисто прагматических соображений.

Но между Аомэнем и Сянганом существуют не только различия, определяемые разными правовыми системами при сходных политических. Характеризуя положение Аомэня накануне его передачи КНР, последний португальский губернатор Макао в 1991–1999 гг. генерал

Васко Рочи Виейра подчеркнул, что Макао — это «не Гонконг в миниатюре, это нечто иное». Если у Гонконга основу составляет «экономика и стремление сохранить ее, то в Макао — это его культура и уникальность. Я думаю, что китайцы будут уважать это... Я действительно уверен, что Пекин стремится, чтобы Макао управляли местные деятели, а он не будет вмешиваться. И я уверен, что жители Макао хотят сохранить свое многообразие, свою уникальность... Даже в конце переходного периода Макао все же будет чем-то отличаться от Китая». Будет ли так, покажет будущее. Пока же мы можем констатировать, что на территории Китая действуют три различные политические системы: Китайской Народной Республики, являющейся республикой советского типа; Китайской Республики на Тайване, не признаваемой мировым сообществом президентско-парламентской республикой, совершившей переход от однопартийной диктатуры к многопартийной демократии; особых административных районов, самоуправляющихся единиц с отличными от материковой части страны политическими институтами.

Но пройдут годы, а может быть, десятилетия, и все равно встанет вопрос об интеграции всех существующих на территории Китая политических систем. Предвидеть ход этого процесса пока еще трудно. Однако ясно, что главной доминантой этого процесса будет развитие политических институтов материковой части КНР. Сейчас политическое руководство КНР озабочено, прежде всего, сохранением социально-политической стабильности. Однако XVIII съезд КПК поставил задачу превращения Китая в современное социалистическое демократическое государство к 2030 г. Поэтому изменения в политической системе КНР, которая, как представляется, не исчерпала своих возможностей в эффективном обеспечении экономического прогресса государства, его модернизации, поддержании авторитета своей страны в мировом сообществе, будут происходить судя по всему, постепенно.

Институализация механизма преемственности и ротации высшего политического руководства КНР

Система подбора и выдвижения высшего политического руководства, унаследованная КНР от заимствованной в 1950-х годах при образовании КНР советской модели, всегда отличалась практически полной непрозрачностью. Общие принципы формирования партийно-политической и управленческой элиты страны прописаны в нормативных документах партии и государства, а принципы обязательной ротации высших должностных лиц, введенные после прихода к власти Дэн Сяо-

пина в 1978 г., зафиксированы в документах КПК и нормативных актах. Неясность и непрозрачность заключается в том, что процедура, в соответствии с которой тот или иной партийный функционер становится кандидатом на высший партийный пост, не прописана в документах, а система назначения традиционно персонализирована и скрыта в недрах партийного аппарата. После назначения на соответствующую должность общественность получает ответ: данная кандидатура лучше других подходила к назначению на соответствующую должность. Но почему именно Си Цзиньпин стал в свое время кандидатом на должность Генерального секретаря? Почему высшим руководителем был выбран Ху Цзиньтао, а не личный протеже Цзян Цзэминя Цзян Цинхун? Означает ли это слом существовавшего раньше и унаследованного от советской модели механизма персонифицированного преемства и институализацию нового механизма назначения на высшую должность в стране?

Введенный Дэн Сяопином механизм назначений и ротации высших должностных лиц считается персонифицированным: Ху Цзиньтао был выбран Дэн Сяопином и несколькими его коллегами в 1992 г., в то время как Цзян Цзэминь и Политбюро не принимали участия в этом решении, а у Цзян Цзэминя был «свой» кандидат-преемник — Цзэн Цинхун. Однако выбор в кандидаты преемника лидера страны, задолго до назначения на пост, не случаен и не определяется только лишь личными предпочтениями высших руководителей, как это кажется на первый взгляд. Он основан на соответствии профессиональных и личностных качеств будущего лидера тем вызовам и тому времени в развитии страны, в которое ему придется руководить. То есть при подборе преемника на высший пост партия и руководство страны учитывают прогнозы развития Китая и мировой системы на следующие десять—пятнадцать лет.

«Четвертое поколение» руководителей представляло сочетание партийных аппаратчиков и технократов. В высшем руководстве доминировали руководители, ранее работающие в провинциях. Так 6 из 9 членов Постоянного комитета Политбюро имеют опыт работы на региональном уровне или были связаны поддержкой с какой-либо провинцией. Численность военных в высших эшелонах власти КНР была небольшой. С 2002 г. в Центральном комитете их число не превышало 20%. В полном составе Политбюро военных 10% (2 человека), а в Постоянном комитете их нет вообще.

В период до XVIII съезда в правящей верхушке аналитиками выделялись политические группировки, причем некоторые лидеры могут входить в несколько группировок одновременно. Существует четыре основные политические группировки.

1. Шанхайская, в которую входили такие руководители высшего эшелона власти, как У Банго — председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, Цзя Циньлинь — член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, председатель Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая.
2. Выходцы из Коммунистического союза молодежи Китая (*туаньпай*): Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао — премьер Госсовета Китайской Народной Республики, постоянный член Политбюро ЦК КПК.
3. Группировка так называемых «наследных принцев» (*тайцзыдан*) т.е. родственники бывших крупных партийных функционеров: Си Цзиньпин и др.
4. Выпускники Университета Цинхуа (Ху Цзиньтао, Си Цзиньпин и др.).

В эпоху правления Ху Цзиньтао высшие руководящие деятели страны образовывали политический триумвират. Ху Цзиньтао занимал пост Генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР, председателя Центрального военного совета ЦК КПК, председателя Центрального военного совета КНР. Находящийся на этих постах высший руководитель контролирует высшие посты в партии, госаппарате, военной сфере. Нахождение на этих постах позволяет использовать институциональную власть: назначение и снятие с должности высших чиновников по всей стране и внутри различных госструктур; определение повестки дня Политбюро — высшего коллективного органа партийного руководства страны, председательствование на заседаниях Политбюро во время обсуждений политического курса; принятие решений по конкретным наиболее важным вопросам, касающимся судьбы страны.

Вэнь Цзябао занимал пост председателя Госсовета Китайской Народной Республики, постоянного члена Политбюро ЦК КПК. Будучи премьером, Вэнь Цзябао контролировал дела Государственного совета — правительства КНР. Вокруг премьера концентрируется широкая группировка технократов—специалистов Госсовета как высшего исполнительного органа. Контролируя ежедневные финансовые, промышленные, сельскохозяйственные, общественные и дипломатические дела страны, технократическая группировка премьера решает для партии важную задачу управления все более современным и сложным обществом и экономикой.

Цзэн Цинхун являлся вице-председателем КНР, членом ПК Политбюро ЦК КПК и членом Секретариата ЦК КПК (до 2008 г.). Затем на его

место в секретариате был выдвинут Си Цзиньпин. Функции вице-председателя «дополняют» функции председателя КНР, т.е. вице-председатель выполняет вспомогательные функции в партии и государственных делах. Важно отметить, что карьера Си Цзиньпина включала должность члена секретариата ЦК, а потом он смог стать и главой партии и государства, в то время как Цзэн Цинхун в определенный момент остановился в своем карьерном росте и не смог стать претендентом на высшие партийные и государственные должности.

Считается, что система рекрутирования и ротации высших должностных лиц после первых десяти лет реформ стала осуществляться следующим образом. В 1992 г. Дэн Сяопин — в то время лидер третьего поколения китайских руководителей — выбрал Ху Цзиньтао в качестве будущего руководителя четвертого поколения китайских руководителей. В это время Ху стал самым молодым членом Политбюро, который постепенно стал создавать свое будущее окружение, в основном из выходцев из Коммунистического союза молодежи Китая, лидером которого он являлся в свое время. В 1998 г. Ху был назначен заместителем председателя КНР, в 1999 г. — заместителем председателя Центрального военного комитета, в ноябре 2002 г. — Генеральным секретарем ЦК КПК, в марте 2003 г. он был избран председателем КНР, в сентябре 2004 г. становится председателем Центрального военного совета ЦК КПК, с марта 2005 г. — председателем Центрального военного совета КНР.

Как мы видим, передача власти проходила в течение трех лет, являлась многоступенчатой, включала выборные и назначенные позиции. Если на каком-то этапе движения по карьерной лестнице кандидат в преемники совершил бы ошибку или не справился бы с порученными задачами, то он не получил бы следующий пост, и тогда руководство стало бы на какое-то время коллективным, а кандидат в преемники «преемником» бы не стал. Не допустив ошибок в первые три года, выполнив все необходимые задачи этого уровня управления и получив все необходимые должности, Ху Цзиньтао на два последних года из пяти лет первого срока правления получал всю полноту власти в стране, а не злоупотребив ею и обеспечив успешное развитие страны за это время, затем был переизбран на второй срок — следующие пять лет. При переизбрании было понятно, что общий срок нахождения на высшем посту нарушен не будет. Такая схема была создана для того, чтобы в партии и государстве не возникло единоличной диктатуры с большой вероятностью субъективизма и ошибок в управлении огромной модернизирующейся и быстро развивающейся страной. Создание такой системы отражало признание того факта, что один человек или одна группировка просто

не в состоянии эффективно управлять такой огромной страной, как Китай. Поскольку группировке председателя КНР не доставало знания экономики, они сотрудничали с представителями других группировок, которые обладали необходимыми экономическими навыками и знаниями. Опираясь сначала на знакомых по Коммунистическому союзу молодежи Китая, Ху постепенно стал назначать их на важные партийные и государственные посты, а затем привлекать на свою сторону ключевые фигуры сторонников Цзян Цзэминя т.е. своих потенциальных конкурентов, а те, в свою очередь, получали соответствующие их знаниям и влиянию посты.

Таким образом, начиная с Ху Цзиньтао в КНР фактически произошла институционализация новой системы назначений и ротации высшего эшелона руководства страной. Прошедший пятнадцатилетнюю проверку механизм наследования к приходу «пятого поколения» стал таким: избранный преемник занимает место в ПК Политбюро за много лет до реального перехода власти. Ему поручают исполнение важных функций и задач, которые позволяют выявить, насколько он готов к управлению страной. Номенклатурный «портфель» дает ему возможность создавать окружение и сеть поддержки, а партийный «портфель» предоставляет навыки и возможности управления. Как только новый лидер получает высшую должность в Политбюро, у него появляется институционализованная политическая власть. До тех пор пока он грамотно использует институциональную власть, она не оспаривается никем в высшем эшелоне китайского руководства. Причем какой бы поддержкой предыдущего лидера ни пользовался новый лидер, если у него нет нужного набора должностей, то он не получает доступа к процессу выработки политической линии, т.е. не может влиять на него, а остается только исполнителем партийной линии. Уходящий лидер подготавливает для нового лидера управленческую команду, защищая, по сути, себя и свои политические интересы. Эта команда обеспечивает преемственность политической линии, поскольку процесс ее замены новым руководителем занимает от трех до четырех лет и автоматически не гарантирован.

Нынешний руководитель КНР Си Цзиньпин, так же как и его предшественник, за много лет до назначения на высший пост был введен в высшие политические круги. В 1997 г. на XV съезде он стал кандидатом, а после XVI съезда — членом ЦК КПК. По рекомендации Цзян Цзэминя на XVII съезде он был избран членом Политбюро, членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и заместителем Генерального секретаря ЦК КПК, а затем стал заместителем председателя КНР, т.е. официально выдвинут в преемники Ху Цзиньтао.

Быстрому продвижению Си Цзиньпина способствовало не только то, что он был выходцем из определенной административно-политической группировки, но и что он тесно связан с военными и другими силовыми ведомствами, поскольку после окончания университета три года проработал секретарем тогдашнего министра обороны Гэн Бяо, а затем секретарем Военного совета. Кроме этого Си имеет большой опыт успешного управления экономически развитой провинцией «приморского пояса» и крупной государственной корпорацией национального уровня. После назначения Генеральным секретарем КПК Си Цзиньпин успешно сосредоточил политическую власть в своих руках, установив контроль над внутривластными делами, а также внешнеполитическим курсом за счет того, что стал главой «малой группы руководителей ЦК по иностранным делам». В то же время Си пока не сформировал вокруг себя группу аналитиков из академических и общественных кругов, которые могли бы предложить нестандартные идеи развития страны в кризисную эпоху. Время покажет, сможет ли Си Цзиньпин сформировать обширный круг экспертов, способных предложить свежие идеи оживления экономической и политической жизни страны. В то же время нынешний премьер и член группировки «комсомольцев» Ли Кэцян собрал собственный крупный «мозговой центр», состоящий из профессоров и бывших однокурсников из Пекинского университета, который начал разработку нового плана мер по развитию экономики страны.

На XVIII съезде КПК в расширенный состав Политбюро были введена новая группа относительно молодых руководителей (Сунь Чжэнцай, Ху Чуньхуа), у которых есть потенциал стать вероятными кандидатами в преемники и которые могут получить новые, более высокие должности на XIX съезде КПК, если их карьерный рост будет происходить по плану. Уже сейчас можно приблизительно судить об их системе политических и экономических взглядов и перспективах развития КНР.

Таким образом, за последние пятнадцать лет в КНР был создан механизм рекрутирования на должности и ротации высшего эшелона партийного и государственного руководства. Рассмотрение политического механизма ротации лидеров КПК с начала реформ позволяет предполагать, что выбор в кандидаты преемника лидера страны задолго до назначения на пост не случаен, а основан на соответствии профессиональных и личностных качеств будущего лидера тем вызовам и тому времени в развитии страны, в которое ему придется руководить. То есть при подборе преемника учитываются прогнозы развития Китая и мировой системы, которые разрабатывают соответствующие научно-исследовательские отделы ЦК и Академии общественных наук КНР

в соответствии с мировой конъюнктурой и тенденциями мирового развития, а также проверяемые на протяжении достаточного времени личные качества будущего руководителя.

Специфика соотношения центрального и локального уровня управления КНР: административная реформа и повышение эффективности госаппарата

Опыт исторического развития Китая 1980-х годов раннего периода реформ показал крайне высокий уровень административной неэффективности государства. Неэффективность приводила к росту коррупции, увеличению бюрократической прослойки и непрозрачным административным процедурам, которые в свою очередь только повышали неэффективность. Этот порочный круг с течением времени стал представлять все большую проблему для КПК как правящей партии, а также для всего государства. Важно отметить, что при постепенной эрозии коммунистической идеологии именно реформы и повышение эффективности стали стержнем повышения легитимности КПК. Оценка эффективности административного управления помогает понять, насколько правительство может справиться с теми вызовами, которые встали перед Китаем, и одновременно насколько высок уровень поддержки правительства населением.

Административные реформы проводились несколько раз в период после образования КНР в 1954, 1958–1959 и 1960–1965 гг., однако они не носили системного характера, а были направлены в основном на упорядочивание кадрового состава административных органов «внутри» командно-административной системы советского типа. Следует отметить, что необходимость административных реформ дополнительно актуализировалась прошедшим в годы культурной революции сломом системы органов государственного управления на провинциальном и поселковом уровне и преобразованием их в «ревкомы», превратившиеся в бюрократические единицы, сосредоточившие в себе административные, хозяйственные и судебные-юридические функции. В 1979 г. ревкомы были преобразованы в местные Народные правительства различных ступеней, что должно было способствовать развитию экономической реформы и укреплению политической стабильности. Программным в этой области стало выступление Дэн Сяопина «Сокращение учреждений является революцией», в котором необходимость административной реформы была связана с выживанием партии и правительства. В результате административной реформы 1980-х гг. количество минис-

терств, комитетов, организаций, канцелярий Госсовета было сокращено с 100 до 60, количество заместителей в министерских подразделениях уменьшилось с 13 до 2 человек, общее сокращение составило $\frac{1}{3}$ (с 51 до 31 тыс.). Были выработаны возрастные критерии: возраст министра не должен был превышать 65 лет, возраст заместителя министра, начальника управления, департамента — 60 лет. Министр не мог иметь более 3–5 заместителей, начальник департамента — 2–3. В Госсовете был создан президиум. Его членами по совместительству стали некоторые министры и руководители комитетов, а также ряд специалистов. Статус членов президиума соответствовал статусу заместителя премьера. Заместителей же премьера, занимавших должности по совместительству, сократили — с 13 до 2 человек. Рабочим органом Госсовета стало Постоянное бюро Госсовета (ПК Госсовета), в которое входили премьер, его заместители, члены Президиума Госсовета и начальник секретариата. По новой Конституции 1982 г. премьер Госсовета и его заместители не могли занимать свою должность более двух сроков подряд.

Далее началась реализация административной реформы на местном уровне. На уровне провинций, автономных округов, городов центрального подчинения количество персонала в партийных и правительственных органах сокращается со 180 до 120 тыс. человек. В городских и уездных органах сокращения составляли 20%, однако при этом в бедных районах сокращения были номинальными, иначе они только увеличили бы проблему безработицы. Было принято постановление «Об установлении порядка выхода на пенсию пожилых *ганьбу*», в соответствии с которым руководители должны были работать только до установленного срока: на уровне провинции и министерства до 65 лет, а заместители руководителей до 60. Постепенно это положение было распространено на более широкий круг руководителей.

Значимость первой волны административных реформ заключается в том, что впервые была поставлена и реализована задача крупномасштабных преобразований госаппарата, ликвидирована система пожизненного занятия должностей, чтобы должно было способствовать приливу «свежей крови» в государственные структуры. Однако в целом цели реформы выполнены не были, так как к концу 1980-х годов численность госаппарата снова начинает увеличиваться. Новым подходом к реформе стал пересмотр функций и полномочий правительства, а также изменение формы управления предприятиями и непроизводственными структурами — от непосредственного к косвенному. Важным моментом стала постановка вопроса о введении системы госслужащих и создание специальной законодательной базы. Госслужащие поделены на две категории:

- 1) административные работники (подбираются партией, которая представляет их на утверждение СНП местного уровня);
- 2) профессиональные работники (утверждаются на основе результатов экзаменов и проведения открытых конкурсов).

Вся их деятельность была регламентирована законодательно, что закрепило практику приема госслужащих на конкурсной основе. Еще одно отличие реформы конца 1980-х годов состояло в том, что была поставлена задача разделения партийных и государственных структур, освобождения административных структур от власти партии. Так на провинциальном и уездном уровне сократили должности секретарей и партийных работников, которые участвовали в административной деятельности, т.е. по закону «О предприятиях» 1988 г. партия предоставляет предприятиям всю полноту ответственности за производственную и управленческую деятельность.

На этом этапе властями и партией усиленно подчеркивалось, что административная реформа одновременно с экономическими и политическими реформами и ориентирована на «разделение функций» между партией и правительством, центром и органами местной власти. Однако в 1990-х годах процесс административного реформирования был приостановлен в связи с ростом инфляции, экономической нестабильности, а потом и политическими волнениями в связи со сменой режимов в Восточной Европе и распадом СССР. Формирование новых принципов работы административного аппарата — конкуренции при приеме на работу, установления строгих рамок должностной компетенции, формирования законодательных норм для всех видов административной деятельности и их регламентация — последовало в 1990 и 2000-х годах и продолжается по настоящее время.

В 2000-х годах особое внимание стало уделяться упорядочиванию и регламентации принципов одобрения инициатив частного сектора, что обеспечивало повышение экономического роста путем повышения эффективности административных процедур. Постепенно происходил процесс гармонизации внутренних административных регламентов и требований международной практики в рамках ВТО. Так с 2002 г. группой упорядочивания согласований при Госсовете было проведено 5 раундов упорядочивания процедуры одобрения государством частных инициатив в рамках ВТО. В 2002 г. число административных согласований было сокращено на 789, но при этом согласования не переводились на локальный уровень. В 2003 г. было сокращено еще 406 административных согласований, а 82 согласования были переведены с центрального на локальный уровень. В 2004 г. было сокращено 409 согласований

центрального уровня и еще 86 типов согласований было переведено на локальный уровень. Следующие 2 сокращения последовали в 2007 г. (128) и 2010 (113), причем в 2007 г. 58 согласований было переведено на локальный уровень, а в 2010 г. еще 71. В соответствии с этой практикой были упразднены согласования на инвестиционные проекты в сельском, лесном хозяйстве, ирригационных проектах, транспорте, машиностроении, если инвестиционные проекты в упомянутых областях не предполагали какой-либо доли государственного инвестирования. Далее последовало упразднение согласований на проведение каких-либо коммерческих выставок, если они не находятся в собственности иностранных фирм, а университеты получили право без согласования привлекать на работу иностранных профессорско-преподавательский состав в качестве приглашенных преподавателей. В 2010 г. китайские некоммерческие организации получили право самостоятельного осуществления совместных проектов с иностранными партнерами, а китайские туристические агентства — совместного учреждения подразделений в Китае с иностранными туристическими агентствами. Международные небанковские финансовые организации получили свободное право учреждать свои подразделения в Китае, точно так же как совместные фирмы в области здравоохранения и медицинского страхования.

Снятие административных согласований позволило увеличить экономическую активность на локальном уровне. Так г. Шэньчжэнь первый пошел на упрощение процедуры административных согласований в качестве эксперимента, а потом постепенно фактически все введенные Шэньчжэнем процедуры были распространены на другие провинции. Шэньчжэнь первый ввел систему электронного слежения и контроля за административной деятельностью, сократив потери на коррупции и повысив эффективность администрирования. Г. Сягуань ввел услугу под названием «Супермаркет правительственных услуг», сконцентрировав их в одном месте, что привело к ускорению административных процедур и их реструктуризации. Постепенно в этом Супермаркете были сконцентрированы все услуги по согласованию планировок и перепланировок, занятости, социального страхования, юридической помощи, выдача лицензий на занятие индивидуальной предпринимательской деятельностью, налоговая деятельность и десятки других государственных услуг. Введение этого типа услуг послужило сокращению административного аппарата и уменьшению проволочек и отказов в осуществлении административных услуг, сокращению времени и бумажной волокиты. Постепенно сфера услуг, предоставляемых в этих новых органах, стала расширяться и включать дополнительно выдачу кредитов, пособий по

бедности и безработице, материнского капитала, лицензий на открытие книжных магазинов, рекламную деятельность и многое другое. Так постепенно административная реформа, направленная на реструктуризацию центрального аппарата, была распространена на локальный уровень, что способствовало реализации общественного права на полную и подробную информацию о государственных услугах. Постепенно повышение административной эффективности на локальном уровне привело к большей прозрачности административных процедур, что уменьшило степень волюнтаризма при принятии решений, способствовало ликвидации клановости, служило предотвращению появления новых структур патронирования. В конечном счете это существенно понизило коррупцию и стало способствовать повышению легитимности местных властей.

В результате введенной системы электронных откликов качество и эффективность администрирования улучшились двояким образом: сбор отзывов и жалоб граждан и их аккумуляция позволили быстро реагировать на проблемные места, а регулярная оценка качества и скорости услуг населению со стороны специальных контролирующих чиновников и администраторов самого государственного аппарата позволила повысить эффективность его административной деятельности. Важно отметить, что эти мероприятия, а также направляемая конкуренция постепенно приобрели эффект самораскрутки как внутри самих госорганов, так и разных территориальных и локальных единиц, что постепенно стало создавать эффект саморазвивающегося процесса административной реформы, направленного на повышение эффективности деятельности госаппарата.

Эволюция механизма голосования и внутрипартийная демократизация в КНР

Начиная с 1999 г. власти материкового Китая начинают эксперименты с введением прямых и конкурентных выборов на локальном уровне выше деревенского, что стало происходить впервые с 1949 г. Первый такой случай с городской коммуной Буюнь в провинции Сычуань стал известен во всем Китае и был детально исследован в 237 научно-аналитических публикациях, специально посвященных этому случаю¹. Введение этой системы в конкретной городской коммуне объяснялось практическими причинами — фактической невозможностью руководителей проводить какие-либо запланированные властями мероприятия

¹ Подробнее см.: *Florini A., Lai Hairong, Tan Yeling. China Experiments: From Local Innovations to National Reform. Washington, 2012.*

из-за полного нежелания местных жителей сотрудничать с ними. Первоначально эксперимент не поддерживался центральными властями, однако скорость, с которой новость об этой социальной инновации распространилась по всей КНР, заставила обратить на него серьезное внимание не только местную, но и локальную прессу. Важно отметить, что не только выборы, но и их результат позволил местным жителям напрямую влиять на всю местную систему администрирования. Так, к примеру, на вторых выборах в Буюне действующий мэр планировал получить $\frac{2}{3}$ голосов населения, так как был уверен, что проводимая им политика давала конкретный положительный результат для жителей, в отличие от более общей программы второго кандидата — его заместителя. Заместитель не имел возможности апеллировать в предвыборной дискуссии к проведенным мероприятиям, предвыборный потенциал результативности которых был «узурпирован» его начальником. Однако, несмотря на поражение в предвыборных дебатах второго кандидата, разница в голосах проигравшего и выигравшего не превысила 2%, так как жители пожелали таким образом выразить свое неприятие авторитарными методами руководства главы коммуны. До этого случая на национальном уровне существовало фактическое табу на упоминание конкурентности в политической борьбе, которое стало размываться именно с введением системы прямых конкурентных выборов на уровне городских коммун и деревенских комитетов.

Такая система в действительности не является примером полностью открытой конкуренции, так как хотя кандидаты и выдвигаются самими жителями, но предвыборная борьба усечена: рекламная кампания кандидатов ограничена, нет телевизионных дискуссий и оппозиционные кандидаты на выборы не допускаются. Фактически речь идет о так называемой системе «открытых рекомендаций и открытых выборов», однако в результате этой социальной новации улучшилась подотчетность государственных администраторов населению. Считается, что китайские выборные чиновники подотчетны собственному начальству, а не населению, что вызывает чиновничий беспредел на локальном уровне и приводит к повышению градуса недовольства местного населения, а также и к недовольству населения существующей полупартийной политической системой. В результате введения конкурентной системы прямых локальных выборов была создана новая система, в соответствии с которой начальник более высокого уровня должен был прилагать гораздо больше усилий для того, чтобы контролировать локального администратора, который получал большую свободу и уверенность в связи с тем, что его положение начинало зависеть не только от начальника

вышестоящего уровня, но и от того, насколько успешна будет реальная политика, которую он будет проводить по отношению к населению. Важно отметить, что эксперименты с выборами на локальном уровне стали возможны только в ходе общей децентрализации управления, которая проводится в КНР все последние 20 лет.

Несмотря на то что система открытых выборов крайне медленно приживается в КНР, при выборах на государственные (т.е. непартийные и непарламентские) позиции на уровне деревенских комитетов и городских коммун постепенно вводится принцип конкурентности. При такой системе КПК, как правило, не имеет своего преференциального кандидата, но кандидаты от оппозиции не регистрируются и на выборы не допускаются, однако регистрируются кандидаты, выдвинутые как коллективами жителей, так и независимые. Если же у КПК появляется «свой» кандидат, выборы которого для партии желательны, то все равно система наличия нескольких кандидатов сохраняется, только оппоненты подбираются из лиц, малоизвестных коренным жителям деревень или городских коммун, что фактически делает их «непроходными». В целом такая система напоминает выборы в некоторых социалистических странах Восточной Европы в 1980 годах до распада мировой социалистической системы. К настоящему времени эта система распространена примерно на 60%, т.е. примерно на 240 тыс. деревень по всей стране, она затрагивает около 6% городских коммун (т.е. 2 тыс. коммун) и только примерно 0,5% уездов. При этом на уровне деревенских комитетов и городских коммун голосуют члены партии и беспартийные, а при голосовании на выборах секретарей городской партийной организации — в основном только члены КПК при крайне небольшом, но все же существующем количестве беспартийных выборщиков. При этом складывается интересная закономерность, в соответствии с которой чем хуже экономическая ситуация в регионе, тем скорее выборы в городских коммунах будут открытыми и конкурентными. Понятно, что система конкурентных выборов сама по себе не приносит экономического благополучия, однако она рассматривается как важный элемент снижения народного недовольства в экономически слабых регионах. При этом центральные власти относятся к такой системе индифферентно, они не поддерживают, но и не мешают ей.

Несмотря на то что выборы в деревенские комитеты и городские коммуны затрагивают только самую низовую систему власти, недооценивать их также нельзя. Деревенские комитеты являются «автономными организациями народных масс», они не имеют инструментов принуждения и в политической жизни страны играют крайне незначительную

роль. Городские коммуны являются низовой ячейкой государственной власти в китайской политической системе, они имеют существенную власть и меру ответственности в сферах общественной безопасности, социальной и политической стабильности, осуществления контроля за рождаемостью, начальным уровнем образования, строительством инфраструктуры, налогообложением и взиманием штрафных санкций и др. Другими словами, если деревенские комитеты могут только осуществлять меры, городские коммуны контролируют их осуществление и в силу этого политически гораздо более весомы.

Выборы на уровне советов городских коммун и уездов по закону осуществляются напрямую их жителями, причем выдвинуты могут быть как кандидаты от партии, так и независимые кандидаты. Важно отметить, что на этих выборах КПК в целом выдвигает больше беспартийных кандидатов, чем членов партии. Понятно, что взаимоотношения между независимыми кандидатами, выигравшими местные выборы, и местными партийными функционерами гораздо более сложные, чем между партийными кандидатами и партийными функционерами. Партийные функционеры в целом склонны чинить гораздо больше препятствий во время предвыборной кампании независимым кандидатам в осуществлении их деятельности. В период 2011–2012 гг. даже возникла дискуссия о том, могут ли вообще выдвигаться независимые кандидаты, так как по закону все кандидаты выдвигаются политическими партиями, общественными организациями или же коллективами граждан в количестве не менее чем 10 человек. Однако чем больше количество политически активных кандидатов, которые регистрируются в качестве независимых кандидатов, тем более выпукла разница между ними и их предвыборными программами и тем большая свобода выбора в принципе предоставляется избирателям.

Такого рода система постепенно приживается и в самой КПК. Так, если ранее члены Политбюро ЦК КПК — высшем органе принятия политических решений в Китае — выдвигались из группы лидеров высшего эшелона и этот процесс контролировался главным лидером страны — председателем КНР и Генеральным секретарем ЦК КПК, то начиная с выборов 2007 г. 400 партийных деятелей высокого ранга — члены и кандидаты в члены КПК — выбирали членов Политбюро из внушительного списка, состоящего не менее чем из 200 претендентов на 12–15 мест в Политбюро. В целом процесс внутрипартийного отбора в высшем эшелоне руководителей партии носит закрытый для средств массовой информации характер, так как партия только начала эксперименты с открытыми конкурентными выборами и в основном на низовом уровне, однако в целом тенденция к поощрению конкурентности при

отборе кандидатур на политические и государственные должности несомненна. Эта система постепенно начинает расширяться и при выборах в парламент.

В исследовательской литературе и СМИ обычно считается, что центральная власть в КНР препятствует введению принципа конкурентности на выборах. Действительно, в ряде газет центрального уровня после первых экспериментов в провинции были опубликованы материалы критического характера в отношении введения этого принципа. Однако довольно быстро обсуждение вопроса о конкуренции на выборах сместилось в область обсуждения соответствия этой процедуры Основному закону, который регламентировал выборы глав городских коммун не жителями, а членами городских комитетов. Постепенно практикой была закреплена следующая процедура: жители выдвигали кандидатов, а члены комитетов голосовали за любого кандидата, выдвинутого жителями. В ходе введения этой системы довольно быстро выяснилось, что главная причина торможения введения принципа конкурентности центральной властью заключалась не в идеологических представлениях, а в соображениях практического характера — введение конкурентной системы на выборах уменьшало возможности местного партийного руководителя снимать/назначать чиновников местного уровня, что всегда вызывает противодействие бюрократического аппарата в любых условиях в любой стране. Тем не менее увеличивающаяся в целом независимость населения постепенно приводит, хотя и медленными темпами, к введению системы конкурентных выборов по всей стране там, где локальная власть теряет экономические ресурсы, или же там, где партийные секретари предпочитают не применять традиционно-авторитарные способы использования власти. В то же время сама КПК явно недооценивает свои же собственные менеджерские возможности и авторитет при конкурентном продвижении собственных кандидатов, поскольку такая система позволяет партии достигать гораздо большего с точки зрения воплощения в жизнь своих решений. Однако в целом КПК предпочитает скорее введение конкурентности во внутрипартийных выборах, чем распространение демократических процедур на более широкие слои китайского общества вне партии. В то же время введение принципа реальной конкурентности на выборах пусть и локального уровня свидетельствует о росте динамизма китайской политической жизни в целом. Результаты этого динамизма в мире оцениваются по-разному: существуют как скептики, так и оптимисты в оценке результатов влияния этого процесса на политическую жизнь страны, в то же время дальнейшее распространение этого принципа может послужить даль-

нейшим изменениям не только в самой партии, но и во всем обществе в долгосрочной перспективе.

Формирование в КНР гражданского общества с «китайской спецификой»

Под понятие ячейки гражданского общества попадает любая социальная организация для достижения каких-либо целей шире, по своему составу, чем семья, но не являющаяся при этом государством (его институтом, органом) или же коммерческой (т.е. ориентированной на получение прибыли) организацией. Организации гражданского общества бывают разных масштабов (от политической партии до общества любителей хорового пения), они могут преследовать различные цели: добропорядочные и злонамеренные в равной степени. Таким образом, организация гражданского общества — это любое негосударственное объединение граждан (т.е. при образовании которого не используются методы государственного принуждения) для достижения каких-либо целей, за исключением коммерческих. Само понятие гражданского общества было концептуально оформлено в XVIII в. Однако практическая реализация этой концепции получила особую актуальность после распада биполярной системы международных отношений, в одной из частей которой государство доминировало практически во всех сферах общественной жизни в то время, как в другой гражданское общество стало приобретать свои зрелые формы. Понятие гражданского общества неразрывно связано с другим понятием — социального капитала, — системы взаимно перекрещивающихся социальных взаимосвязей, созданных в рамках разного рода ассоциаций с целью инкорпорирования граждан в сеть негосударственных и некоммерческих взаимодействий. В политической теории (работы Р. Путьэма) считается, что чем теснее сеть социальных взаимодействий в обществе, тем выше уровень экономического развития, от которого, в конечном счете, в определенный момент времени начинается и уровень политической демократизации общества. При этом, хотя и существует прямая зависимость между уровнем демократического развития общества и ВВП на душу населения (установлено А. Пржеворски, Д. Асеомглу и др.), демократизация не является автоматическим результатом экономического благосостояния и осовременивания обществ, а связана с дополнительным качественным приращением гражданственности людей, которые готовы и желают сотрудничать друг с другом для решения своих общих проблем без принуждения с помощью государственного механизма и не ради коммерческих интересов.

Вообще говоря, исторически все государства авторитарно-коммунистического типа не допускают появления негосударственных организаций за исключением массовых организаций, контролируемых коммунистической партией. Задача этих организаций — помогать монополизировавшей власть партии управлять страной. В Китае практически все эти организации были разгромлены в ходе «культурной революции», основная задача которой и заключалась в превращении КПК в инструмент личной власти Мао Цзэдуна. Начало политики реформ в Китае привело к появлению разного рода новых экономических и социальных групп, в том числе и со своими политическими предпочтениями. Соответственно, встала задача формирования пространств взаимодействий разного рода разрозненных групп и индивидуумов, в том числе и путем расширения сети взаимодействия между ними для улучшения управляемости государством. Параллельно, естественно, стали возникать и группы социального взаимодействия, объединившиеся без государственных форм принуждения и контроля. Политические интересы этих групп могли не совпадать или расходиться с государственными, воплощенными его конкретной властной ипостасью. Неспособность государства в какой-то момент исторического развития адекватно ответить на социальное усложнение, которое происходило параллельно с быстрым экономическим развитием, и вызвало, в конечном счете, политический кризис и события на площади Тяньаньмэнь. Недовольство китайского студенчества было подавлено силой, поскольку во властном мейнстриме того времени считалось, что задача негосударственных организаций заключается только в поддержке экономического роста и коммунистической партии как единственного источника политической власти в стране. Однако довольно быстро стало ясно, что реформы и стремительное экономическое развитие требуют совместной деятельности государства и негосударственных организаций по решению огромного количества новых социальных проблем, с которыми одно государство, какое бы мощное оно ни было, справиться не в силах. С этого момента КПК стала осуществлять такую модель развития гражданского общества в стране, которая увеличивала «коллективное благо» путем усиления организованности общества, но при этом так, чтобы это не подрывало авторитет и власть партии. Таким образом, начиная примерно с 1995 г. в КПК растет интерес к методам социальной инженерии при сохранении полупартийной системы (КПК плюс партии, признающие монопольное право КПК на власть), которая рассматривается как гарант социально-политической стабильности в стране.

Считается, что успех китайского правительства в расширении сферы закона и порядка, контроля над коррупцией и своекорыстными интере-

сами местной бюрократии, в конечном счете, связан с тем, насколько тесна связь взаимодействий внутри нарождающегося гражданского общества, т.е. построение сильных государственных институтов зависит от того, насколько сильна сеть негосударственного взаимодействия, которая позволяет государству не прибегать к насилию при решении государственных и общественных проблем. К концу 2010 г. китайское общество насчитывало более 243 зарегистрированных общественных организаций, 195 тыс. гражданских некоммерческих организаций и 2168 фондов. Количество таких организаций говорит о том, насколько изменилась жизнь в Китае после начала реформ Дэн Сяопина, который, кстати, после ухода со всех государственных постов (при сохранении своего неформального авторитета лидера страны и монопольно правящей партии) оставался только председателем Ассоциации игроков в бридж, что и дало первый официальный, но при этом и неформальный толчок к организации ассоциаций негосударственного типа.

На современном этапе исторического развития негосударственные организации в КНР можно разделить на следующие типы:

1. Контролируемые государством ассоциации, задача которых заключается в гармонизации разного рода конфликтующих социальных интересов.
2. Контролируемые государством ассоциации для усиления сцепки государства и партии.
3. Негосударственные ассоциации, созданные для проведения в жизнь государственной/партийной политики в определенных областях, где прямое государственное принуждение является затруднительным.
4. Разного рода неформальные и нередко незарегистрированные организации для решения некоторых негосударственных вопросов и проблем.
5. Иностранские негосударственные организации, в том числе и те из них, которые занимаются поддержкой горизонтальных связей собственно китайских организаций гражданского общества, зависящих от внешних ресурсов финансирования.
6. Традиционные клановые формальные и неформальные негосударственные организации.
7. Криминальные структуры.

Начиная с середины 2000-х годов в Китайской Народной Республике, с одной стороны, провозглашается концепция Ху Цзинтао на построение гармоничного общества и гармоничного мира, императивом которых

является развитие гражданского общества и усиление его роли в развитии страны, с другой стороны, начиная с 2005 г. после «цветных революций» в Грузии, Киргизии, Сербии и Украине разворачивается национальная кампания по выяснению финансовых взаимоотношений некоторых негосударственных организаций и иностранных фондов. Ужесточение условий финансирования негосударственных организаций возросло особенно в период смены китайского лидерства в высшем эшелоне партийной и государственной власти в период 2011–2012 гг., после которого начался новый этап развития негосударственных организаций: были приняты законы, позволяющие негосударственным фондам принимать частные пожертвования на ведение благотворительной деятельности, что было запрещено до этого, были зарегистрированы некоторые иностранные негосударственные организации и фонды.

Законодательство КНР выделяет четыре типа организаций гражданского общества: 1) общественные организации (*шэхуэй туаньти*); 2) фонды (*цзицзиньхуэй*); 3) гражданские непроизводственные организации (*миньбань фэй цзе даньвэй*) и 4) производственные организации (*шиье даньвэй*), из которых три попадают под категорию неправительственных организаций, признаваемых в ЕС и США. Каждая из категорий организаций гражданского общества управляется на основе своих законов, из которых наиболее важными являются юридические правила регистрации. Эти правила могут варьироваться, они допускают достаточно высокую степень бюрократического волонтаризма, а регистрирующие органы обладают широкими возможностями вмешиваться в процесс управления и принятия решения такими организациями. Деятельность иностранных негосударственных организаций регламентирована еще менее четко, что позволяет устанавливать ограничения, исходя из конкретной деятельности этих организаций в каждый конкретный период времени, за исключением торговых палат, которым достаточно формальной регистрации в Министерстве внешнеэкономических связей и торговли. Регистрация торговых палат происходит автоматически, в то время как остальным иностранным негосударственным организациям приходится искать соответствующие органы в провинциях, городах прямого подчинения или специальных административных районах, где это сделать по каким-либо причинам легче, чем в целом по стране. С марта 2010 г. в КНР введены новые правила регистрации независимых негосударственных организаций, которые финансируются из-за рубежа, предусматривающие специальные банковские счета и нотариально оформленные соглашения. Несмотря на то что формальные юридические правила, инициированные государством, направлены в целом на

Раздел III. Политические системы государств Большой Восточной Азии

то, чтобы поставить деятельность неправительственных организаций под контроль государства и партии, существуют также возможности зарегистрировать негосударственную организацию в качестве коммерческой организации или как часть (филиал) уже зарегистрированного института или организации.

Единственный тип негосударственных организаций, которым не требуется регистрация, — это массовые народные организации по типу профсоюзных либо женских организаций. Их деятельность в КНР начинает претерпевать существенные изменения, так как постоянно сокращается поддержка их деятельности из государственного бюджета, а общие принципы рыночной экономики заставляют эти организации постепенно трансформировать принципы своего экономического существования подобно обычным неправительственным организациям, которые изначально и не получали государственной финансовой поддержки. Таким образом, происходит процесс превращения массовых организаций прошлого в «гражданские профессиональные союзы», организованные по географическому и/или традиционному клановому принципу.

7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯПОНИИ

В настоящее время Япония является полноправным членом западного сообщества и одной из ведущих «индустриальных демократий». Это единственная страна, которая шла к становлению полноправным членом западного сообщества своим особым путем, опираясь на традиции и ускоренную модернизацию в условиях тотальной демократизации всех сторон жизнедеятельности общества. Но, и это чрезвычайно важно, политическая элита всегда проявляла максимум прагматизма и реально оценивала сложившуюся ситуацию, а потому не происходило утраты традиций и национальной идентичности, чем, к слову сказать, в настоящее время достаточно сильно озабочены страны Западной Европы в связи с ускоряющимися и углубляющимися процессами интеграции. Демократизация оказалась единственным путем сохранения власти в руках японской правящей элиты¹. Но и на этом пути Япония проявила, как это уже не раз бывало в ее истории, способность заимствовать и приспособлять к реалиям страны то, что в данный момент является насущным и необходимым.

Послевоенные реформы в Японии продемонстрировали яркий пример планомерного достижения поставленных политических целей, опровергающий во многом справедливую мысль профессора университета Тюо С. Рида, писавшего, что в каждом периоде исторического развития «произвести определенные, специфические изменения оказывается чрезвычайно трудно. Целенаправленные изменения требуют огромных затрат и редко дают предполагаемый или желательный результат»². Главные достижения демократии, на Западе связанные с социал-демократической моделью развития, ядро которой составляла концепция «государства благосостояния», в Японии стали результатом целенаправленных реформ, проведенных в значительной степени «силовыми методами» в условиях американской оккупации. Успех во многом обеспечивался тем, что они осуществлялись руками японского

¹ Подробнее см.: *Молодякова Э. В.* «Неординарная» демократия в Японии // Япония: Мифы и реальность. М., 1999. С. 160–178.

² *Reed S. R.* An Introduction to Special Topic: Political and Administrative Reform in Japan // *Social Science Japan Journal*. 1999. Vol. 2. No 2. October. P. 155.

правительства и законодательно подтверждались парламентом. Но важно помнить о том, что в стране имелись экономические и политические предпосылки для них. В обществе в принципе существовал консенсус относительно того, что представительная или парламентская демократия со всеми возможными ее «недостатками» является альтернативой предшествовавшему авторитарному типу правления.

В результате проведения реформ Япония достаточно быстро и успешно сближалась со странами Запада. Происходила быстрая замена старых социально-экономических и политических структур новыми демократическими. Этот процесс сопровождался стремительным усвоением достижений западных стран, ибо обеспечивался консолидированными усилиями в экономике и политике. Однако на этом фоне, как бы вступая в противоречие с объективным ходом развития, в стране сложилась политическая система, абсолютно непохожая на действующие в Западной Европе или в США.

Подобная ситуация многие десятилетия вызывала не только недоумение у партнеров по западному сообществу, но и опасения относительно демократичности самого японского общества, которое вполне справедливо упрекали в закрытости. Однако серьезные перемены во внутривнутриполитической ситуации, диверсификация политической элиты, разнообразие политических пристрастий населения, повышение интереса к современному политическому опыту (прежде всего западноевропейских стран) свидетельствуют о намерении Японии не только сделать свой политический потенциал на мировой арене равным экономическому, но и искать пути политического обновления внутри страны. Все это является непосредственным результатом воздействия глобализирующегося внешнего мира.

Важным путем к политическому обновлению является, прежде всего, изменение существующей политической системы, которое видится во введении правления сменяющих друг друга у власти двух крупных партий.

В первое послевоенное десятилетие, казалось, должны были сложиться реальные условия для установления в стране двухпартийной политической системы классического европейского образца (попеременная смена у власти консервативной и социал-демократической партий). В соответствии с Директивой Штаба оккупационных войск США «Об отмене ограничений на политические, гражданские и религиозные свободы» (4 октября 1945 г.) возобновили деятельность все политические партии. Однако с первых же послевоенных лет (за исключением кратковременного пребывания у власти с мая 1947 г. по февраль

1948 г. и с марта по октябрь того же года коалиционных правительств социалиста Т. Катаямы и демократа Х. Асиды) до начала 1990-х годов у власти бесспорно находилось правительство консерваторов. С 1955 г. его единолично формировала Либерально-демократическая партия (ЛДП), которая практически срослась с административным аппаратом.

Преодолев потерю власти в 1993 г. (хотя фактически она находилась в руках тех же консерваторов, недавно покинувших ее ряды), партия вновь овладела ею в 1996 г. Но это не было возвратом к прежнему положению вещей. Теперь, не располагая устойчивым большинством в палате представителей парламента, ЛДП была вынуждена действовать с оглядкой на достаточно многочисленную, но разнородную и разобленную оппозицию. Далее в 2009 г. произошло неординарное событие в политической жизни страны — полный разгром Либерально-демократической партии и приход к власти молодой оппозиционной Демократической партии Японии (ДПЯ), которая насчитывает всего 13 лет своего существования.

Долгие годы существовавший в Японии феномен доминантной партии, не наблюдавшийся ни в одной стране развитой демократии, заставляет относиться к ней как своего рода аномалии. Но все встает на свои места, если помнить о том, что это страна с неевропейской политической традицией, избравшая путь демократии. Вслед за Японией примерно таким же путем в своем политическом развитии идут и другие азиатские страны ареала конфуцианской культуры.

В Японии получению ЛДП достаточного для обеспечения ее доминирующего положения числа голосов во многом способствовала существовавшая избирательная система. Как известно, каждая страна формирует такую систему выборов, которая в наибольшей степени соответствует уровню развития демократии в тот или иной период. До 1994 г. в стране действовал специфический вариант средних избирательных округов — разновидность мажоритарной избирательной системы, так называемая многомандатная система относительного большинства, когда от каждого избирательного округа выбирается по несколько депутатов.

Такой вариант был данью традиционной политической культуре и избирательной практике довоенных лет, когда у власти сменялись мало отличающиеся друг от друга две политические партии. Закон 1925 г. гарантировал каждой из них хотя бы одно-два места во всех без исключения избирательных округах. Это был компромисс между соперничающими партиями, старавшимися не допустить усиления друг друга и потери получаемых голосов. Распределение мест в парламенте при

многомандатной системе относительного большинства не соответствует действительному соотношению сил партий и обеспечивает завышение парламентского представительства крупных партий, что способствует появлению большого числа «пропавших» голосов, особенно у тех партий, чья доля электората в избирательном корпусе невелика. Это ведет к неравенству веса голосов, что явно противоречит демократическим принципам¹. Тем не менее система средних избирательных округов в принципе обеспечивает многопартийность представительных органов власти, и потому она была закреплена в законе «О выборах общественных должностных лиц» (1950).

Правда, стоит напомнить, что начиная с 1920-х годов японские политики видели для себя образец в вестминстерской двухпартийной системе, в которой действуют две массовые, хорошо структурированные партии различной политической ориентации, со своей социальной базой, с преданностью электората больше партии, чем конкретному кандидату. Поэтому уже в 1954 г. правительство выступило с предложением о введении одномандатных избирательных округов и создании двухпартийной системы по образцу Великобритании. Но тогда подобная модель не могла быть реализована. В 1990-х годах, как будет сказано ниже, при проведении новой реформы политической системы партийные лидеры вновь вспомнили о ней.

В первые послевоенные годы большинство социалистов, в принципе, поддерживали подобное предложение, полагая, что могут претендовать на создание альтернативного консерваторам правительства. Однако, как отчетливо показали парламентские выборы 1955 г., на которых левые и правые социалисты вместе получили меньше мандатов, чем существовавшая тогда Демократическая партия, надежда на создание ими своего коалиционного правительства оказалась иллюзорной. Поэтому, опасаясь, что изменение прежней системы избирательных округов даст преимущество консерваторам, позволит заниматься предвыборными махинациями и обеспечит им $\frac{2}{3}$ мест в парламенте, необходимых для пересмотра конституции, социалисты изменили свою точку зрения².

В образовавшейся в 1955 г. политической структуре на одном полюсе сосредоточились все консервативные силы в лице ЛДП, а на другом — все социал-демократические в лице Социалистической партии Японии (СПЯ, ныне СДПЯ), на время объединившей в себе левых и правых

¹ Подробнее см.: *Молодякова Э. В.* Избирательная система Японии // Японский опыт для российских реформ. М., 1998. Вып. 3. С. 45–54.

² *Катоки тоситэ-но 1950 нэндай* (1950-е годы как переходный период). Токио, 1997. С. 67–70.

социалистов. Их консолидация, несмотря на расхождения по принципиальным вопросам, диктовалась прагматическими причинами сплочения своих рядов. Объединение всех консервативных сил отвечало потребностям строительства мощной экономики, главная роль в этом отводилась крупному бизнесу. ЛДП сразу создавалась как парламентская партия, цель которой завоевать и удержать власть. ЛДП и СПЯ придерживались различных политических взглядов и были приверженцами различных политических ценностей, что соответствовало делению общества на два лагеря — «консервативный» и «прогрессивный». В целом это было адекватно структуре международной системы периода холодной войны, распад которой не в малой степени сказался на поисках новых вариантов политической системы в конце XX в.

После возникновения биполярной структуры в стране, казалось, появились предпосылки введения двухпартийной системы европейского образца. В частности, на выборах в Палату представителей парламента в 1958 г. СПЯ получила 166 мандатов (35,5% общего числа), а ЛДП — 287 (61,5%). В глазах избирателей ЛДП символизировала консерватизм и традиционализм, а СПЯ — нечто новое, современное, прогрессивное. ЛДП еще в середине 1950-х годов сумела определить и позднее успешно реализовать объединившую всех японцев национальную цель — догнать западные страны в экономической области. Популярность же социалистов была связана с послевоенной демократизацией японского общества. В период высоких темпов экономического роста СПЯ не сумела адаптировать свою политику к серьезным переменам, произошедшим в сознании и образе жизни людей, что не могло не привести к резкому сокращению ее социальной базы. Достаточно скоро у партии не оставалось даже гипотетических шансов на приход к власти, и в Японии почти на 40 лет установилась гегемония одной партии — ЛДП.

При единоличном правлении либерал-демократов Япония знала длительные периоды социального мира и стабильности, что во многом достигалось следованием одному из ведущих принципов японской политической культуры — «духу гармонии» (*ва-но сэйсин*). Общество при этом выглядело в целом плюралистическим, поскольку в нем свободно действовали различные политические партии и объединения. Вместе с тем динамику политического прогресса обеспечивали не оппозиционные партии, а сама ЛДП благодаря фракционности своей структуры. Борьба и соперничество фракций за реальную политическую власть гарантировали гибкость и адаптивность проводимого курса при сохранении его принципиальной преемственности.

Политический вес правящей партии и всей оппозиции долгое время соответствовал их роли в обществе, в котором ЛДП представляла общенациональные интересы, а оппозиционные партии — интересы отдельных групп населения. Однако при сохранении формата «системы 1955 г.» происходило постепенное изменение соотношения сил не только между основными партиями (ЛДП, СПЯ), но и между ними и вновь появившимися. Если на выборах 1958 г. они совокупно получили 91% голосов избирателей, то в 1986 г. только 66,6%. Японская политическая система превращалась в многопартийную.

Надо иметь в виду, что, голосуя за оппозиционные партии, японские избиратели (в основном так называемые новые городские слои) выступали не против консервативной идеологии, а против конкретной политики либерал-демократов в тот или иной период. Отдавая голоса оппозиции, они не рассчитывали привести ее таким образом к власти. Голосование за оппозицию — это был своего рода способ, которым электорат побуждал либерал-демократов серьезно заняться решением назревших проблем. Но, как показали события самого последнего времени, подобные долговременные действия привели к качественным переменам, а именно к приходу к власти оппозиционной партии в 2009 г.

Постоянно происходило сужение социальной базы либерал-демократов. В основном их по-прежнему поддерживали жители сельских районов, представители старших возрастных групп населения и работников строительной индустрии, т.е. слои, значение которых в обществе объективно шло на убыль. Одновременно появилась постоянно возрастающая тенденция к абсентеизму.

В целом обладающее довольно высоким жизненным уровнем население в то время разделяло консервативную идеологию, было привержено демократическим принципам и доверяло правящей партии больше, чем другим, связывая с ней успехи страны и стабильность в обществе.

Тем не менее диверсификация национальных интересов, усложнение социальной структуры общества, возникновение и усиление гражданских движений, рост электората оппозиционных партий заставили правящую партию задуматься о коррекции своих действий. Другими словами, обозначилась потребность в проведении политической реформы. Отчасти это было связано и с внешним влиянием, поскольку современная Япония активно включена в жизнь мирового сообщества и не может не испытывать его воздействия.

С усложнением в 1970–1980-х годах политической картины в стране начинаются дискуссии о создании разного рода коалиций оппозиционных партий с тем, чтобы заставить ЛДП поделиться властью. Сначала речь шла о трехпартийной коалиции, в которую могли бы войти

центристские Партия демократического социализма (ПДС) и Комэйто (Партия чистой политики), представляющая крупнейшую организацию буддистов-мирян Сока гаккай (Общество установления ценностей), а также правое крыло СПЯ. (Заметим, что никогда не рассматривался вопрос о включении в какую-нибудь коалицию Коммунистической партии Японии (КПЯ), хотя, например, на всеобщих выборах в 1972 г. она получила 39 мандатов и была тогда третьей по представительству парламентской партией страны.)

Лидеры ПДС, связанные с Социнтерном, вновь обратились к идее создания европейского варианта двухпартийной системы. Предполагалось, что консервативной ЛДП будет противостоять партия социал-демократической ориентации. Японская конфедерация профсоюзов (Рэнго) — социальная опора ПДС и СПЯ — в целом поддерживала этот взгляд и выступала за объединение в долгосрочной перспективе оппозиционных партий с некоторыми консервативными элементами и создание на этой основе новой большой партии — оппонента ЛДП. Однако, несмотря на благие пожелания инициаторов, перспектива сколько-нибудь прочной коалиции оставалась малореальной из-за коренных расхождений между ее участниками по важнейшим вопросам, а также непомерных амбиций партийных лидеров.

Правящая партия внимательно следила за этими маневрами оппозиции и заигрывала с центристскими партиями, вселяя в них надежду на возможность формирования консервативно-центристского правительства, тем более что центризм этих партий все больше сближался с неоконсерватизмом ЛДП. В рядах правящей партии периодически раздавались голоса в пользу «частичной коалиции» с ПДС и Комэйто (речь шла, конечно, лишь о парламентском сотрудничестве). В частности, И. Одзава (в то время генеральный секретарь ЛДП, а ныне генеральный секретарь Демократической партии Японии (ДПЯ)) говорил о необходимости содействовать усилиям всех партий по созданию новой политической структуры и выдвигал идею создания второй консервативной партии путем объединения части либерал-демократов с Комэйто¹. Иными словами, предполагался американский вариант двухпартийной системы. (Тогда было абсолютно невозможно предположить правящую коалицию ЛДП и этой партии, но в первое десятилетие XXI в. она стала реальностью.)

Это был, пожалуй, единственный путь, поскольку существование внутрипартийных фракций крайне затрудняло создание второй консервативной партии на базе ЛДП. Ведь при формировании такой партии

¹ Молодякова Э. В. Япония. Профсоюзы и общество. М., 1994. С. 141–144.

необходимо заручиться поддержкой по крайней мере более сотни депутатов. В таком случае ее лидер стал бы одновременно и руководителем крупнейшей фракции и соответственно сосредоточил бы в своих руках всю полноту власти. Только выход из рядов ЛДП групп «диссидентов» и их дальнейшее блокирование с центристскими партиями обещали оказаться продуктивными с точки зрения образования новых консервативных партий. Но события стали развиваться по другому сценарию, а именно по пути создания демократической партии и вовлечения в нее всех сил, недовольных правлением либерал-демократов.

Несмотря на серьезные кризисные явления в правящей партии, внешними проявлениями которых с конца 1980-х годов были перманентные коррупционные скандалы в высшем эшелоне власти, ни одна оппозиционная партия тогда не могла соперничать с ней в борьбе за власть, ибо оппозиция никогда не предлагала позитивной альтернативы, а лишь все подвергала критике. Поэтому до начала 1990-х годов все разговоры о создании дееспособной оппозиции и переходе к двухпартийной системе оставались словесными спекуляциями. Реальная возможность перевода дискуссий на эту тему в практическую плоскость впервые обозначилась лишь после провала ЛДП на выборах 1993 г., в результате которого прекратилось единоличное правление консерваторов.

Тогда же появились новые партии, вскоре объединившиеся со старыми оппозиционными силами в единую общенациональную Партию новых рубежей (ПНР). Создание этой партии явилось важнейшим событием реорганизации политической системы, поскольку она явилась результатом объединения, а не раскола существовавших партий. Участие Социал-демократической партии сначала в коалиционном правительстве в 1993 г. совместно со всеми оппозиционными партиями, а затем ее коалиция с ЛДП, ради чего она пожертвовала всеми своими принципами, превратили некогда главную оппозиционную партию во второстепенную. Произошла, как говорится, «потеря лица» СДПЯ.

В то же время Коммунистическая партия Японии, хотя и находится в строгой изоляции, устойчиво сохраняет за собой строго определенную нишу, что делает ее положение неординарным на политической сцене. В последнее время компартия прилагает серьезные усилия по «смягчению» своего имиджа в глазах избирателей. Сохраняя верность своим принципам, КПЯ все же стремится обрести более современный облик и заявляет, что она «без колебаний будет вести совместную борьбу и честосердечно взаимодействовать с другими оппозиционными партиями по вопросам, представляющим совместный интерес»¹.

¹ The Daily Yomiuri. 20.09.2000.

Однако, располагая своеобразным электоратом, КПЯ должна искать пути для взаимодействия с другими оппозиционными партиями и делать это очень осторожно и аккуратно. Как иронично заметил бывший заместитель генерального секретаря ЦК КПЯ Сога Юкио, «КПЯ перестанет быть КПЯ, как только она превратится в подлинно демократическую политическую партию»¹. Модернизируя свою политику, КПЯ отнюдь не хочет разделить судьбу СДПЯ, в одночасье сдавшей все свои позиции за мимолетное и иллюзорное участие в коалиционном правительстве с ЛДП.

Существование Партии новых рубежей оказалось недолговечным из-за пестроты состава, наличия в ней довольно разнородных политических сил и отсутствия четкой политической линии. Важную роль в ее распаде сыграла также разгоревшаяся в высшем партийном руководстве борьба трех бывших премьер-министров (Т. Кайфу, М. Хосокавы, Ц. Хата) между собой и против амбициозного И. Одзавы. Уже в 1997 г. ввиду критической внутрипартийной ситуации Партия новых рубежей была распущена с тем, чтобы вместо нее создать два-три политических объединения. Никто не ожидал, что она расколется на мелкие части. Из образовавшихся шести партий самой крупной стала Либеральная партия И. Одзавы, которую он провозгласил преемницей Либеральной партии Т. Итагаки (1881 г.).

Сложившаяся ситуация свидетельствовала в пользу того, что ведущие политики не только не желали, но и были не способны вести конструктивный диалог о реорганизации политической системы. За три года сменилось четыре коалиционных правительства. Первые два без участия либерал-демократов оказались неустойчивыми и нежизнеспособными, а два вторых при участии ЛДП и СПЯ продемонстрировали казавшийся ранее немислимый альянс, свидетельствующий об обретении обществом идеологического единообразия. Доминирующей идеологией довольно аморфного среднего класса, к которому причисляет себя подавляющее большинство японцев, стал неоконсерватизм (суть которого создание системы «социального рыночного хозяйства»), практически не оставив места характерным для «системы 1955 г.» непримиримым идеологическим различиям между партиями.

Коалиционные правительства во главе с ЛДП продемонстрировали пример открытой, готовой к компромиссам политики и сумели достигнуть определенной стабильности. Но слишком разные базовые позиции участников требовали реформирования правительства, и ЛДП начала готовиться к выборам в Палату представителей по новой избиратель-

¹ The Daily Yomiuri. 05.12.2000.

ной системе (1994 г.), при разработке которой в определенной степени учитывался британский опыт.

Целью избирательной реформы было повысить значимость политических партий, перенести центр тяжести в избирательной кампании с отдельных кандидатов на партию в целом, привлечь внимание электората к партийным программам. По новой системе 300 депутатов избираются по одномандатным округам и 200 (в настоящее время 180) — по 11 региональным блокам по списку политических партий сроком на четыре года. В одномандатном округе избиратель поставлен перед жестким выбором: сколько бы кандидатов ни выдвигалось, победит только один. В целом такая система благоприятствует только крупным партиям, оставляя мало места мелким. Однако, учитывая национальные политические традиции, в соответствии с которыми даже малые партии оппозиции могли получить места в парламенте, японские политики нашли компромиссное решение при реорганизации избирательной системы: наряду с одномандатными округами сохранилось и пропорциональное представительство по партийным спискам. Результаты выборов 2009 г. показали, что избиратель даже в одномандатных округах проявил интерес к партийной принадлежности кандидатов в депутаты. Об этом свидетельствует избрание 158 новых кандидатов, т.е. около $\frac{1}{3}$ из 480. Из этого числа 143 кандидата (около 87%) — представители Демократической партии Японии¹.

Казалось, что в середине 1990-х появилась возможность создать политическую систему, похожую на столь привлекательный для японских консерваторов британский образец. Если дальнейшее совершенствование избирательной системы пойдет по английскому образцу, т.е. сохранятся только одномандатные округа, то даже такие старые партии, имеющие устойчивый электорат, как КПЯ, лишатся будущего. Как показали всеобщие выборы в Палату представителей в 1996 и 2000 гг., эта партия получила основную часть мандатов по партийному списку, а в 2009 г. уже только по партийному списку.

В условиях нивелирования идеологических противоречий между различными политическими силами наиболее естественным путем реорганизации политической системы представлялось создание двухпартийной системы американского образца, при которой у власти сменяют друг друга две консервативные партии. Однако как раз в середине 1990-х годов развитие ситуации в стране пошло совсем по другому сценарию, во многом напоминающему тот, что разворачивается в ряде европейских

¹ The Asahi Shimbun. 01.09.2009.

стран, где достаточно громко заявили о себе левоцентристские и прогрессивные партии, представленные политиками нового поколения. Подобный процесс в Японии проявился в формировании партий демократического толка, сотрудничестве части молодых либерал-демократов с СДПЯ и другими оппозиционными партиями и, как показали события сегодняшнего дня, оказался чрезвычайно успешным.

Буквально накануне всеобщих выборов 1996 г. появилась абсолютно новая Демократическая партия Японии (ДПЯ). Сенсацией это не стало, поскольку нечто подобное ожидалось уже давно. Костяк партии составили выходцы из ПДС, партии «Инициативы» (Сакигакэ), отколовшейся от ЛДП в 1993 г., и некоторые парламентарии от Социал-демократической партии Японии. Она рассматривала себя как партию городского населения, а опора на горожан — верный путь для политической силы, которая рассчитывает на длительную перспективу и хочет действовать в соответствии с социально-экономической ситуацией, сложившейся в Японии к началу нового тысячелетия. В отличие от других эта партия строилась не по принципу «пирамиды», а по принципу «горизонтали» с опорой на местные отделения. Инициаторами ее создания выступили Юкио Хатояма и Наото Кан, нынешние первые лица этой партии.

Воспользовавшись расколом Партии новых рубежей, ДПЯ предложила создать блок родственных оппозиционных сил. В апреле 1999 г. была создана новая Демократическая партия Японии, несмотря на серьезные противоречия между лидерами вошедших группировок. При этом одним из сложнейших вопросов было определение ее характера. Все учредители были согласны с тем, что это демократическая, центристская партия, но одни хотели видеть ее партией «левоцентристской ориентации» или «демократически-либеральной», а другие — «консервативно-центристской». Например, Наото Кан полагал, что демократическая партия должна быть чем-то средним между «партиями Тэтчер и Блэра». После того как либерал-демократам не удалось повторить либеральные реформы Тэтчер, ДПЯ полагала, что она может это сделать, когда придет к власти, используя опыт английского премьер-министра, модернизировать тэтчеризм, присовокупив к нему политику социальной защищенности, что должно помочь привлечь на свою сторону новые слои избирателей¹.

Не было единства мнений в ДПЯ и по вопросу партийного строительства. В частности, тот же Наото Кан считал, что самое важное — коалиция

¹ Подробнее см.: *Curtis Gerald L. The Logic of Japanese Politics. Tokyo; N.Y., 1999. P. 193–195.*

с разнообразными силами и это даже важнее, чем установление своего единовластия. Председатель партии Юкио Хатояма решительно выступал против установки на широкую коалицию и полагал, что необходимо укреплять структуру партии, превращать ее во вторую главную партию в будущей двухпартийной системе. Партия придерживалась «умеренно демократической ориентации, близкой к центристской», ставила целью смещение ЛДП и приход к власти «демократического коалиционного правительства». Двери ее были открыты для всех политических сил, придерживающихся среднего пути и выступающих против ЛДП. В поддержку демократической партии высказывалось и профсоюзное объединение Рэнго.

Пережив различные организационные пертурбации и неудачи, демократы в сентябре 2003 г. объединились с небольшой Либеральной партией Итиро Одзавы. Они рассудили, что харизматический и очень опытный политик, один из наиболее эффективных и успешных в свое время руководителей партийного аппарата ЛДП, сочетающий популизм с навыками закулисной борьбы, несмотря на имидж «правого» и даже «ястреба», поможет поднять авторитет партии. Альянс объективно повышал шансы демократов на увеличение своего представительства в парламенте, как это было за счет электората СДПЯ, а затем за счет консервативных избирателей, благодаря авторитету Одзавы среди «правых». Объединение двух партий было расценено их лидерами как шаг на пути создания «двухпартийной системы, которая будет обеспечивать сменяемость правительства». Казавшаяся трудно осуществимой, цель стала реальностью спустя всего шесть лет, в 2009 г.

Долговечность и стабильность партии, в данном случае ДПЯ, во многом зависели от политической воли ее руководящего ядра, от его способности сохранить партию в условиях беспрецедентного «перетекания» политиков из партии в партию. И конечно, от реального стремления реализовать программу действий.

Немаловажную роль в стремлении к обновлению структуры партий — правящей тогда ЛДП и оппозиционных — играет смена поколений в основном эшелоне истеблишмента и новый баланс их реальных сил. Как и во многих странах Западной Европы, на авансцену политической жизни страны выходят энергичные, амбициозные деятели новой формации, что стимулирует процесс распада ранее существовавших партий, появление новых, как правило, непрочных объединений, слияние и размежевание различных политических группировок.

Практически во всех партиях существует своего рода «двойная структура», состоящая из молодых членов партии и ветеранов, которая

затрудняет карьерный рост молодых и возможность их стать депутатами. Эта тенденция пробивает себе дорогу на фоне свойственной японской политической культуре традиции семейного «наследования» мандатов в парламенте.

По неписаным законам партийной иерархии в ЛДП, политики, которые избирались депутатами парламента 6—7 раз, составляют средний ранг элиты партии. Те, кто избирался 8—10 раз, обладают значительным весом, а те, кто одерживал победы на выборах более 10 раз, входят в высший, очень тонкий слой элиты. Существующая система — обоюдоострое оружие — в краткосрочной перспективе дает результаты, но в дальней может стать губительной для партии, что и произошло с ЛДП. Нередко, не имея возможности пробиться в число кандидатов от одной партии, молодые политики могут попытаться свое счастье по линии других партий.

Недостатки этой системы сказались на результатах выборов в Палату представителей парламента в августе 2009 г. Многие депутаты ЛДП, экс-министры и даже бывший премьер-министр остались «за бортом» нового созыва. Опытные и пожилые политики ЛДП, казалось бы, прочно «пустившие корни» на местах, уступили новичкам-демократам, в том числе женщинам. Подобная тенденция пробивает себе дорогу на фоне свойственной японской политической культуре традиции семейного «наследования» мандатов в парламенте.

В ДПЯ проблема усложняется наличием в ее рядах старых выходцев из бывших СДПЯ и ПДС и представителей молодого поколения, не связанного со старыми партиями. Омоложение партии и появление новых членов открывало возможность более четко дистанцироваться от ЛДП и других партий правящей коалиции, несмотря на то что программы их в целом близки друг другу. Другими словами, как сейчас модно говорить, ДПЯ нужно обрести свою идентичность, что в равной мере занимает как восточные, так и западные общества.

С самого начала лидер партии Юкио Хатояма взял курс на назначение на высшие партийные должности именно молодых соратников, что идет вразрез с традиционной политической культурой. Более того, он поддержал создание межпартийной исследовательской группы, в которую вошли молодые члены его партии и либерал-демократы из одной фракции ЛДП (Като Коити), соглашаясь с мнением тех, кто полагает, что таким образом можно устранить препятствия на пути подлинной политической перестройки.

При создании ДПЯ отдельные аналитики высказывали мнение о нежизнеспособности такого объединения из-за разнородности его

состава, что в перспективе могло привести в действие центробежные силы. Но эти прогнозы, как показали события первого десятилетия XXI в., не оправдались. Сначала ДПЯ, которую можно рассматривать как аналог Демократической партии США, заставила говорить о себе как о реальной силе современного политического процесса, затем стала правящей партией.

Наряду с определенным укреплением позиций демократической партии усиливалась фрагментарность внутри ЛДП, что расшатывало создававшуюся десятилетиями жесткую структуру партии. Она становилась более подвижной: часть влиятельных политиков была не против достижения согласия с бывшими диссидентами, ибо все они бывшие либерал-демократы, другая часть через межфракционные объединения создавала новые фракции. Возможно, такие подвижки в структуре партии были результатом энергичных поисков путей ее реорганизации или, как и прежде, просто усилением фракционной борьбы за реальную власть в данное время.

Соотношение сил между фракциями все еще играло важную роль при выдвижении и избрании председателя партии, который как лидер партии большинства в парламенте, согласно установленным правилам, автоматически становился премьер-министром. Соответственно сохранение фракций объективно подрывало политические позиции премьера. Такое положение приобрело особую остроту в связи с тем, что расширение полномочий премьер-министра и укрепление его позиций являлись одной из важнейших задач политической реформы.

Во второй половине 1990-х годов не раз предпринимались попытки ликвидировать фракции, когда обострялась потребность во внутрипартийных реформах (например, перегруппировка сил в ЛДП после ухода в оппозицию или при введении новой избирательной системы), но все они как бы уходили в песок.

Тем не менее состояние фракционной структуры ЛДП позволяло говорить о том, что центростремительные силы в партии превалировали над центробежными. Межфракционный баланс все еще играл важную роль при выдвижении и избрании председателя партии. Однако зависимость личных действий партийных лидеров от фракционной принадлежности заметно уменьшалась. В этих условиях появлялась возможность многовариантности внутрипартийного регулирования, включая ротацию руководства партии. В пользу такого развития событий свидетельствовало и избрание председателем ЛДП Дзюньитиро Коидзуми, который считался наиболее последовательным и решительным реформатором партийной структуры. В частности, он заявил о необходимости немед-

ленного роспуска фракций, поскольку именно с их наличием связан не только устаревший имидж партии, но, и это главное, они являются тормозом на пути подлинного реформирования партии. Однако ЛДП по-прежнему оставалась крупнейшей партией в стране, являющейся ядром всей политической жизни.

Часть проблем, которые была вынуждена решать ЛДП: демонтаж фракционной структуры, наследование избирательных округов, практическая несменяемость высшего слоя партийной элиты, очень небольшой запас претендентов на высшие посты в партии и правительстве, отсутствие ярких лидеров и новых идей, сложность активизации партийной деятельности за счет притока новых кадров, получение политических пожертвований от частных фирм, а также дальнейшая реформа политической системы, создание новых партий, — имела давнюю историю. Другие проблемы четко обозначились с начала 1990-х и плавно перешли в 2000-е годы. К ним можно отнести короткий период ухода ЛДП в оппозицию, создание коалиционных правительств, серьезные подвижки в оппозиционном лагере, несвойственная японской политической культуре чехарда премьер-министров, потеря правящей партией доверия населения, что нашло отражение в затяжном парламентском кризисе последних лет. Оппозиционные силы в лице Демократической партии Японии впервые серьезно заявили о стремлении отстранить ЛДП от власти. Сказывались и определенная «усталость» населения от продолжительного правления либерал-демократов, и замораживание начатых реформ в условиях мирового экономического кризиса. ЛДП переживала серьезный кризис, который требовал незамедлительного конструктивного решения. Но, как оказалось, партия не только не осознала серьезность стоящих перед ней проблем, но и, казалось, «делала все возможное» для своего устранения из власти.

Начиная с 1994 г. ЛДП приобрела богатый опыт формирования коалиционных правительств, в которых младшим партнером была в основном Новая Комэйто. Эта партия была воссоздана в ноябре 1998 г. на основе слияния депутатской группы Комэй (члены распавшейся одноименной партии) и Новой партии мира (из бывшей ПНР). Под давлением Сока гаккай на съезде партии в 1999 г. было принято принципиальное решение о смене политической ориентации и переходе из оппозиции к сотрудничеству с правящей коалицией. Но полного взаимодействия Новой Комэйто с ЛДП не удавалось осуществить в силу специфики их подходов по ряду направлений политики правительства, а также потому, что эта партия хотела оставить себе свободу рук в маневрировании на политической арене.

В то время и ЛДП и ДПЯ для усиления своих позиций были заинтересованы в поддержке центристской Новой Комэйто — второй оппозиционной партии в стране. Именно эта партия являлась основным полем их маневрирования. Поведение Новой Комэйто было типичным для партии, чьи голоса нужны для перетягивания чаши весов в ту или иную сторону. Партия подчеркивала свой независимый статус, старалась не акцентировать внимание на партнерстве с ЛДП, но и не отвергала возможность «согласованной» с ней политики на отдельных направлениях (так же как и с другими партиями) в рамках провозглашенного курса на достижение «национальной цели». На протяжении последних лет она являлась младшим партнером в правящей коалиции ЛДП—Новая Комэйто¹.

Появление и укрепление Демократической партии Японии говорило в пользу того, что основным соперником ЛДП постепенно становятся не оппозиционные консервативно ориентированные партии (будь то Либеральная или Новая консервативная), а центристская, имевшая серьезные шансы стать достойным соперником правящей партии и реализовавшая их в полной мере в 2009 г.

Под лозунгом «смена политического режима» Демократическая партия Японии одержала беспрецедентную в истории страны победу на выборах в Палату представителей парламента 30 августа 2009 г., получив 308 мандатов из 480. В прежнем составе этого ключевого органа законодательной власти она имела лишь 115 мест. Демократы совершили головокружительный рывок, фактически поменявшись местами с Либерально-демократической партией в национальной политике.

Результаты прошедших выборов были ошеломляющими. *Во-первых*, оппозиционная партия впервые пришла к власти, получив большинство мандатов в нижней палате. *Во-вторых*, вообще впервые такое число мест принадлежит одной партии. *В-третьих*, поражение ЛДП, сохранившей чуть более трети прежних мандатов (119 из 300), стало настоящим разгромом. В одномандатных округах либерал-демократы провели только 62 кандидата (демократы — 221).

Результаты избирательной кампании 2009 г. показали, что реформа избирательной системы 1994 г. помогла создать действенную оппозицию, лишившую ЛДП многолетней монополии на власть. По оценке газеты «Асахи», последние выборы «впечатляюще продемонстрировали огромный потенциал одномандатной избирательной системы в том,

¹ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.komei.or.jp/en/about/history.html>.

чтобы произвести тектонический сдвиг в национальном политическом ландшафте. Мощная волна народных ожиданий открыла новую главу в политической истории нации, возвещая смену власти»¹. Аналитик журнала *Economist* сделал вывод, что «электорат одним махом отверг не только одну партию, но и всю систему»². В результате выборов ДПЯ отстранила ЛДП от власти, разрушив «систему 1955 года».

О серьезности произошедших перемен свидетельствует, прежде всего, масштаб победы демократов и поражения их главных противников. Когда в 1993 г. либерал-демократы впервые не получили большинства в Палате представителей, они остались крупнейшей партией страны и вернулись к власти через 11 месяцев. Нынешнее положение ЛДП можно расценивать как кульминацию глубоких сдвигов в политической жизни, которые готовились не одно десятилетие. В данный момент «избиратели пошли за ДПЯ. Масштабная победа партии отражает надежды населения на реальные изменения в политике, которые были вызваны их недовольством существующим положением»³. По оценке известного американского политолога Дж. Кертиса, «выборы были своего рода актом политического протеста. Отторжение от ЛДП было намного сильнее скептицизма избирателей в отношении неопытной ДПЯ, забывших даже, что она представляет собой конгломерат нескольких прежних партий, включая консервативные и социалистические»⁴.

К власти Демократическую партию Японии привел и стал премьер-министром Юкио Хатояма, представляющий четвертое поколение известной политической династии. По иронии судьбы внук сокрушил почти полувековое господство Либерально-демократической партии, созданной его дедом Итиро Хатоямой. Произошедшее событие стало фактически концом доминирования в жизни страны так называемого «железного треугольника», в котором соединились воедино политики (в основном либерал-демократы), бюрократия и крупный бизнес. Если демократическая партия сможет руководить страной столь же успешно, как это на протяжении более чем полувека делала ЛДП, то можно будет говорить о том, что в Японии сложилась устойчивая и эффективная, реально работающая двухпартийная система, которую можно назвать «системой 2009 г.».

¹ Асахи. 01.09.2009.

² См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.economist.com/printedition/displaystory.cfm?story_id=...

³ Асахи. 01.09.2009.

⁴ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.economist.com/printedition/displaystory.cfm?story_id=...

Вопрос в том, каковы будут последствия знаменательной победы демократов. В их поддержку высказался руководитель ведущей организации деловых кругов страны — президент Японской федерации бизнеса (Кэйданрэн) Фудзиро Митараи. Результаты выборов в Палату представителей он назвал историческим событием: «Мы достигли эпохи, когда впервые в послевоенном периоде стала возможна реальная передача власти»¹.

Укрепление ДПЯ благоприятствует созданию двухпартийной системы, аналогичной американской. Противостояние либерал-демократов и демократов не имеет столь принципиального значения, как пытаются представить их лидеры, периодически обменивающиеся резкими заявлениями. Коротко говоря, их объединяет гораздо больше, чем разъединяет. Практически все высшее руководство ДПЯ, за исключением Наото Кан, составляют выходцы из ЛДП. У всех общий политический и социальный *background*, схожее мировоззрение и взгляды.

В первом официальном заявлении после оглашения результатов парламентских выборов Юкио Хатояма заявил, что его «партия исключительно серьезно оценивает результаты выборов и полна решимости оправдать оказанное доверие... Я считаю, что результат выборов больше, чем просто победа Демократической партии. Итог голосования показал недоверие нашего народа к существующей политике, его неприятие провалившейся политической и экономической системы и вытекающее из этого резкое недовольство»².

В свое время при избрании премьер-министром в 2001 г. Дзюньитиро Коидзуми провозгласил лозунг «Изменим ЛДП. Изменим Японию». Аналогичным образом Юкио Хатояма провозгласил «три смены»: смена власти, смена старой политики на новую, смена управления, т.е. наступление на всевластие бюрократии.

Демократы одержали блестящую победу, но, как показал опрос общественного мнения, проведенный газетой «Асахи» сразу же после выборов, поддержка населения не так безусловна, как считали лидеры ДПЯ, и представляет достаточно сложную картину. По оценке газеты, ожидания общества тесно переплетены с беспокойством. В частности, 74% респондентов возлагают большие надежды на новую администрацию демократов, но при этом только 32% ожидают радикальных перемен в политике страны. Результаты опроса показали, что избиратели в целом приветствуют изменения на политической сцене, но многие совсем

¹ Киодо цусин. 31.08.2009.

² Асахи. 01.09.2009.

не очарованы предвыборными популистскими обещаниями ДПЯ и не убеждены, что партия выполнит их. На вопрос, было ли желание видеть изменения в правительстве главной причиной победы ДПЯ, 81% респондентов ответил утвердительно. Но при этом 37% тех, кто возлагает большие надежды на новую администрацию, и 31% тех, кто голосовал за демократов, не ожидают радикальных перемен в политике¹.

Полученный результат на выборах в Палату представителей позволял демократам сформировать однопартийный кабинет. Однако новое правительство стало коалиционным, поскольку поддержка младших партнеров обеспечивает ДПЯ большинство и в Палате советников, что необходимо для гладкого прохождения законопроектов в обеих палатах парламента. Партнерами ДПЯ при формировании правительства стали Социал-демократическая партия Японии и небольшая Новая народная партия (ННП), созданная «диссидентами» из ЛДП. С ними ДПЯ заключала предвыборный альянс, поскольку в одиночку не надеялась получить необходимое большинство в Палате представителей. Главное внимание во время избирательной кампании было уделено именно консолидации сил оппозиции.

Включение в состав правительства лидеров партий-партнеров, получивших второстепенные портфели, является также попыткой демократов избежать дополнительных консультаций на уровне глав партий правящей коалиции, на которых СДПЯ и ННП фактически претендовали на равный с ними статус. Однако им дали понять, что решения будут приниматься кабинетом министров, тем самым показав, что последнее слово по всем важнейшим вопросам остается за правящей партией, одержавшей столь беспрецедентную победу.

В результате выборов осуществилось давно зревшее в обществе стремление отстранить ЛДП от власти и создать партию, которая сможет ее заменить. Но главное, чтобы ДПЯ смогла удержать власть, а для этого необходимо, в первую очередь, предложить свою экономическую программу, адекватную вызовам мирового кризиса. Пришедший во власть в 2001 г. Дз. Коидзуми сразу же обнародовал программу трансформации государственного управления на основе приватизации и дерегулирования, введения новой налоговой системы, решения проблемы безнадежных долгов банков, взятия под контроль бюджетного дефицита, освобождения от мелочной опеки центра органов местного самоуправления, сокращения общественных работ и перетряски сектора специальных общественных корпораций, т.е. провозгласил курс на

¹ Асахи. 03.09.2009.

проведение структурных реформ, основная цель которых — сокращение государственных расходов и либерализация деловых и экономических отношений «в соответствии с неолиберализмом и глобализмом американского образца». Против этого курса выступали все последующие премьер-министры, в том числе и демократ Юкио Хатояма.

Однако Япония, пережив «потерянное десятилетие» 1990-х годов, сумела накопить опыт, который помогает ей, по заключению экономиста Е. Л. Леонтьевой, «выйти из мирового кризиса с относительно небольшими потерями». «Дно кризиса, — пишет она, — было пройдено благодаря оживлению спроса на китайском рынке и сокращению товарных запасов в Японии, а также — не в последнюю очередь — благодаря бюджетным программам стимулирования внутреннего спроса»¹. Эти программы были приняты последним правительством либерал-демократов. Теперь очередь демократов предложить свою действенную экономическую и политическую программу. По замечанию бывшего вице-министра экономики, торговли и промышленности Синдзи Фукукавы, «сила администрации Хатояма будет проверяться ее политическим управлением и политикой развития»². Другими словами, встает вопрос, сможет ли демократическая партия реализовать свой потенциал управлять страной в широком смысле этого слова.

Выборы дали шанс Демократической партии Японии прийти к власти, а избиратели авансом оказали ей большое доверие. Демократы обещают, что сумеют радикально исправить процесс выработки политических решений, изменить отношения между политиками и бюрократами, но, как известно, одним махом это решить невозможно. Юкио Хатояма заявил о своей решимости реализовывать политику независимости от бюрократии³.

Создавшаяся при господстве либерал-демократов двойная система управления правительства и партии извращала систему, в которой главная роль должна была принадлежать кабинету министров, а глубоко укоренившееся недоверие между политиками и бюрократами серьезно препятствовало эффективности принятия решений и их исполнения. Поэтому правительство Хатоямы начало укреплять и расширять функции кабинета в принятии решений и побуждать государственных служащих выполнять свои административные задачи в соответствии с политическими решениями кабинета. По мнению аналитика газеты

¹ Леонтьева Е. Л. Мировой экономический кризис и финансовый сектор Японии // Япония в условиях мирового кризиса. М., 2009. С. 196.

² The Japan Times. 03.10.2009.

³ Асахи. 17.09.2009.

«Иомиури», в условиях надежд населения на изменение политического стиля либерал-демократов «новый кабинет должен быть достаточно предусмотрительным, чтобы сохранить фундаментальную политику, которая была достаточно успешной в прошлом и могла бы послужить схемой на будущее»¹.

Премьер-министр признал повышение значимости и роли политиков орудием борьбы с «господством чиновников» в управлении государством. С этой целью в кабинете министров создано Бюро национальной стратегии, важнейшей функцией которого является разработка основных параметров государственного бюджета, т.е. инициатива в бюджетном процессе исходит от правительства.

Совет по административной реформе во главе с премьер-министром начал выявлять скрытые в многочисленных структурах государственного управления финансовые ресурсы. С этой целью в министерства направлена группа политиков, главным образом парламентариев, которые занимаются этим в доверенных им ведомствах². Это направление деятельности правительства чрезвычайно важно и актуально, поскольку остро стоит вопрос, откуда взять средства на реализацию целого ряда бюджетных мероприятий, которые демократическая партия обещала избирателям во время предвыборной кампании. Многие обещания демократов имеют откровенно популистский характер, и их реализация вызывает большие сомнения в обществе.

Одновременно крупный бизнес, который поддержал демократов на выборах, обеспокоен тем, что их планы могут замедлить восстановление экономики страны. В частности, Кэйданрэн критикует широко разрекламированное правительством сокращение «лишних расходов» и экономию части средств, которые правительство либерал-демократов выделяло на стимулирование экономики. Демократы также выступают за повышение минимума заработной платы для работников, серьезное снижение выбросов углекислого газа на предприятиях, планируют увеличить упавший до рекордного минимума внутренний спрос за счет поддержания сильного курса иены. Все эти мероприятия могут снизить конкурентную способность японских фирм на международном рынке. Бизнес считает, что подобные меры не помогут стране выйти из кризиса в кратчайшие сроки. «Вопросы экологии и социальной защиты работников чрезвычайно важны, — говорит ответственный в Кэйданрэн за отношения с политическими силами Мицуо Охаси. — Однако демо-

¹ Иомиури. 17.09.2009.

² См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/press/index/shtml>.

Раздел III. Политические системы государств Большой Восточной Азии

краты не должны забывать проблемы японских компаний, от состояния которых во многом зависит будущее экономики Японии»¹.

Несмотря на всю сложность ситуации, японские избиратели выбрали не опытную в деле управления государством, хорошо знакомую им Либерально-демократическую партию, а очень молодую и никогда не бывшую у власти Демократическую партию Японии. Они сделали уверенный выбор в пользу нового и неизвестного, отвергнув привычное и проверенное. Аналитики объясняли это во многом «свежестью» имиджа ДПЯ.

Однако недовольство одной партией не означает автоматическую гарантию поддержки их противников, тем более поддержки длительной и стабильной. Кабинет Хатоямы начал свою работу с рекордно высокого рейтинга в 80%, а за сто дней — традиционный срок подведения первых итогов, согласно опросу общественного мнения, он опустился ниже 50%². Этот тревожный факт привел в конечном счете к отставке Ю. Хатоямы, несмотря на то что демократы не допустили серьезных промахов ни в политике, ни в экономике. Скорее речь идет об утрате иллюзий, о крушении надежд на быстрые и эффективные перемены к лучшему, которых разочарованные в правлении ЛДП избиратели ждали от хорошо разрекламированной «смены политического режима». Поверив в обещания демократов, они ждут конкретных дел.

Что касается ЛДП, то можно ожидать как раскола партии и усиления рядов демократов «диссидентами» из ее рядов, так и усиления партийного строительства, что сделает политический пейзаж Японии еще разнообразнее.

¹ Киодо цусин. 12.09.2009.

² Асахи симбун. 22.12.2009.

РАЗДЕЛ IV

**ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
И РЕГИОНАЛЬНАЯ / СТРАНОВАЯ
УНИКАЛЬНОСТЬ**

1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСТОЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ИТОГИ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Из логики понимания системного сравнительного политического анализа, его «спатальной» («пространственной») развертки и ее конкретного странового наполнения вырисовываются основные параметры определения общих принципов и закономерностей типологии построения и функционирования политических систем, рассмотренные как в настоящей книге, так и в достаточно полно представленной сегодня мировой литературе по сравнительной политологии на русском языке (это переводная литература ведущей на сегодняшний день англо-американской традиции сравнительной политологии¹) и менее многочисленной, но все же уже и не эпизодической, и становящейся все более самостоятельной и оригинальной по содержанию российской литературе по предмету².

Попытаемся суммировать закономерности политической трансформации стран Африки и Азии, а потом на этой основе сформулировать некоторые закономерности эволюции африканских и азиатских политических систем.

Рассмотрим первый макрорегион — Африку. Проанализированные политические системы африканских государств представлены в табл. 1.

В государствах Африки ускоренная извне политическая трансформация привела к тому, что европейская демократия была синтезирована с африканской традиционной демократией племенного типа в тех странах, которые находились на ином, явно более низком витке исто-

¹ См.: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002; Дербишайр Дж., Дербишайр Я. Политические системы мира. М.: РИПОЛ классик, 2004; Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М.: Инфра-М; Весь Мир, 2000; Политическая наука: Новые направления. М., 1999; Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М.: Общественный научный фонд, 1997.

² Соловьев А. И. Политология. М.: Аспект Пресс, 2001; Сморгунов Л. В. Современная сравнительная политология. М.: РОССПЭН, 2002; Категории политической науки / Автор концепции и руководитель авторского коллектива А. Ю. Мельвиль. М.: РОССПЭН, 2002; Политический процесс: Основные процессы и способы анализа / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М.: Инфра-С; Весь Мир, 2001.

рической спирали. В результате оставшиеся по форме европейскими демократические институты наполнились традиционной африканской общинной демократией, сохранив все недостатки последней (псевдоуравнительность, трайбализм, геронтократия, клановость, клиентелизм, отсутствие толерантности), и одновременно стали дрейфовать в сторону авторитаризма, поскольку демократия как таковая не могла обеспечить законности и порядка. Гибридный синтез авторитарного и демократического, традиционного и современного стал одной из характерных черт политической культуры Африки 60-х — середины 80-х годов XX в. Некоторые африканские страны не смогли преодолеть этой тенденции вплоть до самого последнего времени. В результате в Африке в целом сначала возобладали однопартийные политические системы, трансформировавшиеся в некоторых государствах на более позднем этапе в политическую систему с доминантной партией и гипертрофированной президентской властью. Однако однопартийный авторитаризм не укреплял доверие граждан к власти, а разрушал его, поскольку в ходе конструирования однопартийного авторитаризма не был запущен либо был демонтирован механизм политической соревновательности конкурентных моделей развития, который может существовать только при достаточно высокой степени политического плюрализма. В целом все африканские режимы, прошедшие такого рода историческую эволюцию, оставались в высокой степени нестабильными, а потому их политическое бытие сопровождалось сериями военных переворотов, применением репрессивных мер управления, кровопролитными гражданскими конфликтами (Центрально-Африканская империя, Уганда, Гвинея, Экваториальная Гвинея).

К середине 1980-х годов подавляющее большинство режимов на Африканском континенте были авторитарными или тоталитарными. Однако такие режимы стали испытывать экономические проблемы, поскольку не могли наладить нормальную экономическую жизнь населения. Соответственно, начиная с 1980-х годов в Африке в целом стали осуществляться меры рыночных экономических преобразований, которые сопровождалась постепенной демократизацией политических структур и трансформацией африканских политических систем от тоталитарно-репрессивных к авторитарным, некоторые из которых, в свою очередь, по мере экономического развития, преодоления отсталости, расширения экономического либерализма стали вводить элементы демократии западного типа. При этом часть из африканских режимов экспериментировала и с элементами демократии незападного, а также и нелиберального, автохтонного типа, опираясь на некоторые специфические черты своей политической культуры.

Таблица 1

АФРИКА

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
Монархия				
Лесото	Парламентская монархия	Двухпалатный парламент	Многопартийность при наличии доминантной партии	Унитарная монархия парламентского типа, нестабильная демократия
Свазиленд	Неограниченная монархия	Двухпалатный парламент (Либандла)	Многопартийность с 1998 г. при наличии доминантной партии	Абсолютная монархия
Республика				
Ангола	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Двухпартийная структура при многопартийности	Унитарная республика, неустойчивая демократия
Бенин	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, неустойчивая демократия
Ботсвана	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Двухпартийная структура при многопартийности	Унитарная республика, демократия
Буркина-Фасо	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность при наличии доминантной партии	Унитарная республика, неустойчивая демократия
Бурунди	Военная власть	Однопалатный парламент	Двухпартийная структура при многопартийности	Унитарная республика, военная диктатура
Габон	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность с 1990 г. при наличии доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Гамбия	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Гана	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность с 1999 г.	Унитарная республика, нестабильная демократия
Гвинея	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность с 1992 г.	Унитарная республика, нестабильная демократия
Гвинея-Бисау	Военная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность с 1991 г. при наличии доминантной партии	Унитарная военная республика

Продолжение табл. 1

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
Джибути	Военная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при наличии доминантной партии	Унитарная авторитарная республика
Замбия	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность с 1990 г. при наличии доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Зимбабве	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Фактическая однопартийность	Унитарная авторитарная республика
Кабо-Верде	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Двухпартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Камерун	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность с 1990 г. при наличии доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Кения	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность с 1990 г. при наличии доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Коморские острова	Военная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность с 1992 г.	Федеративная исламская республика, жесткая военно-авторитарная форма правления
Демократическая Республика Конго (Заир)	Военная президентская	Действие прекращено в 1997 г.	Действие партий прекращено в 1997 г.	Унитарная республика, военная власть
Конго	Неограниченная президентская	Двухпалатный парламент (прекратил действие, вместо него в 1997 г. создан назначаемый Национальный совет переходного периода)	Многопартийность (прекращена)	Унитарная президентская республика, авторитарная власть

Раздел IV. Общие закономерности и региональная/страновая уникальность

Продолжение табл. 1

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
Кот-д'Ивуар	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многopартийность при наличии доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Либерия	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Мадагаскар	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Унитарная (в процессе трансформации в федеративную) демократическая республика, нестабильная демократия
Маврикий	Парламентская	Однопалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, либеральная демократия
Мавритания	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Унитарная исламская республика, нестабильная демократия
Малави	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Мали	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Мозамбик	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Двухпартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Намибия	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Двухпартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Нигер	Военная	Однопалатный парламент (Национальная ассамблея), замененный Национальным советом спасения	Многopартийность	Унитарная военная республика, авторитарный режим правления

Продолжение табл. 1

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
Нигерия	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Федеративная республика, нестабильная демократия
Руанда	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная президентская республика, авторитарный национализм
Сан-Томе и Принсипи	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Демократическая унитарная республика, нестабильная демократия
Сейшельские Острова	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при наличии доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Сенегал	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при наличии доминантной партии	Унитарная президентская республика
Сьерра-Леоне	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Сомали	Военная	Отсутствует	Отсутствует	Федеративная исламская военно-авторитарная республика
Судан	Военная	Однопалатный парламент	Многопартийность (временно упраздненная)	Федеративная исламская военно-авторитарная республика
Танзания	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при наличии доминантной партии	Унитарная республика, нестабильная демократия
Того	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Уганда	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Однопартийность в состоянии перехода к многопартийности	Унитарная президентская республика, авторитарный национализм

Раздел IV. Общие закономерности и региональная/страновая уникальность

Окончание табл. 1

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
Центрально-Африканская Республика	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Двухпартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Чад	Двойная (президент — премьер-министр)	Однопалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Экваториальная Гвинея	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, авторитарный национализм
Эритрея	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многopартийность при доминирующей партии	Унитарная республика, национальный социализм
Эфиопия	Парламентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность при наличии доминантной партии	Федеративная демократическая республика, нестабильная демократия
Южно-Африканская Республика	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия

Вмешательство Мирового валютного фонда (МВФ), Мирового банка (МБ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР), которые стали навязывать некоторым африканским правительствам неолиберальные программы устранения государства из экономики и общественной жизни, в специфических культурно-цивилизационных условиях половинчатости структурного реформирования и наличия архаических и современных экономических и политических институтов вызвало обнищание определенных стран населения, усиление политической нестабильности, очередную череду военных и политических переворотов и, в конечном счете, откат к жесткому авторитаризму. Однако за последнюю четверть века в Африке постепенно появилась прослойка среднего класса, которая была заинтересована в политической и экономической предсказуемости государства, повышении легитимности политических режимов путем введения элементов политического плюрализма, усиления правовых основ государства, четкой регламентации сфер его вмешательства в экономическую сферу.

В силу этого в Африке к 1990-м годам в целом стали усиливаться нормы конституционного либерализма, а затем появились предпосылки для нового этапа демократизации политических режимов. К концу XX в. примерно 64% государств Африки начали построение демократической политической системы. Сводная таблица наглядно показывает, что из 48 африканских государств 46 выбрали республиканскую форму правления, причем в 40 государствах присутствует многопартийность или двухпартийность и одно (Уганда) находится в состоянии перехода от однопартийности к многопартийности (табл. 1). В то же время эти политические системы не во всех случаях можно назвать либеральной демократией западного типа, поскольку 9 из 32 демократий сохранили систему доминантной партии, а более или менее стабильными демократиями являются только два государства (Ботсвана и Маврикий). Среди демократизирующихся африканских государств есть и системы демократий нелиберального или незападного типа, однако выделение этой категории политических систем на африканском материале затруднительно ввиду нечеткости, а иногда и неразвитости общих политических тенденций в регионе.

Однако, несмотря на явную в целом модернизацию политических систем Африканского континента, всем им в той или иной мере присуща определенная специфика, выражающаяся в существовании ряда особенностей, а именно:

- сохранение автохтонных политических структур (политическое влияние племенных вождей, племенной аристократии) и превалирование группового (племенного) политического сознания над индивидуальным при сохранении определенной автономии индивидуума;
- культурно-политическая гетерогенность, а в некоторых странах — гибридность, т.е. противоречивое сочетание элементов различных политических и культурных систем: западной и африканской;
- формирование и развитие специфических социетальных образований на базе объединения неоднородных формационных и цивилизационных структур, к примеру, родовой общины и современного капиталистического уклада, создающих гибридные политические субкультуры.

Проанализированные политические системы и политические режимы региона Большой Ближний Восток могут быть представлены в табл. 2.

БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
Бахрейн	Абсолютная (неограниченная) монархия	Выборной Ассамблеи не существует с 1975 г.	Отсутствует	Унитарная абсолютная монархия
Иордания	Полуабсолютная монархия	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Незападная конституционная монархия полуабсолютистского типа, унитарный тип государства
Катар	Абсолютная монархия	Нет законодательного органа	Нет партий	Абсолютная исламская монархия, унитарный тип государства
Кувейт	Абсолютная монархия	Однопалатный парламент	Нет партий	Абсолютная исламская монархия, унитарный тип государства
Марокко	Ограниченная монархия (двойственная власть)	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Незападная конституционная монархия, нестабильная демократия
Объединенные Арабские Эмираты	Абсолютная монархия	Нет избираемого законодательного органа	Отсутствует партийная система	Исламская абсолютная монархия, федеральный тип государства
Оман	Абсолютная монархия	Нет избираемого законодательного органа	Отсутствует партийная система	Исламская абсолютная монархия
Саудовская Аравия	Абсолютная монархия	Нет избираемого законодательного органа	Нет партий	Исламская абсолютная монархия, унитарный тип государства
Республика				
Алжир	Неограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Унитарная демократическая республика, нестабильная демократия

Продолжение табл. 2

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
Египет	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многopартийность, при де-факто доминантной партии	Унитарная республика
Израиль	Парламентская	Однопалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика без конституции, либеральная демократия
Ирак	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Нестабильная демократическая республика переходного типа в состоянии, близком к гражданской войне
Иран	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Фактически однопартийность	Унитарная мусульманская республика, авторитарный национализм
Йемен	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Ливан	Двойственная (президент и премьер-министр)	Однопалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Ливия	Парламентская	Однопалатный парламент	Многopартийность	Народная республика
Сирия	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Однопартийность	Унитарная президентская республика, националистический социализм
Тунис	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Однопартийность	Унитарная республика, националистический социализм
Турция	Парламентская	Однопалатный парламент	Многopартийность	Унитарная республика, либеральная демократия

Окончание табл. 2

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
Казахстан	Неограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, авторитарный национализм
Кыргызстан	Ограниченная президентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Таджикистан	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при доминантной партии	Унитарная республика, авторитарный национализм
Туркменистан	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Однопартийность	Унитарная республика, авторитарный национализм
Азербайджан	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при ограничении деятельности оппозиции	Унитарная президентская республика, авторитарный национализм
Армения	Неограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность при ограничении деятельности оппозиции	Унитарная президентская республика, авторитарный национализм
Грузия	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Унитарная республика, авторитарный национализм

На Арабском Востоке первая конституция (Органическое положение 1882 г. Египта) была автохтонной. Полуколониальные и зависимые страны Арабского Востока, как и Африки, принимали конституции под европейским влиянием и по европейским образцам (Трансиордания, Ирак, Ливан, Сирия, Кувейт). В большинстве арабских стран конституции были приняты только после достижения политической независимости после Второй мировой войны (Алжир, Тунис, Марокко, НДРЙ и др.), а в монархиях — вообще относительно недавно (Саудовская Аравия, Оман). Практически во всех странах Арабского Востока вне зависимости от типа их политической системы и формы политического устройства превалирует основная черта их политической культуры: власть концентрируется в личности лидера и традиционных социальных структурах, скрытых за формальным фасадом официальных политических институтов. Поэтому главным фактором, определяющим функционирование государственных институтов в арабских

странах, является государство и его глава как основной инструмент политической системы, вне зависимости от того, кем в действительности является глава государства — президентом или монархом. Именно поэтому наибольшее распространение в арабских республиках (5 из 9) получили однопартийные режимы в форме президентской республики, чаще авторитарного характера, хотя и с элементами парламентаризма (см. табл. 2). Таким образом, в большинстве арабских стран (точнее, в 13 из 18) наблюдается фактически неконтролируемая власть монарха/президента, у которого в прямом подчинении находятся законодательные органы и правительство (см. табл. 2). Традиционная мусульманская политическая культура обосновывает необходимость совмещения поста главы государства и правительства в лице харизматического лидера, как бы «освященного» духовной властью. При этом традиционная мусульманская политическая культура, в отличие от западной, принцип разделения властей расценивает как слабость, т.е. «слитность» исполнительных и законодательных органов в этой традиции усиливает эффективность государства. Соответственно в политических системах арабских стран парламенты априори занимают второстепенное место.

Что касается арабских монархий, то там главная роль в политической системе принадлежит монарху и особая — правящему семейству, которое может удерживать власть в течение столетий. Многие монархические династии в государствах Персидского залива вышли не только из племенной среды, но и из одной племенной конфедерации, что обусловило сохранение до настоящего времени племенных связей и родовой иерархии. Именно поэтому все аравийские монархии имеют схожие государственные институты, где ключевая роль принадлежит правящим семействам.

В Иране после свержения монархического режима была предпринята попытка привести политическую систему страны в соответствие с концепцией радикальной «исламской модели развития», определяющей верховенство ислама во всех государственных структурах и ветвях власти, т.е. осуществить модель «автохтонной радикальной демократии на религиозной основе»¹. Такая форма правления является

¹ Подробнее см.: Дружиловский С. Б. О теории и практике исламского правления в странах Среднего Востока (Иран, Афганистан, Турция) // Ислам и политика / Под ред. В. Я. Белокреницкого, А. З. Егорова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. С. 60–69. Хотя по этому поводу существуют и другие мнения, см.: Арабаджян А. З. Относительно так называемой неотделимости ислама от политики (концепция и практика) // Там же. С. 143–153. Такая политическая модель импонирует части отечественных традиционалистов. За необходимость невыборного «духовного руководства» властью и обществом ратует и часть «новых евразийцев» в России.

альтернативной арабским авторитарным и монархическим режимам как по форме, так и по религиозной основе (шииты/сунниты¹). Одновременно исламские республики (Иран, Мавритания, Пакистан) утверждали приоритет традиционного образа жизни. Заключение по поводу соответствия исламским нормам в Иране выносится *факихами* (исламскими правоведами) Совета по охране конституции и исламских норм. Соответственно этим представлениям республиканские выборные органы власти — президент и парламент — получили вышестоящих «теократических двойников», формируемых без участия избирателей. Преемственность высшей власти обеспечивает Собрание экспертов, наделенное правом выбора нового духовного руководителя (*рахбара*) или Руководящего совета. Деятельность высшей законодательной власти — *меджлиса* — контролируется на предмет соответствия исламским нормам Наблюдательным советом. Работа исполнительной власти контролируется *рахбаром*.

В политической системе Турции традиционные мусульманские ценности были модернизированы политической элитой и отделены от политической системы государства, причем гарантом этого отделения стали армия и военное руководство страны. Присоединившись к некоторым западным структурам, политическая элита Турции попыталась ускорить и политическую интеграцию страны с западным миром. Однако достаточно быстро, несмотря на прозападный в целом вектор развития, в Турции усилилось влияние исламистских и националистических партий и так же, как и в Иране, имели место попытки обоснования и закрепления исламской модели государства. Однако проводившая эту политику Партия благоденствия в Турции в конечном счете была запрещена. В дальнейшем, даже при усилении исламистских тенденций, Турция в целом выступала за модель секулярной и ограниченной исламизации.

Специфика африканского и азиатского племенного мироощущения сходна с миропониманием представителей кочевых племен. Племенные и кочевые структуры оказывают схожее влияние на процесс формирования современного государства, в каком бы регионе мира они ни находились. Специфику формам государственного устройства

¹ 90% мусульман мира принадлежит к суннитскому направлению ислама, считающемуся основным, ортодоксальным, а 10% — к шиитскому. Как правило, в большинстве мусульманских стран, за исключением Ирака и Ирана, шииты составляют конфессиональное меньшинство. Основное отличие шиизма от суннизма состоит в том, что для суннитов имам есть духовный и светский глава, избираемый или назначаемый людьми. Шиитский имам является таковым по своей сущности благодаря эманации «вечного божественного света» в роду потомков Али, переходящей от отца к сыну.

придают в основном только конкретные исторические пути трансформации племенных либо кочевых структур и/или наличие внешнего политического влияния. В племенах Среднего Востока и Центральной Азии власть не носит институционального характера, каждый член племени связан предком по отцовской линии, принадлежа местному сообществу (к племени, клану, профессиональной, религиозной, этническим группам, деревенскому сообществу или просто расширенной семье). Власть хана — главы племени в Афганистане и в обществах похожего типа (ряд государств Центральной Азии) — зависит от консенсуса внутри местных сообществ. Эти сообщества формируются на базе территориальной общины и выступают властными центрами, существующими независимо и параллельно любой государственной власти. Таким образом, в качестве современного лидера такая община воспримет только того, чьи предки были ханами. Помимо генеалогии властные отношения в политических системах такого типа основаны также на патронаже, т.е. на принципе, в соответствии с которым тот получает больше влияния и обретает большую власть, кто больше дает, раздает, распределяет. В Афганистане есть и особый политический институт, представляющий собой хана, признаваемого государством в качестве руководителя племени и включенного в государственную администрацию, который выступает официальным посредником между государством и деревней. Такой хан является носителем публичной власти, отличной от государственной, но признаваемой государством и инкорпорированной в его структуру.

Таким образом, в Афганистане, как, например, в Северном Йемене или некоторых государствах Африки, сложился особый политический симбиоз государства и племен, где возникшее до единого общества государство сохраняло черты племенного объединения, государственная власть не достигала племен, которые фактически самоуправлялись (иногда на основе примитивной племенной демократии), т.е. там исторически сложился сложный и своеобразный дуализм власти — центрального правительства и племен¹. При этом надо понимать, что традиционные структуры, основанные на примитивной демократии племенного или общинного типа, даже при сильном внешнем влиянии могут и не стать зародышами гражданского общества. В настоящее время под сильнейшим воздействием внешнего фактора (политика США) происходит массивное осовременивание политической сферы жизни в Ираке и Афганистане, там под сильнейшим влиянием внешнего фактора созда-

¹ Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013.

ется модель современного, в идеале эффективного, государства, однако конечная цель этого процесса пока все еще не достигнута и вариант рецидива политической архаизации не исключен.

Традиционная система властных отношений в государствах Центральной Азии, хотя и сильно подорванная коммунистическим режимом и унифицирующей идеологией Советского государства (коммунистическая идеология в ленинско-сталинской и ленинско-брежневской редакциях), оказалась не полностью уничтоженной. В некоторых государствах Центральной Азии племенные структуры, подобно существующим в Афганистане, пережили как всю советскую форму правления, так и его коллапс. Именно поэтому, несмотря на внешний антураж, в государствах Центральной Азии демократические институты власти в целом не получили особого развития. Практически во всех центральноазиатских государствах, за редким исключением, существуют авторитарные либо консервативные патерналистские режимы, во всех есть проблемы реального общественного контроля над государственной властью, во всех сохраняется клановость. Законодательные органы, как правило, также не в состоянии полностью контролировать и координировать исполнительную власть.

Во всех центральноазиатских республиках, в отличие от Афганистана, имеющего особый и отличный от центральноазиатского этноконфессиональный состав, наблюдается сильная президентская власть, появление которой обусловлено как экономическими, так и схожими политическими факторами. Однако стабильный характер этой авторитарной власти может быть поколеблен после ухода с политической арены харизматических лидеров этих государств.

В системе власти Центральной Азии важную роль играют клановые интересы, там возрастает роль конфессионального элемента, но одновременно продолжает сохраняться светская власть. В этом смысле государства Центральной Азии, находящиеся в буферной зоне межрегионального/межцивилизационного взаимодействия, как бы аккумулируют разные региональные политические тенденции (Ирана, Турции и Афганистана), но их конечная составляющая из-за разнородности этих тенденций и нестабильности самих политических режимов, ни один из которых фактически не решил проблему преемственности власти, пока остается неясной. Легитимность руководителей центральноазиатских республик также во многом определяется их происхождением и связью с традиционными племенными структурами.

Представим политические системы и политические режимы Большой Восточной Азии в сводной табл. 3.

БОЛЬШАЯ ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
Монархия				
Бруней	Абсолютная монархия	Не имеется	Не имеется	Исламская абсолютная монархия, унитарный тип политической культуры
Бутан	Абсолютная монархия	Однопалатный парламент	Запрещена деятельность партий	Буддийская абсолютная монархия
Камбоджа	Двойная (принц и премьер-министр)	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Ограниченная монархия с плюралистической либерально-демократической системой
Малайзия	Конституционная монархия	Парламент	Многопартийность	Федеративная конституционная монархия, либеральная демократия западного типа
Непал	Конституционная монархия (парламентская исполнительная власть)	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Парламентская демократия, возглавляемая монархом
Таиланд	Конституционная монархия	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Парламентская конституционная монархия западного типа
Япония	Парламентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Конституционная монархия, либеральная демократия
Республика				
Бангладеш	Парламентская	Однопалатное национальное собрание	Многопартийность	Унитарная социалистическая республика, нестабильная демократия
Вьетнам (СРВ)	Коммунистическая	Однопалатный парламент	Однопартийность	Унитарная социалистическая республика коммунистического типа

Раздел IV. Общие закономерности и региональная/страновая уникальность

Продолжение табл. 3

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
Индия	Парламентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Федеративная республика, либеральная демократия
Индонезия	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент	Многопартийность	Демократическая республика авторитарного типа, демократия незападного типа
Китай (Китайская Народная Республика)	Коммунистическая	Однопалатный парламент (Всеитайское собрание народных представителей)	Доминантно-главенствующая роль КПК, существуют другие партии	Народная коммунистическая республика авторитарного типа, унитарная политическая структура
Лаос	Коммунистическая	Однопалатный парламент	Однопартийность	Народно-демократическая республика коммунистического типа, унитарный тип политического устройства
Мальдивы	Неограниченная	Однопалатный парламент (Меджлис)	Нет партий	Унитарная исламская президентская республика, авторитарный национализм
Монголия	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент (Великий народный хурал)	Многопартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия либерального типа
Мьянма (Бирма)	Военная	Однопалатный парламент (Народное собрание)	Многопартийность	Унитарная республика, военно-авторитарный режим правления
Пакистан	Парламентская	Двухпалатный парламент	Многопартийность	Федеративная исламская республика, нестабильная демократия с деформацией в период правления военных режимов
Северная Корея (КНДР)	Коммунистическая	Однопалатный парламент	Однопартийность	Народно-демократическая республика коммунистического типа, жесткий авторитаризм

Окончание табл. 3

Типы политических систем/названия государств	Исполнительная власть	Законодательный орган	Партийность	Характеристика правления, политического режима
Сингапур	Парламентская	Однопалатный парламент	Многopартийность с преобладанием одной партии	Унитарная республика, либеральная демократия западного типа
Тайвань (Китайская Республика на Тайване)	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент (Национальное собрание)	Многopартийность	Унитарная республика, нестабильная демократия
Филиппины	Президентская республика	Двухпалатный парламент	Многopартийность	Унитарная президентская республика, либеральная демократия
Южная Корея (Республика Корея)	Ограниченная президентская	Однопалатный парламент (Национальное собрание)	Многopартийность	Унитарная республика, демократия
Шри-Ланка	Дуалистическая (двойственная) по французской модели	Однопалатный парламент (Национальное государственное собрание)	Двухпартийность	Унитарная демократическая социалистическая республика, либеральная демократия

По Конституции 1950 г. в Индии была введена так называемая Вестминстерская система, т.е. политическая система, аналогичная политической системе Великобритании, под колониальным управлением которой Индия находилась долгое время. В стране существовала доминантная партия, которая постоянно и безальтернативно на протяжении достаточно долгого времени приходила к власти по результатам очередных выборов. Такой партией до конца XX в. являлся Индийский национальный конгресс (ИНК). Однако с конца 1990-х годов эта система начинает размываться и дрейфовать в сторону формирования многopартийности.

В политической системе Индии, как и практически во всех азиатских странах, велика роль семейственности (вариант клановости). Соответственно большинство ведущих политических партий представляют собой группы, объединяющиеся вокруг лидера и не имеющие четких социальных позиций, а постоянно меняющие позиции и союзников в зависимости от политической конъюнктуры. Личностные отношения между лидерами играют иногда определяющую роль в ориентации партий.

Собственно индийскими особенностями можно считать роль в политическом процессе кастового и конфессионального факторов. Высшая каста брахманов традиционно монополизирует сферы политики, образования, профессиональных занятий, политического администрирования. Средние касты, монополизировав земельную собственность, контролируют население деревни, но в последнее время начали бороться за свое участие в политической жизни с брахманскими кастами. Неприкасаемые своим положением изгоев противопоставлены всем остальным кастам. Для участия в политическом процессе им необходимо сломать идеологическую основу кастовой системы, но, поскольку их угнетают главным образом средние касты, неприкасаемые объективно противостоят последним и входят в политические коалиции в качестве союзников брахманов. Считается, что роль каст особенно велика при выборах в Законодательные собрания индийских штатов. Кастовый фактор — наиболее яркое проявление групповой солидарности, когда превалирует не индивидуальный выбор, а оглядка на то, как голосует кастовый лидер. Смена лидера политической ориентации приводит к массовому изменению характера голосования всей группы.

Конфессиональный фактор в Индии имеет свои особенности и связан с противостоянием индуистского большинства и мусульманского меньшинства. Индия с преимущественно немусульманским, более чем миллиардным населением является центром субрегиона Южная Азия. «Обрамляющие» ее с северо-запада и востока мусульманские государства Пакистан и Бангладеш выступают антагонистами Индии. В основе этого антагонизма лежит проблема, связанная с возможностью религии (индуизма или ислама) служить политической основой нации, национальной идентичности, определяя существенные черты политической системы и характера современного государства.

Образовавшиеся в результате распада колониальной британской империи в Индии в 1947 г. и раскола Пакистана в 1971 г. (Мальдивы освободились от английского протектората в 1965 г.) мусульманские государства Южной Азии (Пакистан, Бангладеш, Мальдивы) отличаются некоторые специфические черты как политической системы, так и политической культуры. Для структуры власти в них характерны преобладание элементов авторитаризма, господство бюрократии, самостоятельная политическая роль армии. Хотя конституционное устройство и Пакистана, и Бангладеш, так же как и Индии, основано на британской, так называемой Вестминстерской модели демократии, в обеих странах существует тяготение к президентской форме правления. В Мальдивской Республике такая власть установлена законодательно. По сравнению

с Индией элементы авторитаризма в политической системе Пакистана и Бангладеш значительно заметнее, хотя в целом в демократической Индии они также существуют, что позволяет некоторым исследователям причислять эту страну к нелиберальным демократиям.

В политической культуре Пакистана, Бангладеш и Мальдив велико значение ислама. В соответствии с конституциями этих стран ислам является официальной религией. В Пакистане государство, по конституции, должно оказывать содействие в отправлении культа, обучении и воспитании в религиозном духе. Ислам служит в Пакистане главным элементом государственной идеологии, а в Бангладеш — одним из них. Верность исламу и его ценностям декларируют большинство основных партий и общественных организаций всех трех стран.

В мусульманских странах Южной и Восточной Азии ислам служит главным культуuroобразующим элементом, но необязательно главным элементом государственной идеологии, как на Большом Ближнем Востоке. Однако ислам, возможно, в силу своего более позднего возникновения, теснее других религий связан с политикой и потому в весьма значительной степени определяет и политическую культуру этих стран. Основная проблема модернизирующихся исламских стран заключается в том, что модернизируется в них только общество, а религия лишь приспособляется к новым реалиям. Это приспособление ислама может описываться терминами «реформирование» (*ислах*) или «обновление» (*таджид*), в зависимости от модели осовременивания страны. Из-за особой роли ислама все реформаторы в исламском мире использовали религиозную риторику, но модернисты используют ислам для прикрытия перемен, консерваторы — для сохранения существующего исламского порядка, а фундаменталисты — для восстановления старых порядков. Однако выбор модели зависит не только от конкретных исламских установлений, но и от интерпретации самих принципов ислама. Помимо религиозного и этнического факторов, на политическую культуру этих стран оказывают влияние также общие экономические и социальные условия, грамотность и образование, гендерные различия.

Таким образом, страны Южной Азии, хотя и представляют собой отдельный субрегион, геоэкономически и геополитически тяготеющий к Восточной Азии, тем не менее связаны с регионом Большого Ближнего Востока (точнее, с его частью — Средним Востоком) конфессиональными и политико-культурными связями (конфессиональной общностью и частично общностью политической культуры), возможно, имеющими тенденцию к ослаблению, по крайней мере в Индии. Однако современные глобальные политические тенденции создания

модернизированных государственных систем, а также экономические и торгово-экономические связи и геополитические установки все больше втягивают этот субрегион, как и страны Центральной Азии, в орбиту восточноазиатского экономического притяжения, за которым должно последовать и определенное политическое влияние. Однако восточноазиатское политическое влияние будет оказывать на страны Южной и Центральной Азии разную степень воздействия, в зависимости от прочности их собственной политической культуры, геополитической стабильности в конкретных странах и в регионе в целом, а также и от сознательной воли политической элиты этих стран осуществлять политическую модернизацию и формировать современную государственность и политическое устройство.

В исламских странах Юго-Восточной Азии ислам тоже оказал большое влияние на становление политических систем, однако в них также существенны как автохтонное влияние, так и влияние западной политической культуры, пришедшей с эпохой зависимого развития. К примеру, Федерация Малайзия по своему государственному устройству является конституционной монархией. Все федеральные единицы Малайзии называются штатами, но их статус неодинаков. Девять из них являются княжествами (султанатами), которые возглавляют пожизненные правители (султаны, раджа и главный правитель), власть которых имеет наследственный характер. Султаны не обладают абсолютной властью в княжествах, так как там, подобно индийским штатам, на основе всеобщих выборов избираются законодательные ассамблеи и формируются правительства во главе с министрами, но они избирают главу государства. Глава государства — монарх, но пост монарха — не наследственный, а выборный из состава Совета правителей. Совет правителей, помимо избрания главы государства, также дает фактически обязательные «советы» при назначении судей, генерального прокурора, членов избирательной комиссии и комиссии государственной службы, которая ведает назначениями на административные должности и перемещением государственных служащих. Правители княжеств пользуются на своих территориях особыми привилегиями. Они юридически неприкосновенны. Им также принадлежат все права, prerogatives и полномочия конфессионального главы в своем султанате. В Малайзии де-факто существует доминантная партийная система. Мы уже обращали внимание на тот факт, что Дж. и Я. Дербитайры назвали такую политическую систему «либеральной демократией» (правда, «ограниченной»), отметим это еще раз, так как на основе этой констатации можно прийти к интересным выводам о незападном

характере такой демократии, которые мы постараемся сформулировать в заключительной части книги¹.

Индонезия является унитарным государством, президентской республикой с системой выборных представительных органов. Конституция Индонезии несет существенное влияние исламской традиции, в соответствии с которой она не провозглашала принципа разделения властей — законодательной, исполнительной и судебной. Согласно статье 33 Конституции, экономика страны должна создаваться совместными усилиями на основе «семейности», т.е. в интересах не только отдельных собственников, но и всего народа при руководящей роли государства. До недавнего времени президент и вице-президент Индонезии не избирались всеобщим голосованием, только, согласно принятым в 2002 г. поправкам к конституции, они стали избираться непосредственно народом на всеобщих выборах.

Сингапур — парламентская республика. Однопалатный парламент является высшим органом государственной власти. До самого последнего времени Сингапур на Западе считался авторитарным государством. Несмотря на некоторые авторитарные черты политического режима, Сингапур в целом является демократией (ограниченной демократией), однако в ней отчетливо видны признаки автохтонного своеобразия, выражающиеся, в частности, в уникальной доминантной харизматической роли министра-наставника Ли Куан Ю и наличием доминантной партии (Партия народного действия), которая ограничивает политическую конкуренцию фракционной борьбой, ради поддержания политического порядка, нацеленного на повышенную экономическую конкурентоспособность этого города-государства².

В Сингапуре в 80-х годах XX в. была проведена образовательная реформа, сутью которой являлось введение на каждой ступени образования, начиная с начальной и до самого верха, жесткой системы экзаменационного отбора, отсеивавшей на каждой стадии будущих членов сингапурского общества, которые объективно были не способны или не хотели учиться. Истоки этой системы лежали в китайской традиционной

¹ См.: *Дербишайр Дж., Дербишайр Я.* Указ. соч. С. 212. Интересно также, что, отмечая отличие этой модели от западной либеральной демократии, те же авторы в другом месте называют Малайзию и Сингапур «частичными либеральными демократиями» (см.: Там же. С. 32).

² Интересно отметить, что Дж. Дербишайр и Я. Дербишайр все же относят политическую систему Сингапура к либеральной демократии (отмечая, правда, ее «частичный» характер), в то время как отечественные политики и исследователи либерального толка считают политическое устройство Сингапура однозначно авторитарным. См.: *Гайдар Е. Т.* Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. С. 622.

экзаменационной системе, столетиями поставлявшей управленцев ко двору китайского императора и воспроизведенной странами конфуцианского ареала (Корея, Япония, страны Юго-Восточной Азии, которые были подвержены китайскому влиянию). Страны этой группы принадлежат к одной из самых ранних концептуально оформленных и наиболее успешных управленческих традиций, основанных на жесткой интеллектуальной и политической конкуренции (конфуцианцы и легисты, партия «дуньлинцев» и евнухов, движение «самоусиления» и «заморских дел» («яньгу юньдун»)). Они создали модель, которая была ориентирована на полиэтничность, поликонфессиональность, универсальность и высокую конкурентность, что и предопределило ее успешность и широкое распространение в последующем. Китайцы раньше всех ввели экзамены как метод отбора талантливых чиновников на должности (письменные экзамены существовали по крайней мере со 165 г. до н.э.), раньше всех кодифицировали эту систему и довели ее до совершенства. К X в. н.э. ученый и политический деятель династии Сун Ли Гоу свел разрозненные концепции в единую доктрину управления и отбора кадров, состоявшую из трактатов, названных им «План обогащения государства», «План усиления армии», «План успокоения народа». Он разработал в них учение о «цзинци» (современное значение этого слова — «экономика»), которое понимал как учение об «управлении миром и вспомоществовании народу», обобщив и сформулировав требования к управленческим кадрам, изначально разработанные еще Конфуцием в V в. до н.э.

К Средним векам китайцы разработали стройную систему комплектования чиновничества исходя из принципа «подбора талантов», которая постепенно распространилась на дальневосточный ареал. Эта система осуществлялась путем сочетания нескольких способов отбора претендентов и назначения на должности. Основными были экзамены и личные рекомендации, победителю на столичных экзаменах должность мог предоставить лично император. В разное время все упомянутые способы по-разному комбинировались, что определялось как конкретными историческими условиями, так и рекомендациями китайских теоретиков и практиков доктрин управления. В средневековом Китае (особенно в период династий Тан, Сун) уложения, касающиеся принципов отбора чиновничества, достигли непревзойденной полноты и отточенности и распространились практически на весь китайский цивилизационный ареал. Позднее добавились некоторые национальные изменения, прежде всего в Корее и Японии. Несмотря на то что к XIX в. экзамены стали печально знамениты начетничеством в области традиционных канонов и перестали выполнять функцию отбора талантливых (многие

в Китае и Японии тогда стали ратовать за введение «западных», т.е. прежде всего естественных наук, что получило применение сначала в Японии, в эпоху реформ Мэйдзи, а затем в Китае), отменить экзамены как фундаментальный способ проверки знаний и отбора талантов попытался только Мао Цзэдун во время «культурной революции», что привело к катастрофическим последствиям для страны. Мао Цзэдун по образцу Советской России ввел критерий «идеологической верности» и «правильного классового происхождения», что показало свою полную неприменимость и довольно быстро было скорректировано практикой привлечения «спецов» и подготовки «технических специалистов» как в период, непосредственно предшествующий «культурной революции», так и на этапах осуществления авторитарной модернизации мобилизационного типа.

После смерти Мао Цзэдуна, разгрома «банды четырех» — его родственников и прямых последователей — и возвращения на политический олимп Дэн Сяопина маоцзэдуновская традиция «отбора без конкуренции» была отменена, потому что катастрофические для страны результаты ее применения резко контрастировали с результатами системы отбора кадров в странах традиционно китайского цивилизационного ареала, совершавших на глазах всего мира в 70–80-х годах XX в. успешный модернизационный рывок (Япония, затем так называемые «азиатские тигры»). Именно тогда в Китае традиционный китайский опыт был переосмыслен и путем квалифицированных мер синтезирован с опытом отбора управленческих кадров Японии, Сингапура, Тайваня, а также опыта западных государств, что дало Китаю возможность интенсивно развиваться в конце XX — начале XXI в. Общественный консенсус по этому вопросу в Китае был основан на понимании всем китайским обществом того бедственного состояния, в которое вверг страну Мао Цзэдун.

Некоторые из восточноазиатских стран сохранили традиционную систему экзаменов для назначения на определенные уровни государственных должностей, некоторые отказались от такой практики, но все успешные восточноазиатские страны в основу своих национальных систем отбора положили прежде всего принципы прозрачности, открытости и меритократии. Эти принципы стали стержнем национальных систем отбора кадров, подразумевая необходимость выдвижения в сферу государственного управления, политического и экономического менеджмента наиболее достойных, т.е. самых подходящих для осуществления управленческих функций, а именно способных, образованных и квалифицированных людей по понятным и одобряемым всем обществом принципам.

Так, в Сингапуре создавалась когорта высокопрофессиональных управленцев-бюрократов, которым было по силам осуществление модернизации страны. Пока такая система только начинала работать, власть активно прибегала к талантам тех, кто получал образование и навыки в общепризнанных мировых центрах образования, если существующие в то время в Сингапуре учебные заведения не могли обеспечить нужного стране качества подготовки специалистов, включая специалистов-управленцев. Отсеивающиеся на каждой стадии не выпадали из социальной структуры — для них действовала своя система профессионального или начального, а также среднего технического образования, которая позволяла занять почетное место в обществе в соответствии с проявленными способностями и иметь соответствующее определенным профессиональным навыкам достойное материальное вознаграждение. Такая жесткая, абсолютно прозрачная меритократическая система позволяла найти применение каждому, никто не был «выброшен» из жизни, любой специалист в условиях полной экономической свободы мог состояться в соответствии со своими способностями и теми возможностями, которые предоставляло общество для соответствующего уровня способностей в каждой профессии. Таким образом, в результате действия этой образовательной системы на самый верх административной лестницы стали попадать только действительно способные и достойные, из которых Ли Куан Ю и его ближайшие помощники поначалу лично выбирали тех, кто, по их мнению, мог практически и высокопрофессионально решать задачи осовременивания той сферы сингапурского общества, в которой администратор был профессионалом-практиком самого высокого класса. Успех сингапурской модели модернизации обеспечивался уникальным талантом Ли Куан Ю подбирать нужных стране людей. Он практически ни разу не ошибся в своем выборе, а если и ошибался, то ошибки незамедлительно исправлялись им же самим. Гарантиями от коррупции в созданной им системе служили высокое вознаграждение за сложную работу и деловые качества отбираемых им людей. В дальнейшем отошедший от непосредственного управления, но оставшийся на посту министра-ментора Ли Куан Ю в силу успеха такой стратегии в конкретных условиях Сингапура гарантировал самим фактом своего присутствия в политической жизни сохранение существующих правил доброжелательного, но жесткого, прозрачного и понятного обществу меритократического отбора правящей элиты. Доминантная Партия народного действия (ПНД) стала «зонтиком», под прикрытием которого вызревал реальный политический плюрализм и конкуренция, основанные на жесткой необходимости развития города-государства, не име-

ющего никаких ресурсов, кроме собственно человеческого потенциала. В следующее десятилетие станет ясно, каким образом скрытый в ПНД политический плюрализм будет трансформирован в политическую конструкцию, которая обеспечит стабильное продолжение экономического процветания этого города-государства без доминантной партии и министра-гаранта либо с какой-то новой системой гарантирования политической стабильности и одновременно политической и экономической свободы.

Сингапурская модель в чистом виде может быть воспроизведена только в конкретных условиях карликового города-государства, население которого едва ли составляет половину московского. Не случайно на Тайване, который также использовал эту систему, введя предложенный еще Сунь Ятсеном специальный государственный орган — Экзаменационный Юань, система экзаменационного отбора на этапе демократизации страны при правлении сына Чан Кайши Цзян Цзинго была дополнена политической конкуренцией путем легализации оппозиционных партий и окончательно закреплена при президентстве Ли Дэньхуэя. Однако темпы и тактика введения этой системы в странах конфуцианского ареала варьировались в зависимости от готовности конкретных обществ к восприятию новой политической системы. Не случайно знаменитый сингапурский профессор Ван Гунъю, комментируя возможность распространения этой системы на материковый Китай, советовал дожидаться, когда осознание необходимости политической конкуренции как стратегического метода осуществления модернизации и преодоления отставания вызреет в недрах общества. По его мнению, «подталкивание» этого процесса может привести только к обратным результатам. Историческая заслуга Дэн Сяопина в КНР заключалась в том, что, несмотря на попытку части радикально настроенного студенчества на площади Тяньаньмэнь «подтолкнуть» процесс демократизации страны в направлении политической вестернизации, он, отдав приказ силой подавить инакомыслие, понял все же необходимость продолжения модернизации и открытия страны.

Из молодых азиатских демократий несомненным достижением Монголии является создание реальной демократической политической системы, формирование гражданского общества, идеологического плюрализма и терпимости, хотя параметры экономического развития и внешнее влияние не всегда способствуют становлению такого политического устройства. В этой системе, удачно демонтировавшей советскую политическую культуру, были одновременно поставлены препятствия для возрождения элементов традиционной азиатской кочевнической

политической культуры, которые, как мы отмечали выше, стали прева-лироваться в Афганистане, государствах Центральной Азии и некоторых государствах Арабского полуострова и Африканского континента. На настоящее время Монголия является одним из самых удачных примеров построения демократической политической системы в стране, исторический опыт и уровень экономического развития которой, казалось бы, должны только препятствовать этому. В этом смысле Монголия для многих центральноазиатских государств, близких по истории развития и экономико-географическим параметрам, стала своеобразным образцом достижения реального демократического устройства.

На Корейском полуострове США и СССР оказали решающее воз-действие на формирование политических режимов в обоих корейских государствах. Южная Корея заимствовала американский опыт, Северная Корея — советский. Для республик советского типа (Монголия, КНР, КНДР, часть государств Центральной Азии) характерно формальное верховенство представительных органов над другими органами, объединение представительных органов в иерархические системы со строгим подчинением нижестоящих вышестоящим, осуществление многих полномочий представительных органов узкими составами. Все республики советского типа по государственному режиму являются партократическими государствами. В партократических государствах советского типа могут существовать и некоммунистические партии, которые, однако, не играют сколько-нибудь важной роли в политической жизни страны и не являются политической оппозицией.

По мере развития государственности на Юге и Севере политические системы государств Корейского полуострова «кореизировались», наполнились национальным содержанием. Наиболее четкие очертания это приобрело в КНДР, где «кореизация» народно-демократической модели развития привела к созданию так называемого «чучхейского социализма» (социализма корейского типа). Однако и демократическая Южная Корея имеет существенную незападную специфику демократического устройства, позволяющую называть ее «демократией корейского типа».

В Республике Корея первая поправка 1952 г. к Конституции предус-матривала избрание президента общенародным прямым голосованием, а также создание двухпалатного парламента. В июле 1960 г. поправки, принятые после свержения режима Ли Сын Мана, вводили парламент-скую систему правления, в которой премьер-министр являлся главой исполнительной власти, а избранный общенародным голосованием президент — главой государства и главнокомандующим вооруженными силами. Кардинальное изменение конституции в 1962 г. в результате

военного переворота после прихода к власти Пак Чжон Хи отменило эти нововведения, возвратив президентскую систему правления и однопалатный парламент. После переворота 1961 г. был создан Военно-революционный комитет (позже переименованный в Высший совет государственной реконструкции — ВСГР), введено военное положение, запрещено проведение митингов и демонстраций. В 1961 г. был издан указ о чрезвычайных мерах по реконструкции государства, заменивший конституцию. Согласно этому документу, верховным органом стал ВСГР. В декабре 1961 г. на референдуме была одобрена новая конституция (вступила в силу в 1962 г.), которая значительно расширяла полномочия президента, а парламент сделала однопалатным. В 1963 г. была сформирована Демократическая республиканская партия (ДРП), кандидатом от которой на президентских выборах стал Пак Чжон Хи. Он был избран президентом и начал реформы, усиливающие регулирующую роль государства в политической и экономической сферах. Ныне действующая Конституция Республики Корея была принята в 1987 г. Согласно этому документу Республика Корея стала демократической республикой, суверенитет которой исходит от ее народа, которому гарантированы основные права и свободы.

КНДР приняла конституцию в 1948 г., она была основана на советской конституции и направлена на построение в Северной Корее политической системы советского типа. В 1992 г. были внесены изменения в Конституцию 1972 г., которые отразили северокаорейские политические реалии прошедших двух десятилетий и узаконили идеологию и практику корейского социализма. По этой конституции власть в стране принадлежит всему трудовому народу, а политические акценты делаются на «укрепление идеологической революции», «удержание классовой линии», «революционизирование всех членов общества и преобразование их по образцу рабочего класса». В 1998 г. сессия Верховного народного собрания КНДР внесла коррективы в конституцию, укрепив кимченировскую систему правления, сформировавшуюся после смерти в 1994 г. Ким Ир Сена. В результате нововведений в стране усилилась роль военных в органах власти и партийных структурах.

При своем формировании, несмотря на наличие сравнительно демократической конституции 1947 г., установившийся сначала в районах контролируемых Гоминьданом (ГМД), а затем в провинции Тайвань китайский политический режим сразу обрел зримые авторитарные черты, связанные с тем, что Гоминьдан в 1920-х годах реорганизовывался с помощью советников-коммунистов из Советской России по образцу и подобию ВКП(б). В результате их вмешательства китайцы создали

Коммунистическую партию Китая (КПК) и преобразовали на новых началах уже существующую крупную политическую партию Гоминьдан с высокой степенью централизации (так называемый «демократический централизм»), политической организованности, революционным духом. Китайская Народная Республика, возникшая в 1949 г. в ходе кровопролитной гражданской войны на материковом Китае, также изначально конституировалась как республика советского типа. До самого последнего времени и на материковой части Китая, и на Тайване иерархии правящих партий (соответственно КПК и ГМД) строились параллельно соответствующим административно-политическим структурам. До поражения Гоминьдана на президентских выборах 2000 г. и в той, и в другой части Китая лидер правящей партии являлся главой государства (применительно к Тайваню — главой региона, который может рассматриваться как государство де-факто). В период существования на Тайване партократического режима, а в КНР и сейчас решение всех важнейших вопросов правительственной политики находилось в ведении узких партийных руководящих органов — Политического бюро ЦК компартии Китая (КПК) или его Постоянного комитета, а на Тайване до недавнего прошлого — Центрального постоянного комитета ГМД. Следует также отметить, что в течение долгого времени политические системы двух частей Китая были не только партократическими, но и военно-авторитарными. В результате для политического плюрализма на материковом Китае — в КНР — пока еще не создано организационно-политических предпосылок. Однако теоретически нельзя исключить перерастания различия во мнениях в обществе в политический плюрализм, который может возникнуть на базе сформировавшегося плюрализма разных форм собственности. В другой части Китая — на острове Тайвань — в результате целенаправленных усилий установилась политическая система, в целом отвечающая стандартам многопартийности и обеспечивающая политический плюрализм, которая является демократией, хотя также со значительными элементами национальной специфики. Политическая культура Тайваня активно развивается, что приносит зримые плоды, в частности в формировании демократических ценностей и предпочтениях молодого поколения тайваньцев.

Важно отметить, что Китай на материке сформулировал достаточно гибкий, альтернативный советскому вариант социалистической идеи, затем удачно оживил ее, интегрировав с конфуцианской этической системой и сначала рудиментарными, а затем и вполне рафинированными «капиталистическими» механизмами. С точки зрения теории неомарксизма, которая была эффективно применена в КНР, эконо-

мические отношения в современном мире достаточно независимы от политических. Из этого положения последовал вывод о том, что рынок не является только категорией капиталистического способа производства, а значит, в экономико-политическом анализе, а главное, в практической политике можно разделить государство, экономику и общество, т.е. или исключить, или минимизировать роль государства в экономической теории. Но минимизировать не с точки зрения его ослабления, а с точки зрения его функционирования «отдельно» в экономике, где оно должно не мешать, а помогать (в частности, законодательно, путем формирования экономического либерализма) функционированию экономических законов, и в политике на основе конституционного либерализма, где оно может формировать «гражданское общество», дав ему самостоятельно управлять этой сферой (демократические государства), или же жестко структурировать его на основе закона и идеологических концепций (рыночная демократия участия или рыночная плебисцитарная демократия). На практике это означает, что возможно превращение тоталитарных режимов в авторитарные модели индустриального рыночного развития¹, на основе которых происходят постепенные или форсированные трансформации политических режимов. В теории впервые эти идеи были разработаны Чан Кайши и применены на практике им же на Тайване, а в материковом Китае параллельно, но по ряду причин позже — Дэн Сяопином. И на Тайване, и в Китае применение этой модели открыло путь к дальнейшей демократизации политических режимов, однако скорость и формы осуществления этих процессов даже на территории проживания одной этнической общности со схожей политической культурой и политической психологией населения, но разным соотношением конфессионального фактора, особенно в политической элите (гоминьдановская политическая элита на Тайване является христианской), были различными.

Хотя коммунистическая идеология, которую официально проповедует китайское руководство на материке, сегодня вряд ли кого-то может вдохновить, Китай динамично пытается модернизировать ее и приспособить к современным запросам², по максимуму сократив наиболее одиозные положения и совместив их с конфуцианской системой

¹ См.: *Симония Н. А.* Современный этап общественной трансформации стран Востока. «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности: Материалы к научной конференции Института мировой экономики и международных отношений РАН и Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 12–14 апреля 2004 г.). М.: Гуманитарий, 2004. С. 12.

² См.: *Кокарев К. А.* Политический режим и модернизация Китая. М.: Институт Дальнего Востока, 2004.

ценностей. Идея конфуцианского трудолюбия по преобразовательному потенциалу вполне может поспорить с концепцией протестантской этики. В «новой» китайской идеологии важна идея почитания властей и старших, стоическое восприятие жизни. Эти идеи хорошо коррелируются с региональными политическими процессами. В Восточной Азии в целом происходит энергичное утверждение азиатской культуры, включающее азиатские ценности: трудолюбие, дисциплину, уважение семейных ценностей, авторитета власти, подчинение личных устремлений коллективному началу, веру в иерархичное устройство общества, важность консенсуса, стремление избежать конфронтации. Такое общество проповедует верховенство государства над обществом и общества над индивидуумом, но «азиатского индивидуума» в этом устраивает отсутствие внутренних конфликтов и опора на общинные ценности и «благожелательный» просвещенный авторитаризм, которые помогают модернизироваться демографически и экологически напряженным социумам. Конечно, не все эти ценности достаточно универсальны для всех типов обществ, но значительной части восточноазиатской половины мира, судя по всему, они вполне импонируют, поскольку на конкретном этапе их экономического развития они обеспечивают стабильность и экономическое процветание. Но в будущем эти принципы могут начать сковывать развитие, как это уже происходило в Японии и на Тайване. И тогда начнется новый этап политического развития этих стран, точно так же, как это произошло в Японии и на Тайване. Интересно, что при возможном воссоединении материкового Китая с Тайванем процесс универсализации модернизированного в соответствии с современными запросами конфуцианского мировоззрения может пойти еще более быстрыми темпами, поскольку Тайвань очень удачно внедрил в реальную жизнь модель культурного синтеза западных экономических этических норм и конфуцианских ценностей. Важно при этом отметить, что наиболее продвинутые и современные в политической и экономической сфере восточноазиатские государства достаточно далеко продвинулись на пути синтеза восточноазиатских и западных ценностей, открыв свои общества к восприятию позитивного, стимулирующего прогресс и политико-экономические инновации. Цивилизационно-конфессиональное своеобразие передового эшелона восточноазиатских сообществ стимулирует национальные модели модернизации, а не консервирует отсталость и традиционализм.

Таким образом, история трансформации двух китайских политических режимов показала, что тоталитарный режим может трансформироваться в авторитарный («сверхуправляемая демократия»), тот, в свою

очередь, в режим «управляемой демократии» (КНР и КР), а далее в демократию с национальной спецификой (Тайвань) или в «демократию участия» (КНР).

Понятие демократии в ее западном понимании вообще не было присуще традиционной китайской культуре. Впервые его стал использовать китайский мыслитель конца XIX в. Лян Цичао, который полагал, что не существует разницы между общественными интересами и личными. В соответствии с его теорией отдельные граждане наделяются правами с целью улучшения и усиления государства, т.е. наступление «демократической эры» в Китае в понимании Лян Цичао было непременно связано с необходимым этапом авторитарного развития. Эта же идея связи единства государственных и личных интересов в «новой демократии» революционного типа потом развивалась и революционерами-радикалами типа Мао Цзэдуна. Для Дэн Сяопина демократия была связана с четырьмя главными условиями: социализмом, диктатурой пролетариата, сочетанием марксизма, ленинизма, маоизма и руководящей ролью КПК. Одновременно в КНР в 1970-х годах начало распространяться и западное понимание демократии. В частности, именно в пользу такого понимания демократии ратовал китайский диссидент Вэй Цзиншэн, который призывал не только к западному пониманию демократии и политическим реформам, но и к борьбе за демократию. Такая постановка вопроса была равнозначна призыву к прямому подрыву политической стабильности в китайском обществе, за что он и был арестован властями.

С 1990-х годов в китайском обществе с демократией начинают ассоциировать систему правления, включающую свободные выборы, влияние интеллигенции на власть и сочетание свобод и националистической китайской традиции, т.е. для Китая характерным стало понимание демократии как смеси марксистского понимания демократии (в КНР), китайской реальности (в КНР и на Тайване), позитивных достижений западной демократии (на Тайване) и демократических элементов в традиционной китайской культуре (в КНР и на Тайване). При этом ее характерными чертами в КНР являются диктатура народа, демократический централизм и руководящая роль КПК, в то время как на Тайване понятие демократии трансформировалось в демократический режим с национальной китайской спецификой.

Таким образом, политическая модель современного Китая на материке (КНР) воплощает в себе идею сочетания «просвещенного авторитаризма», «управляемой демократии» (Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь) и «демократии участия» (Ху Цзинтао), в то время как на Тайване перешли от «контролируемого тоталитаризма» и «сверхуправляемой

демократии» (Чан Кайши) к управляемой демократии (Цзян Цзинго, Ли Дэньхуэй), а далее к свободной демократии устойчивого типа с национальной спецификой (Чэнь Шуйбянь, Ма Инцзю). По мнению поборников просвещенного авторитаризма в его различном воплощении (контролируемый авторитаризм, авторитаризм с элементами демократии, сверхуправляемая демократия), который должен обеспечивать модернизацию страны, и так называемой полупарламентской политической системы (признание руководящей роли КПК со стороны других, контролируемых КПК политических партий), экономические реформы должны предшествовать политическим. Власти КНР считают, что лишь после того, как сформированные при активной роли государства рыночные отношения кардинально улучшат жизнь народа, можно переходить к демократизации общества. Таким образом, в Китае (в КНР и на Тайване) опытным путем была найдена удачная сущностная форма политической модернизации: сначала создание экономической базы и расширение экономического либерализма, потом все более широкое, но постепенное введение норм конституционного либерализма, затем поэтапная политическая демократизация в тех национальных формах, которые не угрожают политической стабильности государства как политического института. Важно отметить, что в КНР и на Тайване формы и скорость осуществления этой модели были различными.

В странах с конфуцианскими традициями (Китай, Япония, Сингапур) в целом нехарактерно использование модели «политического маятника», которая служит основой двухпартийной системы. Чередованию у власти победителей и побежденных там предпочитают поиски общего согласия через компромиссы. Осторожное, но неуклонное внедрение в КНР однопартийных выборов на альтернативной основе и расширение выборной системы на местном уровне и создали «управляемую демократию участия» с «китайской спецификой», которая расширяет сферу гражданского общества. Спецификой Китая является то, что этот процесс инициирован и проводится коммунистической партией, в то время как в других странах коммунистические партии, как правило, противились введению такой системы и были маргинализованы как политическая сила другими политическими партиями.

Главная стратегическая цель КПК сегодня — к 2020 г. учетверить валовой внутренний продукт страны и вдвое увеличить число людей со средними доходами (с 20 до 40% населения, или с 250 до 500 млн человек). В соответствии с классическими политическими теориями расширение среднего класса в стране до 40% должно привести к созданию им своей политической организации. Однако КПК заявила о готовности прини-

мать в свои ряды предпринимателей, чтобы быть представителем всех «передовых производительных сил» (теория «трех представительств» Цзян Цзэминя), стремясь инкорпорировать представителей среднего класса и предпринимателей в свои ряды. КПК сформулировала стратегическую цель: «К середине XXI в. в основном завершить модернизацию и превратить Китай в богатую, могучую, демократическую, цивилизованную социалистическую страну».

Первым шагом к совершенствованию нынешней политической системы КНР можно считать провозглашенное Дэн Сяопином верховенство закона. Именно Дэн Сяопин заявил, что партийные органы КПК могут действовать лишь в рамках конституции и законов. Конкретным применением этого принципа стал запрет пожизненного лидерства — закон в КНР разрешает занимать высшие посты в партии и государстве не более двух пятилетних сроков подряд. Законодательное закрепление положения о ротации руководства, включая его высшие эшелоны, выбило почву у леваков и традиционалистов, которые всеми путями, в частности и увеличением срока ротации управленческих кадров, пытались замедлить темпы модернизации страны. Идея о том, что законы писаны для всех, в том числе и для ЦК КПК, не говоря уже о местных партийных чиновниках, стала существенным шагом к демократизации китайского общества.

Необходимость совершенствовать каналы обратной связи между массами и властью побудила власти КНР реанимировать Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК). Именно в рамках НПКСК в Китае до настоящего времени сохранилось несколько политических партий (Демократическая лига, Революционный комитет Гоминьдана, Общество 9 сентября и др.), которые признают руководящую роль компартии и считают себя ее попутчиками.

Сегодня главным направлением политических реформ в КНР является расширение практики выборов на альтернативной основе. Они проводятся в Китае на уровне волостей, постепенно распространяются и на уезды. Еще в 1987 г. правительство КНР запустило программу самоуправления на сельском уровне, а вскоре Министерство по гражданским делам ввело систему выборов в органы местного самоуправления, позволившую жителям деревень самим выбирать руководителей на местах. Постепенно институт выборов в местные органы власти распространился практически на все деревни страны, в результате чего установилась простая децентрализованная система регулирования и контроля между главой сельского комитета и сельским собранием. Далее эта система была запущена на уровне микрорайонов (*шэцзю*) в городских агломерациях.

Однако демократизация в КНР остается явлением локального характера, распространяющимся только на самом низком уровне социально-политической структуры общества, хотя плюрализм мнений распространился гораздо шире. В целом же Китай — это пока еще страна с авторитарным режимом правления и централизованной системой принятия решений. Тем не менее демократия на местном уровне и расширение сферы жизни гражданского общества заложила основы будущих политических перемен в стране, т.е. установление системы местных выборов и самоуправления повысило демократическую сознательность народа, что может служить основанием для демократизации политического режима КНР в будущем и на более высоких уровнях.

Япония — единственная страна, которая шла к обретению статуса «развитой рыночной демократии» своим особым путем, опираясь на традиции и ускоренную модернизацию в условиях тотальной демократизации всех сторон жизнедеятельности общества. Но при этом в Японии, так же как и на Тайване, в Сингапуре и других азиатских демократиях, не происходило утраты традиций и национальной идентичности. В Японии демократизация политического режима стала результатом целенаправленных реформ, проведенных «силовыми методами» в условиях американской оккупации. Успех этих реформ объяснялся тем, что от них зависела выживаемость японской политической элиты, поэтому они проводились руками японского правительства и законодательно подтверждались парламентом. При этом важно понимать, что во всех нынешних азиатских демократиях в обществе в принципе существовал (либо был целенаправленно сформирован) консенсус относительно того, что представительная или парламентская демократия является единственной альтернативой авторитарному типу правления. Однако, как и на Тайване и в Сингапуре, в Японии, возможно, еще более быстро заимствовавшей опыт развитых рыночных демократий Запада, сложилась политическая система, весьма непохожая на действующие на Западе. Эта непохожесть долгое время вызывала опасения относительно демократичности самого японского общества (как, впрочем, сингапурского и тайваньского). Однако японская политическая элита предприняла очень серьезные усилия, чтобы доказать, что, несмотря на существенную специфику своей политической культуры, форма политического правления в стране в целом укладывается в определение понятия демократии. Японской политической элите в самое последнее время удалось даже изменить систему доминантной партии, когда демократическая партия на выборах 2009 г. нанесла поражение до этого времени незыблемому политическому господству либеральных демократов. Кстати, уход Японии от политической системы с доминантной партией имел и свои издержки:

повысился уровень национализма в стране и, в частности, в ее внешней политике, включая печально знаменитые визиты некоторых высших руководителей в храм Ясукуни, призывы стать полностью «нормальной страной» (т.е. со своими вооруженными силами, имеющими право проецировать силу вовне, а не с силами самообороны, пусть и участвующими во внешних миротворческих операциях, новой конституцией и даже со своим ядерным оружием, занять которое для Японии технически не представляет большого труда, если бы не конституционные ограничения и неформальные договоренности внутри политической элиты).

Вообще говоря, с точки зрения англосаксонской политической теории, доминантной партии нет ни в одной стране развитой демократии западного типа, такая система свойственна странам с авторитарными или полуавторитарными политическими режимами, что до самого последнего времени выделяло Японию, считающуюся наиболее близкой по типу политической системы демократиям Запада. В этом выделась специфика неевропейской политической традиции в стране, в целом избравшей путь демократии. Вслед за Японией или параллельно ей, примерно таким же путем в своем политическом развитии идут и другие азиатские страны ареала конфуцианской культуры — Республика Корея, Китайская Республика на Тайване, Сингапур и некоторые другие государства. Такой же путь прошел Израиль. Республике Корея, Китайской Республике на Тайване и Японии при этом уже удалось изменить систему доминантной партии, построив полноценную политическую демократию со своей культурно-цивилизационной спецификой. Опыт этих стран однозначно показывает, что возможно сочетание универсальных закономерностей демократического правления и своей особой культурно-цивилизационной специфики.

Таблица 3 наглядно показывает, что из 23 государств Восточной Азии только 8 избрали политические системы авторитарного типа (2 государства осуществляют модель абсолютной монархии без партийной системы, 4 выбрали авторитарный коммунистический политический режим разной степени жесткости, 2 — режим авторитарного либо военно-авторитарного национализма). Причем подавляющее количество государств (18 из 23) выбрали систему многопартийности.

2

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ, РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ НА ВОСТОКЕ

Что же является идеальной моделью политического устройства и какова та модель, которая может быть названа демократией? Нас также будет интересовать вопрос об определении демократий разного типа, а соответственно и взаимоотношения между политической системой (политическими системами), политическим режимом и политической культурой (политическими культурами) регионов мира. Этот вопрос имеет связь с уровнем экономического развития, темпами модернизации и соответствующими этому уровню политическими институтами.

Действительно, политические институты трансформируются параллельно изменениям в производстве, расселении, уровне жизни, образовании, организации семейной жизни. Изменения в экономической жизни общества, вызванные процессами современного экономического роста, меняют требования к социально-политическим институтам, которые должны приспособиться к необходимости новой институциональной гибкости и генерирования инноваций. В традиционном обществе нужны были стабильность и сохранение традиций, соответственно политические институты должны были обеспечивать сохранение традиций. Именно поэтому до начала XIX в. большинство государств использовали форму абсолютной монархии, но к началу XXI в. политические институты должны были обеспечивать максимальную адаптивность к изменениям и генерированию инноваций для проведения экономической модернизации, а потому практически все в той или иной степени используют политическое устройство, в основе которого лежит всеобщее избирательное право, без осуществления которого модернизация невозможна, так как затруднено формирование политического консенсуса в обществе. С другой стороны, развитые рыночные демократии не отказались от своего традиционного политического устройства, даже если оно и представляет собой монархическую либо теократическую форму правления (к примеру, Великобритания, Ватикан), только ограничив ее таким образом, чтобы этот институт по форме обеспечивал соответствие традициям, но при этом не препятствовал осуществлению прямого избирательного права, многопартийности, системе разделения властей и т.д., т.е. тем

параметрам, которые и монархию позволяют называть демократией. Таким образом, не столько конкретный тип политической системы, сколько определенный тип политического устройства (политического режима, т.е. режима властвования) может быть назван демократией.

Следующие важные вопросы возникают в этой связи: каков диапазон разброса и степени осуществления необходимых и достаточных условий для организации демократического устройства и что является идеальным типом такого устройства? Если мы считаем, что идеальной моделью является демократия западного типа, т.е. европейская и американская модель либеральной демократии, то тогда мировой политический процесс будет описываться в рамках предложенного С. Хантингтоном в книге «Третья волна. Демократизация в конце XX в.»¹ и имплицитно подразумевать соответствие или несоответствие данной конкретной модели идеальной². В рамках такого подхода мировой политический процесс будет «просто» описываться как процесс политической модернизации западного типа и эволюции «всех стран и регионов» в направлении европейской либо американской модификации западных либеральных демократий (концепция «демократического транзита»), а своеобразие — игнорироваться, подобно тому как К. Маркс из-за недостатка знаний по Востоку «скорректировал» свою знаменитую формационную теорию объяснениями *ad hoc* — концепцией «азиатского способа производства», которая потом около ста лет дебатировалась мировым и особенно отечественным востоковедением, пока диспутанты не убедились в методологической ограниченности такой постановки вопроса. Однако сегодня все больше и больше исследователей, как в западных странах³, так и в России⁴, высказывают сомнение в том, что теории современной западной политической модернизации (вестернизации) и демократического транзита, определяющие демократии западного типа единственным и идеальным образцом демократического устройства, после событий «9/11» адекватно описывают мировой политический процесс с точки зрения региональных

¹ Huntington S. P. The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century. Norman, 1991.

² Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Указ. соч.; Дербишайр Дж., Дербишайр Я. Указ. соч.

³ См.: Закарня Ф. Будущее свободы: Нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004; Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.

⁴ См., к примеру: Володин А. Г. Современные теории модернизации: Кризис парадигмы // Политическая наука. 2003. № 2. С. 8–29.

закономерностей и во всем многообразии¹. Хотел бы специально оговориться, что речь идет не об отрицании теорий и концепций демократии и не об отрицании в целом преобладающей в мире демократической тенденции над авторитарической, а о необходимости расширения методологической базы и «номенклатуры» методологических подходов, в частности с использованием методологии региональных и пространственно-аналитических подходов для более адекватного и непредвзятого объяснения мирового политического процесса. Наиболее очевидным для подтверждения этой системы аргументов является фактическое провозглашение современной западной политической наукой либеральными демократиями политических систем тех государств, своеобразие которых никак не вписывается в эту модель политического устройства (наиболее очевидно в случае Малайзии и Сингапура в Восточной Азии), но которые все же являются демократиями.

Один из классиков западной политологии Л. Пай (к тому же автор блестящих трудов по сравнительной политической синологии) не только признал наличие «незападного» (в его терминологии) политического процесса, но и сформулировал 17 закономерностей, которые определяют его специфику.

1. В незападных обществах политическая сфера нечетко отделена от общественных и личных взаимоотношений.
2. Политические партии обычно выступают представителями определенного мировоззрения, определенного образа жизни, картины мира.
3. Большое число разных клик и политических группировок является характерной чертой незападного политического процесса.
4. Особенности политической лояльности предоставляют лидерам политических групп незападных обществ весьма высокую степень свободы в выборе как долговременной, так и краткосрочной стратегии.
5. Оппозиционные партии и претендующие на власть элиты часто становятся инициаторами революционных движений.
6. Для незападного политического процесса характерно отсутствие интеграции его участников; это является производной отсутствия единой системы коммуникации в обществе.
7. Незападный политический процесс отличается высокими темпами рекрутирования новых политиков.

¹ Эти сомнения, кстати, не означают отрицания значения этих теорий в конкретно-временных обстоятельствах.

8. Для незападного политического процесса характерны серьезные различия в политических пристрастиях разных поколений.
9. В странах с незападным политическим процессом отсутствует единое мнение по поводу легитимности целей и средств политического действия.
10. В незападных обществах процесс принятия политических решений слабо зависит от интенсивности и масштаба политических дискуссий.
11. В этих обществах очень высока взаимозаменяемость политических ролей.
12. Для незападного политического процесса характерно наличие сравнительно малого числа организованных групп интересов, обладающих определенной функциональной ролью.
13. Лидеры незападных стран стремятся к достижению популярности во всем обществе, не разделяя его на группы.
14. Аморфный характер аполитического процесса незападных стран способствует тому, что позиции их лидеров по вопросу международных отношений определены более четко, чем по вопросам внутренней политики.
15. В незападных государствах эмоциональный и экспрессивный аспекты политики зачастую преобладают над процессом разрешения проблем и определения государственной политики.
16. Главенствующим типом лидерства в незападных сообществах является харизматический.
17. Незападные политические системы функционируют в основном без участия политических брокеров¹.

Таким образом, модель политики в обществах незападного типа в основном определяется формой общественных и личных взаимоотношений, а власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса, поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а на проблемах влияния. Процесс рекрутирования в политику в обществах такого типа фактически является процессом культурной социализации, при этом базовая структура незападной политической жизни — общинная, а политическое поведение прямо или косвенно связано с общинной идентификацией. Политические группы в незападных обществах ориентированы на какой-либо аспект общинной политики, а не на политическую сферу

¹ См.: *Пай Л.* Незападный политический процесс // *Политическая наука.* 2003. № 2. С. 66–86.

деятельности, и, чтобы устоять в политической борьбе, политические партии в этих странах должны выражать свое мировоззрение и отстаивать определенный образ жизни. В этом смысле они скорее напоминают общественные движения, чем собственно политические партии, а в политической жизни резко возрастает роль клик и политических группировок. В этой связи политическая лояльность обуславливается не политическими целями, а скорее чувством идентичности с какой-либо общественной группой и связанные с политической лояльностью проблемы разрешаются на уровне и внутри групповых интересов. Поэтому борьба за власть идет не между партиями, представляющими различные политические интересы, и не между группами, соревнующимися для доказательства превосходства своих административных методов, а между различными образами жизни. В обществах такого типа нет единого политического процесса, а есть несколько практически независимых политических процессов, связанных с различными образами жизни населения. Именно поэтому и политически значимые посты в странах такого рода нередко не имеют четко определенных границ, государственная бюрократия может фактически превратиться в партию (точнее, партию власти), а армия и спецслужбы выступить в роли правительства.

Хотя в незападных странах обычно довольно много неофициальных политических организаций, они действуют или как объединения, сформированные для защиты интересов своих членов, или представляют интересы правительства и/или наиболее влиятельной политической партии или движения, т.е. мобилизуют население для поддержки господствующей группы, а не действуют как группы политического давления. Поэтому политик национального масштаба в этих странах должен прибегать к лозунгам общего характера, поскольку у него отсутствует возможность четко определить скрытые потребности населения, вместо того чтобы формулировать четкую позицию по определенным проблемам. Соответственно облеченный властью не должен обнаруживать и решать проблемы, достаточно просто находиться в центре политического (т.е. общинного) процесса, что он и делает просто из-за того, что облечен властью «свыше». Поэтому в обществах незападного типа главенствующим типом лидера является харизматический, а политические системы функционируют без участия политических «брокеров».

Описанная Л. Паем структура незападного политического процесса хорошо объясняет его специфику. Но, признав отличие незападных обществ от западных, на основе которого и выписана Л. Паем специфика незападного политического процесса, и сформулированную нами специфику восточных обществ как части незападного мира, мы можем

попытаться выстроить критерии системы тех государств с незападным политическим процессом, которые все же можно назвать демократиями. Другими словами, если мы признаем не только то, что политическая культура может определять политическую систему, но и согласимся с фактом плюрализма политических культур и соответственно взглядов на политическую систему и политику вообще, то, в частности, не отрицая того факта, что демократия не идеальный способ правления, но наилучшего человеческого политическая мысль пока не придумала¹, мы будем должны признать:

- наличие разных типов обществ (западного и незападного, где среди незападных существует особый подтип восточных);
- наличие разных видов, моделей демократий (не только европейской и американской), а, скажем, незападного, в том числе и азиатского, типа (японская, сингапурская, индийская, южнокорейская, малайзийская, тайваньская, израильская, турецкая и др.), причем демократии «другого» (незападного/азиатского) типа могут, по-видимому, достаточно сильно отличаться от европейской и американской модели, в связи с отличиями социально-политических структур и политической культуры в этих странах, но при этом все же являться демократиями;
- наличие специфики, культурной и социально-психологической, т.е. связанной со спецификой культуры (в частности, политической), национальной психологии и национального характера (в частности, в связи с особой ролью конфессионального или какого-либо другого фактора, к примеру, связанного с существованием правовой системы особого рода — шариата) и т.д.;
- наличие «других», незападных политических систем и политических культур, которые «не лучше» и «не хуже», а просто «другие» (подобно тому как мужской пол не лучше и не хуже женского, а просто — «другой» пол) и, возможно, лучше приспособлены для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западные, типа;
- в проблеме типологизации политических систем и их сравнении с «эталоном» есть достаточно большая доля идеологизированности и субъективности, по причине того, что методологически любая типологизация связана с редукцией и интерпретацией;

¹ Само классическое высказывание, как известно, принадлежит У. Черчиллю, применительно к Востоку эта мысль удачно развернута в «Эссе о демократии» в кн.: Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М.: ИВ РАН, 1999. С. 3–16.

Раздел IV. Общие закономерности и региональная/страновая уникальность

- признание факта наличия демократий другого типа, возможно, позволит обосновать объективные, а не субъективные критерии для определения либеральной демократии, нелиберальной, незападной демократии, т.е. выделить несколько моделей демократического устройства, отличающихся значительным своеобразием.

Сформулировав эти закономерности, все многообразие политических систем и политических режимов восточных стран можно категоризировать по шести основным типам базисной идеологии государственного правления и конструирования политического строя, а также по параметрам политического устройства. Отметим, что такая классификация условна, однако она важна для формулирования некоторых дальнейших предположений относительно региональных путей политической модернизации, региональной специфики и характера связи между политической и экономической модернизацией. Выделим:

- нестабильные (неустойчивые) демократии;
- демократии (экстралиберальные, либеральные, западные, нелиберальные);
- конституционные монархии;
- абсолютные монархии;
- военные диктатуры;
- военно-авторитарные, авторитарно-коммунистические, авторитарные республики.

В либеральной демократии всегда очевидны конституционная форма правления; свободные выборы в законодательный и исполнительный орган; наличие многопартийной системы; баланс трех ветвей власти (исполнительной, законодательной, судебной); наличие независимого судебного права; судебная гарантированность реальной защищенности личных свобод на основе конституции; эффективность и стабильность правительства, которое ограничивается существованием автономного плюралистического общества и подотчетно электорату. В принципе либеральную демократию можно определять как четкое соотношение между демократией (т.е. проведением открытых, свободных и справедливых выборов) и конституционным либерализмом (верховенство закона, права частной собственности, разделение властей, наличие свободы слова, собраний вплоть до институализированной политической оппозиции).

Все демократии отличает ряд параметров (условий). Власть в них должна быть легитимна. Легитимность предполагает, что власть выборна и сменяема, а доступ к ней определяется на основе открытого и равного социально-политического доступа; лидер государства должен

избираться народом путем свободных и честных выборов либо коллегией выборщиков, которые выбраны на основе ясной процедуры свободных и честных выборов, а не отбора на основе нетранспарентных и оспариваемых частью общества правил; законодательная власть, в зависимости от того, является ли демократия прямой или представительной, должна быть выборной (но ее необязательно выбирать прямым и всеобщим голосованием), эффективной — исполнительная власть должна быть автономна и подотчетна, — а судебная власть должна быть независима от законодательной и исполнительной (т.е. и государство, и граждане в равной степени обязаны подчиняться закону). Естественно, что также должны осуществляться всеобщие гражданские (политические) права. Без этих общепринятых условий политическая система в современном обществе не может считаться и никогда не будет признана демократичной, а любая другая менее конкурентна в долгосрочной перспективе.

Что же касается следующих четырех параметров (условий), то степень их осуществления, судя по всему, варьируется в зависимости от того, являются ли государства экстралиберальными, либеральными демократиями, демократиями либо незападными или нелиберальными демократиями. В соответствии с этими параметрами в государстве пресса должна быть независимой и контролировать путем обсуждения (в разной степени, от прямого до косвенного влияния на власть в зависимости от особенностей национальной политической культуры) процесс принятия политических решений. Должны соблюдаться принципы индивидуальной свободы человека (включая свободу выражения мнения), причем способы соблюдения этих принципов могут, судя по всему, варьироваться и обеспечиваться как существованием гражданского общества, гражданским правом, которое гарантирует наличие у человека неотчуждаемой частной собственности, позволяющей ему иметь независимую от государства сферу деятельности, так и справедливым и легальным перераспределением государственных доходов (в демократиях эгалитарного типа) либо особой ролью конфессионального фактора (свободный моральный выбор на основе религиозных постулатов, ответственная свобода слова, справедливое и легальное перераспределение на основе религиозных постулатов). Должна наличествовать конкуренция различных политических сил (хотя она и может некоторым образом ограничиваться на определенных этапах исторического развития, в частности через существование доминантной партии, с целью поддержания определенных правил конкуренции, и через разную степень и формы институализации политической оппозиции: от существования в достаточно жестких системных рамках «под зонти-

ком» доминантной партии до признания возможности существования оппозиционной политической партии вплоть до ее права стать правящей через систему открытого политического соревнования, осуществляемого на основе рациональных и справедливых правил). Должна обеспечиваться достаточно высокая (но разная) степень открытости общества в зависимости от особенностей его политической культуры и конфессиональной специфики. Должны существовать четкие (в том числе и юридические, но не только юридические, а возможно, и через систему неформальных конфессиональных ценностей и моральных постулатов) гарантии прав меньшинства в случае поражения на выборах, т.е. поражения в политическом соревновании.

По вопросу степени осуществления параметров демократии в зависимости от национальной специфики и конкретных условий политического развития стран — т.е. в действительности по вопросу правил управления системой социально-политического доступа на основе ряда ограничений, связанных с национальной / культурной / конфессиональной / политической спецификой локальных обществ — и идет последние десять лет острая дискуссия среди политиков и политологов Запада и Востока, отражением которой стало появление разного рода концепций: прав человека (в разных интерпретациях на Западе) и азиатских ценностей (Ли Куан Ю, Махатхир, Махбубани), ислама и гражданского общества (Хатами), теории «трех представительств» (Цзян Цзэминь), социалистического гармоничного общества (Ху Цзиньтао), суверенной русской демократии (В. Сурков). Концепция управляемой (закрытой) демократии применяется преимущественно для описания способа организации власти в демократиях участия (ограниченные плебисцитарные демократии) и, соответственно, по своему типу отличается от предыдущих. Этот способ управления открыто ограничивает социально-политический доступ к управлению определенными правилами: самый яркий пример — статья 6 Конституции СССР, обуславливавшая социально-политический доступ членством в КПСС. Традиционалистско-идеологизированные модели авторитарного, неплюралистического политического режима на основе концепции социального / социалистического консерватизма с закрытым моноконфессиональным и/или моноэтническим социально-политическим доступом в полиэтнических и поликонфессиональных государствах являются шагом назад даже по сравнению с режимом ограниченной плебисцитарной демократии. Такого рода модели ограничивают свободу больше, чем управляемая или плебисцитарная демократия, так как они не основаны на нормах права, в силу чего порождают все более жесткие версии национализма и факторы национально-конфессио-

нальной дифференциации. Это, в конечном счете, неизбежно приводит не к консолидации общества, а к возникновению тенденций социально-политического отторжения у значительной части населения, что порождает антагонистические этноконфессиональные и политические конфликты, усиление напряжения во взаимоотношениях с соседями, протест или апатию у активных, но не допущенных к управлению слоев общества; предполагает проведение насильственных модернизаций скачкообразного типа, дающих ограниченные результаты в ограниченные исторические периоды с долгосрочными отрицательными демографическими и социальными последствиями, и приводит страны, выбравшие такие модели, к международной изоляции или ориентации на наиболее консервативные международные партнерства, а значит, к дальнейшему и все большему отставанию, как в политическом, так и в экономическом развитии по сравнению со странами, отдавшими предпочтение исторически апробированным моделям развития на основе творческого совершенствования теории и ее практического применения. Политические режимы с закрытым или жестко ограниченным социальным доступом в силу своей архаичности, как правило, имеют сложные отношения со всеми другими менее архаичными политическими режимами, не обязательно демократиями. Один из самых ярких крайних примеров такой модели развития — КНДР.

В экстралиберальных и либеральных демократиях все параметры демократии максимизированы, причем все государства такого типа к тому же обладают самой высокой долей ВВП на душу населения, т.е. у них есть прочный экономический базис для гарантирования максимизированного выполнения всех упомянутых условий. Эти режимы до самого последнего времени были наиболее успешными в построении экономически и духовно-плюралистических конкурентных обществ, и есть большие основания считать, что именно они окажутся наиболее гибкими в преобразовании своих политических и экономических систем в процессе формирования нового экономического и технологического уклада и выхода на новые уровни развития. У «просто демократий» эти параметры находятся в определенном балансе. В нестабильных (неустойчивых, неконсолидированных) демократиях отсутствует историческая легитимизация, а следовательно, устойчивость демократических институтов, политический процесс носит персонифицированный характер, отсутствует баланс социальных и политических сил. Нестабильные демократии могут трансформироваться как в демократии и либеральные демократии, так и в нелиберальные демократии и политические режимы других типов, вплоть до диктаторских.

В нелиберальных демократиях существуют (в идеале) открытые, свободные и достаточно справедливые выборы (т.е. наличествует демократия), но отсутствует либо сильно ограничен конституционный либерализм, т.е. социально-политический доступ в политических режимах такого типа ограничен не полностью транспарентными и принятыми только частью общества условиями. Самым нелиберальным видом нелиберальных демократий, которые находятся на грани с авторитарными режимами, судя по всему, являются «демократии участия» (ограниченные плебисцитарные демократии). Такие режимы подразумевают лидерство авторитарно-доминантной партии при небольшом и жестко контролируемом расширении народного участия в политическом процессе, как правило, на низовом уровне, и руководство им при помощи норм права. Одновременно в таких режимах авторитарно-доминантная партия, как правило, избегает введения всеобщего избирательного права (либо каким-либо путем ограничивает его), не приветствует создания действенного парламента, введения системы сдержек и противовесов, а также проведения выборов с участием нескольких партий. Ее легитимность при этом обеспечивается и поддерживается приемлемыми на конкретном историческом этапе уровнями эффективности доминантной партии, поддерживающей справедливость (перераспределение благ) и политическую стабильность, что обеспечивает эволюционный переход к более конкурентному политическому режиму, гарантирующему дальнейшее благоприятное развитие нации.

В незападных демократиях существует иное, чем в либеральных, соотношение демократии и конституционного либерализма, т.е. в каждом типе демократии свои условия обеспечения социально-политического доступа при сохранении политического порядка. В то же время незападные демократии в целом более демократичны (и более конкурентоспособны), чем нелиберальные демократии или демократии участия. Все западные демократии осуществляют поступательное движение в обеспечении все более открытой системы социально-политического доступа, хотя скорость их движения в этом направлении различна. В политических системах такого типа социально-политический доступ может контролироваться системой высококонкурентного доступа к определенным высоким, международно признанным уровням образования (этот уровень в некоторых случаях даже выше, чем в некоторых демократических государствах с системой открытого и равного социально-политического доступа), не достигнув которых невозможно заниматься политической и управленческой деятельностью практически ни при каких обстоятельствах, политическая конкуренция в них может осуществляться

«под зонтиком» доминантной партии, но политическая конкуренция, в принципе, существует как необходимая часть политической жизни, а не заменена «зачисткой» соперников, конкуренцией кланов и ведомств или имитацией политической деятельности. В демократиях такого типа может существовать система «персонализированного политического выбора», но нет несменяемости власти или неподсудности политических назначенцев. Система «персонализированного политического выбора», как правило, уравнивается особо жесткой, но справедливой и не нарушающей закон системой персонального наказания для провинившихся или несправившихся (Сингапур, Южная Корея периода 1970–1980-х годов). Кроме того, там религия может играть особую, в том числе и освященную государством и законом, роль (ислам в Малайзии, иудаизм в Израиле, буддизм в Шри-Ланке, *панчасила*¹ в Индонезии). В настоящее время незападными азиатского подтипа демократиями являются Турция, Ливан, Израиль, Иордания, Япония, Индия, Южная Корея, Малайзия, Сингапур, Тайвань, Шри-Ланка, Индонезия, причем западные демократии на Большом Ближнем Востоке, так же как и в Африке, не определяют тенденций регионального развития, а в Большой Восточной Азии — определяют. Движение по этапам и стадиям социально политического доступа в сторону его большей открытости может быть описано и как движение на определенном историческом этапе от нелиберальной демократии к гибридным политическим режимам, затем к западной демократии, а затем от неконсолидированной к устойчивой самовоспроизводящейся форме демократического правления либерального типа. Пока открытым с точки зрения политической теории остается вопрос, являются ли западные демократии, т.е. национальные конституционно-либеральные демократии и их подтип — восточные, азиатские, самостоятельным устойчивым подтипом демократий или же они неизбежно должны трансформироваться в либеральные либо нелиберальные. Ответ на этот вопрос зависит от того, смогут ли эти страны, в конечном счете, перейти к системе открытого и равного социально-политического доступа при обеспечении одновременно надлежащего политического порядка или нет, так как внутри группы существует достаточно широкий разброс параметров социально-политического доступа, приближающих некоторые из них к демократиям либерального типа (Япония, Южная Корея, Тайвань), а другие — к нелиберальным (Сингапур, Малайзия, Индонезия).

Кроме того, западные азиатские демократии осуществили (в разной степени) синтез западного и восточного мировосприятия. Индиви-

¹ Особый вид государственно-синкретической идеологии.

дуум там свободен, но нравственные законы и установления (включая религиозные) играют очень большую роль. При этом собственно церковь как институт (вне зависимости от преобладающей религиозной конфессии) в большинстве случаев отделена от государства и свое влияние на общество осуществляет нравственным и этическим примером. Общество там является социентричной самодетерминирующей системой, но та его сфера, которая определяется конфессиональными предпочтениями, может быть и космоцентрична, если это не мешает эффективности государства и не противоречит личным пристрастиям, т.е. такие общества конгломеративны и плюралистичны за счет своей конгломеративности. В государственной сфере жизни в обществах данного типа существует примат правового государства, в котором приоритетны универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы. Экономика таких государств достаточно прозрачна и функционирует, при всей своей национальной специфике (как, например, экономики исламских демократий), на основе международных норм. В политике в обществах, синтезировавших две традиции, существует равенство шансов, но может доминировать определенная политическая сила (так называемая доминантная партия). Это не формируемая властью партия, а партия, формирующая власть. Хотя политическая конкуренция в таких странах может быть некоторым образом ограничено упорядочена, авторитаризм практически всегда является гражданским, а не военным, он просвещенный, и цель его — модернизация общества, а не консервация традиционализма, торможение модернизации или усиление охранительных тенденций. Другими словами, традиционные связи не означают снижения роли личности, а доминирование коллективных ценностей контролируется коллективным здравым смыслом. Соответственно, в политическом процессе важно устоявшееся и проверенное, соответствующее доминирующим политическим нормам, но здоровое и не традиционалистское. При этом существует и консенсус: точка зрения меньшинства, если она рациональна, будет принята во внимание, а доминантная точка зрения, прежде всего, станет способствовать рациональной модернизации государства, а не монополизации политического процесса определенной политической силой ради сохранения собственной власти любым путем. С течением времени доминантные партии в таких обществах, как правило, допускают формирование политического плюрализма и конкурентной многопартийности, поскольку в противном случае политическая и экономическая составляющая общества начинают стагнировать. Некоторые (пример — Япония) вообще постепенно отказываются от необходимости сохранять доминантную партию в своей политической системе. В обществах дан-

ного типа существуют взаимобязательные отношения граждан с государством. Это означает, что государство может предъявлять требования гражданам только в той степени, в которой само служит гражданам, при этом роль государства (а часто и религии) более выпукла, чем в западной (либеральной) традиции, за исключением западных стран католического ареала, где у религии особая роль. Государство в азиатских демократиях играет направляющую роль в социальных трансформациях, но при этом не ограничивает экономическую конкуренцию и поощряет рыночную политику создания рабочих мест. В таких обществах действует принцип разделения властей, однако он может быть скорректирован в соответствии с нормами традиционной политической культуры или определенными конфессиональными положениями. Власть в обществах данного типа выборная, осуществляется большинством, доступ к ней открыт, но она регулируется обязательными конституционными правовыми нормами (в ряде стран с определенной национальной спецификой) и при этом может распространяться на некоторые сферы частной жизни шире и проникать в них глубже, чем в обществах западного типа, в частности влияя на формирование справедливости в обществе и на процесс перераспределения благ. В то же время принципы функционирования власти в таких обществах включают легитимность, эффективность, власть не отчуждена от народа и не узурпирует доступ к материальным ресурсам под разными предлогами, а судебная власть независима от первых двух ветвей и является главным институтом и конечной эффективной инстанцией поддержания справедливости в обществе, а не подрывает ее.

В незападных (восточных) демократиях, строящих общество синтетического типа, ценности не всегда полностью отделены от интересов, но наличие демократических выборов делает итоги политического соревнования неокончательными, так как через определенное, достаточно короткое время можно снова законно прийти к власти, а проигравшие не будут навечно отчуждены от власти, отправлены в эмиграцию (как в нелиберальных демократиях или демократиях участия) или физически уничтожены (как в диктатурах). В обществах такого типа могут оставаться сословные и другие перегородки, но существует и достаточно динамичная социальная мобильность (даже для низших каст в Индии). Национальный суверенитет как принцип гарантии от внешнего нелегитимного воздействия (включая финансовое в политической конкуренции) там довольно жестко, но рационально охраняется (соответствующие особые законодательные акты существуют, к примеру, на Тайване, в Южной Корее), но рассуждения о национальном суверенитете не являются перекрытием для отторжения от власти политических оппонентов или

препятствием для всесторонней модернизации. Принципы равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревновательности сосуществуют в разной степени, в зависимости от степени толерантности конкретного общества и его традиционной культуры, и даже в таких открытых восточных обществах, как японское, начинают сущностно обсуждаться только в самое последнее время.

В подобных режимах властвования возможно сочетание разных принципов синтеза: к примеру, кандидаты в лидеры могут выдвигаться на основе традиционных представлений о системе отбора, а процедура выборов и передачи власти осуществляться по современному образцу, на основе процедуры свободных и честных выборов, в рамках прописанного конституцией процесса (Индия, Тайвань, Малайзия)¹.

Абсолютные монархии выделяются на основе отсутствия какой-либо конституционной формы правления, в них, как правило, но необязательно, отсутствуют народные и судебные палаты и политические партии. В конституционных монархиях власть монарха ограничена конституцией и, в зависимости от типа политического режима, могут существовать все условия (параметры), которые были сформулированы для категории демократии, т.е. в конституционных монархиях могут наличествовать одновременно как демократия (открытые, свободные, справедливые выборы всех, кроме монарха), так и конституционный либерализм, но форма правления при этом будет не республиканской, а монархической.

Военными диктатурами являются тоталитарные или жестко авторитарные политические режимы, которые навязывают населению военную форму управления государством. Там не наблюдается демократии, но в отдельных случаях могут осуществляться некоторые положения конституционного либерализма (скажем, военная власть может защищать права частной собственности).

Военно-авторитарная, авторитарно-коммунистическая, авторитарная республики являются политическими режимами, использующими авторитарные формы правления разной жесткости с определенной спецификой (использование военной власти, коммунистической или националистической идеологии, религиозных принципов и т.д.). В этой категории могут находиться как выборные автократии, так и либеральные автократии либо политические режимы, авторитарным путем осуществляющие некоторые положения конституционного либерализма.

¹ Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 5.

В приведенных ниже схемах проследим, как эти шесть типов политического правления распределены по трем выделенным макрорегионам — Африка, Большой Ближний Восток, Большая Восточная Азия. Количественные данные по странам соответствующих макрорегионов представлены в таблице к гр. 1, составленной на основе табл. 1–3. Данные таблицы суммированы в двух графиках, зрительная наглядность которых позволяет обосновать, проиллюстрировать и подтвердить выводы.

Данные количественного анализа соответствующих типов политического правления, распределенные по регионам, показывают (см. графики), что в Африке наблюдается самый большой разрыв между фактически противоположными формами правления — неустойчивыми демократиями и авторитарными режимами. Действительно, неустойчивые демократии, как правило, склонны акцентировать элементы демократии в ущерб конституционному либерализму. Авторитарные режимы могут акцентировать конституционный либерализм, а могут этого и не делать, но все авторитарные режимы достаточно негативно относятся к демократическим нормам. Важно отметить, что африканский опыт показал: демократия на слабой экономической основе без политического порядка, обеспеченного достаточно жесткими нормами конституционного либерализма, неэффективна, а значит, нежизнеспособна и трансформируется, как правило, в авторитарный режим. Некоторые из провозглашенных африканских демократий прошли и через диктаторские режимы (к примеру, Гана, Танзания, Кения). Сегодня из относительно успешных африканских демократических режимов можно назвать только ЮАР, Ботсвану и Маврикий (см. табл. 1), причем судьба ЮАР как либеральной плюралистической демократии в последнее время вызывает вопросы. В то же время неустойчивых демократических режимов в Африке — подавляющее большинство (см. табл. 1, гр. 1), при этом пока неясно, какую модель политического устройства внутри категории демократии они выберут со временем. Одновременно нельзя гарантировать, что эти режимы не трансформируются в другие, отнюдь не демократические, т.е. что им вообще удастся сохранить демократию. Возможно, однако, что именно с нахождением общего вектора политической модернизации, когда на континенте в целом улучшается ситуация с обеспечением законности и порядка, макрорегион сумел к началу XXI в. выйти на путь положительного экономического роста, а для того, чтобы закрепить эту пока неустойчивую тенденцию экономической и политической модернизации макрорегиона, клуб кредиторов, членом которого является и Россия, списал большинство долгов составляющим его странам.

Раздел IV. Общие закономерности и региональная/страновая уникальность

Количество государств

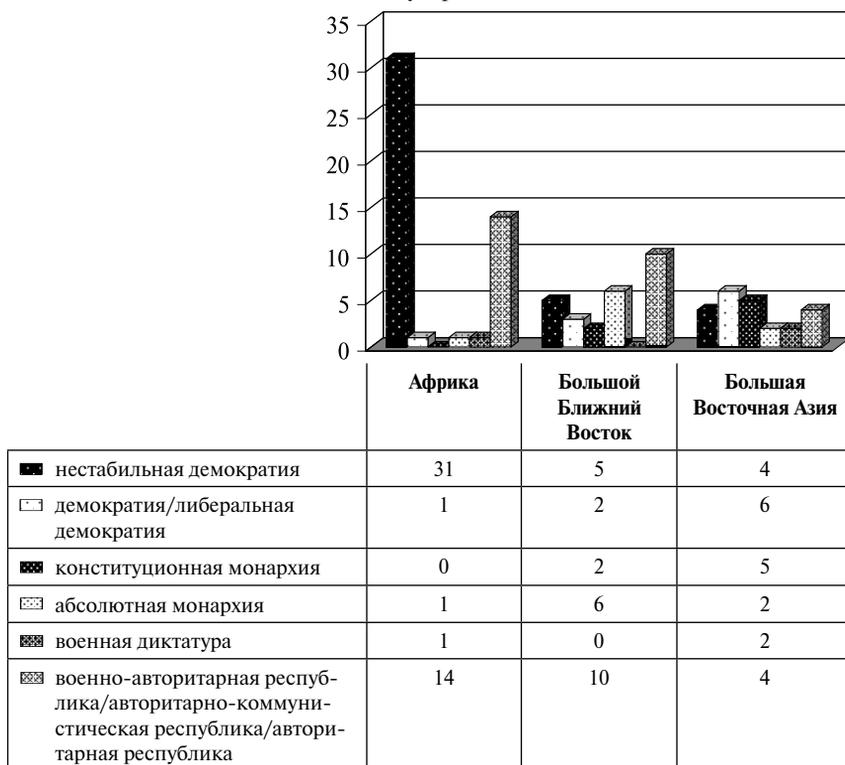

График 1. Количественный анализ типов политического правления по регионам

На Большом Ближнем Востоке ситуация гораздо сложнее. Она самая сложная и противоречивая из всех восточных макрорегионов: здесь явное меньшинство демократий, преобладают монархии и авторитарные (президентские и суперпрезидентские) республики (см. табл. 2). В то же время некоторые страны региона (как республики, так и монархии) встали на путь политического реформирования. Поскольку важнейшей частью политической культуры стран этого региона является конфессиональный, точнее, исламский фактор, результаты процесса модернизации будут зависеть от того, какую роль в нем будет играть ислам и как исламские нормы будут трактоваться в обществе. Особенностью политической культуры стран Большого Ближнего Востока является

дуалистический характер традиционной мусульманской правовой доктрины (*фикха*). *Фикх*, по одной версии, не предлагает однозначных ответов по вопросам организации политической власти. В соответствии с этой интерпретацией исламская политическая модернизация предполагает *иджтихад*, т.е. рациональное решение по вопросам, на которые шариат не дал однозначных ответов. Однако существует и прямо противоположная тенденция считать, что в понятие *шариат* включаются положения догматики (*ал-'ака'ид*), вопросы исламской этики (*ал-ахлак*), нормы, регламентирующие порядок исполнения религиозных обрядов верующими или, иначе говоря, их отношения с Аллахом (*'ибадат*), и, наконец, конкретные правила поведения, регулирующие отношения между людьми (*му'амалат*).

Таким образом, в первой интерпретации проведение политической модернизации в регионе делает актуальными те принципы фикха, которые допускают зависимость норм от места, условий и времени, т.е. зависят от региональной специфики, а также «исключительных интересов», предполагающих легализацию нововведений, прямо не запрещенных шариатом¹. Как справедливо отмечает обосновывающий эту интерпретацию Л. Сюкияйнен, «презумпция дозволенности всего того, что прямо не отвергается Кораном или Сунной Пророка Мухаммеда, применяется тогда, когда речь идет о принятии мусульманским миром западных достижений, относящихся к выборам и политическому плюрализму»². В другой интерпретации характер политической власти жестко увязан с положениями шариата. Такая интерпретация исключает светскую модернизацию, единственно возможный тип модернизации поликонфессиональных и полиэтнических обществ.

Исламская правовая и политическая мысль в целом не дает прямых жестких предписаний, касающихся устройства власти, если они не касаются противопоставляемых исламу институтов, которые расцениваются как угроза традиционным ценностям. Именно эти положения привели к синтезу достижений западной политической мысли, западного политического устройства и традиционных ценностей мусульманской политической культуры в ряде стран Азии (Турция, Малайзия, Индонезия). Однако традиционалистское понимание норм ислама может и воспринимать все прямо не упомянутое в Коране и сунне как угрозу традиционным ценностям, и тогда этого синтеза не получается.

¹ См.: Сюкияйнен Л. На западный лад с исламским акцентом: Политико-правовая система ряда мусульманских стран готова к последовательному реформированию // НГ-религии (Приложение к «Независимой газете»). 2007. 15 янв. С. 4.

² См.: Мелкумян Е. С. Политические реформы в арабских странах: Принципы и ценностные ориентации // Восток. 2006. № 6. С. 119.

Особенности и специфика моделей политического устройства стран Большого Ближнего Востока заключаются в том, что в регионе присутствует несколько жестко конкурирующих моделей политической модернизации, продвигаемых гражданскими властями, военными и исламистами. Все модели апеллируют к конфессиональным базисным установкам политической культуры региона, воспринимаемым по-разному, причем ни одна модель пока не получила полного признания как универсальная и определяющая в целом политическое развитие всего региона. Одновременно ускорение в странах региона процесса смены власти, сопровождающееся попытками исламистов и фундаменталистов продвинуться в верхние политические эшелоны и форсировать проведение модернизации исламистско-традиционалистского толка по иранской либо по еще более жесткой модели, привело к усилению внешнего военно-политического влияния, прежде всего США, которые попытались силой инициировать в регионе форсированное развитие модернизации западного типа (вестернизации) в ее американизированной форме. В то же время модель неразделенности светской и духовной власти в мусульманской традиции все больше наталкивается на вызовы времени: необходимость повышения экономической и политической конкурентоспособности, более активного поведения женщин на рынке труда, альтернативными традиционной моделями семьи, требованиями большего политического плюрализма, что объективно способствует появлению новых разновидностей прогрессивного ислама. Специфика политического устройства подавляющего большинства стран Большого Ближнего Востока, кроме основополагающего влияния конфессионального фактора в его разной интерпретации, заключается также и в том, что армии стран региона сильно политизированы, во многих странах гражданскими властями эффективно не контролируются, а в некоторых странах превратились фактически в один из наиболее эффективных государственных институтов либо в единственный дееспособный орган государственного управления¹, т.е. там действует в большинстве случаев чрезвычайная система гарантирования общественной стабильности.

Особенности военно-гражданских отношений на Большом Ближнем Востоке заключаются в том, что армия и спецслужбы пытаются (иногда достаточно успешно) обосновывать специфику развития основных политических процессов, выступать гарантом политического развития, политической стабильности либо напрямую вмешиваться в определение

¹ См.: *Ахмедов В.* Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. М.: МГИМО-Университет. Аналитические доклады. Вып. 5 (10). 2006. Июнь. С. 3.

направления, скорости проведения и последовательности этапов политического развития¹. Превратившись в один из мощнейших центров влияния, армия и спецслужбы стали организаторами ряда политических переворотов и мятежей (Сирия, Ирак, Египет, Йемен, Турция, Алжир, Пакистан, Мавритания) либо напрямую вмешивались в поддержание внутренней стабильности (Алжир, Ирак, Йемен, Сирия, Турция).

Приход военных во власть в ряде стран региона (Египет, Сирия, Ирак) на определенном, исторически очень коротком этапе оказал положительное влияние на их развитие, инициировал сдвиги в политической структуре общества и, в конечном итоге, оказал влияние на выбор той или иной модели развития. При этом, с одной стороны, таким образом удалось укрепить центральную власть, консолидировать общество и мобилизовать население на решение острых социально-экономических проблем, с другой — в тех государствах региона, которые не смогли быстро отойти от этой модели, надолго утвердился авторитаризм, причем по большей части отнюдь не в его просвещенных формах, развитие демократических институтов управления и гражданского общества было прервано, общество в этих странах стало деградировать, а процесс экономической модернизации — стагнировать².

Стабилизировав общество, военные практически во всех странах Большого Ближнего Востока оказались неготовыми профессионально, а также и непоследовательными в проведении политических, экономических реформ и преобразований в обществе, особенно если эти преобразования противоречили корпоративным интересам силовых структур. Постепенно гражданские власти ряда государств Большого Ближнего Востока научились взаимодействовать с армией как с политической силой, и в регионе, во всяком случае, в экономически и политически наиболее развитых странах, начала осуществляться новая модель развития — рычаги управления в государстве стали постепенно передаваться гражданским политикам, была осуществлена деполитизация армии и усилен поиск механизма действенного контроля над ней, но этот процесс не приобрел завершенности.

Столкнувшись с геронтологической проблемой политического лидерства в рамках военно-авторитарных или авторитарных форм правления (Египет, Йемен, Саудовская Аравия, Ливия), многие страны региона с республиканской системой правления стали приобретать черты монархического устройства власти. Развитие глобализации, ис-

¹ Подробнее см.: Армия и власть на Ближнем Востоке: От авторитаризма к демократии / Под ред. В. М. Ахмедова. М.: ИВ РАН, 2002.

² Там же. С. 11.

Раздел IV. Общие закономерности и региональная/страновая уникальность

тошение ресурсов, обострение демографических и нарастание социально-экономических проблем, технологическое отставание большинства стран региона¹ привели к пониманию неадекватности политического устройства и практики государственного управления необходимой скорости осуществления модернизации. Это способствовало усилению идей исламской радикализации политической модернизации (Пакистан периода Зия уль-Хака, Турция периода Н. Эрбакана, частично Йемен, Египет, Сирия) с различными результатами для конкретных стран региона (военный переворот во главе с П. Мушаррафом в Пакистане; запрет Партии национального порядка (нынешний «Рефах») в 1971, 1980, 1998 гг. в Турции; жесткая критика правительства Йеменской Арабской Республики исламистским «Йеменским единением в защиту реформ»; фактическая легализация «Братьев-мусульман» в Египте незадолго до нового пришествия во власть военных; постановка задачи придания процессу исламизации контролируемого характера в Сирии и др.).

Считалось, что вывод американских войск из Ирака в условиях инкорпорирования во властные структуры Турции, Египта, Иордании, Палестинской Национальной Автономии, Ирака, Сирии представителей радикального ислама завершит формирование новой конфигурации политических сил в регионе, если не произойдет экстраординарных событий вроде очередной попытки внешнего силового вмешательства в политическую жизнь региона либо же вмешательства военных «изнутри», как в Египте. Однако военные в Египте не просто отстранили «Братьев-мусульман» от власти, они применили силу в отношении их наиболее радикальной части, т.е. радикальный исламизм был ограничен военными, поскольку «Братья-мусульмане» не смогли обеспечить политического порядка в стране и народ снова стал выходить на улицу, требуя политических изменений и большей справедливости. В то же время страна снова вернулась к, казалось бы, уже пройденному этапу военного правления. В этих условиях стабилизирующей силой трансформируемого региона пытаются стать прогрессивные монархические и военные режимы, президентские / суперпрезидентские республики, поскольку модель просвещенного внешнего вмешательства скомпрометирована политикой США в регионе периода правления президента Дж. Буша-младшего (Ирак), Б. Обама пока не смог сформулировать

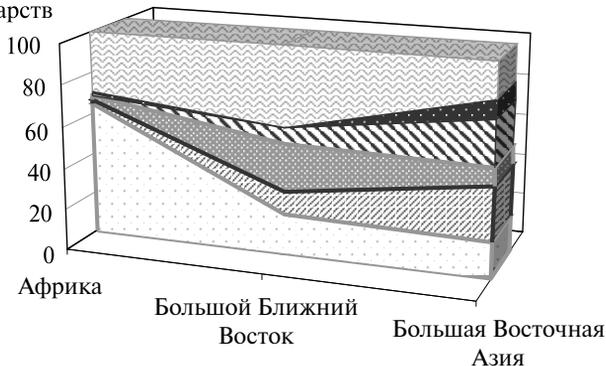
¹ См.: Мельянцева В. А. Арабо-исламский мир: Сравнительная оценка макроэкономической и социальной результативности // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М.: Центр стратегических исследований. 2007. Вып. 6. С. 130–136.

привлекательную альтернативу, а гражданские власти таких государств, как Турция, Египет, Сирия, не смогли обеспечить повсеместный ввод в политическую практику региона достаточного политического плюрализма и конституционного либерализма, сохраняя при этом политический порядок. До самого последнего времени считалось, что эти страны в целом все же доказали способность гражданских властей справляться своими силами, без использования резервных механизмов политической стабилизации (армия и спецслужбы), с возникающими политическими и экономическими кризисами при отсутствии внешнего (вмешательство стран Запада) либо регионального фактора (Саудовской Аравии и Катара на Большом Ближнем Востоке). В то же время «арабскую весну» среди других факторов вызвала в том числе и неспособность жестких авторитарных режимов справиться с внутренними вызовами разного рода: наиболее одиозные из таких режимов (Тунис, Ливия) пали, в Египте «Братья-мусульмане» оказались неспособными обеспечить приемлемую политическую и конфессиональную беспристрастность, что привело к возвращению во власть военных, Сирия де-факто находится в состоянии гражданской войны, и даже Турция оказалась подвержена коррупционным скандалам с конфессиональным оттенком, которые вызвали открытое недовольство населения, и особенно той его части, которая настаивает на ослаблении контроля над социально-политическом доступом, т.е. дальнейшей модернизации политической системы страны и ее демократизации.

Таким образом, в регионе Большого Ближнего Востока идет жесткое противостояние разных моделей политического устройства (эта дисперсия хорошо видна на объемно-плоскостной развертке гр. 2), причем общая составляющая вектора политической модернизации пока неоднозначна. В целом в регионе авторитарная и традиционалистская составляющие в политических режимах не склонны уменьшаться, хотя в принципе осовремениванию и демократизации нет реальной альтернативы, поскольку без них очень сложно, а с определенного момента и невозможно осуществить экономическую модернизацию, без которой маловероятно повышение мировой конкурентоспособности отстающих в развитии стран региона. Возможно, именно из-за противостояния разных моделей политического устройства регион пока и не может предложить решение проблем политической модернизации как части целостной модели интенсивного регионального социально-экономического развития при большей открытости социально-политического доступа.

В Восточной Азии, как видно из табл. 3 и гр. 1, 2, существует наименьшая поляризация моделей правления, что, по-видимому, способствует формированию компромисса различных политических сил по поводу общего вектора политической и экономической модернизации региона. Модернизация (т.е. приближение к современности) в регионе воспринимается не как вестернизация, т.е. неизбежность движения государственных образований только в сторону западной модели развития, а как особый путь развития, в ходе которого осуществляется синтез западного политического опыта (демократии), норм конституционного либерализма и автохтонной политической культуры во всем ее конкретном конфессиональном, страновом, региональном своеобразии («Вестминстерская» модель и кастовая система в Индии; буддийская государственность и демократия в Шри-Ланке; доминантная роль Либерально-демократической партии в Японии до потери власти ЛДП и прихода демократов; особая роль исламского конфессионального параметра в Малайзии и синкретической идеологии панчасила, ограничивающей ислам и обеспечивающей конфессиональный плюрализм при мягком доминировании ислама в Индонезии; формальные ограничения некоторых свобод и наличие доминантного харизматического политического лидера (ментора-наставника) в Сингапуре; китаизированный марксизм, внутрипартийная демократия, прямые выборы на низовом административном уровне, упор на законность и конфуцианскую этику в КНР). Подавляющее число политических режимов в этом макрорегионе — демократии, нестабильные демократии и конституционные монархии с демократическим режимом властвования, они и задают общий вектор регионального развития. Режимов с другим вектором политического развития — жестко авторитарным либо военным правлением — меньшинство (см. гр. 1, 2). Кроме того, народ в этих странах терпит определенные ограничения свобод (в целом тенденция к либерализации во всех этих странах несомненна) потому, что происходит постоянное повышение уровня жизни и осуществляется понятная модель развития. Именно поэтому с таким вниманием страны Восточной Азии отнеслись к военному перевороту в Таиланде, справедливо посчитав, что возвращение к практике вмешательства военных в политический процесс может вернуть соблазн использовать этот резервный метод для разрешения политического или экономического кризиса в тех странах, которые, казалось бы, отходят от применения на практике такой модели (Пакистан, Бангладеш, Мальдивы и др.), затормозить экономическое развитие и усугубить общую экономическую ситуацию.

Типы политического правления в процентном отношении к количеству государств

- военно-авторитарная республика/авторитарно-коммунистическая республика/авторитарная республика
- военная диктатура
- абсолютная монархия
- конституционная монархия
- демократия/либеральная демократия
- нестабильная демократия

График 2. Количественный анализ типов политического правления по регионам. Объемно-плоскостная развертка

В этом макрорегионе наибольшее количество незападных демократий (см. табл. 3), т.е. тех стран, которые сумели синтезировать демократические принципы и конституционный либерализм с особенностями своей политической культуры, включая специфику конфессиональной организации общества и, в некоторых странах, государства. Именно среди этих стран находятся те, которые показывают наиболее впечатляющий качественный региональный (и мировой) экономический рост (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), причем этот рост осуществляется не на основе насильственной мобилизационной модели развития, а на основе модернизации как особого, синтетического пути, незападного и немобилизационного, органического типа. Собственно говоря, только эти страны и смогли превратиться из развивающихся в развитые и догнали Запад фактически по всем параметрам, невзирая на свой географический или демографический размер, ресурсную обеспеченность и т.д., изменив экономическую и политическую карту

мира. Теперь, когда к такому типу развития присоединяется Китай, Восточная Азия начинает превращаться в центр мирового экономического роста XXI в.

Усиливающееся политическое значение гражданского общества во всем мире, и в Азии в частности, как института, способствующего формированию открытого социально-политического доступа и общественных сфер вне прямого контроля государства при сохранении политического порядка, способствовало пониманию гражданского общества как института широких демократических изменений и одновременно как посредника между обществом и государством, наличие которого является ключевым элементом политической легитимации правительств при различных политических режимах. Отсутствие влиятельного гражданского общества мешает проведению политических реформ и делает политическую модернизацию практически невозможной, что в настоящих условиях повсеместно начинает восприниматься как преграда повышению мировой конкурентоспособности национальных моделей правления: отсутствие гражданского общества или же репрессивные условия его существования не позволяют совершенствовать систему правления. Несмотря на отсутствие прямой связи между наличием гражданского общества и демократическими изменениями, политическая теория достаточно определенно свидетельствует, что в том случае, когда необходимость демократизации становится доминирующей темой общественного обсуждения, гражданское общество в целом начинает поддерживать такую повестку дня национальных преобразований, т.е. наличие гражданского общества является необходимым, но все же недостаточным условием демократических преобразований¹. В то же время усиливающееся гражданское общество самим фактом своего существования ограничивает сферы вмешательства государства в общественную жизнь необходимыми для его существования. Это не означает в то же время, что государство как институт уходит из всех сфер общественной жизни, что особенно хорошо видно на примере стран Востока, в которых наличествуют развитые гражданские общества. Важно отметить: гражданское общество и сильное государство не обязательно должны противостоять друг другу, они взаимодополняют друг друга и делают государство более устойчивым, обеспечивая необходимую легитимацию его жизненно важных институтов.

Модели взаимоотношений гражданского общества и государства на Востоке варьируются от гармоничной взаимодополняемости до

¹ Подробнее см.: Civil Society and Political Change in Asia. Expanding and Contracting Democratic Space / M. Alagappa (ed.). Stanford, 2004.

прямой враждебности в зависимости от типов политического режима, этапов социально-политического доступа, зрелости политической элиты и многих других конкретных условий. Однако, несмотря на то что сферы деятельности гражданского и политического общества взаимно перекрываются, наличие развитого гражданского общества в целом способствует формированию зрелого политического общества. Модели существования гражданского общества на Востоке различны. Например, на Ближнем Востоке гражданское общество в зависимости от влияния конфессионально-традиционалистских установок может развиваться только в рамках конфессиональных установлений или же допускать сферы его секуляризованного развития¹.

В Восточной Азии сосуществуют по крайней мере три модели взаимоотношений гражданского общества и государства: легитимное гражданское общество, контролируемое гражданское общество и ограниченное гражданское общество. Легитимное гражданское общество существует в Индонезии, на Филиппинах, Южной Корее, на Тайване, в Индии и Японии, однако даже в рамках этой единой модели наблюдается существенное разнообразие ее конкретной наполненности. Так в Индонезии гражданское общество находится в стадии трансформации, активного развития и способствует демократизации всего индонезийского общества в целом. На Филиппинах гражданское общество фрагментировано, что приводит к конкуренции моделей демократии, продвигаемых различными политическими партиями. В Южной Корее гражданское общество — основной двигатель демократизации, в то время как на Тайване гражданское общество оказалось одним из важнейших социальных институтов продвижения и, в конечном счете, закрепления модели национальной демократии. В Индии гражданское общество может как способствовать, так и препятствовать национальной демократической трансформации. В Японии гражданское общество не только полностью легитимно, но и расширяется, все больше напоминая его западные аналоги, особенно в той его части, которая инкорпорирует молодое поколение японцев.

Модель контролируемого гражданского общества Малайзии, Шри-Ланки и Сингапура также имеет свою специфику в каждой из упомянутых стран. В Малайзии гражданское общество является важным элементом строительства государства, но одновременно ограничивает сферы его гегемонии в обществе. В Шри-Ланке гражданское общество поощряет этноцентричность и способствует закреплению модели нелиберальной

¹ Подробнее см.: Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013.

демократии. В Сингапуре, где государство и доминантная партия поддерживают политический статус-кво в обществе, гражданское общество может быть как инструментом вовлечения в общественную и политическую жизнь «под зонтиком» доминантной партии, так и обеспечивать автономию его членов от влияния государственных институтов.

Наиболее жесткие модели существования гражданского общества существуют в Бирме, Пакистане и Китае, но и там в последнее десятилетие наблюдаются существенные изменения, поскольку способность гражданского общества легитимизировать политические режимы несомненна¹, а в мире в целом и на Востоке в частности наблюдается тенденция к насильственному низвержению народными массами неэффективных, несправедливых, малоконкурентных, несменяемых и нелегитимных политических режимов, и особенно расхитительного типа («оранжевая революция», «арабская весна»). И если в Бирме при правлении авторитарных военных режимов гражданское общество обеспечивало частичную автономию несогласным в рамках, в частности, религиозных организаций (Буддийские ассоциации, общество Сангхи), то другая его значительная часть находилась в прямой конфронтации с военным режимом (Всебирманский студенческий демократический фронт, зарубежные отделения бирманских ассоциаций и др.). В Пакистане гражданское общество долгое время находилось под контролем авторитарного государства, но в последнее время наметились новые тенденции, свидетельствующие о его значительной автономии и динамичном развитии. Гражданское общество в КНР, несмотря на все ограничения авторитарной модели правления, развивается очень динамично, и его вклад в укрепление модели эффективного правления становится очевидным даже для коммунистической политической элиты.

Таким образом, в целом во всех странах Азии, и особенно в ее восточной части, наблюдается динамичный рост организаций гражданского общества, хотя их количество и оказываемое ими влияние варьируется от страны к стране. В некоторых странах Востока, особенно с режимами жесткого авторитарного правления, политические элиты в целом относятся с недоверием к появлению организаций, сфера жизнедеятельности которых не контролируется государством. В этих государствах наблюдается тенденция к явному ограничению сферы жизнедеятельности гражданского общества, однако такие государства становятся все менее и менее конкурентными на международной арене, а их процветание ограничивается наличием высоколиквидных ресурсов,

¹ Белокреницкий В. Я. Становление и роль гражданского общества в Пакистане (дефиниции, тенденции и перспективы) // Сравнительная политика. 2013. № 1. С. 23–35.

в основном углеводородов. В государствах, которые пошли по пути повышения конкурентоспособности и трансформаций политических моделей правления, система взаимоотношений между государством, гражданским обществом и политическим сообществом была полностью переосмыслена и реконструирована на основе разных моделей взаимоотношений государства и общества в зависимости от типов политических режимов. В странах Восточной Азии наметились различные тенденции: в некоторых акцент был сделан не на институализацию гражданского общества, а на изменение характера государства под воздействием гражданского общества, в других произошла институализация гражданского общества, в третьих общество сконцентрировалось на формировании модели эффективного общественного правления, независимого от государства, но существенно дополняющего его в тех сферах, которые нуждались в улучшениях на негосударственной основе¹. Несмотря на отличие моделей, в целом выявилась достаточно явная тенденция взаимосвязи между наличием гражданского общества, активно влияющего на государственное управление, и конкурентностью государства. Сегодня говорить о конкурентности модели развития государства без наличия развитого гражданского общества как части механизма эффективного государственного и общественного правления становится невозможным, и восточноазиатская модель развития стала самым убедительным примером существования этой закономерности.

Китай все же пока представляет собой особый случай в регионе. Эта страна сохранила свою специфическую политическую культуру в виде китаизированного марксизма, к началу XXI в. синтезировав ее с некоторыми положениями трансформированной и модернизированной традиционной политической культуры конфуцианства (в частности, этические представления)².

На локальном (низовом, уездном и поселковом) уровне начат эксперимент с прямыми выборами, в то время как на верхнем введены элементы конституционного либерализма (верховенство закона, конституционное признание и судебная защита частной собственности, частично — разделение властей, частично и ограниченно — свобода слова и собраний). Такая модель «демократии участия» приблизила страну к модели нелиберальной и, одновременно, незападной демо-

¹ Civil Society and Political Change in Asia. Expanding and Contracting Democratic Space / Alagappa M. (ed.). Stanford, 2004.

² См.: *Воскресенский А. Д.* Большая Восточная Азия: Мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленанд, 2006; *Большая Восточная Азия: Мировая политика и региональные трансформации* / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2010.

кратии, обеспечила успех проведения экономической модернизации. В конечном счете судьба построения этой модели в Китае будет зависеть от успеха воплощения в жизнь провозглашенной концепции построения «гармоничного общества» (*хэсе шэжуэй*), в центр которой поставлен конкретный человек¹. Следует заметить, однако, что динамика поступательного характера «политического перехода» в указанном направлении будет зависеть от преемственности и реальной наполняемости курса политического руководства, которое пришло к власти в 2012 г.

Политическая и экономическая модернизация китайского общества, хотя и обладает некоторыми особенностями, в целом движется в русле мировых закономерностей, а национальная специфика КНР пока в целом не выходит за рамки регионального своеобразия. Это делает концепцию китайской модернизации и преобразования китайского общества понятной во всем мире, что позволяет смягчать внешние и внутренние противоречия и решать сложные вопросы внешней и внутренней политики, не вызывая большого противодействия или непонимания мирового сообщества.

Несмотря на превалирующие в исследовательской литературе и СМИ объяснения успеха реформ в КНР большей гибкостью экономического реформирования при сохранении политической стабильности, на самом деле реформирование предполагало и постепенную политическую модернизацию. Иными словами, успех реформ материкового Китая объясняется не отсутствием политической модернизации при реформах экономической сферы, а медленной, но в целом поступательной, хотя и достаточно осторожной, политической модернизацией китайского общества. При этом сохранение политической стабильности не означало поворота назад или же остановки в политической модернизации, а предусматривало эволюцию всех областей политической жизни при сохранении основы существующих политических механизмов. В то же время наличие однопартийной (точнее, полупарламентарной) системы в КНР требовало акцента прежде всего на достижении большей политической стабильности по сравнению с моделью единоличного авторитарного политического и экономического руководства периода правления Мао Цзэдуна.

За годы реформ в КНР был создан механизм ротации китайской элиты при сохранении гарантий преемственности. Этот механизм рота-

¹ Гоуцзянь шэжуэйчжуи хэсе шэжуэй вэньда (Замысел и построение гармоничного социалистического общества в вопросах и ответах). Пекин: Хунци чубаньшэ, 2005; Галенович Ю. М. Девиз Ху Цзиньтао: Социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. Интересно сравнить эту концепцию с идеей «сбережения народа», высказанной российскими мыслителями и политиками (А. Солженицын, В. Путин).

ции «с китайской спецификой» состоит из десятилетнего цикла с двумя пятилетними подциклами, в течение которых общая законодательная и исполнительная полнота власти осуществляется председателем КНР и Генеральным секретарем ЦК КПК, а также председателем Государственного совета (председателем правительства). Характер осуществления власти «внутри» этого цикла основывается на результатах прогнозирования партией вектора десятилетнего развития, внутрипартийной конкуренции, меритократии, коллективном руководстве в определенных областях и в определенные периоды и резервном механизме коллективного руководства при возникновении кризисных политических и экономических ситуаций.

Предпринятые меры модернизации политической системы КНР носят двоякий характер, а соответственно в сравнительной перспективе им может быть дана двоякая оценка. Некоторые аналитики считают, что на материковом Китае удалось построить модель политико-экономического управления, по крайней мере функционально альтернативную западной демократии. Однако таких оценок в целом в мире пока все же меньшинство. Другие аналитики считают, что это переходная модель управления, все еще далекая от устойчивости. В то же время устойчивость нынешней системы выше, чем системы единоличного авторитарного правления, «ручного руководства» и закрытого социально-политического доступа, подобной изначально существовавшей в КНР «советской системы», и поэтому китайцы планомерно «десоветизируют» (по выражению Ли Фэнлиня) свою политическую систему. В то же время «китайская материковая модель» в целом и в долгосрочной перспективе менее устойчива, чем система открытого социально-политического доступа в демократиях западного типа или же в демократиях с национальной спецификой, т.е. в национальных версиях демократии, одну из которых удалось построить на Тайване — островной части Китая. Легитимность материковой китайской модели политического и экономического управления обеспечивается главным образом высокими темпами экстенсивного экономического роста, строительством современной инфраструктуры «с нуля» и постоянным и постепенным на протяжении тридцати с лишним лет повышением благосостояния населения. Такая система устойчива в условиях постоянного экономического роста, а при его торможении или остановке, а также при увеличении внутриэлитных разногласий или расхождении мнений о путях развития страны сохранить систему и политический режим в неизменном виде может быть проблематичным. В то же время на протяжении последних десятилетий, несмотря на острые дискуссии и даже разногласия, в высшем партийном руководстве КНР возобладало мнение о продвижении и развитии эко-

номических мер и стимулов и дальнейшей политической модернизации, а не об усилении мобилизационных мер, «малых войн» по периметру страны и осуществлении «больших скачков» периода единоличного авторитарного управления. Особенно важным с этой точки зрения был XVIII съезд КПК, который подтвердил продолжение осуществления концепции «научного развития», включающего в том числе и поэтапную демократизацию китайского общества. Одновременно в КНР на центральном и локальном уровне были предприняты существенные усилия по повышению эффективности государственных органов. Была осуществлена постепенная эволюция выборных механизмов, прежде всего на локальном уровне, ориентированная в целом на повышение конкурентности в ходе выборов. Считается, что введение принципа выборной конкуренции затронуло только локальный уровень в ограниченных масштабах, однако в действительности введение этого принципа наблюдается также частично на центральном и общепартийном уровне. Введение принципа конкурентности и меритократии в КНР затронуло, прежде всего, систему внутрипартийного отбора кадров и также, прежде всего, на локальном уровне, однако впоследствии было распространено и на более высокие уровни руководства.

В ходе постепенных экономических и политических трансформаций за годы реформ в КНР возникло достаточно развитое, но своеобразное (с китайской спецификой) гражданское общество. Оно может развиваться в двух направлениях. Первое направление предусматривает увеличение контроля партии-государства над ассоциациями и институтами гражданского общества, препятствуя образованию внепартийных связей. Однако эта тенденция идет вразрез с процессами усложнения китайского социума, препятствует этой объективной общественной тенденции и в силу этого чревата повышением конфликтности, что достаточно хорошо осознается политическим руководством КНР. Постепенно усиливается другая вероятность: поэтапное развитие гражданского общества в сторону его большей зрелости и самостоятельности, при которой организации гражданского общества смогут превратиться в институты артикуляции и агрегации интересов различных социальных групп все более усложняющегося и стратифицирующегося китайского социума, что повышает устойчивость как политической системы в целом, так и конкретных политических режимов.

В то же время развитие гражданского общества уже не диктуется только лишь выбором вариантов политики государства и партии. В значительной степени оно начинает определяться своей собственной логикой и логикой интересов китайских граждан как таковых, так как

Глава 2. Общие закономерности, региональная специфика демократии на Востоке

за годы реформ была образована огромная сеть неправительственных организаций и профессиональных ассоциаций локального уровня, которые нацелены на соответствие, прежде всего, интересам китайских граждан, т.е. в первую очередь общественных, а потом и государственных интересов. Китайское общество становится все более сложным, а его потребности все более многообразными. Обеспечивать потребности этого нового этапа социального развития Китая может только дальнейшая модернизация системы политического и экономического управления, которую, судя по всему, можно ожидать к концу первого и во время второго срока руководства КНР новым китайским лидером Си Цзиньпином, т.е. когда он окончательно утвердится на политическом олимпе страны, а также тогда (и если) материковый Китай приблизится к статусу первой экономики мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированный конкретный региональный и страновой материал, структурированный в соответствии с концептуальными положениями, показывает, что именно регион Большая Восточная Азия является важнейшим мировым полигоном выработки модели политической модернизации, дающей удачный синтез демократических форм правления (определенной формы участия всего народа в управлении государством) и особенностей функционирования автохтонной политической культуры (общих закономерностей и региональной/цивилизационной специфики), результирующих, соответственно, в эффективных моделях впечатляющего экономического роста немобилизационного типа (Япония, Тайвань, Сингапур, Южная Корея, Индия, Китай). В отличие от стран Большого Ближнего Востока в Восточной Азии к концу XX в. (Сингапур, Малайзия, Тайвань, Южная Корея, Китай) опытным путем была найдена удачная сущностная форма экономической и ненасильственной политической модернизации, которая, законодательно отсекая неэффективные, нежизнеспособные и нерациональные компоненты политической системы, одновременно укрепляла и ускоряла процесс экономической модернизации: сначала создавая экономическую базу (с внешней помощью или с опорой на собственные силы в зависимости от конкретных условий страны) и законодательно вводя экономический либерализм, затем проводя все более широкое, но постепенное и одновременно жесткое, но рациональное законодательное введение норм и правоприменение конституционного либерализма, поощрение меритократии и формирование на этой основе эффективной бюрократии, далее осуществляя постепенную дальнейшую демократизацию в зависимости от способности политической культуры конкретного общества «переваривать» и осваивать политические изменения. Важно отметить, что во всех странах Восточной Азии, которые добились экономического процветания, формы и скорость осуществления этой модели были различными, но базисные параметры оставались неизменными. Исключения из этой модели касались только стран с импортированной моделью демократии (Индия, Япония), да и то детальный анализ японского и индийского опыта выхода на высокие темпы экономического роста скорее подтверждает, чем опровергает это положение.

Во всех этих странах политическая элита, осуществляющая преобразования, выдвигалась на основе принципов меритократии, т.е. административно продвигались по карьерной лестнице только образованные, эффективные и некоррупцированные управленцы, отстраивались прежде всего те политические институты, существование которых признавалось необходимым на основе международного опыта, но укоренение, успешное и эффективное функционирование которых было возможно в конкретных условиях этих стран. При этом политическая элита отстраивала прежде всего эффективные и в целом справедливые политико-экономические системы (Сингапур, Тайвань), где стало выгодно преуспевание без коррупции и кумовства, что получало одобрение и поддержку народа, а некоторые страны по мере роста эффективности постоянно и целенаправленно, но также в зависимости от конкретных условий расширяли формы и степень участия всего народа в управлении государством и степень демократичности политической системы вплоть до возможности легального перехода власти к оппозиционной партии (если она представляла детально проработанную программу, получающую одобрение через выборы большинством населения) и добровольного возвращения власти новому победителю на следующих выборах в случае поражения (Индия, Республика Корея, Тайвань, Япония). Введение такой системы уменьшало вероятность народных восстаний, высвобождало естественную активность населения, делало ее выгодной, в результате чего народ становился «агентом модернизации», так как осовременивание приводило к реальному улучшению жизни людей. При этом в странах, где сложилась система доминантной партии, эта партия заключала своеобразный «социальный договор» с населением и политическими элитами: ее доминирование на определенное время в политико-экономической сфере компенсировалось форсированным созданием эффективной бюрократии, введением жесткой системы ротации политической элиты, созданием экономических и неэкономических стимулов для эффективного политического и экономического менеджмента государственных организаций, избавлением от коррупции, созданием «прозрачного» правового государства, жесткой правовой либерализацией экономической системы, повышением жизненного уровня всего населения при рациональной имущественной дифференциации, стимулирующей модернизацию всей страны.

При осуществлении такой модели не нужно было специально «мобилизовывать» население, принуждать кого-либо к модернизации. Понимая, что проводимые реформы экономически освобождают людей, повышают степень их свободы, прежде всего — экономической, и,

в конечном счете, улучшают жизнь за обозримый период жизни одного поколения (примерно 15–25 лет), а не ради абстрактного будущего, население этих стран просто высвобожденной экономической активностью в рамках рационального курса модернизации сделало такую модель успешной.

Доминантная партия, и в особенности ее харизматические лидеры, и в этом было их историческое значение, выступали гарантами справедливости выборов и рациональности принимаемых политических и экономических решений, отсекая нерациональных или лоббируемых узкоклановых решений, жестко, но в целом доброжелательно обеспечивали постепенное вызревание элементов многопартийности путем острой фракционной борьбы внутри партии и «отпочкования» в определенный момент новых политических партий, включая даже партии оппозиционного толка, которые начинали бороться за голоса избирателей, но при этом не подрывали фундаментальных правил состязательности, признания очевидности поражения на свободных и справедливых выборах и передачи власти победителю в случае своего поражения. В случае же опасений по поводу возможности подрыва фундаментальных правил состязательности доминантной либо оппозиционной партией или экстремистски настроенными группами в качестве гаранта выступало государство в лице его специализированных институтов и резервных механизмов защиты конституционного строя.

Важно отметить, что харизматические лидеры типа Дэн Сяопина и Ли Куан Ю сами достаточно долго оставались у власти при молчаливой красноречивой поддержке большинства населения без исключительной опоры на военизированные структуры только потому, что гарантировали непреклонность осуществления принципа определенной конституцией и законами ротации властных элит и бюрократии, обеспечивающей периодическую (без превышения пятилетнего срока) сменяемость этих структур, а значит, непрерывное повышение конкурентоспособности национального государства.

Такой тип политической модернизации условно можно назвать консервативным, точнее, либерально-консервативным: составное название подчеркивает, что в этой модели базовые характеристики консерватизма (консерватизм в целом ориентирован на сохранение социального статус-кво и стабильность) ограничены наличием пусть и незрелой, но постоянно совершенствуемой системой, обеспечивающей поддержание политического порядка при реализации открытого доступа через политическую конкуренцию и выборы, или же конкурентным авторитаризмом конкретного политического лидера при на-

личии совершенствуемой системы перехода к открытому доступу таким образом, что поддержание стабильности и политического порядка не мешает внутреннему и внешнему развитию общества, т.е. нацелено на внутреннюю доброжелательную и ненасильственную консолидацию общества, включая консервативно-прогрессивистские (просвещенный консерватизм) и либерально-национальные (либеральный национализм) социальные сегменты и страты, за исключением не только либерально-радикального и анархистского, но и радикально-консервативного, консервативно-традиционалистского, крайне правого и крайне левого сегментов общества, деконструктивного национализма, клерикального консерватизма, brutального и непросвещенного авторитаризма (*sotto governo*). При этом отсутствие властного сочувствия и властной административной и финансовой поддержки крайне правым и крайне левым сегментам общества объясняется их нацеленностью на идеологическое стимулирование гражданского противостояния, невозможностью предложить консенсусные пути развития страны на основе проверенных мировым развитием закономерностей и вариантов политик, но насильственно пресекается только в случае прямого нарушения закона. Такая модель модернизации на Востоке первоначально опиралась на достаточно узкий сегмент политической поддержки трех институтов (армейские круги, спецслужбы или доминантная партия) в различном сочетании в зависимости от условий конкретной страны, из которых только преимущественная опора на доминантную партию и позволяет в конечном счете расширять народное участие в управлении страной и добиваться впечатляющих темпов экономического развития. Этот тип политической модернизации в Восточной Азии не консервировал традиционные, консервативные, мешающие развитию сегменты общества, а обеспечивал ту необходимую степень политической стабильности, которая позволяла обществу (Тайвань, Южная Корея, Сингапур) стремительно развиваться, прежде всего — экономически на основе модели авторитарно контролируемого экономического либерализма, позволяющего сохранять политическую стабильность при быстром развитии. При этом наличие харизматического лидера, сохраняющего власть в течение долгого времени с опорой на доминантную партию (к примеру, Чан Кай-ши и Гомиьндан, Ли Куан Ю и Партия народного действия, Дэн Сяопин и КПК), позволяет осуществлять такой тип модернизации достаточно долго, но все равно рано или поздно делает неизбежной либерализацию политической системы как ответ на необходимость повышения общей конкурентоспособности трансформируемого национального государства. Начиная с 1978 г. Китай также вступил на этот путь, но масштабы

Заключение

страны, количество населения, специфика формирования политической элиты внутри КНР (наличие левоконсервативной и леворадикальной оппозиции внутри государства и партии, не сломленной даже всеочевидностью провала «большого скачка» и «великой пролетарской культурной революции», нередкая неоднозначность позиции армии и спецслужб, бюрократизация и коррумпированность доминантной партии) делают путь перехода от экономической либерализации к политическому трансформированию более сложным, неоднозначным и трудным, чем в Японии, на Тайване или в Сингапуре. В то же время Китай уже построил механизм гарантированной ротации высшего руководства, успешно осуществляет поиск все более эффективного государства, сформировал гражданское общество с «китайской спецификой» и постепенно, но в целом неуклонно движется дальше по пути осовременивания всех сторон жизни страны.

Изучение с точки зрения политической теории формирования специфики модели «незападной демократии азиатского типа», т.е. национальной конституционно-либеральной демократии (Япония, Тайвань, Сингапур, Индия, Малайзия, Шри-Ланка), а также моделей эволюционной трансформации нелиберальных демократий (авторитарных республик либо конституционных монархий, к примеру, Таиланд) и «демократий участия» (плебисцитарных демократий — Китай) в незападные демократии, возможно, даст ключ к нахождению путей формирования такой модели и в других странах (в частности, в России). Естественно, что в других странах баланс факторов, составляющих существо этой модели, будет, скорее всего, отличным от наблюдаемых в Японии, Сингапуре, Индии, на Тайване, в Китае и других странах, подобно тому как соотношение факторов является различным и в самих этих странах по сравнению друг с другом.

Литература

- Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Под ред. В. Г. Хороса. М., 1996.
- Акаев А.* Открытый разговор. М., 1998.
- Алаев Л. Б., Зубов А. Б.* Доминантно-партийная система и личностные ориентации индийских избирателей // Политические отношения на Востоке: Общее и особенное. М., 1990. С. 97–110.
- Александров И. А.* Монархии Персидского Залива: Этап модернизации. М., 2000.
- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002.
- Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М., 2007. Вып. 6.
- Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
- Африка: Клань, классы, общество. Социальные мутации на исходе XX века. М., 1994.
- Африка: Особенности политической культуры. М., 1999.
- Ахмедов В.* Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. М., 2006.
- Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. М., 1925.
- Баянов Б., Шариф М.* Государственный строй КНДР. М., 1957.
- Бектимирова Н. Н.* Альтернативные пути демократизации: На примере Камбоджи и Таиланда / Н. Н. Бектимирова, В. А. Дольникова. М.: Ленанд, 2009.
- Белокреницкий В. Я.* Восток на рубеже веков — некоторые итоги и перспективы развития // Восток. 2001. № 5. С. 66–88.
- Белокреницкий В. Я.* Ислам и власть, опыт Пакистана // Ислам и ислаимзм. М., 1999. С. 159–178.
- Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р.* Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М., 2013.
- Бергстен Ф., Гилл Б., Ларди Н., Митчелл Д.* Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве. М., 2007.
- Борисов А. В.* Арабский мир: Прошлое и настоящее. М., 2002.
- Босин Ю. В.* Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М., 2002.
- Бушков В. И., Миккульский Д. В.* «Таджикская революция» и гражданская война (1989–1994). М., 1995.
- Васильев Л. С.* История Востока. М., 1998. Т. 1, 2.
- Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И.* Двудекий Янус умеренного исламизма. Постреволюционная политическая борьба в Тунисе и Египте. М., 2013.
- Видясова М. Ф., Орлов В. В.* Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008.
- Виноградов А. В.* Китайская модель модернизации: Поиски новой идентичности. М., 2005.
- Володин А. Г.* Современные теории модернизации: Кризис парадигмы // Политическая наука. 2003. № 2. С. 8–29.
- Воробьев В. П.* Государство Израиль: Правовые основы возникновения и статус личности. М., 2001.
- Воскресенский А. Д.* «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и энергетическая безопасность. М., 2006.
- Воскресенский А. Д.* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимодействий. М.: Восток—Запад, 2004.
- Воскресенский А. Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007.
- Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2002.

Восточный мир: Опыты общественной трансформации / Под ред. М. С. Мейера, А. М. Петрова. М., 2001.

Все, что вы хотели знать о КПК / Под ред. Тан Сяоцзюя. Пекин: Central Party Literature Press; China Intercontinental Press, 2012.

Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории. М., 2005.

Галенович Ю. М. Девиз Ху Цзиньтао: Социальная гармония в Китае. М., 2006.

Геллнер Э. Условие свободы. М., 1995.

Гельбрас В. Г. Социально-политическая структура КНР (50–60-е годы). М., 1980.

Герман Т. Выборы и поведение избирателей. Тель-Авив, 2000.

Глобализация и регионализация: Факторы формирования геополитического пространства. М., 2006.

Годы, которые изменили Центральную Азию / Рук. проекта: П. Линке и В. В. Наумкин; отв. ред. И. Д. Звягельская. М.: ЦСПИ, 2009.

Гражданское законодательство КНР (Сборник нормативных актов). М., 1997.

Гудошиков Л., Кокарев К. Политическая система Тайваня. М., 1999.

Гуревич Э. М. Сингапур: Идеология успеха. Юго-Восточная Азия: Идеология и религия. М., 2001.

Гуреева Н. П., Денисов В. И. КНДР. Основы государственного строя. М., 1983.

Гучетль Г. И. Демократизация в арабском мире: Опыт Туниса и Сирии. М., 1999.

Дайт Т., Зиглер Л. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. М., 1984.

Даль Р. Введение в экономическую демократию. М., 1991.

Даль Р. О демократии. М., 2000.

Даль Р. Демократия и ее критики. М., 2003.

Девяткина Т. Ф. Индийский национальный конгресс (1947–1964). М., 1970.

Девять комментариев о коммунистической партии. М., 2007.

Делосин Л. П. Политическая реформа и проблема демократии в Китае. М., 1993.

Демократия в российском зеркале. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2013.

Дербишайр Дж., Дербишайр Я. Политические системы мира. М., 2004.

Другов А. Ю. Индонезия в 2001 году. Юго-Восточная Азия в 2001 году. Актуальные проблемы развития. М., 2002.

Дружиловский С. Б. Исламская Республика Иран на рубеже 80–90-х годов. М., 1994.

Дружиловский С. Б. Турецкая Республика в 80–90-е годы. М., 1998.

Духовная культура Китая. Энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. М., 2006–2009.

Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. М., 1997.

Егоров К. Л. Представительная система Китая: История и современность. М., 1998.

Еремин В. Н. Политическая система современного японского общества. 2-е изд. М., 1993.

Ефимова Л. М. Религиозные традиции в политической жизни современной Индонезии (1965–1992). М., 1992.

Жебин А. З. Особенности современного политического режима в КНДР // Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. М., 1997. Ч. I.

Жуков С. В., Резникова О. Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001.

Закария Ф. Будущее свободы: Нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.

Зарин В. А. Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв. М., 1991.

Захожая А. Н. Бангладеш: Становление и развитие государственности. М., 1984.

Звягельская И. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М., 2009.

Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко А. В. Государство Израиль. М., 2005.

Звягельская И. Д., Наумкин В. В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда (Центральная Азия и Закавказье). М., 1999.

Зисерман-Бродская Д. Верховный суд Израиля и публичная дискуссия о его функциях. Иерусалим, 2000.

Зубов А. Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990.

Иванов П. М. Малые партии Китая в борьбе за демократию (1928–1947 гг.). М., 1999.

Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. М., 2011.

Интервью первого вице-премьера правительства России Д. А. Медведева главному редактору журнала «Эксперт» В. А. Фадееву // Эксперт. 2006. № 28; электронная версия см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://expert.ru/printissues/expert/2006/28/interview_medvedev/print/.

Иран: Ислам и власть / Под ред. Н. М. Мамедовой. М., 2001.

Иргебаев А. Т., Осипов В. И. Южная Корея. М., 1990.

Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии) / Под ред. В. Я. Белокреницкого, А. З. Егорова. М., 2001.

Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология политической мысли. М., 1997. Т. 2.

История Афганистана / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1982.

История Востока. М., 1999–2008. Т. 1–5.

Казахстан: Реалии и перспективы независимого развития / Под общ. ред. Е. М. Кожокина. М., 1998.

Каминский С. А. Институт монархии в странах Арабского Востока. М., 1981.

Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. М., 1998.

Карасова Т. А. Политическая история Израиля. М., 2009.

Каримов И. Стабильность и реформы. Статьи и выступления. М., 1996.

Каримова А. Региональное пространство в политической организации мира. М., 2006.

Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65. Категории политической науки / Автор концепции и руководитель авторского коллектива А. Ю. Мельвиль. М., 2002.

Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2001.

Кокарев К. А. Политический режим и модернизация Китая. М., 2004.

Кокошин А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2005.

Комар В. И. Северная Африка: Национальные модели политической культуры. М., 1997.

Конституции и основные законодательные акты КНДР. М., 1952.

Конституции социалистических государств. М., 1987.

Конституция Китайской Республики (1947). Тайбэй, 1998.

Конституция КНР // Конституции социалистических государств. М., 1987. Т. 1.

Конституция Республики Корея // Корея: Справочник. Сеул, 1993.

Концепции и определения демократии: Антология / Ред.-сост. А. В. Фененко. М., 2006.

Козн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.

Ланда Р. Г. Политический ислам: Предварительные итоги. М., 2005.

Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. М., 2001.

Лейтхарт А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. М., 1997.

Ли Дэнхуэй. Позиция Тайваня. М., 2000.

Ли Куан Ю. Сингапурская история: Из «третьего мира — в первый». М., 2005.

Мазырин В. М. Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986–2006 гг.): Направления, динамика, результаты. М., 2007.

- Мансуров Т. А.* Казахстан и Россия. Суверенизация. Интеграция. Опыт стратегического партнерства. М., 1997.
- Мао Цзэдун.* Избр. произв.: В 4 т. М., 1952.
- Махатхир М.* От имени своего народа. М., 1998.
- Мелкумян Е. С.* Политические реформы в арабских странах: Принципы и ценностные ориентации // Восток. 2006. № 6. С. 117–122.
- Мельвиль А. Ю.* Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. М., 1999.
- Мельвиль А. Ю.* Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999.
- Мельвиль А. Ю.* От метафоры к объяснительной модели: «Волны демократизации» и «воронка причинности». М., 2002.
- Мельвиль А. Ю.* Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации. М., 2004.
- Мельянцева В. А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: Экономика, история, современность. М., 1996.
- Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2014.
- Могилевский В. Д.* Методология систем: Вербальный подход. М., 1999.
- Мусульманские страны у границ СНГ / Под ред. В. Я. Белокреницкого, А. З. Егорова. М., 2001.
- Надилов Ш. Г. Ю.* Цеденбал: Страницы политической биографии. М., 1997.
- Наумкин В. В.* Ближний Восток в мировой политике и культуре. М., 2011.
- Нойбергер Б.* Истоки израильской демократии и этапы ее развития. Тель-Авив, 1998.
- Нойбергер Б.* Проблема конституции в Израиле. Тель-Авив, 1998.
- Общество и политика современного Израиля / Под ред. А. Эпштейна, А. Федорченко. М.; Иерусалим, 2002.
- Пай Л.* Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. С. 66–86.
- Панарин А. С.* Политология: Западная и восточная традиции. М., 2000.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997.
- Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. М., 1996.
- Переломов Л. С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007.
- Пластун В.* Пуштуны и их роль в политической жизни // Азия и Африка сегодня. 1995. № 10. С. 49–50.
- Плешов О. В.* Ислам и демократия: Опыт Пакистана. М., 1997.
- Плотинский Ю. М.* Модели социальных процессов. М., 2001.
- Политическая культура и деловая этика стран Востока. М., 2006.
- Политическая наука в России / Отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М., 2000.
- Политическая наука: Новые направления. М., 1999.
- Политическая система КНР: 100 вопросов и ответов / Пер. с кит. М., 1990.
- Политические партии современной Африки. М., 1998.
- Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: В 4 т. / Гл. ред. А. В. Торкунов. М., 2009–2014.
- Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2006.
- Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. 2-е изд., расшир., испр. и доп. М., 2007.
- Политические системы и политические режимы в Китае XX в. М., 2007.
- Политический процесс: Основные процессы и способы анализа / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М., 2001.
- Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2014.
- Приоритеты казахской дипломатии на рубеже веков / Под общ. ред. Е. А. Идрисова. М., 2000.
- Пучков В. П.* Политическое развитие Бангладеш. 1971–1985. М., 1986.

- Пшеворски А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000.
- Рейснер И. М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.
- Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
- Россия и Монголия: Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М., 2001.
- Роузфилд С.* Сравнительная экономика стран мира. М., 2004.
- Роцин С. К.* Политические процессы в Монголии в 20–40-е годы XX в. М., 2000.
- Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- Сапронова М. А.* Арабский Восток: Власть и конституции. М., 2001.
- Сапронова М. А.* Политический процесс в арабских странах. М., 2008.
- Сафронова А. Л.* Буддизм в историко-культурной традиции Шри-Ланки. М., 2005.
- Симония Н. А.* Современный этап общественной трансформации стран Востока // «Геном» Востока: Опыт и междисциплинарные возможности. Материалы к научной конференции Института мировой экономики и международных отношений РАН и Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 12–14 апреля 2004 г.). М., 2004.
- Смирнов Д. А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: От Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М., 2006.
- Сморгунов Л. В.* Современная сравнительная политология. М., 2002.
- Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М., 1997.
- Современные концепции политического развития Индии. М., 1983.
- Соловьев А. И.* Политология. М., 2001.
- Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: 1998.
- Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М., 1999.
- Спенсер Г.* Личность и государство. СПб., 1908.
- Степанова Г. А.* Система многопартийного сотрудничества в КНР. М., 1999.
- Стрельцов Д. В.* Современный японский парламент. М., 1994.
- Сумский В. В.* Фиеста Филиппина: Реформы, революция и активное ненасилие в развивающемся обществе: В 2 кн. М., 2003.
- Сурков В.* Основные тенденции и перспективы развития современной России. М., 2006.
- Сюкяйнен Л. Р.* Мусульманское право (вопросы теории и практики). М., 1986.
- Сюкяйнен Л. Р.* На западный лад с исламским акцентом: Политико-правовая система ряда мусульманских стран готова к последовательному реформированию // НГ-религии (приложение к «Независимой газете»). 2007. 15 янв. С. 4.
- Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР. М., 1994.
- Тропическая Африка: От авторитаризма к политическому плюрализму. М., 1996.
- Тросби Д.* Экономика и культура. М., 2013.
- Узбекистан: Обретение нового облика / Под общ. ред. Е. М. Кожокина. М., 1998.
- Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. М., 2000.
- Франк С.Л.* Духовные основы общества. М., 1992.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 2014.
- Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб., 2004.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр., сост., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М., 1996.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб., 1994.
- Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.
- Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX в. М., 2003.
- Хатами М.* Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001.
- Хачим Ф. И.* Конституционное право стран Ближнего Востока. М., 2001.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрею Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М., 2004.

Центральная Азия: Пути интеграции в мировое сообщество. М., 1995.

Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. М., 2002.

Цзян Цзэминь. Реформа, развитие, стабильность. М., 2002.

Цыганков А. П. Современные политические режимы — структуры, типология, динамика. М., 1995.

Шарма М. П. Государственный строй Индийской Республики. М., 1958.

Шерковина Р. И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане. М., 1983.

Шинкарев Л. И. Монголы: Традиции, реальности, надежды. М., 1981.

Шифф М., Уинтерс Л. Региональная интеграция и развитие. М., 2005.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного / Под ред. Р. Л. Рейснера, Н. А. Симони. М., 1984.

Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М., 1999.

Эволюция политических структур // Современная Африка: Итоги и перспективы развития / Под ред. А. М. Васильева. М., 1990.

Йизенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000.

Энциклопедия Пакистана / Ред. Ю. В. Ганковский. М., 1998.

Этносы и конфессии на Востоке: Конфликты и взаимодействие / Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2003.

Япония 2000: Консерватизм и традиционализм. М., 2000.

Яскина Г. С. Монголия: Смена модели развития. Политические и экономические реформы. М., 1994.

After Empire: The Emerging Geopolitics of Central Asia / Ed. by J. C. Snyder. Wash., 1995.

Ahmed A. S. Jinnah, Pakistan and Islamic Identity. L., 1997.

Akbar S. A. Pukhtun Economy and Society. Traditional Structure and Economic Development in a Tribal Society. L., 1980.

Alagappa M. (ed.) Civil Society and Political Change in Asia. Expanding and Contracting Democratic Space. Stanford, 2004.

Almond G., Verba S. (eds.) The Civic Culture Revisited. Boston, 1980.

Almond G., Verba S. The Civic Culture. Boston, 1965.

Arabia Vitalis. Арабский Восток, ислам, древняя Аравия. М., 2005.

Arato A. Civil Society, Constitution, and Legitimacy. Lanham, Md., 2000.

Barro R. J. Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Survey. Boston, 1997.

Bose S., Jalal A. Modern South Asia: History, Culture, Political Economy. L.; N.Y., 1998.

Brown J. M. Modern India // The Origins of an Asian Democracy. Oxford, 1994.

Buzan B., Woewer O. Regions and Powers. Cambridge, 2003.

Central Asia and the World: Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, and Turkmenistan / Ed. by M. Mandelbaum. N.Y., 1994.

Central Asia. Conflict, Resolution, and Change / Ed. by R. Z. Sagdeev and S. Eisenhower. Washington, 1995.

Chilcote R. H. Theories of Comparative Politics. The Search of a Paradigm Reconsidered. Boulder, 1994.

Clark W. R., Golder M., Golder S. N. Principles of Comparative Politics. Washington, 2009.

Culture Matters. How Values Shape Human Progress / Ed. by Lawrence E. Harrison & Samuel P. Huntington. N.Y., 2000.

- De Bary W. M. T.* Asian Values and Human Rights. A Confusian Communitarian Perspective. Harvard, 2000.
- Dreyer J. T.* China's Political System. Modernization and Tradition. N.Y., 2010.
- Esposito J. L.* Islam: The Straight Path. N.Y., Oxford, 1998.
- Ethnic Challenges Beyond Borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum / Ed. by Yongjin Zhang and Rouben Azizian. Oxford, 1998.
- Fergusson N.* Civilization: The West and the Rest. N.Y., 2011.
- Florini A., Lai Hairong, Tan Yeling.* China Experiments: From Local Innovations to National Reform. Washington, 2012.
- Gellner E.* Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals. N.Y., 1994.
- Hay C.* Political Analysis. A Critical Introduction. N.Y., 2002.
- Hague R., Harrop M. Comparative Government and Politics. N.Y., 2010.
- Hefner R. W.* Civil Islam: Muslims and Democratization in Indonesia. Princeton, 2000.
- Held D.* Models of Democracy. Stanford, 1987.
- How East Asians View Democracy / Ed. by Yun-han Chu, L. Diamond, A. J. Nathan, Doh Chull Shin. N.Y., 2010.
- Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.
- Huntington S.* The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century. Norman, 1991.
- Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997.
- Islam and Resistance in Afghanistan. Cambridge, 1986.
- Jalal A.* Democracy and Authoritarianism in South Asia. Cambridge, 1995.
- Kim S. S.* The North Korean System in the Post-CoW War Era. N.Y., 2001.
- Landes D.* The Wealth and Poverty of Nations. L., 1998.
- Liu Jiangfei. Democracy and China. Beijing, 2011.
- Mahbubani K.* Can Asians Think? Understanding the Divide Between East and West. Singapore, 1998.
- Morris I.* Why the West Rules — For Now. The Patterns of History and What they Reveal about the Future. N.Y., 2010.
- New Europe. Report for Transformation. XVI Economic Forum. Krynica, Poland. September 6–9, 2006. Warsaw, 2006.
- O'Neil P. H.* Essentials of Comparative Politics. N.Y., 2010.
- O'Neil P. H., Fields K., Share D.* Cases in Comparative Politics. N.Y., 2010.
- Pakistan Founder's Aspirations and Today's Realities / Ed. by H. Malik. Karachi, 2001.
- Park Han S.* North Korea. The Politics of Unconventional Wisdom. L., 2002.
- Parsons T., Shils E.* (eds.) Toward a General Theory of Action. Cambridge, MA, 1951.
- Parthasarathi P.* Why Europe Grew Rich and Asia Did Not. Global Economic Divergence, 1600–1850. N.Y., 2011.
- Payne A.* The Global Politics of Unequal Development. N.Y., 2005.
- Peters B. G.* Comparative Politics. Theory and Methods. N.Y., 1998.
- Political Geography. A Reader / Ed. by J. Agnew. L., 1997.
- Polterovich V., Popov V.* Democracy and Growth Reconsidered: Why Economic Performance of New Democracies is Not Encouraging // Paper Presented at GDN 6th Annual Conference. Dakar, 2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nes.ru/~vpopov/documents/Democracy-GDN2005%20Dakar>. Pdf.
- Pomeranz K.* The Great Divergence. China, Europe and the Making of the Modern World Economy. Princeton & Oxford, 2000.
- Przeworski A. et al.* Democracy and Development: Political Institutions and Material Well-Being in the World, 1950–1990. Cambridge, MA, 2000.
- Pye L., Pye M.* Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics. Cambridge, 1985.
- Rajael F.* Islamism and Modernization: The Changing Discourse in Iran. Austin, 2007.
- Rawls J.* A Theory of Justice. Cambridge, 1971.

Renovation of Mongolia on the Eve of XXI Century and Future Development Patterns Ulaanbaator, 2000.

Roskin M. D., Medeiros J. A., Jones W. S. Political Science. An Introduction. Englewood Cliffs, 1988.

Saifuddin A. The Roles of Religion and National Identity in Bangladesh. Abo, 2000.

Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatam; N.Y., 1987.

Seligman A. B. The Idea of Civil Society. N.Y., 1992.

Sen A. Human Rights and Asian Values: What Lee Kuan You and Li Peng Don't Understand About Asia // The New Republic. 1997. July 14. Vol. 217. No 2–3.

Taiwan Yearbook. 2006. Taipei, 2006.

The Singapore Story. Memoirs of Lee Kuan Yew. Singapore, 1998.

The Survival of North Korea. Essays on Strategy, Economics and International Relations / Ed. by Suk Hi Kim, T. Roehrig, B. Seliger. L., 2011.

Thompson M., Ellis R., Wildavsky A. Cultural Theory. Boulder; Colorado: Westview, 1990.

Weber M. Economy and Society. Berkeley, CA, 1978.

Wilson F. L. Concepts and Issues in Comparative Politics. An Introduction of Comparative Analysis. Upper Saddle River, 1996.

Wittfogel K. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.

Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.Y., 2003.

Zhang Baijia. The Communist Party of China and China's Development. Beijing, 2012.

Гоуцзянь шэхуэйчжу хэсэ шэхуэй вэньда (Замысел и построение гармоничного социалистического общества в вопросах и ответах). Пекин: Хунци чубаньшэ, 2005.

Ли Гуаньяо (Ли Куан Ю). Хуэйьи Лу. 1923–1965. (Воспоминания. 1923–1965). Тайбэй, 1998.

Лю Минфу. Чжунго мэн. Чжунгоды мубяо, даолу цзи синьли (Китайская мечта. Цель Китая, его путь и сила веры). Пекин, 2013.

Сяо Хуаньжун. Дицюй чжуи: лилуньды лиши яньцзянь (Регионализм: историческая эволюция теорий). Пекин, 2003.

Чжунго мэн. Сюэси фудао байвэнь. (Китайская мечта. Сто вопросов для изучения и руководства). Пекин, 2013.

Чжунго чжэнчжи чжиду ши (История политических режимов Китая) / Под ред. Бай Гана. Тяньцзинь, 2002.

Чжунго чжэнчжи чжиду ши (История политических режимов Китая). Т. 1–2 / Под ред. Вэй Цинюаня и Бай Хуа. Пекин, 2005.

Учебное издание

ВОСТОК И ПОЛИТИКА

**Политические системы, политические культуры,
политические процессы**

Учебник

Подписано к печати 3.12.2014. Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 39,0. Тираж 800 экз. Заказ №

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.

E-mail: info@aspectpress.ru;

www.aspectpress.ru. Тел.: 8(495) 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»

ОАО «Первая Образцовая типография»

142300, Чехов, ул. Полиграфистов, 1. Тел.: (495) 988-63-76